

ДЕТИ-ГЕРОИ

ДЕТИ-ГЕРОИ

1 р. 50 к.

БУДЬ ГОТОВ!

**К БОРЬБЕ
ЗА ДЕЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!**

ДЕТИ-

Издание третье

Составители:
И. К. Гончаренко, Н. В. Махлин

Художники:
А. О. Горобиевская,
А. В. Жуковский, В. И. Зарецкий,
Е. Е. Котляр, И. Д. Прокопенко

ГЕРОЙ

КИЕВ

•РАДЯНСЬКА ШКОЛА•

1986

Дети-герои/Сост.: И. К. Гончаренко, Н. В. Махлин.—3-е изд.—К.: Рад. шк., 1986.—608 с., ил.—1 р. 50 к. 400 000 экз.

В настоящем сборнике нет выдуманных событий и выдуманных героев. Каждый мальчик и девочка, о которых повествует книга, действительно жили или живут среди нас. Они прославились бессмертными героическими подвигами во имя Родины в незабываемые годы вооруженной борьбы за власть Советов, в грозные дни Великой Отечественной войны или на мирных фронтах борьбы нашего народа за построение коммунизма.

Первое издание вышло в 1984 году.

Рукопись рецензировали кандидат исторических наук В. А. Горбик, инструктор ЦК ЛКСМУ Т. В. Дятлова

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза

ЭСТАФЕТА ПИОНЕРСКОГО ПОДВИГА

С большим душевным волнением закончил я чтение нового издания книги «Дети-герои», посвященной 40-летию выдающейся победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, и хочу поделиться с юным читателем мыслями, навеянными ее содержанием.

Подумать только, какое огромное счастье выпало живущим сейчас поколениям — четыре десятилетия мирной жизни, труда, возрождения и могучего расцвета нашей Родины! Советские люди под руководством Коммунистической партии завоевали это счастье и на полях сражений, и в мирном труде.

«Дети-герои» — само название книги говорит о многом. Это страницы истории родной страны от Октября до наших дней.

Юные ленинцы всегда принимали деятельное участие и в больших, и в малых делах нашего народа. Самыми памятными вехами на этом пути были Октябрьская революция, гражданская и Отечественная войны, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, мирное социалистическое строительство в послевоенные годы. И на каждом этапе рождались герои. О них, реально существовавших, о невыдуманных событиях их жизни рассказывают страницы этой книги.

Героическую историю нашей Отчизны, биографии мальчиков и девочек в красных галстуках, многие из которых отдали свою жизнь за мирное, счастливое детство их нынешних ровесников, должен знать каждый из вас.

Оглядываясь сегодня на свой личный жизненный путь, я понимаю, что для меня примером служили поступки людей мужественных, смелых, умевших без страха глядеть смерти в глаза. Это были те люди, кто жил, работал, боролся по-партийному, по-ленински. Именно в их среде у меня и моих сверстников формировались высокие нравственные позиции, прежде всего любовь и уважение к труду.

Я, как и многие участники гражданской войны, сменил форму красноармейца-конника на рабочую спецовку, стал строителем, прокладывавал тоннели. После нелегких трудовых смен садились за парты и, выполняя один из важнейших ленинских

заветов, учились коммунизму. Впоследствии, когда партия доверяла мне высокие партийные и государственные посты, я старался прививать любовь и уважение к труду людям, с которыми приходилось работать.

Мы, люди старшего поколения, возвратясь с гражданской войны, без передышки начали строить новое социалистическое общество. С нами рядом подрастало юное поколение. И когда пробил час тревоги, когда над Родиной нависли злобешние тучи фашизма, мы, отложив свои трудовые дела, поднялись с оружием в руках, чтобы отстоять завоевания Октября. Дети мирного, трудового народа встали со взрослыми плечом к плечу и взяли в руки оружие.

Патриотический порыв детей был так высок, что вопреки всем протестам взрослых, пытавшихся оградить их от опасности, они всякими правдами и неправдами присоединялись к воинским частям, становясь сыновьями и дочерьми полков. Они были подчас незаменимы как разведчики, связные, медицинские сестры, подрывники. Многие из этих ребят удостоены высоких правительственных наград. Около 20 тысяч пионеров, участников обороны столицы нашей Родины, награждены медалью «За оборону Москвы». 15249 ленинградских пионеров, активных участников обороны города на Неве, получили медаль «За оборону Ленинграда».

Многие мальчики и девочки по зову своих юных сердец стали подпольщиками, пришли в партизанские отряды, чтобы отомстить врагу за смерть отцов и братьев, за поруганную честь матерей и сестер, за сожженные жилища — за все злодеяния, совершенные фашистами в оккупированных районах.

В партизанской семье выросли покрывшие себя неувядаемой славой пионеры — Герои Советского Союза Леонид Голиков, Валентин Котик, Марат Казей.

Обо всем этом рассказывают волнующие страницы книги.

Мы, партизаны и подпольщики, твердо знали, что Великая Отечественная война требует большой работы, и большого мужества, и большой человечности. Мы приходили в новые районы действий, и люди нам верили, видели в нас свою защиту, свою опору. Далеко за линией фронта мы были не только воинами, но и представителями Советской власти и Коммунистической партии.

Высшим руководящим политическим и оперативным органом Коммунистической партии на оккупированной фашистами территории уже в начале войны стали подпольные обкомы партии. Они были центрами по организации в тылу врага сопротивления советского народа фашистским поработителям и возглавляли всенародную войну с захватчиками.

На временно оккупированной территории Украины действовало 23 подпольных обкома КП/б/У. Я возглавлял Черниговский, потом Волынский подпольные обкомы партии. А Дми-

трий Тимофеевич Бурченко, выступающий в этой книге автором очерка о двенадцатилетнем разведчике Володе Рымаре, который сейчас живет и работает в Киеве, был секретарем Винницкого подпольного обкома партии и одновременно комиссаром крупного партизанского соединения, воевавшего в тылу врага.

Юные партизаны проникали в самые опасные места и с честью выполняли свои боевые задания.

Показателен в этом смысле рассказ о юном отважном мстителе Васе Коробко. Он пришел в наше Черниговское партизанское соединение еще в самом начале партизанской борьбы с фашистами. Призываю юных читателей поразмыслить над страницами героической, яркой, до обидного короткой биографии верного сына Родины Васи Коробко. Непросто было в сложнейших условиях 1942 года заслужить орден Красного Знамени. Тем более трудно этого достичь, когда тебе всего-то 15 мальчишеских лет. А каких героических усилий, какой крепости духа и самоотверженности стоило ему, Васе Коробко, потом заслужить и высшую награду Родины — орден Ленина!

Их было много, детей-героев, и все они были разные, каждый со своим характером, привычками, наклонностями. И каждый по-своему проявлял себя в критических ситуациях. Но есть у них немало объединяющего. Читатель книги найдет общие черты и в Павлике Морозове, проявившем мужество в период коллективизации, и в Вале Котике, погибшем смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками. Что же их роднит, советских детей разных поколений? Преданность Родине, моральная чистота, готовность к подвигу — черты, которые воспитывает в советском человеке социалистическое общество.

Война — дело жестокое. Советский народ потерял в ней двадцать миллионов жизней. Мы называли ее Великой, потому что велико было наше мужество и велик гнев. Мы называли ее Отечественной, потому что защищали свое Отечество — самое дорогое, что у нас есть. Мы называли ее священной, потому что ничего более святого, чем борьба за свободу Родины, человечество не знало. Мы называли ее народной, потому что весь советский народ поднялся на борьбу.

Часто становились партизанами братья и сестры, жены и мужья, отцы и дети. В нашем Черниговском партизанском соединении, которым я командовал, много было таких семей.

Приведу один пример. Ездовой заместителя командира соединения по разведке Максим Титович Глазок был главой одной из самых славных партизанских семей. В списке личного состава соединения было пять одинаковых фамилий — Глазков. В этой книге рассказывается о самом младшем представителе отважной партизанской семьи — Мише Глазке.

Несколько опережая дальнейший рассказ, я поделюсь личными воспоминаниями об этом изобретательном смельчаке, настоящем герое. Миша не был похож на своих сверстников,

непоседливых шалунов, которые тоже стали партизанами. Младший Глазок — натура лирическая. Частенько приходилось видеть его под сосной с томиком Некрасова или Шевченко. Миша сам сочинял стихи, хорошо рисовал, любил живопись, до войны мечтал быть художником. А теперь у него иная мечта — стать минером.

Сначала несмело, потом все настойчивее просил командира направить его в диверсионное подразделение. Ему отказывали, советовали раньше подрасти. Но Миша от своей мечты не отказался. Настойчивость, упорство четырнадцатилетнего партизана вознаградились — он стал мастером подрывного дела. Вскоре после наших диверсий на железных дорогах Ковельского узла полетел под откос высаженный им в воздух вражеский поезд. Миша считался в своем батальоне лучшим минером. Хорошо действовали и те партизаны, которых инструктировал Миша Глазок. Когда у командира батальона возникали вопросы, связанные с минированием, он говорил: «Нужно посоветоваться с Глазком». А советчик годился командиру в сыновья.

За мужество и героизм юный партизан награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Сейчас Михаил Максимович Глазок — частый гость пионеров города Харькова, где он живет и трудится.

Дети на войне... Для раскрытия этой большой и сложной темы в сборнике привлечены воспоминания участников и свидетелей событий, документы. Из них читатель многое узнает о том времени — о зверствах фашистов, о страшных лишениях, о смертельной опасности и о героизме, непоколебимости воли, силе духа советских пионеров и школьников. Движимые высоким чувством любви к Родине, они брали пример со своих родителей, старших братьев и сестер, мужественно сражавшихся против захватчиков на фронте и в тылу врага.

Книга «Дети-герои» интересно рассказывает о боевом мужестве племени юных, о том, что наша борьба с фашизмом была интернациональной. В ней соединились усилия всех народов-братьев Советской страны. Своеобразным символом братства советских народов в борьбе с фашистскими поработителями стало то, что звания Героя Советского Союза были удостоены юные сыновья народов-братьев: русский Леня Голиков, украинец Валя Котик, белорус Марат Казей.

Дети нашей страны воспитываются в духе интернациональной солидарности с народами других стран. Многие из них были участниками освободительной борьбы поработченных гитлеровцами народов Европы. Клубы интернациональной дружбы — очаги гуманных воспитательных идей — осуществляют практическую связь с детьми других стран. Заработанные во время субботников и воскресников деньги ребята перечисляют в Фонд мира или покупают учебники и школьные принадлежности для детей, живущих в молодых, раз-

вивающихся государствах. Так, например, поступили члены КИДа Калужской школы № 5 Ивано-Франковской области.

Как известно, победа ковалась не только на фронте, но и в тылу. Подростки заменили на заводах и фабриках своих родителей, старших братьев и сестер. Часто к станку пристраивали подставки, ставили ящики, чтобы юный рабочий мог дотянуться до рычагов управления. Днем и ночью работали они у машин и станков, выпуская продукцию, нужную фронту и тылу, приближая час долгожданной Победы. Это они в те годы сеяли, собирали урожай. И это были не единичные факты.

В годы войны таганрогские ребята на средства, заработанные своими руками, построили самолет «Таганрогские пионеры» и передали его летчикам Крымского фронта.

Советские дети всегда приобщались к делам своей родной страны, жили ее болью в трудные времена, живут ее радостями и надеждами в мирное время. Наша страна — страна грандиозных свершений, в которые свой посильный вклад вносят сегодня и дети. Это и сбор металлолома для газопровода «Уренгой — Ужгород» и рельсов БАМа, и операция «Зернышко», вовлекшая тысячи ребят в борьбу за высокие урожаи и выполнение Продовольственной программы, и пионерские «Спутники» при школьных ученических производственных бригадах, и активное участие в благоустройстве и озеленении родных городов и сел.

И хотя все эти славные дела совершаются в мирное время, они сродни трудовым подвигам ребят в годы Великой Отечественной войны. Подвиги, требующие риска, смелости и находчивости, совершают ребята при охране границ, тушении пожаров, спасении утопающих и в других делах.

Пионеры свято чтят память тех, кому они обязаны своей счастливой жизнью. Они ведут поиск героев минувшей войны, посещают ее ветеранов, окружают их теплотой и вниманием, помогают больным и престарелым.

Перелистывая страницы книги, я встречал на них фотографии памятников детям-героям, часть из которых сооружены на средства, заработанные ребятами. И в этом видна их дань памяти юным героям. Конечно, всем памятники поставить невозможно, но все правдивое повествование книги, основанное на документальных материалах, безусловно, увековечивает память о юных героях в сердцах благодарных потомков.

**ОРАЕНОК,
ОРАЕНОК,
ВЗЛЕТЫ ВЪШЕ
СОЛНЦА**

ЮНЫЕ ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

В ОГНЕ ВОССТАНИЯ

Двадцать пятое октября 1917 года. Петроград. Дворцовая площадь. У стен Зимнего баррикады. За ними укрылись юнкера, казаки, женский ударный батальон. Под их защитой во дворце засели министры буржуазного Временного правительства. Почти восемь месяцев хозяйничало Временное правительство в стране, вызывая гнев и ненависть народа. Трудящиеся не хотели жить по-старому, а буржуазия уже не могла по-старому ими управлять.

24 октября в Петрограде вспыхнуло восстание. Его возглавил Ленин, большевики. Утром 25 октября город был уже в руках восставшего народа. В 6 часов вечера революционные отряды двинулись к последнему оплоту буржуазии — Зимнему дворцу. В 9 часов 40 минут выстрел «Авроры» возвестил начало штурма. Красногвардейцы, матросы, солдаты с винтовками и пулеметами, стреляя на ходу, бросились на баррикады. Не выдержав огня, сложил оружие женский ударный батальон.

...В разгар атаки на баррикаде невесть откуда появился мальчик. Отчаянно размахивая руками, он что-то кричал красногвардейцам. Звонкий голос прорывался сквозь грохот сражения. Мальчик на баррикаде показывал путь ко дворцу.

Мимо бежали люди, гремели выстрелы, завязалась рукопашная... Но мальчик продолжал четко исполнять обязанности разведчика, проводника... Волна людей, бегущих через баррикады, сбила его с ног. Но он снова поднялся во весь рост. Махал руками. Звал. Показывал проход, найденный им в баррикаде...

ПАВЛИК АНДРЕЕВ

18 июня 1971 года на граните братской могилы у Кремлевской стены выгравировали имя Павлика Андреева, погибшего во время октябрьских боев 1917 года в Москве.

В октябрьских боях в Москве принимали участие целые рабочие семьи. Отец находился на баррикаде с винтовкой, мать приносила ему еду, дети подносили патроны.

В Москве октябрьские бои продолжались пять дней. Боевым местом во время восстания была Пречистенка. Здесь находился

центр белогвардейцев — штаб Московского военного округа. Поблизости помещалось Алексеевское училище, где расположились юнкера — главные силы белогвардейцев.

На Пречистенке рабочие вырыли окопы и возвели перед ними баррикады. Трудно было защитникам. Холод и голод терзали их. День и ночь, в плохонькой одежде и худой обуви, приходилось рабочим удерживать свои позиции. По очереди ходили они в чайную погреться.

Один мальчик, Павлик Андреев — это имя должны знать и помнить все! — когда рабочие шли погреться, оставался в окопе. Он стрелял то из одной, то из другой винтовки, которые временно оставляли здесь рабочие. Этим Павлик хотел показать юнкерам, что все защитники баррикад на местах. Закоченевшими руками мальчик прижимал винтовку к плечу и стрелял.

Павлик нечаянно упустил винтовку за баррикаду перед окопом. Он вылез из окопа, чтобы достать ее, и тогда юнкера изрешетили его пулями из пулемета... Три дня мальчик боролся со смертью. Очнувшись, он спросил:

— Ну как? Штаб захватили? Юнкеров разбили?

— Штаб захвачен. Юнкера разбиты, — ответили красногвардейцы, которые пришли его проведать.

Мальчик, казалось, забыл о своих ранах. Он улыбнулся и, собрав последние силы, закричал: «Ура!».

Вскоре он умер.

Павлик Андреев

Н. ПОДВОЙСКИЙ.

*бывший председатель Петроградского
военно-революционного комитета*

ДЕТИ РЕВОЛЮЦИИ

Мы — товарищи по оружию. Много лет тому назад вместе сражались с врагами революции. Недавно встретились. И, как всегда в таких случаях, начались воспоминания. Мы припомнили маленьких друзей, шестерых смелых мальчиков, боровшихся вместе с нами.

... Это было 29 октября (по старому стилю) 1917 года в Петрограде. Утреннюю тишину внезапно нарушила ружейная перестрелка. Мы оба были красногвардейцами и, понятное дело, побежали на выстрелы. На углу Большой Гребецкой улицы

(сейчас Пионерская) лежали на мостовой пять солдат и вели огонь из винтовок по зданию, в котором помещалось Владимирское юнкерское училище...

Контрреволюционеры хотели поднять мятеж, захватить снова телеграф, мосты, вокзалы, расправиться с участниками Октябрьского вооруженного восстания революционного Петрограда.

Утром 29 октября во Владимирское училище прибыл царский полковник с группой солдат. Они перебили охрану, состоявшую из солдат, верных революции, заняли помещение, где хранилось оружие, завладели винтовками, пулеметами, вооружили юнкеров.

Юнкера хотели идти в соседнее кадетское училище.

И вот пять уцелевших солдат из охраны залегли напротив училища и стреляли в каждого, кто пытался выйти из здания. Мы, конечно, тоже присоединились к героям-солдатам.

Долго длился этот неравный бой. К счастью, заговор мятежников был раскрыт, и нам на помощь спешили красногвардейцы.

Сначала промчался броневик, на полном ходу стреляя по окнам училища. Потом появился отряд красногвардейцев Васильевского острова. Вскоре мы слышали грохот и лязг железа. Оглянулись. К нам, грохоча по мостовой, приближалась пушка. Ее толкали руками красногвардейцы и солдаты. Ухватившись за спицы колес, мальчики лет десяти-одиннадцати помогали катить пушку. Ее везли из Петропавловской крепости. Юнкера, увидев пушку, растерялись и перестали стрелять. Воспользовавшись этой передышкой, мы отвели ребят в безопасное место, во двор здания.

Солдат-артиллерист обратился к нам:

— А куда же, браточки, стрелять?

Мы установили пушку и хотели открыть огонь, но тут выяснилось: в спешке артиллерист забыл необходимый ключ к дистанционной трубке. Все начали шарить в карманах — нет ли какого-нибудь инструмента. Вдруг видим — шестеро мальчиков снова крутятся около пушки. Вывернули они свои карманы, а там чего только нет — полный набор инструментов! Подобрали подходящий. Повернули кольцо трубки, лязгнул замок пушки, досылая снаряд в ствол. Солдат-артиллерист дернул за шнур, грохнул выстрел. Но... снаряд угодил под крышу здания.

Изменить угол прицела было нельзя, так как мешал дом, стоявший ближе. Тем временем нам на помощь прибыл отряд матросов и солдат. Вместе выбрали новую позицию: установили пушку на Малой Разночинной у дома № 6. Хотели зарядить, а тут новая беда: ящик со снарядами остался на старой позиции.

Юнкера, воспользовавшись нашей опрометчивостью, открыли по этому месту пулеметный огонь.

Однако смелые мальчики заметили мертвое пространство, куда не достигали пули. Не успели мы оглянуться, как они уже прыгнули к ограде и поползли. Они подтягивали к пушке снаряды, которыми артиллеристы теперь метко били ненавистного врага.

Это были чудесные мальчики — смелые, отчаянные.

Одного из нас — товарища Павлова — раненого они вынесли из-под огня и доставили в госпиталь.

Мы никогда не забудем этих маленьких безымянных борцов.

*К. ИЛЬИНСКИЙ, Л. ПАВЛОВ,
участники Октябрьского вооруженного восстания*

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

Шел 1914 год. Кате, моей младшей сестренке, было тогда двенадцать лет. Жили мы на Пресне, в подвале двухэтажного дома. Семья была большая, и, чтобы помочь родителям бороться с нуждой, мы рано начали работать.

С двенадцати лет Катя пошла ученицей в галстучную мастерскую. Она была маленькой хрупкой девочкой, но работать ей приходилось по десять часов в день.

Трудное это было время... Но в нашей семье жили воспоминаниями о боях на Пресне в декабре 1905 года, и мы знали, что где-то спрятана винтовка отца, с которой он сражался на баррикадах.

Кроме нашей семьи, в подвале жили еще два студента. Мать сдавала им комнату.

Запершись в своей комнате, студенты о чем-то подолгу беседовали с приходившими к ним товарищами. Мы знали, что они «политические», так как к ним несколько раз наведывалась с обыском полиция. Но полицейские никогда ничего не находили. Мать и отец помогали студентам надежно прятать листовки и запрещенные книги. А мы, дети, умели крепко держать язык за зубами.

Однажды, когда к студентам должны были прийти товарищи на очередную сходку, нагрянула полиция.

Жандармы вели себя не так, как обычно, — сделают обыск и уйдут. Они устроили у нас дома настоящую засаду и никому из нас не позволили двинуться с места. Студенты сидели под надзором жандармов в одной комнате, а мы, дети, — в другой. Родителей не было дома...

Мы знали, что скоро к нам в дом придут подпольщики. Но, должно быть, знала об этом и полиция. Мы с ужасом ждали, что все попадут в ловушку.

Забравшись в уголок, я и сестра Мария тихо совещались, как быть. Как предупредить подпольщиков? Мы знали их

адреса, но разве выйдешь из дому, когда у дверей сидит здоровенный жандарм? А окно открыть нельзя: услышат.

— Я вылезу через форточку во двор,— сказала Катя.

— Через форточку?! — удивленно повторили мы с Марией. — Да ты не пролезешь!

— Пролезу,— уверенно сказала Катя.

Окно комнаты, где мы сидели, выходило во двор. Оно было чуть ниже уровня земли, а под ним была яма, как всегда бывает в подвалах.

Выбравшись через форточку, Катя присела в этой яме и дождалась, пока шпик, карауливший на улице, повернул за угол. Тогда она быстро выскочила, а потом, как ни в чем не бывало, спокойно пошла по двору. Мало ли детей бегают во дворе! Шпик не обратил на Катю внимания.

Прошло несколько минут. Мы с тревогой ожидали, чем все это закончится...

Время шло... Никто из подпольщиков не приходил. Мы едва могли сдерживать свою радость... Однако жандармы все еще сидели в комнате. Они просидели до вечера и ушли ни с чем. Тогда вбежала в дом сияющая Катя...

Так состоялось ее боевое крещение.

А через три года, в дни октябрьских боев, она пришла к нам на медпункт.

— Я буду с вами,— твердо сказала Катя.

Напрасно мы говорили, что она еще маленькая. Девочка настаивала на своем и вправду сумела вскоре стать нам очень полезной.

В этот день вечером на медпункт принесли несколько тяжелораненых. Мы перевязали их, но нужна была врачебная помощь.

Начальник расположенного рядом военного госпиталя отказывался брать раненых. Тогда мы напомнили ему, что власть на Пресне принадлежит восставшим рабочим, и положили раненых в палату. Но при таком начальнике в госпитале нужен был наш человек, чтобы все было в порядке.

Мы послали Катю. И пятнадцатилетняя Катя отлично справилась со своей ролью «комиссара госпиталя».

А. ЛИТВЕЙКО

РАЗВЕДЧИК У ЛЕНИНА

Шестнадцатого октября 1919 года нам позвонили и сообщили, что в Московский Совет должен приехать Ленин, чтобы проводить на фронт мобилизованных рабочих-коммунистов.

А в Московском горсовете тогда толпилось множество людей, приезжавших из провинции и с фронтов. Среди них то тут,

то там появлялся мальчик-разведчик. Он добился, чтобы его послали с донесением в Москву, надеясь увидеть там Ленина.

— Мне надо спешить,— говорил он нам,— ведь я — разведчик. Только доложу Ленину, расскажу обо всем... о чем он захочет узнать, и сразу снова на фронт.

— Хорошо, мы тебе скажем, когда ты сможешь увидеть Ленина.

— А сюда он может приехать?

— Конечно, может.

Мы пристроили мальчика в помещении горсовета, накормили, одели. Он изо всех сил старался быть полезным. Помогал в канцелярии: нарезал бумагу, наливал чернила, распечатывал почту, клеил конверты. Ни минуты не сидел без дела и часто говорил:

— Я дома всегда маме помогал. Все делал по хозяйству: дрова рубил, воду носил, за меньшим присматривал... а его убили,— глаза мальчика наполнялись слезами, и мы старались развеять его грустные воспоминания.

Когда стало известно, что в этот день придет Ленин, мальчик все время бегал вниз на улицу, боялся прозевать приезд Владимира Ильича.

На Соболевскую площадь начали прибывать мобилизованные рабочие-коммунисты.

Позвонили, что Ленин выехал к нам. Вскоре подъехал автомобиль, из него вышли Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Как только Ленин начал подниматься по лестнице, откуда-то ему навстречу вынырнул мальчик и, вытянувшись в струнку по-военному, громко сказал:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

— А ты кто такой? — спросил Ленин.

— Я — разведчик. Прибыл с фронта к вам с донесением...

— С какого фронта?

— С Южного.

— А где твои родные?

— Убиты.

— Ты остался один?

— Один.

— Тогда будем просить Надежду Константиновну, чтобы устроила тебя в интернат.

Мальчик вспыхнул:

— Не время сейчас учиться. Я — разведчик и должен вернуться в свой полк.

— Ну что же, тогда поезжай назад,— сказал Ленин, переглянувшись с Надеждой Константиновной.

— А когда вернешься с фронта, приходи ко мне,— добавила Надежда Константиновна и спросила: — А звать тебя как?

— Ваня Соколов.

Ласково посмотрела она на мальчика и повторила:

— Так и договоримся, Ваня. Вернешься — приходи ко мне. Радостный, окрыленный, в тот же день мальчик ушел на вокзал.

*Е. ЛОМАТИДЗЕ,
бывший секретарь Московского
военно-революционного комитета*

КОТЯ МГЕБРОВ

Соловьев приходил позже всех артистов. Высокий, нескладный, в огромных сапожищах и рукавицах, он приносил в комнату свежий запах мороза и веселую белозубую улыбку. Котя стоял за большим старым креслом и боялсядохнуть: сейчас Соловьев скроется за ширмой и через минуту вместо него появится сказочный Коммунар.

...Он родился в горах, в пещере, устланной дикими травами. Сын Солнца и сын Человека выковали для него сердце. Он вырос и спустился к людям — золотоволосый, в белой одежде и красном плаще, который развевался у него за плечами, как пламя. Он призывал к борьбе за счастье всех угнетенных, и его имя — Коммунар — никому не казалось странным.

Коммунар шел на нивы, на заводы, в шахты, и люди, искалеченные нуждой, выпрямлялись. Он возвращал им силу и молодость. Даже восьмидесятилетние начинали мечтать о воле, а женщины пели о презрении к трусам.

И вот, наконец, победа! Радуетесь народ вместе со своим Коммунаром, и кажется, весь мир — это цветы, радость и красные знамена, похожие на его плащ...

Маленький босоногий мальчик бросается к деду:

— Подними меня на руки, я хочу увидеть его! Я хочу вырасти Коммунаром.

Люди расступаются, и Коммунар укутывает мальчика своим красным плащом...

Закончилась «Легенда о Коммунаре», пьеса в трех действиях Петра Козлова. Но маленький черноглазый мальчик еще долго стоит, прильнув к красному шелку, и глядит в лицо Коммунару. Тот уже улыбается совсем по-другому, просто и приветливо, рука его ерошит курчавые волосы мальчика:

— Ну, голубчик! Теперь мы с тобой Вася Соловьев и Котя Мгебров.

— И ты уже не Коммунар?

— Конечно — коммунар! Только не легендарный, а такой же, как ты, живой.

Репетиций Революционного героического театра Петрограда большей частью проводились у Котиных родителей. У них была большая квартира, правда, неотопливаемая, — где было взять столько дров в те суровые годы, — такая холодная, что казалось, с ее высоких потолков вот-вот пойдет снег. Друзья

в шутку называли эту квартиру «ледяным домом». Однако двери «ледяного дома» не закрывались, и, кроме артистов театра, сюда без приглашения приходили поэты, рабочие, студенты. Начались вечера веселых бесед и споров, таких жарких, что о холоде никто не вспоминал.

Отец Коти, Александр Авелиевич Мгебров, и мать, Виктория Владимировна Чекан, были артистами. Сам Котя начал принимать участие в спектаклях с пяти лет.

На красный Петроград наступал Юденич. Фронт проходил совсем близко от города. Прекратились спектакли в театрах. Вместо красочных афиш на улицах расклеивали революционные плакаты. В домах рано гасили свет. А по брусчатке шли отряды матросов, солдат, ополченцев.

Артисты Революционного театра поехали на фронт. Утром за родителями Коти пришла машина. Когда Александр Авелиевич прощался с Котиной няней, в дверях появилась Виктория Владимировна. Она держала за руку уже одетого Котю. Александр Авелиевич не успел ничего спросить.

— Папа, мы едем все вместе! — крикнул мальчик.

Отец молча взял сына на руки. Когда машина уже тронулась, он сказал Виктории Владимировне:

— Наверное, так и надо. Если молодым посчастливилось родиться в героическое время, они не должны его проспять. Даже если это еще ребенок.

Артисты выступали на Сиверской, в Красном Селе, в революционном Кронштадте. Играли они в больших хатах, школах, пустых церквях. Зрители сидели прямо на полу или стояли, тесно прижавшись друг к другу. Стучали приклады винтовок, звучал веселый смех. Но только подымался занавес, сразу становилось очень тихо.

Котя смотрел со сцены на солдат, сидевших в зале, и слышал, как отец, нервно покашливая, говорил:

— В такой обстановке артист должен быть особенно требовательным к себе.

Отец говорил это перед каждым спектаклем. И никто не упрекал его, что он повторяется: действительно, каждый раз все казалось новым и исключительным.

Показывали почти всегда «Легенду о Коммунаре». Эта пьеса объединяла артистов со зрителями. В зале сидели люди, восставшие против нищеты, тьмы и бесправия, голодные, негра-

Котя Мгебров

мотные, — все, кто горячо стремился к счастью. А на сцене — артисты, взволнованные, исполненные тех же чувств, которыми жили их зрители. И радостная победа. Она казалась такой убедительной, такой живой и достоверной, что каждый спектакль превращался в торжественный праздник.

Что чувствовал мальчик? Он не мог бы рассказать об этом. Но когда он говорил: «Я хочу вырасти коммунаром», — это было его мальчишеской клятвой, клятвой Коти Мгеброва, члена труппы Революционного героического театра.

Разве можно в такой обстановке капризничать и надоедать взрослым? Котя старался делать все наравне с ними. Когда однажды спектакль через десять минут после начала прервала стрельба и артисты, схватив винтовки, выбежали из зала вместе со зрителями, Котя остановил мать:

— А куда же я? Неужели мне нельзя с вами?

Виктория Владимировна посмотрела на сына. Сказать ему, что он еще маленький, значит смертельно обидеть его...

— А кто останется со знаменем, Котя? Береги его. Мы скоро вернемся!

Котя стоял навытяжку, как часовой. Издалека доносились крики, выстрелы. Здесь, в безлюдной школе, было тихо. Но пусть кто-то попробует... Котя знает, что делать.

Может быть, все это означает, что у Коти не было детства, теплого и безоблачного, с играми, сказками и конфетами? Конфеты, действительно, были редко. Спать приходилось в пальто и валенках. Сказки — мама их рассказывала бесконечно. Но разве их можно было сравнить с той величественной, захватывающей сказкой, которая совершалась вокруг него?

Были у Коти и игры. Перед домом площадь, похожая на огромный треугольник. Если стать лицом к Манежу, виден Инженерный замок и памятник Петру Первому. Невский проспект совсем близко, но сюда почти не долетает городской шум. Это район спокойный и зажиточный. Аристократы и городские тузы давно сбежали из Петрограда, но сколько еще осталось владельцев больших и малых торговых заведений, мастерских, всякого рода бездельников и белоручек!

В доме, где живет Котя, все еще работают мастерские, в которых изготавливают корсеты и шляпы. У владельцев этих мастерских дети — ровесники Коти. Собираясь во дворе, дети играли вместе в индейцев, разбойников. Однако время накладывало на эти игры свой отпечаток: у индейцев появился красный флаг, и они защищали его от колонизаторов. Наступая, индейцы кричали: «Бей белых», — а белые размахивали над головами винтовками и осыпали проклятиями красных голодранцев.

Во время этих «вооруженных столкновений» Котя был знаменосцем красных. Его товарищи знали: он никогда не выпустит знамени из рук.

Котя рассказывал друзьям о спектаклях, водил их по оче-

реди на репетиции в театр. Некоторые пьесы дети разыгрывали потом на площадке перед домом. Особенно они любили одну — о Парижской коммуне.

...Солдаты — их, конечно, играли «белые» — расстреливают отряд коммунаров. Мальчик, который вместе со взрослыми сражался на баррикаде, просит отпустить его домой. Только на полчаса: он должен отдать матери часы, которые не успел продать. На эти деньги семья сможет прожить неделю. Офицер снисходительно похлопывает его по плечу: «Иди, зачем нам тебя убивать!» Но через несколько минут мальчик прибегает назад, он хочет умереть вместе со своими товарищами. Вскинуты винтовки.

— Огонь! — командует офицер. И внезапно случилось нечто совсем не по пьесе: один из солдат, Коля, сын корсетницы Терентьевой, бросает винтовку и кричит:

— Я не буду стрелять! Мне противно быть белым.

«Белые» растерянно молчат: среди них Коля уже шестой отступник.

В тот же вечер, когда Котя шел домой, кто-то грубо схватил его за шиворот. Он метнулся в сторону и в полутьме парадного узнал старшего сына Терентьевой.

— Ты мне эти шутки брось, Котька! А то проучим...

Дюжий двадцатилетний парень не смеялся. Он угрожал серьезно, словно перед ним стоял не девятилетний ребенок, а опасный враг. У парня были мягкие белые волосы, совсем как у артиста Соловьева, но бесцветные глазки были глубоко посажены и бежали быстро и злобно, как у крысы.

Что может сделать с ним этот верзила, которому не удалось сбежать вместе с другими крысами? Котя внезапно почувствовал, что ненавидит его и что никогда перед ним не отступит. Он заговорил быстро, шепотом:

— А я тебя не боюсь, слышишь? И Коля больше к тебе не вернется, он наш.

Скрипнули наверху двери, и Виктория Владимировна вышла на лестничную площадку:

— Котя, с кем ты там, сынок? Пора уже идти на концерт.

Концерт этот состоялся после городского предмайского митинга в Таврическом дворце. Александр Авелиевич Мгебров и Виктория Владимировна Чекал читали стихи пролетарских поэтов разных стран, призывавшие к мировой революции. Стихотворение Уолта Уитмена «Песня предрассветного знамени» они читали втроем — вместе с сыном. Снова Котя стоял у красного знамени, и в зал летел его высокий, звонкий голос:

Красное знамя, знамя свободы,
Оно пропиталось кровью народа...

В этом зале было несколько тысяч человек. Но голос Коти звучал в тишине так же взволнованно, как в Сиверском и

Красном Селе, где Котя выступал вместе с артистами Революционного героического театра. Он уже окончил читать и молча стоял у знамени рядом с отцом и матерью. Зал молчал. Потом, словно охваченные одновременно одним и тем же чувством, люди встали. Из разных рядов негромко зазвучало начало гимна:

Вставай, проклятьем заклеянный...

Его подхватил весь зал. Котя пел «Интернационал» вместе со всеми, стоя у красного знамени, как часовой. Это было 20 апреля 1922 года.

Весна в этом году стояла прозрачная, голубая. Ветер ласково гладил деревья, и птицы пели как-то особенно звонко. Страна Советов готовилась к Первому мая.

Артисты Революционного героического театра работали в эти дни особенно напряженно. Ежедневно концерты, спектакли, репетиции. Только 22 апреля репетиции не было. Котя с утра играл во дворе, потом, по-весеннему раскрасневшийся, вбежал в комнату:

— Мама, заболел один мальчик, ему надо отвезти хлеба. Это близко, две трамвайные остановки.

Почему в это спокойное утро так волновалась Котина мама? Ведь она оставляла его в комнате одного даже во время боя...

— Хорошо, Котя, только поедem вместе.

— Мама, зачем, ведь я с товарищами!

Виктория Владимировна покраснела. Завернув хлеб, она подала его Коте и крикнула ему вдогонку:

— Возвращайся скорей!

Потом она выглянула в окно. Несколько мальчиков быстро шли к трамваю. О чем-то, видимо, спорили. Засмеялись. Начали выбивать друг у друга из-под ног спичечный коробок. Виктория Владимировна опустила занавеску. В последнюю минуту она заметила старшего сына Терентьевой, — он выходил из дому. Прошло два часа. Коте уже пора было вернуться. А вот и звонок, короткий, отрывистый. За дверьми Виктория Владимировна увидела товарищей Коти и незнакомого мужчину.

— Вы гражданка Чекан? Какой-то мерзавец сбросил вашего сына с трамвая. Мальчика только что отвезли в больницу. Преступника задержать не удалось: лица его никто не запомнил.

Напрасно Виктория Владимировна сразу начала звонить к Терентьевым: старший сын был уже дома...

24 апреля Котя умер. Его привезли домой, и, казалось, весь город шел прощаться с ним. Шли красноармейцы, которые знали Котю по фронтовым спектаклям, старшие товарищи по сцене, которые еще так недавно предсказывали ему судьбу талантливого артиста, шли его ровесники...

Гроб был покрыт красным шелком — это было то самое знамя, у которого Котя стоял четыре дня назад, выступая в Тав-

рическом дворце. Его прислала городская партийная организация. Хоронили Котю 26 апреля. Было столько людей, цветов и знамен, что казалось — это не похороны, а демонстрация. Все шли к центру города, на Марсово поле, туда, где лежали люди, завоевавшие право на бессмертие, — герои революции и гражданской войны. Котю похоронили рядом с ними — так решил комсомол. На маленькой гранитной плите высекли надпись:

КОТЯ МГЕБРОВ-ЧЕКАН
юный артист-агитатор
(1913—1922)

До сих пор дети и взрослые приносят цветы на могилу Коти, а прошел уже не один десяток лет... Котя мог бы сейчас быть выдающимся артистом. Или поэтом, — он начал рано писать стихи. А может быть, художником...

Но разве его жизнь, такая короткая, не прекрасна?

М. ЯХОНТОВА

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ МОЛОДОГО ЧАПАЕВЦА

Эскадрон шел широкой, покрытой снегом равниной. На пути встречались сваленные телеграфные столбы, взорванные мосты и сожженные села — следы отступления белоказаков. Красноармейцы шутили, пытаясь побороть усталость.

— Эй, Никифор, ты же, кажется, здешний? — спросил один из красноармейцев у пожилого бойца.

— Здешний. Вон и погост наш виден. От него до села рукой подать, всего каких-нибудь верст семь будет.

— А из родных кто-то в селе есть?

— Из родных? — переспросил Никифор. — Из родных жена есть и дети.

— А ты попроси командира, он до утра отпустит, вот и встретишься.

Никифор молчал.

Василий Иванович Чапаев, очевидно, слышал этот разговор. Он придержал коня и, оглянувшись назад, спросил:

— Встретиться с домашними, говоришь, хочется?

— Так точно, товарищ начдив, хотелось бы.

Чапаев приказал мне отпустить Никифора.

— Вот людям везет! — хмуро заметил кто-то из бойцов.

И двух дней не был в отпуске Никифор. Возвратился он не один — привез из дома мальчика, десятилетнего сына Петю.

— Пусть к службе привыкает. Может, и в люди когда-нибудь выйдет, — сказал Никифор товарищам. На вопрос старшины: «Ну, как дома?» — коротко ответил:

— Умерла.

Все поняли, что сына своего Никифор не от добра привез в эскадрон. Мальчик был исхудалый, в плохой одежде.

Мальчика одели во все, что нашлось в эскадроне. Старшина дал ему свою старую венгерку, а «каптер» — сапоги и буденовку. Все, конечно, было на него велико, но перешивать в эскадроне было некому. Только на ремне гвоздем пробил старшина еще одну дырочку — поближе к пряжке.

Большую часть времени Петя проводил среди лошадей, на конюшне. Мальчик он был тихий, стеснительный и к людям подходил лишь тогда, когда его звали.

Бойцы полюбили мальчика за то, что услужливый был и никакой работы не боялся. Ходить за лошадьми помогал он не только отцу. Придет, бывало, взвод на конюшню, а у него уже все кони напоены. Особенно любил Петя раздавать лошадям овес. Никогда ни одного коня не обидит. За это и поставили Петю помощником фуражира.

Наступила весна. Враги Советской власти не унимались и рвались к центру России. Сломить силы врага, не пропустить его к Волге — вот задача 25-й Чапаевской дивизии, недавно переброшенной с Уральского фронта.

Двор заполнили нерасседланные кони, а в дальнем уголке, обняв шею Гнедого и припав к нему головой, плакал Петька.

— Эх, Гнедко, Гнедко, не сумел ты уберечь моего папку, не смог прикрыть его от удара врага!

А конь, словно поняв упрек, перестал жевать сено и насторожил уши, прислушиваясь, не слышно ли за тыном шагов его хозяина.

— Ну, Петя, смотри теперь за Гнедком, — похлопывая коня по крупу, сказал старшина эскадрона. — Ты теперь будешь ему хозяином. Береги коня, ухаживай за ним, как это делал твой отец. И амуниция чтоб была в порядке. Никифор покойный аккуратным был во всем: и седло, и вьюк всегда в порядке держал. Без этого не быть тебе настоящим кавалеристом.

Хотя Петька и раньше чистил Гнедого и поил его, однако делал это больше для забавы. Теперь же сознание того, что он хозяин коня, заставляло его еще лучше выполнять свои обязанности. Петька быстро изучил привычки коня, и тот стал ходить за ним, как за Никифором. А вскоре начал дрессировать коня. Сначала красноармейцы относились к этому с недоверием.

— Убежит от тебя конь, еще и покалечится, если будешь баловаться с ним, — говорили они.

Однако конь привыкал к мальчику и с каждым днем все успешнее выполнял его команды. Петька научил его здороваться и становиться на колени.

— А ну-ка, покажи, Петя, как у тебя Гнедко кланяется, — просили красноармейцы. И когда Гнедой становился на колени, упираясь носом в землю, все весело и громко хохотали.

Однажды в эскадрон приехали начдив Василий Иванович

Чапаев и комиссар Дмитрий Андреевич Фурманов. Беседуя с бойцами, Чапаев увидел Петьку, который проехал мимо них на своем коне.

— А это что за орел? — спросил он.

— Сын погибшего красноармейца Никифора, наш новый боец, — доложил я.

Чапаев помнил Никифора и подозвал к себе Петьку.

Красноармейцы расступились, и Петька, поправив на голове шлем, подъехал к начдиву, соскочил с коня и, похлопав его по груди, заставил нагнуться и стать на колени. Сам же вытянулся и лихо приложил руку к буденовке.

Но в это время раздался громкий смех: конь всем корпусом лег на землю. Хохот усилился, и среди шума голосов Петька услышал:

— Вот так дрессировщик!

— Конь решил правильно, — пошутил Фурманов, — лучше лежать, чем стоять на коленях.

— Лежать — не бежать, — язвительно добавил кто-то. А Гнедко лежал в толпе, не проявляя никакого желания подняться.

Чапаев, похлопав мальчика по плечу, сказал:

— Не смущайся, паренек. Отец твой, Никифор, тоже не любил вешать носа. А разведчику куда лучше, если конь умеет ложиться, а не кланяться.

Эскадрон действовал в тылу белых. Он должен был отбить обоз и артиллерию противника. Крупные силы белых не давали возможности вести разведку боем. Высылать конные разъезды — опасно: белые могли обнаружить эскадрон. Посылать в разведку пеших в такой обстановке тоже было рискованно. Да и мало от этого толку: кавалерист без коня — не воин.

Тогда Петька предложил:

— Мой конь умеет ложиться. Нас с ним никто не заметит. А я все высмотрю и на нем назад примчу.

Сначала это мне показалось абсурдом. Как можно мальчика посылать на такое дело? Однако, подумав, я решил, что это, возможно, для нас единственный выход. Не сидеть же нам, как слепым, в овраге.

Когда стемнело, Петька на своем Гнедом поехал в разведку.

Белогвардейские части двигались по пыльной дороге. Конь Петьки лежал неподвижно в густой траве так близко от них, что поднятая солдатами пыль скрывала его.

«Хоть бы не чихнул Гнедко от пыли», — подумал Петька и начал рукою вытирать ему ноздри.

Боковые дозоры белых прошли по обеим сторонам дороги. Значит, мимо шла колонна главных сил противника.

— Ну, Гнедко, полежи еще немножко.

Гнедой лежал спокойно с открытыми глазами, вокруг которых назойливо летала мошкара.

Прошел последний взвод пехоты. Пыль на дороге начала понемногу оседать. Но вот послышался стук колес и конский топот.

Почуяв, что приближаются кони, Гнедой поднял голову и, подогнув ноги, хотел встать, но Петька изо всех сил оттянул поводом его голову назад и всем телом навалился ему на шею. Через несколько минут по дороге прошла трехдюймовая батарея. Солдаты-артиллеристы нещадно хлестали кнутами усталых крестьянских лошадей, тащивших пушки.

Колеса пушек прогрохотали совсем близко. Услышав удары кнута, Гнедой еще несколько раз порывался встать, но Петька только крепче натягивал повод.

Конь не смог подняться. Силой прижатый к земле, он тяжело дышал.

— Лежи, лежи, Гнедко, — успокаивал его Петька.

Батарея, прогрохотав, занимала позиции. Но вдруг совсем близко от Петьки промчался офицер. Он ближайшим путем направлялся на батарею и, свернув с дороги, проехал чуть ли не через те кусты, где притаился юный разведчик.

Гнедой рванул голову и поднялся на вытянутые передние ноги. Свалить его еще раз Петьке было не под силу. Еще секунда, и конь встанет на ноги.

Петька, не долго думая, вскочил в седло, пришпорил коня и вихрем полетел к оврагу.

Чтобы его не заметили и чтобы тем самым не выдать эскадрон, он круто повернул коня через луга и подъехал к своим с другой стороны оврага.

— Белая артиллерия готовится открыть огонь! — запыхавшись, доложил он.

— По коням! — прозвучала команда, и через несколько секунд эскадрон с криком «ура» летел на батарею противника.

Офицеры пытались отстреливаться. Артиллеристы в панике бросали пушки, рубили саблями построики и по двое старались сесть на усталых коней.

Эскадрон захватил три пушки и обоз с боеприпасами.

Это был первый боевой подвиг юного кавалериста-чапаевца Петьки.

Никто уже не насмеялся теперь над дрессировкой коня. Напротив, многие бойцы эскадрона сначала будто в шутку, еще не веря в успех, начали приучать своих коней ложиться. И через месяц почти все кони эскадрона ложились по команде своих хозяев.

*С. КУЗИННН,
бывший командир кавэскадрона
25-й Чапаевской дивизии*

БЛАГОДАРНОСТЬ ЧАПАЕВА

Все, наверное, помнят замечательный кинофильм о Чапаеве и его боевых товарищах — ординарце Петьке и пулеметчице Анке. Настоящее имя известной пулеметчицы Чапаевской дивизии — Мария Андреевна Попова. Здесь мы печатаем ее воспоминания.

В перерывах между боями наши полки пополнялись новыми бойцами-добровольцами. Рабочие и крестьяне группами и в одиночку шли в дивизию Чапаева. У каждого из них было одно горячее стремление: защищать от врагов Советскую республику.

Как-то летом 1918 года в штаб к Чапаеву пришел тоненький мальчик с голубыми глазами. Было ему лет двенадцать-тринадцать. Он назвался Павлушей Сахаровым и сказал, что хочет воевать с белыми:

— Они моего отца убили, село сожгли...

Чапаев внимательно выслушал рассказ мальчика, ласково похлопал его по плечу: «Не горюй, малыш, за отца твоего мы отомстим, а о тебе позаботимся. Оставайся пока при штабе».

Павлуша горячо упрашивал командира, чтобы тот позволил ему быть в строю, просил винтовку, чуть не расплакался. Но Василий Иванович не сдавался на просьбы.

— Мал еще,— сказал он мальчику.— Наверное, и винтовку не поднимешь...

Прошло несколько дней, и бойцы-чапаевцы всей душой любили скромного, любознательного мальчика. Павлуша точно и аккуратно выполнял все поручения командиров, мужественно делил со взрослыми невзгоды боевой жизни. Вечерами после трудных переходов он садился возле какого-нибудь бойца и внимательно смотрел, как тот разбирает и чистит оружие.

— Присматривайся, браток, присматривайся,— говорили в такие минуты чапаевцы и охотно объясняли Павлуше устройство винтовки.

Вскоре все мы убедились, что эти уроки не прошли даром для мальчика. На подступах к Уральску завязался жестокий бой с белоказаками. Одну за другой отбивали мы атаки противника. Однако враг подбрасывал все новые силы. Чапаев, как вихрь, мчался вдоль цепи своих полков, подбадривал бойцов, отдавал приказы.

Меня пулеметную ленту, я видела, как Василий Иванович промчался мимо меня и на несколько секунд задержался у края окопа. «С кем это он разговаривает?» — подумала я. И, оглянувшись, увидела Павлушу Сахарова. В руках у мальчика была винтовка. Меня удивило его умение обращаться с оружием. Он тщательно прицеливался в наступающих белоказачков, спокойно и хладнокровно спускал курок...

Когда последняя атака противника была отбита, наши полки построились для смотра.

И в общий строй рядом со взрослыми бойцами стал маленький чапаец Павлуша Сахаров. Я видела, как, обходя строй, Василий Иванович остановился возле Павлуши и крепко, с благодарностью пожал его маленькую руку.

М. ПОПОВА

ЧАПАЕНОК

Мимо часового торопливо прошмыгнула маленькая закутанная фигурка. Мерзлые валенки застучали по ступенькам крыльца чапаевского штаба.

— Ты куда? — крикнул красногвардеец и загородил прикладом винтовки вход в избу.

— Мне надо к Чапаеву, — ответила фигурка тоненьким голосом.

— Да ты кто?

— Я Лида Ягунова. Хочу поступить в отряд.

— Так ты девчонка? Сколько же тебе лет? Тринадцать? Ай да молодец! — рассмеялся красногвардеец. — Только куда же тебе? Мала! Подрости малость.

— Я хочу в отряд! — упрямо крикнула Лида. — Пусти к Чапаеву!

Девчонка нагнулась и под винтовкой проскользнула в дверь.

— Тише, не так быстро! — прозвучал над ней спокойный голос, и Лида увидела усатого человека в военной форме.

— Так что, Василий Иванович, девчонка эта просится в отряд, — посмеиваясь, сказал часовой. — Только ведь мала очень, ей еще в куклы играть.

Чапаев внимательно осмотрел Лиду.

— Ничего, что молода! Зато шустрая, сразу видать, сорвиголова девчонка, — сказал он. — Ты чья?

— Самарского рабочего Ягунова дочь.

— Зачислить ординарцем и обучить пулемету, — распорядился Чапаев.

Однажды Лида стояла в секрете на передовой заставе. Ночь была морозная, светлая. Звезды сияли над головой. Вдруг вдали замаячили темные тени. Лида поняла, что к отряду подбираются казаки.

Ползком добралась она к своим.

Встреपнулись дремавшие партизаны. Раздалась команда:

— Первый батальон, вперед!

Защелкали выстрелы. Казаки ответили залпами. Лида была уже в передовой цепи и строчила по казакам из пулемета.

Неожиданно казаки перестали отстреливаться. Было заметно, что они обходили красные части с левого фланга, пробираясь в тыл. Тогда Лида вместе с партизаном Колей быстро перенесла свой тяжелый «максим» на левый фланг, где уже темной мас-

сой надвигалась казачья конница. Выбрав место поудобнее и укрывшись за кустами, Лида стала поливать белых быстрым пулеметным дождем.

Ободренная этим примером, цепь красnogвардейцев под-ровнялась и бросилась вперед.

Загрохотали навстречу орудия неприятеля. Осколки снарядов и шрапнели в клочья рвали землю. От пушечной канонады вздрагивал воздух. Застонали раненные. На белом снегу темными пятнами легли тела убитых.

Лида заметила, как несколько красnogвардейцев дрогнули и отступили. Девочка теснее прильнула к пулемету. Меткие пули «максима» разили врага. Наступавшие казаки залегли и стали окапываться. В этот момент около Лиды появился Чапаев. Он спрыгнул с коня и пронизывающим взглядом оглядел темные кусты. Заметив Лиду, он подошел и прокричал под таканье пулемета:

— Хорошо! Так! Бей их, буржуев! Бей белогвардейцев! Кольке, подававшему пулеметные ленты, он сказал:

— Не торопись, Колька. Подавай не так быстро, а то заест, дело испортишь!

Наступил рассвет. Бледные полосы легли на горизонте. Стали яснее видны цепи казаков.

Лида передохнула, проверила прицел и снова застрочила огненной пулеметной строчкой.

Казаки вздрогнули и врассыпную бросились назад. Чапаевцы за ними. Отбили пулемет и одно орудие.

После боя Чапаев позвал к себе Лиду. Он ходил по избе и напевал свою любимую песню «Вдоль по линии уральской молодой орел летал».

— А, это ты? — сказал он и вынул из кармана золотые часы. — На, возьми, носи и помни, как Чапаев ценит храбрость.

— Вот так чапаенок! — сказал кто-то рядом. — Собственные часы Чапаев отдал!

С тех пор и стали звать Лиду Ягунову «чапаенком».

...Цепи красных бойцов двигались на Уфу. Вдали серебрилась река Белая. Высокие камыши скрывали партизан от неприятельского обстрела. Василий Иванович Чапаев, сидя в лодке, руководил наводкой понтонных мостов через реку.

Вдруг над головами гребцов появился аэроплан и затрещал пулемет. Из-под черной папахи по лицу Чапаева потекла струйка крови. Лида кинулась к Василию Ивановичу перевязать голову.

— Ничего, это мне полезно. Две недели ничего не делал, заскучал даже... — сквозь стиснутые зубы шутил Чапаев.

...«Чапаенок» стала общей любимицей. Но однажды она рассердила Чапаева. У Лиды сломалась походная деревянная ложка. Недолго думая, она забежала в пустой казачий дом и взяла со стола металлическую ложку. После похода все

сели обедать в селе, только что взятом с бою. Чапаев заметил, что Лида ест металлической ложкой.

— Откуда это у тебя? — насторожился он. — Помню, у тебя была деревянная ложка.

Лида, смутившись, рассказала, как добыла металлическую ложку. Василий Иванович вспыхнул и ударил кулаком по столу.

— На коня! — приказал он.

Лида выполнила приказание, не понимая, в чем дело.

Вскочив на коня, девочка остановилась под окнами избы.

Василий Иванович вышел на крыльцо, строго посмотрел на нее и сказал:

— Чапаевец все с одного слова должен понимать. Я тебе прощаю эту оплошность по молодости лет. Сейчас же отвези ложку и положи там, где ее взяла.

А. МИХАЙЛОВ

ВОЗМУЖАНИЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Село Вилия на Волыни (ныне Острожский район Ровенской области). Извилистые улочки. Скрывшиеся в густых садах белые хатки. Быстрая речка, текущая среди зеленых лугов. Здесь 29 сентября 1904 года родился Николай Островский.

Детство Островского было таким же трудным и полным лишений, как и у миллионов детей рабочих и крестьян царской России. Он видел вечную нужду и нехватки и в своей семье, и в семьях своих товарищей — детей безземельных вилийских бедняков. Не раз оставался голодным. Семья была большая, и нередко не на что было купить куска хлеба. Отец, Алексей Иванович, был рабочим-солодильщиком на винокуренном заводе, лесным сторожем в селе Турье. Мать, Ольга Осиповна, готовила, стирала в господских семьях. Сестры, Екатерина и Надежда, ходили на поденщину. Нанялся подпаском старший брат Дмитрий.

Еще совсем маленьким, восьмилетним, Коля по-детски наивно пытается бороться против несправедливости. Узнав однажды, что местный богач не заплатил своевременно копеечный заработок батракам, Коля вместе со своими товарищами пробрался к нему в фольварк и разбил окна в бараке. За это Колю в шутку называли в Вилии стекольщиком. В другой раз мальчишки подожгли укрытые соломой господские бурты картофеля.

Коля жадно тянулся к знаниям. В Вилии он учился в сельской церковноприходской школе, из второго класса сразу перешел в четвертый и окончил школу с похвальной грамотой.

В 1914 году семья Островских переехала в Шепетовку — крупный железнодорожный узел на Юго-Западе. Здесь в дву-

классном народном училище Коля тоже был одним из лучших учеников. Несмотря на это, к нему постоянно придирался поп Василий, преподававший закон божий.

Пытливый мальчик, ссылаясь на учителя естествоведения, выразил сомнение в том, что поп правильно рассказывает о сотворении мира, и был наказан. Не миловал отец Василий и других детей. За это Коля решил ему отомстить: насыпал махорки в пасхальное тесто. Впоследствии Николай Островский опишет этот эпизод в романе «Как закалялась сталь».

Коля Островский

Отец Василий добился исключения Коли из школы.

Начался тяжелый трудовой путь 11-летнего мальчика. Он вынужден был пойти работать кубовщиком на кухню в привокзальном буфете станции Шепетовка, чтобы как-то помочь семье. И тут сам почувствовал, что значит работа на хозяина — работа по 14—16 часов в сутки. И при этом — грязная ругань, пощечины, подзатыльники грубых официантов.

«Сколько диких картин унижения человека насмотрелся я, «буфетный мальчик», — рассказывал Островский, уже будучи взрослым. — Но чем больше страшного и неприглядного я видел, тем сильнее росла во мне мысль: «Не могут люди жить так всегда. Лопнет у них, наконец, терпение... Не настоящая это жизнь для человека».

Лопнуло терпение и у маленького буфетчика. Позднее, обращаясь к своим зарубежным друзьям, Николай Островский писал: «Я всегда был очень гордым и никогда не сносил молча обид, не позволял унижать себя. Меня невозможно было заставить быть рабом. Я работал по 15—18 часов, работал честно. Но если хозяин поднимал руку на меня, то я бросался на него...»

Единственной радостью в жизни Коли было чтение. «Ничего я не любил с детских лет так, как книги, — говорил он. — Ради них я готов был пожертвовать всем. Прислуживая мальчиком на кухне, я отдавал свой обед газетчику за то, что он позволял мне в короткие минуты ночного перерыва читать журналы и книги».

В Шепетовском музее Николая Островского хранятся произведения, которые он читал в детстве и которые ему навсегда понравились: «Кобзарь» Т. Шевченко, «Тарас Бульба» Н. Гоголя, «Спартак» Р. Джованьоли, «Овод» Э. Войнич, «Андрей Кожухов» С. Степняка-Кравчинского и многие другие. В этих

произведениях рассказывалось о героях разных времен и народов, о людях мужественных и сильных, о тех, кто, не жалея своей жизни, шел на смертный бой с угнетателями бедных и обездоленных.

В воображении мальчика возникали картины великих битв, и в мечтах он видел себя их участником.

Часто ему хотелось по-своему переделать книги, попадавшие в его руки. Об этом он интересно рассказал в своем выступлении по радио 23 октября 1935 года.

В этот день сочинский летний театр «Ривьера» был переполнен. Партийные, советские, комсомольские работники, пионеры собрались сюда, чтобы чествовать Николая Островского, награжденного орденом Ленина.

«Меня часто спрашивают,— сказал он,— как я стал писателем. Этого я не знаю. Но как я стал большевиком, это я хорошо знаю!»

И Островский поделился воспоминаниями о своих детских годах и рассказал собравшимся об одном эпизоде, который, как ему казалось, отчасти отвечал на оба эти вопроса.

«Помню, мне было тогда двенадцать лет. Я работал «мальчиком» в кухне станционного буфета. Почти ребенок, я познал на своей спине всю тяжесть каторжного труда при капитализме. Я принес с трудом добытую книгу — роман какого-то французского буржуазного писака. В этой книге, я прекрасно помню, был выведен самодур-граф, который от безделья издевался над своим лакеем, изошряясь в этом, как только мог: щелкал его неожиданно по носу или кричал на него вдруг так, что у того подгибались со страху колени.

Читаю я про все эти штучки своей старушке-матери, и стало мне нелегко. И вот, когда граф ударил лакея по носу так, что тот уронил на пол поднос,— вместо того чтобы лакею униженно улыбнуться и уйти, как было у автора, я, полный бешенства, начал крыть по-своему.

Правда, при этом французский изящный стиль полетел к черту и книга заговорила другим языком: «Тогда лакей обернулся до этого графа да как двинет его по сопатке! И то не раз, а два, так что у графа аж в очках засветило...» — «Погодь, погодь! — вскрикнула мать.— Да где же это видано, чтобы графьев по морде били?!» Кровь хлынула мне к лицу: «Так ему и надо, подлюге проклятому! Пушай не бьет рабочего человека!» — «Да где ж это видано? Не поверю. Дай сюда книжку! — говорит мать.— Нет там этого!» Я с бешенством бросаю книжку на пол и кричу: «А если и нет, то зря! Я б ему, негодяю, все ребра переломал бы!»

Вот, товарищи, еще ребенком, читая подобные рассказы, я мечтал о таком лакее, который даст сдачи графу. Может быть, это и было начало моей писательской карьеры...»

Мальчик «давал сдачи» тем, кто пытался его унижить,

и поэтому работу в станционном буфете ему пришлось оставить. Старший брат Дмитрий устроил его подручным кочегара, а потом — учеником электромонтера на местной электростанции. Сам кадровый рабочий железнодорожного депо, Дмитрий Алексеевич оказывал на младшего брата большое влияние и многое сделал для того, чтобы воспитать его в пролетарском духе.

Это с его помощью Коля вошел в рабочую среду и именно здесь, на электростанции, познакомился с большевиком, бывшим матросом-балтийцем Федором Филипповичем Передерейчуком, который много чего рассказал ему о борьбе рабочего класса за новую, свободную жизнь.

Был еще один человек, который посеял в детской душе Коли первые зерна коммунистической правды. Это — тоже большевик, местный столяр, Иван Семенович Линник, после установления Советской власти — председатель первого Шепетовского революционного комитета. Как-то встретились они у списков кандидатов в так называемое Учредительное собрание, которое собиралось созвать буржуазное Временное правительство, созданное в России после свержения самодержавия в феврале 1917 года.

«Я выступал на летучем митинге, призывая голосовать за шестой список, по которому проходила наша партия на Воылини,— вспоминал И. С. Линник.— Вдруг подходит ко мне мальчик и спрашивает: «А что это за большевики такие?» — Я объясняю ему, и он говорит решительно: «Я буду голосовать за большевиков!» — Пришлось разочаровать его, сказать, что он еще не дорос. Это был Коля Островский. Одет он был очень бедно: в курточке табачного цвета, перешитой из одеяла, в стареньких сапогах, на голове старая армейская шапка. Случайное знакомство наше не оборвалось. Коля при каждой встрече начинал со мной разговоры на политические темы. Он привлекал к себе внимание живостью, сообразительностью, разумными и дельными вопросами».

Когда в 1918 году немецкие оккупанты заняли Шепетовку, 14-летний мальчик по поручению подпольного ревком расклеивает в городе его воззвания. Одно из них Коля умудрился наклеить даже на здание, где помещался штаб немецкой комендатуры. Он ходит в разведку, собирает в городе среди населения важную информацию, носит патроны красноармейским отрядам, которые боролись с кайзеровскими войсками и петлюровскими бандами.

Но вот ему на долю выпадает первое серьезное испытание. Случилось это при таких обстоятельствах. Петлюровцы захватили члена подпольного ревкома Федора Передерейчука. Ему угрожала смертная казнь. Бандиты повели его на вокзал, чтобы отправить в тюрьму, где должна была состояться казнь. Как раз в это время Коля шел по улице. Не долго думая, он

напал на конвоира. Воспользовавшись этим, Передерейчук бежал.

Удалось бежать и Коле. Но юный смельчак, преданный каким-то негодяем, попал в тюрьму. Его били, над ним издевались, требуя, чтобы он сказал, кто ему поручил освободить большевика. Но Коля, вспоминая Спартака и Овода, вытерпел пытки и ничего не сказал...

Май 1919 года. Части Красной Армии подходят к Шепетовке, ведут ожесточенные бои за город, ломая сопротивление петлюровцев. Коля — с красными бойцами в Городищенском лесу, помогает им, чем может, ходит в разведку, выполняет другие задания.

Когда город освободили, Коля вместе со своей учительницей М. Рожановской разбирает книги, сортирует их, не упуская при этом возможности расспросить ее о каких-то явлениях природы, о жизни других народов, поделиться впечатлениями о прочитанном.

В школе Коля Островский пользуется большим авторитетом, служит примером в учебе и поведении. Он возглавляет ученический комитет, участвует в организации школьного кооператива, чтобы улучшить питание учеников. И одновременно работает курьером в ревкоме.

20 июля 1919 года 15-летний мальчик вступает в ряды только что организованного Коммунистического Союза Молодежи Украины. Он создает в школе комсомольскую ячейку и становится первым ее секретарем, привлекает к работе школьную молодежь. Через семнадцать лет он напишет об этих тревожных днях: «В 1919 году... в Шепетовке нас было пятеро комсомольцев. Эту группу создал вокруг себя партийный комитет и ревком... Героически боролись первые комсомольцы Шепетовки против польских панов, петлюровщины и бандитизма всех мастей и оттенков».

Под натиском белополяков красные части вынуждены были временно оставить Шепетовку. Коля Островский добровольно вступает в ряды Красной Армии. Взяв на вооружение, как он говорил, «винтовку и двести патронов», с боями проходит от южных степей до стен древнего Львова.

В кавалерийской бригаде Г. И. Котовского, куда он попал вначале, а потом в 1-й Конной армии, которой командовал С. М. Буденный, юный разведчик и связной пользовался общей любовью.

Островский принимает участие в освобождении от белополяков Сквиры, Казатина, Бердичева, Житомира, Новограда-Волинского, Шепетовки...

Особенно тяжелыми были бои под Новоградом-Волинским. Чтобы лишить врага возможности отойти на другой берег реки, надо было уничтожить мост, под которым была заложена взрывчатка. Коля первым вызвался на задание. Хорошо зная

Островского, командир дал согласие, хотя на какое-то мгновение задумался: справится ли смельчак с таким сложным и ответственным делом? С молниеносной быстротой Коля очутился под мостом. Поджег цнур и что было духу помчался к своим. Со страшным грохотом мост взлетел на воздух, и красные конники ринулись в атаку. За это Коля получил благодарность и был отмечен командиром в приказе.

Вернувшись с частями Красной Армии в Шепетовку в июне 1920 года, Коля Островский сплавивает ряды местной комсомольской организации.

Узнав о гибели своих юных друзей, повешенных интервентами, Островский дает над их могилой клятву — до конца быть верным рабочему классу, отдать свою жизнь борьбе за освобождение человечества.

И снова поход на запад через лесную Волынь в составе 4-й кавалерийской дивизии. Горячие бои с отступающими белополяками.

И только тяжелое ранение в живот и голову подо Львов выводит из строя бойца Красной Армии Колю Островского.

Два месяца пролежал он в Киевском окружном военном госпитале, однако полностью восстановить здоровье уже не удалось. Осколок снаряда, попавший в голову, повредил зрение. Правый глаз у него уже не видит. Его демобилизуют из армии.

И в жизни 16-летнего юноши наступает новый этап борьбы — уже на другом фронте. Начинается славный и трудный путь — комсомольского работника, вожака молодежи, писателя-бойца, который создал, побеждая жестокую болезнь, бессмертные книги «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Ш. ВЯДРО

ЮНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Гражданская война в молодой Советской республике проходила в упорных боях. В январе 1918 года в Западном Казахстане была установлена Советская власть, а в конце марта белогвардейцы совершили контрреволюционный переворот. И только 25 января 1919 года Чапаевская дивизия взяла Уральск, и в области снова была восстановлена власть Советов. Воспользовавшись тем, что Чапаевскую дивизию отозвали с Уральского фронта к Уфе для ликвидации колчаковских банд, белоказаки снова пошли на Уральск.

Это случилось 23 июня 1919 года. Все попытки белых взять Уральск не привели ни к чему. Особенно мешал продвижению белоказачьих войск заслон в селе Новеньком, где находился железнодорожный батальон 194-го стрелкового полка 22-й стрелковой дивизии. В этот день красногвардейцы рыли окопы и устанавливали провололочные заграждения. И только поздно ночью уснули богатырским сном.

Миша Гаврилов

В одном из полков в дозоре стоял двенадцатилетний мальчик Миша Гаврилов. В шинели не по росту, в большом военном картузе, с карабином в руках. Из окопа его было чуть видно. Но Миша был бойцом исправным. Стоя на посту, он внимательно смотрел в степь, зная, какая важная задача на него возложена. И вдруг видит: кто-то скачет к нему на лошади. Миша вскинул карабин, ждет. Всадник подъехал и спрашивает:

— Эй, малыш, какая здесь сотня? Где дорога на Трекино?

— Здесь нет никакой сотни, здесь железнодорожный бата-

льон, — отвечает Миша, а сам глаз не спускает с него: свой или не свой, думает.

Но не успел он отъехать, как Миша сообразил: «Сотня! Ведь сотни только у белоказаков бывают! Значит, это белый офицер. Недаром он о Трекине спрашивал: там враги. Что же делать? Сообщить своим, но офицер ускачет — вон какой конь под ним резвый!»

Мгновенно Миша вскинул карабин и прицелился. Раздался выстрел. Лошадь забилась в смертельной судороге, а офицер бросился со всех ног удирать в степь. Миша вторично прицелился и нажал курок. Офицер упал.

Миша подбежал к нему, отстегнул полевую сумку и отнес ее в штаб, а сам вернулся к своему окопчику.

Ранним утром командир полка красногвардейцев Иноков разыскал Мишу Гаврилова. Тот дремал после караула на выступе окопа. Инокову было жаль будить юного бойца.

Но Миша, точно почуяв, вдруг вскочил.

— Здравствуй, орленок! — поздоровался командир полка. — Поздравляю! Ты добыл документ, который войдет в историю обороны Уральска. Город многим тебе обязан. Спасибо за геройский подвиг, за великую преданность революции. Ревком и штаб обороны представили тебя к награде.

Миша спросонок не сразу понял, о чем говорит командир полка, не знал, что ответить, как выразить радость.

Старый воин понял его волнение и, растроганный, прижал к груди голову Миши.

— Еще раз спасибо! Отдыхай. Скоро бой.

Взошло солнце, серое от дыма и пыли; над древней яйцкой землей нависла тишина. И если бы не истерзанная, заваленная трупами и влажная от крови земля, то нельзя было подумать, что здесь всего два часа назад кипела страшная битва.

В поселке Новеньком на вытоптанной, заброшенной осколками снарядов, но все еще зеленой траве лежали раненые. Врачи и сестры в белых халатах делали перевязки, отправляли в госпитали, в дома горожан тех, кого еще можно было спасти.

Возле подбитой пушки, на разостланной шинели лежал Миша Гаврилов. Полчаса назад его принесли санитары. Нашли Мишу на берегу Чагана.

Командир полка красногвардейцев, обходя раненых, увидел Мишу. Он опустился на землю, поднял руку мальчика, нащупал пульс и крикнул:

— Доктор! Доктора сюда!

Увидев своего командира, со всех сторон подходили бойцы.

В это время Миша открыл глаза. Узнал тех, кто стоял над ним, улыбнулся и простонал:

— Пи-ить...

Поднесли флягу с водой. Он хлебнул глоток, другой — вода, окрашенная кровью, потекла изо рта по бледным, запавшим щекам. Темные глубокие глаза юного чапаевца на миг засветились радостью.

— Значит, мы победили? — с трудом произнес Миша, вытянулся и затих.

Тело Миши вместе с телами других воинов-красногвардейцев привезли в штаб обороны. Защитники города прощались с героями.

В ясное летнее утро через весь город к Чагану их провожали тысячи бойцов, рабочих, горожан.

А недели через две в Уральский комиссариат пришел орден Красного Знамени, предназначенный для Миши Гаврилова. Орден возвратили в Москву с рапортом военкома: «Красноармеец Михаил Гаврилов пал смертью храбрых двадцать четвертого июня 1919 года при обороне города Уральска. Вечная память герою!»

*

Пришел август 1958 года. По центральной улице Уральска торжественным шагом проходит сборная дружина пионеров всех областей Казахстана. Впереди колонна знаменосцев. Пионеры несут венки из живых цветов и поют песни о мужестве их сверстников. Колонна останавливается.

Сегодня здесь состоится открытие памятника Мише Гаврилову.

Выступают пионеры Казахстана. Их слова звучат, как клятва.

— О Мише мы знаем из рассказов участников гражданской войны, — говорит Райхан Ибраев. — Он дорог нам и любим нами. Когда редакция пионерской газеты «Дружные ребята» объявила о сборе средств на сооружение памятника, пионеры

республики дружно взялись за дело. Мы работали в колхозах, собирали металлолом, выступали с платными концертами...

— Образ маленького чапаевца всегда будет жить в наших сердцах, — продолжает Галя Джанбашан. — Мальчик, который не имел детства, отдал свою жизнь за наше счастье, чтобы мы учились в школах, отдыхали в лагерях и «Артеке», ходили в туристские походы, чтобы никто и никогда не мог прервать наш веселый смех. И мы, пионеры, обещаем учиться только на «хорошо» и «отлично», быть смелыми и отважными, честными и трудолюбивыми.

— Шесть дней, — рассказывал Алик Мозговой, — мы были в походе по местам чапаевских боев. Своими глазами мы видели окопы времен гражданской войны, братские могилы, величественные памятники героям. Все пионеры Казахстана возьмут шефство над памятниками героям революции. Пусть цветут вокруг них цветы и зеленеют скверы.

Памятник Мише Гаврилову в Уральске, сооруженный на средства, собранные пионерами и школьниками Казахстана

Мы памятник этот ему воздвигаем,
Пусть крепнет в годах его подвиг и слава!
Пусть все пионеры узнают, услышат
О юном герое — Гаврилове Мише!
Он будет нам другом, будет примером,
Вечно живым, боевым пионером.

Под торжественные звуки гимна сборная пионерская дружина сняла покрывало с памятника. Юный герой стоит на пьедестале с гордо поднятой головой. Взгляд устремлен вперед, сурово сдвинуты брови. На пьедестале надпись: «Юному герою гражданской войны Мише Гаврилову от пионеров Казахстана». Пусть стоит в веках памятник мужеству уральского мальчика. Его героическому подвигу — пионерский салют!

В. ЖУКОВ

СЫН БРИГАДЫ КОТОВСКОГО

У человека больные ноги. Опираясь на костыли, он осторожно спускается по ступенькам, садится в автомобиль и мчится по улицам Москвы... К людям, туда, где кипит жизнь, на завод, где любимая работа, где рождается новое, прекрасное, светлое! У человека больное сердце. Но он ненавидит покой, мертвечину, праздность!

Человек невысок ростом, худощав, немолод. А глаза, улыбка, как и много лет назад, — молодо светятся.

— Николай, я узнал тебя! Ты совсем не изменился! — Петр Александрович Борисов — бывший комиссар кавалерийской бригады, которой командовал легендарный Григорий Котовский, — крепко стиснув в объятиях друга, и удивляется, и радуется.

Не изменился. А не измениться было трудно. За плечами большая жизнь: голод, война, учеба, строительство первого советского автомобильного завода, снова война, плен, побеги, тюрьмы, концлагеря. Всяко бывало. Но Николай выстоял, как положено большевику.

Комиссар Борисов сказал: «Николай, а ты не изменился!»

Николай Степанович вздохнул: где уж, не изменился! Сравнить нельзя, не сохранилось ни одной фотографии времен тревожного детства.

...Мечтал вскочить на коня, серого, в яблоках, и, выхватив саблю, мчаться на врага. Рубить его, треклятого, за то, что сжигает села, убивает родных людей. А вместо сабли и коня ему дали в руки нож и сказали: «Иди чистить картошку, бойцам есть надо».

Что это? Насмешка? Издевательство? На глаза 13-летнего человека набежали слезы обиды, а рука крепко сжала нож: «Буду резать... картошку!»

Начистил и с радостью смотрел, как повар Селиван Барбара бросал ее, белую, сочную, в солдатский котел и как потом красноармейцы уминали борщ, в котором... его картошка.

Это было летом 1920 года. В селе Червонном, вблизи Житомира, остановились на отдых кавалеристы бригады Котовского. Изголодавшаяся сельская детвора потянулась к красноармейцам.

Очень хотелось мальчишкам увидеть самого Григория Ивановича Котовского, который казался сказочным великаном. Ведь это он нес людям волю и счастье, гнал с Украины панское окховство, уничтожал хищные стаи бандитов.

Бывало, залажет босоногая команда в кустах и все видит... Вон высокий командир идет.

— Гляди, Котовский, — толкает в бок один другого.

— Дурак, у Котовского же ромбы на петлицах, — разочарованно вздыхает тот.

Однажды Колька не выдержал, выскочил из своей «засады», подбежал к командиру:

— Дяденька, возьмите меня с собой. Хочу с Котовским махновцев бить.

— Ишь какой герой! — рассмеялся командир. — Пока что кушать садись, — и пододвинул Кольке котелок с кашей.

Увидели бойцы, с какой жадностью Колька уплетает кашу, — поняли, — голодный и сказали: «Ты и завтра, сынок, приходи».

Так у походной кухни котовцев появился Колька Ткачук. А когда кавалеристы собрались выступить из села, мальчик начал упрашивать:

— И меня возьмите с собой. Отец и брат Саша махновцев бьют, и мне уже пора, — и поднялся на цыпочки, чтобы все увидели, какой он уже большой.

Поехал Колька с котовцами. Только и успел передать через людей маме, чтобы не убивалась за своим младшеньким, потому что пошел Колька на фронт не за чем-либо другим, а отца и брата Сашку искать.

Как примостился новый сын бригады Коля Ткачук на тачанку к лихим пулеметчикам, так и не расставался с ними. Но на стоянках мальчик, как и прежде, чистил картошку, мыл котлы и ходил за лошадьми. И делал это с большим увлечением, так как понимал, что это и вправду помогало бить контрреволюционную сволочь. И все же продолжала в нем жить заветная мечта: врезаться на всем скаку на тачанке во вражеские ряды и рубануть саблей хоть одного бандита!..

Однажды котовцы получили приказ выбить из Казатина белополяков.

Полевая кухня разместилась вблизи от артиллерийской батареи — трех трехдюймовых орудий. Селиван Барбара только лишь начал варить завтрак, а вдалеке, из-за садов, появились

белополяки — первые вражеские солдаты, которых Кольке пришлось увидеть в бою. Вот бы сейчас с саблей на них! Но грохнули орудия... К Кольке подскочил командир взвода:

— Открой рот!..

— А-а-а! — от неожиданности закричал Колька и широко разинул рот. А белополяки тем временем повернули назад и кинулись наутек.

С тех пор котовцы иначе, как «Колька, разинь рот», мальчика не называли. Однако его не обижало это прозвище, потому что не пугали его уже орудийные выстрелы. Вообще он уже ничего не боялся. Даже не стало страшно, когда их пулеметный взвод оторвался от сабельных эскадронов. Пришлось пулеметчикам самим сдерживать атаки белополяков.

Кончились патроны, а где штаб бригады, никто не знал. Тогда вызвал Кольку командир взвода Величко и сказал:

— Дело к тебе, сынок, важное, очень важное... Может, жизнь всего взвода сейчас от тебя зависит, понимаешь, Колька.. — и смерил глазами Кольку с головы до ног. А вид у мальчика, надо сказать, был неказистый: сельские драные штанишки, исцарапанные босые ноги (не успел еще командир взвода позаботиться о военной форме самого молодого в бригаде котовца...)

— Итак, задание будет такое, — продолжал командир Величко, — тебе легче, чем взрослому, пробраться через вражеские посты, пробиться к нашим и разыскать штаб бригады. Должен ты самого Григория Ивановича Котовского найти и помочь к нам привести...

Отправился Колька разыскивать самого Котовского. Быть может, навстречу своей смерти пошел... Долго рассказывать, как он пробирался через вражеские заставы, как обманывал белополяков, плакал, притворялся, будто к больной тетке в соседнее село бежит. Одним словом, целый день и целую ночь плутал, пока разыскал село, в котором увидел родные островерхие буденовки, красные ленты, своих котовцев.

— Ну-ка, только скорее говорите, где тут штаб Котовского стоит... С донесением к начальнику иду, — радостно закричал Колька.

А красноармейцы, от удивления пожав плечами, рассмеялись:

— Чего кричите, товарищ связной? Вон там штаб Котовского, — и повели его к обычной крестьянской хате.

Заходит Колька. Видит: у окна высокий командир стоит, будто что-то обдумывает.

— Мне к самому Котовскому, — говорит Колька.

Командир взглянул на мальчика с интересом и ответил:

— А я и есть Котовский.

Наверное, не таким представлял себе Колька легендарного героя-комбрига, а еще более высоким и с виду более внушительным. И Колька внезапно потребовал:

— А покажите-ка документы, что вы и есть Котовский.

Высокий командир засмеялся и вынул из кармана красную книжечку. Заглянув в нее, Колька удостоверился, что перед ним и вправду сам Григорий Иванович Котовский, о встрече с которым он так мечтал. И Колька рассказал ему о трудном положении, в котором оказался отряд пулеметчиков.

Григорий Иванович немедленно послал взводу помощь. А впереди котовцев на лихом коне мчался Колька. Он показывал кавалеристам дорогу туда, где ждали помощи окруженные врагом красноармейцы.

Вскоре к пулеметчикам приехал Котовский. Заметив Кольку, комбриг подозвал его к себе, поцеловал и сказал командиру:

— Поищите мальчонке сапоги, подгоните ему по росту форму... И берегите мне парнишку!..

Коля Ткачук часто ходил в разведку.

Сколько раз ему приходилось в махновском логове бывать, крутиться вместе с другими мальчишками возле самого, всегда пьяного, «батьки» Махно!

Научили котовцы Кольку стрелять из нагана и винтовки. А в свободное время между боями мальчик, как и прежде, помогал на кухне.

Неожиданно в жизни юного сына бригады произошла чудесная перемена.

Шло к концу лето 1920 года. Взвод котовцев отдыхал. Не спалось только маленькому поваренку. Мучили разные заботы: «Что утром на завтрак варить будут? Неужели снова опостылевшую картошку чистить?» Думал, а глазенки бегали по пулеметам, у которых спали бойцы.

Начал Колька учиться уже и из этого оружия стрелять. Вчера, например, мальчик помогал красноармейцам чистить пулеметы, пристреливаться к местности. Бойцы даже позволили ему выпустить несколько патронов. Тра-та-та-та! Эх, как здорово запел пулемет! Тра-та-та-та-та!.. Но пулеметчик Федор — лучший приятель Кольки — сразу положил руку на гашетку. «Нельзя зря патроны тратить», — сказал он. Жадюга! Пожалел. Вот бы сейчас: «Тра-та-та-та!» Колька вскочил с шинели, служившей ему постелью, лег у пулемета. Взгляд его упал на речку, отделявшую их от леса, на темное небо, которое чуть-чуть посветлело перед рассветом.

— Глянь, какой шикарный летний пейзаж! Вон к той березке пристреливайся, — сказал ему вчера Федор. У этого Федора всегда какие-то чудные слова... «Шикарный! Пейзаж!» Говорят, что Федор до революции был студентом, должен был стать учителем, а теперь лучше всех во взводе бьет белополяков из пулемета.

... Однако что это? Как будто этот «шикарный пейзаж» вчера был не таким. Колька даже подскочил!.. На поле появи-

лись всадники. Вот только что вылетели из лесу, уже форсировали вброд речку и мчатся на них, на эти бедняцкие хатки, в которых спит пулеметный взвод. А всадников тьма-тьмушая.

Не успев опомниться, Колька припал к прорези, схватился за гашетку. Тра-та-та-та!..

Мальчик не видел, куда стрелял. Поворачивал во все стороны пулемет, а сам кричал:

— Белополяки! Белополяки!..

А вражеские всадники уже падали, уже поворачивали своих коней назад. Это действовал Колькин пулемет!

Тра-та-та-та-та!!!

Рядом заговорили еще пулеметы. Это просыпались котовцы.

Однако когда бой закончился, командир товарищ Величко выстроил взвод и сказал всем, что это Колькин пулемет отбил атаку противника.

После этого мальчик уже на кухню не ходил. Товарищ Величко подвел к нему красивого коня и сказал:

— Это тебе... Хватит на бричке ездить.

А вскоре в бригаде снова заговорили о Кольке Ткачуке, о том, как благодаря ему котовцы захватили у белополяков 150 лошадей.

*

Через некоторое время к пулеметчикам снова заглянул Григорий Иванович Котовский.

Выстроились бойцы, приветствуя комбрига. На левом фланге, рядом с Величко, на коне сидел Колька Ткачук. Котовский, как только увидел мальчика, так сразу к нему и подъехал. А Кольку как раз перед этим в бою в ногу ранили.

— Боец Ткачук состоит на денежном и боевом довольствии? — спросил комбриг.

— Нет. Мал еще, четырнадцать лет мальчишке.

— Приказываю: с сегодняшнего дня Николая Ткачука зачислить бойцом отдельной кавалерийской бригады, — произнес Котовский. А через полчаса по его распоряжению Коле принесли новые валенки, чтобы не мерзла раненая нога.

Так из сына бригады Николай Ткачук в свои 14 лет превратился в настоящего красноармейца.

А когда закончилась гражданская война, пулеметчики торжественно откомандировали «сына бригады Котовского», как все величали Кольку, в школу командного состава, чтобы стал он образованным советским командиром.

Ехал Николай Ткачук на учебу на одном из тех коней, которых отбили в графском имении. На груди у юноши пылал огнем красный бант — подарок котовцев.

Комиссар бригады Петр Александрович Борисов, прикалывая ему на грудь этот бант, сказал:

— Береги этот бант! Это — частица нашего знамени. Пусть он ведет тебя по широким дорогам жизни.

Много лет прошло с тех пор. Инженеру Московского автомобильного завода имени Лихачева коммунисту Николаю Степановичу Ткачуку не посчастливилось сохранить этот трогательный подарок. Но котовцем, солдатом в строю, он считает себя и по сей день.

С. ЗОРИНА

ОРЛЕНОК

КОМАНДИР БОСОНОГО ОТРЯДА

Весной 1919 года войска Восточного фронта Красной Армии нанесли сокрушительный удар колчаковцам и начали быстро продвигаться к Уралу. В составе 2-й армии наступала прославленная 28-я стрелковая дивизия во главе с легендарным начдивом Владимиром Мартыновичем Азиным.

В конце июня части дивизии проходили через большое село, расположенное неподалеку от Красноуфимска. Азин с группой командиров медленно ехал по улице, заполненной жителями села. Как и везде, первыми встречали красноармейцев мальчишки. Их не пугали ни грохот орудий, ни взрывы снарядов, ни ружейная и пулеметная стрельба.

Вот, как воробышная стайка, через дорогу кинулась шумная ватага детворы. Двое самых маленьких пробежали последними, чуть не попав под копыта коня, на котором ехал Азин.

А впереди ватаги босой черноволосый мальчик кричал товарищам:

— Сюда, ребята, сюда! Через огороды... А за поворотом снова их встретим...

Мальчишки исчезли, голоса стихли. Но когда всадники миновали поворот дороги, послышалось снова:

— Сюда, ребята, сюда!..

Азин заинтересовался: куда же ведет этот черноволосый стайку ребятишек? Гляди, будто и вправду командир! А как быстро выполняют они его команды!

Возле большого деревянного дома, где расположилась оперативная группа штаба дивизии, Азин остановился. Начальник группы товарищ Контрим, приблизившись к начдиву, кратко доложил:

— Противник пытался закрепиться на высотах, но мы его выбили... Наши части продолжают наступать.

Азин приказал:

— Передайте в бригады, чтобы лучше вели разведку, выставили походное охранение...

Неподалеку стоял все тот же черноволосый мальчик и внимательно разглядывал Азина.

— Ну-ка, орел, подойди поближе. Куда это ты ребят за собой таскаешь? Смотри, еще ненароком под коней попадете, что тогда?

— Нет, дяденька Азин, под коня у нас никто не попадет, у нас дисциплина. Ходим по команде... Я — командир, я отвечаю за каждого...

— Гляди, какой храбрый! И даже знает фамилии наших командиров.

— Никаких я командиров не знаю. А вашу фамилию, дяденька Азин, все наше село знает... Наши ребята первыми узнали. И все колчаковцы, солдаты и офицеры, тоже вашу фамилию знают. Только они говорили, что вы очень сердитый; говорили, такой злой, что на людей и не смотрите, вот как говорили. А мне сестра сказала, что брешут белые, потому что вас боятся. Они от вас удирают...

Знаете, сколько тут колчаковцев было? Не сосчитать... И все спешили, один другого подгоняли: «Скорее, скорее...» А один офицер, толстый такой, с большими усами, все размахивал наганом и в воздух стрелял. Кричит: «Всех перестреляю!» А кого хотел перестрелять — непонятно: то ли своих солдат, то ли наших мужиков... Раз пять садился на своего коня, а потом слазил и опять бежал в избу. За ним — офицеры, все что-то докладывали, а он махал руками и ругался. Скажет два слова и снова ругается... Говорит: «Все тут красные! Все тут красные! И старики и бабы, и взрослые и дети, все, все»...

А про вас, дяденька Азин, он кричал: «Попадет к нам в руки этот Азин, мы из него несъедобную котлету сделаем!» А что оно такое «несъедобная котлета» — мы не знаем. Потом сел на своего коня, опять несколько раз из нагана в воздух выстрелил и помчался по улице, вон туда, куда пошли ихние солдаты. А потом и все за ним поскакали. Вон с той горы артиллерия помчала, а пехота вот по этой улице побежала.

А сегодня тут прошло много-много красноармейцев. Наверное, целый полк. И... и... артиллерия. Командиры так хорошо и громко командовали...

— А где же ты научился командовать?

— Так что, разрешите доложить, от солдат. Тут белые были и наши. Мы слышали — вот и научились...

— Научи-и-и-лись, — протянул Азин, — как попугай: «Так точно», «Никак нет».

Мальчик покосился на нагайку, которой Азин слегка хлопывал по голенищу, и засопел.

— Ну-ну, не сердись, — сказал Азин. — Я, когда был таким, как ты, тоже командовать любил. Ты лучше Расскажи, что это у тебя за «гвардия» и что она делает.

— Так что, разрешите доложить, дяденька Азин, это пока еще пехота... Но все хотят быть кавалеристами. Только коней у нас нет — всех белые забрали. Мы без седел умеем ездить. Вы не думайте, дяденька Азин, что мы балуем... Мы по-настоящему... А меня ребята сами выбрали... — горячо рассказывал мальчик. — Вон там, за горкой, наш караул стоит.

— Что за караул? Кого караулят?

— Белых караулим... Они из села утром ушли и в лесу спрятались, а мы сторожим, чтобы не разбежались... Мы в лес разведку посылали. Гришка Козырев ходил...

— Так-так, — нетерпеливо похлестывал нагайкой по перилам Азин.

— Гришка рассказывал: сидят, говорит, они там, в лесу, в ямах, и никуда не идут.

Азин подозревал ординарца.

— Давай за Контримом. Чтоб сейчас же здесь был...

И, повернувшись к мальчикам:

— А где Гришка?

— А я тут, — смущенно выглянул из-за черноволосого рыженький мальчик.

— Ну!

Гришка молча моргал глазами.

— Гляди какой! — сказал Азин, но его перебил черноволосый.

— Дяденька Азин, вы его не подгоняйте, он сроду такой. Если спрашивать и подгонять, от него и слова не добьешься. Ты, Гриша, расскажи командиру, что там видел, а потом покажешь, как туда добраться...

Мальчик помолчал, поморгал глазами и напомнил:

— Да ты уже все сказал. А как добраться — я могу...

Из-за угла хаты показался Контрим и вытянулся перед Азиным:

— По вашему приказанию...

— Ладно. Сегодня без докладов... — прервал его Азин. — Срочное дело. За две версты отсюда, в лесу, прячутся белогвардейцы. Намерения их неизвестны, но они могут напасть. Надо их захватить. Сколько их там — не знаю. Но сколько бы ни было, много людей не берите. Выдели конный взвод из того эскадрона, что стоит здесь. Пусть сначала пошлют разведку... И парнишку этого пусть возьмут — он покажет, как туда добираться. Командиру взвода передай, что за этого парня он головой отвечает.

Схватив Гришку за руку, Контрим побежал к расположению эскадрона.

— Дяденька Азин!.. — слышалось не то всхлипывание, не то шепот. — Дяденька Азин, а я?.. Я же командир, а белых без меня брать будут...

Начдив положил руку мальчику на плечо.

— На этот раз без нас обойдется. За меня — командир эскадрона, за тебя — Гришка... Управятся...

Азин подвел мальчика к крыльцу и посадил его на ступеньки.

Потом сел сам.

— Скажи мне, командир, откуда ты такой взялся? Как тебя зовут?

— Коля... Николай Федорович Пермиков, — поправился мальчик. — Мы здешние. Папку и мамку убили, а я живу с сестрой, с Дусей... Нас белые не нашли. Она в лесу пряталась, а я в бане. Папку они страшно мучили, я из бани все слышал, а мамка только раз и крикнула...

Мальчик внезапно сгорбился и опустил голову. В такт своим мыслям Азин с силой стучал кулаком по колену.

— Дяденька Азин, — на командира глядели полные слез глаза, — возьмите меня в Красную Армию. Мне уже двенадцать исполнилось. Я и из винтовки стрелять умею, и гранату брошу... И команду знаю. Хоть в разведку, хоть куда-нибудь...

Молча смотрел Азин на хрупкую дрожащую фигурку в посконной сорочке и задумчиво качал головой. Что лучше: взять мальчика с собой или оставить здесь?.. При штабе таких уже трое. Но те уже привыкли к походам, закалились, а этот?.. Трудно ему будет. Дивизия ежедневно делает по двадцать верст. Штаб — «на колесах». Не выдержит такой щупленький... Ребенок... Еще не испытал походных тягот. Но у него горе... Что ж, найдутся добрые люди, помогут...

— Нет, дорогой, не могу тебя взять. От всей души рад был бы иметь в своей дивизии такого орленка... Потерпи немножко... Подрастешь, тогда призовут тебя в армию, не спрашивая о твоём желании.

— Тогда будет неинтересно. Вот если бы теперь хоть немножко повоевать... Я же не боюсь ничего... Возьмите меня в армию, дядя Азин, возьмите...

— Подрости, сынок, подучись, — Азин положил руку на черный мальчишечий чубчик и, заглянув в лицо, серьезно закончил:

— Потерпи...

Сзади зазвенели шпоры. Кто-то незаметно подошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Из второй бригады, от товарища Пуринга.

— Давай в штаб, — приказал начдив и, не оглядываясь, быстро взошел на крыльцо.

Выслушав донесения и отдав приказ, Азин рассказал командирам о встрече с мальчишками и о разговоре с Колей.

— Видите, до чего белые людей довели! Мальчишки, дети, рвутся в бой. Дай ему винтовку — сразу в атаку побежит... Распался народ... Вот отчего так паникуют белые офицеры...

Земля у них горит под ногами. Каждая былинка жжет... Как четко и интересно, со всеми подробностями, обрисовал этот черноглазый мальчик всю обстановку. После его рассказа кажется, будто прочитал оперативные сводки бригад и политотдела дивизии. Там все: и настроения жителей, их отношение к колчаковцам и к Красной Армии, растерянность и паника белогвардейских офицеров, беспорядочное бегство артиллерии и пехоты. И тех белых, которые спрятались в лесу, он не проглядел. Рассказывает искренне, волнуется... А ну-ка, Стек,— обратился он к ординарцу,— где эти орлята? Позови их сюда, надо их хоть чаем напоить...

Через несколько минут Стек доложил, что мальчишки все разбежались и никто не знает, где они подевались.

КРАСНЫЕ ЛЕНТЫ

Закончив в штабе свои дела, Азин вышел из избы. У ворот стоял уже не вороной конь, на котором приехал сюда начдив, а высокая серая тонконогая кобыла. В ее гриву были вплетены три шелковые красные ленты.

Садясь на коня, Азин сначала не обратил внимания на это украшение. Однако, разобрав поводья, он крикнул ординарцу:

— Стек, что это ты наделал? Женить меня собрался, что ли? Или на свадьбу провожать? На первой же стоянке выбрось эту «декорацию».

Но в дороге начдив подозвал ординарца и сказал, чтобы он ленты пока не расплетал... Уж больно красиво они вплетены.

Ехали быстро, и вскоре начдив вместе с несколькими командирами оказался на линии передовых пехотных подразделений. Шла винтовочная перестрелка, трещали пулеметы, открыла огонь артиллерия. Красноармейцы вели бой с вражеским арьергардом. Свернув немного в сторону, начдив въехал на невысокий пригорок, чтобы следить за ходом боя. Наша пехота перебегала через небольшой мостик. Ясно было, что враг здесь надолго не задержится.

— Позови-ка мне, Стек, того ординарца, который разукрасил мою кобылу...

— Ординарец Дегтяренко по вашему приказанию явился.

— Кто тебе разрешил устраивать такую декорацию в боевых походных условиях?

— Да не я это, а девчонки...

— Какие? Скорее рассказывай — пора ехать. Видишь: вражеская пехота уже бежит...

— Мы привели коней в это село часа за три до вашего прибытия. Хозяйка поставила на стол две кринки с молоком. Мы быстро опорожнили их, напоили и накормили коней, когда видим — с криком вбегает во двор орава малых девчонок. «Что

вам здесь надо?» — спрашиваю. — «Мы пришли посмотреть на Азина», — отвечает одна. — «Его здесь нет, — говорю, — здесь только его конь». — «А можно, — говорит она, — вплести одну ленточку коню в гриву?» — «Если вам уж такая охота — вплетайте. А как же вы это сделаете? Малы ведь еще и, наверное, боитесь коней?»

Смотрю, они куда-то бросились со всех ног. Через полчаса появляются, а с ними три взрослые девушки, принесли целую охапку лент. Спрашиваю: «Куда вы столько? Разрешаю только одну...» Но они меня упростили хотя бы три разрешить... Заплетали старшие, а маленькие им помогали. Заплетали «по всем правилам», по-девичьи. Слышу — между собой разговаривают: «Мы хоть и маленькие, а тоже любим наших командиров и красноармейцев. Пусть это будет нашим маленьким подарком...»

— Молодец, — сказал Азин, — правильно все понял. Дело не в ленточках. Они нам ни к чему, но нельзя было девочек обидеть. — И, обратившись к командирам, продолжал: — Нантерпелся уральский народ от колчаковцев. Люди не знают теперь, как им Красную Армию отблагодарить... Дети — и те хотят для нас хоть что-нибудь сделать...

ОРЛЕНОК ПРИЛЕТЕЛ

Прошло два дня. Дивизия продолжала наступление по Сибирскому тракту на Екатеринбург. На коротком привале, когда июльская полуденная жара загнала Азина в прохладную избу, где он пил только что принесенное из погреба холодное молоко, в дверях показался Стек.

— Товарищ Азин! А орленок сам прилетел.

— Какой там еще орленок? Говори яснее.

— Да тот мальчишка, который в дивизию просился. Командир ребячьей гвардии...

— Как так? Я же ему отказал!

Азин заметно нервничал. Он намеренно резко говорил с ординарцем, словно пытаясь отогнать чувство вины перед мальчиком.

Стек молчал. Он хорошо знал своего командира: когда сердится — не спорь. Потом спросил:

— Разрешите продолжать? — И, не дожидаясь ответа, начал рассказывать о том, что мальчишка верхом на коне с потником и веревочными стременами прискакал в село, где расположился штаб, и прибил к конной роте. Бойцы его сразу полюбили. Он прекрасно знает местность и может быть хорошим проводником. Разведчики просят разрешения оставить мальчика с ними. На довольствие зачислять его не надо: сами, говорят, прокормим и оденем.

Нахмурившись, Азин молча слушал Степа. Однако когда тот, все больше увлекаясь, приближался к концу рассказа, в глазах начдива вспыхнули искорки.

— Ох, как же ты красиво и убедительно поешь. Уговорили они тебя так докладывать? Хорошо же они тебя обработали. Не ординарец, а прямо адвокат... Давай их сюда.

Через минуту в избу вошли четыре разведчика и Коля.

— Так что, по вашему приказанию, товарищ начдив...

Азин встал, вышел из-за стола и пошел навстречу разведчикам.

— По приказанию, говорите? А по чьему приказанию разведчики 28-й дивизии действующей 2-й армии Восточного фронта принимают в свое подразделение несовершеннолетних? Да еще тех, которым начдив лично отказал в приеме в армию? Вы что, самовольничаете?

Не сразу разведчики поняли иронию командира. А Коля испуганно ждал, что его вот-вот отправят обратно домой.

— Разрешите обратиться, товарищ Азин! — заговорил рослый боец. — Это не мы самовольно, это мальчонка самовольно прибежал. А мы к вам с просьбой: отмените свой запрет, позвольте оставить мальчонку у нас. Мы, конечно, закон понимаем...

— А парнишка он очень смекалистый, — ласково улыбаясь, повернулся разведчик к Коле, — все стежки-дорожки знает, все схватывает с полуслова. Очень он всем по сердцу пришелся...

Слушая солдата, Азин думал: «Как разумно рассуждают и действуют наши бойцы. Они сразу поняли положение мальчика. Здесь, среди старших товарищей, он забудет о своем горе, найдет настоящих друзей. Здесь он увидит, как мстят убийцам его родителей, и сам примет в этом участие... Глянешь на него — невольно сердце дрогнет. Не жалеть его надо, а любить, как полюбили бойцы, принявшие сироту в свою суровую семью».

И, круто повернувшись, улыбаясь в усы, кинул через плечо:

— Ладно, уговорили! Сте-е-ек! Скажи писарям: зачислить приказом Николая Пермякова, сына рабочего, круглого сироту, красноармейцем команды конных разведчиков на довольствие и так далее...

Вскоре Колю Пермякова одели, обули, выдали ему карабин, подобрали легонькое казачье седло. И конек у него был свой, как раз по росту. Бойцы уважительно величали мальчика по имени и отчеству, а за глаза называли «черноглазым орленком». Под этим прозвищем знали его и на Урале, и на Южном фронте, куда дивизия была переброшена после Екатеринбургской операции.

А. ГУНДОРИН,

*бывший начальник артиллерии 28-й дивизии,
генерал-майор артиллерии в отставке*

ВАНЯ И МИХАСЬ

НОВЫЙ БОЕЦ

Осень 1919 года.

Трое разведчиков-кавалеристов в бинокль осматривали местность. Они не подозревали, что буквально в пяти шагах за ними наблюдали два внимательных настороженных глаза. Вдруг позади раздался сухой треск, и что-то тяжелое, мягкое упало в кусты. Разведчики мигом залегли и приготовились к схватке. Но выстрелов не последовало. Кавалеристы услышали только стон.

Сжавшись в клубок, на земле лежал мальчонка лет двенадцати и испуганно косился на подошедших к нему военных.

— Что, ушибся, малец? — сочувственно улыбаясь, спросил командир разведчиков.

— Малость задело, — не по-детски серьезно ответил парнишка и попытался встать, но тут же застонал и присел наземь.

— Вот уж достанется тебе от отца! — пообещал один из разведчиков, недовольный тем, что их обнаружили.

— Нет у меня папани...

— Ну, так от матери.

— Нет у меня и мамани, — всхлипывая, ответил мальчишка, и по его худым, обильно усеянному веснушками щекам потекли слезы.

— Да ты не плачь, не бойся, — успокаивали его разведчики.

— А я вас вовсе и не боюсь, — сквозь слезы ответил мальчик. — Вы красивые.

— Коли так, давай знакомиться. Звать-то тебя как?

— Иваном.

— Значит, тезки мы с тобой, — улыбнулся командир разведчиков и, присев на корточки, добавил: — Покажи-ка, милоч, ногу...

Ванюша нехотя поднял изодранную штанину. У него было вывихнуто колено...

— Да, — озабоченно протянул командир разведчиков. — Плохи твои дела, сынок. Ну, вот что, нам тут с тобой долго задерживаться нельзя... Федор!

Тот, кого он назвал Федором, подошел поближе.

— Придется тебе вернуться. Сам видишь, не оставлять же здесь хлопца. На коня — и к своим. Покажешь его фельдшеру. Передать командиру, что в деревню идем вдвоем.

— Ой, дяденька! — испуганно вмешался в разговор Ваня. — В деревню вам нельзя. Там беляки. У них даже пушки есть.

— Пушки, говоришь? — насторожился командир разведчиков.

— Да, штук шесть. На ветряке пулемет у них. Сам видел. А со стороны Лесянки пушек нет.

— А в селе много белых?

— Много. Там у них кавалерия. А самый главный белый у попа живет.

— Спасибо, дружок. Ты, Федор, поезжай. Да передай командиру, что от хлопца слышали.

Было уже далеко за полночь, когда разведчики возвратились в полк. То, что они сообщили мне, целиком совпадало с рассказом мальчика.

— Видать, смысленный парнишка мой тезка, — с теплотой в голосе проговорил командир разведчиков. — Жаль, родителей у него нет.

— Да, — задумчиво рассуждал я. — Куда его пристроить, ума не приложу.

— Товарищ командир, а что, если у нас оставить?

— У нас? — мысль эта была настолько неожиданной, что я даже растерялся. — А что он у нас делать будет? Только мешать.

— Да что вы, товарищ командир! Хотя бы картошку на кухне почистит, за лошадьми присмотрит, и то помощь. Пропадет ведь мальчишка.

Я согласился. Так в нашем полку, в Первом Конном корпусе С. М. Буденного, появился юный боец.

Через несколько дней я увидел его во время утренней поверки в первом эскадроне. Подтянутый, аккуратный, он стоял на левом фланге и старался во всем подражать взрослым.

На нем была ладно подогнанная шинель, коричневые сапожки и барашковая шапка с пятиконечной звездой. Все это было любовно сделано кавалеристами эскадрона, среди которых нашлись свои портные, сапожники, шапочники.

... Шло время. Наш конный корпус вырос в Первую Конную армию. За ее плечами были победы над деникинцами, впереди — новые бои... Порою нам приходилось туго. Вместе со всеми конармейцами безропотно делил все тяготы походной жизни и наш воспитанник — Ваня Сынок. Так уж получилось, что буденовцы называли его сынком. Это добавление к имени вскоре заменило ему фамилию. С легкой руки писаря он так и остался в списках полка под именем Ивана Сынка. Время стерло в моей памяти его настоящую фамилию.

Бойцы научили Ваню грамоте, обращению с оружием, верховой езде. А после одного боя, когда мы захватили большие трофеи, подарили Сынку боевого коня и офицерский кортик.

ПЕЧАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Ванюше часто приходилось расставаться со своим блестящим обмундированием. Он надевал на себя старую одежду, натягивал на ноги дырявую, истоптанную обувь, вешал на спину грязную, заплатанную котомку и отправлялся в разведку.

Путь его пролегал по фронтовым дорогам, через многочисленные деревни, местечки, города, занятые белыми войсками. И вряд ли кто-нибудь мог подумать, что этот маленький оборвыш и попрошайка, этот на вид глуповатый и затурканный мальчишка является одним из лучших разведчиков в моем полку.

И надо было видеть, как мастерски играл Ваня свою роль, прикидываясь то нищим, то пастухом, потерявшим корову, то родственником какой-то несуществующей тетки — кухарки самого «господина полковника». И всюду, где бы не приходилось бывать, он приглядывался, высматривал, подслушивал, подсчитывал. А через денек-другой я уже имел точные данные о расположении войск врага, их штабов, огневых точек. Ваня умудрялся даже приблизительно сосчитать, сколько штыков и сабель в том или ином гарнизоне, сколько орудий, пулеметов, броневигов.

Как-то (это было на Екатеринославщине) к назначенному сроку Ваня из очередной разведки не возвратился. В штабе полка встревожились. Начальник полковой разведки, тот самый, который впервые привел Ваню в полк, несколько раз справлялся о мальчике, но я знал столько же, сколько и он: Ваня пропал.

Иван-старший ходил хмурый, озабоченный и, наконец, не выдержал.

— Василий Дмитриевич, — обратился он ко мне, — Сынка разыскать надобно бы. Разрешите мне?

Я с болью в сердце отказал. Мы не могли приносить в жертву еще одного человека, ведь никто из нас не знал, что приключилось с Ваней.

А Ваня между тем тщательно искал выхода из создавшегося положения. Тихой безлунной ночью он перешел незаметно линию фронта и уже наутро стоял у деревенской церкви и жалобно просил милостыню. День был воскресный, народу собралось много, но мало кто бросал мальчишке медячок или ломоть хлеба. Слишком уж много развелось нищих в те годы, и люди научились равнодушно проходить мимо них.

И вдруг на церковную площадь, чуть ли не врезаясь в толпу, галопом выскочил отряд белых казаков. Перепуганные прихожане бросились было бежать, но зычный голос есаула остановил их.

— Шапки долой! — взревел он, наезжая на людей. — Нам известно, что в селе скрывается раненый большевик. Так вот, ежели до конца обедни вы его не выдадите властям, мы расстреляем десять заложников, а по селу красного петуха пустим. Ясно, а-а? И не вздумайте тикать, деревня окружена так, что и мышь не проскочит.

Люди угрюмо молчали, а казаки, схватив первых попавшихся десять женщин и стариков, куда-то поволокли их.

«Надо отсюда побыстрее выбираться», — подумал Ваня и, закинув котомку на спину, побрел за околицу. Там его остановил патруль.

— Далеко собрался, голоштаный? — с издевкой спросил здоровенный казак и, ткнув его ножнами сабли, неожиданно заорал: — А ну, марш отседова, пока каши березовой не поел...

Неудачной оказалась и вторая попытка уйти из села. Не помогли ни Ванины рассказы о пропавшей корове, ни даже настоящие слезы. И маленький разведчик решил переждать. К счастью, на краю села нашелся полуразвалившийся сарайчик. Едва мальчик успел зарыться в солому, как раздались чьи-то шаги. Ваня притаился. Скрипнула дверь. Он услышал певучий голос женщины.

Она убеждала сынишку:

— Ты, Михась, тут пересиди, пока эти уедут. А ужин я тебе принесу. Только не выходи, даже если будут стрелять. Не забудь — не высовывайся. Ради меня, сынок...

Дверь опять скрипнула — женщина ушла.

Через какой-то час послышались крики, выстрелы, над крышами домов заметалось, забегало пламя. Михась мелко задрожал, заплакал и побежал к дверям. Ваня в два прыжка догнал его, схватил за голову и ладонью зажал мальчику рот.

— Т-с-с!

Михась, не поняв, что с ним произошло, хотел вырваться из Ваниных рук. Но незнакомец оказался сильнее его.

— Молчи, — шептал он Михасю. — Сказала ж тебе мамка! А меня не бойся. Только сиди тихо.

Они пробыли в сарайчике до вечера. Обещанного ужина мать так и не принесла. Мальчишки сидели, тесно прижавшись друг к другу, голодные, подавленные неизвестностью.

Глубокой ночью, когда еще догорала деревня, они услышали цокот копыт. Каратели уезжали.

Крепко держа Михася за руку, Ваня вышел из своего убежища. Зловеще вспыхивали в темноте искры над пожарищами, тревожно лаяли собаки, надрывно мычали чьи-то коровы. Ваня и Михась, крадучись, миновали церковную площадь и огородами выбрались за село.

И вот они стоят передо мной. Страшен и печален их рассказ.

...Когда карательный отряд увел заложников, крестьяне понуро разбрелись по домам, не зная о спрятанном коммунисте, а те, кто знал, молчали. Село словно вымерло. Кончилась обедня, но казачий есаул так и не дождался доносчиков. И тогда были расстреляны заложники. Вzbешенный офицер приказал устроить повальный обыск и поджечь село. В хате у Михася они нашли раненого коммуниста, которого хозяйка взяла к себе при отступлении красных. Первым запыхал ее дом, а затем

и другие хаты. В последний раз увидел Михась свою маму, когда вместе с Ваней уходил из села. Она и тот, кого она прятала, висели на дереве у самой церкви...

С тех пор у нашего Сынка появился побратим, а в полку — еще один маленький разведчик.

ПОБРАТИМЫ В РАЗВЕДКЕ

Летом 1920 года Первая Конная армия была переведена на польский фронт. Прорвав оборону белополяков, красные конники стремительным броском овладели Житомиром, Бердичевом, Радомышлем, Новоградом-Волынским, Ровно. Главные силы белополяков в панике отступали в северном и западном направлениях. Но враг еще не был разбит. Он упорно, цепляясь за каждый клочок украинской земли, оказывал сопротивление. Особенно яростно огрызались части второй армии белополяков, засевшие в районе города Дубно, где действовал мой полк.

В начале июля я получил приказ от командира дивизии готовиться к взятию Дубно. Это был довольно-таки крепкий орешек. Город представлял собой настоящую крепость. Окруженный с трех сторон болотами, он был связан с внешним миром тремя узкими дорогами. Две из них находились в тылу у врага, а третья, по которой двигались наши войска, простреливалась вражеской артиллерией. Чтобы подавить ее, надо было точно узнать, где она расположена.

Задача была трудная, почти неразрешимая. Посылаемые мной разведчики не могли проникнуть в город; они возвращались ни с чем или вовсе не возвращались.

И тогда в поход отправились наши малыши.

В Дубно они пробыли целый день. Разыгрывая на этот раз роль беспризорных дружков, они обшарили весь город, много увидели, узнали. Единственное, чего им не хватало, — это сведений о крепостных батареях. Как ни изощрялись ребята, а в крепость пробраться им не удалось.

День был на исходе, утомленные мальчики спешили до захода солнца выбраться из города. Они шли тихой, почти безлюдной улицей, утопающей в зелени садов. Неожиданно их оклинули.

— Эй, подите-ка сюда, — строго позвал их обрюзгший, толстый офицер. Рядом с ним стоял маленький паныч и капризно хныкал:

— Мой змей, мой змей...

Ваня и Михась остановились, выжидательно поглядывая на толстяка.

— Ну-ка, быстрее пошевеливайтесь, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Бежать? Но неизвестно, чего хочет этот надменный офицер. Да и стоит ли бежать? Мальчики нерешительно подошли.

Офицер открыл калитку и, пропустив вперед Ваню с Миха-сем, вошел с ними в сад.

Почти у самого дома, приютившегося среди фруктовых деревьев, клумб с душистыми настурциями, кустов сирени, он остановился.

— Вот,— сказал офицер, указывая пальцем на верхушку большой развесистой яблони, где трепетал зацепившийся за ветви ярко разукрашенный змей.

Ваня облегченно вздохнул. Он быстро взобрался на дерево и достал панычу игрушку.

За калиткой сада Ваня дернул Михася за руку.

— Не туда...

Михась удивленно посмотрел на друга:

— Как не туда? Нам же направо...

— Нет, налево. Я, когда слазил с дерева, сумку офицерскую видел. Окно настежь открыто, а возле окна — стол. Она с краю лежит, толстая. Знаешь, какие там могут быть бумаги? Взять бы их...

— Только как? — развел руками Михась.

— А так... — и Ваня зашептал что-то Михасю.

СМЕЛОСТЬ И НАХОДЧИВОСТЬ ПОБЕДИЛИ

Стоя на плечах у Михася, Ваня внимательно осматривал комнату. Она была пуста, а сумка по-прежнему лежала на том самом месте. Его отделял от сумки какой-нибудь метр. Не мешкая, Ваня цепко ухватился левой рукой за подоконник, а правой потянулся за сумкой. Секунда — и она уже внизу, у Михася. Еще секунда — и Ваня готов был прыгнуть с плеч друга. Но в этот миг кто-то невидимый схватил его за руку и сжал ее, словно в тисках.

— А-а, пся крев... Попался, ворюга!

— Ой, дяденька, больше не буду! — закричал Ваня и больно ткнул Михася в плечо. Михась понял сигнал. В то же мгновение Ваня почувствовал, что повис в воздухе, и сильные мужские руки втащили его в комнату. Только здесь он увидел стоящий в нише диван, который из окна нельзя было заметить. На нем и отдыхал польский полковник, который теперь свирепо смотрел на Ваню.

— Сумка где? — наотмашь ударил офицер мальчика по лицу.

— Я не буду больше, дяденька... — заскулил Ваня, не отвечая на вопрос, чтобы дать Михасю время выбраться из сада.

— Я тебя, собачий сын, о сумке спрашиваю! — звонко прозвучала вторая пощечина.

Ваня опять затянул свое. Офицер кликнул денщика.

— Поди под мое окно подыми сумку,— приказал полковник появившемуся в дверях солдату.

За эти десять минут, пока солдат искал сумку, Ваня успел получить еще несколько ударов.

Наконец, не выдержав, офицер высунулся из окошка и нетерпеливо заорал:

— Ну, чего так долго? Давай сюда.

— Тут ничего нет, господин полковник!

— Ах так! Ты не один был? — повернулся офицер к Ване и тотчас денщику: — Поднять тревогу, оцепить сад, обыскать все вокруг. Живо!

... Ночью к нам возвратился Михась. Вместе со сведениями о противнике, вместе с ценными документами из офицерской сумки он принес нам тяжелую весть: Ваня в руках врага.

Через два дня конармейцы с боем взяли Дубно. В подвале вражеской контрразведки мы нашли Ваню. Его тело, истерзанное, исполосованное шомполами, его изуродованное лицо говорили о многом. Враг так и не узнал, кем был Ваня и куда делась полковничья сумка. Захваченный в плен денщик полковника, рассказавший на допросе о пытках, выдержанных Ваней, дивился мужеству мальчика.

Мы похоронили нашего Сынка, как бойца, с воинскими почестями. А через полгода пришлось расстаться и с Михасем: он уехал в трудовую коммуну. Где он сейчас, не знаю. Может быть, стал инженером, может, водит трактор или добывает уголь, может быть, посвятил свою жизнь армии.

*

Мне часто приходится встречаться с пионерами, комсомольцами. И когда меня просят рассказать о гражданской войне, о боях Первой Конной армии, о настоящем героизме, я всегда вспоминаю Ваню и Михася, наших маленьких разведчиков и больших храбрецов.

*В. КРЮЧЕНКИН,
генерал-лейтенант в отставке*

ПОДВИГ ЮНГИ САШКА

Мы вели бой с двумя белогвардейскими кораблями в Таганрогском заливе Азовского моря. Это было в 1920 году, когда Красная Армия, разгромив на юге деникинские войска, загнала их остатки в Крым. У нас было два сторожевых корабля — «Данай» и «Пугачев». Я вместе с командиром дивизии находился на «Данаете», который шел впереди. За нами этим же путем следовал «Пугачев». Враг сосредоточил весь огонь на «Данаете». Снаряды падали недалеко от корабля, свистели осколками, но пока ничего не зацепили.

Вдруг корабль сильно встряхнуло, одновременно раздался глухой взрыв. Из машинного люка с шумом вырвался пар и

дым. Корабль сбавил ход. Старший механик вмиг поднялся на мостик и доложил:

— Товарищ командир дивизиона, в машинный отсек попал снаряд. Повреждено управление главной машины. Один машинист убит, другой обварен, кочегар тяжело ранен. Исправить повреждение сейчас невозможно.

— Передать на «Пугачев»: пускай берут нас на буксир, — скомандовал командир дивизиона.

Вызвать помощь мы не могли. Браг заметил, что «Данай» потерял ход, и усилил обстрел. Несколько человек уже были ранены. Ежеминутно можно было ждать прямого попадания и гибели в бурных волнах. Однако на корабле, не обращая внимания на опасность, каждый четко выполнял свое боевое задание. Особенно старались комендоры. Трудно даже представить, насколько они увеличили скорострельность нашей единственной пушки.

Между тем «Данай» развернулся бортом к волнам. Волны заливали палубу, сорвали шлюпку с блока. Ее вмиг сбросило за борт, и она, полуразбитая, потонула.

«Пугачев» подходил к «Даная». Около него также густо начали падать снаряды. Видно было, как с палубы уносили раненых матросов. Через несколько минут «Пугачев» взял нас на буксир, и мы медленно двинулись.

Но, видимо, нашего «Даная» покинуло морское счастье. Вдруг перестала стрелять пушка. Старшина доложил, что в замке поврежден боек. А запасного нет: ящик с запасными частями смыло волной за борт. Боек можно было достать на «Пугачеве». Но как это сделать? Шлюпка разбита, если послать пловца, он не доплывет: большая волна.

— Сигнальщики! Спросите «Пугачева», есть ли у них запасной боек для замка пушки! — приказал командир дивизиона. — Если есть — доставить на «Данай».

Через несколько минут с «Пугачева» был получен ответ: «Запасной боек есть, по переслать не с кем, много раненых».

Тогда юнга Сашко вызвался перебраться с бойком на «Данай» по буксирному тросу. Но позволит ли командование послать мальчика?

Командир дивизиона подошел ко мне.

— Ну, комиссар, как быть?

Юнга Сашко был моим приятелем. Этого двенадцатилетнего мальчика, сына моряка, убитого белогвардейцами, я сам устроил юнгой на корабль. Сашко оказался очень способным и смелым мальчиком. Уже через месяц я наблюдал, как он передавал и принимал семафор с других кораблей не хуже любого опытного сигнальщика. Часто я видел, как Сашко ловко лазил на мачты расправлять запутанные в снастях флаги.

Тяжело было рисковать жизнью мальчика, любимца всей команды. Но я понимал, что другого выхода нет.

— Нужно позволить, — сказал я командиру.

Море возле кораблей кипело от взрывов снарядов. Маневрировать с буксиром было тяжело. Скорость кораблей уменьшилась наполовину. У меня было много дел, но я не мог оторваться от бинокля, наблюдая за тем, что происходило на «Пугачеве». Я видел, как снаряжали Сашка: прикрепили к поясу боек, обвязали мальчика концом каната, чтобы можно было втянуть назад, если юнга оборвется с троса.

Вот Сашко ухватился за толстый шестидюймовый канат, зацепился ногами. Так он должен был ползти девяносто метров — это длина троса.

«Пугачев» оставил за кормой узкую полосу воды длиной метров тридцать — сорок, на которой не было большой волны. Этот промежуток Сашко быстро преодолел. Дальше канат лежал на воде, и пенистые гребни волн часто закрывали его вместе с мальчиком, как будто старались оторвать юнга от каната, затянуть в водоворот. В этой борьбе Сашко быстро устал. Вот он перестал двигаться, прижался к канату и замер. Видно было, как он тяжело дышал, выплевывая изо рта воду. Вот Сашко снова стал перебирать руками и ногами по канату, передвигаться вперед. Осталось уже метров восемь — десять. Вдруг громадная волна накрыла Сашка, с силой оторвала его от каната и понесла прямо на «Данай». Еще один миг — и она ударит мальчика о борт. Но сильные руки комендоров вовремя успели подхватить его.

Я сбежал с мостика, бросился к Сашку. Он совсем обессилел, не мог говорить. Руки — с ободранной на ладонях кожей, в крови. Я поднял его и понес в кают-компанию, где мы оборудовали перевязочный пункт. Комендоры отвязали от пояса Сашка боек и бросились готовить пушку к бою. Через пять минут она уже стреляла. Бой разгорелся с новой силой. Вот сразу один за другим в головной корабль врага попало два снаряда. Корабль повернул на девяносто градусов и начал отдаляться от нас, пользуясь преимуществом скорости хода. Через полчаса от него остался только дым на горизонте.

Я навесил Сашка. Он лежал на диване, крепко спал. Лицо его, похуевшее и бледное, было спокойным.

Когда мы возвратились на базу, я написал командованию флотилии о геройском поступке Сашка. Приказом по флотилии юнге была объявлена благодарность.

...Окончилась гражданская война. Меня назначили на другую должность, а Сашко еще оставался на «Данай». Потом он окончил Высшее военно-морское училище.

Прошло двадцать восемь лет, и я случайно встретился с ним на Севере во время Великой Отечественной войны. Мы обрадовались встрече, как родные. Бывший юнга был уже капитаном

второго ранга, военным атташе в одной из дружественных стран.

Мы о многом говорили, вспоминали и случай, о котором я рассказал.

— Знаете, когда я лез по тросу, все вспоминал, как белогвардейцы убили моего отца, — сказал он. — Очень мне хотелось отомстить им как следует...

*А. НЕВОЛИН,
бывший комиссар дивизиона
сторожевых кораблей*

ШЕСТИЧАСОВОЙ БОИ

Однажды командир партизанского отряда, действовавшего в Каменском уезде Алтая, Игнат Владимирович Громов позвонил к себе Кирию, усадил с собой рядом, обнял по-отцовски и сказал:

— Хочу дать тебе боевое задание... Побывать надо в Корнилове у мельника Монохина. Да и к попу заглянуть надо, узнать, есть ли у них офицеры и чем они занимаются. Понятно?

— Понятно.

— Сбрасывай с себя одежду, надевай самое что ни есть рваное, будто нищий, и шагай в деревню за милостынькой. Сумеешь?

— Все как есть разведую! — восторженно воскликнул паренек.

Задание мальчик выполнил успешно...

Отряд Громова готовился к выступлению. Однако плохо, очень плохо было с боеприпасами. И тогда было решено организовать сбор патронов по деревням среди подпольщиков и надежных людей — бывших фронтовиков.

Поставнева и Кирия Баева Громов послал в село Поперечное за револьверными патронами, хранившимися у одного из подпольщиков. В село они приехали, когда во многих домах уже погасли огни: крестьяне спать ложились рано, керосин купить было трудно, поэтому жгли его экономно. Однако в доме, куда им надо было явиться, ставни почему-то были не закрыты и ярко светились окна. Поставнев остановил лошадь и сказал Кирие:

— Сходи-ка, Кириуха, загляни к Петру в окошко, не беяки ли у него.

Кирия соскочил с телеги и направился к дому подпольщика. Вернулся быстро, зашептал:

— В самом деле беяки. Самогонку пьют за столом.

— Что же теперь делать? — в задумчивости проговорил Поставнев.

— А вы, дядя Прокопий, езжайте назад, а я тут останусь, — предложил Кирия. — Может, удастся патроны взять, да и по-разведую, сколько в деревне беяков.

Поставнев поколебался, а затем решил:

— Ладно, оставайся.

— Только карабин мой возьмите, а мне наган дайте,— попросил Кирия.

— На, и гранату получи, может, пригодится. Не дай бог, на беляков невзначай попадешь.

Кирия сунул в карман наган, за пазуху — гранату и пошел вдоль улицы, а Поставнев вернулся в отряд. Ночью Кирия все-таки забрал патроны у подпольщика и разузнал, сколько беляков находится в селе...

Кирия Баев

Когда Кирилл возвращался из села Поперечного, недалеко от него по проселочной дороге протарахтела телега. Человек, сидящий в ней, часто оглядывался назад, словно изучая, зачем парнишка бредет по поляне. Это был известный попереченский кулак. Он узнал паренька и заторопился в село. Разыскав начальника карательного отряда, доложил:

— Кирыку Баева сейчас видел в степи. Это, ваше благородие, партизанский разведчик. Он-то уж верно знает, где отряд Громова скрывается. Надо бы его того... захватить...

Подпоручику эта затея пришлась по душе. Еще бы! Узнать, где отряд, налететь на него врасплох и расколотить в пух и прах... От самого адмирала Колчака можно благодарность заслужить, а то и повышение в чине.

Через несколько минут двадцать семь карателей выехали из села и двинулись на рысях в погоню за Кирей Баевым.

А Кирия медленно брел по степи, собирая на пригорках поспевшую ягоду. И вдруг до него донесся цокот многих копыт.

Он оглянулся. Пригнувшись к гривам лошадей, всадники, рассыпавшись по полю, неслись прямо на него. «Беляки! — тревожно метнулась в голове мысль. — Надо бежать, надо где-то скрыться». Однако кругом были луга, да метрах в ста начались пашни, покрытые неровными рядками пшеничных кустиков. За пашнями — лесок, веселый, кудрявый, залитый солнцем, но до него не успеешь добежать, и скрыться в нем невозможно, все равно разыщут. И тут он увидел небольшую земляную избушку с плоской крышей. Вот где можно укрыться!

Кирия изо всех сил побежал к избушке, не оглядываясь назад. Но и без того по лошадиному топоту чувствовал, что всадники его настигают. Теперь уж, может быть, триста, двести, а то и меньше метров отделяет их от него. Кирия не слышал, как офицер скомандовал: «Бей по ногам!»

Когда пули тонко запели вокруг него смертную песню, мальчик подумал: «Это конец!» Не ходить ему больше в разведку и после с радостью не докладывать: «Задание выполнено!», не бывать ему больше в своей деревне...

Взвизгнула впереди пуля, подняв фонтанчик пыли, еще и еще... И вдруг ногу обожгла невыносимая боль, и Киря ткнулся головой в теплую траву... Но вдруг его рука нащупала наган. У него есть граната, наган и патроны! Так почему же он лежит? Он может еще биться! Кирилл через силу поднялся и, сжав зубы, чтобы не кричать от боли, захромал к избушке. Да, она совсем близко. Шаг, еще один. Вот она! Успел, успел добраться, прежде чем его захватили каратели! Теперь он живым им не дастся. Закрыв дверь на засов, Киря повалился на земляной пол у маленького оконца. Выглянул из-за косяка.

Всадники спешили и двинулись к избушке. Киря тщательно прицелился и выстрелил в оказавшегося совсем близко солдата. Белогвардеец пластом повалился на землю. Другие рассыпались в цепочку, залегли, не решаясь двигаться вперед. Забарабанили беспорядочные выстрелы. Пули, ударяясь в землянку, поднимали пыль. Звякнуло и разлетелось стекло в окне, обдав Кирю острыми брызгами.

— Вперед! — подал команду офицер, спрятавшийся за бугром. Белогвардейцы, почти сливаясь с травой, поползли. Киря молчал, и они, осмелев, поднялись в рост, побежали к избушке. Тогда партизан открыл огонь. После первых же выстрелов упал высокий, с обвислыми запорожскими усами солдат. Бросив винтовку, он пополз назад, волоча перебитую ногу. Взмахнул руками еще один и распластался на земле. «Ага, есть! Еще одним меньше стало», — подумал Киря, разряжая револьвер. Белогвардейцы попадали в траву и стали торопливо отползать. Удалившись на почтительное расстояние, они открыли стрельбу из винтовок. Запели, засвистели пули, но паренек не отвечал.

— Вперед! — снова прокричал офицер, но никто не двинулся с места.

— Вперед, сволочи! — зло выругался он и, размахивая наганом, двинулся к избушке, думая, видно, увлечь своим примером других, однако солдаты продолжали лежать.

Киря разрядил наган по офицеру, но пули прошли мимо. И все-таки выстрелы заставили офицера вернуться на прежнее место.

Наступило затишье. Белогвардейцы о чем-то спорили. Прошло полчаса, может, больше, и Киря увидел, как от них отделились несколько человек и перебежками двинулись к пашне. «Решили с другой стороны обойти», — подумал паренек, — да все равно не дамся».

Гнетуще тянется время. Прилетела ворона, уселась на стропилину и закаркала. Кире стало как-то не по себе. Вспомни-

лись партизаны. «Эх, если бы они узнали, что беда со мной! — вздохнул он. — Крикнул бы товарищ Громов: «Скорее по коням! Выручим моего связного!» И вот все вскакивают на коней и несутся сюда, к полевой стоянке. Беляки — бежать, а партизаны их саблями... Разве от партизана убежишь?..»

Как-то по-особенному тревожно, словно предупреждая об опасности, закаркала ворона, сорвалась и захлопала крыльями. Через несколько минут кто-то осторожно прошелся по крыше. Посыпалась внутрь избушки земля, пыль неприятно зашкотала в носу. Вскоре в потолке образовалась дыра и в ней показались длинные крючковатые руки, отваливающие пласти, а затем и рябоватое, в морщинах, лицо карателя. Кирия вскинул наган и выстрелил. Каратель дернулся, и голова его застряла в узкой щели. Кто-то оттянул мертвеца за ноги от дыры, и в ней показалось теперь молодое безусое лицо. Грохнул выстрел Кирия, белогвардеец страшно вскрикнул и исчез.

Стало слышно, как с крыши спрыгнуло двое или трое и побежали, громко топая сапогами. «Не взяли, не взяли!» — торжествовал Кирия. Дальше он видел, как трое солдат присоединились к остальным, притащив с собой раненого. Они что-то доложили офицеру, тот махнул в сторону избушки рукой, и загрохотали винтовочные выстрелы. Кирия прижался к полу.

Стрельба, затишье, проверка, жив ли осажденный в землянке парнишка, опять стрельба, затишье, проверка... Так продолжалось долго. И ни одна белогвардейская пуля не тронула Кирию Баева.

Офицеру надоела эта томительная, не дающая результатов осада. Лишь потери большие принесла она: четверо убитых и трое раненых. Надо что-то придумывать другое...

Недалеко от залегших белогвардейцев, на неторной дороге, пролегающей около пашен, показалась телега, груженная соломой. На возу сидел крестьянин в заплатанной одежде, с непокрытой головой.

«Вот что надо сделать, — догадался офицер, — обложить соломой избушку и поджечь. Пускай горит партизанский гаденыш!»

— Эй, мужик, езжай сюда! — крикнул он, размахивая наганом.

Крестьянин послушно свернул с дороги и направился к офицеру. Приблизившись, он остановил коня, спрыгнул с воза, спросил:

— Чего надоть?

Офицер недобро блеснул ровными белыми зубами:

— Вот чего, мужик: на твою долю выпала честь послужить освободительной армии и верховному правителю. Езжай к избушке, обложи ее соломой и подожги. Партизан в ней укрывается...

Крестьянин побледнел, борода у него затряслась, и он закрестился.

— Свят, свят, свят... Это как же можно? Человека живьем сжечь... За такой грех и на том свете не примут. Нет уж, ослобоните меня от этого, господин офицер.

— Не разговаривать! — грозно прикрикнул офицер. — Делай, что велют. Не то и тебя с ним огню предам. Попадешь ли на том свете в ад, неизвестно, а тут мы тебе его уготовим. Ну!..

Крестьянин взял лошадь под уздцы и, шепча: «Прости, господи, мою душу грешную...» — сгорбившись, медленно зашагал к избушке. Он беспомощно привалился к возу, несколько минут постоял в раздумье, затем еще раз перекрестился и стал обкладывать полевой стан соломой. Вспыхнул огонек, и языки пламени зализали стены, за клубился белесоватый дым. Крестьянин отвернулся, из глаз покатились крупные слезы.

— Эх, жизня! — выдохнул он, вскочил на телегу и ударил по лошади. Подпрыгивая на выбоинах, телега пронеслась мимо белогвардейцев и скрылась в низинке. Оставив там лошадь, крестьянин выполз на бугор и стал наблюдать, что будет дальше.

Кирия мог бы застрелить мужика, когда он подвозил солому, и вскинул было уже наган на подоконник, но раздумал: «А он тут при чем? Его заставили. Убью, беляки сами тогда подожгут, раз решили. Уж лучше я один сгину...» От мысли, что с ним сейчас будет, паренек содрогнулся, прижался к стене и зажмурился. Дым ел глаза, выжимая слезы, лез в нос и в рот, стало тяжело дышать. Жарко, ох как жарко! Пот грязными ручейками заструился по лицу. Одежда тлеет и, наверное, скоро вспыхнет пламенем, и тогда... Нет, нет, не надо об этом думать, лучше уж сразу, без мыслей, без ожидания...

Упала горящая жердь, обдав Кирию горячими искрами. Паренек сжался в комочек и прильнул к земляному полу: так легче дышать.

Сколько прошло времени, он не мог сказать, но ему показалось — очень много. Почему так долго тянется ожидание этой неизбежной смерти?.. Уж скорее бы... но что это? Вроде бы стало легче дышать, и горького привкуса дыма не чувствуется. Кирия открыл глаза. В избушке светло, ветер через разрушенную крышу, словно через вентиляционную трубу, вытягивает остатки дыма.

Кирия выглянул в окошко, и, кажется, вовремя. Белогвардейцы, думая, видно, что паренек погиб, подходили к избушке. Шли открыто, в рост. Баев выстрелил. Ближний солдат покачнулся и упал, остальные разбежались. Кирия с ожесточением стрелял им вслед. И вдруг... Он обшарил карманы и нашел всего один патрон — маленький, блестящий, который почему-то стал тяжелым... Последний патрон! И граната... Больше нечем будет отбиваться от врагов, а до ночи еще далеко...

Что же теперь делать? Сдаться?.. Но Кире вспомнился отец. Он был недавно схвачен карателями, его долго пытали, добиваясь, чтобы сказал, где скрываются партизаны, а затем застрелили. Так же, как отца, беляки будут мучить, пытать и его. Нет, это страшно, страшнее, чем умереть. Да и как можно сдаться в плен? Эта мысль ему показалась нелепой и постылой. Ведь партизаны в плен не сдаются, об этом как-то и товарищ Громов говорил в отряде: «Пулю себе в лоб пусти, но врагу не покорись. Лучше умереть орлом, чем жить зайцем». Да, да, эти слова навсегда врезались в память Кири.

Белогвардейцы снова пошли на приступ, решив во что бы то ни стало взять партизана живым. Киря выбрал удобный момент и метнул гранату. Беляки попадали на землю, но граната не разорвалась.

От обиды на глаза Кири навернулись слезы. Он плотно сжал губы, чтобы не разреветься. Затем резким рывком оторвал от рубахи лоскут и вывел на нем, обмакнув палец в кровь, сочившуюся из раны: «Умираю, но гадам не сдаюсь!» Пристроил лоскут к стене и вышел из избушки.

Белогвардейцы лежали в тридцати — сорока метрах и не стреляли.

— Эй, гады, разрешите несколько слов сказать! — крикнул он им.

— Говори! — донеслось из белогвардейской цепи.

Киря набрал воздуха в легкие, и голос его по-мальчишески громко прозвенел:

— Все вы негодяи, раз идете против трудящихся. А партизан вам не победить. И я вас не боюсь...

— Хватит ораторствовать! Сдавайся! — прокричали белогвардейцы.

Киря высоко вскинул голову и запел:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу...

Еще эхо не потушило последние слова похоронного марша, как Киря медленно поднял наган и послал в себя пулю, последнюю пулю.

Народ не забыл Кирилла Баева. Одна из улиц в Камне названа его именем, это имя носит и пионерская дружина школы. На родине героя в селе Поперечном Каменского района Алтайского края ему поставлен памятник.

С. ОМБЫШ-КУЗНЕЦОВ

«МЫ СЫНЫ БАТРАЦКИЕ»

По пыльным узким улицам Карасубазара шел из Феодосии отряд черноморцев. Шел в Севастополь на соединение с революционными частями флота, чтобы выступить единой силой против контрреволюции. Моряков провожали мальчишки, пристраивались в шеренги и босыми ногами чеканили шаг, поднимая клубы серой пыли.

— А почему без песни? — спросил босоное пополнение идущий в стороне моряк с тяжелой деревянной кобурой на поясе.

— Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир... —

громко запели ребята.

На окраине города командир объявил привал, и ватага мальчишек, с песней прошагавших за моряками через весь город, рассыпалась полукругом. Один из них, стройный, белокурый, курносый и веснушчатый, все крутился возле моряка с кобурой и вдруг решился:

— Товарищ командир, прошу зачислить добровольцем в ваш революционный отряд.

— Тебя как зовут-то, доброволец?

— Костей звать, Стаценко. Сын я батрацкий. Мне уже скоро шестнадцать будет.

Костя приврал, конечно, шел-то ему только пятнадцатый.

— Значит, буржуев бить хочешь? Мал ты еще. Вот подрастешь и обязательно пойдешь добровольцем, Костя Стаценко, и боец из тебя получится хороший, это я тебе точно говорю, глаз у меня верный... А сейчас собирай свое воинство и айда домой.

Отряд ушел в сторону Севастополя, и как же удивился командир, когда за много километров от Карасубазара как-то после ночного привала он обнаружил под кустом спавшего мальчишку, — того самого, белокурого, курносого Костю Стаценко. Присев возле мальчика, он долго разглядывал его, покачивая головой и хмурясь, потом тронул за плечо. Костя вскочил, испуганно глянул на моряка, но тут же улыбнулся.

— А я за вами все время шел... Теперь-то вы меня обязательно возьмете в отряд, да, товарищ командир?

— Нет, не возьмем, — погасив улыбку, сказал моряк как можно строже. — Дойдешь с нами до Севастополя, а там, как подвернется оказия, отправим тебя домой. Вот такое мое решение, и менять я его не буду, хоть как ты меня ни проси. Сказал: рано тебе воевать, значит, так оно и есть. Ну, ладно, вставай, изголодался поди...

Отряд двинулся дальше, и Костя пошел с моряками теперь уже открыто. На душе было невесело, все шло к тому, что при-

дется ему возвратиться домой: командир моряков глаз не спустил с Кости.

Несколько раз он останавливал встречные подводы и о чем-то толковал с возчиками, показывая на мальчика, но, вероятно, подходящих попутчиков не попадалось, и Костя шел с отрядом дальше. Вот и окраинные улицы Севастополя.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Кости, не узнай он в пожилom моряке, деловито спешившем куда-то, своего соседа по дому. И не только соседа, но и большого друга, который хорошо знал всю семью Стаценко, а Костю уважал за самостоятельность, серьезность и трудолюбие.

— Дядя Карнаух! — радостно закричал Костя.

— Костя? Ты откуда здесь взялся? — удивился Карнаух.

Костя начал было сбивчиво рассказывать, но подошел командир отряда и отвел в сторону Карнауха. Они о чем-то переговаривали, потом моряк пожал Косте руку, сказал, что теперь он за него спокоен, пожелал ему «попутного ветра», и отряд ушел. А Костя остался с Карнаухом, очень довольный этой встречей, уверенный, что теперь все у него сложится так, как задумал.

Карнаух попросил рассказать, что там дома, и Костя заговорил оживленно:

— Митингуют в городе, мужики землю требуют. А в милиции — все те же городовые. Пока не прогоним их, не видать мужикам земли. Ведь прогоним, да? — спросил он, заглядывая сбоку в лицо Карнауха серыми, блестящими от волнения глазами.

— А как же иначе? Конечно, прогоним...

— Вот видите. И я тоже хочу бороться... Что же мне смотреть, как другие за справедливость воюют? Ведь не маленький я уже, дядя Карнаух.

— Не маленький, это точно, — согласился Карнаух. — Только вот воевать тебе еще рановато. Да не волнуйся. Ведь я же не говорю, что ты ни на что не годен. Помочь нам ты, конечно, сможешь...

Они подошли к большому зданию, где размещался большевистский комитет. Здесь в маленькой комнатке вместе с Карнаухом и другими моряками стал жить и Костя Стаценко. Не одно поручение Карнауха он выполнил, проявляя при этом выдержку и смекалку, хладнокровие и смелость, так необходимые в то сложное время, когда контрреволюция еще грызлась и в городе часто вспыхивали перестрелки.

Когда севастопольские большевики решили направить своих товарищей в Карасубазар, чтобы создать там красногвардейский отряд, среди них были Карнаух и Костя Стаценко.

Красногвардейский отряд формировался быстро. С первых же дней красногвардейцы выполняли боевые задания. Все это время Костя был помощником командира отряда, доставал цен-

ные сведения о расположении бандитских отрядов в крымском лесу, раскрывал их связи с местными националистами. За проявленную инициативу в сборе разведанных Костя Стаценко был назначен командиром разведки красногвардейского отряда.

*

...На Крым надвигались немцы и гайдамаки. Отряд карасубазарцев был переброшен на Перекоп и занял позиции у Чонгарского моста. Однажды Костю вызвали в штаб. Карнаух подвел его к карте и указал на полустанок вблизи Ново-Алексеевки.

— Разведчикам надо пробраться в тыл и разбить гайдамаков на этом полустанке. Группа там небольшая, но все время угрожает нашему флангу.

— Есть пробраться и уничтожить,— лихо козырнул Костя и направился к выходу, но командир задержал его:

— Костя, будь осторожен. У гайдамаков много кадровых офицеров. Как понимаешь, военный опыт у них немалый.

— Константин Петрович, я понимаю, но и мы научились драться за мировую революцию.

Линию фронта перешли благополучно... Добравшись до соляной мельницы, разведчики залегли. Совсем недалеко от них пылал костер. Гайдамаки варили завтрак: находясь в шести верстах от передовой, они чувствовали себя вне опасности.

— На каждого из нас по десятку придется,— шепотом передал Костя товарищам, пересчитав врагов.— Приготовьте гранаты.

В мгновение все вокруг изменилось. Крики «Ура!», взрывы гранат... Гайдамаки растерянно метались по полустанку.

— За мировую революцию! — кричал Костя, увлекая за собой товарищей, и вдруг как-то неестественно споткнулся, упал. Попробовал подняться, но от страшной боли в ноге потемнело в глазах. С крыльца дома, где размещался немецкий штаб, глухо застучал пулемет. «Пропадут ребята»,— подумал Костя и закричал:

— Братцы, уходите назад! Назад уходите!

...Отступали той же дорогой. Только теперь идти было значительно труднее. Маленький отряд разведчиков тащил два трофейных пулемета, винтовки, патроны — все, что могли забрать в оставленных гайдамаками казармах.

Бледный от потерянной крови Костя докладывал командиру: «Операция проведена удачно. Потерь нет. Ранен один — я, но это пустяки».

Рана оказалась серьезной. Даже доктор, обрабатывавший ее, с удивлением смотрел на парнишку, так стойко переносившего боль.

— Придется лечь в госпиталь,— твердо заявил он.

Ни возражения, ни просьбы не помогли. Костю отправили в Керчь, а из Керчи — на Кубань.

Крым заняли немцы. Костя узнал об этом от бойцов, прибывших в госпиталь с фронта.

Выйдя из госпиталя, Костя бросился искать своих. Карнаух был рад встрече.

— Соскучился? Это хорошо, что нас не забыл. А у меня к тебе есть дело,— и заметил, как загорелись глаза Кости.— Хочу тебя в Крым взять. Вместе партизанить будем...

В Крыму Костя старался причинить врагу побольше вреда, участвовал не в одной дерзкой операции. А когда Красная Армия освободила Крым, вновь командовал отрядом разведки.

В боях с врагом закалялся характер Кости Стаценко. В апреле 1919 года его приняли в комсомол.

Красная Армия вынуждена была вновь отступить из Крыма. Второй Крымский полк занял позиции у Кременчуга. Костю назначили начальником пешей разведки полка.

Разведчики стояли на правом фланге у деревни Крюково. Со стороны белых слышалась ожесточенная артиллерийская стрельба. От железнодорожников узнали, что четыре бронепоезда белых преследуют бронепоезд красных, которым командует матрос Железняк.

— У Железняка уголь на исходе,— тревожились путейцы,— трудно ему уйти от беляков.

— Стаценко, бери разведчиков и иди на выручку Железняка! — передал Косте приказ штаба посыльный.

Забравшись на возвышенность, разведчики увидели бронепоезд. Вытянув длинный шлейф дыма, на полных парах уходил от преследователей бронепоезд матроса Железняка. Слева и справа от него рвались снаряды. Костя скоординировал:

— Братва! Задача номер один: пропустить Железняка и отрезать путь деникинцам.

— А как?

— Используем карманную артиллерию. Как только проскочит наш бронепоезд — весь запас гранат бросаем под колеса паровоза беляков.

— А сами чем отбиваться будем? Вон какая силища, пулеметов одних...

— Бросим — и врассыпную, в мертвую зону.

Скотившись к полотну, разведчики залегли в кюветах.

Грохоча, стремительно мчится бронепоезд Железняка. Видны пробоины на башнях. Костя зажигает дымовую шашку: «Приготовились!». Деникинцы все ближе и ближе. Они не обращают внимания на дымовую шашку, на горстку храбрецов. «Иван Калита», — прочитал Костя название головного бронепоезда. И тут же крикнул: «Огонь!». Почти одновременно прогремели взрывы под колесами паровоза. Он вздрогнул, заскрежетал, медленно прополз еще немного и остановился. Слепо

забили пулеметы из стальных бойниц. Не всем разведчикам удалось уйти, четверо навсегда остались у полотна...

В Кременчуге к усталым разведчикам подошли моряки отряда Железняк.

— Спасибо, братишки! — жал им руки дюжий матрос. — В самый раз подоспели.

— А где командир? — спросил Костя, но тут же по мрачному лицу моряка понял, что задал неуместный вопрос.

— Погиб наш Железняк. В вагоне лежит, — тихо ответил моряк.

Сняв шапки, стояли разведчики возле тела легендарного матроса...

В конце августа конница Деникина захватила Хорол. Вражеские бронепоезда поддерживали пехоту белых, наступавших на Глобино. Командование приказало разведчикам остаться и любой ценой задержать врагов.

... Бронепоезда белых ползли в Глобино, изрыгая огонь из орудий и пулеметов. По обе стороны от железной дороги наступали пехота и конница деникинцев. Что предпринять, как лучше рассчитать свои силы?

Выход подсказал один из железнодорожников. Он предложил Косте пустить навстречу бронепоездам три паровоза и пятнадцать вагонов, стоящих в тупике на станции Глобино. Костя побежал осматривать вагоны. В одном из них лежало тридцать снарядов, очевидно, их забыли разгрузить. «Если распределить равномерно по вагонам — неплохой гостинец получат белые гады», — подумал Костя и поделился с товарищами своим планом.

Вскоре все было готово. Паровозы с прицепленными и облитыми керосином вагонами стояли на пути. Машинисты, подняв высокий пар, ждали команды.

— Поджигай! — крикнул Костя, и несколько факелов полетели в вагоны.

Первый пылающий состав, набирая скорость, двинулся навстречу деникинским бронепоездам. Дав полный пар, машинист выскочил из головного паровоза. Все три «гостинца» один за другим полетели на Кременчуг. А вскоре в той стороне, где были белые, послышались мощные взрывы. Первым был взорван бронепоезд «Иван Калита».

Деникинская пехота, лишившись поддержки бронепоездов, откатилась назад. Разведчики, преследуя врага, ворвались в Кременчуг, захватили штаб, пять пулеметов, охранявших его, и, посадив на трофейные повозки жителей, не успевших эвакуироваться, вернулись в Глобино. Выполнив задание, разведчики отошли к Яготину.

Войска генерала Май-Маевского рвались к Киеву.

Красноармейцы валились с ног от усталости. Разведчики Кости Стаценко третью ночь не смыкали глаз.

Белым удалось прорваться на правом фланге. Они устанавливали там батарею; вот-вот начнут в упор расстреливать красноармейцев.

— За мной, бей их, гадов! — поднял в атаку Костя своих бойцов.

Но атака быстро захлебнулась. Тогда разведчики решили обойти белых. Прижимаясь к земле, от куста к кусту, от перелеска к перелеску двигались бойцы за своим юным командиром. Костя с двадцатью пятью разведчиками обходили деникинцев слева, а пятнадцать конных разведчиков — справа. Натиск был неожиданным и стремительным. Беляки откатились с левого фланга, оставив убитых и четыре пушки.

— Английские, — сплюнул Костя горькую пыль боя. — А ну-ка, проверим, чем Антанта снабжает беляков. — Повернув дула в сторону белых, разведчики открыли огонь.

...Над землей вставало сентябрьское утро, ясное и теплое. Беляки приутихли, словно и не было их за оранжевым перелеском, словно не их кони с отчаянным ржанием топтали вчера нескошеннные хлеба.

Костя лежал на спине и смотрел на легкие облака, плывущие в сторону Крыма. Ухватиться бы за одно из них и — домой, хотя бы ненадолго, на часок, только с мамой повидаться, вот бы обрадовалась она: каким рослым и сильным стал ее сын за эти годы. Плывут, плывут розово-белые облака...

— Казаки! — ворвался в мысли Кости тревожный крик. Армейская труба заиграла боевую тревогу. Костя с разбега вскочил в седло Орлика и, выхватив саблю, первым помчался навстречу деникинцам. Он не оглядывался, знал: друзья рядом, так же, как и он, стремительно врежутся в конный строй, расклинят его на части и будут бить врагов.

Костя не помнил, сколько казаков он сразил. Вот еще двое, сверкая сталью, несутся на него. Он направляет Орлика навстречу, подымает его на дыбы, заносит саблю... Но что произошло, что? Почему так заколебалась, поплыла куда-то земля и вдруг стала опрокидываться на Костю? Почему так отчаянно заржал Орлик? Что с ним? Почему он спотыкается и падает рядом с Костей на нескошенную украинскую рожь? Что за горячая река заливает Костино лицо, и плывут, плывут перед глазами огненные маки, над ними — облака, тоже огненно-багряные...

Командира полковой разведки Константина Григорьевича Стаценко, отважного юношу из Карасубазара, боевые друзья похоронили в лесу под Яготином в братской могиле героев гражданской войны.

И. МЕЛЬНИКОВ

БОЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Мальчик, о котором я хочу рассказать, был участником революционных боев в Петрограде.

Раннее детство Володи Карасева прошло в тихом русском городе Пензе, там, где на пыльную горку взбирались приземистые серые домишки с палисадниками и по заросшим травой улицам разгуливали куры. Жили здесь неторопливо и говорили нараспев.

Первая мировая война 1914 года запомнилась Володе тем, что на железнодорожную станцию теперь приходили, оставались на минуту и опять уносились в неведомую даль длинные составы с солдатами. Молодые парни, одетые в военную форму, играли на гармошках, пели песни, подставляли котелки под спелые антоновские яблоки, которые приносили на станцию женщины и ребяташки, и говорили, что едут на фронт бить германца.

В девять лет Володя остался без матери. В доме появилась мачеха. Несладко жилось ему, одиноко. «Что делать, куда податься?» — думал Володя.

Пошел на станцию, прибил к молодым веселым парням в новенькой солдатской форме и добрался с ними до самого Петрограда.

Здесь, голодного, оборванного, но неунывающего, подобрали его кронштадтские матросы и увезли с собой; одели, подкормили и пристроили в Кронштадте на береговую батарею. Чем-то полюбился им этот белоголовый крепыш; может быть, тем, что пел по вечерам родные деревенские песни, а может, тем, что был ловок, сноровист, непоседлив. Да и тем, конечно, что, приехав из города, где на сотни верст вокруг пашни да луга, страстно полюбил море. Вот почему был он взят юнгой на борт русского крейсера «Рюрик».

Когда в матросском кубрике проходили тайные собрания революционных матросов, мальчик пробирался туда и с жадным интересом слушал выступления, разбирал по складам строчки прокламаций. Глаза его загорались каким-то особым светом.

— Дяденька, — говорил он, обращаясь к грозному усатому артиллеристу, — значит, скоро революцию будут делать?

— Ишь, шустряк, понял, что к чему, — прятал улыбку старый артиллерист.

— Ты, дяденька, смотри, меня с собой возьми. А не то я бедовый — один убегу.

Переглянулся артиллерист с товарищами, и с того дня стал юнга у матросов связным. С его помощью доставлялись с судна на берег и обратно нелегальная литература и партийные документы. Никто из шпиков и подумать не мог, что такой мальчишка — опасный революционер.

А в октябре 1917 года вместе с отрядом балтийских моряков сошел юнга Карасев на каменные мостовые Петрограда и стал бойцом революции.

В ночь на 25 октября он был одним из тех, кто ворвался под своды Зимнего дворца, где засело Временное правительство.

Матрос Владимир Карасев прошел трудный путь, сражаясь на фронтах гражданской, а затем Великой Отечественной войн. Коммунист Владимир Якумович Карасев, рабочий высокой квалификации, в мирные послевоенные дни был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Его жизнь была тесно, неразрывно связана с судьбой социалистической Родины, в создании которой он участвовал еще мальчишкой.

В. МАТВЕЕВ

АЗИНЦЫ

В дивизии прославленного начдива Азина было несколько юных красноармейцев. Среди них — двенадцатилетний телефонист Володя Алексеев, участник боев за Казань.

Всем бойцам полюбился и другой юный доброволец — Толя Михайлов. Когда освобождали Агрыз, он с красноармейцем Романовым поехал верхом в разведку.

В чистом поле, неподалеку от села Бураново, за стогами сена Толя внезапно увидел 12 вражеских кавалеристов. Не растерявшись, он громко крикнул: «Эскадрон, за мной!» и кинулся вперед, убив на скаку меткими выстрелами двух белых.

А когда ему на помощь подоспел Романов, белогвардейцам и впрямь показалось, что их преследует целый эскадрон.

Узнав об этом, командир дивизии Азин объявил красноармейцам Михайлову и Романову благодарность.

С. НОСОВ

ХИТРОСТЬ ПЕТИ ТРУБАЧОВА

Долго длился бой с колчаковцами. Командир приказал выкатить горную артиллерию ближе к передовой и открыть огонь по врагу. Когда кончились снаряды, орудия пришлось снова отвести в тыл.

Одно орудие не успели оттянуть, и оно осталось между нашими и вражескими позициями. Вечером в штаб пришел красноармеец Петя Трубачов:

— Товарищ командир! Позвольте мне вытащить орудие. Я придумал такое...

...Когда стрелки часов передвинулись за полночь, а из долин начал подыматься туман, Трубачов вывел из конюшни коня.

— Серый, дай левую!

Конь послушно поднял ногу, подкованную тяжелой зимней подковой. Петя обмотал копыто войлоком, крепко обвязал его вокруг бабки шнурком. Так же обернул он и другие копыта, обмотал кошмой постромки и направился к оставленному оружию. Подъехав к нему, Петя зацепил его постромками и быстро помчался назад — к красноармейцам.

Услышав грохот колес, белогвардейцы открыли стрельбу. Вокруг свистели пули, но ни одна не задела Петю.

Петю Трубачова наградили орденом Красного Знамени.

*Н. ХОРОШКЕВИЧ,
бывший красноармеец 3-го Сибирского
отряда особого назначения*

ТРЕВОЖНАЯ ЮНОСТЬ

Имя Вани Воронина тебе, наверное, незнакомо. О его подвигах знают лишь немногие жители города Георгиевска на Ставропольщине.

...Лето 1919 года. Деникинцы пытаются задушить большевистское подполье в городе. А тем временем штаб большевиков готовит восстание. Пятнадцатилетний паренек из рабочей слободки Ваня Воронин стал разведчиком. В его боевую тройку входили Ваня Снегирев и Сережа Привалов.

Во время подготовки к восстанию Ваня получил задание — раздобыть офицерский пистолет. Как его достать? На городском базаре Ваня заметил белого офицера, у которого поверх черкески в деревянной кобуре болтался кольт с серебряной рукояткой. Долго «охотился» мальчик за офицером, пока не отхватил кольт сапожным ножом. Белогвардеец хватился, да поздно. Тотчас началась облава, казаки оцепили базар, но колты так и не нашли.

Не раз юные подпольщики добывали оружие из георгиевского арсенала, работали связными, распространяли листовки.

Под видом беспризорника Ваня Воронин ездил за листовками в Армавир.

Когда белогвардейцы схватили комиссара Александра Володкина, Ваня проник в здание контрразведки и похитил папку с делом комиссара. В результате следствие продолжалось еще несколько месяцев.

Спустя некоторое время после этой дерзкой операции белогвардейцы напали на след юного разведчика. И вот вместе с комиссаром Володкиным в зал заседаний суда ввели парнишку. Они стояли рядом — хрупкий паренек и высокий человек с мужественным лицом. Их объединяла одна цель. И как

ни бесновались враги, не сломили они воли героев...

Перед вступлением Красной Армии в Георгиевск белые вывезли комиссара, Ваню и других подпольщиков в ущелье недалеко от Махачкалы и зверски расправились с ними.

Так героически погиб пятнадцатилетний разведчик Ваня Воронин.

А. УЛЬКИН

«ДА, Я КОММУНИСТ!»

В селе Марково Сосновской волости Пермской губернии в семье бедного крестьянина Петра Карасева в 1903 году родился сын Иван. Ване было только восемь лет, когда страшная нужда заставила его наняться на работу к богатым хозяевам.

После Октябрьской революции Ваня Карасев пошел добровольцем в Красную Армию.

В декабре 1918 года белые схватили Ваню. На допросе офицер грозно спросил Карасева:

— Ты коммунист?

— Да, я коммунист! — гордо ответил мальчик.

Белые раздели юного коммунара догола, вывели на улицу в сорокаградусный мороз и начали бить прикладами и нагайками. Но мужественный мальчик не просил пощады.

После пыток Ваню расстреляли.

А. ТОДОРСКИЙ,

генерал-лейтенант запаса

ЗВУЧАТ

ПИОНЕРЕСКИЕ

ГОРНЫ

И СЛАВА И ПАМЯТЬ

О КНИГЕ ПОЧЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Центральный Комитет комсомола. Здесь в зале реликвий комсомола и комсомольской славы на почетном месте лежат две большие тяжелые книги: книга Почета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и рядом с ней — книга Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

На страницах книги Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина записаны имена ребят, которыми гордится наша Родина, юные ленинцы всех времен и сегодняшние пионеры.

Это книга гордой славы, книга светлой памяти нашей.

Она в переплете из красной кожи. На переплете — барельефный портрет Ленина и пионерский значок. Страницы книги с золотистым фоновым рисунком украшены по краям орнаментом из дубовых листьев. Если книгу раскрыть на обычном письменном столе, она займет всю его поверхность.

Откроем вместе с тобой эту книгу. На первом развороте мы прочитаем:

Пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина была создана в мае 1922 года.

Великая Коммунистическая партия Советского Союза — организатор и руководитель организации юных ленинцев.

По поручению партии повседневной деятельностью пионерской организации занимается Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Юные пионеры стремятся стать достойными продолжателями героических дел нашего народа по строительству нового общества. Они прилежно учатся, активно участвуют в труде и общественной работе.

И дальше в книге говорится:

История пионерской организации знает немало пионеров, которые бесстрашно боролись с врагами Родины в период

коллективизации страны, в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Их имена и теперь являются для всех пионеров Советского Союза примером беззаветной любви и преданности Советской социалистической Родине, делу Коммунистической партии Советского Союза.

Первая запись в книге Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина посвящена Павлику Морозову.

«МОРОЗОВ ПАВЛИК — пионер-герой, бесстрашно выступивший против врагов народа в период коллективизации страны.

Зверски убит кулаками 3 сентября 1932 года в деревне Герасимовке Свердловской области».

Перелистываешь страницы книги — и словно перелистываешь годы нашей истории.

...Мирное строительство шло как военное сражение. С новой колхозной деревней скрытно и злобно враждовали кулаки. Лютую ненависть кулачья вызывали взрослые и дети. Пал от руки врага пионер Коля Мяготин. Убит Кычан Джакыпов. Зверски замучен Вася Васильченко...

Но тысячи и тысячи мальчиков и девочек в красных галстуках увидели победу. Они передали следующему поколению юных ленинцев эстафету пионерской славы.

Каждое время рождает своих героев. Пионеры тридцатых годов хорошо помнят имя Мамлакат Наханговой. Она была первой пионеркой, удостоенной высшей награды Родины — ордена Ленина.

В тот же день, 4 декабря 1935 года, орденом «Знак Почета» были награждены пионер Ишан Кадыров и пионерка Хавахан Атакулова. Они тоже, как и Мамлакат, отличились своими трудовыми успехами на хлопковых полях.

А двумя месяцами позже Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом «Знак Почета» за помощь колхозам в развитии животноводства были награждены пионеры Алеша Фадеев, Барасби Хамгоков, Коля Кузьмин, Ваня Чулков, Мамед Гасанов, Вася Вознюк, Буза Шамжанов.

Книга Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Ученица третьей школы города Тбилиси пионерка Этери Гванцеладзе за отличную учебу и общественную работу награждена орденом «Знак Почета».

Широко раскрытыми глазами смотрели ребята в будущее. Оно рисовалось им ясным, безоблачным, светлым...

Великая Отечественная война стала суровой проверкой стойкости, мужества, единства нашего народа, всех его сыновей и дочерей.

Вчерашние школьники взяли в руки оружие и пошли на смертный бой с фашистами. И пионеры военной поры становились отважными участниками этой борьбы.

На захваченных врагом территориях пионеры, пионерские звенья, отряды, целые подпольные пионерские объединения действовали смело, дерзко, находчиво.

О многих из них рассказывают страницы книги Почета. Имена, приведенные здесь, навечно останутся в памяти нашего народа — Леня Голиков, Володя Дубинин, Валя Котик, Витя Коробков, Марат Казей, Коля Зверев, Володя Павлов...

Кончится война, и пионерские отряды, дружины по всей стране станут носить имена юных героев — Саши Ковалева, Зины Портновой, Васи Шишковского, Ларисы Михеенко, Кости Кравчука.

Вписаны в книгу Почета имена ребят, удостоенных правительственных наград за трудолюбие и отвагу в мирные дни...

Книга славы и памяти всесоюзной пионерии никогда не будет окончена! Как только допишется в ней последняя страница, появится новый том этой бессмертной книги, в который занесут имена юных граждан страны, чьи подвиги и добрые дела не могут, не должны быть забыты.

Пусть всегда живут с нами, пусть всегда служат нам примером герои — ровесники мирных и военных — всех наших славных времен.

Из книги «Подвигу жить»

ОДИН ИЗ УДАРНЫХ БАТАЛЬОНОВ ДНЕПРОГЭСА

Днепрогэс! Как сказочный богатырь вырастал он там, где недавно гулял степной ветер, шумела осока и ревела на порогах вода. Тяжело было победить Днепр, но на штурм его пришли десятки тысяч советских людей, усмирить Днепр взялись железные батальоны ударников пятилетки.

Особенно тяжелым выдался 1930 год. 427 тысяч кубометров бетона надо было уложить до начала зимы. И тогда раздался клич комсомольцев: «Дадим до заморозков пятьсот тысяч кубометров!»

В тревожные дни стройки завоевали на Днепрогэсе честь и славу пионеры и школьники. Сорок пионерских отрядов было тогда на Днепрогэсе.

Надо выкачать воду, чтобы можно было быстрее работать в шлюзе. Тысяча двести пионеров пришли на помощь. Работали вместе со взрослыми, пока не выкачали всю воду в шлюзе.

Рабочие выбирали грунт. Тысяча двести пионеров старшего возраста пришли к ним.

— Работа тяжелая, только мешать будете, — отправил их вначале инженер.

Но пионеры пришли снова: за них заступился райком комсомола. И работали они не хуже взрослых. Даже суровый инженер вынужден был признать это.

Школе нужна была кузница. Но не отрывать же в горячее время рабочих. И девять пионеров и комсомольцев взяли за работу сами. Только один рабочий приходил к ним, объяснял, как и что делать.

Построена кузница; ознакомились с работой в ней пионеры и стали даже заказы для строительства выполнять.

В дождь, снег, непогоду одна фраза — «Даешь пятьсот тысяч!» — поднимала на штурм три поколения ударников: коммунистов, комсомольцев, пионеров.

Деятнадцатого ноября на скале Дурной произошел завал. Нужно было немедленно очистить колею, сделать насыпь от бетонного завода до котлована. И вместе со взрослыми в дождливую осеннюю ночь работали две группы пионеров.

Вот на ногу пионерке Агеевой упал камень. Болит нога, но девочка не идет домой.

— Не брошу работу! Вон на том паровозе работает мой отец, а я ему помогаю, — говорит девочка и остается со своими друзьями.

Шестой пионерский отряд с правого берега был шефом деревообрабатывающего цеха. И никогда в цехе не простаивали станки. Не выйдет на работу кто-то из рабочих, возле его станка станет пионер.

В то время среди рабочих было еще довольно много неграмотных, и часто пионерские культбригады приходили в бараки. Тысячу девятьсот строителей научили они грамоте. Лозунг у пионеров был таков:

СДЕЛАЕМ ДНЕПРОСТРОЙ МЕСТОМ СПЛОШНОЙ ГРАМОТНОСТИ!

Сохранилась докладная записка начальнику одного участка:

Ударный кран № 4 простоял тридцать пять минут. Простоял потому, что ждал паровоз. Убытков на 14 рублей. Мы требуем немедленно это расследовать.

Пионерский пост № 4, бригада рабочих.

Десятки пионерских постов, дозоров, машинных патрулей были на Днепрогэсе. Пионеры неумолимо стояли на страже большевистских темпов.

Недаром же за образцовую работу пионеры и школьники получили грамоты. «Один из ударных батальонов Днепрогэса» — так называли их рабочие.

На строительстве и послевоенном восстановлении Днепровской гидроэлектростанции работали представители 22 национальностей нашей великой страны.

А вот что вспоминает о том времени одна бывшая вожатая.

— В те далекие 30-е годы в Запорожье началось грандиозное строительство Днепрогэса. Стройка притягивала нас к себе. Чем могли помочь пионеры? Приходит, например, отряд во время обеденного перерыва на площадку, дает концерт. А из артистов ребята тут же превращаются в рабочих: таскают носилки, убирают мусор.

«Не возьмем тебя на Днепрострой» — эти слова для каждого были наказанием. Пионеры на Днепрогэсе не только убирали мусор. Газета стройки «Пролетар Дніпробуду» в 1931 году сообщала, как пионеры, увидев, что на дамбе просачивается вода, бросились помогать взрослым. Они насыпали песок в мешки, которыми укрепили откос, предотвратив тем самым прорыв воды.

«Кто бы мог подумать, что в эту минуту от маленьких детских рук тоже в значительной степени зависит своевременный пуск величайшей гидроэлектростанции мира?» — писала тогда газета.

Всюду мы успевали. Ходили в бараки, где жили днепростроевцы. Строители очень уставали, и до уборки иногда не доходили руки. Тогда чистоту наводили пионеры...

Много с той поры утекло днепровской воды, а память жива.

ЮНЫЙ БОЛЬШЕВИК ПАВЛИК МОРОЗОВ

Память о нем не должна исчезнуть.

М. ГОРЬКИЙ

Далеко-далеко в тайге затерялась деревушка Герасимовка. Весной не добраться до нее. Разольются реки, раскиснут болота — и нет пути: ни пешком, ни верхом на лошади, ни в лодке.

Это родина Павлика Морозова. Здесь он родился в 1918 году.

В тот год тайга громыкала пушками, и на болотах каждый день разыгрывались бои. Красные партизаны грудью защищали Советскую власть.

Трофим Сергеевич Морозов, отец Павлика, был одним из самых бедных в Герасимовке. Хозяйство Трофима было невелико — лошаденка да корова. Зато семья большая, полная изба

ребят. Кроме Павлика, у Трофима были еще сыновья, один другого меньше: Алексей, Федя, Ромка.

Нужда не покидала Морозовых, и жилось очень плохо. Отец мало заботился о семье. Любил погулять, выпить и часто оставлял ребят без куска хлеба. Растила и воспитывала детей мать, Татьяна Семеновна. Ребята ее очень любили, но больше всех Павлик. Он, как самый старший, понимал, что матери тяжело приходится, и поэтому рано стал ее помощником. Вместе с матерью он обрабатывал небольшой кусок земли, вместе с ней вел хозяйство.

Жили они в самом конце Герасимовки. Трофим Морозов, как бы стесняясь своей бедности, построил избу на отшибе от всех. Неподалеку была изба деда Сергея Морозова. На деревне его просто звали Морозом. Мрачный был дед, не любил ребят. А больше всего ненавидел Павлика — за его ум и самостоятельность.

Как-то пьяный отец избил ни в чем не повинную мать. На другой день пришел дед. Отца не было дома. Мать, плача, пожаловалась деду. Дед нахмурился и пробурчал:

— Чего голосишь? Побил — значит заслужила. Он муж...

Павлик был тут же в избе. Он вспыхнул и спросил деда:

— А если муж, так можно драться?

Дед не ожидал такого дерзкого вопроса от мальчишки-внука и набросился коршуном:

— Не твоего носа дело, сопливец! Ишь ты, об отце судит! Пороть надо!

Павлик не растерялся.

— Не позволю мамку бить! — заявил он решительно.

Дед рассвирепел и кинулся с палкой на Павлика. Мать преградила ему дорогу. Дед ушел обиженный, злой и после этого месяца два не заходил.

Дед — мужик старой закалки. Хотя сам был бедняком, а тянулся к богатым. В молодости, еще при царе, он служил тюремным надсмотрщиком. Оттуда, из царской тюрьмы, он принес с собой раболепие перед богатыми и жестокость к бедным. В этом не уступала ему и его жена — бабка Морозиха, злая, свирепая.

Поэтому Павлик редко бывал у деда, а если заходил, то только по делу.

С дедом жил Данила, двоюродный брат Павлика. Дед держал его вместо батрака. Семнадцатилетний парень был незаменимым работником. Дед обещал после своей смерти отписать Даниле все хозяйство и избу. Ничего не имевший, оборванный, Данила мечтал стать самостоятельным мужиком и был предан деду, как собака. С Павликом он не дружил. Дед настраивал его против непокорного внука.

Через дорогу жил Арсений Кулуканов, самый богатый в Герасимовке мужик, зять деда Мороза, родня семье Павлика.

Большуший крепкий дом, широченный двор со службами. Вокруг — высокая стена. Ворота с замком, под навесом.

Хитрый мужик Кулуканов. На людях — простой, добрый, набожный; на деле — волк. У другого все урвет, своего никому не даст.

Отец Павлика, Трофим, побаивался своего богатого родича. Старался услужить ему, но тот стороной держался. Дружба не ладилась. Трофим Морозов при встрече с Кулукановым кланялся низко и заискивающе улыбался. Кулуканов чуть-чуть приподнимал на рыжей голове картуз и не протягивал руки.

Но в последние годы завязалась у Кулуканова дружба с Трофимом. Началась она с того дня, как избрали Трофима председателем сельсовета. Гостеприимен стал Кулуканов. Зовет к себе в гости Трофима, жену, детей. И все ходили к нему. Ребятишкам иногда перепали гостинцы.

Не ходил к Кулуканову только Павлик. Не любил он этого скаредного, злого старика. Не нравилась ему эта неожиданная гостеприимность Кулуканова. Павлик думал: «Это он неспроста раздобрел...»

Шел 1931 год. Трофима Морозова в третий раз избрали председателем сельсовета. Когда переизбирали Совет, кое-кто намекнул на то, что пьет председатель, но большинство стояло за Трофима; Кулуканов со своими друзьями кричал за него, и Трофима опять оставили председателем сельсовета.

Кулуканов в ознаменование этого закатил пир горой. Трофим — почетный гость — пил два дня с кулукановской компанией. Татьяна заметила после мужу:

— Стыдился бы. Тебя ж поставили председательствовать, а не пьянствовать.

Трофим поглядел зло на жену и ответил загадочно:

— Я им покажу, каков я председатель!

Встревожили эти слова Павлика. Чужало его сердце, что отец под влиянием Кулуканова окончательно на неверный путь стал. Но разобраться во всем сразу мальчугану не удалось. К тому же и события школьной жизни захватили его целиком. Окончательно сформировался пионерский отряд. Ребята избрали Павлика своим председателем.

ПИОНЕР — ВСЕМ ПРИМЕР

Много дел появилось у отрядного председателя. «Пионер — всем пример», — любил говорить он своим товарищам и неутомимо боролся за то, чтобы каждый, кто надел красный галстук, был настоящим юным большевиком. «Учиться только на «хорошо» и «отлично», — сказал Павлик на очередном сборе, и все пионеры по-ударному, как тогда говорили, взялись за науки. Равнялись на председателя. Он дисциплинирован,

упорен и настойчив, выйдет отвечать урок — заслушаешься. Отметки у него только отличные. Ни одного занятия он не пропустил. Даже в самую лютую стужу, когда и учительница разрешала оставаться дома, всегда первым приходил в класс.

Хотелось Павлику, чтобы жизнь в пионерском отряде протекала живо, интересно. Учились ребята ходить в строю, чтоб в Первомайский праздник или в день Великого Октября пройти по деревне в торжественном марше, разучивали революционные и пионерские песни, ставили пьесы, часто играли на поляне у школы, мечтали о лодочном походе. Коллективно ходили в лес по грибы, ягоды, создавали школьный гербарий. Душою всех дел был Павлик.

А когда отряд, который возглавлял этот юный ленинец, вырос, он включился в более серьезные дела. Пионеры стали активными проводниками всего нового, что с большим трудом пробивало себе путь. Они начали вести борьбу с кулачеством. В Герасимовке не было ни коммунистов, ни комсомольцев, так что пионерам пришлось с первых шагов без поддержки старших смело и мужественно бросить вызов злейшим врагам Советской власти. Отряд не дрогнул, не спасовал перед трудностями в этой борьбе.

Все это радовало Павлика. И лишь одно не давало ему покоя, тревожило: поведение родного отца. Особенно беспокоило Павлика, что к отцу стали приходиться всякие подозрительные лица. И вот в одну из ночей он стал свидетелем сцены, которая сразу раскрыла все грязные дела отца.

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

...Все уже спали, когда скрипнула калитка. Лишь Павлик лежал с открытыми глазами, думая об отце. Пс двору зашагали. В окне мелькнули две тени. Собака Катай зарычала и тут же смолкла.

В избу кто-то вошел. Павлик узнал: это был отец. Он осмотрел всех спящих и подошел к Павлику. Павлик прикрыл глаза и притворился спящим.

— Входи! — шепнул он в сени. — Тише только, не разбуди...

— Знамо дело, — пробурчал вошедший.

Павлик Морозов

Отец подошел к столу и зажег свечку. Бледное пламя осветило пришедшего, и Павлик узнал в нем мужика по прозвищу Волосатый из Тонкой Гривки. Про него уже знал Павлик кое-что от мужиков. Это был богатей, мельницу держал, батраков имел. Говорят, когда было кулацкое восстание в 1921 году, он начальником был.

Сердце Павлика учащенно забилося, и казалось, что биение его слышно в избе.

— Свети сюда! — приказал отец, открывая сундук.

Отец достал из сундука бумажку и, сев за стол, начал писать. Волосатый, поставив свечу на стол, присел рядом.

— Трофим Сергеевич! — услышал Павлик. — Пропиши все...

— Не бубни! — пробасил отец. — Сам знаю, что прописать. Давай деньги.

Волосатый полез за пазуху и достал пачку денег. Сплюнул на пальцы и отсчитал какую-то сумму. Отец передал ему бумажку. Пересчитав деньги, отец спрятал их в карман и хотел задуть свечу, но Волосатый не дал ему тушить свет.

— А про голос что ж не прописал?

— Сойдет и так... — отмахнулся Трофим.

— Да как же так? Не сойдет, — замотал головой Волосатый. — А потом, уговор дороже денег, Трофим Сергеевич, исправь, — протянул он ему настойчиво бумажку.

— Ладно, давай пропишу, — отец взял бумажку, разорвал ее на мелкие кусочки и написал новую. Волосатый прочитал и остался доволен.

— Теперь все на месте, — сказал он. — Спасибо.

Свечу задули. Отец повелительно заявил Волосатому:

— Чтоб завтра и след твой простыл здесь!

— Ну, о чем говорить, — отозвался тот. — Лошадка уже ждет. Завтра далеко будем. Ищи по ветру...

Отец еще сказал:

— А попадешься — ни я тебя не знаю, ни ты меня.

И они ушли.

Не успели затихнуть во дворе шаги, как Павлик соскочил со своей постели и подобрал у стола клочки разорванной бумаги. Зажав их в кулаке, он быстро улегся.

— Паш, а Паш, а я тоже не спал, — раздался шепот Феди.

— Тихо! — предупредил Павлик Федю. — Завтра поговорим... Спи.

Но они так и не заснули до утра. Едва только забрезжил рассвет, Павлик бросился к окну и разжал ладонь. Комочки разорванной бумажки упали на скамью. На мелких клочках ничего не прочитать. Но вот Павлик нашел узенькую полосочку. Всего несколько слов было на ней написано: «...в том, что действительно бедняк... не имеет...»

— Кто бедняк? Волосатый? — вырвалось у Павлика.

Так вот что продает отец.

Ночные посетители зачастили. Отец теперь уже мало осторожничал в семье и почти открыто торговал справками, а после гулял, бражничал. С Павликом он старался не встречаться, не быть с ним наедине. Отец чувствовал, что сын знает о его делах, и избегал видеть его.

Как-то Павлик спросил мать:

— Мама, а ты знаешь, что наш тятка делает по ночам, когда к нему приходят люди?

— Где уж мне знать! — ответила мать. — Ходят — значит, за делом. Он же председатель.

Павлик посмотрел на мать и по глазам узнал, что сказала она неправду.

— А ты неправду говоришь, — упрекнул он мать.

Мать смутилась. Хотела продолжить разговор, но не смогла.

Разговорились спустя несколько дней. Заговорила первой мать.

— Паша, ну что ты все так много думаешь?

— О тятке думаю, — сразу о наболевшем завел разговор Павлик. — Подлюга он у нас...

— Что ты сказал? — испугалась мать. — Помолчи!

— Разве можно молчать, мама?

— Молчи, сынок, он же твой отец...

Последнее в словах матери заставило призадуматься Павлика. «Да, он мой отец, — рассуждал он, — но разве я должен скрывать, что он враг? — И находил нужный и верный ответ: — Нет, не должен. Ведь я же пионер».

Но тут всплывало другое: «Тятку арестуют, в тюрьму посадят. Жалко». И Павлику припоминались прошлые дни дружбы с отцом. И по щекам катились слезы.

Мать, угадывая мысли сына, нашептывала ему:

— Не надо, сынок, против отца... Не бери греха на душу. Послушай меня...

Во всем был послушен Павлик матери... Он ее очень уважал, и слова ее были для него законом. Но в этот раз Павлик не слушал Татьяну Семеновну. Он твердо решил рассказать, как только подвернется удобный случай, надежному человеку всю правду об отце-изменнике.

В Герасимовку прибыл представитель райкома партии. В тот же вечер Павлик Морозов встретился с ним. Они долго просидели вдвоем, много говорили. А через пару дней председатель сельсовета Трофим Морозов был арестован и увезен в район.

Прошло много месяцев.

СУД НАД ПРЕДАТЕЛЯМИ

Вдруг Трофим Морозов снова появился в Герасимовке. Его привели из районного центра под конвоем. Вскоре герасимовцы узнали: завтра будут судить их бывшего председателя сельсовета. Тяжкие обвинения предъявлены Трофиму Морозову. Следом за ним из района приехал и суд.

Новость эта взволновала герасимовцев. В этот вечер только и было разговоров, что о предстоящем суде.

Но всего больше занимало герасимовцев другое:

— А что скажет на суде Пашка?

— Смолчит, — говорили одни, — тогда это он сгоряча донес на отца. За побои...

— Должно, передумал. Жалко стало отца. Родной же он ему.

— Оно так-то так, — рассуждали третьи, — но только Пашка не из таких. Он пионер, а у тех слово — дело.

Ждали следующего дня.

Суд происходил в школе. Еще с утра у школы собралась огромная толпа.

Как только открыли двери, народ повалил в класс, и вскоре стало так тесно, что некуда было ногой ступить. Пришла вся Герасимовка. Впереди, прямо на полу, расположились сверстники Павлика — пионеры, школьники. Тесной стайкой, прижавшись друг к дружке, поджав ноги калачиком, они сидели взволнованные, возбужденные. Тут же неподалеку сгруппировались Кулуканов, дед Мороз, бабка Морозиха.

Кулуканов сидел мрачный, то и дело хмурился и перешептывался с дедом. Дед покусывал седой тощий ус и смотрел в пол. Только бабка беспокойно ерзала на скамейке и поглядывала украдкой во все стороны.

Ввели Трофима Морозова. Низко наклонив голову, поглядывая исподлобья, уселся он на скамье. Оборванный, бледный, злой. Позади него стали два милиционера.

В классе загудели:

— Достукался! Под конвоем водят...

— Был председателем, а стал преступником!..

Но тут объявили:

— Стать! Суд идет! — и все притихли.

Суд занял свои места за красным столом. Председатель огласил обвинительное заключение. Страница за страницей перед герасимовцами раскрылась подлая картина преступлений их бывшего председателя сельсовета Трофима Морозова. Он покрывал кулаков, вместе с ними срывал организацию колхоза, обворовывал государство, выдавал заклятым врагам подложные документы.

В классе перекатывался сдержанный ропот. Росло возмущение.

Трофим Морозов сидел бледный и нервно мямлил свою шапку. Начался допрос свидетелей. Но все ждали вызова самого маленького свидетеля. И вот председатель суда объявил:

— Суд приступает к допросу последнего свидетеля. Комендант, пригласите Павлика Морозова.

В классе зашумели. Головы всех повернулись к входной двери. Кулуканов наклонился к деду Морозову и пробурчал:

— Войдет, так ты цыкни на него.

Дед испуганно заморгал синими веками и отмахнулся.

— Что ты! Что ты!

Кулуканов настаивал:

— Ты незаметно, глазком, намекни, чтоб язык держал за зубами.

Бабка Морозиха кашлянула в руку и бросила Кулуканову сокрушенно:

— Он не из таких. Глаз на него не действует.

В класс вошел Павлик в непомерно большом полушубке.

Прошел два шага, смахнул картуз с головы, и густой светловолосый чуб рассыпался на широком лбу. Павлик слегка улыбнулся и, чуть-чуть краснея, стал пробираться к столу суда.

Друзья-сверстники, когда Павлик проходил мимо них, незаметно хватали его руку и крепко жали, а на их лицах Павлик читал: «Смотри же, Пашка, не бойся... Говори всю правду!»

Подойдя к столу суда, Павлик несколько растерялся и тихо спросил председателя:

— Дяденька, вы спрашивали Павла Морозова?

— Спрашивал, — приветливо ответил председатель.

— Так это я, — уже более твердо ответил Павлик.

— Вот и хорошо! — улыбнулся председатель. И Павлик почувствовал, как ему стало совсем легко и уже не так страшно, как только что казалось. Председатель интересовался многим: и сколько Павлику лет, и давно ли он в пионерах, и, наконец, подошел к самому главному.

— Это твой отец? — показал он на Трофима Морозова.

Павлик вздрогнул и не сразу ответил. Трофим вскочил, протянул руку к Павлику.

— Что же ты молчишь, Павлик? Это я... Я! Твой батька!

Павлик побледнел от этого выкрика. Судья переспросил:

— Павлик, это твой отец?

Павлик ответил не сразу, но потом полным голосом заявил:

— Да, он был моим отцом, но больше я его своим отцом не считаю.

Трофим грохнулся на табурет, но тут же вскочил:

— Гражданин судья! Я...

Его прервали, он не успокаивался.

— Так я одно слово. Он это...

Судья призвал подсудимого к порядку, и он притих. Ребята, сидевшие у передних рядов, привстали на колени. Павлик стоял раскрасневшийся, прямой, смелый. Правая рука его лежала на груди, и пальцы слегка расправляли кончики красного галстука. Суд продолжал допрос:

— Ты говоришь, Павлик,— спросил судья,— он тебе больше не отец?

— Да,— подтвердил вторично Павлик.

— А почему?

— Он продан кулакам. А кулаки — враги Советской власти, а значит, и нам, пионерам.

— Это правильно. Но, может, отец твой не враг? — еще раз вернулся к этому вопросу судья.

Павлик вспыхнул.

— Как так не враг? Когда я стал пионером, так он меня бил и приказал, чтобы я вышел из отряда. И за галстук таскал.

— Неправда! — выкрикнул Трофим. — Наговаривает!

— А еще, когда он был председателем,— продолжал Павлик,— то шел заодно с кулаками,— голос Павлика снова окреп. — К нему приходили кулаки, бандиты, а он им продавал справки, что они бедняки.

В классе глубоко вздохнули. Этого заявления все ждали. После этих слов у одних на лицах промелькнула улыбка, у других — растерянность, у третьих — злоба.

Павлик продолжал говорить, и каждое его слово было крепким, весомым, режущим. Ему верили. Судья внимательно слушал Павлика, и во всех его движениях сквозило отеческое, заботливое отношение к мальчику. Это придавало Павлику силу и уверенность. Он говорил спокойно, ровно, с достоинством:

— Даю честное пионерское слово, что я говорю правду. Тяжело мне это было... Все же отец... А потом подумал и сказал себе: какой же он мне отец? Он враг, кулацкий прихвостень, предатель!

Трофим снова вскочил со скамьи, замахал руками, как ветряк крыльями.

— Наговаривает он на меня... Врет...

Но тут раздался голос из толпы:

— Нет! Пашка правду сказал...

А за ним другой голос:

— Трофим продан кулакам.

Голоса подбодрили Павлика. Он продолжал свою речь:

— Я, как пионер, прошу его строго наказать! Пушай не продает Советскую власть.

Поздно ночью суд вынес приговор. Трофим Морозов получил заслуженную кару: его осудили на пять лет. Герасимовцы единым восклицанием одобрили приговор.

ПОДЛАЯ МЕСТЬ

«Пашка-коммунист» — вот кличка, которую Павлик получил после суда над отцом. Почетная кличка! Одни ее проносили с любовью, другие — враги — с ненавистью. Беспримерное поведение Павлика на суде вызывало всеобщее удивление. Друзья радовались отваге юного пионера, враги страшились этого белокурого тринадцатилетнего мальчика в красном галстуке. Страшились, ненавидели и раздумывали над тем, как бы избавиться от опасного пионера.

Кулуканов после суда так и заявил в своей компании: — Убрать его надо, чтоб землю не поганил...

Изо дня в день кулукановцы стали мстить Павлику. Нельзя было пройти по улице. Из кулукановского двора наускивали свору злых собак, и часто Павлику приходилось спасаться от них бегством. Из-за ворот других богатеев летели камни. Дед Мороз ругался и посылал вслед внуку проклятья. По ночам вокруг Павликовой избы бродили неизвестные люди и несколько раз пытались ворваться в сени. Собака Китай честно охраняла двор, и в отместку ее поранили.

Павлик мужественно все это переносил. Он был все так же резв, весел, хорошо учился. Он как бы не замечал вражеского окружения.

Это еще больше озлобляло Кулуканова.

— Дьявол! — говорил он. — Откуда только сила такая...

И думал о своем черном плане: «Или я, или он. Двоим нам не по пути...» Но оттягивал выполнение задуманного. Ему нужен был исполнитель. Он приглядывался к Даниле и вскоре нашел в нем необходимого ему человека.

Павлик был не только по-прежнему весел: он беспощадно разоблачал врагов, хотя знал, какую лютую злобу таят против него кулаки. В разгар хлебозаготовок, когда кулаки организовали саботаж этого важного государственного мероприятия, не кто иной, как Павлик, раскрыл всю банду зажимщиков хлеба и вывел их на чистую воду. Вместе с верными друзьями по отряду Павлик разведал все ямы, в которых богатеи запрятали хлеб, гноили его, не сдавали государству. Часто на сходках слышался его твердый возмужавший голос. Прямо в глаза разоблачал он тех, кто вредил новой жизни.

Распался Кулуканов, свирепели его подручные все больше, сходясь на одном: с пионером надо кончать. Подстрекаемый ими Данила жестоко избивал Павлика, попытался даже утопить его в озере.

На своем сборище кулачье решило убить Павлика. Взялись за это Данила и дед Мороз. Все лето убийцы готовились к кровавой расправе.

Настала осень. Деревенские ребята зачастили в лес по ягоды. Бегал с братьями и Павлик. Третьего сентября 1932 года он

пошел в лес вместе с Федей. Кулуканов видел, как ребята пошли в лес. Он вызвал к себе Данилу.

— Пора! — сказал он ему, и тот понял его без дальнейших объяснений. — На, выпей! — И Арсений предложил Даниле водку.

Данила залпом осушил стакан. Кулуканов, не дав опомниться, сунул ему в руку деньги. От этого Данила повеселел, развернул бумажки и посчитал деньги: было шестнадцать рублей.

— Дед что-то трусит, — заметил он несколько погодя.

— Вот черт старый! — зло выругался Кулуканов. — Чего это он?

— Не знаю.

— Ну, иди... Смотри же, не промажь!

Вскоре после этого разговора задворками в лес торопливо прошли дед Мороз и Данила.

Стемнело. Павлик с Федей, набрав в корзины ягод, возвраща-

Памятник Павлику Морозову
в Москве

лись домой. Вдруг их собака рванулась в кусты и яростно залаяла.

— Волки! — вскрикнул Федя, и на лице его выразился испуг.

— Нет. Она на людей брешет, — пояснил Павлик и свистнул. Собака не вернулась, а еще яростнее залаяла. «На кого это она так?» — подумал Павлик и пошел на лай.

В кустах стояли Данила и дед Мороз. Увидев Павлика, они переглянулись между собой, и дед заулыбался как-то криво и неестественно.

— Здравствуй, внучок, — сказал он. — А мы тебя ищем с Данилкой, — и зашагал к Павлику, злой, щетинистый, с руками, засунутыми в карманы. Со стороны заходил Данила. Сердце дрогнуло у Павлика, он крикнул Феде:

— Браток, убегай! — и бросился бежать изо всех сил.

Данила преследовал по пятам. Павлик думал: «Убежит ли Федя?» — ему хотелось оглянуться, но Данила был уже близко, и надо было еще быстрее бежать.

Вдруг кто-то вскрикнул там, позади, на поляне. От этого крика мурашки побежали по спине. Мелькнула тревожная мысль: «Это Федя!» Павлик остановился и оглянулся. В то же мгновение что-то острое и жальщее вонзилось в спину.

— Ай! — раскинул руки Павлик, упал на колени. Но тут же поднялся. Данила замахнулся снова. Голыми руками Павлик хватал острие ножа и отводил удары от груди. Схватка была неравная. Данила подмял Павлика под себя. После пятого удара ножом в грудь Павлик был мертв.

Подбежал дед. Пряча за голенище сапога окровавленный нож, он крикнул Даниле:

— Ты задержишься... Придешь попозже... — Потом махнул в сторону, где лежал зарезанный им Федя, и бросил предупредительно: — Пойди погляди, не ожил ли. А то dokonчи...

*

Так погиб славный пионер, бесстрашный юный большевик, Пашка-коммунист, как его звали, а с ним и его братишка, маленький Федя, который хотел стать хорошим пионером и отважным борцом за дело Ленина.

Плакали над свежей могилой друзья, прощаясь с Павликом и Федей. Мать похоронила их вместе.

Вся Герасимовка была на кладбище.

Поклялись мужики над могилой: Пашкину мечту о колхозе осуществить назло врагам. В тот же вечер в школе состоялось собрание герасимовцев. Порешили они объединиться в колхозную артель и присвоили ей имя Павлика Морозова.

А в пионерский отряд на смену Павлику пришли новые ребята. И Алеша первый пожелал заменить брата.

А. М. Горький писал о Павлике Морозове: «...память о нем не должна исчезнуть — этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен».

Да, они стоят, монументы в честь нашего героя, жизнь которого оборвалась полвека назад. Стоят в Москве на Красной Пресне и в его родном селе Герасимовке Тавдинского района Свердловской области... Здесь же открыт и музей имени героя. И все же память о нем не только в монументах, книгах и экспонатах. Память о нем — в делах сегодняшних пионеров, в делах отрядов и дружин имени Павлика Морозова.

Е. СМЕРНОВ,

*общественный обвинитель от имени пионеров
и школьников Советского Союза
на суде над убийцами Павлика Морозова*

БОЛАТБЕК БЫЛ СМЕЛЫМ ПИОНЕРОМ

Болатбек Омаров родился 15 мая 1922 года в урочище Кызылшоқы Чуйского района Джамбульской области Казахстана в семье бедняка. Родители мальчика умерли, когда ему было пять лет. Рос он в семье старшей сестры, которая жила в Каскеленском районе Алма-Атинской области и работала в колхозе «Политотдел». Здесь Болатбек начал учиться, вступил в пионеры.

В феврале 1933 года Центральный Комитет комсомола Казахстана обратился к пионерам республики с призывом взять шефство над молодым человеком и тем самым помочь развитию животноводства. Юных ленинцев воодушевило оказанное им доверие. Во всех уголках республики пионеры помогали колхозам.

Одним из активных организаторов этого движения стал пионер Болатбек Омаров. Он собрал группу пионеров во вновь организованном в Каскелене колхозе «Политотдел» для охраны урожая. Установив высокую вышку-каланчу на краю поля, ребята дежурили там до конца уборки, не допуская к пшенице скот. Колхозники были им благодарны. Когда начались занятия в школе, пионеры единогласно избрали Болатбека своим вожаком.

Следующей весной Болатбек по-новому организовал помощь колхозу. Он подобрал лучших пионеров и одной группе поручил ухаживать за молодым человеком, других направил в поле, а сам пошел на свиноферму, потому что за семью свиньями, купленными у соседнего колхоза, ухаживал лишь один человек, и поголовье их не росло.

Мусульманская религия запрещает держать свиней и есть свинину. А Болатбек перешагнул этот запрет и начал ухаживать за новорожденными поросятами. Его ругали старики, отговаривали взрослые, дескать, это не дело казахов. Истинное

дело казахских ребят — ухаживать за жеребятами, телятами и ягнятами. Но настойчивого Болатбека ничто не могло остановить, и он горячо взялся за дело.

Болатбек сразу же заметил, что свинарь (он одновременно был и сторожем) халатно относится к своим обязанностям. Прошло два-три дня. Пять свиней принесли двадцать пять поросят. Болатбек был очень рад этому. Теперь он еще энергичнее взялся за работу. Приходил на ферму рано, возвращался домой поздно.

Однажды пришел спозаранку и увидел, что три поросенка лежали мертвыми. Болатбек растерялся. Побежал к свинарю.

— Дядя Ефим, большая беда!

Сторож не волнуется. Сурово, неприветливо смотрит на мальчика:

— Что случилось?

— Как что? Три поросенка издохли!

— Нашел о чем говорить, — равнодушно сказал Ефим.

— Почему вы так говорите, дядя Ефим?!

Болатбек разозлился, весь дрожал. Он не знал, как говорить с этим человеком, чем успокоить себя. Как он посмотрит в глаза товарищам? Они же умело ухаживают за ягнятами и телятами! А он?!

Болатбек обратился еще раз к свинарю:

— Дядя Ефим, еще не поздно, давайте найдем какой-то выход, чтобы не допустить потери остальных.

— Что же ты предлагаешь? — насмешливо спросил Ефим.

— По-моему, на ночь следует поросят отделять от свиней.

— Ну, и что же дальше?

— Тогда свиньи не будут топтать слабых, беспомощных поросят.

— Ну ты брось, дорогой... Так никто не разводил свиней. Что ты знаешь об этом?

— Хоть самых слабых отделим!

— Нет, я так не могу. Ты будешь ухаживать, а я сторожить. Если сдохнут, значит, пришло время им умирать, а я ничего не могу сделать.

Вечером Болатбек начал отделять поросят от свиней, но Ефим закричал:

— Ты, мальчуган, не учи меня! Убирайся, пока жив-здоров!

— Дядя Ефим, да поймите же... — пытался объяснить Болатбек.

Болатбек Омаров

— Нечего понимать. Я не могу следить за каждой дверью в отдельности. Потеряю — заплачу, подохнут — соберут кости. Не пререкайся, уходи!

— Это не пререканье, а наше дело!

Болатбек не послушал его и продолжал отделять поросят. Ефим, заскрипев зубами, кинулся на мальчика. Болатбек, поняв, что получит взбучку, убежал. Он еще не знал, как можно бороться с неправдой...

Однажды на пионерском сборе Болатбек внес предложение — взять шефство над фермой, где не хватало рабочих рук: постоянно после занятий помогать колхозникам, убирать на ферме, кормить, поить, стеречь животных. Сейчас молодняка много, особенно овец.

В правлении колхоза сначала отнеслись с недоверием к такому почину пионеров, но прошло две-три недели, и все увидели, что школьники работают хорошо.

Болатбек трудился на овцеводческой ферме, где впервые в Каскеленском районе выращивали новую породу овец. Здесь он снова встретился с Ефимом, который был теперь овчаром. Тот всегда мрачно следил за Болатбеком, но придаться было не к чему: Болатбек старательно выполнял все распоряжения.

Прошло несколько месяцев. Стояла дождливая погода. Болатбек, добираясь на ферму, до нитки промок. Он уже с неделю не был здесь: сильно простудился, и сестра не выпускала его из дому. Приблизившись к кошаре¹, увидел, что оттуда вышел овчар. В каждой руке у него — по два совсем крохотных ягненка. Болатбек понял, что ягнята были мертвы.

«Отчего они умерли? — подумал Болатбек. — Сразу четыре... Ой, как жалко».

Незаметно войдя в кошару, Болатбек увидел, как Ефим обдирает ягнят, снимая с них кудрявые черные шкурки. На стене висело еще несколько свежих шкурок.

— Дядя Ефим, — не выдержав, спросил Болатбек, — отчего так много?

— Оттого! — заорал Ефим. — Плохо кормил, плохо смотрел, вот и подыхают. Сколько дней тебя уж нет, а я расхлебывай! Не выйдет!

Болатбек нагнулся. На мордочках у ягнят он увидел кровь.

— А кровь почему? — спросил он.

— Пошел отсюда! — кричал овчар. — Занимайся своими делами!

Болатбек побежал в правление колхоза и рассказал, что случилось на ферме.

26 июня 1934 года в газете «Пионер Казахстана» было опубликовано письмо пионера Болатбека Омарова о преступном отношении сторожа колхоза к молодняку. Теперь этим делом

¹ Кошара — здесь: загон для овец.

занялись и правление колхоза, и политотдел Каскеленской МТС, и милиция. Оказалось, что это был скрывавшийся кулак Евтихий Сторожилов, который занимался вредительством. Весть о бдительности и настойчивости Болатбека, разоблачившего классового врага, быстро разнеслась по всей республике. Он стал для всех ребят примером честного, смелого пионера.

В эти годы пионеры республики помогали колхозам не только на полях и фермах, но и в борьбе против вредителей нового строя, расхитителей общественного богатства. Росли отряды пионеров-ударников.

В августе 1934 года в Алма-Ате проходил слет пионеров-ударников. Прибыло 220 человек. Докладчик рассказал о славных делах Болатбека Омарова и призвал собравшихся пионеров следовать его примеру в своих трудовых делах.

В обращении участников слета к пионерам и школьникам Казахстана говорилось:

Мы рапортуем о том, что проделали много полезных дел, закалили свои ряды, последовательно помогали партии и комсомолу бдительно охранять богатство и урожай колхозов и совхозов, шефствовали над молодняком. В наших рядах теперь имеются сотни смелых и передовых пионеров... Мы гордимся ими.

После слета Болатбек с группой пионеров побывал в Москве и Ленинграде. Вернувшись домой, он еще активнее включился в общественную работу, пропагандировал решения слета.

Весной 1935 года Болатбек опять организовал работу пионеров по шефству над колхозным полем, и сам активно трудился. 30 июня он выступил на слете в Каскелене, где участвовало более 450 пионеров.

На следующий день Болатбека вызвали в райком комсомола и сообщили о приезде в Казахстан из Москвы всесоюзной пионерской экспедиции. Такие экспедиции, отправлявшиеся во многие места нашей страны, организовали Центральный Комитет ВЛКСМ, Центральная станция юных натуралистов и редакция газеты «Колхозные ребята». В состав экспедиции вошел и Болатбек Омаров. В ее задачу входил сбор в горных районах Каскеленского района семян разных видов ягод, лука, которые можно выращивать и на севере.

Возвратившегося из этой поездки в Алма-Ату Болатбека ожидала огромная радость. Он был награжден Грамотой правительства Казахстана и получил путевку в «Артек».

1934—1935 годы были тяжелыми для тружеников Казахстана. Вопрос о хлебе был одним из самых важных. Колхозники боролись буквально за каждый колосок пшеницы. В такие годы пришли на помощь взрослым пионеры во главе с Болатбеком. Они ежедневно собирали колосья и зерно, оставшиеся на полях после уборки урожая. За активное участие

в общественной и хозяйственной работе в 1935 году Омаров был награжден юбилейным значком «15 лет Казахской ССР». Так Болатбек стал героем, прославленным пионером Казахстана.

Болатбек всегда относился серьезно к своим обязанностям. В одном из писем, которое Болатбек направил в газету «Пионер» в феврале 1936 года, он писал: «Прошлым летом я побывал в «Артеке». Вскоре был награжден значком «15 лет Казахской ССР». Все это обязывает меня к новым делам. Я знаю эти задачи... Я учусь среди колхозных пионеров; постараюсь привлечь их к новым делам, хорошей учебе. У нас есть клуб, где работают кружки — домбровый, хоровой, массовый. Силами пионеров проводим вечера игр, песен... И я помогаю, сколько могу, в этом деле».

Прошло три года. Болатбек учился уже в восьмом классе. Немало событий произошло за это время. Умерли дедушка и бабушка Болатбека, и совсем еще молодой умерла его старшая сестра.

Болатбек остался один, без родных, и было бы ему плохо, если бы не друзья, с которыми он вместе ходил в школу, продолжал работать в колхозе.

Болатбек по-настоящему полюбил свою работу на ферме, хотел выучиться и стать зоотехником. Каждое лето во время каникул он, как и прежде, когда еще был жив колхозный пастух, старый Абишбай, перебирался на джейлау¹ и пас там скот. Болатбек возмужал, вырос, сделался стройным, сильным пареньком, с живыми умными глазами.

Этим летом он перегнал на джейлау большое стадо дойных коров. Три долгих месяца пробыл Болатбек на высокогорном пастбище, дня и ночи возле стада. До начала занятий оставались считанные дни.

...Небольшим острым камнем мальчик старательно выбивает на светло-коричневом валуне какие-то буквы. Приглядевшись, можно было прочитать: «16 августа 1938 года. Болатбек»... Сегодня Болатбек один — его напарник спустился в аул. Мальчику захотелось оставить о себе память на камне. Упавшая тень заставляет его поднять голову. Перед ним стоит мужчина. Хоть прошло уже немало лет, Болатбек сразу узнал его.

— Скажи, парень... — хрипло проговорил человек, и голос его тоже хорошо был знаком Болатбеку, — скажи, какую корову тебе не жалко?

— Мне всех жалко. А зачем вам?

— Ладно, меньше разговаривай! — прикрикнул мужчина. — Одну возьму. Скажи спасибо, что не две.

— Ни одной коровы не дам, они колхозные!

— Колхозные — значит общие. Выходит, и мои тоже, — че-

¹ Д ж е й л а у — летнее пастбище у казахов и киргизов.

ловец обнажил в улыбке желтые зубы, подошел к стаду и начал привязывать веревку к рогам большой рыжей коровы.

— Не смей! — закричал Болатбек. — Я тебя знаю! Ты — Жексен! Как был бандит, так и теперь...

...Это было четыре года назад.

От табуна отбился буланый с жеребенком — любимец Болатбека. Болатбек знал, что буланый — умный конь и далеко не уйдет, но мальчику просто не сиделось на месте, и он пошел искать.

В зарослях столкнулся с незнакомым человеком. Он был в рваном чепане, туго перетянута широком ремнем, и в старой войлочной шляпе. Недобрые, настороженные глаза пристально вглядывались в Болатбека. Угрожая оружием, незнакомец потребовал, чтобы Болатбек привел ему коня и принес еды. Но мальчик гордо поднял голову и смело крикнул:

— Уходи! Ты бандит. Я не боюсь тебя! Ты...

Но не договорил: мужчина схватил его за руку, больно вывернул. Сильный толчок — и Болатбек оказался на земле.

Незнакомец нагнулся над мальчиком, лицо его исказилось, глаза налились кровью.

— Слушай меня, шелудивый щенок! Ты сделаешь все, как я сказал, иначе я выбью камчой¹ твои бесстыжие глаза. А пока лежи, я покурю.

Он отошел в сторону, сел на камень и закурил, прикрыв глаза.

Медленно, не сводя глаз с сидящего, Болатбек начал отползать к зарослям. «Только бы не обернулся, только бы револьвер свой не вытащил...»

Когда бандит спохватился, мальчика и след простыл...

В тот вечер Болатбек примчался к юрте деда весь исцарапанный, с трудом переводя дух.

— Ата!² — закричал он. — Я бандита видел! Клянусь! — И он рассказал обо всем, что с ним приключилось.

Утром Болатбек проснулся от громких слов. У юрты стоял вчерашний незнакомец и громко требовал у деда лучшего коня. И тут Болатбек закричал:

— Он бандит, дедушка! Тот самый! Зачем с ним разговариваешь? Он хотел убить меня... у него револьвер... и нож большой...

— Заткнись! — рявкнул незнакомец. — Собака! Да будут прокляты твои предки! Ты не послушал меня... Скажи спасибо, что не пришиб тебя вчера на берегу... — И повернулся к деду: — Не дашь коня — сам возьму...

Через несколько дней возле огромного валуна нашли буланого. Живот распорот, примятая трава забрызгана кровью.

¹ Камча — плеть.

² Ата — дедушка.

— Собака Жексен, — проговорил старик-пастух, опустив голову. — После нашего разговора с бандитом, его угрозы стал я надевать на буланого колодки на ночь... Да, видно, зря. Не сумел бандит их сбить, вот и загубил коня...

Не оказалось в табуне и гнедого — самого сильного, самого непокорного коня. Лежал он неподалеку, вытянув шею, как будто упал на полном скаку...

— Все равно поймал его! — голос Болатбека прерывался от плача. Слезы лились по его лицу, и он не утирал их.

Пришла осень, и Болатбек вместе со своим другом Кадыркулом спустились с гор, чтобы пойти в школу. В последнее время они очень сдружились. Болатбек чувствовал себя старше и опытнее, хотя они были одногодки, и всячески заботился о друге. Кадыркул был по-настоящему привязан к Болатбеку. Ведь это был первый человек, который вступился за него.

Кадыркул рос сиротой, никого у него не было, кроме злого и жадного дяди Каражана, который не пускал мальчика в школу, заставлял работать с утра до ночи и за малейшие проступки избивал его. Однажды в приступе бешеной ярости Каражан стал плетью хлестать Кадыркула за то, что тот нечаянно уснул у реки, где скот пил воду. Между ними встал Болатбек.

— Не дам! — кричал он. — Не дам бить Кадыркула! Не смеешь это делать!.. Плохой человек! Я в ауле расскажу!

От сильного удара по голове Болатбек пошатнулся. Грязные цепкие пальцы схватили его за шею. Но прежде чем Каражан успел нанести второй удар, Болатбек изловчился и укусил державшую его руку. Неизвестно, что сделал бы с Болатбеком осатаневший от боли и ярости Каражан, если бы на дороге не показались люди.

Каражан отпустил мальчика, прошепев ему прямо в лицо:

— Я с тобой еще посчитаюсь... Придет время... Помни...

Болатбек рассказал об этом своему учителю. Каражана вызвали в сельский совет и заставили отдать Кадыркула в школу. С тех пор мальчик жил в детском доме. Теперь Болатбек и Кадыркул учатся в одной школе, хотя и в разных классах, и в свободное время часто бывают вместе.

Как-то утром Каражан явился в детдом и велел Кадыркулу собираться. Он был необычно ласков с мальчиком, даже погладил его по голове. Потом объяснил заведующему, что хочет племянника отправить в город, где он будет жить у родственников и учиться в хорошей городской школе. Каражан даже привез Кадыркулу новую одежду и красивые ботинки.

Все произошло так быстро, что Кадыркул не успел почти ни с кем попрощаться, и только на другой день Болатбек узнал, что его товарищ уезжает навсегда. Он сразу же поспешил к юрте Каражана, чтобы пожать руку своему другу и узнать, куда едет Кадыркул.

Болатбек уже прошел степную часть пути, стал подниматься по склону. И в это время наперерез ему проскакал всадник, но он не заметил Болатбека. Фигура всадника, его посадка показались Болатбеку знакомыми. Смутная тревога кольнула сердце. И тут же на тропе появился второй всадник: его-то Болатбек узнал сразу. Это был Кадыркул. Болатбек выскочил на дорогу, замахал руками, подал знак «молчать». Подбежав вплотную к коню, тихо сказал Кадыркулу:

— Ты с ним едешь? Кто он?

— Каражан называет его, кажется, Жексеном, а мне приказал ехать с ним и во всем его слушаться. Даже коня дал.

— Ты не должен с ним ехать! Это бандит... Враг! Тот самый, который коней убил. Он и людей убивает...

— Что же делать? — растерянно сказал Кадыркул.

— Я знаю что... — Болатбек вскарабкался на коня, сел за спиной Кадыркула.

— Поворачивай! Гони в аул! Его надо задержать! Скорей!

Памятник Болатбеку
Омарову на родине
пионера

Конь с места взял в галоп. Сзади послышался топот и грозный окрик.

— Стой! Стой, говорю! — Жексен преследовал их.

— Быстрей! Быстрей! — крикнул Болатбек, почувствовав колебание Кадыркула.

Раздался выстрел, второй. «Убьет! — мелькнуло в голове у Болатбека. — Меня первого. Я ведь сзади сижу...» Но он только еще крепче прижался к Кадыркулу. Они продолжали скакать и внезапно увидели прямо перед собой двух всадников. В одном из них узнали учителя.

— За ним! Догоните его! Это бандит Жексен! — крикнул Болатбек.

Всадники начали погоню, но Жексен ранил учителя и скрылся. Работники милиции вскоре схватили его и узнали в нем бывшего кулака, который уже много лет скрывался и всячески вредил Советской власти...

И вот они встретились снова. Жексен пристально поглядел на Болатбека.

— Подрос, змееныш, — сказал он. — В настоящую змею превратился... Это по твоей милости я вынужден в горах скрываться. Давно я обещал с тобой счеты свести.

Жексен кинулся на Болатбека. Отступать было некуда: сзади обрыв. Болатбек нагнулся, поднял камень и двинулся с ним на Жексена. Это был уже не тот мальчишка, что четыре года назад; он чувствовал в себе силы, чтобы вступить в схватку со взрослым мужчиной...

Вечером вернувшийся напарник не сразу нашел Болатбека. И только потом в траве, возле большого валуна, с высеченными на нем угловатыми печатными буквами: «16 августа 1938 года. Болатбек», увидел неподвижное тело. Юный патриот погиб, спасая колхозное добро.

На высоком холме около города Каскелена на трассе Алма-Ата—Ташкент стоит памятник. Ни годы, ни дожди, ни ветры не сотрут строки, написанные золотыми буквами:

Вечная память юному пионеру-герою Болатбеку Омарову!

Из поколения в поколение на казахской земле передается рассказ о славном подвиге Болатбека. Пионеры и комсомольцы Каскеленского района свято чтут его имя. 27 октября 1971 года сюда, на холм, где он много раз прогонял колхозных овец на пастбище, были перенесены останки героя, и на средства, заработанные на комсомольско-молодежных субботниках, установлен памятник.

Ежегодно, 19 мая, приходят сюда школьники, студенты, ветераны, чтобы низко поклониться маленькому герою, совершившему большой подвиг. Здесь на свой слет собираются правофланговые отряды района, третьеклассникам повязывают красные галстуки, здесь вручают комсомольские билеты.

О Болатбеке Омарове слагаются стихи, поются песни:

Он стоит, отлит из бронзы, на века,
И знакома всем фигурка паренька.
Болатбеку горны звонкие трубят,
И цветы сюда приносит детвора.
Храбрый мальчик Болатбек —
Настоящий человек.
А известно всем давно, что наш народ
О герое свято память бережет.

С. ТУГЕЛЬБАЕВ

ПИОНЕР ЖОРА СОСНОВСКИЙ

В ДОЗОРЕ

В селе Руднычи (Гомельская область, Белорусская ССР) был создан пионерский отряд. На сбор отряда как-то пришел председатель недавно организованного колхоза имени Войкова Иван Владимирович Рафалович. Сел он в уголке и начал что-то записывать в свой блокнот. А потом встал и говорит:

— Вот вы повязали красные галстуки. Это значит, что отныне вы наши первые помощники. Сами понимаете, как нам тяжело сейчас. Село наше глухое, вокруг леса, болота. Кулаков по хуторам много, они прячут у себя подозрительных людей, направляют их на колхоз...

Обо всем этом пионеры хорошо знали. Кулаки заглядывали и к их родителям, прикидываясь добрыми, советовали:

— Ну, зачем вам в колхоз вступать? Погибнете.

Но не только словами пугали они людей. Бывало, и в окна стреляли. В такой глуши это сделать легко: выстрелил — и в лес. Ищи его!..

Но когда поняли кулаки, что напрасны их старания, увидели, что люди все равно вступают в колхоз, начали делать новые подлости: то сено подожгут, то посевы вытопчут, то скотину загонят.

— Решили мы к вам обратиться за помощью, — продолжал председатель. — Создайте свои пионерские дозоры и следите по ночам за колхозным добром.

Звеньевой Жора Сосновский посмотрел на товарищей.

— Поможем?

— Конечно. Непременно поможем.

— Я так и знал, что вы не откажетесь, — сказал Иван Владимирович. — Так вот он, мой план...

Жора пристально всматривается в темноту. Нет, ему не показалось. Кто-то подкрадывался к колхозному хлеву. Вот он перелез уже через ограду и стал возле стога сена.

— Смотри, — толкнул Жора Сережку Бутковца.

Человек чиркнул спичку и наклонился.

«Что делать? — лихорадочно думали мальчики. — Бежать за помощью? Но-пожар тем временем разгорится. Напуганные

коровы разбегутся. Еще в болото зайдут. Броситься самим к поджигателю? А если у него оружие?»

Жора вставил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Поджигатель выпрямился и бросился бежать.

— Держи! — закричал Жора.

Мальчики побежали к стогу и погасили пламя. Злодея не поймали, но он не решился снова прийти: пионерские дозоры были наготове, и по их сигналам поднималось все село.

«КРАСНЫЕ ДЬВЮЛЯТА»

Утром по селу раздается боевая песня:

Взвейтесь кострами, синие ночи...

Это идут пионеры. Витя Хомутовский пристально смотрит на них. Хочется ему пойти вместе с ними, но мать не пускает. Баба Палажка на все село разнесла слухи, что пионеры — дьяволы в красных галстуках. Загубили они свои души и за это будут жестоко наказаны. Другим детям не надо с ними дружить, играть, если они хотят быть чистыми перед богом.

Но Вите нравятся пионеры.

Внезапно появляется сын кулака Грибовского Стецько.

— У, дьяволы! — кричит он вслед пионерам. — Спрячьте хвосты!

Витя не любит Стецька. Он сам настоящий дьявол. Дерется, ругается. Никому прохода не дает. Он отходит от Стецька, но тот хватается за руку:

— Ты, кажется, с ними заодно?

Витя молчит.

Стецько бьет его по лицу.

— А ну пусти! — сзади подходит Жора Сосновский.

Стецько нагло смотрит ему в глаза.

— А тебе какое дело?

— Отпусти сейчас же!

Видя, что слова не помогают, Жора крепко схватил драчуна за руку. Стецько вскрикнул, а освободивши руку, начал угрожать:

— Погоди, ты еще вспомнишь...

— Хватит, хватит, беги, пока еще больше не досталось, — усмехнулся Жора и обратился к Вите: — Идем с нами, хочешь?..

Недаром кулаки не любили пионеров и разносили о них всякое вранье. Большую пользу приносят пионеры колхозу. Когда недостает рабочих рук, помогают пионеры. И все, за что ни возьмутся, делают хорошо. Сегодня они окучивают картошку.

— Ну-ка, давайте соревноваться! — крикнул Жора и первый начал работать.

Потом привезли на поле молоко и хлеб. Вкусный был обед на свежем воздухе. Витя вместе с «дьяволятами». С ними он купался в речке, загорал, а как стемнело, пионеры допоздна сидели и слушали Ивана Владимировича. Он рассказывал о гражданской войне.

На следующий день пионеры снова собирали картошку. И вдруг явился Стецько с ватагой кулацких сынков. Они начали топтать картошку. Жора выпрямился и подошел к Стецьку.

— Ты что картошку топчешь? Вон отсюда!

— Ну-ну, ты не очень, колхозничек!

— Убирайся вон!

— Ты что, в морду хочешь? Да?

Это было сигналом к драке.

Пионеры бежали на помощь к своему вожаку. Вдруг Витя заметил, что Стецько поднимает с земли громадный камень и целится им в Жору. Витя неожиданно для себя бросился Стецьку под ноги и свалил его. Потом сел ему на спину и начал изо всей силы колотить...

Через несколько минут кулацкие сынки позорно бежали. Жора, вытирая кровь с лица, сказал:

— Ничего они нам не сделают, только надо везде быть вместе.

Теперь Витя знает, что он всегда будет с пионерами. С ними интересно, весело, а главное, они никого не дадут в обиду.

ВОЛК В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Дед Гаврила появился на селе в драном тулупчике, лаптях и зимней шапке. Сказал, что родом он из украинского села под Черниговом. Из родных у него там никого не осталось. И вот пустился он по свету искать себе хлеба. Рассказывает о себе, а на глазах слезы. Иван Владимирович пожалел старика и взял его к себе в колхоз пастухом. Плохой из деда Гаврилы был работник. Коровы начали худеть, молока давали мало. Колхозники стали волноваться.

— Жора, — сказал Иван Владимирович, — проследи-ка, где дед Гаврила пасет скот. Только незаметно, понимаешь?

— Ясно, Иван Владимирович.

Дед погнал стадо далеко от села. Минули один луг, другой, зашли в лес. Коровы шли неохотно, но пастух подгонял их кнутом. На небольшой поляне стадо остановилось. Там совсем не было травы. И коровы, жалобно мыча, стали ходить вдоль и поперек поляны, пощипывая чахлые кустарники.

Теперь Жора понял, почему колхозные коровы начали худеть. А когда из лесу вышли двое людей и, поговорив о чем-то с пастухом, увели одну телку, стало понятно, почему уменьшается колхозное стадо.

ПОСЛЕДНИЙ РИСУНОК

Дед Гаврила почувал беду и убежал. Пастушками Иван Владимирович решил сделать Колю Журавского и Жору. Мальчишки прилежно исполняли свои обязанности. Коровы стали поправляться.

Однажды Коля заболел и остался дома. Это было 31 мая 1934 года. Жора сам погнал стадо. Как всегда, он остановил его на болоте, перед лесом, сел на сломанную бурей сосну, вынул цветной карандаш, бумагу и начал рисовать. Ему часто приходилось отрываться, чтобы вернуть корову, которая далеко зашла. Но все-таки рисунок вышел. Жора изобразил свое село в будущем. Улицы широкие, дома новые, а в центре села — большая школа. Возле нее Жора нарисовал группу пионеров.

...Этот рисунок нашли колхозники рядом с трупом Жоры Сосновского. Убийцы его — кулаки — понесли должное наказание.

С тех пор прошло много лет. Село Руднычи совсем не такое, каким оно было в начале тридцатых годов. Выросла новая школа, есть свой клуб. Зажиточной стала жизнь. Свято чтут в колхозе память о первом пионере-герое Жоре Сосновском, школьники берегут и продолжают пионерские традиции тех далеких, но незабываемых лет.

А. ГЕРУС

КЫЧАН ДЖАКЫПОВ

Имя этого мальчика Кычан имеет много объяснений на киргизском языке. «Кычан» означает озорной, чертенок, дурачок — все то, что связано с самым плохим. Еще мальчиком он своим поведением встревожил местного священника — муллу. Запугивая темных родителей Дуйшеке, мулла приказал больше не называть его именем, которое дано ему отцом при рождении, и с презрением дал мальчику проклятое имя Кычан. Но ошибся мулла: имя-то он изменил, а твердый характер, стальная воля и сознание мальчика росли и крепились день ото дня. Школа, пионерский отряд, его учитель-коммунист, его брат-рабфаковец разбудили в мальчике любовь к новому, колхозному строю, внушили ему, что главные враги молодого колхоза — это приспешники баев и мулл. И Кычан начал бороться за свое счастье, за лучшую жизнь в родном аиле.

В 1933 году, когда у нас в Киргизии только что зарождались колхозы, враги не только мешали строить новую жизнь, но и старались уничтожить тех, кто стоял за нее. Кычан со своими сверстниками, пионерами, разоблачил их, и враги зверски убили его.

Сын солнечного Киргизстана Кычан Джакыпов повторил подвиг своего русского брата Павлика Морозова. С тех пор его имя окружено славой.

КТО ВИНОВНИК?

Кончились жгучие морозы. Отпотели обочины дорог, и старики уже предсказывали дружную весну. Колхозники проверяли плуги, бороны, готовились к окоту овец.

Когда стемнело, друзья собрались уходить. Они устали. Скорей бы добраться домой!

Вдруг Керез, шедший позади, закричал высоким, срывающимся от радости голосом:

— Смотрите, какой костер!

Друзья остановились. Большой огонь разгорался там, где стояли маленькие стога колхозного сена.

— Это табунчики греются, — спокойно заметил Атай.

— Сено горит! — присмотревшись, закричал Кычан так, будто друзья его были очень далеко. — Керез, беги в аил и поднимай людей! А мы туда!

Кычан и Атай пустились в сторону пожара, а Керез направился в аил.

Колхозники за зиму не тронули ни одного стожка клевера, сложенного за аилом, их берегли для лошадей, которые будут работать на пахоте. Чтобы скот не обивал стожки, их окружили колючей изгородью.

Когда Кычан подбежал к изгороди, красные языки пламени охватили стожок почти со всех сторон. Сухой клевер горел с треском и почти без дыма. Кычан снял шубу. Он быстро стал нагребать на нее снег и бросать в огонь. В тех местах, куда попадал снег, пламя на время оседало, но тут же вспыхивало с новой силой.

Подбежал Атай и начал помогать другу. Вначале он бросал снег издалека, но, увидев Кычана возле самого огня, тоже приблизился к стожку. Огонь поднимался все выше и охватил уже весь стог... Обгоревший низ окутался желтоватым едким дымом. От него слезились глаза, спирало дыхание.

— Кычан, сгорьши! — закричал Атай. — На тебе рубашка тлеет!

— Снегу давай, снегу! — потребовал Кычан. И, лишь почувствовав нестерпимую боль, он отскочил от полыхающего огненного столба, повалился на снег и стал кататься, чтобы затушить на себе огонь. Боль была так сильна, что Кычан даже не слышал топота скачущих из аила коней и тревожного крика всадников.

Но уже было поздно. Самый большой стожок клевера, приготовленный к весне, догорал.

Кычан Джакыпов

ВО СНЕ И НАЯВУ

Пришли летние каникулы. Многие школьники разъехались: кто к родным, кто на пастбище. Но трое неразлучных друзей остались дома. Вот уже несколько дней они слоняются по аилу, как оставшие от стада ягнята.

Когда ребята, наконец, добрались до правления колхоза, собрание приближалось к концу. Колхозники сидели на траве. Белые из кошмы колпаки и красные косынки, как огромные тюльпаны, красовались на зеленом ковре.

У маленького стола, покрытого темно-красной материей, стоял Изакул.

— Значит, с этим вопросом покончено, — сказал он, когда подъехал Актан с ребятами. — И последнее. — Он бросил неодобрительный взгляд на опоздавшего. — У каждого колхозника есть корова, и каждый пасет ее сам. А что, если их пасты не порознь, а вместе, как у русских? Тогда в каждой семье освободится один человек. Давайте выберем одного пастуха для скота, который остался бы в кишлаке, а другого для джатака¹.

— Правильно, правильно! — раздались голоса.

— А кто будет им платить?

— Будем начислять трудодни. Но на это дело нужно добровольца.

Маленький, седенький старикашка Самтыр, сидевший позади всех, вытянув шею, крикнул:

— Я могу пасты на джатаке, если доверите!

— Верим, верим! — раздались возгласы.

Изакул поднял руку, прося тишины:

— А кто же будет пастухом коров кишлака? — Он обвел глазами толпу людей, шептавшихся друг с другом.

Кычан, стоявший сбоку, давно уже поднял руку, но никто не обратил на него внимания. Ведь здесь собрание взрослых.

— Ну, что ж, если нет желающих, укажите тех, кто подходит к этой работе. Мы уговорим его.

Кычан не выдержал:

— Изакул-агай, я буду пастухом в кишлаке! Атай и Керез будут мне помогать.

Все оглянулись на сына кузнеца. Послышались одобрительные возгласы.

— Пусть жизнь твоя будет счастливой!

— Он подходит!

— Этот справится!

Изакул подозвал к себе Кычана и дружески похлопал его по плечу.

...На следующее утро к дому Джакыпа подъехал Изакул

¹ Джатак — колхозный стан.

на сером коне. Он держал на поводу черного, как мокрый ворон, жеребчика с подстриженной гривой и ровно обрезанным хвостом.

— Вот тебе лучший и самый молодой в колхозе конь. Береги его. Сейчас жаркая погода, коровы, конечно, пасутся беспокойно. Однако старайся зря коня не гонять. Если будешь без толку скакать — загонишь, — сказал Изакул, передавая Кычану стригунку.

*

Вечером Кычана вызвали к председателю колхоза. Поставив коня к корму, Кычан побежал в контору. В кабинете председателя, кроме Атая и Кереза, никого не было. Их, оказывается, тоже вызвали.

На столе, покрытом кумачом, горела керосиновая лампа, но председателя еще не было.

Атай вслух гадал, зачем их вызвали всех троих. Может, за Коджо Кыдыра? А Керез даже не обратил внимания на приход Кычана. Он рассматривал висевший в углу портрет Ленина.

Открылась дверь, и вошел Изакул. Ребята сразу замолчали и, как подсудимые, уселись на скамейку перед столом. Атай повел глазами в сторону портрета, как бы говоря друзьям: «Видите, я прав». Изакул сел за стол и усмехнулся.

— Ну что ж, коммунары, я очень доволен вами. Вы оказали огромную помощь колхозу. Он этого не забудет. А теперь вам пора немного отдохнуть. Атай и Керез, сдайте бричку, седло, веревки и быка.

С нетерпением ждавший этой минуты Атай соскочил с места и направился к выходу.

— Подожди немного, — остановил его Изакул. — Кычан сегодня не смог подобрать человека на твою работу. И мы договорились с Актаном, что он завтра заменит тебя. Он день-два постережет стадо, пока подберем пастуха.

— Изакул-байке¹, не беспокойте Актана. У меня есть зеленая лужайка, которую я берег на последние дни. Завтра еще сгоняю туда стадо, а послезавтра передам свою работу другому.

— Пусть будет по-твоему, — охотно согласился Изакул. Он с шумом открыл ящик стола, вытащил оттуда три пакета и протянул их мальчишкам.

— Вот вам подарки колхоза. Тут все, что надо для ученика четвертого класса.

Изакул покрутил молодцеватые усы, встал с места и, пожав ребятам руки, простился.

Атай и Керез сразу же выскочили из кабинета. Но Кычан остался.

¹ Байке — почтительное обращение к старшим.

— Изакул-байке,— несмело заговорил Кычан.— Говорят, что этот бандит Джумалы жив и по-прежнему занимается воровством. Это правда?

Изакул круто повернулся.

— А ты-то откуда знаешь? — положив широкую руку на плечо Кычана, Изакул пристально посмотрел в глаза нахмурившегося мальчика.— Да, он, кажется, где-то в горах околачивается. Но вас пусть это не волнует, мы его поймаем.

Кычан долго стоял на пороге, но так и не решился открыть своей тайны. Уж очень хотелось ему самому поймать бандита.

*

Последний день работы. Кычан, за два месяца привыкший рано вставать, сегодня встал раньше обычного. На прощание ему хотелось пасти коров так, чтоб даже Какелей осталась довольна. Он до блеска начистил своего карагера, расчесал ему гриву и хвост. Легко, как воробей, прыгнул в седло, но, увидев, что мать до сих пор еще не подоила свою корову, даже рассердился.

Кычан выгнал свое стадо на остров между двумя рукавами арыка. Коровы разбежались по луговине и с жадностью набросились на короткую траву.

Кычана в синей жилетке с короткими рукавами и белом колпаке, сидевшего на своем карагере, обычно видно было очень далеко. На каком бы месте равнины, расстилающейся вокруг аила, он ни пас, колхозники всегда узнавали пастушка. Но сегодня его можно было увидеть только со стороны тугаев¹.

Коровы спокойно паслись. А Кычан на всю окрестность пел беззаботно и весело:

Я молодой парень.
Подо мной карагер-иноходец,
Караулю я дойных коров.
На душе у меня светло,
Как в безоблачном небе.

В верхнем конце островка виднелись заросли чертополоха и курая. Среди этих кустов зеленела густая трава, похожая на ковыль. К ней и собрались коровы.

Наевшись раньше обычного, они тут же разлеглись на земле, жуя свою жвачку. А солнце поднялось в безбрежный жгуче-синий океан неба и задумчиво следило за всем, что делалось внизу.

Кычан вытащил удила изо рта карагера, чтобы тот мог пасть, уселся на него по-женски, свесив ноги на одну сторону.

«Осталось,— думал он, глядя вдаль,— четыре дня. Пролетят

¹ Тугаи — заросли.

они незаметно. И опять школа... Звонки, шум, смех... Хорошо!»

Карагер с хрустом пережевывает траву и спокойно стоит на месте, как бы разделяя мечты хозяина. Вот он поднял голову и оглянулся. Конь машет головой, просит хода, хочет отойти подалее от этого места.

Но что это за шорох и треск курая? Оглянулся. Нигде ничего подозрительного. Наверно, это коровы шелестят хвостами в курае. Вдруг шум раздался совсем рядом, и карагер рванулся. Кычан натянул поводья.

— Так, так! — крикнул он, удерживая коня, но, обернувшись, почти рядом увидел Джумалы в черном малахае. За поясом у него чернел большой пистолет, а за голенищем сверкал отточенным лезвием кинжал. Мальчик от неожиданности растерялся и не успел повернуть коня. А Джумалы, воспользовавшись этим, ухватился за поводок.

— Отпустите жеребенка! — сдерживая злость, потребовал Кычан. — Чего вам надо?

Но Джумалы подошел поближе и обнял карагера за шею. Он что-то ворчал коню, по-своему ласкал его, но Кычану эти звуки казались похожими на клекотание грифа, сидящего на трупе.

— Ты не знаешь, мальчик, зачем я пришел?

— Не знаю! Отпустите коня!

— Ты смотри, какой прыткий! А должок у тебя большой, — вкрадчиво проговорил бандит и вдруг взревел. — Разве ты забыл, выродок ведьмы? Или думаешь, я не видел, кто привел милицию во двор Майрыка?

От этих слов у Кычана отнялись руки и ноги, сердце словно куда-то провалилось. А Джумалы продолжал, смакуя каждое слово:

— Чтобы получить только этот долг, одного тебя будет мало. А за тобой еще числятся и другие...

— Отпустите, говорю, а то позову людей! — крикнул Кычан и опять похолодел. Он вспомнил, что здесь никто не услышит его зова.

— Да, я тебя отпущу... — прошептал Джумалы и, изобразив некоторое подобие улыбки, скрипнул зубами. — В гости к аллаху отпущу тебя, шайтаненок!

— Атандын баши! — закричал Кычан. — Напейся лучше крови своего отца!

— Ах, так! — Джумалы схватил мальчика за руку и, как птенца из гнезда, стащил с седла. Он прижал его коленом к земле и выхватил из-за голенища кинжал.

— Говори, сын осла! Знают в аиле, что я недавно был у Какелей?

Кычан, не отпуская поводьев и не отводя широко открытых глаз от голого лезвия кинжала, молчал.

Бандит полоснул кинжалом, и окровавленная рука Кычана выронила поводья.

Кычан пытался закричать, но крепкие пальцы бандита сжимали ему горло.

Вдруг Кычан почувствовал, что правая рука его прикоснулась к холодной рукоятке пистолета. Вытащить из-за пояса бандита пистолет было невозможно. Кычан ощупью нашел курок и, оттянув его двумя пальцами, нажал спусковой крючок. Раздалось подряд несколько выстрелов.

— А-а-а! — закричал Джумалы во весь голос и ухватился за простреленную ногу.

Воспользовавшись этим, Кычан вскочил и, пошатываясь, бросился к коню. Он уже занес ногу в стремя. Но Джумалы выхватил пистолет и, направив на мальчика, несколько раз щелкнул вхолостую. Поняв, что все заряды вышли, он вынул тяжелый, сверкающий кинжал, приподнялся и метнул его в спину мальчика.

...Первым услышал выстрелы Актан, неподалеку чистивший арык. Он выскочил навстречу бандиту, убежавшему по оврагу, и ударом кетменя сбил его с ног.

Прибежавшие на островок колхозники увидели мирно пасущихся коров. А пастушка в синем жилете и белом войлочном колпаке нигде не было видно.

Его нашли уже неподвижного в таволожнике.

— Кычан! Кычан! — срывающимся голосом закричал подбежавший Изакул.

Но Кычан не отзывался.

А солнце все так же плыло по голубому безоблачному небу.

Давным-давно развалилась землянка, которая называлась школой в те дни, когда учился Кычан Джакыпов. На ее месте стоит большое красивое здание. Это средняя школа имени Кычана Джакыпова.

В светлой комнате, где занимается четвертый класс, в первом ряду у окна стоит парта. За ней сидел когда-то юный пионер Кычан Джакыпов. Теперь это самое почетное место, и сидеть на нем может только тот, кто учится так, как Кычан, кто смел, как Кычан, кто находчив, как Кычан, кто трудолюбив, как Кычан.

На джайлоо близ поднебесного озера Сон-Куль пасутся отары белых тонкорунных овец колхоза имени Кычана Джакыпова.

Все его помнят. Добрая слава, что летит быстрее птицы, разнесла по горам и долинам Киргизстана это короткое, но памятное имя — Кычан.

Ш. БЕИШЕНАЛИЕВ

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА КОЛЕСНИКОВО

Арина Мяготина, вдова красногвардейца, погибшего в гражданскую войну, жила в одном из самых бедных домов Колесниково — стареньком пятистеннике. Тяжело, очень тяжело было Арине! С трудом сводила концы с концами больная женщина, перебиваясь на небольшую пенсию.

Но вот в Колесниково организовался колхоз. Арина с радостью вступила в него. Теперь она не одна, не одиноличница, не пропадет она с сыном.

Коля имел доброе сердце. Видит, как мать мается, и поэтому, как только выпадет свободная минутка, старается помочь ей. По утрам перед уходом в школу носит воду с озера, собирает щепу на растопку, подметает двор. «Лежебокой парень не будет», — радостно думала Арина.

Большим светлым праздником пришла в Колесниково первая колхозная весна.

В канун солнечного Первомая школу облетела радостная весть: третьеклассников будут принимать в пионеры.

В большую перемену мальчики и девочки выстроились в линейку. Всегда строгое лицо учительницы Александры Васильевны озаряла мягкая улыбка.

Перед классом стояли пять мальчиков и пять девочек, любивших, как все дети, игры и забавы. Но в этот миг они стали чуть старше, чуть взрослее.

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, — взволнованно начала Александра Васильевна, и детские голоса медленно повторяли за ней слова.

— ...Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины.

К каждому из десяти, стоявших плечом к плечу, подошла Александра Васильевна и повязала красный галстук.

И вот Коля — пионер!

И в этот вечер в горенке Мяготиных долго светился огонек маленькой керосиновой лампы: Коля писал письмо своему другу Мише в детский дом (он жил там два года). Он рассказывал, как сегодня его приняли в пионеры, какая хорошая у них учительница Александра Васильевна и как они ездили в ночное и ходили на экскурсию на конный завод, как они помогли колхозному конюху Кузьме Матвеевичу вырастить кавалерийскую лошадь для Красной Армии и за это сам Буденный прислал им благодарность, как они будут собирать колосья, чтобы увеличить колхозный урожай.

Каждое лето Коля организовывал пионеров на сбор колосьев в поле, выпускал стенную газету, создавал пионерские посты по охране урожая. Не раз правление колхоза премировало его, им гордились комсомольцы, ставя его в пример всей сельской детворе.

Коля Мяготин

Вот только Петька Вахрушев не хотел помогать колхозу. Он говорил: «Я не обязан, я не пионер». Вступать в пионеры Петьке не разрешал брат Иван.

— Петь!.. — попытывался Коля. — А почему ты Александре Васильевне не скажешь, она поговорила бы с ним.

— Что ты? Он меня прибьет!

— А разве он тебя бьет?

— Чем ни попало... И мамка завсегда в синяках ходит.

— За что же он вас бьет?

— Да он завсегда пьяный! Кого хошь прибить может... Он и тебя...

— Меня?! — насторожился Коля, но Петька не ответил: он сжегился, боязливо озираясь.

Коля знал, за что ненавидит его старший Вахрушев.

Коля был ездовым в бригаде Шушарина, трудился много, старательно, честно. Как-то мальчик задержался на току и пошел домой в темноте. Он сбился с дороги, долго блуждал в лесу, набрел на заброшенную коробейникову избушку и спрятался за толстой сосной. Совсем близко, в нескольких шагах, при свете луны он увидел смутно темневшие фигуры. Прислушавшись, узнал скрипучий голос Ивана Вахрушева и хрипловатый бас Фотей Сычева.

— Как только Шушарин приехал на ток, я нарочно при всех колхозниках сказал: «Вот вороха с хлебом. Мне их сдавали без веса, и от меня принимайте на глаз». Шушарин засмеялся. «Кабы и схотел украсть, не смог бы: в карманах, что ли, унесешь?» Я сел верхом и уехал...

— Молодец, Ванюха! А насчет телеги мы неплохо придумали. Никто не догадается, что в кустах она была схоронена...

— Хорошо ли мешки-то завязал?

— Не впервой... Ну, вот что, Иван, пора! Телегу-то заодно с хлебом продашь в Кургане, вернешься верхом, будто в больницу ездил... Ну, с богом!

Коля решил разоблачить Вахрушева и Сычева. Как-то, встретив Ивана у озера, смело сказал ему:

— Знаю, как по ночам хлеб в колхозе воруют...

— Прикуси язык, Колька, не то худо будет! В озерке и утонуть не диво, — пригрозил Иван.

— Не запугаешь! — крикнул Коля. — Все равно вашу шайку выведу на чистую воду!

О многом он передумал после встречи с Иваном у озера. Вспомнил о своем отце, который в молодости был батраком у

кулаков братьев Сычевых и погиб в борьбе за счастье народа.

Коля обо всем рассказал матери.

— Мама, ты представляешь, сколько они еще наделают вреда колхозу, если не сказать в них? Ведь нельзя молчать!

Арина прижала к груди голову сына.

— Хоть и страшно мне за тебя, мой мальчик, ох как страшно, а отговаривать не буду... Не было в нашем роду трусов!

Ободренный матерью, Коля сообщил о проделках Сычева и Вахрушева сельсовету, послал заметку в районную газету.

Узнали об этом враги. Зашевелилось осиное гнездо. Сычев решил расправиться со смелым пионером, который не давал им покоя. Он разработал коварный план: использовать дружбу между Колей и Петькой Вахрушевым.

Однажды Петька, наученный братом и Фотеем, уговорил Колю пойти в лес за подсолнухами.

Памятник Коле
Мяготину на
родине пионера

За далекой сельской околицей, на узенькой тропке подсолнечного поля встретились два врага: тринадцатилетний пионер Коля Мяготин и наемник кулаков Иван Вахрушев. Подкравшись, как вор, Вахрушев подошел к пионеру, и Коля у самых глаз увидел черное дуло ружья, а за ним искаженное звериной ненавистью лицо Вахрушева.

— Дядя Иван! За что?

— Сам знаешь, активист пионерский!

Вахрушев загородил узкую тропку и крикнул Петьке:

— Марш домой, да не оглядывайся!

Предвечернюю тишину пустынного поля разорвал выстрел берданки. Подсолнухи высыпались из детских рук.

Тяжело раненный, истекающий кровью Коля долго лежал на холодной земле. Петька, заведший его в ловушку, сбегал в деревню и сообщил брату, что Мяготин еще жив. На этот раз пришел Фотей с заряженным картечью ружьем и закончил кровавую расправу.

Это случилось 25 октября 1932 года.

*

Коля погиб на заре колхозного строительства.

Ныне Колесниково — центр укрупненного колхоза имени Калинин, в котором объединились жители трех зауральских деревень. Золотом отливают пшеничные поля, и ветер с трудом колышет тяжелые колосья, налитые крупным спелым зерном; на тучных пастбищах пасутся стада дойных коров, табуны лошадей, отары овец; за сельской околицей благоухает фруктовый сад. Богатеет, расцветает село Колесниково. И это является лучшим памятником Коле Мяготину, отдавшему свою короткую яркую жизнь за торжество колхозного строя.

С. СУХАЧЕВСКИЙ

«КРАСНЫЙ ЦВЕТOK»

В стране еще продолжалась гражданская война. В городах и селах шла борьба со старым миром. Взрослым помогали дети. В татарской деревне Мустафино была создана детская организация «Красный цветок». Ее вожаком стал четырнадцатилетний Муса Джалилов — будущий поэт Муса Джалиль.

Время было тревожное. На села, где недавно была установлена Советская власть, нападали кулацкие банды. Одна из таких банд шла на Мустафино. Брат Мусы, коммунист Ибрагим, организовал отряд и двинулся навстречу бандитам. Вскоре вернувшиеся из разведки бойцы привели к командиру двух босоногих мальчишек. Это были Муса и его друг Бари Вахитов, которые тайком шли за отрядом, чтобы принять участие в предстоящем бою.

Мальчики уговорили командира не отсылать их домой, и оба, наравне со взрослыми, были зачислены в отряд.

...Банда была разбита. Юные бойцы вернулись в свою деревню.

Организация «Красный цветок» помогала бороться со спекуляцией хлебом. Однажды Муса, Бари и их товарищ задержали и передали в ЧК крупного спекулянта... Вскоре ребята начали выпускать свою стенную газету «Алга» («Вперед»). В этой газете они разоблачали муллу, обманывающего народ, призывали своих ровесников вступать в отряд «Красный цветок». В клубе отряд, в котором насчитывалось уже около сорока человек, ставил пьесы, давал концерты. Часто автором пьес был сам Муса. Так словом, песней, частушкой, агиткой, живыми делами дети помогали старшим бороться за новое село.

В своих воспоминаниях о «Красном цветке» Муса Джалиль назвал эту организацию деревенских ребят «первым зерном в развитии коммунистического движения в районе» среди молодежи. Потом наступили годы учебы Мусы, его комсомольской и партийной работы, поэтического творчества, литературной и общественной деятельности.

В 1941 году фашистская Германия напала на Советский Союз, и Муса Джалиль ушел на фронт.

В одном из боев 1942 года тяжело раненный Джалиль был захвачен фашистами в плен и заключен в концлагерь. Но Муса не покорился. Он организует в концлагере подпольную группу, устраивает побеги советских военнопленных, продолжает писать стихи, призывающие к борьбе с гитлеровскими захватчиками. За антифашистскую деятельность в августе 1944 года бесстрашный поэт-коммунист был казнен.

После войны, в 1956 году, выдающийся татарский поэт, пламенный советский патриот Муса Джалиль был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. А в 1957 году за цикл стихов «Моабитская тетрадь» ему была присуждена Ленинская премия.

В деревне Мустафино Шарлыкского района Оренбургской области открыт памятник Мусе Джалилю. У этого памятника всегда лежат живые цветы. Взрослые и дети чтут память земляка-поэта, героя борьбы против фашистских захватчиков, бывшего боевого вожака ребячьего отряда «Красный цветок».

Муса Джалиль

А. ГУСЕВ

МАМЛАКАТ

Легко отрывается от бетонной дорожки «Ту-154», взмывает вверх, открывая все ширящуюся панораму Душанбе, долин и предгорий Таджикистана. Здесь, на взлетной полосе, когда-то было белым-бело от распустившихся коробочек хлопка. Прямо от кишлака Шахмансур начиналось поле колхоза имени Лахути, на котором Мамлакат Нахангова, одиннадцатилетняя пионерка, установила рекорд. В газетах печатали фотографии круглолицей улыбающейся девочки с косичками и орденом Ленина на груди, ее имя знала вся страна...

Мамлакат родилась в 1924 году, когда в Средней Азии еще бесчинствовали банды басмачей. И не случайно родители дали девочке имя, которое в переводе означает «страна», вкладывая в него и свои надежды на лучшее будущее. Ныне Мамлакат Акбердыевна Нахангова — доцент Душанбинского педагогического института, является членом республиканского комитета по зарубежным связям. Прошу ее вернуться к тем далеким дням, когда начиналась ее трудовая биография.

— В нашей семье одиннадцать детей было; все тяготы на плечи матери ложились. Жалели мы ее очень, старались помогать и по хозяйству, и на сборе хлопка. Поле чуть не от нашего порога начиналось. Собирали и сортировали хлопок руками, в фартуках относили. Взрослый за день приносил пятнадцать килограммов. Сорты не те были, что ныне, растения низкие. А нам, девочкам, удобно...

Бегали помогать родителям после учебы. Школа в старой мечети находилась, там же — и правление колхоза. Грамотным был только Шариф Муродов, бухгалтер-счетовод. Утром детей учил, вечером — взрослых. Сидели на земле, одним мелком писали слова. Приняли нас в 1934 году в пионеры. Узнали мы, что ребята постарше комсомольскую бригаду создали, и тоже решили по их примеру работать в поле сообща. Так возникло первое трудовое пионерское звено.

Я первой стала двумя руками собирать, по семьдесят — восемьдесят килограммов хлопка за день приносила. Взрослые к учетчику: «Обманываешь нас, девчонке столько пишешь». По пятам за мной ходили, не верили, старики ворчали: «В ней нечистая сила». Тумаков даже мне надавали однажды.

Упрямая я была, ничего не боялась. И вот митинг в колхозе, узнали все, что Алексей Стаханов, шахтер из Донбасса, нарубил за смену сто две тонны угля. Председатель попросил: «Выступи, Мамлакат». Я и заявила тогда: «Берусь собрать за день сто два килограмма хлопка». Смеются вокруг, а я задорно возражаю: «Хлопок ведь легче угля...» Ну и собрала. В колхоз меня приняли, поздравляли. И к звену стали с уважением относиться...

Много раз бывала в Москве Мамлакат, но так уж случилось,

Мамлакат Нахангова

что с А. Г. Стахановым встретилась лишь в июле 1972 года. Съехались в столицу герои первых пятилеток — ткачиха М. Виноградова, комбайнер К. Борин, кузнец А. Бусыгин, свекловод М. Демченко, метростровец Т. Федорова, трактористка Д. Гармаш... И Стаханов, взяв в широкие ладони ее пальцы, улыбаясь, спросил: «Такими вот ручонками ты гору хлопка собрала?» Мамлакат рассказала Алексею Григорьевичу, как много значил он для нее, какую роль сыграл в ее жизни.

В 1935 году передовых колхозников южных республик пригласили в Кремль. Из Москвы девушка с орденом Ленина на теплой кофте — подарили ей, мерзла с непривычки — поехала в Ленинград. Встречалась со школьниками, рассказывала о своем звене и колхозе. Приглашали Мамлакат на перебой. Еще бы — первая пионерка-орденоносец! Вся страна о ней говорила...

Свой рассказ Нахангова закончила такими словами:

— Когда встречаюсь с юношами и девушками, думаю: «Прекрасная смена у нас, и перед каждым — свое хлопковое поле».

Г. ЯКОВЛЕВ

ЗАЧИСЛЕН НАВЕЧНО...

Трудолюбию и исполнительности Вити Гурина удивлялись не только учителя, но и все, кто его знал. Это был среднего роста мальчик, с серьезными чуть навывкате глазами.

Выдержанный, вежливый, тактичный — таким его помнят бывшие учителя и ученики заводской семилетки № 2 города Донецка.

— Витюнчик, снова идешь? Скорей возвращайся, — просила его мама.

Виктор Гурин

— У меня общественное поручение. Надо выполнить... Да ты за меня не волнуйся, все будет в порядке,— поправляя темно-синюю рубашку и пионерский галстук, отвечал сын.

— Господи, ты хоть галстук не надевай...— не успокаивалась мать.

— Что ты, мама! Это — рабоче-крестьянская кровь! Не сниму! — и Витя выбежал из комнаты.

Такой разговор состоялся между матерью и четырнадцатилетним сыном в 1929 году.

Тогда еще не было Дворца пионеров в городе Донецке, и к Первомайской демонстрации дети гото-

вились при заводских клубах, где они участвовали в кружках художественной самодеятельности.

Гурин был одним из самых активных пионеров. Он хорошо играл на гитаре, выступал в самодеятельном оркестре, а еще лучше рисовал. Особенно удачно выходили у него карикатуры на буржуев.

За это враги Советской власти ненавидели мальчика, видели в нем своего заклятого врага. Они подбивали против него хулиганов, и нередко всему отряду приходилось провожать Гурина домой.

Однажды, когда Виктор заканчивал карикатуру, к нему подошел неизвестный. Он внимательно посмотрел на рисунок, не торопясь, вытащил из кармана кусок резины и ударил ею Виктора по лицу.

— На резину, заклейте галошу, в которой утонут буржуи,— кинул он со злобой.

В тот вечер десять пионеров провожали Гурина домой. А на Первомайской демонстрации ребята все-таки несли высоко над головами яркие и злые карикатуры на врагов Советской власти, нарисованные Виктором Гуриным.

Первомайская демонстрация произвела на Виктора большое впечатление.

— Простой народ — рабочие, шахтеры, вся колонна демонстрантов,— рассказывал он матери,— казались мне огромным кулаком, который раздавит врагов. Как дружно шли люди, как уверенно пели песни о революции! Никакие враги нам не страшны...

5 мая 1929 года был религиозный праздник — пасха.

Виктор рассказывал в клубе детям о том, что религия — это обман народа, и призывал юных ленинцев всеми способами бороться против всяческих религиозных предрассудков.

Взволнованно, с большим подъемом выступал на этом вечере четырнадцатилетний пионер.

Несколько раз из зала звучали угрожающие выкрики хулиганов, но Виктор не обращал на них внимания.

Пришло время возвращаться домой. Товарищи хотели проводить его, но Виктор отказался.

Было темно, шел дождь.

Проходя одной из темных аллей сквера, он услышал свист. Не успел оглянуться, как финка врага глубоко вонзилась в спину. Сгоряча он пробежал еще несколько метров и упал мертвым. Перестало биться пламенное сердце юного патриота.

Похороны Виктора Гурина, на которые пришли рабочие, шахтеры, служащие, ученики всех школ, вылились в могучую демонстрацию против врагов Советской власти.

На втором этаже средней школы № 6 Донецка утопает в цветах большой портрет Виктора Гурина. Здесь когда-то учился этот бесстрашный пионер. По обе стороны портрета — знамена, вверху надпись:

ПОМНИМ О ТЕБЕ, ВИТЯ!

А под портретом читаем:

Виктор Гурин снова в нашем строю. Его убили враги Советской власти за то, что он был пионером. Его имя занесено навечно в списки пионерской дружины средней школы № 6. Будем помнить о нем, будем беречь и любить нашу школу так, как берег и любил ее Виктор Гурин.

Г. МАНДЗЮК

ВСЕГДА В ПИОНЕРСКОМ СТРОЮ

Был март 1933 года. На земле еще лежал снег. Полям шли двое. Новые сапоги вязли в глубокой грязи. Путники не торопились. Время от времени они останавливались, всматривались вдаль и, боязливо оглядываясь, шли дальше.

— Не идет, черт его дери! — озабоченно сказал один.

Дальше опять шли молча. Смеркалось... Внезапно на стерне замаячила какая-то тень.

— Он, проклятый! Ванька! — вскрикнул путник и нащупал что-то в кармане.

Свернув к оврагу, путники остановились, выжидали. Сердца их колотились, а в глазах вспыхивали огоньки — такие, как у волка, забравшегося в овчарню.

Фигура на стерне приближалась...

*

Ваня Васильченко рос сиротой. Мать умерла, когда мальчик был совсем маленьким. Вскоре умер и отец. Остался с мачехой и сестрами. Мачеха не была злой, но что поделаешь, если нужда давила камнем.

Пришлось Ване и батрачить, и недосыпать, и недоедать. Мечтой были сапоги — чтобы не месить босыми ногами грязь, не мерзнуть, когда бежишь в школу. А добраться туда нелегко, потому что она не на хуторе, а в соседнем селе Александровке. В школе задерживался допоздна.

— Ты куда, на ночь глядя? — спросил его Петр Андреевич Скрипка, увидав, что худой, в плохонькой одежке мальчик идет по дороге на хутор.

— Домой, из школы, — ответил тот.

«Сирота. Из подшефной школы», — узнал Ваню Петр Андреевич, бывший тогда председателем завкома сахарного завода в Александровке.

Вскоре по ходатайству заводского и партийного комитетов Ваню устроили в общежитие сахарного завода. Теперь можно было все свободное время проводить в школе. Как раз тогда в пятом классе создали пионерский отряд — первый в селе. Председателем совета отряда выбрали Ваню Васильченко.

Много забот у пионеров. В только что организованном колхозе не хватало инвентаря, рабочих рук.

— Давайте пойдем помогать всем отрядом, — предложил своим друзьям Ваня.

Помогать колхозу согласились все: надо было спасать всходы от сорняков. Отряд шел улицами села. Ветер полоскал красным знаменем, которое сделали сами ребята, покрасив кусок простыни. Звучала песня:

Мы поднимаем красное знамя!
Дети рабочих, смело за нами!..

Крестьяне выходили из хат, останавливались у калиток, удивленно смотрели на мальчиков и девочек с красным флагом, вслушивались в слова песни. Одни улыбались, радовались:

— Бедовые ребята растут! Будет кому колхоз поднимать!

Другие сжимали от злобы кулаки:

— Гляди какие! Везде свой нос суют. Ничего, пусть отведают колхозного хлеба.

А песня неслась над вершинами деревьев, взлетала над соломенными крышами в голубое небо...

...Хорошо работать сообща, чувствуя, что делаешь полезное дело, зная, что твой труд нужен людям. Допоздна пололи пионеры.

А вечером взметнулось над поляной пламя пионерского костра. Ваня примостился около пионервожатой Дарьи Федоровны. Ему, лишенному материнского тепла, была дорога искренняя забота старшего товарища, комсомолки. А Дарье нравились энергия Вани, его смелость, настойчивость, его горячее и чуткое сердце.

Ваня засмотрелся на звезды, поблескивавшие таинственным серебряным светом в бескрайней вышине.

— Что там, на звездах? — спросил он у вожатой.

— Не знаю, — ответила та. — Ты счастливый — будешь учиться и все узнаешь...

— Конечно, — согласился Ваня и добавил: — Вот бы летчиком стать!

— А знаешь, Ваня, — продолжала Дарья, — я верю, что все задуманное ты исполнишь. Характер у тебя такой. И жизнь скоро станет другой. Колхоз окрепнет. Правда?

Она хотела заглянуть в глаза мальчику, но увидела, что он, подложив руку под голову, крепко спит...

Проснулись на рассвете — и снова за работу. Под вечер в поле заглянул Тит Петрович, председатель колхоза.

Поблагодарил пионеров. А Ване сказал:

— Заходи. Поговорить надо. Слово «ликбез» слышал?

— Это по-какому?

— По-нашему, — улыбнулся Тит Петрович. — Заходи, расскажу.

Ликбез — ликвидация безграмотности. Ваня и его товарищи-пионеры взялись обучать грамоте старших. Допоздна мигали керосиновые лампы в крестьянских хатах на хуторе. Руки, привыкшие только к тяжелому физическому труду, выводили буквы в тетрадах. А рядом склонились детские головки.

Ваня стал частым гостем и у старшей сестры Анны, которая вышла замуж за соседского парня Кирилла Сегеду. Мальчик учил Анну писать. С Кириллом подолгу разговаривали о колхозных делах. Кулаки, подкулачники, кулацкие прихвостни всячески старались развалить колхоз...

«Лодырь — это враг!» — такие слова были написаны в стенгазете, которая вышла в колхозе. Выпустили ее пионеры, а организовал выпуск стенгазеты Ваня.

Как-то, идя к Анне, Ваня услышал из-за ограды приглушенный голос:

— Смотри, председатель расхаживает...

Оглянувшись и не увидев Тита Петровича, мальчик понял, что речь идет не о колхозном, а о нем — пионерском председателе. Он замедлил шаги, а неизвестный шептал:

— Будет знать большевистский выродец, кто такие лодыри. И как за колхоз агитировать. На своей шкуре испытает.

У сестры ждала неприятность. Бледная и встревоженная, Анна встретила его на пороге. А Кирилл дрожащей рукой вытащил из конверта записку:

— Гляди, что Анна у ворот нашла.

Волнуясь, Ваня прочитал безграмотно и коряво написанные строки. Кто-то угрожал ему, предупреждал сестру, чтобы вразумила брата. Иначе — не сносить ему головы, не уберечь сестриной хаты.

Кровь ударила Ване в лицо, в глазах блеснула решимость:

— Не запугают, гады!

Анна просила:

— Будь осторожней, Ваня, чтоб беды не случилось!

От товарищей Ваня узнал, что недавно высланный хуторской кулак бежал из ссылки и вернулся в село. Об этом он рассказал Титу Петровичу.

— Проверить надо,— ответил председатель колхоза.

Как-то вместе с товарищем Ваня случайно зашел в бывшую кулацкую усадьбу. Под грушей в саду мальчики заметили полосу потрескавшейся осевшей земли.

«Может быть, яма, а там хлеб прячут»,— мелькнула мысль.

Со всех ног побежал к Титу Петровичу. Председатель колхоза приказал:

— Никому ни слова.

Колхозники устроили возле ямы с хлебом засаду, и через несколько дней встретились здесь с вооруженными бандитами. Завязалась перестрелка. Бандиты и бывший с ними хуторской кулак бежали.

Ваня собирался в Харьков. Надо было зайти к Кириллу, который теперь жил в городе. К тому же хотел купить тетради для себя и товарищей: в сельском магазине их не было.

Поговорив с Кириллом и сделав покупки, Ваня уже под вечер пришел на вокзал.

...Поезд мчался. Проехали Золочев, миновали мост через Уды.

Ваня вышел на разъезде Муравском. Весенний ветер пробирался сквозь плохонькую одежду, пронизывал до костей, развевал на груди красный галстук.

С пакетиком в руках мальчик шел в родное село. Чтобы сократить путь, он свернул на тропинку над оврагом и вышел в поле. Надо было торопиться: вечерние сумерки густели и густели, грозя обратиться в ночную непроглядную тьму.

Идти становилось все труднее: грязь прилипала к ногам. И вдруг впереди, у оврага, выросли темные фигуры. На мгновение замерло сердце, похолодели руки.

«Не сносить ему головы»,— вспомнились слова. Стало жутко. «Неужели это они, подлюги кулацкие!» Не выказывая страха, мальчик пошел навстречу неизвестным.

— Стой!

«Бежать!» — мелькнула мысль. Но дюжие руки схватили его и потащили к оврагу.

— Не запугаете, гады! — крикнул он изо всех сил.

В этот вечер Ваня не вернулся домой. Не появлялся он в общежитии сахарного завода, не зашел и к сестре.

— Наверное, в Харькове задержался,— успокаивала себя Анна.

А через несколько дней приехал Кирилл и сказал, что Ваня давно уехал.

Потом почтальон принес страшную весть: втоптаный в землю, лежит в овраге убитый мальчик. На место трагедии выехал следователь. Убийц поймали. Это были кулаки.

Обтянутый красной тканью гроб с телом мальчика поставили в Александровском клубе.

Маленький, неподвижный, лежал Ваня с красным галстуком на груди. В почетном карауле сменялись школьники, колхозники, рабочие сахарного завода. Целый день в клуб шли люди, шли, чтобы отдать последний долг юному ленинцу, погибшему в борьбе за новую жизнь. А когда хоронили Ваню, казалось, бурное людское море разлилось вокруг.

Тесно так, что ступить негде было в зале суда, когда судили убийц. Общественность, односельчане, рабочие требовали суровой кары врагам. Когда объявили приговор, раздались аплодисменты...

*

Прошли десятилетия, а память о Ване жива. В Александровке на Харьковщине, где создавался колхоз, за который вместе со взрослыми боролся Ваня, теперь раскинулись бескрайние поля крупного совхоза. А вот и школа, где он учился. Теперь здесь есть свой радиоузел, киноаппарат, большие мастерские. При школе — интернат. В одном из классов стоит парта с табличкой: «Здесь сидел Ваня Васильченко».

Тянут ветви к весеннему солнцу молодые деревца. А рядом — несколько старых.

— Мы их посадили вместе с Ваней, — вспоминает бывшая пионерка его отряда Прасковья Васильевна Романова.

У пионеров сбор, посвященный годовщине со дня смерти Вани. Дружина имени Вани Васильченко построилась на торжественную линейку. Один за другим отдают рапорты председатели советов отрядов:

— Отряд имени Павлика Морозова на сбор дружины прибыл.

— Ваня Васильченко!

— Погиб в борьбе за дело Коммунистической партии!

Навечно остался Ваня в пионерском строю в отряде имени Павлика Морозова, мальчика-героя из далекого уральского села.

Блестят глаза детей. Углубились в воспоминания свидетели тех далеких дней. Среди гостей — сестра Вани, Анна Александровна Сегеда, старый коммунист Петр Андреевич Скрипка, бывшая пионервожатая Дарья Федоровна Федорова...

...А потом по улицам села полилась песня, которую любил петь Ванин отряд:

Близится эра светлых годов!
Клич пионера: «Всегда будь готов!»

Маковым цветом пламенеют красные галстуки. И кажется, шагает в пионерских рядах худощавый черноволосый мальчик со смелыми глазами — председатель совета отряда пятиклассников Ваня Васильченко. Шагает вперед — в светлую эру коммунизма.

С. ЗАЛЕСКАЯ

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

Есть в Азербайджане, в предгорьях Малого Кавказа, город Гянджа (сейчас Кировабад). В этом городе рос Гриша Акопян, сын портного. Торжественную пионерскую клятву Гриша дал 22 апреля 1924 года, в день рождения Владимира Ильича Ленина.

Пионеры 8-й базы выстроились на большую торжественную линейку, посвященную присвоению пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Это было сделано по просьбе ребят всей страны и по решению съезда комсомола. В этот день принимали в пионеры новое пополнение. Чуть смущенные, но гордые стояли в строю Гриша и его друзья. Пионервожатые повязывали ребятам красные галстуки и крепко жали руки. В ответ неслось звонкое: «Всегда готовы!»

Прошло несколько месяцев, и Гришу, как самого аккуратного и смекалистого, выбрали председателем совета второго отряда. Какие бы дела ни задумывала 8-я база, второй отряд всегда был в них самым активным. И уже не только вожатые-комсомольцы, но даже и коммунисты стали замечать у Гриши особую любовь к работе.

Городская пионерская организация решила силами ребят разбить парк на берегу реки Гянджачай, там, где находится братская могила красноармейцев, погибших за освобождение города. Эту идею горячо поддержали все пионеры города. И в ближайшее весеннее воскресенье со всех концов города к набережной реки стали стекаться пионерские отряды с лопатами и саженцами в руках. Работа весело кипела, и уже к вечеру вокруг братской могилы чуть колыхались на ветру аккуратные ряды молодых чинар и сосен.

...Однажды из разговора с родителями, работающими на текстильной фабрике, ребята узнали, что работа на фабрике приостанавливается из-за того, что большинство веретен засорилось. Во втором отряде обсуждение шло недолго. Утром в кабинет директора фабрики пришли три пионерских делегата.

— Разрешите нам помочь фабрике чистить веретена, — попросили они. Директор был очень занят и расстроен вынужденной остановкой фабрики. Но предложение пионеров, видно, очень понравилось ему.

— Вот уж не ожидал от вас помощи, думал, вы только ша-

гать по улицам умеете. Ну, спасибо вам! — И крепко пожал им руки.

На другой день на фабрику пришли пионеры, и не только второго отряда, а всей базы. Горы засоренных веретен лежали во дворе фабрики, и пионеры, не теряя времени, приступили к делу. Около каждого отряда развешивалось свое знамя. За песнями и шутками незаметно шло время, горки таяли на глазах; веретена, очищенные от волокон, сразу отправляли в цехи. Пять дней поработали пионеры, очистив за это время свыше 50 тысяч веретен. Рабочие фабрики от души благодарили своих помощников.

— Молодцы, ребята, — говорили они, — ведь вы помогли государству сэкономить деньги, которые ему пришлось бы израсходовать на покупку новых веретен.

А тут пришло письмо от пионеров селения Али-Ушаг, в котором они просили городских товарищей помочь в сборе хлопка, так как в селе не хватает рабочих рук.

— Поедем, ребята? — спросил Гриша своих товарищей.

— Конечно, поедем! — зашумели все. Стали собираться в дорогу. Все двести пионеров 8-й базы откликнулись на просьбу сельских друзей.

А как славно потрудились ребята на строительстве нового оросительного канала, который и назван был именем юных ленинцев!

Однажды, когда семья Гриши ужинала, в дверь кто-то тихо постучал. Все удивились позднему приходу гостя. В темном окне показалось лицо одного пионера из Гришиного отряда.

— Что случилось? — спросил его Гриша.

— Пионерская цепочка. Срочный сбор!

Почти все уже были в сборе, когда прибежал Гриша. По лицу товарищей он понял, что дело серьезное. Слово взял коммунист дядя Саркис.

— Враги стали активизироваться, — сказал он. — Кулаки в деревнях поджигают имущество, убивают активистов. В городах враги взрывают заводы. А теперь они пошли на новую провокацию. Они прячут серебряные деньги, чтобы сократить товарное обращение на рынке и вызвать недовольство в народе.

Внимательно слушали пионеры старого коммуниста. Его слова заставляли задуматься о многом. От имени второго отряда выступил Гриша.

Гриша Акопян

— Мы, юные ленинцы, поможем партии и комсомолу разоблачить врагов,— уверенно заявил он. Смелый пионер сразу назвал несколько имен местных кулаков и торгашей, которые ведут антисоветскую работу.

Сбор кончился далеко за полночь. Попрощавшись с товарищами, Гриша медленно шел по темной улице. Около калитки к нему подошел сынок одного местного богача и, вынув из-за пазухи что-то сверкающее, с угрозой в голосе сказал:

— Много болтаешь, красный дьяволенок. Смотри,— он схватил его за красный галстук,— повесим тебя на этой же штуке!

Гриша, резко оттолкнув его, спокойно поправил галстук и проговорил:

— Ты галстук не тронь. Его носят миллионы советских пионеров. Всех не перевешаешь. А с вами мы скоро расквитаемся! — И, толкнув калитку, вошел в сад.

С тех пор до Гриши не раз доходили слухи о том, что сынки кулаков ищут случая рассчитаться с ним, но он не обращал на это внимания.

...Любимая книга Гриши — «Спартак». Он мог ее без конца перечитывать. Некоторые места он знал наизусть. Вот и сейчас, удобно расположившись на диване, Гриша с увлечением читал про борьбу гладиаторов. Вдруг до его слуха донесся глухой стук.

Потушив свет, Гриша накинул на себя пиджак и осторожно выскользнул из комнаты. Когда глаза мальчика привыкли к темноте, он разглядел в углу сада, под большим тутовым деревом три фигуры. Осторожно спустившись в сад, Гриша взобрался на забор и, чтобы не выдать себя, плотно прижался к холодным камням.

— Яма достаточно глубокая, опускайте мешки,— услышал он знакомый голос соседа Николы.

Давно уже Гриша заметил, что в доме торговца происходило что-то непонятное. По вечерам в его мясную лавку с черного хода, крадучись, приходили какие-то подозрительные люди, шептались о чем-то и незаметно уходили.

«Что они там прячут?» — с тревогой думал Гриша и до рези в глазах вглядывался в темноту; но разглядеть ничего не мог.

Через несколько минут в доме все затихло. Гриша подкрался к тутовнику и стал рыть землю. Твердо утрамбованная, она не поддавалась, сбегать за лопатой Гриша боялся. Разрывая землю, обдирая пальцы до крови... Вдруг пальцы на что-то наткнулись. Сначала Гриша испуганно отдернул руки, а затем, схватив в пригоршню что-то холодное, поднес ее к глазам. В темноте тускло блеснули мелкие серебряные монеты.

— Ах, вот оно что! — вслух проговорил Гриша. Он вспомнил, что рассказывали коммунисты. Наскоро забросав яму,

Гриша по темным улицам пронесся к зданию Комитета государственной безопасности. Выслушав пионера, коммунист Мартиросян сказал:

— Спасибо, Гриша! Ты поступил как настоящий ленинец. Никола Арамян — ярый враг советского народа. Мы примем меры.

Утром Никола Арамян был арестован. Когда разрыли яму под тутовником, обнаружили там большое количество серебра. Арамян был предан народному суду. Следствие предъявило ему серьезное обвинение в преступных действиях против народа. Но Никола все упорно отрицал. Тогда в качестве свидетеля на судебное заседание вызвали Гришу Акопяна.

— Не боишься? — спросил его дядя Саркис.

— А чего мне бояться? — ответил ему Гриша.

Он подробно рассказал суду все, что видел ночью в саду.

— Кроме него, — сказал он, указывая на Николу, — были еще двое. Я их плохо разглядел, но, по-моему, это были Семен и Арменак.

— Ух, доносчик! — скрипнул зубами Никола и метнул на него злобный взгляд. Когда Гриша выходил из зала, брат Николы Алексан выкрикнул:

— Подожди, щенок, мы с тобой рассчитаемся за все!

Суд приговорил Николу Арамяна к 15 годам лишения свободы.

После ареста Николы кулаки стали следить за каждым шагом Гриши.

— Надо его уничтожить, — сказал Алексан Семену и Арменаку, — а то он еще не то натворит, и вы попадете в беду.

...Осенью по решению совета отряда пионеры должны были провести военную игру за городом в Чологских садах. Как-то после занятий Гриша решил пойти и подыскать для игры удобное место.

— Подожди, Гриша, и я с тобой, — сказал Адиль.

— Ладно, только быстрее, — ответил он и сел в тени большой чинары. Настроение у Гриши было отличное. Завтра его будут принимать в ряды Ленинского комсомола. Он решил еще раз прочитать Устав ВЛКСМ и, вытащив книжку, углубился в чтение. Тут он услышал рядом чьи-то шаги. Поднял голову: перед ним стоял Семен.

— Чего уставился? — спросил его Гриша. Оглянувшись по сторонам и видя, что никого нет, Семен тихо сказал:

— Разговор есть, серьезный. Я видел, как вчера ночью один купец на кладбище зарыл много денег. Идем покажу.

— А не врешь?

— Даю честное слово! Сам видел. Да и потом... я тоже теперь за вас. Арменак — враг, я не разговариваю с ним. Можешь проверить. Идем скорее, а то деньги могут унести купцы. Надо предупредить их.

— Ну, ладно, идем. Только сообщим сначала в милицию.

— Что ты? Что ты? Зачем сразу в милицию? — испугался Семен. — А вдруг денег там не будет? Скажут: пионеры врут. Идем вместе, проверим, а потом сообщим в милицию.

И Гриша согласился.

Когда пришли на кладбище, там никого не было.

— Ну, где твой клад? — спросил Гриша. Семен стал ходить по кладбищу, словно разыскивал место, где были спрятаны монеты. На ходу он собирал сухие листья. Гриша, внимательно следивший за ним, спросил:

— Долго будешь искать?

— Сейчас! Сейчас!

— А листья зачем тебе?

— Что-то холодновато стало, хочу костер разжечь. А ты посмотри, правильно я делаю или нет. — Семен стал ловко раздувать костер. Густой дым повалил в голубое небо. Хоть и была осень, но по-прежнему вокруг цвели чинары, на кладбище было тихо и спокойно. И Гриша замечтался о завтрашнем дне, когда он получит комсомольский билет... Увлечшись, он забыл про Семена и вздрогнул, когда из-за кустов неожиданно вышли двое: Арменак и Алексан.

— Вот ты где нам попался, пионер! — прохрипел Алексан. Гриша вскочил на ноги. Он понял, что попался в ловушку.

— Попробуй подойти! — спокойно сказал он, а сам искал глазами что-нибудь для защиты. Метрах в пяти от себя он увидел длинный железный прут. «Вот бы добраться...» — подумал он.

— Теперь я за все с тобой рассчитаюсь, большевик, — наступал на него Алексан, и вдруг выхватил из-за голенища сапога острую финку. Гриша рванулся к нему и ногой ударил по руке. Удар пришелся по животу. Арменак отлетел к могильной ограде. А Гриша быстро нагнулся, хотел схватить прут. Еще момент — и у него в руках будет надежное оружие. Но как только его рука коснулась прута, чья-то нога наступила на нее, и моментально сзади на него навалились Семен и Арменак.

— Режьте его! — остервенело крикнул Алексан. Удар финкой пришелся в горло пионера. Кровь ударила фонтаном...

Озверелые бандиты долго измывались над безжизненным телом пионера. Первым опомнился Семен. Судорожно вытирая окровавленные руки о штаны, он стал пятиться назад.

— Алексан, Алексан, бежим, он уже...

Вдруг за их спиной раздался испуганный крик. Все вздрогнули. Арменак, повернувшись, увидел недалеко от себя маленького восьмилетнего пастуха Мишу Нерсеяна. Полные ужаса глаза мальчика застыли на теле убитого.

— Что вы сделали с Гришей? — тихо проговорил мальчик.

Первым пришел в себя Арменак.

— Змееныш! Все видел! Может предать...

Он стал тихонько подбираться к мальчику. Так же молча окружали его Семен и Алексан. Потрясенный мальчик словно и не замечал их. Вот еще два шага, и железный прут, тот самый, который должен был защитить Гришу, проломит ему голову. Но Миша вдруг понял намерение бандитов. С криком ужаса он отскочил в сторону и бросился бежать.

— Догнать его! Уйдет — тогда пропади! — кричал Алексан, на ходу швыряя камни в убежавшего пастушка. Но догнать было трудно. Хоть и стемнело, Миша хорошо знал эти места. Он уже было выходил на дорогу, ведущую в город, когда ему наперерез выскочил Семен.

— Теперь не уйдешь, ублюдок! — зло выкрикнул он и бросился к Мише. Спереди наступал Семен, Миша даже ясно различал его вздувшиеся вены на шее. В отчаянии он оглянулся. Перелезть через стену он бы не смог, а броситься влево, в овраг, страшный овраг... От одной этой мысли у него пересохло в горле. Но другого выхода не было. Миша с силой бросил свой кнут в лицо Семену, а сам, зажмурив глаза, кубарем скатился вниз.

...Еле живой вбежал Миша в ближайшее отделение милиции. Задыхаясь от слез, он с трудом рассказал, что видел.

Весть об убийстве пионера Гриши Акопяна с молниеносной быстротой облетела все города и села Закавказья. В Баку, Тбилиси, Ереване проходили молодежные митинги. Юноши и девушки требовали сурово наказать подлых убийц.

Это было 26 октября 1930 года. Гриша не дожил всего лишь дня до вступления в ряды Ленинского комсомола. В день похорон Гриши собралась вся молодежь Гянджи. Тысячи школьников провожали его в последний путь.

— Гриша навсегда останется в нашей памяти, — клялись они на его могиле.

Прошло уже много лет, но имя Гриши Акопяна часто произносят на пионерских сборах, о нем рассказывают своим детям люди старшего поколения.

А. ШАРИФОВ

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ

«Я УЖЕ ПИОНЕР»

Павлик бежал из школы, хотя и хотелось ему идти степенно, как ходят взрослые. Но как сдержаться, если хочется лететь быстрее к дедушке и бабушке. Он станет посреди хаты и ничего не скажет. Пусть сами увидят, что он уже в красном галстуке. Он пионер!

Бабушка как раз хлопотала во дворе, а дед еще из сельсовета не вернулся — пошел на собрание крестьян-бедняков (так сказала бабушка).

— Я уже пионер! — выпалил Павлик, забыв о том, что он придумал было дорогой. И такой радостью светились большие голубые глаза мальчика, что бабка, хоть и была почему-то сердитой, улыбнулась и, вытерев руки о фартук, подошла, расправила на груди внука и без того старательно повязанный галстук.

А в это время и дед во двор зашел.

— Что же это за пионеры? — спросила бабушка.

— Пионеры — это юные ленинцы. Так говорила нам Мария Дмитриевна. А о Ленине ты же знаешь, бабуля.

— Коммунистом вырастет, — промолвил дед, положив свою натруженную руку на русую голову внука. — А они люди честные, справедливые. Вот сегодня у нас на собрании говорил один — Недбайло. Жизнь станет лучше, когда в колхоз объединимся.

— А ты записался, деда?

Бабушка Устя насторожилась: что это старый надумал? Кто его знает, как в том колхозе будет... Но и так — как жить без коня, коровы? Пусть делает, что хочет! Махнула рукой и пошла в хату.

— Теперь нам кулаки не страшны. Не пойдем перед ними шапку ломать. Будут у нас кони свои и даже машины, — говорил дед.

Сидели долго на завалинке. Уже и стемнело, и холодом потянуло. Бабушка звала ужинать и спать, чтобы даром не жечь каганец.

А они не слышали. Любил Павлик такие вечера, когда дед размечтается о том, как заживут они в колхозе, как построят им, старикам, новую хату. А Павлик выучится, может быть, в люди выйдет, учителем или агрономом будет.

Павлик любил помечтать. И сегодня, в этот радостный день, он снова вспомнил маму и уже в который раз захотел послушать о ней.

Не помнит он ее, но знает — она была красивой, работящей и очень доброй, совсем такой, как дедушка.

— Расскажи, дедуня, про маму.

Почувствовал дед Клим, пора рассказать мальчику и об отце. И старый начал грустную повесть о том, как издевался кулак Тимошенко над своей женой, потому что была она из батрачек, как терпел лишь до тех пор, пока она работала, не разгибая спины. А когда с маленьким ребенком на руках не смогла больше работать, выгнал из дому вместе с грудным сыном.

— С горя и умерла, когда тебе еще и года не было, — закончил дед и, словно вспомнив о чем-то, добавил: — Ты держись от него подальше, сынок, он нам враг заклятый. И фамилию его забудь. Ты наш — Тесля.

ВМЕСТЕ С КОМСОМОЛЬЦАМИ

Пионервожатый рассказывал, что комсомольцы задумали построить водокачку. Пойдет вода по трубам в далекие уголки села. Не надо будет с ведрами через все село аж на Затон идти. А в центре села, где стоит памятник Гоголю, раскинется парк.

— И мы тоже будем с ними работать,— нерешительно сказал кто-то из ребят.

Не успел вожатый утвердительно кивнуть головой, как начали распределять, кто куда пойдет. Так и не договорились — каждому хотелось и парк садить, и помогать строить «чудо», которое погонит воду по улицам села.

В воскресенье, чуть забрезжило, Павлик был на ногах.

— Куда ты спозаранку? — спросила бабушка. — Да еще с лопатой? В воскресенье? Ах ты, басурман! — бабушка даже замахнулась, так рассердилась.

А Павлик бросился к лавке, где сидел дед, искать спасения.

— Пусть идет мальчик, дело не плохое...

— Бабуля, на хорошее дело можно и в воскресенье,— осмелел мальчик.

Еще хотела что-то сказать старая, но Павлика уже как ветром сдуло.

...Далеко по селу разносилась песня. Мужские голоса переплелись со звонкими детскими. Это работали комсомольцы и пионеры.

Когда кончали работу, из церкви начали выходить люди.

— Павел! — позвал кто-то. Посмотрел мальчик — кто-то незнакомый. А подошел ближе — узнал отца и хотел было убежать.

— Что же это ты в воскресенье копаешь? Большой грех. — И потом, усмехнувшись, уже громче: — Приходи ко мне, яблоками угощу.

— Нечего мне к вам ходить,— ответил Павлик и вернулся к своим товарищам.

— Ишь, щенок, и он туда же, красную тряпку на шею повесил,— заскрипел зубами Тимошенко.

— Что, Гришка, сынок коммунистом растет? — услышал он над самым ухом.

Побелел и остановился, стиснув кулаки, Гришка. Бросился бы на родича, если б не на улице.

— Не вырастет,— сказал отец и сам содрогнулся от страшной мысли.

ЗАПЕВАЛА

Куда бы ни шли пионеры — на артельный сенокос или на строительство школы, в ночной поход или к друзьям в соседнее село — повсюду строим. И всегда впереди Павлик. Только тронутся:

— Ну, Павлик, начинай!

И все подхватывают звонкий голосок запевалы:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Кую мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи...

А вечером в клубе репетиция. Любили пионеры устраивать вечера. Выглянет сквозь занавес Нина, которая больше всех переживала, много ли соберется людей:

— Ой, мальчишки, ни одного места пустого! — вскрикнет.

Такие теперь концерты людные были. Поэтому так старательно готовились к ним пионеры. В субботу Павлик будет петь частушки под баян, потом инсценировка.

Было уже темно, когда вышли из клуба. Только отсалютовали, прощаясь, и Павлик свернул на свою Поливяновку. Шел медленно, потому что его сосед Павлуша Хавренко еще где-то задержался. Когда за углом, словно из-под земли, вырос человек. «Опять отец», — сразу узнал Павлик.

— Сними красную тряпку, щенок. А то! — процедил отец и сильно рванул за руку.

— Это галстук пионерский, — прижал Павлик его к груди, словно защищая от грязных рук кулака. — Я клятву дал и никогда ее не нарушу.

— Подожди-ка, Павлик, — слышался голос друга.

— А что это за дядька? Чего он убежал? — спросил Павлуша, когда подошел ближе.

— Это кулак, богач. Дедушка говорил — наш враг. Он думает, что мы их боимся.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Нина глянула в дырочку занавеса и ахнула — в зале даже стояли. А за кулисами гримировались: Юра — попом, Нина — батрачкой, Павлик — кулаком. Долго не хотел он играть врага, но Ефросинья Николаевна сказала, что кому-то же надо играть и кулаков.

...Как чумы, чурался Тимошенко клуба. А сегодня словно что-то потянуло его туда, где собрались односельчане.

Открылась сцена, и начался спектакль... Уже батрачка негнула спину перед богачем, как прежде, она пришла за деньгами и больше не выйдет на его поле, потому что вступила в колхоз. Беснуется кулак.

— Не над тобой ли смеется твой сынок? — толкнув в бок, сказал Надтока.

— А может, над тобой,— зло ответил Тимошенко. — «Снова он, этот пионер»,— подумал и выскочил из клуба. В ушах звенел голос сына и смех Надтоки. Из окон клуба еще долго был слышен смех односельчан — видно, хлесткие частушки пели пионеры.

На следующий вечер позвал кулак сапожника. Недавно появился в селе этот «подозрительный человек», как говорили крестьяне, но сразу нашел приют у Тимошенко.

На столе самогон, закуска. Выпили вдвоем: Тимошенко, Надтока и сапожник. Говорили долго.

— Одного придушим, другие струсят,— шептал Надтока.

— Только так, чтоб наверняка,— заговорил Тимошенко.

— Мы не поскупимся, обещанное получишь...

— Все ясно, будет сделано чисто,— уже еле ворочал языком сапожник.

...На четыре часа был назначен пионерский сбор. Павлик прибежал из школы, бросил сумку с книжками, ел так быстро, что бабушка не утерпела:

— Опять из дому сиганешь?

— У нас сбор сегодня, бабуля, и Мария Дмитриевна будет.

Через мгновение старые сапожки уже зашлепали у перелаза.

А там ждал Павлуша Хавренко.

В это же время приближлся к школе нетвердой походкой человек в черной бурке, в руках у него был кнут: видно, где-то неподалеку подводу оставил. Подошел к классу, откуда доносились детские голоса. Постучал.

— Мне Павлик нужен,— сказал учительнице, вышедшей на стук.

Павлуша Хавренко удивился, когда вышел и увидел, что зовет его какой-то незнакомый человек. Но пошел с ним. Дядька добрый — бублик дал.

— Это дедушка мне сказал, что ты в школе.

— У меня нет деда,— удивленно ответил Павлуша.

— А ты разве не Теслин?

Тесля была фамилия деда Клима, так звали на селе и Павлика.

— Нет, я Хавренко.

— Так беги скорее и позови мне Теслю.

...Павлик узнал того дядьку-сапожника, который как-то к ним приходил, и доверчиво пошел за ним...

Больше в этот вечер никто не видел Павлика. Плакала бабушка всю ночь, а дед по одноклассникам ходил, расспрашивал. Нашли только через день, в старом глинище, за селом. Стих ветер, словно не хотел замести следов страшного вражеского злодейства. И снег алел вокруг, как и галстук на груди у мертвого мальчика.

...Сменялся почетный караул у гроба пионера Павлика в сельском клубе. Стояли его друзья: Павлуша Хавренко, Люба Плакса, комсомольцы Иван Ханко, Иван Кусайко, коммунисты... Стояли, и каждый давал клятву — бороться с врагом заклятым и уничтожить его.

Похоронили пионеры Павлика Теслю в центре села, в том молодом парке, который посадили весной. А через несколько дней пионерские отряды Великих Сорочинцев на Полтавщине пополнились новыми пионерами. Так ответили юные сорочинцы на убийство.

...Той же весной на перекрестке людных улиц сидел слепой кобзарь. Он пел думу о славном пионере, о страшных черных воронах, налетевших на белоголового мальчика. И полились слова думы через годы и десятилетия, и ожила память о юном пионере Павлике Тесле.

С. ПОДОЛА

ЗА ПРАВДУ НАДО БОРОТЬСЯ

Как-то один из первых пионервожатых Киева вспомнил о мальчишке по фамилии Чак, который в 20-х годах ценой собственной жизни задержал бандита. Красные следопыты киевского Дворца пионеров, узнав об этом, заинтересовались судьбой спартаковца (спартаковцами в те годы называли юных пионеров) и решили заполнить неизвестные страницы жизни юного героя.

Печатные источники почти ничего не давали. Тогда решили разыскать родственников. Может быть, кто-нибудь поможет раскрыть тайну.

В адресном бюро дали список жителей Киева, носящих фамилию Чак. И хотя красные следопыты посетили всех Чаков по этому списку, никто из них о Сене Чаке ничего не знал и не слышал. Тогда пионеры вспомнили, что работник, дававший им адреса, сказал как бы про себя:

— На первый раз достаточно...

Пионеры вторично обратились в адресное бюро. На этот раз они получили адреса Чаков, которых раньше у них не было.

Однажды во Дворец пионеров, в кабинет истории пионерской организации, зашел пожилой человек, который назвался Анатолием Яковлевичем Чаком.

Он сказал, что пришел по записке, в которой пионеры приглашали его зайти во Дворец, потому что никак не могли застать дома. Сам он участник Великой Отечественной войны, был контужен на фронте, теперь работает электромонтером. Поинтересовался, для чего он нужен был пионерам.

После нескольких моих вопросов выяснилось, что во Дворец

пришел один из трех братьев Чаков. Обрадовалась я этой встрече.

Анатолий Яковлевич рассказал, что Сеня был младшим в семье. Отец работал портным. Семья жила на улице Прорезной (ныне улица Свердлова) в доме № 15. Сеня ходил в школу.

Он называл адреса людей, которые знали и помнили Сеню — храброго спартаковца, командира одного из спартаковских отрядов.

Вот что узнали от них красные следопыты.

1923 год. Страна переживала трудности, вызванные гражданской войной. Шло восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Приходилось преодолевать сопротивление, которое оказывали остатки эксплуататорских классов. По закоулкам города бродили беспризорные дети, а над улицами то здесь, то там звенела песня маршировавших в красных галстуках юных спартаковцев:

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне остановка,
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

В те годы в Киеве был очень популярен первый спартакровский клуб на улице Карла Маркса, № 4. Он занимал несколько комнат на втором этаже дома, до Октябрьской революции принадлежавшего одному богачу. Нужную мебель принесли сами спартаковцы, сами же оборудовали свой клуб. Освещали его свечками, каганцами, которые также приносили из дому.

Тут, в веселом и дружном кругу юных спартаковцев, часто можно было видеть Сеню. Возьмет, бывало, из дому несколько вареных картофелин и идет на всю ночь в клуб. Тогда, по поручению комсомола, юные спартаковцы собирали беспризорных детей, привлекали их в свои ячейки.

Одновременно спартаковцы выступали за культуру быта, вели борьбу против религиозных предрассудков.

Спартаковцы шагали по улицам города с лозунгами, которые писал Сеня вместе с товарищами, например: «Дрожи, буржуазия, мы растем!» или «Мы завоевали улицу. Проникли в школу. На очереди — семья». Это означало, что юные спартаковцы охватили своим влиянием детей, которые еще не были в детской организации. Так пионеры боролись против буржуазного влияния на своих ровесников.

Но случались и стычки с сынками напманов. Как правило, Сеня выходил из них победителем, хотя ему не раз и доставалось. Когда дома его упрекали за синяки, он отвечал, что «за правду надо бороться».

В один солнечный день, когда ничто, казалось, не предвещало каких-либо особых происшествий, Сеня возвращался от сапожника домой, неся залатанные сапоги.

Шел он спокойно, хотя, вероятно, и досадовал, что из-за этих сапог не пошел с товарищами на пляж, не искупался в Днепре.

Внезапно он услышал позади себя шум, выкрики взволнованных людей: «Лови его! Лови его! Грабитель!..»

Мимо Сени пробежал человек с наганом в руке. В то же мгновение Сеня бросился за ним. Бежали по мостовой Прорезной улицы. Впереди бандит, за ним юный пионер в красном галстуке.

Вдруг Сеня нагнулся, схватил камень и бросил в спину преступнику. Тот вскрикнул, но продолжал бежать. Вот уже Михайловский переулок... Сеня понял, что сейчас бандит свернет в проходной двор и тогда его уже не найдешь. Что делать?

Сеня бросил сапоги под ноги грабителю. Тот споткнулся и упал. Ободренный успехом, Сеня кинулся на преступника. Но прозвучал выстрел, и пуля попала в сердце мальчика. Так ценой собственной жизни юный спартаковец задержал бандита, который, конечно, понес заслуженную кару.

Весь город говорил об отважном поступке пионера. Тяжело переживали спартаковцы смерть своего товарища. Никогда еще Крещатик не видел столько детей, сколько вышло на центральную магистраль города, чтобы проводить в последний путь своего отважного друга.

Сеню Чака похоронили в Советском парке, вблизи братской могилы героев-арсенальцев. А товарищи из отряда юных спартаковцев, в котором был Сеня, решили называть себя чаковцами.

Прошло много лет со дня смерти юного героя. Над страной грозным вихрем пронеслась Великая Отечественная война, и могила его затерялась. Красные следопыты еще не потеряли надежды разыскать могилу Семена Чака, подвиг которого вошел навечно в славную историю советской пионерии.

Е. КАРПУХИНА

ОРДЕН ВАСИ ВИЗНЮКА

Кинофильм «Чапаев» в сельском клубе показывали дважды. И оба раза его смотрел Вася с друзьями. Вот это герой так герой! Возвращаясь домой, мальчишки вспоминали малейшие подробности фильма.

— А кони там какие! Видали? — внезапно спросил Василий и, не дожидаясь ответа, снова обратился к товарищам: — Думаете, у нас не могло бы быть таких? С лошадьми сразу не справимся, а за жеребятами присматривать было бы хорошо.

Так и порешили. И на следующий день на конюшню колхоза имени Чапаева пришли пионеры. Вася и его друзья

просили разрешения ходить за жеребятами. Посоветовались конюхи между собой и разрешили.

С этого и началось. И не было уже с тех пор дня, чтобы Василий Визнюк и его друзья не пришли на конюшню. У каждого жеребенка теперь были отдельные ясли, в конюшне — всегда чисто убрано, дежурный следил, чтобы жеребят хорошо кормили.

Василий, назначенный старшим, вел дневник: отмечал рост жеребят, их вес.

Дни шли за днями. Прибежит, бывало, Вася из школы, наскоро пообедает и к Бойцу и Ромчику спешит. Хорошо росли, поправлялись жеребята.

Конюхи не могли нахвалиться своими помощниками.

Слава о юных шефах молодняка Войтовской (ныне Чапаевской) средней школы дошла не только до Винницы, но и до самой Москвы.

И вот шестиклассник, отличник учебы Василий Визнюк едет в столицу. Пионер стал участником первого Всесоюзного совещания передовиков животноводства.

Там, в Кремле, вручили Василию высокую награду — орден «Знак Почета». Гордо носит его пионер рядом с галстуком. А на колхозной конюшне уже больше не говорили:

— Дети есть дети — поиграют и перестанут.

Настоящими шефами молодняка стали пионеры Советской Украины и других республик, десятки чудесных коней вырастили они для колхозов.

С. ЗАЛЕСКАЯ

ЛЕГЕНДЫ КРАСНОГО ПОКУТЬЯ

Чудесный уголок Западной Украины! Покутьем называли его когда-то. Теперь это Ивано-Франковская область. В те дни, о которых идет речь в нашем очерке, на земле той правили польские помещики, а народ жил в рабстве и нищете. Трудящиеся Покутья мечтали о очастливой жизни, которая давно уже пришла к их братьям на Востоке. И не только мечтали — боролись. В первых рядах борцов были коммунисты и комсомольцы. Наравне со взрослыми вели борьбу пионеры, мужественные ребята, носившие красные галстуки под рубашками.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Целый день Иван с отцом трудились на своем бедняцком клочке земли. С приближением вечера мальчик очень уставал. А сегодня оставил работу раньше и сказал отцу:

— Батя, отпустите. Дело у меня есть.

Томюк любил сына, но не умел найти для него ласковых слов.

— Какое еще дело? Нечего по селу гонять, — промолвил хмуру.

Сын стоял перед ним маленький, худой, с коротким ежиком густых волос. Он поправлял рубашку, топтался на одном месте и повторял:

— Дело, батя. Срочное.

— Отдохнул бы лучше...

А Иван, поймав мягкие нотки в хмуром ворчании отца, сорвался с места и стремглав кинулся по дорожке, которая вела в село...

Иван примостился на теплом валуне. Вскоре он услышал тихий шорох, потом треск веток. И вот Томюка окружил добрый десяток мальчишек. Все они были моложе его — Ивану шел уже четырнадцатый — и считали его вожакom.

Иван вспомнил, как говорил с ним вчера Николай Гордейчук. И, подражая ему, сказал:

— Есть одно задание. Через два дня мы объявляем забастовку.

Ребята молчали. Тогда Иван слово в слово повторил то, что сказал ему Гордейчук:

— Надо, чтобы не отвечали, когда вызовут на уроке. Это будет нашей забастовкой. Против учителей, вельможных шляхтичей.

— Понятно, — ответили все.

— А сейчас — по домам.

Назавтра после первого же урока все учителя собрались в кабинете директора. Перемена затянулась... В школе воцарилась необычная тишина, и только из кабинета директора было слышно:

— Мужичье отродье, что задумали!

В начале третьего урока в школе осталась только половина учеников, а потом и те ушли домой, не дожидаясь приказания господина директора.

Вечером Иван видел, как к дверям школы быстро подкатила бричка. Из нее выскочили какой-то человек в штатском и два полицейских. «Забегали господа. Значит, недаром пионеры собирались в тот вечер на пригорке за селом».

ПРОДОЛЖАЕМ, ДРУЗЬЯ!

Иван взобрался на нижнюю ветку старого дуба. Видит мальчик дорогу, которая ведет в село и в Косов. На ней только несколько ребят сидят в тени придорожных диких груш. Друзья далеко, их не рассмотреть, но Иван хорошо знает, кто на часах, — Петя Скавуляк, Миша Петрук и Юра Лукань. А еще дальше, километра за полтора, — второй пост. Там тоже три пионера. Хорошие, надежные, особенно Дмитрий Клим. Маленький, вертлявый, но доверить ему можно все.

Виден отсюда и сарай Дмитрия Гавриша. Этот сарай сегодня

стал театром, людей здесь собралось много. Всем интересно знать, что же это за пьеса «Семья щеточников».

Вот занавес зашевелился, на сцену вышел Петр Дупей — режиссер-постановщик и главный актер.

— Мы покажем вам пьесу про таких же людей, как и вы, — сказал он. — Пьеса расскажет как бороться за лучшую жизнь. А где сейчас лучшая жизнь, и сами хорошо знаете...

Иван слышал каждое слово Дупея. Глянул на восток. Где-то там была Советская Украина. Ему казалось, что он видит счастливых людей. Они приветливо машут ему руками и зовут к себе...

— Иван!.. — раздался снизу чей-то голос.

Под деревом стоял Дмитрий Клим. Он тяжело дышал и вытирал пот рукавом новой рубашки.

— Полицейские! На мотоциклах и верхом!

Томюк спрыгнул вниз, и в это же время на дороге появился пыльный смерч. Вскоре можно уже было рассмотреть фигуры мотоциклистов и конных жандармов.

Иван вбежал в сарай:

— Полиция! Сейчас будет здесь.

Лицо Дупея осталось спокойным:

— Не волнуйся, мальчик. Ты только пришли сюда кого-нибудь из своих. Пусть стоят у входа и следят за каждым шагом полицейских.

И к артистам:

— Будем играть, только надо придумать, как потом незаметно выбраться отсюда.

— Надо что-то придумать. Скоро уже конец и всех переловят, — прошептал Иван.

— Я знаю, — так же тихо ответил Дупей.

Под конец второго действия мальчики пробрались на сцену. Они рассказали Дупею свой план, который оказался очень простым. Надо было выломать доску в задней стене сарая, выходящей на огороды, и задержать хоть ненадолго полицейских.

Когда спектакль закончился, полицейские кинулись к сцене, но пробиться не смогли. Поднялась суматоха. Их не пускали, несмотря на удары дубинок и прикладов.

Три полицейских все-таки добрались до сцены. одному из них Дмитрий подставил ногу. Не успел полицейский подняться, как метко брошенный Иваном ком земли попал ему в лицо и засорил глаза.

Когда полиции, наконец, удалось взобраться на сцену, артистов там уже не было.

ФЛАГИ НА ОСОКОРЯХ

На поляне среди вереска собрались четверо: Дмитрий Клим, Миша и два Ивана — Ткачук и Пасечняк.

— О том, что готовится первомайская демонстрация, вы все уже знаете, — сказал Дмитрий. — Так вот, комсомольцы решили и вам дать задание. Нелегко будет, но...

— Понимаем, выполним, — ответил Ваня Ткачук.

— Осокоры у дороги знаете? — продолжал Дмитрий. — Привяжите на них вот эти красные флаги, — Дмитрий вытащил из-под полы сложенные полотнища и протянул старшему тройки. — Только действуйте осторожно.

Мальчики молча спрятали флаги на груди под рубашки...

А когда на Кобаки спустились сумерки, ребята собрались у могучего осокоря.

Вытащить флаг и привязать его к дереву нетрудно. Но тут, на верхушке осокоря, на ветру, когда полотнище норовит вырваться из рук, дело оказалось не таким уж простым.

Но вот все закончено. Миша в последний раз проверил, прочно ли держится флаг. Все в порядке...

Было три часа ночи, когда мальчики разошлись по домам.

А утром к осокорям под завывание сирен примчались полицейские машины. Полицейские попытались сразу же залезть на дерево — куда там! По гладкому стволу в сапогах и амуниции — трудновато. Долго искали лестницу. Когда, наконец, удалось добраться до первых веток, случилось непредвиденное — ветки сломались, и полицейские попадали вниз. Это Миша предложил, когда вешали флаг, подпилить нижние ветки.

Три дня развевались на осокорях пионерские флаги, а люди в Кобаках при встрече говорили друг другу: «С праздником вас, сосед; с праздником, друзья; с праздником вас, товарищи!»

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК

Сбылась мечта Ивана Томюка. Навеки воссоединились украинские земли. Иван Томюк вместе со своим другом Дмитрием Климом возглавили комсомольскую организацию в селе Кобаки. Подрост Миша, подросли и оба Ивана — Ткачук и Пасечняк. Они тоже стали комсомольцами.

Недолгим было мирное время, выпавшее на долю покутской молодежи. Однако и на протяжении одного лишь года она осуществила сотни хороших дел. В центре Кобаков появилось два больших пруда. Их выкопали комсомольцы и пионеры. Каждый вечер радостно сверкал огнями сельский клуб. Здесь теперь показывали новые пьесы, демонстрировали кинофильмы, разучивали новые песни. Тогда же соорудили в Кобаках и сельский стадион. А в клубе вскоре появился большой

Серебряный кубок ЦК комсомола Украины, присужденный молодежи села за активное участие в лыжном кроссе.

Но вот снова загревели орудия. Началась Великая Отечественная война. Гитлеровцы приближались к Кобакам. С минуты на минуту их передовые части могли ворваться в село. Комсомольцы решили спрятать дорогую для них награду.

...Темная ночь. Две лопаты вгрызаются в землю. Звенит камень. Две невысоких фигуры еле видны во тьме. Два мальчика — Николай Подоляк и его товарищ Янек — прячут в землю свертки. В одном из них — Серебряный кубок. Третий — младший брат Николая, Дмитрий, — стоит у дороги. Отсюда ему хорошо виден путь к старому саду, где мальчишки решили устроить тайник. Он успеет предупредить тех двоих, которые копают землю, если появится враг.

Много лет прошло с той ночи.

Однажды Дмитрию пришло письмо из армии от брата: «...Дорогой Митя! Ты помнишь старую грушу, под которой мы с Янеком закопали Серебряный кубок? Найди это место и передай кубок комсомольцам. Пусть поставят его в клубе на старое место, чтобы все помнили о том, какими были их старшие братья и сестры. И те, которые остались жить, и те, которые погибли в огне войны. Обязательно найди кубок!...»

Дмитрий побывал в саду, но старой груши не нашел, да и сад фашисты, отступая из села, уничтожили. Тогда Дмитрий рассказал о кубке своим младшим товарищам, пионерам. Часто и теперь мальчишки, услышавшие о кубке, приходят туда, где был старый сад, искать дорогой приз. Но будет ли он найден? И кому посчастливится это сделать?

Люди знают о кубке и помнят о тех, кто заслужил эту награду. Ибо навеки останутся живыми те, кто боролся на покульской земле за Советскую власть.

А. БЕЗУГЛЫЙ, А. СТАРОДУБ

РОДИНА-МАТЬ
НЕ ЗАБУДЕТ
ГЕРОЕВ

КАК ЛЕНЯ ГОЛИКОВ СТАЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Леня Голиков жил в Лукино — маленькой глухой деревне на берегу речки Полы, что впадает в древнее полноводное озеро Ильмень. Ничто не омрачало детских лет мальчика. Был он счастлив, и ему казалось, что все окружающее дано ему навсегда, на всю жизнь. Но пришли другие дни. Фашисты напали на нашу страну, фронт приближался к Лукино. Жители рыли на огородах ямы — прятали в них от гитлеровцев вещи. Потом всей деревней переселились в лес, в Быки — в самую глухомань.

Как-то Ленька решил сходить в Лукино посмотреть на свой дом, узнать, нет ли в деревне немцев.

Крадучись и настороженно прислушиваясь к малейшему шороху, мальчик благополучно добрался до речки, высунулся из-за бугра и вдруг увидел немецких солдат.

«Вот попал!» — растерялся Ленька.

Он подбежал к мосткам у реки и от неожиданности шаркнулся в сторону. Прямо над ним где-то совсем рядом оглушительно затарахтел пулемет. Он поднял голову и увидел чьи-то ноги, обутые в сапоги. Там, в неглубокой ямке, вырытой в песке, лежал пулеметчик и строчил по немецким солдатам. Пулеметчик переползал с места на место, давал очередь, полз дальше и снова открывал огонь. Он хитрил, чтобы немцы думали, что у реки засело несколько пулеметчиков. Но вот пулемет ненадолго замолчал.

— А здорово вы их! — восторженно воскликнул Ленька.

Пулеметчик, занятый боем, вздрогнул и стремительно повернулся к Леньке.

— А чтоб тебя! — сердито крикнул он, увидя перед собой мальчугана. — Чего тебе здесь надо?

— Здешний я, деревню свою хотел поглядеть.

— А звать тебя как?

— Ленька.

— Тогда вот что, Леонид, — сказал пулеметчик. — Сейчас я отходить буду, хочу наказ тебе дать... Товарища у меня фашисты убили. Вон в тех кустах лежит. Олегом звали. Эх,

какой парень был! Схорони ты Олега. Вырой могилу и схорони... Не надругались чтобы...

— Пулеметчик! — закричали с противоположного берега. — Отходи быстрее. Сейчас мост рвать будем...

Пулеметчик пополз вниз. Ленька бросился в сторону.

Со всех сторон раздавалась стрельба. К деревне подходили гитлеровцы. Вот-вот займут они Лукино, тогда Леньке недобровато. Надо уходить.

В тот же день, когда сгустились сумерки, ребята хоронили убитого пулеметчика. Под соснами вырыли могилу, нарвали травы, наломали веток и расстелили их на дне. Солдата завернули в плащ-палатку и опустили на ветви. Вскоре над могилой вырос маленький холмик. На поляне, залитой лунным светом, поблескивал пулемет Олега.

— Пулемет-то себе возьмем, — сказал Толька.

— Конечно, не то фрицам достанется... Сделаем тайник и спрячем.

Ребята взвалили на плечи ручной пулемет и исчезли в темноте леса.

Ранним пасмурным утром ребята отправились делать тайник. Делали его по всем правилам. Расстелили рогожу и на нее бросали вырытую из ямы землю, чтобы нигде не оставлять следов. Тайник получился хороший.

Когда все следы были скрыты и на месте тайника выросла большая куча валежника, Ленька сказал:

— Теперь чтобы никому ни единого слова! Как военная тайна.

— Надо бы клятву дать, — предложил Сережа.

— Зачем?

— Чтобы крепче было.

— Давайте просто дадим честное пионерское. Или еще раз повторим Торжественное обещание — крепче будет.

— Правильно, ребята, — поддержал Ленька. — Повторим еще раз все вместе.

Мальчики в торжественном салюте подняли руки и все вместе повторили слова пионерской клятвы:

Здесь, в глухом лесу, возле зарытого в землю оружия, которое готовили пионеры для борьбы с врагом, слова Торжественного обещания звучали как-то особенно волнующе.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Через несколько дней Леня встретил своего школьного учителя Василия Григорьевича.

— Леня!.. Голиков!.. — воскликнул учитель, увидев мальчика. — Какими судьбами? Ведь немцы вас, говорят, выгнали из деревни. Живешь-то где? Пойдем, проводи меня, по дороге все и расскажешь.

Леня Голиков

— А вы-то где, Василий Григорьевич?

— В партизанах я, — сказал учитель.

Они пришли к уцелевшим избам на краю села, где разместился на отдых партизанский отряд. Народу здесь было полным-полно. Одни сидели у стола и чистили автоматы, другие шили, третьи ели из алюминиевых котелков. А Ленька просто не мог прийти в себя от радости. Сколько мечтал он о встрече с партизанами, и вот, будто по волшебству, кто-то перенес его прямо в партизанский отряд. Он с любопытством оглядывался вокруг. Вот бы ему сюда! Видать, храбрый народ, веселый... Одно слово: партизаны!

Ленька спросил учителя:

— Василий Григорьевич, а мне в партизаны можно?

— Тебе? — удивился учитель. — Вот уже не знаю. Лет-то тебе сколько?

— Пятнадцать, — соврал Ленька и весь зарделся.

— Возьми его, Василий Григорьевич, к себе в разведку, — посоветовал усатый партизан. — Паренек, видать, шустрый...

— А может, и правда взять? В школе атаманом был...

С этого дня пионер Леня Голиков был зачислен в партизанский отряд, а через неделю отряд снялся с места и углубился в лес, чтобы через линию фронта проникнуть в тыл к немцам. Болотами и лесами шли несколько суток. Иной раз забирались в такие дебри, что, казалось, невозможно и выбраться. Многим было трудно идти. Одни натирали ноги, другие не могли управиться с лыжами, третьи быстро замерзали.

Что касается Леньки, то казалось, будто на него и не влияет новая обстановка. Он стойко переносил партизанские тяготы: суровые холода, бессонные ночи, долгие переходы. Конечно, Леньке очень помогало то, чему он научился в пионерском отряде. Жизнь в лесу, на речке, военные игры, да-

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМАНДИРАМ ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ И ПАРТИЗАНАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ В ВОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ТЫЛУ ВРАГА И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ОТВАГУ И ГЕРОЙСТВО И ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА».

ГОЛИКОВУ ЛЕОНИДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. Калинин*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 2 апреля 1944 г.

легкие походы закалили его, сделали выносливым. Ленька умел разжигать костер в заснеженном лесу, спал под открытым небом и не знал, что такое простуда.

Вскоре в партизанском отряде появился еще один паренек, Митяйка. Ленька сразу подружился с Митяйкой. Они даже спали на одних нарах. Кто-то из партизан вошел однажды в землянку и сказал ребятам:

— Ну, орлы, командир вас вызывает, задание для вас есть.

С этого дня Ленька с Митяем стали ходить в разведку. Они узнавали, где расположились вражеские гарнизоны и огневые точки врага, где находятся блиндажи. Теперь у Леньки был настоящий автомат. Ему уже не раз приходилось видеть врагов совсем близко, но он не трусил.

— Ну как, жарко было? — спрашивал командир отряда.

— Ничего, подходяще! — улыбаясь, отвечал Ленька.

Ребята придумали свой способ разведки. Они одевались в лохмотья, брали суму и под видом нищих ходили по селам, выпрашивали милостыню, а сами глядели во все глаза и все примечали: сколько там солдат, какое у них оружие, сколько автомашин, пушек...

Разведчик-партизан Леня Голиков выполнял большую и опасную работу. Для него стало обычным ходить в ночи, неизвестными тропками, быть готовым к любой неожиданности. В этом он не видел никакого героизма, это были партизанские будни, жизнь. И рассказывать не любил о своих делах — как взрослый. Но иногда мог выкинуть такую штуку, что партизаны лишь руками разводили, а командир говорил: «Мальчишество». Однажды Леньке и его приятелю Митяю удалось проникнуть в немецкую офицерскую столовую. Пообедав, он написал записку и оставил ее на столе. В записке было написано: «Смерть немецким оккупантам! Здесь обедал партизан Голиков. Трепещите, гады!»

Когда гитлеровцы обнаружили записку, маленькие партизаны-разведчики были уже далеко.

Иногда Ленька с другими разведчиками уходил из отряда на несколько дней. Они разведывали подходы к железным дорогам, сопровождали минеров, сами рвали мосты.

Однажды при выполнении важного задания Леньку контузило, и он долго пролежал в шалаше. Но молодой организм преодолел недуг, и Ленька снова начал ходить в разведку.

В этот раз разведчикам предстояло взорвать вражеский эшелон.

...Глухой взрыв потряс воздух. Оглянувшись, Ленька увидел под паровозом столб огня. Паровоз сошел с рельсов, круша, выворачивая шпалы. А сзади громоздились вагоны, платформы.

— Бежим! — крикнул разведчик Степан, и партизаны, как сговорились, бросились в разные стороны. Ленька бежал рядом. За их спиной слышались винтовочные выстрелы, приглушенные очереди автоматов.

— Погоню начали, — сказал Степан. — Теперь уноси ноги.

Пригнувшись, они побежали к лесу. Вдруг Степан вскрикнул и стал припадать на левую ногу.

— Эх! Подбили, дьяволы! Теперь не уйти мне, беги один.

Но Ленька и представить себе не мог, чтобы оставить раненого товарища. А Степан все больше слабел. Теперь Ленька почти нес его на себе.

— Нет, больше не могу, — тихо проговорил Степан и бесильно опустился на землю.

Тогда Ленька срезал две березки, связал их накрест комлями, растянул на них плащ-палатку, перенес на волокушу Степана и потащил к месту стоянки партизанского отряда.

Утром командир отряда объявил Леньке благодарность перед строем и сказал, что партизан-разведчик Леонид Голиков за спасение товарища будет представлен к правительственной награде.

Через несколько дней произошли большие события: Леньку приняли в комсомол, и он получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Но самое необычайное произошло 13 августа 1942 года.

ЛЕНЬКА ЗАХВАТИЛ ВАЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В этот день партизаны ходили в разведку на шоссе на дорогу. Выполнив задание, командир решил возвращаться в отряд. Он дал сигнал. Ленька тоже поднялся, но в этот момент увидел вдали немецкую легковую машину. Ленька лег за кучу щебня, приготовил гранату и стал ждать. Машина приблизилась, притормозила у мостика, и Ленька швырнул гранату. Граната ударилась в буфер, раздался взрыв. Машину

подбросило, трянуло, и только по инерции она пробежала еще десяток метров. Ленька видел, как из машины выскочил немец, схватил пистолет-автомат, какой-то красный портфель и бросился в сторону от дороги. Гитлеровец заметил, как из-за груды щебня кто-то выбежал и в два прыжка очутился возле машины. А затем немец увидел, что за ним гонится какой-то мальчишка. Тогда он сделал несколько выстрелов. Ленька залег и продолжал стрелять лежа. А гитлеровец опять побежал. Расстояние до него увеличивалось.

Уже целый километр гнался Ленька за убегавшим врагом. Немец сбросил с себя белый китель, остался в темной сорочке, и целиться в него стало труднее.

«Только б хватило патронов, только б хватило!» — думал Ленька и бежал, бежал, что было мочи.

В его автомате оставался последний патрон. Гитлеровец убегал, продолжая отстреливаться. Ленька прицелился и выстрелил. Враг пошатнулся, сделал несколько неверных шагов

Памятник Лене Голикову
в Новгороде

и упал на землю. Ленька подбежал к убитому, взял портфель, автомат и, тяжело дыша, пошел обратно. Он подобрал по дороге белый китель и увидел на нем генеральские витые погоны.

— Эге! А птица-то, оказывается, важная, — сказал он вслух.

Ленька явился в партизанский лагерь в белом генеральском кителе, генеральской фуражке и с красным портфелем под мышкой. Вид его был так уморителен, что грянул громкий хохот. А Ленька, сделав серьезное лицо, отрапортовал:

— Разведчик-партизан Леонид Голиков с задания прибыл...

Портфель с документами генерала Василий Григорьевич повез в штаб бригады. В штабе поднялась суматоха. Срочно вызвали радиста.

— Ну, Леонид, молодец, — сказал Василий Григорьевич, когда возвратился из штаба. — Такие документы и опытный разведчик раз в сто лет добывает. Про них сейчас в Москву сообщать будут. Вот какие твои документы!

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Вскоре из Москвы пришла радиogramма — предлагали представить к высшей награде всех участников операции по захвату важных немецких документов. В Москве еще не знали, что документы захватил один партизан и ему всего четырнадцать лет.

Так пионер Леонид Голиков стал Героем Советского Союза.

Но Леньке не довелось узнать о своем награждении. Он погиб в неравном бою под селом Острая Лука 24 января 1943 года.

Мать Лени, Екатерина Алексеевна, долго не знала о судьбе сына.

Но однажды в Лукино приехал курьер в военной форме. Он нашел Екатерину Алексеевну и передал ей большой пакет с сургучными печатями. В пакете лежала наградная грамота в малиновом кожаном переплете. В ней было сказано:

Герою Советского Союза

ГОЛИКОВУ

ЛЕОНИДУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

За Ваш геройский подвиг в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и за особые заслуги в организации партизанского движения Ленинградской области Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 2 апреля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Курьер привез еще и письмо Екатерине Алексеевне от Михаила Ивановича Калинина:

Уважаемая Екатерина Алексеевна! По сообщению командования Ваш сын Голиков Леонид Александрович погиб за Родину смертью храбрых. За героический подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 2 апреля 1944 года присвоил ему высшую степень отличий — звание Героя Советского Союза. Посылаю Вам Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения, как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом.

М. К а л и н и н

Почти целый год боролся Леонид Голиков с фашистами. За это время он принимал участие в 27 боях, уничтожил несколько десятков фашистов, пустил под откос вражеский эшелон, подорвал два железнодорожных и двенадцать шоссе-ных мостов, три склада с фуражом и продовольствием, девять автомашин с боеприпасами.

НАВЕЧНО НА ПОСТУ

...В селе Острая Лука на месте, где шел неравный бой, в котором погиб партизан Леня Голиков, на пригорке против братской могилы выросла новая просторная школа. Пионеры приносят цветы на могилу маленького героя, который погиб в боях за Родину. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

А в селе Поле, где стоит новая двухэтажная школа, есть пионерский отряд имени Лени Голикова. На сборах вспоминают ребята о герое, слушают рассказы о его боевых подвигах. И каждому из них хочется быть таким же храбрым, отважным, каким был пионер-партизан Леонид Голиков. В городе Новгороде есть улица, названная именем Лени Голикова, а в сквере, что находится против Дворца пионеров, ему воздвигнут гранитный памятник, который был открыт 18 января 1964 года к 20-й годовщине освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков. Леня изображен на памятнике с автоматом в руке. Народный мститель бдительно и смело смотрит вперед. Он стал навечно на свой пост.

Ю. КОРОЛЬКОВ

ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН

На притихшую зеленую улицу Шепетовки с оглушительным треском ворвались мотоциклисты в черных касках, с высоко засученными, словно у мясников, рукавами серых от пыли френчей; в трусах, словно они ехали не воевать, а загорать на пляже. А за ними через город хлынула лавина машин,

Валя Котик

повозок, солдат. В несколько дней фашисты ограбили, опоганили родной город Валя Котика.

...Краем тротуара, то и дело оглядываясь, пробирались трое ребятшек: Валя Котик, Коля Турухан и Наташа Горбатюк.

Ребята вдруг остановились, тесно прижавшись к холодной стене здания, на котором недавно (до сих пор еще след виден) была вывеска «Горсовет», а теперь висел фашистский флаг.

У здания, скрипнув тормозами, остановился длинный черный лимузин. Из него неторопливо, важно вылез фашистский офицер, шепетовский гебитскомиссар Ворбс.

Он презрительным пустым взглядом скользнул по сероглазому русоголовому мальчишке в рваных брючатах, со сбитыми до крови босыми ногами, в этот миг невольно отстранившемуся от стены. Скользнул взглядом и прошагал деревянной солдатской походкой в гебитскомиссариат. Но если бы фашист на несколько мгновений остановил свой взор на лице мальчика, то увидел бы в его глазах непримиримую ненависть.

Знай Ворбс, кем скоро, совсем скоро станет этот хлопчик, знай тогда Ворбс, что в руках этого хлопчика его жизнь, он голосом, полным злобы, отдал бы приказ схватить, пытать, убить пионера.

Ворбс был так глубоко уверен в том, что здесь, в Шепетовке, все способны только гнуть спину перед каждым фашистом, что полчаса спустя даже не поверил какому-то ефрейтору Отто Шульцу, доложившему, что у него украли оружие.

— Вы, Шульц, сами где-то потеряли свой автомат, — напустился на него Ворбс. — Вспомните, где реквизировали яйца и сало, там и ищите!

Он не мог знать о том, что в это самое время двое мальчишек и одна девочка кубарем скатились в воронку от снаряда далеко от гебитскомиссариата. Это были те самые ребята, что

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ
ПОСМЕРТНО ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПИОНЕРУ-
ПАРТИЗАНУ КОТИКУ В. А.**

**ЗА ПРОЯВЛЕННЫЕ МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ В ВОЯХ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТ-
СКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРИ-
СВОИТЬ ПИОНЕРУ-ПАРТИЗАНУ**

**КОТИКУ ВАЛЕНТИНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *К. Ворошилов*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *М. Георгидзе*

Москва, Кремль, 27 июня 1958 г.

полчаса назад терлись возле гебитскомиссариата, и в руках они держали автомат ефрейтора Шульца.

Наташа и Коля, все еще тяжело дыша от быстрого бега и пережитого волнения, рассматривали автомат с магазином, наверняка полным патронов.

— Как я его, а? — задорно поблескивая глазами, говорил Валик, вспоминая все детали происшедшего.

Это Валя первым заметил возле одной из калиток автомат. В глубине двора слышался голос какого-то фрица. Наташа и Коля не сразу догадались, для чего Валик вдруг шепнул им торопливо:

— Скорее в соседний двор!

Только они перемахнули через забор, как рядом с ними в траву упал автомат, следом за ним прыгнул Валик.

— Бежим!

— Куда теперь его девать? — спросила Наташа.

— В «копилку», конечно, — ответил Валик, — я сейчас смо-
таюсь домой за велосипедом и корзиной.

Начало тому, что ребята называли «копилкой», было положено накануне утром.

Ребята купались в речке. Валик нырнул и ударился рукой обо что-то металлическое.

— Колька, там железо какое-то, иди сюда, вытянем! — позвал он товарища.

«Железо» оказалось винтовкой. Валик нырнул еще раз. Улов получился еще богаче.

Никогда еще ни Валику, ни Коле Турухану не приходилось даже на спор столько нырять. Глаза у них стали красными, как у кроликов. Уши болели. Зато на берегу в густых зарослях лозняка был целый арсенал: винтовки, пистолет, даже пулемет.

— Жаль, патронов нет, — сокрушался Валик.

Коля Турухан

А откуда быть патронам? Видно, бойцы, попавшие здесь в окружение, все патроны выпустили по врагу, а потом бросили в воду ставшее ненужным оружие, чтобы оно не досталось немцам.

Оружие так запрятали, что никому не найти. Этот склад и называли ребята «копилкой». Теперь туда прибавился еще автомат с патронами.

Для кого собирали ребята оружие? Откровенно говоря, Валик тогда еще не знал этого точно. Он говорил Наташе и Коле:

— Мы его отдадим тем, кто будет бороться с фашистами.

Да и мы сами уже не маленькие, верно?

...К Вале Котику, одиннадцатилетнему пионеру с улицы Ворошилова, давно уже присматриваются зоркие, внимательные, невидимые глаза подпольщиков.

Им нравится смелый мальчик, из-под носа фрица унесший автомат, обнаруживший и перетаскавший вместе с друзьями к себе за сарай разобранные по частям винтовки и даже пулемет. И все на глазах у немцев, в корзинке, привязанной к багажнику велосипеда.

Скоро, совсем скоро пионер выдержит испытание, и подпольщики, как равного, возьмут его в свою семью, скажут ему:

«Мы верим тебе, пионер Валя Котик, верим, что ты сможешь выполнить любое наше задание, какими бы опасностями это не грозило!»

ЛИСТОВКИ

Короткими, частыми гудками зазвонил один из многочисленных телефонных аппаратов на столе у гебитскомиссара — аппарат, связанный с прямым кабелем немецкого генштаба Варшава — Берлин.

«Неужели и там уже известно об этом?» — со страхом подумал он, поднимая трубку.

Так и есть, из Берлина, из канцелярии самого шефа гестапо, запрашивали о том, какие меры приняты для наказания неизвестных лиц, пустивших ночью под откос эшелон с отборными гитлеровскими солдатами.

Какие меры? Ворбсу не о чем было докладывать. Не сообщать же о том, что вот уже скоро сутки после крушения, а спасательные команды все еще продолжают вытаскивать из

под обломков вагонов трупы солдат и офицеров. Вот уже скоро сутки, как из Шепетовки на восток, на фронт не может выйти ни один эшелон.

Следы партизан уводили в лес и там терялись. Так рапортовали Ворбсу вояки, посланные на розыски партизан. Они просто боялись сунуться в глубь леса, знали: оттуда не унести ног.

Скоро полночь, а Ворбс все не уходит из своей канцелярии, листает доносы полицаев, допрашивает предателей-старост. Но и они ни о чем не могут рассказать фашисту. Они тоже, как и гитлеровцы, бояться высунуть нос из сел.

Среди ночи неслышная тень подкралась к дверям гебитс-комиссариата. И в то время, как часовой зашел за угол дома, на двери, рядом с объявлением о часах приема, появился еще один белый листок бумаги. Часовой не обратил на него никакого внимания.

А тень неслышно скользила дальше, от дома к дому. И на стенах то в одном, то в другом месте оставался белый прямоугольник бумаги. Из-за туч выглянула луна, и тогда стало видно, что быстрая тень — это фигура мальчика. Вот он завернул за угол, оглянулся по сторонам и, чтобы не скрипеть калиткой, перемахнул прямо через забор во двор перед небольшим домиком.

Сквозь плотно завешенное окно в одном месте чуть-чуть пробивался свет.

«Не спит», — подумал мальчик и осторожно нажал на щеколду входной двери.

В коридоре он нагнулся, сунул оставшиеся в руках листки бумаги в ботинок и уж тогда шагнул в комнату.

Мать ждала сына.

— Где ты был, Валик?

— Так, гулял.

Мать вздохнула. Гулял... С тех пор, как пришли оккупанты, сын стал каким-то скрытным, у него появились тайны, секреты от нее, матери. Только однажды чуть приоткрылась завеса над неизвестными ей делами сына.

Валя как-то вечером принес домой несколько листов бумаги.

В комнате сидел хозяин хаты Радчук да еще Стратков и Лукашенко, которых подпольщики снабдили поддельными справками о досрочном освобождении из плена. Оба они теперь отдыхали, приходили в себя после долгих месяцев каторжной работы, голодовки.

Радчук цепко схватился за один из листов.

— Что это?

— А посмотрите сами хорошенько, — сказал Валик.

Это были листовки, сброшенные с самолета и все до одной тщательно подобранные Валиком. Валя думал, что и Радчук

так же обрадуется весточке с Большой земли, как обрадовались Лукашенко и Стратков, жадно прочитавшие листовку от начала до конца.

А Радчук не читал, все допытывался, откуда взял листовки, да сколько их, да куда спрятал.

Валик насторожился, примолк. Он еще нарисовал рядом с текстом карикатуру на Гитлера, потом сунул листовку в карман и отправился спать.

Разве мог Валя предположить, что негодяй Радчук наутро побежит в полицию докладывать о листовках, что он там сообщит о том, что Валя рисовал карикатуру на Гитлера?

Но, видно, у Валика уже начало вырабатываться чутье настоящего подпольщика. Рано поутру, чуть взошло солнце, когда Радчук еще не просыпался, он ушел из дому и спрятал в укромном месте солидную пачку листовок.

А в полдень нагрянули полицаи. Они перевернули в квартире все вверх дном, повели на допрос мать. До вечера они ее мучили там, но потом выпустили. А вот Васе Лукашенко вырваться из полиции не удалось. Его арестовали и направили на каторгу в Германию.

С тех пор Валик еще больше замкнулся в себе. И как ни старался Радчук что-нибудь разнюхать о его делах, чтобы dokonать пионера и его мать, ему ничего не удалось узнать.

Листовки продолжали появляться на стенах домов Шепетовки. И матери Валика, Анне Никитичне, приходилось только догадываться, что это дело не проходило без участия ее сына.

Неизвестный, наклеивающий листовки, работал все более дерзко. Наутро в гебитскомиссариате скандал. Вся Шепетовка смеялась над незадачливыми оккупантами, которые даже двери своей собственной канцелярии не смогли уберечь от листовок. Куда уж им было бороться с партизанами, пускавшими под откос эшелоны.

А Валик, сунув руки в карманы, прохаживался по противоположной стороне улицы и с удовольствием наблюдал, как бегают полицейские, получившие за ротозейство нагоняй от Ворбса, как дюжий детина кинжалом соскабливал прочно приклеенную листовку.

Полицейские торопливо пробегали мимо вихрастого сероглазого мальчишки. Им было не до него. Им и в голову прийти не могло, что смельчак, наклеивший листовки на двери гебитс-комиссариата, смельчак, в поисках которого они сбились с ног, вот он, рядом ходит.

ВАЛЯ НУЖЕН ПАРТИЗНАМ

У Котиков поселился некий Степан Диденко. Не понравился поначалу Валику новый жилец.

Во-первых, он старался жить со всеми в мире и согласии, даже с полицейскими, в чьих хатах по ночам Валик и его

друзья били стекла. Во-вторых, он каждый вечер отправлялся на главную улицу города. А ведь там теперь и кино-театр был только для немцев, и кафе только для них. Никакой уважающий себя человек не пошел бы вечером гулять на главную улицу города, когда-то такую красивую, уютную. А Диденко наряжался в красивый костюм, шел и возвращался домой поздно.

Диденко явно мешал Вале. А вдруг он такой же, как Радчук, и ждет случая, чтобы пронюхать о листовках, которые хранились у Валика в ботинках?

Однажды, когда Валик уже спал, Степан, как всегда, пришел поздно. Посмотрев на стоптанные ботинки Валика, решил починить их. Взял дратву, молоток, гвоздики, приладил ботинок на углу стола и тут почувствовал, что к нему на колени что-то выпало из ботинка.

Это были листовки.

Диденко ничего не сказал Анне Никитичне. Он починил ботинки, положил снова под стельки листовки, поставил их возле кровати Валика.

Утром Диденко, как всегда, ушел по каким-то своим делам.

А Валик? Как он разволновался, увидев свои отремонтированные ботинки! Ведь если Диденко окажется тем, за кого он его принимал, не миновать ему застенка. Да что ему — попадут в застенки мать и брат...

Диденко и в самом деле рассказал о листовках своим друзьям. Друзья его были подпольщиками Шепетовки. До сегодняшнего дня Валику совсем необязательно было об этом знать.

— Наконец нашелся тот, — говорил Диденко, — кто по ночам расклеивает листовки. Мы думали, что неизвестная нам подпольная группа, а это Валя Котик.

И тогда между Валиком и Степаном произошел серьезный, долгий разговор, после которого Диденко сказал Анне Никитичне:

— Анна Никитична, ваш сын нужен нам...

Кому «нам», мать Валика не спрашивала. Анна Никитична знала, что Диденко — партизан. Ведь его рекомендовал на жительство к ней коммунист Горбатюк. Через Анну Никитичну Горбатюк не раз передавал Диденко сведения, полученные им от верных друзей. К ней часто заходил друг Диденко, дядя Ваня Нищенко, внешне безобидный, пожилой, сутулый человек с палочкой. Но это только внешне. Ночью он преображался. Походка у дяди Вани становилась легкой, упругой. Он мог долгими часами, не шевелясь, лежать у железнодорожного полотна, наблюдая за движением эшелонов, чтобы потом по рации, не страшась того, что фашисты могут запеленговать, передавать шифрованные донесения в партизанский штаб.

Да, Анна Никитична очень хорошо понимала, что значили слова «ваш сын нужен нам». Это означало и для Валика, и для всей ее небольшой семьи начало другой жизни, полной опасностей. Но она только сказала Степану:

— Хорошо. Раз это нужно вам, партизанам, значит, нужно Родине. Только... берегите его, Степан. Малой он еще, горячий...

И стал Валя Котик связным шепетовских подпольщиков.

Оружие, которое так тщательно собирали и прятали ребята, на возах с сеном перекочевало в лес, в партизанский отряд.

Но автоматов, винтовок, взрывчатки требовалось все больше, потому что все больше людей приходило к партизанам, все шире разворачивали они свою борьбу с оккупантами. Шепетовские подпольщики помогали группам военнопленных вырываться из-за колючей проволоки лагерей. И освобожденные бойцы и командиры шли в лес, к партизанам, чтобы мстить врагам, помогать родной Советской Армии.

Охота за оружием приводила Вальку Котика иногда в самые неожиданные места.

Как-то в Шепетовку приехал из Германии ансамбль «Фюнф цилиндр».

«Только для немцев!» — гласили афиши.

Но Валику удалось незаметно проникнуть в бывший кино-театр, где заезжая труппа давала свое представление. Зал был переполнен. Солдаты без конца аплодировали пяти девицам в коротеньких юбочках, черных чулках и блестящих цилиндрах на пышных прическах. Кричали: «Бис, браво!» и топали ногами от восторга.

Но Валика совсем не интересовало то, что происходило на сцене. Притаившись за портьерой, он осторожно осматривался вокруг.

Нет, за ним, кажется, никто не следил.

У немца, стоявшего совсем близко от него в проходе, — не хватило бедняге места — из расстегнутой кобуры выглядывала рукоятка револьвера... Немцы, увлеченные представлением, не заметили, как от портьеры отделился мальчик, как револьвер перекочевал из кобуры в его карман.

Через полчаса Степан Диденко взвешивал на ладони оружие:

— Хороша «пушка»! У Павлюка как раз нет оружия подходящего. Отдадим револьвер ему. Согласен?

Конечно, Валя был согласен. Ему было очень приятно, что револьвер сразу попадал в руки одного из самых храбрых подпольщиков Шепетовки.

ПАСТУШКИ

Анна Никитична стала замечать, что с некоторых пор Валентин пристрастился пасти корову.

Но гонял он ее не к лесу, где росла сочная трава, а к пустырю — немецким продовольственным складам, снабжавшим фронт.

Ребята — Валя, Наташа, Коля — шалили, прыгали возле коровы. Часовые так привыкли к хлопцам, что даже не отгоняли их от проволоки, окружавшей склады. Только когда они слишком близко подходили, часовой угрожающе поднимал вверх автомат, и ребята мгновенно отлетали на приличную дистанцию.

Безобидная компания... А у Степана Диденко и Горбатука с каждым днем накапливалось все больше сведений о расположении постов, времени смены караулов, количестве въезжавших и выезжавших из склада машин. Все это передавали ребята, зорко следившие за каждым движением немцев.

И вот однажды вечером к складу подкатил грузовик. Караул только что сменился, и немцы преспокойно сидели в дежурке. Одни наигрывали на губных гармониках, другие играли в карты.

Из кабины грузовика выскочил щеголеватый немецкий офицер и направился к караулу. Сидевшие там немцы вскочили, чтобы приветствовать офицера, да так и остались стоять с поднятыми вверх руками. На них смотрело дуло автомата.

На чистейшем немецком языке партизан в офицерской форме сообщил охране, что если кто-нибудь из них вздумает пошевелиться, автомат заговорит, и тогда вряд ли кому-нибудь из охранников удастся съездить на побывку в фатерланд.

Вслед за офицером на территорию склада прошли переодетые партизаны. Они принесли замаскированные в картонные ящики бидоны с керосином. Среди партизан охранники с удивлением увидели тех самых мальчишек, что пасли корову возле складов. Мальчишки вели партизан так, словно они всю жизнь прожили на этом складе, показывали:

— Вот здесь продовольствие, вот здесь обмундирование...

Через несколько минут тяжело нагруженная продуктами машина мчалась прочь от охваченного пламенем склада. А охрана продолжала сидеть в караульном помещении, потому что на дверях болталась табличка: «Заминировано». Эту табличку перед самым уходом повесил Валя.

После этой операции Степа и Коля ушли в отряд. Валя еще оставался в Шепетовке.

Налет на огромные склады, расположенные всего в сотне метров от жандармерии, охраняемые десятками часовых, не на шутку встревожил немцев.

Но скоро их ждал еще один сюрприз.

Снова, маскируясь под пастушка, ходит Валик. Но теперь за Шепетовкой, в небольшом леске. Корова себе пасется, а Валя то в одном, то в другом месте небольшой саперной лопаткой роет ямки.

Партизаны знали, что через Шепетовку куда-то далеко на запад, в Берлин, идет линия связи. Но как обнаружить тщательно замаскированный кабель в земле? Нескольким разведывательным группам было приказано искать его. Искал кабель и Валик.

Маленький лесок, где Валя пас корову, он знал вдоль и поперек. Когда-то до войны летом ребята собирали здесь ягоды, осенью грибы... Валик чувствовал, что в леске что-то изменилось. Но что? Деревья стали больше, гуще? Нет, наоборот, лесок прорезала просека. Раньше ее не было. Это просека так изменила лес. Но для чего ее проложили немцы? А может быть...

Валя оглянулся вокруг и, убедившись, что здесь никого нет, принялся копать землю. Скоро лопата наткнулась на кирпич. Откуда быть здесь в лесу, в земле кирпичам? Валя пошире разрыл землю. Не один, а целый ряд кирпичей уходил куда-то под землю с востока на запад вдоль просеки. Валя поднял кирпич. В каменном ложе куда-то тянулась серая змея толстого свинцованного кабеля. Острым концом лопатки Валя стал что есть силы бить по свинцовой змее.

В это время гебитскомиссар держал возле уха трубку того самого телефонного аппарата, что был подсоединен к этому кабелю. Он готовился сообщить своему шефу о том, что им разработан блестящий план уничтожения партизан, что для выполнения этого плана он на днях лично выезжает в Славуту...

Но поговорить так и не удалось: в трубке раздался треск, и взволнованный голос телефонистки сообщил:

— Повреждение на линии.

А Валя, перерубив кабель, положил на место кирпич, тщательно заровнял землю, заложил то место, где копал, зеленым дерном.

Пусть стараются, ищут место разрыва! И фашистам пришлось больше недели искать разрыв кабеля. Больше недели не было связи с Варшавой и Берлином.

ГРАНАТА ДОСТИГЛА ЦЕЛИ

Нет, гебитскомиссар не мог больше откладывать карательную экспедицию против партизан. Он должен был ехать в Славуту, чтобы скорее разгромить их и доложить, наконец, шефу хотя бы об одной победе над невидимыми, неуловимыми, грозными партизанами.

И партизанам стало известно, что гебитскомиссар собирается в Славуту.

Степан Диденко дал задание Валику:

— Проследи за гебитскомиссаром.

С Валиком на задание пошел его друг Степа Кищук. Валя взял противотанковую гранату, а Степа — трофейный автомат.

Ребята залегли в леске у поворота дороги.

Вдали показался бронированный автомобиль, полный солдат, и открытый черный лимузин гебитскомиссара.

И тогда из придорожных кустов во весь рост поднялся вихрастый сероглазый хлопчик. Глаза его были темны от гнева, ненависти к фашисту, виновнику стольких смертей невинных людей. В руках у мальчика — граната.

Ворбс откинулся в угол автомашины. О, теперь бы он узнал этого мальчишку среди тысяч других! Но в это мгновение взрыв разнес на куски и машину, и гебитскомиссара.

В Шепетовке начались облава за облавой. Немцы из кожи вон лезли, чтобы разыскать виновников дерзких нападений.

Над подпольщиками начали стучаться тучи. В Славуте провокатор выдал доктора Михайлова, одного из руководителей подполья. Щупальца немецкой охранки добрались и до Горбатюка. Он умер от пыток в кабинете начальника криминальной полиции предателя Неймана, но не выдал никого.

Наташе с матерью пришлось уходить в лес. Немцы, конечно, не оставили бы на свободе жену и дочь коммуниста.

Но расправы не помогали. Поезда на железной дороге все чаще летели под откос.

Как-то субботним вечером в окно Валика раздался условный стук. Пришел Диденко. Теперь ему все чаще приходилось менять конспиративные квартиры.

— Собирайтесь, — сказал он, — на понедельник назначен ваш арест.

Анна Никитична, Валик и старший брат Виктор ушли вовремя. Через час после их ухода на квартиру нагрянула полиция...

ПАРТИЗАНСКИЙ РАЗВЕДЧИК

Перед строем несколько человек, вновь прибывших в отряд. На левом фланге самый маленький — Валя Котик. Он тоже вооружен. В руках у него автомат, один из нескольких десятков добытых им немецких автоматов.

Вслед за комиссаром Кузовковым Валя произносит слова партизанской присяги:

— Клянусь, что скорей умру в жестоком бою с врагами, чем отдам себя, своих родных и весь советский народ в рабство кровавому фашизму...

— Клянемся! Клянемся! — повторяют все партизаны.

Так началась для Вали Котика жизнь в партизанском

отряде Героя Советского Союза Антона Захаровича Одухи. Валик определили разведчиком в отряд Логутенко.

Шесть эшелонов на счету у пионера Вали Котика. Шесть эшелонов с боеприпасами, снаряжением, живой силой противника пустил под откос пионер.

А сколько мужества и выдержки нужно было, чтобы во время разведки спокойно проходить мимо немецких часовых в Славуте и в Изяславе, в Полонном и Майдан-Виле, всюду, где у партизан были явки, всюду, где стояли крупные немецкие гарнизоны, военные склады; чтобы спокойно идти мимо фашистов, когда у тебя в подкладке куртки зашиты листовки или донесения партизанскому «Центру», подпольному обкому!

Связной обязан был действовать быстро и четко. А в случае провала молчать, молчать до конца. Таков партизанский закон. И Валик бесстрашно шел навстречу бесчисленным опасностям. Валика и его друзей в партизанском соединении называли корчагинцами. И это высокое звание, неведомо кем придуманное, наполняло гордостью сердце пионера. Ведь самая любимая его книга — «Как закалялась сталь» Николая Островского. С ней Валик не расставался даже в партизанском отряде. Когда он учился в школе, мечтал хоть немного быть похожим на своего любимого героя. И слово «корчагинец» говорило о том, что товарищи по отряду очень высоко ценят его заслуги.

Сколько раз рисковал Валя своей жизнью, сколько он совершил замечательных дел? Трудно ответить на этот вопрос, потому что рисковал своей жизнью пионер каждый день, потому что самые замечательные дела считались у партизан самой обычной боевой работой. Так считал и Валя. И, выполнив задание, он коротко рапортовал об этом командиру, а потом — все, больше никому об этом не рассказывал. И время стерло воспоминания о многих подвигах пионера.

...Валя получил новое задание: идти в разведку к селу Болотин, проверить, есть ли там немцы.

Мальчик осторожно ехал на коне сквозь лесную чащу. Вот и Болотин. Лес подходит к самым хатам. Но что это за шум в селе, кудахтанье кур, визг свиней?

Валя оставил коня в кустах и пробрался совсем близко к единственной улице, пересекавшей село. И тут чуть не расколотся.

На улице стояли две танкетки. А по дворам, растопырив руки, гонялся за курами и поросятами чуть не целый взвод фашистов.

— Сейчас вам будут такие курки! — прошептал Валик и одну за другой метнул две гранаты.

В несколько скачков он был уже в кустах, у коня. А фашисты, решив, что их атакует целый отряд, удрали из села.

...Однажды группе Логутенко, в составе которой был Валя, поручили разделиться с немецким гарнизоном одного из сел района. Несколько часов подряд двигались партизаны лесною чащей.

— Привал, — наконец, командовал командир.

Отряд остановился, выставив вокруг секреты. Стал на пост и Валик.

Зорко всматривался он в лесную чащу. Казалось, все было спокойно вокруг. Но внезапно кто-то тяжелый, грубый подмял мальчика под себя, вывернул ему руки, отнял автомат. Это были каратели, шедшие по следам отряда.

— Лежать! — приказали Валику через переводчика.

Немцы пытались добиться у него, откуда он, кто ему дал оружие, где его боевые товарищи. Но Валик только показывал пальцем в небо. Выбросили, мол, с парашютом его одного. Оставив возле него двух часовых, каратели осторожно стали двигаться в глубь леса, в сторону отряда.

Валик лежал на земле и лихорадочно думал, как сообщить партизанам о смертельной угрозе, нависшей над ними. Он шевельнулся, что-то круглое, ребристое вдавилось ему в ногу.

Граната! Фашисты забыли отобрать у него в суматохе гранату! Он осторожно подтянул руку, сунул ее в карман, снял кольцо, вскочил и, швырнув гранату под ноги сидевшим на пеньке часовым, прыгнул в сторону.

Партизаны услышали взрыв. Фашистам не удалось застать их врасплох.

А Валя?

Раненный осколками гранаты, он несколько километров полз по лесу и, наконец, обессиленный упал в избушке лесника.

Лесник был помощником партизан, он подобрал пионера и отвез его в глухое село к фельдшеру, а потом сообщил партизанам об этом.

Через две недели Валя вернулся в отряд. На голове еще белела повязка, он так и не вылежал положенного срока, не дождался, пока зарубцуются его раны.

И вот он стоит в шеренге празднично одетых, подтянутых партизан. Командир соединения Одуха читает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении партизан соединения медалями.

— «За отвагу и находчивость, проявленные при выполнении заданий командования в тылу врага, наградить партизана Валентина Котика медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Валик.

...Сорок четвертый год. Февраль. Скоро Вале исполнится четырнадцать лет.

— Всего четырнадцать?! — удивляются партизаны. Все привыкли считать его старшим. В партизанском отряде Валя

вырос, возмужал. Его серые глаза смотрят с недетской серьезностью. Да, рано фашисты отобрали у него детство. Это они заставили мальчика вместо книжек, тетрадок, игрушек взять в руки оружие.

— Всего четырнадцать! — удивляются товарищи, видевшие, как он мчит на коне, как он стреляет из автомата, как он взрывает эшелоны.

— Уже четырнадцать, — хмурится Валик. Ему хочется казаться взрослее.

Ему не раз предлагали на самолете улететь на Большую землю, в тыл, чтобы там учиться в школе. Ему говорили: «Ты еще мал».

Сколько хитрости, настойчивости пришлось приложить пионеру, чтобы остаться в отряде! Нет, он никак не мог уйти из отряда, пока фашисты топтали его родную землю.

Немцы отступали под ударами Советской Армии. Фронт все ближе подходил к Шепетовке. Партизанское соединение получило приказ от командования Советской Армии взять штурмом город Изяслав, через который фашисты направляли в тыл все свои эшелоны. Перед началом операции командир вызвал мальчика к себе:

— В этом бою ты останешься в распоряжении штаба.

— Пустите в атаку! Это же, наверное, наша последняя атака!

— Нет, — твердо ответил Музалев. — Ты слышал: вчера взяли Шепетовку. Скоро там откроется школа. Ты должен живым и здоровым вернуться туда. Я не хочу, чтобы в этом последнем бою с тобой что-нибудь случилось.

Налет на Изяслав был полной неожиданностью для немцев. После короткого боя город был взят. Но партизаны знали: фашисты скоро оправятся и постараются отбить город снова. Слишком много значил он для них. А Валя смотрел со стороны, как окапываются партизанские батальоны.

Но вот и он, наконец, получил задание — охранять брошенный немцами склад боеприпасов. Валик залег у склада. Теперь отсюда он не ступит ни шагу!

С запада загрохотали танки. Немцы бросили на город «тигры». А у партизан ни одной противотанковой пушки! Все ближе, ближе к складу стали рваться снаряды, мины. Фашисты медленно теснили партизанские части. Вот уж немцы совсем близко от склада, который поручено охранять Вале Котику. Он бросился на землю и стал посылать в сторону врагов патрон за патроном.

И вдруг издали донеслось громовое «ура». Это на помощь партизанам шли войска Советской Армии. Валя привстал, метнул гранату в отступавших фашистов и тут же рухнул на землю, сраженный фашистской пулей.

ПИОНЕР-ГЕРОИ

Тихо шелестят в городском парке вековые деревья. Под их сенью, рядом с могилами бойцов Советской Армии, погибших за освобождение Шепетовки, стоит памятник Вале Котику, пионеру-партизану. Возле памятника всегда цветы. Ребята хранят память о герое. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Школа, где он учился, носит имя Вали Котика. За партией, на которой он сидел, сидят теперь лучшие ученики школы. Имя украинского пионера-героя стало известно далеко за пределами Советского Союза. По морям и океанам под советским флагом плавают океанский теплоход «Валя Котик».

Посмертно Валя Котик награжден орденом Отечественной войны I степени, а 27 июня 1958 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

С. ЧУМАКОВ

Памятник Вале Котику, сооруженный в Шепетовке на средства, собранные пионерами и школьниками Украины

ЭТО БЫЛО НА СТАНЦИИ ОБОЛЬ

Дочки старого рабочего Кировского завода Мартына Нестеровича Портнова Зина и Галя поехали в июне 1941 года на каникулы в Белоруссию. Здесь их застала война.

Зина, ученица 385-й школы Ленинграда, установила через своего дядю Ивана Яблокова связь с партизанами. По их заданию она распространяла среди населения антифашистские листовки, собирала и пересчитывала оружие, оставленное во время отступления советских войск.

Вскоре на станции Оболь Витебской области подпольный райком партии создал нелегальную комсомольскую организацию «Юные мстители». Большинство участников этой организации — ученики Обольской средней школы. Зину Портнову избрали членом руководящего комитета организации, а восьмилетнюю Галю назначили связной.

Около двух лет юные мстители вели мужественную борьбу против фашистских оккупантов. Они пускали под откос воинские эшелоны, разрушали железнодорожные линии, мосты и шоссе, взрывали водокачку, выводили из строя действующие заводы.

Работая официанткой в офицерской столовой, Зина, вместе с другими подпольщиками, отравила пищу — погибло свыше ста фашистов. Отважная комсомолка мстила врагу за горе и муки народа, за родной Ленинград, зажатый в кольцо блокады.

Помогала подпольщикам и Галя.

...Был тихий вечер. Солнце уже заходило, окрашивая в нежные тона легкие облачка в ясном небе. Когда совсем стемнело, в доме Володи Езовитова собрался комитет юных подпольщиков.

Возле дома, на завалинке, сидела, держа в руках куклу, Галя. Зина договорилась с ней, что в том случае, если появится чужой человек, Галя должна запеть «Во поле березонька стояла...»

Всматриваясь в темноту, Галя заметила, как к дому приближаются полицейские — братья Волковы, жившие на краю села.

Тоненьким, дрожащим голоском девочка запела под самым окном:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла...

В доме сразу затихло. Подпольщики по одному выбрались через сени в хлев, а оттуда — огородами в лес.

Полицейские подошли к девочке, которая задумчиво сидела на завалинке и напевала что-то себе под нос, немного постояли и, ничего не заподозрив, ушли.

Когда девочка вернулась домой, Зина обняла ее и поцеловала:

— Спасибо, Галочка. Вовремя предупредила.

Галя очень обрадовалась:

— Я твоя помощница, — гордо сказала она сестре.

Назавтра Зина встала спозаранку. Готовясь уйти к партизанам (гитлеровцы заподозрили официанток в отравлении офицеров), она должна была, по указанию комитета, немедленно перебраться в село Мостище мины, которые были у нее спрятаны.

— Галочка, вставай! — будила она сестричку. — Дело есть...

— Снова буду помощницей? — спросила Галя. Ей очень нравилась роль подпольщицы.

— Ага! Отнесешь эту корзину Марье Дементьевне. На дне лежат черные мячики, а сверху яички.

Галя уже знала, что это за мячики, и ни о чем не спрашивала. Девочка шла проторенной дорогой, думая о том, как бы скорее добраться до Мостища. Солнце грело не по-осеннему жарко, и Галя перешла в тень.

Вот уже видны крайние хаты села. Она ускорила шаг, но вдруг из переулка выскочил мотоцикл с коляской.

«Фашисты!» — Галя вздрогнула, будто кто-то толкнул ее в спину.

Заметив в руках у девочки корзинку, водитель затормозил. Он слез с мотоцикла, подошел к Гале и заглянул в корзинку.

— Яйки, яйки... гут, — обрадовался он, пытаясь залезть руками в корзинку. Галя почувствовала, что у нее от страха подкашиваются ноги. Она заплакала, прижимая к себе корзинку.

Пожилой солдат, который сидел в коляске, крикнул что-то водителю. Галя перевела это по-своему: «Не трогай!» — и еще сильнее начала плакать, умоляюще глядя на пожилого немца с нашивками на погонах. Водитель, отстав от девочки, сел за руль.

Прошел еще один день. Зина в обед принесла из сарая огромную банку с запаянной крышкой.

— Где бы ее, Галочка, спрятать?

Долго сидели сестры, задумавшись. Посмотрев на Галины игрушки, разбросанные в углу, Зина предложила:

— А что, Галочка, если я пошью тебе новую куклу?

Девочка уже хотела возразить: «Вон сколько у меня игрушек», но, увидев серьезное лицо Зины, согласилась.

— А играть с ней можно?

— Нет, Галочка. Мы зашьем в нее банку. Пусть валяется в углу. Только не трогай ее...

Вечером Зина, придя домой, посидела несколько минут молча, потом спросила:

— Как, Галочка, поживает наша кукла?

Сестры заглянули в угол: над горой игрушек была видна некрасивая кукла. А когда стемнело, Зина завернула мину в тряпку и понесла в Оболь.

Зина Портнова

Ночью пришли партизаны и забрали Зину и Галю с собой в лес. Шли целую ночь. Идти было трудно. А тут еще Галя поцарапала босые ноги — они были в крови. Она тихо плакала, но шла, через силу ступая по тропинке, покрытой сосновыми иглами. Зина попросила остановиться. Она перевязала Гале ноги, и они двинулись дальше. Утром добрались до партизанского отряда.

Зина стала бойцом в разведке, а Галю приняли помощницей санитарки. Она очень гордилась новой должностью.

После ареста некоторых участников организации (их выдал провокатор) командование партизанского отряда поручило Зине Портновой установить связь с теми, кто остался в живых. Разведчица успешно выполнила задание, но, возвращаясь, натолкнулась на вражескую засаду. Зину арестовали.

Фашисты зверски пытали ее, но она не выдала тайны организации. На допросе смелая девушка внезапным ударом головы выбила револьвер из рук начальника гестапо и выстрелила в него в упор.

Через боковую дверь Зина бросилась во двор, побежала к берегу речки, но ее догнали фашисты. Одного из них она убила. Нацелилась в другого, нажала спуск, но выстрела не услышала. Закончились патроны...

Зину схватили метров за пять от берега. Продержав ее больше месяца в тюрьме и ничего не добившись, гитлеровцы расстреляли юную патриотку.

За боевые подвиги Зине Портновой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Галя Портнова осталась жива и вместе со всем народом встретила Победу.

Так боролись с врагами нашей Родины ленинградские школьницы — сестры Портновы. Память об их героических

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗЕНЬКОВОЙ Е. С. И ПОРТНОВОЙ З. М. ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЗА МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ВОРЬБЕ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ, ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЗЕНЬКОВОЙ ЕФРОСИНИ САВЕЛЬЕВНЕ — руководителю подпольной комсомольской организации, действовавшей на ст. Оболь Витебской области, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»

ПОРТНОВОЙ ЗИНАНДЕ МАРТЫНОВНЕ — члену этой организации (посмертно).

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *К. Ворошилов*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *М. Георгадзе*

Москва, Кремль, 1 июля 1958 г.

делах и светлый образ бесстрашной комсомолки Зины Портновой будут жить вечно.

У шоссеной дороги — между Витебском и Полоцком — стоит высокий обелиск. На одной его стороне надпись: «Здесь, у Оболи, в 1942—1943 годах активно действовала подпольная комсомольская организация «Юные мстители». На другой стороне обелиска высечены имена подпольщиков, погибших в борьбе с фашизмом. И первым стоит имя ленинградской комсомолки Зины Портновой.

Г. НАБАТОВ

МАРАТ КАЗЕЙ

Июньским вечером сидели мы с пионерами на берегу тихой речки у костра и слушали рассказ учителя, бывшего партизана. Стояла тишина, какая бывает летними вечерами. Лишь ветер шумел в лесу. Но вот и он стих. Старый учитель вспоминал о том, как в суровую зиму 1942 года пришел к белорусским партизанам тринадцатилетний мальчишка Марат Казей.

...Весной 1944 года вместе с начальником бригадной разведки Лариным Марат отправился на задание. Долго ехали разведчики на конях по весеннему лесу. А пока пробирались по просеке, заросшей нежной порослью, заметно стемнело, пошел теплый дождь. Но им все же удалось разглядеть лежавшую впереди деревеньку Хороменское. Фашистов в ней не было. И все-таки Ларин решил переждать до полной темноты, чтобы никем не замеченными пробраться в деревню. Разведчики надеялись получить сведения от связанного Игната Фомича. И еще надо было вручить Фомичу пачку свежих листовок.

Марат Казей

Деревушка, казалось, вымерла — ни звука, ни огонька. Но разведчики знают: тишина бывает обманчива, особенно ночью. Прислушиваются к тишине, всматриваются в темноту до боли в глазах. Орлик, на котором сидел Марат, ступает осторожно, словно понимает, что он в разведке. Гумнами подъехали к одной хатенке, ничем не выделявшейся среди десятка других серых, слепых хат. Ларин трижды стукнул рукояткой плети по наличнику. Тишина. Слышно даже, как стекают с соломенной крыши дождевые струйки на землю. Ларин настойчиво постучал в дверь. В темном окне проплыл огонек свечи, и дверь отворилась.

— Мудрено тебя разбудить, Фомич, — вместо приветствия сказал партизан.

Старик, стоявший на пороге, закашлялся, прикрывая согнутой ладонью свечу.

— Думал, они, поганые, — сквозь кашель ответил дед. — Вас-то я нынче не ждал... Да заходите в хату, чего мокнете.

Разведчики сели на лавку, но раздеваться не стали, только шапки сняли. Ларин вынул из чугунка пару нечищенных картофелин, положил одну перед Маратом. Но есть мальчику не хотелось: клонило ко сну. Ларин сказал:

— Приляг, Марат, сосни. А мы тут с Фомичом потолкуем.

Не раздеваясь, Марат, как сноп, упал на сладко пахнущий кислой овчиной и печеным хлебом хозяйский козюх.

Проснулся он от сильной тряски. Ларин с Фомичом тормозили мальчишку:

— Скорей! Немцы!

Марат вскочил на ноги, нащупал автомат.

— На коней — и к лесу! — скомандовал Ларин. — Держи прямо к бору! Я правее!

Низко пригнувшись к конской гриве, Марат смотрел вперед,

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПАРТИЗАНАМ И УЧАСТНИКАМ ПОДПОЛЬЯ, КОТОРЫЕ ДЕЙСТВОВАЛИ В БЕЛОРУССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ, МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ВОРЬБЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГГ., ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОСМЕРТНО

КАЗЕЮ МАРАТУ ИВАНОВИЧУ — партизану партизанской бригады.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Микоян
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе

Москва, Кремль, 8 мая 1965 г.

на лес, чуть вырисовывавшийся в предрассветной мгле. А вдогонку мчались пули. Торопливо забил за спиной пулемет, и Орлик под Маратом, вздыбившись, грохнулся на землю. Не чувствуя боли от падения, мальчик побежал по полю к кустам. Они были совсем близко, высокие, густые. Но оставшуюся сотню метров Марат полз, потому что пули свистели над самой головой. За кустарником была ложбинка. Паренек сполз в нее. Прижавшись щекой к земле, он долго дышал — старательно и глубоко, будто пил воду из родника. Не отрывая глаз от поля, отстегнул от пояса обе гранаты, положил их перед собой. Пелена тумана стала жиже, и в ней уже можно было различать серые фигуры.

Еще несколько минут — и враги будут совсем близко! Стискивающие автомат руки вспотели, на лбу выступила испарина. Медленно и молча приближались враги к укрытию юного партизана.

Фашисты подошли так близко, что были видны знаки различия. Офицер вышагивал чуть впереди. Марат долго целился в него. Мальчик еще надеялся, что вот сейчас ударит по фашистам автомат Ларина. Не знал он, что Ларин уже убит.

И Марат застрочил сам, злобно и метко. Фашисты ткнулись в землю. А когда поднялись, офицера среди них не было, да и вся цепь заметно поредела. Гитлеровцы побежали к кустам, что-то яростно крича друг другу. Марат снова припал щекой к дрожащему автомату. Взмахнув руками, упал навзничь солдат. Грузно сел на землю другой. Но вот автомат внезапно смолк! Кончились патроны! Только теперь до сознания мальчика дошло: «Они хотят взять меня живьем». А враги уже заходят с двух сторон. Ясно слышны хриплые, гортанные голоса:

— Сдавайся! Рус, сдавайся!

Марат выждал, пока фашисты подошли совсем близко. Швырнул в них гранату. После взрыва к диким выкрикам присоединились стоны и вопли раненых. Теперь мальчик поднялся во весь рост и шагнул навстречу врагу.

— Берите меня! Ну! Берите же! Скорей! Скорей!

Чувствуя, что пуля может сразить его раньше, чем разорвется поднятая над головой граната, Марат ринулся к опешившим гитлеровцам. От взрыва упали мертвыми еще несколько фашистов...

Враги долго не решались подойти к кустарнику, где ничком недвижимо лежал Марат. Фашистам все казалось: сейчас поднимется мальчишка и снова с гранатой в руке пойдет им навстречу...

Вот что услышали мы от старого учителя. А потом отправились в родную деревню Марата — Станьково и в станьковский лес, что в войну пугал врага партизанскими штыками.

Но кто же этот мальчик, каким он был, откуда в трудную минуту в нем пробудилась такая сила?

*

Мне удалось найти адрес сестры Марата, минской учительницы Ариадны Ивановны Казей, которая рассказала о детстве Марата.

...Он, как и все мальчишки на свете, мечтал о подвигах. И представлял себя то красным моряком, то разведчиком. Но огорчали Марата малый рост и совсем «невнушительное» лицо — обыкновенное лицо деревенского паренька с веселыми, открытыми глазами. Ему казалось, что героем может стать человек огромного роста, с могучими плечами, орлиным профилем и непременно с бородой. Словом, нужно было быть таким, как его дед, Алесь, бывший партизан. А вышло иначе.

Боевые дела Марата начались еще в деревне, задолго до того, как стал он «партизанским сыном». Правда, враг не бомбил его родное Станьково. Тяжелые бомбардировщики с черными крестами на крыльях пролетали дальше на восток. Вместо бомб на деревню 22 июня 1941 года опустился фашистский десант. Парашютисты были одеты в форму советских командиров и красноармейцев.

В первый же день войны Марат увидел двоих на кладбище. Один, переодетый танкистом Красной Армии, заговорил с деревенским мальчиком.

— Где тут у вас... — Незнакомец жестом показал, что он сильно проголодался. Глаза его, прозрачные и холодные, спокойно бегали по сторонам. Марат обратил внимание: кобура с пистолетом висит у «танкиста» почти на самом животе. «Наши так не носят оружие», — подумал он.

— Я принесу... молока и хлеба. Сейчас.— Хлопчик кивнул в сторону деревни.— А то пойдем к нам. Наша хата на краю, близенько...

— Неси сюда! — приказал «танкист».

В хате Казеев сидели несколько советских пограничников. Марат влетел в хату с таким видом, что люди сразу почувствовали неладное.

— На кладбище — они!

Пограничники бежали за Маратом, а он вел их самыми короткими и безопасными тропами. Заметив вооруженных людей, переодетые фашисты бросились в кусты. Марат — за ними. Добежав до опушки леса, фашисты начали отстреливаться. Тем временем по шоссе проходила машина с красноармейцами. Услышав выстрелы, они поспешили на выручку пограничникам.

Вечером к хате Казеев подкатил грузовик. В нем сидели наши бойцы, Марат и двое пленных. Мать Марата со слезами бросилась к сыну: его ноги были в крови, рубашка изодрана.

— Спасибо вам, мамаша! — пожали по очереди воины руку женщине.— Смелого сына растите, хорошего бойца!

Прошло несколько дней. В Дзержинске, Негорелом разместились вражеские гарнизоны. Несколько раз наведывались оккупанты в Станьково. Ворвались они в хату к Казеем. Перерыли все. Счастье, что не догадались поднять половицу в сенях. Там Марат спрятал патроны и гранаты. Целыми днями он пропадал где-то и возвращался то с обоймой патронов, то с какой-нибудь частью от оружия.

Осенью фашисты схватили мать Марата, Анну Александровну. Через несколько месяцев Марат с сестрой узнали, что враги повесили мать в Минске — за связь с партизанами. Тогда ушли ребята к партизанам в Станьковский лес.

Многое еще довелось услышать мне от сестры Марата. И все же о Марате-разведчике она не могла рассказать, так как после ранения была отправлена на Большую землю.

Продолжение рассказа я услышал из уст партизанского разведчика Николая Калечицы.

*

— Тяжелая жизнь у партизана-разведчика, — говорил Николай Иванович. — Ходить приходилось по крайней мере втрое больше, чем остальным бойцам. Опасностей тоже немало. Марат ходил в разведку и вместе с опытными бойцами, и один. Наряжался пастушком или нищим и отправлялся во вражеские гарнизоны, забыв про отдых, сон, про боль в натертых, исцарапанных до крови ногах. И не было случая, чтобы он возвращался с пустыми руками.

Ушел как-то Марат на задание вместе с комсомольцем

Сашей, да что-то долго хлопцы не возвращались. В отряде уже начали беспокоиться: «Может, напоролись разведчики на карателей? Может, попали в засаду?» И вдруг слышат — мчитса по лесной просеке пашина. Подняли тревогу: думали, каратели. А как увидели, что в штабной немецкой машине важно восседали Саша с Маратом, громко рассмеялись. Разведчики сумели тогда добыть ценнейшие сведения о враге и угнали машину у фашистов.

А вот рассказ бывшего командира партизанской бригады Н. Ю. Баранова.

Ранняя весна 1944 года застала бригаду в деревне Румок. Утром 8 марта по донесениям разведки стало известно: в Румок по разным дорогам, а где и полем, направляются большие группы женщин. Многие несут на руках детишек.

— Опять, гады, где-то деревню спалили! — решил командир бригады, получив такое известие. — А может, к нам на праздник?

Партизаны стали освобождать для детей самые теплые хаты, а поварихи получили заказ на новое блюдо — гречневую кашу. И непременно с молоком!

Первые гости уже виднелись у леса, когда к штабу на взмыленных конях подлетели трое связных:

— Товарищ командир! Подходят не женщины — переодетые немцы! Тревога! Тревога, товарищи!

Конники понеслись вдоль деревни, поднимая бойцов. Впереди галопом скакал Марат. В седле мальчик держался уверенно. Полы его длинной, не по росту, шинели развевались на ветру. Казалось, конь летит на крыльях.

Партизанам нужно было немного времени, чтобы приготовиться к бою, и все же никто из командиров не решился первым крикнуть: «Огонь!». А может, недоразумение, ошибка? Командир роты Аскерко предупредил своих ребят:

— Первый залп вверх... Слушай мою команду! Пли!

И тут же «женщины» попадали в снег. Попадали так, как это могут делать лишь хорошо обученные солдаты. Распеленали они и своих «младенцев», превратив их в пулеметы и минометы. Аскерко не успел выкрикнуть вторую команду — упал, обливаясь кровью.

Над Маратом засвистели пули. Но он доскакал до хаты, ставшей командным пунктом разгоревшегося боя. Укрыл Орлика за хатой. Здесь же беспокойно топтались еще две оседланные лошади. Их хозяева лежали рядом с командиром бригады, поливая огнем автоматов противника. Марат, скинув с плеча автомат, быстро пополз к комбригу. А немцы уже начали забрасывать деревню минами. Факелом вспыхнула старая мельница, загорелись крайние хаты. Из-за грохота и свиста мальчик не слышал голоса Баранова, который что-то говорил связному Прокопчуку. Но вот Прокопчук повернулся, пополз назад.

Вскочив на коня, он перелетел через небольшую ограду и понесся полем к сосновому бору.

Прокопчук не успел преодолеть и половину пути, как вражеская пуля сразила его. Падая, он зацепился ногой за стремя, и конь долго тащил связанного по полю. Потом рухнул и конь.

Марат догадался, куда был послан Прокопчук: в семи километрах от Румка стоял отряд имени Фурманова. Фурмановцам было бы удобно зайти немцам в тыл. Но как сообщить им об этом? Мальчик уже хотел было ползти к Орлику, но командир увидел его.

— Марат, немедленно в укрытие!

Пули свистели повсюду. Вдруг Марат услышал, как второй связной сказал:

— Дозвольте мне, товарищ комбриг. Я попробую... Много так наших немец-то покладет. Дозвольте!

Смелчак вскочил на коня и под прикрытием партизан вылетел из деревни. Но... не преодолел смертного поля.

Памятник Марату Казею
в Минске

Уже горели хаты. Из-за дыма Баранову трудно было вести наблюдение. Санитары тащили раненых...

Не спрашивая ни о чем командира, Марат решительно пополз к своему Орлику.

— Подожди, хлопец! — Баранов глянул мальчишке в глаза. Были они не по-детски суровы, но спокойны и решительны. — Береги себя, слышишь? Береги, родной! Скачи прямо, так вернее будет. Мы тебя прикроем... Ну, давай руку.

Протянув руку, Марат почувствовал, как к его горящему лицу крепко прижалась колющая щека, сухие жесткие губы.

Командир с тревогой следил за мчащимся конем. Всадника почти не было видно. Он прижался к конской шее, словно сросся с ней. До спасительного леса оставались считанные метры, когда Орлик внезапно споткнулся. Сердце у комбрига сжалось: «Все!». Но конь во весь дух неся вперед. Рывок! Еще рывок! И всадник скрылся в лесу.

Когда за спиной у гитлеровцев внезапно появились партизаны, их маскарад можно было считать оконченным. Марат выручил боевых товарищей!

Вот что узнал я о Марате Казее.

*

Мне удалось найти наградной лист, в котором разведчик штаба бригады Марат Казей, рождения 1929 года, по национальности белорус, представлялся к награде — медали «За отвагу».

За участие в боевых операциях юный партизан был награжден также медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны I степени. Указом Президиума Верховного Совета СССР Марату Казею посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

В октябре 1958 года в селе Станькове Минской области на родине Марата ему был открыт памятник. На мраморном обелиске написано:

**ВЕЧНАЯ СЛАВА ПИОНЕРУ
КАЗЕЮ МАРАТУ ИВАНОВИЧУ**

**Родился в 1929 году.
Геройски погиб 11 мая 1944 года.**

Каждый год 11 мая пионеры проводят у могилы своего отважного земляка День памяти Марата.

В. МОРОЗОВ

ЗНАМЕНОСЕЦ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЫ

ТАМ ЖЕ ЗНАМЯ!

Не яблоками в садах, не льном, лежащим в валках на поле, не медом и мукой свежего помола пахла осень 1941 года. Ветер нес смрад пожарищ, порохового дыма, раскаленного металла. Гром боев докатился до села Погорельцы на Черниговщине.

В конце августа через село, ведя под руки раненых товарищей, прошла группа красноармейцев.

— Отступают...

Вася Коробко, невысокий крепкий мальчик, молча смотрел вслед отряду, скрывшемуся за околицей.

С другого конца села вползали тяжелые машины с черными крестами на башнях.

— Фашисты!

Внезапно кто-то дернул Васю за рукав.

— Беги! — это был школьный товарищ Иван Кудин.

Мальчики бросились во двор, притаились за оградой.

— Смотри, смотри, к школе отправились...

— Иван! Там же... — Вася мысленно перенесся туда, в школьные коридоры, по которым уже топали кованые сапоги.

Вот гитлеровцы ввалились в учительскую, в библиотеку, подошли к пионерской комнате.

— Там же знамя!

Вася гневно сжал кулаки.

— Гранатами их, гадов! Гранатами!

— Где же они у тебя? — тихо спросил Иван.

— Достанем...

Огородами, левадой Вася подкрался ближе к школе. Вдруг он увидел, как во двор вышел немецкий офицер, держа в руках красное полотнище.

— Это знамя юных большевиков, пионеров, — сказал он окружившим его солдатам.

У Васи колючий клубок подкатился к горлу. Вот это красное знамя он, знаменосец, выносил перед строем своей дружины. Под этим знаменем пионеры села шагали на праздники, на пионерские слеты. И вот Василий сидит за кустом бузины и наблюдает, как враг глумится над красным знаменем... «Нет, не удастся вам, фашисты!»

Вечером гитлеровский офицер сидел в учительской комнате Погорельской школы и писал письмо домой, в город Дрезден. «...Дорогой мой сын Зигфрид! Сегодня мы захватили еще одно украинское село со смешным названием Похарельцы. В школе к нам попало знамя маленьких большевиков, которые здесь учились. Я тебе пришлю это знамя, можешь сделать из него

Вася Коробко

коврик для нашей собачки... Пусть этот подарок напоминает о славных победах твоего отца, верного солдата фюрера».

Но когда офицер поднялся, чтобы вложить обещанный подарок в ящик для посылки, знамени нигде не было. Гитлеровец распекал своих солдат, ругал унтер-офицеров...

Утром моторизованная колонна гитлеровцев двинулась дальше. Неожиданно за селом головной вездеход проломил настил моста и завяз в илистом грунте. На него с разгона налетели задние машины. Ругаясь, фашисты суеились возле мостика. Особенно бесновался офицер: вчера загадочно исчезло знамя, сегодня провалился мост, который вечером осмотрели саперы и нашли его вполне исправным... Лишь Вася знал, куда девалось пионерское знамя и почему провалился мостик...

Весь прошедший вечер Вася из тайника наблюдал за офицером, в руках которого видел знамя. У мальчика родился смелый план: отнять его у врага.

Смеркалось. Офицер заходит в учительскую, садится у стола... Что-то пишет. Рядом — красное полотнище. Вася сжимает в ладони гранату, найденную в окопах за селом. В другой руке — штык. «Главное — мгновенно вскочить в комнату, — обдумывал мальчик. — Немец не успеет опомниться от неожиданности... Удар штыком. Если же не удастся... Тогда...» Вася стиснул гранату. Неожиданно офицер поднялся и вышел. Мгновение — и Вася был в комнате... Красное полотнище оказалось в его руках. Бросились в глаза знакомые слова: «Будь готов!»

«Всегда готов!» — мысленно отвечает Вася и, спрятав знамя под рубашку, исчезает за окном.

А в полночь юный патриот подкрался к деревянному мостику за околицей. Ломом вытащил железные скобы, подпилит сваи... Долго ремонтировали фашисты переправу: почти на целый день задержал их пионер Вася Коробко.

ПИЛОТКА КАПИТАНА

В голубовато-розовом вечернем небе, словно черные молнии, носились самолеты с крестами на крыльях. Со всех сторон наседали они на советский бомбардировщик, который возвращался с боевого задания. Строчки трассирующих пуль тянулись к краснотеловой машине. Советский самолет тоже отвечал пулеметным огнем. Вот его меткая очередь отсекала хвост «мессершмитта». Тот «клюнул» носом и, оставляя дымный след, упал на землю. Через несколько минут вспыхнул и второй вражеский истребитель. Но вот смолк пулемет советского бомбардировщика. Видимо, кончились боеприпасы. На него, как коршуны, набросились семь немецких истребителей.

...Поврежденный советский самолет врезался в деревья старого парка на окраине Погорельцев. К месту катастрофы спешили крестьяне. Одним из первых прибежал Вася Коробко со своим другом Володей Шендрой. Мальчики открыли кабину. Один летчик был без сознания, двое других старались отстегнуть лямки. Все трое были бледные, окровавленные.

— Кто в селе? — еле слышно спросил летчик со шпалой в петлицах.

— Сейчас никого... Немцы пошли дальше...

— Вовка, помогай, — сказал Вася и осторожно положил руку летчика себе на плечи.

— Держитесь за нас, товарищ капитан... — и мальчики начали вытаскивать летчика из кабины.

Подбежало несколько колхозников. Они вынесли из самолета двоих оставшихся раненых.

— Врач нужен...

— Я сейчас, — и Вася стремглав бросился к дому, где жила медсестра Мария Ильюченко.

Благодаря хорошему уходу медсестры Марии, здоровье пилотов улучшалось, раны заживали. Вася тайком от всех носил им в тайник еду, табак, сообщал новости. Были эти новости невеликими.

Фронт уже откатился далеко. В селе обосновались полицейские. Капитан Виктор Петрович Григорьев все чаще переспрашивал Василия:

— Так ты хорошо окрестные леса знаешь?

— Хорошо, дядя Витя...

— Эх, встать бы мне скорее на ноги... Подались бы мы, Василек, к своим.

И это время наступило. Достав из-под стрехи пулемет, который с помощью крестьян капитан снял с разбитого самолета в день катастрофы, летчики ночью покинули село. Огородами и садами Вася вывел их на опушку, рассказал, куда идти дальше.

— Ну, прощай, сынок! — крепко обнял мальчика усатый сержант.

— Разобьем врага — жди в гости, — сказал молчаливый штурман.

А капитан вынул из-за пазухи свою пилотку с красной звездой и вложил ее в Васину ладонь.

— Береги, на память...

И ночь поглотила три крепкие фигуры.

НЕИЗВЕСТНЫЙ «ОХОТНИК»

Васю все время не оставляло желание раздобыть оружие. Вместе с друзьями Иваном Кудиным и Леней Стукало ходил он по полям, продираясь сквозь лесные чащи на места недавних боев. Вася нашел несколько гранат, винтовку, патроны. С тех пор тайком от всех выходил он за село «на охоту». Как только на дороге появлялся гитлеровец, Вася из засады открывал по нему огонь.

Однажды, лежа за кустами, Вася внимательно следил за дорогой. Вдруг там показалась машина с фашистами. Мальчик прицелился. Выстрел, второй — и тут Вася почувствовал, как кто-то сильный схватил его за руку.

— Ну-ка, кончай канонаду...

Человек в пиджаке, с автоматом, внимательно рассматривал мальчика.

— Плохой пока еще из тебя вояка, попался, как муха... — насмешливо произнес он.

Вася рванулся.

— Не дергайся, не дергайся!

Тем временем немцы, рассыпавшись цепью, начали прочесывать кусты.

— Ползи за мной, — приказал незнакомец...

Скоро они добрались до леса. Из-за деревьев выходили вооруженные люди. Вася исподлобья смотрел на них. Заметил на фуражках красные ленты. Радостно екнуло сердце: «Партизаны!».

— Кто такой? — строго спросил мальчика один из них.

— Василий... Коробко... Из Погорельцев.

— Пионер?

— Да. Шесть классов семилетки окончил, — прибавил Вася Коробко, желая этим подчеркнуть, что он уже совсем взрослый.

— Что же это ты: решил сам всех фашистов побить? Не осилишь. А вот все вместе — победим.

В ЛОГОВЕ ВРАГА

В село Вася вернулся с заданием партизанского штаба...

Скоро в Погорельцы прибыл немецкий комендант. Он должен был назначить сельского старосту. Чтобы привлечь вни-

мание жителей, офицер велел поставить на площади патефон и крутить пластинки. Понемногу собирались крестьяне. Вася Коробко тоже пришел. Он до тех пор не отходил от патефона, пока не подсунул своей пластинки. И вот на площади зазвучало:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Вася тотчас же исчез. Немецкий комендант гордо рассказывал вокруг патефона и слушал бодрую мелодию русской песни. К немцу подбежал полицейский и растерянно начал объяснять:

— Господин гауптман, это никс гут пластинка. Ферштеген? Никс гут. — А патефон пел:

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Партизанские отряды
Занимали города.

Василий шмыгал в толпе:

— Кому бумаги на сигарки? — и раздавал партизанские листовки. В них было сказано:

...Наш народ хорошо понимает, что староста — это ставленник и пособник кровавого фашизма, это немецкий шпион, это изменник нашей социалистической Родины и народа. Дорогие товарищи! Ведите решительную борьбу против немецких оккупантов и их приспешников — сельских старост. Пусть знают все те, кто идет служить немцам, кто предает свой народ, что мы уничтожали и будем уничтожать их, как заклятых врагов.

Все чаще действия партизан тревожили фашистов.

Вскоре для борьбы с народными мстителями в Погорельцы прибыл батальон карателей. Вася пришел к офицеру, который командовал эсэсовцами:

— Я хочу вам помогать.

— О! Ти карашо! Ти — гут мальшик! — улыбаясь, сказал довольный немец.

Офицер приказал Васе топить печи, убирать в казарме. Смелый, наблюдательный мальчик скоро уже знал, сколько оружия у немцев, где хранятся боеприпасы, когда сменяются караулы. Все эти сведения Вася оставлял в «почтовом ящике» за селом, возле старого кирпичного завода, откуда их регулярно забирали партизаны.

Как-то Васю вызвал гитлеровский офицер. Он расспрашивал мальчика, хорошо ли тот знает лесные тропинки, не слышал ли чего о партизанах.

— Слышал... И даже знаю, где они.

Осенним туманным утром каратели двинулись к лесу. Колонна полицейских выступила на юг. Немцы должны были окружить партизан с севера.

— Идите прямо до самого болота,— объяснял Вася старшему полицейскому.— Перейдете на ту сторону — и по просеке прямо и прямо.

...Когда полицейские, вымокшие, выбившиеся из сил, перешли болото, их встретил сокрушительный огонь. Это немцы, которым Вася нарочно показал неверную дорогу, в тумане приняли своих помощников за партизан и чуть ли не всех перестреляли.

Сразу же после этого Вася ушел к партизанам.

Темной декабрьской ночью привел он партизанский отряд в родное село. Неожиданно напав на немецкий гарнизон, народные мстители уничтожили свыше 100 фашистов, 9 автомашин, 18 мотоциклов, 2 орудия, склад боеприпасов.

В тот же день в лесу перед строем Вася Коробко давал присягу:

— Я, красный партизан, даю партизанскую клятву, что буду смелым, дисциплинированным, решительным и беспощадным к врагам. Клянусь, что никогда не выдам своих товарищей, всегда буду хранить партизанскую тайну... Я буду до конца жизни верен партии, своей Родине...

ЮНЫИ МСТИТЕЛЬ

Как-то отряд вышел на боевое задание.

Ночью группа партизан-подрывников, в которой был и Вася Коробко, незаметно подошла к железнодорожной насыпи. Мальчик подложил взрывчатку под рельсы. Время шло, а поезда все не было. Рассвело. Партизаны с надеждой прислушивались к каждому звуку. Стояла тишина. Что случилось?

Взошло солнце. На насыпи показался немецкий патруль. Солдаты приближались. Сейчас они обнаружат подрывников в редком кустарнике... Надо немедленно отходить к лесу. И как раз в это время вдалеке послышался стук колес.

Вася лежит в сырой канаве. «Неужели пропустим?» Он представляет себе изрытую окопами линию фронта. Изнемогая от усталости и ран, советские бойцы сдерживают натиск фашистов. Идет неравный бой. И вдруг новые колонны гитлеровских танков поползли на наши позиции... Фашистские летчики, которые сейчас едут в приближающемся эшелоне, будут сбрасывать на наши окопы свой смертоносный груз...

«Нет, подлые убийцы, не будет этого!» — стиснув зубы, думает Вася. Он смотрит на старших товарищей, лежащих рядом. Суровые лица. Полные решимости взгляды. Молчаливый уговор — лучше смерть, чем отход.

Вот патруль уже рядом... И поезд ближе и ближе. Солдаты засуетились, показывая один другому на ивняк под насыпью...

— Получайте, гады! — Вася включил ток. Могучий взрыв потряс все вокруг. Вспыхнули цистерны с бензином, полетели под откос вагоны, танки. Фашисты, спасшиеся во время взрыва, пытались бежать.

СНОВА В ПОГОРЕЛЬЦАХ

Осень вступала в свои права. Она шагала по лесам, стряхивая на землю красные и желтые листья, умывая холодными росами иссеченные пулями стволы деревьев. С курлыканьем летели в теплые края журавли.

«Счастливого вам пути! — мысленно прощался с ними Вася. — Возвращайтесь весной!» И внезапно подумал: «А что будет тогда? Наверное, уже разобьем фашистов. Откроется школа. Ох, и буду же я учиться! Никогда больше учительнице не придется говорить: «А не мог ли ты, Василий, лучше приготовить домашнее задание?»

— В это время у нас начинались уроки, — мечтательно произнес Вася.

— А я на первую смену ходил, — сказал его ровесник Миша Давидович, который чистил винтовку. — Знаете, как я алгебру любил, — и, отломив от куста веточку, начал писать на земле алгебраические знаки. — А ну-ка, кто решит?

Юные партизаны Миша Хавдей и Миша Милевский отложили оружие и склонились над примером.

У командира отряда, который с порога своей землянки наблюдал за детьми, больно сжалось сердце. «Дорогие мои вояки, вам бы сейчас учиться, играть с ровесниками. А вам приходится заниматься вот чем», — он перевел взгляд на винтовки ребят.

— Ну-ка, погляди сюда, Марк, — обратился он вдруг к партизану, который склонился в землянке над картой. Тот выглянул из-за спины командира.

— Как ты думаешь, учитель, — показывая на детей, сказал командир. — Может быть, нам открыть для них школу? Пусть учатся в свободное время.

— Прекрасно, — обрадовался учитель, — я буду с ними заниматься.

Взрослые подошли к пионерам.

— Что, ребята, — сказал Марк Иванович Писаный, — может быть, откроем свою партизанскую школу?

— Вот было бы здорово! — воскликнул Вася Коробко.

А ночью он вместе с учителем Марком Ивановичем вышел на боевое задание. Где-то к полуночи добрались до Васиного родного села Погорельцев. Садами и огородами прошли к одной из хат. Вася постучал в окно. Раз. Еще раз.

К стеклу прижалось бледное лицо мальчика, потом в сенях загремел засов.

— Заходите!

— Вот обещанное! — Вася вынул из-за пазухи книжку. Маленький хозяин Володя Шендра поднес ее к глазам:

— Гри...цева ш...кільна наука,— прочитал он в полутьме. — А где же?..

— На четвертой странице,— подсказал Марк Иванович.

Володя перелистнул несколько страниц и увидел партизанскую листовку.

— Вот так Грицева наука!

— А это по селу расклейте,— Вася подал сверток с листовками.

— Осторожно только, Володя,— предупредил учитель. — Враги коварны. Они следят за каждым нашим шагом. Чуть зазеваетесь — и попадете в ловушку.

— Будьте спокойны, Марк Иванович,— ответил Володя,— наши пионеры не подведут.

И действительно, дети незаметно передавали из дома в дом книжечку «Грицева шкільна наука». А их родители вечерами жадно прочитывали ее четвертую страницу. Долго не могли обнаружить полицейские и листовок. Пионеры наклеили их в колодцах, внутри срубов. Пойдут крестьяне по воду, перегнутся над колодцем и читают партизанскую весточку.

Прощаясь с Володей, Вася сказал:

— У меня к тебе личная просьба. Собери учебники, у кого какие есть. Нам очень нужны.

В эту же ночь постучали и в хату, где жила семья Коробко.

— Кто там? — послышался взволнованный голос Александры Кузьминичны.

— Я, Вася!..

...Мать не находила себе места от радости и волнения. То бежала в кладовку, чтобы принести что-нибудь поесть, то снова садилась напротив сына и, забыв обо всем, всматривалась в родное лицо... У матери оставались недолго, надо было спешить обратно, в лес.

Захватив медикаменты и радиоприемник, смонтированный братом, Вася и Марк Иванович вышли из хаты. Мать проводила их до огородов. Как только попрощались и исчезли в темноте — поднялась стрельба. Затопали сапогами полицейские, побежали мимо хаты к околице. Издалека донеслись взрывы гранат. До рассвета мать уже не смыкала глаз. Утром — скорей к колодцу. А там уже кучка женщин. Только и разговоров, что о ночном налете партизан.

— Говорят, убили двоих,— донеслось до Александры Кузьминичны.

— Кого? — чуть не крикнула она и, чтобы не упасть, схватилась за сруб колодца. — Кого убили?

— Да полицейских.

— А партизаны?

— Ушли.

«ПРИНЯТЬ!»

На лесной поляне собрались молодые партизаны на комсомольское собрание. Секретарь комсомольской организации Мария Скрипка читает заявление Васи Коробко о вступлении в комсомол. Кто-то крикнул:

— Да он еще маленький!

— Зато боевой, — спокойно ответила Мария.

— Кто рекомендует? — спросил один из присутствующих.

Поднялся высокий худощавый юноша, бывший токарь из Москвы.

— Я рекомендовал пионера Василия Коробко. О его боевых делах вы, товарищи, знаете. Правда, последний Васин подвиг еще не всем известен. Считаю своим долгом рассказать...

И перед комсомольцами возникли живые картины прошедшего боя.

Накануне партизанская разведка доложила, что немцы послали против их отряда крупное подразделение полиции. Но ночью народные мстители окружили карателей. По сигналу командира бойцы кинулись в атаку. Захваченные врасплох, полицейские в одном белье выбегали из хат и тут же падали, скошенные пулями. Рассвело. И тут Вася Коробко внезапно увидел, что четверо полицейских тянут за собой станковый пулемет, пробираясь к высотке за околицей. Оттуда село как на ладони.

«Сейчас как врежут с высоты по нашим, — мелькнула у Васи мысль. — Нет, гады, не выйдет!» И он прицелился из автомата. Щелкнул затвор, но выстрела не было. Кончились патроны. Вася выхватил из кармана револьвер. В нем осталось три патрона. Но на таком далеком расстоянии в полицейских не попасть. И Вася побежал за ними.

Один из полицейских остановился, прицелился в мальчика из автомата, но Вася снял его метким выстрелом. Вторым — убил еще одного карателя. В револьвере осталась одна пуля. «В кого послать эту, последнюю?» Оба полицейских внезапно легли на землю и повернули пулемет в Васину сторону. Сейчас свинцовая очередь скосит мальчика.

В это мгновение Вася выпустил третью пулю в наводчика и с кинжалом в руке бросился к последнему полицейскому. Тот не выдержал, вскочил и что было силы помчался прочь. Через минуту он скрылся в густом сосняке.

Забрав станковый пулемет, брошенный полицейскими, Вася вернулся в отряд...

Закончив рассказ, партизан сказал:

— Предлагаю Василия Коробко принять в ряды комсомола!

Поднялся седоусый партизан с орденом Красного Знамени на груди, полученным еще в годы гражданской войны.

— Я тоже рекомендую Васю, — произнес старый коммунист. — Не раз мы с ним ходили на боевые задания. А ну, скажи, Вася, сколько уже эшелонов ты подорвал?

Вася смутился:

— Да... три.

— Слышали?! — усмехнулся довольный партизан. — Так как, по-вашему, дорос он до комсомола?

— Дорос! Принять! — зашумели все.

У Васи радостно забилося сердце. От волнения он даже не слышал, что говорили вокруг. Увидел лишь дружно поднятые руки. Это голосовали за него. И хотя Василию еще не хватало лет для вступления в комсомол, за самоотверженность и храбрость комсомольцы отряда приняли Васю Коробко в свои ряды.

ТРОЕ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

В один погожий осенний день в расположении партизанского отряда приземлился советский самолет, прилетевший с Большой земли. Он привез боеприпасы, оружие, медикаменты. Вместе со своими боевыми друзьями Вася пошел разгружать самолет. Неожиданно он услышал у себя за спиной голос летчика:

— Пилотку мою ты, я вижу, сохранил, Василий Иванович. А вот старых знакомых не хочешь узнавать.

— Дядя Витя! А остальные где?

— Здесь! Здесь! — весело откликнулись и молчаливый штурман, и уса́тый сержант.

Разговорам, воспоминаниям, казалось не будет конца. Но вот командир самолета подал Васе газету.

— Ну-ка, почитай вот тут...

Вася пробежал глазами строки Указа Президиума Верховного Совета СССР. В нем говорилось, что за исключительное мужество партизан Василий Иванович Коробко награжден орденом Красного Знамени.

Шло время. В боях и походах мужал, закалялся Вася Коробко. О юном подрывнике с уважением говорили даже бывалые партизаны. Девять фашистских эшелонов, десять паровозов пустил Вася под откос. Уничтожил около 400 гитлеровцев. За боевые подвиги Родина наградила юного героя орденом Ленина, двумя медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Скоро партизанский отряд, в котором был Вася Коробко, прорвав немецкую оборону, соединился с регулярными частями Советской Армии.

И вот Вася вместе с бойцами своего отряда вступил в родное село. Но недолго пробыл он здесь.

В руинах лежали села, ждали плуга опустошенные поля. Большие задачи стояли перед молодежью. Надо было вос-

становливать народное хозяйство. И Василий решает тоже принять участие в этом деле. Юноши и девушки Полесья избирают его своим вожаком. Он стал секретарем Семеновского райкома ЛКСМУ. С увлечением работал Василий. Но его неудержимо тянуло к боевым друзьям.

— Я не успокоюсь, пока хоть один фашист будет на советской земле, — говорил он.

Василия Коробко направляют во вражеский тыл.

Снова бои и походы. Снова полетели под откос фашистские эшелоны, подорванные рукой Василия.

...Весной 1944 года с группой товарищей Вася отправился на выполнение очень важного задания. Свыше 100 километров прошел маленький отряд, обходя гитлеровские гарнизоны, избегая каких бы то ни было встреч. Шли по земле врага.

Наконец вдалеке заблестела свинцовая гладь большой реки. С противоположного берега через мост день и ночь мчались на фронт танковые колонны, шла пехота, тянулись длинные обозы.

Лежа в кустарнике, Вася разглядывал в бинокль предмостные укрепления. Около дотов в несколько рядов заграждение из колючей проволоки. На ней повешены консервные банки, стреляные гильзы. От малейшего прикосновения к проволоке все это начинает страшно греметь. А у самой воды — минные поля. «Подходов к мосту нет», — определил Василий и вопросительно глянул на друзей. Все молчали. По речке промчались сторожевые катера. «Волну поднимают, как торпедные катера», — подумал Вася.

И внезапно он представил, как по течению мчатся на фермы моста несколько торпед. «А что если и вправду так сделать. Ведь другого выхода нет!» И юноша обратился к друзьям: — Есть план.

Ночью далеко от моста вошли в воду три партизана. Перед собой каждый из них толкал небольшой плот, связанный из сухих веток. На плотках — взрывчатка. Течение подхватило и понесло смельчаков...

Сколько минут плыть? Пятнадцать, двадцать? А что потом?

Они оставят плоты со взрывчаткой под опорами моста, а сами поплывут дальше.

И вдруг над головой ярко вспыхнула осветительная ракета. Что-то хлестнуло по воде рядом с Василием. Послышался треск автоматных очередей.

— Помогите! — глухо прозвучало вблизи. Вася обернулся и увидел плот товарища, одиноко кружившийся по воде. Вася протянул руку, подтащил плот к себе. И в ту же минуту увидел, как пулеметная очередь накрыла второго товарища.

«А я все-таки доплыву. Меня вам не убить!» — упрямо повторял про себя Василий. И он плыл, словно живая торпеда, неся врагу смерть.

Пуля обожгла правое плечо, но Василий еще яростней греб левой рукой. «Доплыву, доплыву!»

Вот уже мост над головой. Прижав плоты со взрывчаткой к одной из опор, Василий зубами выдернул чеку детонатора.

Страшный взрыв потряс стальную громаду моста, — и он с грохотом провалился в черную пасть реки.

Задание было выполнено, но при этом погиб юный партизан, воспитанник пионерской дружины Погорельской средней школы на Черниговщине — Василий Коробко. Память о нем будет жить вечно.

...Пионеры выстраиваются на сбор. Председатель совета дружины командует:

— Дружина, к выносу знамени стоять смирно!

Проходит мгновение... другое... В торжественной тишине звучит ясный голос правофлангового:

— Почетный знаменосец дружины Василий Коробко погиб смертью героя в бою против фашистских захватчиков.

Минута молчания, и внезапно тишину разрывает дробь барабанов, звук горна. Чекая шаг, юный знаменосец в сопровождении ассистентов выносит пионерское знамя, отбитое у врага Васей Коробко. Ветер колышет красное полотнище, и оно, словно неугасимое пламя, реет над пионерским строем как символ бессмертия тех, кто отдал свою жизнь за счастье Советской Родины.

Б. АДАМОВИЧ

САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Черная влажная земля, освободившись от снега, словно дышала. Глубоко, жадно. И от нее поднимался, едва-едва колеблясь, легкий парок.

Ноги, будто налитые свинцом, тяжелые, еле двигаются. Позади долгий ночной переход. Наконец, привал. В лощине, на талой холодной земле, расположилась группа людей.

Тишина... Ох, какая стоит вокруг тишина... И ничто, кроме оружия на коленях, на груди, в руках людей, не напоминает сейчас о войне. Партизан никогда не расстаётся с оружием. Ест, спит — оно всегда при нем.

В центре кружка ладный, крепкий паренек. Это — Миша Глазок. К нему прикованы сейчас все взгляды.

Мальчик не заполнял анкет, не писал заявлений. Просто подошел к комсorghу Марии Коваленко и сказал: «Хочу быть комсомольцем».

И вот идет заседание комсомольского бюро.

— Год рождения?

— 1928-й...

Кто-то интересуется образованием, социальным происхождением. Его обрывают: «Спрашивай по существу!...»

— Хорошо ли стреляешь?

— Стрелять умею,— скромно отвечает Михаил.

Ненависть к врагу сделала его глаза зоркими, а руку твердой. Не в учебные мишени, в фашистов надо попадать в бою. А мальчик был уже не в одной горячей стычке партизан с врагом.

— Хорошо стреляет,— уточнил кто-то из присутствующих.

— Кем хочешь быть?

Если бы год назад этот вопрос задали ему, ученику седьмого класса Ключовской школы, он, наверное, немного растерялся бы и не сразу ответил. Ему хотелось стать художником, передавать на полотне красоту родной земли. Или подняться над ней высоко-высоко и, держа в руках штурвал самолета, увидеть бескрайние поля, леса, крохотные квадратики зданий и синюю змейку реки. А часто в мечтах видел себя в форме пограничника у полосатого столба с надписью «СССР». И трудно было отдать предпочтение чему-нибудь одному, остановиться на чем-то окончательно.

Теперь колебаний не было. В каждом деле есть специальность самые сложные, самые трудные, а потому и самые почетные. Среди партизанских — это разведчики и подрывники. Михаил видел, каким авторитетом пользуются эти смельчаки, слышал рассказы об их бесстрашии. Когда в отряде появлялся двадцатилетний Володя Павлов, высокий, подвижный, веселый, мальчик не сводил с него восхищенных глаз. Он знал, что не одного-двух фашистов, а многих захватчиков и гору фашистской техники сразу, только за одну удачную операцию, может уничтожить подрывник.

Вот почему сейчас на вопрос, кем он хочет быть, Михаил ответил твердо и уверенно:

— Подрывником.

Четырнадцатилетний мальчик понимал, что его долг — быть там, где труднее, опаснее.

Проголосовали.

— Теперь держись, чтобы никто тебя и не заподозрил в трусости...

Это было и поздравлением, и напутствием одновременно.

Вскоре в партизанский «университет» подрывников был зачислен мальчик, который еще не вырос из пионерского возраста.

Не за партой проходил науку вчерашний школьник. Учился читать рельеф местности, в темноте ночи успешно решать уравнения со многими неизвестными, чертить смертоносные для врага узоры под железнодорожной колеей.

Вместо школьного ранца, юный подрывник нес на себе по восемь — десять килограммов тола, — иногда 10—12 километров от партизанской базы до места запланированной диверсии.

Вспомните, как трудно иногда бывает спокойно и сосредоточенно высидеть за партой 45 минут урока. Непоседливый и подвижный, как все в четырнадцать-пятнадцать мальчишеских

Миша Глазок

лет, Миша терпеливо и безмолвно, порой под обстрелом, часами выжидал под носом у гитлеровцев благоприятного момента для минирования. Рукам, которые могли бы на уроках физики собирать интересные электрические схемы, пришлось подключать детонаторы к шашкам взрывчатки.

На железнодорожных участках Ковель—Сарны, Брест—Пинск сдавал «экзамен на зрелость» подросток Михаил Глазок, а не в стенах школы.

Уже на равных с Володей Павловым и другими признанными мастерами подрывного дела выходил Миша на боевые задания. Номером первым. Это значит, он делал самую опасную работу. Он отвечал за качество минирования. На его личный счет заносили результаты диверсии.

Вот как описал свой первый самостоятельный выход на минирование М. Глазок: «...Я и мой второй номер Михаил Шкут притаились в ста метрах от насыпи в ожидании установленного времени для начала работы. Чувствую, что волнуясь, но не хочу этого показать Михаилу: волнение — враг подрывника. Вижу, что Шкут тоже нервничает. Прижавшись к земле, он лежит рядом со мной и сдержанно посапывает, когда я скашиваю глаза в его сторону. Время истекло. Я подал Михаилу сигнал, и мы бесшумно поползли к насыпи... Пробежав по шпалам несколько метров, присели и взялись за работу.

Михаил расстелил плащ-палатку между рельсов, лег на нее и начал рыть под шпалой яму. Я, стоя коленями на шпалах, чтобы не оставлять следов на земле, внимательно готовил механизм мины.

Подготовительные работы приближались к концу, когда со стороны будки вспыхнул пламегаситель немецкого пулемета-универсала, и над нашими головами просвистели трассирующие пули. В небо взвилась ракета. От ослепительного

света все вокруг заколебалось, яркие блики забегали по земле. Когда ракета погасла, я поднял голову: впереди непроглядная тьма с одиноким огоньком в будке. После вспышки ракеты он казался совсем бледным и далеким. Пулеметная стрельба повторилась в том же направлении, только дальше. Было ясно, что кто-то из подрывников обнаружен охраной. Нельзя терять ни минуты, надо закончить установку мины.

Стрельба слева не прекращалась — там завязался бой. Пользуясь суматохой, мы быстро работали. Наступил самый ответственный момент — установка детонатора. Я поставил МЗД на десятикилограммовый заряд тола, отвел детонатор в сторону и подсоединил к концам электрической цепи. Если механизм смонтирован неправильно, в эту минуту детонатор должен взорваться. Но все обошлось благополучно. Детонатор установлен в заряд.

Шкут начал засыпать яму. Все готово. Я достал из кармана маленькую метелочку, связанную из травы, отцепил от пояса флягу с водой и, дождавшись, когда Шкут положит на место верхний слой земли, принялся маскировать мину. Установка мины закончена. Миша взвалил на плечи плащ-палатку, в которую была завернута оставшаяся земля. Чтобы запутать следы, прошли по шпалам метров 70—80 вдоль линии, потом бесшумно скатились с насыпи и только там, в лесу, высыпали остатки земли».

На этой мине подорвался вражеский эшелон, пошел под откос с фашистами и техникой. Он был записан на личный счет юного подрывника Михаила Глазка.

А потом еще восемь эшелонов и, кроме того, участие в многочисленных диверсиях в качестве второго номера.

За мужество и героизм, проявленные юным партизаном, он был награжден орденом Ленина.

И все-таки был случай, когда возраст едва не подвел Михаила, хотя он и успел немного подрасти.

«Дети до 16-ти лет не допускаются...» Нет, не в кино...

Фронт подходил к государственной границе. Партизанское соединение, в рядах которого был М. Глазок, расформировали. Но Михаил не вернулся домой, хотя и мог это сделать. Он пошел в группу парашютистов-десантников, которую готовились забросить во вражеский тыл за пределами нашей Родины.

И надо же случиться такому! Перед самой отправкой медики пришли к заключению, что несовершеннолетнему нельзя прыгать с парашютом. Тем более — в тыл врага...

Но в военное время, кроме заключения врачей, было и другое — более сильное — зов своего сердца, которое не могло биться спокойно, пока шел бой с фашизмом, выводы собственного разума, который подсказал, что делать.

Среди смельчаков-десантников, заброшенных в глубокий тыл врага, был и шестнадцатилетний Миша Глазок. Там, в Сло-

вакии, он стал командиром отдельного взвода, в котором бойцами были разведчики, по возрасту годившиеся ему в отцы. Снова туда, где труднее всего, где опасней всего...

*

В Ключовской школе на Черниговщине есть музей. Там среди других экспонатов — небольшая книжка «Лесные солдаты». Ее написал инженер одного из харьковских предприятий Михаил Максимович Глазок, бывший ученик школы. Это автобиографический рассказ о том, как мужали мальчишки в грозные военные годы.

«В Киеве мы сдали на склад свои автоматы и пистолеты, с которыми прошли тысячи километров по тылам врага. Но самое сильное, самое верное и безотказное оружие осталось с нами на всю жизнь. Это оружие на склад не сдается. Имя ему — любовь, любовь к родной Советской земле», — такими словами заканчиваются записки партизана.

Г. ЛИТВИНОВА

«НЕ ПОДВЕДУ ТЕБЯ, КОМИССАР!»

Тревожной декабрьской ночью сорок второго года начальник разведки отряда имени Щорса номер два Геннадий Мусиенко привез из села Соловьяновки небольшого мальчика. Мальчик был очень худой, одежда висела на нем, как на вешалке, в больших голубых глазах застыла тоска.

Партизаны начали было расспрашивать новичка, но Мусиенко не позволил.

— Не трогайте его! — строго сказал он. — Горе у человека, а вы с разговорами...

И тихо добавил:

— Отец его еще до войны умер. А мать вчера каратели расстреляли. Сирота.

С этой ночи Володя Казначеев стал сыном отряда...

Вышло так, что беспокойная партизанская судьба занесла в это время и меня в отряд имени Щорса номер два.

Комиссар отряда Аким Захарович Михайлов с первого дня появления Володи Казначеева взял его под свою опеку. И если отряд имени Щорса стал для Володи семьей, то комиссар — отцом. Не то чтобы особенно и баловал его. Аким Захарович был суровым, немногословным. Очень высокий, худощавый, в шинели, перетянутой накрест двумя тонкими, потрескавшимися ремнями, он чем-то напоминал комиссаров гражданской войны. Такому человеку не солжешь, не покривишь перед ним душой. Любимчиков комиссар не терпел. А случится беда — он всегда рядом.

Володя Казначеев

Летом сорок третьего во втором отряде имени Щорса, как и во всех других отрядах нашего партизанского соединения, был сформирован взвод подрывников. Узнал об этом и Володя. Пошел к командиру подрывников, попросил:

— Возьмите и меня.

Но командир был чем-то занят. Отмахнулся от мальчика.

— Тоже подрывник нашелся! Сиди в лагере да щи хлебай!

Володя чуть не заплакал от обиды. К этому времени он уже возмужал, окреп. Принимал участие во многих боях, которые вел отряд.

К тому же Володя, родившийся в Брянском лесном краю, с колыбели знал лес, понимал его таинственные письмена: читал следы, как книгу с крупным шрифтом, в темную ночь мог найти дорогу. Он безошибочно определял, какая ветка треснет, а какая согнется бесшумно, умел развести костер в любую погоду, соорудить из коры шалаш. Словом, к этому времени Володя Казначеев стал настоящим партизаном.

Подозрительно пошмыгивая носом, пришел он в штаб к комиссару. Аким Захарович выслушал его путаное объяснение, помолчал минуту. Потом спросил:

— Твердо решил стать подрывником?

— Твердо, товарищ комиссар.

— А знаешь, какая работа у подрывника? У каждого партизана смерть за плечами стоит, а у подрывника — сразу две. И от вражеской пули, и от собственной мины. Справишься? Не подведешь?

— Не подведу. Честное пионерское.

Так Володя стал подрывником.

Он сказал правду — не подвел своего комиссара.

Железную дорогу Ковель—Брест, на которой действовал отряд имени Щорса, гитлеровцы охраняли особенно тщательно:

она шла вдоль фронта и по ней перебрасывали живую силу, технику с одного направления фронта на другое. Почти на каждом километре железной дороги был дот или дзот. Некоторые участки обнесли колючей проволокой и освещали прожекторами. Через каждые полчаса по линии проходил патруль, проезжали вооруженные пулеметами дрезины. По обеим сторонам железной дороги лес был вырублен, а из поваленных стволов сделаны завалы.

Словом, и комиссар отряда, и командир, и его заместитель по диверсионной работе сначала не решались посылать Володю на самостоятельное задание: слишком еще мал был мальчик. Но Володя не терял времени. Он оказался одним из лучших слушателей «лесной академии» — кратковременных курсов, на которых готовили подрывников.

Как раз в это время подрывники осваивали новую технику — мину МЗД-5, которую только что прислали с Большой земли. Это была мина особой конструкции, ее можно было установить и на полчаса, и на четыре месяца. Все это время по тому месту, где была установлена мина, свободно могли ходить поезда. А когда наступал срок и мина «дозревала» — она внезапно взрывалась под первым же поездом.

Если поставить несколько десятков таких мин с разными сроками замедления, то «дозревание» происходит каждый день — под откос летят вражеские эшелоны. Поспевай лишь восстанавливать колею! Фашисты сбивались с ног в поисках диверсантов, а их и след простыл — уже ставят мины совсем в другом месте.

Новая мина, в отличие от старых, какими подрывники пользовались до этого времени, была гораздо сложнее и «норовистей». И научиться ставить ее было не очень-то легко. Однако Володя изучил эту мину так, что мог с завязанными глазами, на ощупь, собирать ее, ставить, подключать капсюль-детонатор, вытаскивать предохранитель. Поэтому командование отряда решило поручить ему самостоятельно ставить мины. И не ошиблось.

Далеко не всем диверсионным группам удавалось добраться до железнодорожного полотна, поставить мину, «принести эшелон», как шутя говорили подрывники. Но группа, с которой ходил Володя, неизменно возвращалась с удачей. И даже комиссар Аким Захарович Михайлов, вообще скупой на похвалу, однажды после возвращения Володи с очередного задания похлопал его по плечу, обнял и тихо сказал:

— Молодец!

Накануне 26-й годовщины Великого Октября комиссар Михайлов поехал в центральный лагерь соединения и взял с собой Володю, который к тому времени пустил уже под откос не один вражеский эшелон. Комиссар хотел, чтобы Казначеев сам рассказал командиру соединения, секретарю подпольного Во-

лынского обкома партии Алексею Федоровичу Федорову о своих успехах.

Дорога от места расположения отряда имени Щорса до центрального лагеря не близкая. Но она хорошо знакома была всем, кто ехал вместе с комиссаром и Казначеевым. Хоть и знакомая, но кто его знает, что тебя ждет впереди! За каким поворотом, за каким кустом притаился враг? Что кроется за тишиной партизанского леса? Потому и двигался отряд осторожно.

Впереди верхом на коне — Володя Казначеев. Проскачет немного вперед, посмотрит, что там за пригорком или за поворотом, и махнет тем, кто позади: мол, порядок, дорога свободна.

Сегодня Володе все по душе. И то, что у него за спиной новенький автомат, и не какой-то немецкий «козел», а настоящий ППШ, который ему вручили, как одному из лучших диверсанта. И то, что комиссар доверил ему коня. И что сам он, Володька, в разведке впереди. И, наконец, то, что до Любешова уже недалеко, а в Любешове расположена партизанская застава и, следовательно, конец походу. А сегодня шестое ноября, и выходит, что праздник Октября он, Володька, будет встречать в центральном лагере... Одного лишь не знал Володя, что на околице Любешова его подстерегала беда.

За одним из поворотов Володя внезапно увидел вооруженных людей. Их было довольно много, они стояли и сидели на обочине, спокойно поглядывая на приближавшегося к ним Володю. Рядом кони щипали осеннюю траву. Володе и в голову не пришло, что здесь, возле партизанской заставы, мог очутиться враг. «Ребята из кавэскадрона», — решил он.

— Иди-ка сюда, друг! — крикнул Володе какой-то здоровенный парень, поднимаясь на ноги. Казначеев взглянул внимательно и замер: на белой папахе чернел трезубец — эмблема бандеровцев.

В голове лихорадочно заметались мысли: «Как быть? Скакать назад? Мигом подстрелят. Метнуться направо или налево, в кусты? А комиссар? А остальные? Нельзя — попадут прямо в руки врагам... Как же быть?»

— А ну-ка, давай, пошевеливайся! — крикнул здоровила, поднимая винтовку. Бандит, очевидно, тоже рассмотрел красное партизанское лычко на фуражке Казначеева.

— Иду, иду! — откликнулся Казначеев, осторожно высвобождая ноги из стремян. — Но!..

Резким движением Володя прыгнул с седла и распластался на земле. Бандит запоздал на мгновение — его пуля просвистела в воздухе. Вторая свалила коня, и он с жалобным ржанием тяжело упал на колени. Володя в ответ ударил длинной очередью из автомата и короткими перебежками, петляя среди кустов, побежал к своим. Вдогонку ему застрочил пулемет, рванула граната... Но главное было сделано — комиссар и командир отряда, услышав выстрелы, сразу свернули с дороги. Если бы не

Володя, они через несколько шагов очутились бы в руках врага...

Я рассказал лишь несколько эпизодов из Володиной жизни. Но, может быть, и этого довольно, чтобы понять, как мы все обрадовались, когда в День Победы узнали, что Володя отмечен высокой наградой Родины — орденом Ленина.

Бывают такие люди, которые с первой же встречи и на долгие годы остаются главными в твоей судьбе. В жизни Володи таким человеком стал комиссар Михайлов. Они и после войны не разлучались. Володя приехал в Херсон, где Аким Захарович стал заместителем председателя горсовета, и поступил в мореходное училище.

Пока учился, жил у комиссара, расставаясь лишь на время учебных плаваний. Вместе гуляли они после работы, вместе ходили на охоту и на рыбалку.

Шли годы. Давно отгремели бои в партизанских лесах. Нет уже в живых Акима Захаровича. Владимир Петрович Казначеев стал морским инженером. Но и теперь, когда он берется за сложное и трудное дело, когда ему что-нибудь не удастся, он вспоминает Акима Захаровича Михайлова и говорит себе: «Нет, не подведу тебя, комиссар!»

И становится легче. И отступает беда. И трудное не кажется трудным.

В. ПАВЛОВ.
Герой Советского Союза

СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Каждый раз, когда поезд приближается к Киеву, сердце Адели Николаевны на мгновение замирает, и что-то теплое и трепетное перехватывает дыхание. Волнуется, будто вот-вот увидит дорогого, близкого человека, встреча с которым всегда — счастье. Она идет киевскими улицами, спешит, озабоченная серьезными делами, — и все равно ее не покидает это удивительное чувство. Словно идет на свидание.

Города чем-то похожи на людей. У каждого свой неповторимый облик, свой характер. Страницы жизни любого человека всегда неразрывно связаны с биографией городов и сел. Жизнь сплетается с историей города, сливается с героической биографией народа, Родины.

Поэтому каждый приезд в Киев для Адели Николаевны — это встреча с милым далеким детством. Это — вспышки страшных, как взрывы бомб, воспоминаний о том, что вмиг оборвало его. Это — свидание с послевоенной юностью, трудной и прекрасной, со светлыми мечтами и надеждами, которые осуществились, которые сбылись.

«ХОЧУ БЫТЬ ВОЕННОЙ...»

...Адель Николаевна выходит на привокзальную площадь. И словно видит... Одиннадцатилетняя Аделька, чернявая маленькая девочка, вместе со своим пионерским отрядом пришла сюда, где уже собрались тысячи пионеров.

Кастилия... Астурия... Бискайя... Каталония... Совсем недавно это были просто красивые, звучные, непонятные слова. Теперь — не так. Не из учебников узнала третьеклассница, где течет река Эбро, и не на уроке услышала такое трудное и длинное название — Торрехон де ла Кальсада.

Сколько раз поздно вечером, перед сном, она расстилала на полу комнаты большую карту и всматривалась в каждую точку, черточку, кружочек. Разве она так далеко, эта Испания?.. Как добраться туда?.. В трюме парохода? А может быть, пойти пешком?.. Там бьются с фашистами мужественные, свободолюбивые, героические люди. Им нужно помочь!

Маленькая пионерка брала отцовскую «Правду» и искала, что там написано об Испании.

«В деревне Рамбла, в провинции Кордова, фашисты убили камнями на деревенской площади всех жен антифашистов. Матери падали с младенцами на руках...»

Она читала эти строки, сжимая кулачки, и не думала, что через несколько лет своими глазами увидит такие же страшные картины на родной земле.

Тогда она не могла даже представить, что пушки Круппа, которые расстреливали Мадрид, станут бить по Киеву, а смертоносные «юнкерсы», сбрасывающие бомбы на беззащитных испанских женщин и детей, разбомбят эшелон, в котором будет ехать ее мать с маленькими сестричками.

Всем своим существом девочка стремилась быть в рядах бойцов, сражавшихся против фашистов, мечтала быть вместе с республиканцами Испании. Она не знала тогда, что скоро уже не в мечтах, а в действительности будет сражаться с фашистами.

А сейчас киевские пионеры встречают черноглазых испанских детей. У Адели глаза тоже темные-темные. Но в них еще нет отблеска войны, как у Пепиты, Люсии, Карменситы и других девочек, которых спасла от страшной опасности, приглубила Советская страна. Сегодня Адель радуется приезду детей республиканцев в Киев и кричит вместе со всеми: «Салют! Вива Испания! Но пасаран!»

...Адель Николаевна идет по улице Горького. Как все изменилось вокруг! Но и среди новых высоких зданий ей нетрудно отыскать памятную тропинку и сказать ей: «Здравствуй!» У каждого советского мальчика или девочки была и есть такая тропинка. Иногда — в несколько шагов, бывает — и в километры длиной. По асфальту или по земле, в разные годы, но всегда в один и тот же сентябрьский день впервые меряют ее длину

Адель Литвиненко

маленькие ноги семилетнего человека. И с того дня ходят по ней почти ежедневно. От дома — до школы. До тех пор, пока эта тропинка не выведет на широкую жизненную дорогу.

В годы, когда пионерка Адель бегала по этой тропинке в школу, одноклассники почему-то называли ее... Леваневским. Почему? Кто знает... Леваневский был одним из семи летчиков, которые за спасение челюскинцев первыми в стране были удостоены звания Героя Советского Союза. Адель никогда не мечтала стать летчицей. И разве мог тогда кто-нибудь пред-

видеть, что их школьная подруга, девчонка, которая могла порой и всплакнуть, в будущем тоже, как Леваневский, будет удостоена высшего отличия — Золотой Звезды — и люди назовут ее Героем.

Челюскинцы. Папанинцы. Стахановцы. Пятисотенники. Ими восхищались и взрослые, и дети. В детстве Адель собирала в заветную папку вырезки из газет и журналов, фотографии героев-орденоносцев, рассказы об их жизни.

«Как они стали такими? — не раз думала пионерка и приходила к заключению: — Это совсем особенные люди!..»

Однажды в журнале «СССР на стройке» встретился ей очерк о женщине-танкисте. «Значит, можно стать военной, как отец», — обрадовалась Адель. Портрет Нины Пыжовой не попал в папку. Он украсил стену над кроватью девочки, а женщина-танкист стала воплощением ее мечты.

«Я обязательно буду военной», — решила Адель. И не знала тогда, что путь к исполнению заветного желания будет неожиданным и кратким.

...Красивая чернявая женщина идет по улицам Киева. Ничто не напоминает в ней военного человека. Вспоминает: «Уже 22 июня 1941 вот здесь упали первые бомбы. Я тогда была такой... как эти девчушки...» Темные глаза приветливо и ласково смотрят на стайку школьниц с красными галстуками. А воспоминания уносятся дальше... И внезапно их перебивает вопрос. Смешной и неожиданный:

— Извините. Скажите, пожалуйста, это — вы? Я вот говорю, что это вы, а они не верят... — смущенно и путано спрашивает девочка, одна из тех, что сейчас пробежали мимо нее.

Выручает подруга. Добавляет:

— Ваша фамилия Литвиненко? Вы работаете на прокатном стане?..

Ее узнали. Так было уже не раз. Много писем приходит и в Макеевку. С предельно кратким адресом: «Герою войны и труда». Особенно от пионеров. Теперь уже они вырезают из газет и журналов портреты Адели Николаевны. И, как она когда-то, считают: «Это — особенный человек!» А разве не так?

С пятнадцати лет на фронте. В восемнадцать у нее уже три ордена Красной Звезды. Имела четыре ранения, и все же после войны по комсомольской путевке поехала на восстановление Донбасса. Хотя была инвалидом I группы, сумела вернуться к труду. Стала оператором прокатного стана. И работала так, что заслужила звание Героя Социалистического Труда. Коммунисты послали ее делегатом на XXIV съезд КПСС. Избиралась депутатом Верховного Совета УССР нескольких созывов. Вот какой это человек!

Но мальчикам и девочкам очень важно знать, какой она была в детстве, когда носила красный галстук, и ни один человек еще не знал, что Адель станет героем.

ПОДАРОК

...Адель Николаевна останавливается у витрины с детскими игрушками. Что же ее тут так заинтересовало? Сын Женя уже вырос, из армии вернулся. В куклы не играет. А она рассматривает именно их. Особенно одну, голубоглазую. Похожа... Ох, как похожа на ту... Наверное, тоже говорит: «Ма-ма» и глаза закрывает и открывает.

Как ей тогда самой хотелось жалобно протянуть: «Ма-а!» Позвать маму, чтобы приголубила, пожалела.

— Мамочка, где ты? Что с тобой, с сестричками? Куда вы пропали, когда я побежала за кипятком? Говорят, эшелон разбомбили. Неужели я тебя не увижу никогда-никогда?..

Ноют раны. Маленькая, раненая, она лежит на госпитальной койке. Больно. А слез нет.

Уже позади бой. Ее первый настоящий бой с фашистами.

Две гранаты на поясе — вот и все оружие связного Юрки. Так назвал девочку командир батальона, подобравший ее на железнодорожной колее. Тогда он строго предупредил:

— После боя поедешь к моим родителям, а сейчас некогда с тобой возиться. Начинается наступление. Наступление! Наконец-то наступление!

— Будешь связным, — приказал капитан Панкратов, когда батальон занял исходные рубежи.

Маленький, юркий, как ящерица, связной с приказами комбата пробирался окопами и траншеями к командирам рот. Тотчас возвращался с донесениями. Ловкими руками чинил поврежденный телефонный кабель.

Совсем близко враги. Их надо прогнать, выбить из Ростова.

— Вперед!

Выскачили из окопов. «Впе-е-ред!» И побежали. Строчили пулеметы. Взвизгивали мины. Свистели пули, как в знакомых с детства кинофильмах про войну. А из-под сапог летели, как камни, комья грязи, скованные морозом.

Адель бежала вместе с красноармейцами. Спотыкалась. Путалась ногами в длинных брюках, которые где-то раздобыл для нее старшина. Сковывала, стесняла движения тяжелая шинель. А она бежала. Падали, как подкошенные, люди. Но никто не останавливался. Девочка с ходу перепрыгнула через что-то неподвижное в серо-зеленой шинели. Фашист! Убитый!.. Таким она впервые увидела врага. Не испугалась. А еще быстрее побежала вперед.

Гнать, гнать их прочь! Бить! По-настоящему страшно стало не тогда, а потом, когда Адель увидела на отбитых у оккупантов улицах Ростова виселицы и маленькие неподвижные тельца замученных детей. Ох, жути!

На территории завода «Ростсельмаш» шел яростный бой.

— Юрка! А ну-ка, скорей патроны!

Адель подносит их. И вдруг — вспышка, ослепительная, как молния. Что-то полоснуло по ноге, словно кто-то дал подножку. Упала, и в это мгновение обожгло руку. Пополз туман... и почему-то прекратилась стрельба. Скорее почувствовала, чем увидела: кто-то наклонился над ней, что-то сказал...

Очнулась — вся в бинтах. Запах лекарств. Справа и слева бледные незнакомые лица.

Открылись двери — радость какая: капитан Панкратов и Володя Савицкий. Пришли, словно к дочке и сестричке.

— Здравствуй, Аделька! Поправляйся скорей. Ты же именинница через два дня. Хитрая! В день Октябрьской революции родилась. Все празднуют твой день рождения. Поздравляем с двадцать четвертой годовщиной Октября. Теперь ты — настоящий воин Красной Армии. Приняла боевое крещение. Вот тебе... — и капитан Панкратов вручил Адели красноармейскую книжку.

А сержант Володя протянул ей большую куклу:

— Это тебе подарок в день рождения от нас всех.

Никогда в детстве у девочки не было такой красивой игрушки. К тому же кукла говорила: «Ма-а», закрывала и открывала глаза.

Адель поблагодарила, радостно улыбнулась. Прижала ее здоровой рукой к себе и подумала: «Спасибо, дорогие! Ближе вас никого у меня сейчас нет. Спасибо за внимание, за ласку. Вот куклу принесли — думаете, что я еще ребенок... А я ведь и вправду совсем недавно была ребенком, школьницей. И такой чудесной кукле очень бы обрадовалась. А сегодня смотрю на нее, а думаю совсем о другом... Перед глазами — виселицы в

Ростове и расстрелянные ребяташки, чуть побольше этой куклы... Они уже никогда не откроют глаза и не скажут: «Мама». Какой же взрослой я теперь стала! И какой мне надо быть сильной... Я постараюсь... Я уже не плачу. И красноармейской книжке обрадовалась больше, чем кукле... Как в ней написано? Литвиненко Адель Николаевна, красноармеец. Это я теперь — красноармеец, солдат!..»

Это было 5 ноября 1941 года. Седьмого ноября Адели исполнилось пятнадцать.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

...Девочки-школьницы в синих, малиновых, белых резиновых шапочках прыгают в воду и плывут, догоняя друг дружку. Вода в бассейне, прозрачная и чистая, отликает бирюзой. А на ней вспыхивают и играют отблески солнца. Красиво!

Не могут воспоминания всегда, неотступно, как тень, ходить за человеком. Бывают и такие минуты, когда человек просто радуется жизни — солнцу, небу, красоте. Как сейчас.

— Адель Николаевна, вы плавать умеете?..

Кивнула головой и снова засмотрелась на девчат.

И не вспомнила, что ей уже пришлось однажды услышать такой вопрос.

...Трудно было разобрать, услышать слова в грохоте жаркого боя. Со всех сторон, лязгая, фыркая, гремя, ползут огромные неповоротливые чудовища, закованные в броню. И, как пасти сказочных страшных чудовищ, жерла орудий изрыгают огонь и дым. А сверху, над головой, свирепо воют десятки моторов. И... взрывы, взрывы, взрывы. Сверху, спереди, со всех сторон...

А маленький плацдарм на переправе держится. Он еще наш, наш! За него будут биться до последнего дыхания те, кто еще может стрелять... Вот тогда и прозвучал вопрос:

— Ты плавать умеешь? — и комиссар полка приказал Адели переплыть на левый берег Дона.

Не яркая резиновая шапочка, как у этих девочек, а тяжелая металлическая каска была тогда на голове юной пловчихи. А под ней — донесение, написанное комиссаром. О том, как отчаянно, до последнего дыхания бились с врагом, какие тот понес потери. И фамилии самых отважных, представленных к наградам.

Не веселые солнечные зайчики, а всплески от пуль танцевали на воде. Рывок, еще рывок из последних сил — и вот уже твердая земля под ногами. В пакете, доставленном в штаб Аделькой, была и ее фамилия. За отвагу в бою, за переправу близ донской станицы девочка получила тогда первый орден Красной Звезды.

СНОВА ЗА ПАРТОЙ

...А на этой улице в 1944 году была 45-я киевская женская школа. В один октябрьский день среди сотен девочек в платьях появился старший сержант — в шинели, брюках и гимнастерке. На гимнастерке горели три ордена Красной Звезды. Старший сержант сел на свободную парту в восьмом классе.

Все с любопытством рассматривали новичка. Короткая мальчишеская прическа. А глаза... Такие бывают только у украинских девчат — «темні, як нічка, ясні, як день». И где-то в глубине притаившаяся сдерживаемая боль. Адель не могла, как ее новые подруги, выпорхнуть во время перемены на школьный двор или взбежать на третий этаж, где был ее класс. Ведь не так много дней прошло с тех пор, как еле живую девочку с перебитым позвоночником вытащили из-под артобстрела.

И не беда, что приходится время от времени лежать в постели. Главное — она ходит. Пусть с палочкой, прихрамывая, но самостоятельно передвигается. Говорят, после такого ранения — это просто чудо. И никто не знал, как трудно бывает сержанту высидеть сорок пять минут урока.

Увидев пустое место за ее партой, одноклассницы молча переглядывались. Понимали: опять лежит. У чужих людей. Отец погиб. О матери до сих пор ничего не известно. А сама — инвалид. Что же делать? Значит, лежать в постели, пить лекарства и ждать, когда отступит боль, когда станет легче?! А время идет. Адели уже восемнадцать, а она только в восьмом классе. Три года на фронте, многое забыла, хотя училась до войны хорошо.

Холодно... Электролампочка, словно тлеющий фитилек. Еще не на полную мощность работает электростанция. В городе затемнение — война еще не закончилась. Но близка победа. А она уже отовоевалась. Но отдыхать нельзя. Не то время. Не тот характер. Бойцы не сдаются никакому врагу, даже когда этот враг — собственная беспомощность.

Адель ни за что не бросит учебу. И на восстановление Крещатика выйдет вместе со всеми. Еще и на танцы пойдет — вот увидите! А потом, возможно, станет геологом. В помещении школы находится геологоразведочный техникум. Вот окончит его и будет лазить по горам, ходить по тайге, искать полезные ископаемые... Надо только не терять времени. Скорее окончить школу.

И она сидит над книжками. С утра до вечера. Без выходных. За неполный учебный год оканчивает восьмой и девятый классы.

День Победы Адель встречает уже десятиклассницей.

Детство далеко-далеко. А пионерский галстук с ней. Герой Социалистического Труда Адель Николаевна Литвиненко — почетная пионерка нескольких отрядов и дружин, носящих ее имя. В Алма-Ате и Тирасполе, в Макеевке и селе Навария на Львовщине, в городе Зубцове Калининской области, в Ростове, в Бузулуке — во многих городах и селах живут ее хорошие друзья — юные пионеры.

Тысячи писем, множество вопросов приходят в ее адрес.

Адель Николаевна не в состоянии всем ответить — приходят на помощь радио и телевидение. О ней снят фильм, написано немало строк в газетах и журналах, советских и зарубежных. А дети хотят знать о ее жизни все новые и новые подробности.

Биография ее проста и вместе с тем незаурядна.

Во время войны была прекрасным солдатом. В мирные дни стала замечательной работницей. Всегда с увлечением, на совесть делала то, что нужно было Родине. Людям. А значит, и ей самой. Защищала родную землю, училась, работала в полную силу, не жалея себя.

Г. ЛИТВИНОВА

ВОДРУЗИЛ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Боря учился в семилетней гомельской школе, когда началась война против фашистской Германии. Фронт приближался к родному городу. В доме Цариковых разместились советские командиры. Мальчик все время был с бойцами, выполнял их поручения, вместе с ними изучал военное дело. Смышлениый, проворный, он быстро научился пользоваться оружием, ставить мины, маскироваться.

Бои шли уже на подступах к городу. Отец мальчика, опоясавшись пулеметной лентой и взяв в руки винтовку, ушел на передовые позиции. Вскоре пришла весть о его гибели. В город ворвались оккупанты. Как-то раз, когда Боря лазил по обвалившимся окопам, разыскивая тело отца, гитлеровцы забрали мать и младшего братика Толю.

Боре удалось бежать в село к деду. Он начал помогать ему в кузнице. Однажды распахнулась дверь, и на пороге появился фашист. Он что-то выкрикнул по-немецки. Дед озадаченно пожал плечами, не понимая, чего от него хотят. Тогда немец навел на грудь кузнеца автомат и равнодушно выпустил из него короткую очередь. Дед, охнув, повалился к ногам мальчика. Так же равнодушно бросив взгляд на убитого им старика, фашистский палач повернулся к выходу.

Дальше события развивались с молниеносной быстротой. Боря внезапно почувствовал, что его руки сжимают тяжелый

Боря Цариков

молот. Не задумываясь, он двумя прыжками подскочил к немцу и что было силы ударил его молотом по голове. Взяв у врага автомат, мальчик выбежал на улицу. Гитлеровцы, которые слышали автоматную очередь, спешили к кузнице. Мальчик, отстреливаясь, побежал к лесу и там притаился.

...Двое суток пробирался Боря по заснеженному лесу. К счастью, он встретился с группой партизан прославленного на Гомельщине отряда Бати. Его привели к командиру. Боря стал разведчиком. Это было в декабре 1941 года.

Не раз Боре случалось выполнять ответственные задания, и всегда он приносил командованию отряда нужные сведения. Однажды ему удалось пробраться в штаб большого карательного отряда гитлеровцев, который намеревался окружить и уничтожить партизан. Но Борю выдал изменник, засланный гитлеровцами в партизанский отряд. Он успел предупредить карателей о том, что у них, возможно, появится юный разведчик. Борю схватили и бросили в застенок.

Ни побои, ни жестокие пытки не могли сломить волю двенадцатилетнего мальчика. Фашисты приговорили партизанского разведчика к расстрелу.

Грузовая машина с пленными и пятью конвоирами, свернув с полевой дороги, влилась в поток немецких войск, двигавшихся по широкому шоссе. И как раз в эту минуту в воздухе начал нарастать гул авиационных моторов. Над дорогой появились красноезвездные штурмовики «Ил-2». На головы гитлеровцев посыпались бомбы, снаряды.

В мотор грузовика, на котором везли юного пионера Борю Царикова, попал снаряд. Взрывом убило водителя и двух конвоиров. Трое солдат, оставшихся живыми, с перепугу забыли о юном разведчике и метнулись по направлению к лесу следом за бежавшими гитлеровцами. Более удачного случая для бегства

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛАМ, ОФИЦЕРАМ, СЕРЖАНТСКОМУ И РЯДОВОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ

ЗА УСПЕШНОЕ ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ ДНЕПР, ПРОЧНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЛАЦДАРМА НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ РЕКИ ДНЕПР И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ОТВАГУ И ГЕРОЙСТВО ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» КРАСНОАРМЕЙЦУ

ЦАРИКОВУ БОРИСУ АЛЕКСЕЕВИЧУ.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. Калинин*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 30 октября 1943 г.

трудно было желать, и Боря, воспользовавшись переполохом, собрал последние силы и перевалился через борт машины. Каждое движение причиняло невыносимую боль. Но мальчик дополз до спасительного леса и спрятался в густом кустарнике.

Еле живой вернулся Боря в отряд. Несколько дней отдыха — и снова боевые партизанские будни.

В начале 1942 года, после разгрома немецких войск под Москвой, гитлеровцы спешно перебрасывают на восток свои дивизии, боевую технику, боеприпасы. Однако благодаря смелым действиям советских партизан многие эшелоны оккупантов до линии фронта не доходили. Тогда фашисты, чтобы обезопасить свое движение по железной дороге, прибегли к крайним мерам. Вдоль всех путей вырубili лес, установили вышки с пулеметами и мощными прожекторами, все подходы к железнодорожной линии и к мостам заминировали, через каждые четыре телеграфных столба расставили часовых.

Гитлеровцам казалось, что они сделали все возможное, чтобы парализовать действия советских партизан. Но народные мстители не отступили. И в усложнившихся условиях они смело и решительно наносили чувствительные удары врагу.

Ночь... Боря в белом маскировочном халате, словно ящерица, подползает к железнодорожной насыпи. Лютый мороз пробирает до костей. Но ему нельзя даже шелохнуться, чтобы ненароком не выдать себя. Ведь вокруг него, всего в нескольких шагах, топчутся гитлеровцы.

Нестерпимо томительно тянется время. Но вот слух уловил гудение рельсов, мимо проносится автодрезина с пулеметной установкой.

«Ага! Значит, сейчас появится поезд», — определяет про себя мальчик. И действительно, послышался гудок паровоза. Боря весь подобрался, готовясь к стремительному броску. Но тут же

сдержал себя. По короткому перестуку колес на стыках почувствовал: что-то не так. Очевидно, хитрят фашисты. И точно! Из-за поворота появился паровоз, толкавший впереди себя пустую платформу.

«Ну, тебя мы пропустим, поезжай себе дальше, а вот тот, что идет за тобой вслед, очевидно, важный поезд, встретим, как надо, с музыкой», — решил Боря. И как только прогрохотал паровоз, мальчик, теперь уже уверенно и быстро работая руками, по-пластунски вполз на насыпь, заложил под рельсы мину и так же, всем телом зарываясь в снег, пополз в направлении леса, где его ждала группа разведчиков.

Сзади прозвучал сильнейший взрыв и грохот. Железнодорожные платформы с многотонной техникой скатывались с насыпи и, наползая одна на другую, превращались в гигантскую грудку покореженного металла. Как позже установила партизанская разведка, в эту ночь фашисты недосчитались 71 тяжелого танка.

За эту операцию Боря Цариков был награжден боевым орденом Красного Знамени. Через линию фронта его самолетом привезли в Москву. В Кремле Михаил Иванович Калинин лично вручил тринадцатилетнему пионеру правительственную награду. Командование хотело оставить Борю в Москве, но он настоял, чтобы его послали на фронт.

И снова бои. Теперь Боря — разведчик воинской части. За мужество и отвагу во время форсирования реки Десны 7 августа 1942 года его наградили вторым орденом Красного Знамени.

*

14 октября 1943 года часть, где служил Боря, подошла к Днепру. На противоположном берегу — родной белорусский город Лоев. Ночью Боря тихо вошел в ледяную воду, поплыл к берегу, занятому врагом. На рассвете он вернулся, принеся такие ценные сведения, которые помогли десантному отряду в тот же день прочно закрепить за собой плацдарм на противоположном берегу, а Боре — водрузить на освобожденной земле красное знамя части.

В тот памятный день 15 октября 1943 года Боре пришлось еще девять раз переплывать ледяные воды Днепра под яростным огнем противника, чтобы своевременно доставлять командованию армии важные оперативные донесения.

30 октября 1943 года Боре Царикову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Но когда это радостное известие пришло в часть, юного героя уже не было в живых. 13 ноября 1943 года он погиб от пули немецкого снайпера, навеки оставшись бессмертным в памяти юных пионеров-ленинцев, всего советского народа.

Д. ГУНИН

ОН ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

В Харькове, в тихом Самеровском переулке, стоит скромный одноэтажный домик, — и по праздникам, и в будни сюда приходит немало гостей. Здесь живет мать Героя Советского Союза Владимира Черинова, погибшего в бою при штурме Берлина.

Думала ли мать, что ее Володя станет героем? Наверное, нет. Особенно тревожилась за его судьбу, когда он, еще подростком, попал в дурную компанию.

Как-то Володя услышал, что одна сплетница сказала о нем: «Пропавший мальчишка, вырастет из него бандит. Ничего с ним мать не может поделать...» Эти слова больно задели мальчика, ему стало стыдно перед матерью, которая работала не покладая рук, чтобы накормить его, одеть, обуть не хуже детей, имевших и мать, и отца. Вот он и завел с матерью откровенный разговор.

Тогда и узнала от него Евдокия Аркадьевна, что горе-товарищи подбивали Володю на неблагоприятные поступки тем, что дразнили его: «Трус! Побоишься взять что-нибудь из дому и отнести на толчок». А для Володи сызмала самым позорным на свете была трусость.

— Еще глупенький ты у меня, — сказала сыну Евдокия Аркадьевна. — Разве же это смелость — вынести тайком из дому какую-нибудь вещь и опозорить этим и мать, и учителей в школе? Вот если бы ты не побоялся сказать этим хулиганам, что плюешь на них и ничего не будешь делать по их указке — пусть даже лезут на тебя с кулаками, тогда бы ты и был по-настоящему смелым. Ведь защищать правду от злых людей всегда труднее, чем затапывать ее в грязь.

Слова матери запали Володе глубоко в душу. На следующий день он пришел весь в синяках, но счастливый. Твердо сказал:

— Мама, с этими негодяями я больше не дружу.

И попросил, чтобы мать помогла ему перейти из школы в ремесленное училище: он хотел как можно скорее стать помощником для нее.

И сейчас загораются глаза Евдокии Аркадьевны, когда она рассказывает, как ее Володя получил специальность слесаря-инструментальщика и принес домой свою первую полочку. Попросил:

— Посчитайте, мама, деньги.

— А зачем считать? — удивилась она. — Ты ведь считал?

— А вы еще раз. Может, кассир ошибся...

Она взяла из его рук, заметно загрубевших от работы, хрустящие бумажки и начала складывать их одну за другой в кучку. Немного их было, но для нее — дорожке миллионов.

— Столько? — спросила.

— Ага.

— Не ошибся твой кассир?

— Нет, — улыбнулся Володя, — все до копеечки точно.

Володя Черинов

— Ну, вот и возьми себе.

— Что вы, мама! — обиделся Володя. — Это же вам, на хозяйство. Теперь нам вдвоем легче будет.

...А вскоре началась война.

Евдокия Аркадьевна вспоминает Харьковский мост (тогда еще они с Володей жили неподалеку от этого моста). В небе самолет...Ниже и ниже... Уже над самым мостом... Вот уже видно накренившееся крыло... Вот уже и черный фашистский крест на крыле... Гул все громче... Прохожие — врассыпную. Но взрыва не последовало: вражеский самолет сбросил на этот раз не большие бомбы, а зажигалки. И вот уже пылает на Харьковской набережной жилой двухэтажный дом, и школа тоже занялась...

А кто же это успел залезть на школьную крышу? Ну, конечно, мальчишки. Евдокия Аркадьевна подошла ближе и узнала своего: самый смелый из всех, самый проворный... Вот он мелькнул между трубами, вот оказался на самом краю, над жестяным водосточным желобом — шныряет, хватает зажигательные бомбы и сбрасывает их с крыши на тротуар, куда взрослые уже наносили песка...

Война продолжалась. Фашисты ворвались в Харьков. Трудно жилось тем, кто вынужден был остаться в оккупированном городе. Не каждый день удавалось Евдокии Аркадьевне достать хоть немного мерзлой картошки, хоть несколько щепок, чтобы приготовить себе и Володе кой-какую еду.

Как-то зимой, в самое голодное время, Володя привел под вечер в дом двух раненых красноармейцев: Леньку большого и Леньку маленького — так они себя назвали. Володя хорошо знал, что мать не откажется принять советских бойцов, бежавших из фашистского плена.

— Куда их, мама? — спросил Володя. — Может, на чердак?

— Нет, — возразила Евдокия Аркадьевна, — туда полицей-

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРСКОМУ, СЕРЖАНТСКОМУ
И РЯДОВОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ**

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА
ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ
ОТВАГУ И ГЕРОИЗМ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ВРУЧЕ-
НИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» КРАСНОФЛОТЦУ

ЧЕРИНОВУ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *М. Калинин*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 31 мая 1945 г.

ские часто заглядывают, боятся, чтобы кто-нибудь не «благословил» их камнем или гранатой. Было ведь такое недавно на Молочной улице: не спят партизаны...

И раненых красноармейцев спрятали на третьем этаже, где никто в это время не жил. Володя и мать делились с бойцами последним куском хлеба, перевязывали им раны... Но о раненых как-то пронюхал дворник, подлый человек, прислуживавшийся врагам. Он начал требовать от Евдокии Аркадьевны, чтобы та от него откупилась, а то он приведет на третий этаж гестапо.

Тогда Евдокия Аркадьевна и Володя тайком отвели своих «подшефных», уже начавших поправляться, к родственникам в село. А сами ночью тихонько перебрались к Володиному деду в Самаровский переулочок. Но и там было беспокойно, так как их разыскивала полиция. Тогда и нагрузили они на саночки свой немудреный скарб и подались из города окольными дорогами, надеясь пробиться на север через фронт к своим.

Ближайшие советские части стояли тогда в городке Поныри под Курском. По дороге Володя проговорился, что как только они дойдут туда, он будет проситься в действующую армию. Евдокия Аркадьевна не верила, что его возьмут: слишком молод, да и ослабел от голода.

Стояла лютая зима. Идти было трудно: приходилось обходить фашистские заслоны. В том же направлении двигались и другие беженцы — обессиленные, надрывались, таща за собой нагруженные пожитками и детишками саночки и тележки...

Наконец дошли. В Понырях царила неразбериха: солдаты, беженцы — все смешалось, все бурлило, кипело... Вот тут и потеряла на какое-то время Евдокия Аркадьевна своего Володю. А когда нашла, то он уже осуществил свою мечту: красовался перед ней в новеньких обмотках, в поношенной шинели и с противогазом через плечо.

— Вот тебе и на! — всплеснула руками Евдокия Аркадьевна. — Как же тебя взяли, если ты еще допризывного возраста?

— А я же, мама, высокий, — возразил ей Володя.

Единственное, что выдавало его настоящие годы, — это тщательно спрятанный под рубашку пионерский галстук, который он не захотел снять.

Раза три навещалась к нему мать, пока здесь оставалась их воинская часть. В первый раз пришла — принесла гостинцев.

— Вот тебе, Володечка, немножко пшена... Будет приварок к казенным харчам.

— Хорошо, мама! — обрадовался Володя и тут же высыпал пшено в котелок, где варился жиденький солдатский супчик на целое отделение.

— А это тебе, Володечка, немножко сухарей, — сказала Евдокия Аркадьевна в следующий раз. — Вчера выменяла на теплые чулки: мне и без них в валенках тепло. Сейчас не ешь, побереги на черный день.

— Спасибо, мама, — ответил Володя. — Чернее, чем сейчас, не будет.

И пораздавал сухари товарищам.

— Когда выступаете? — тихо спросила мать.

— Может, сегодня ночью.

— Не страшно тебе, сынок?

— Одного боюсь, мама, что убьют и не дойду до Берлина. Ох, как же мне хочется до Берлина дойти!

Шла война. Священная народная война. Красная Армия в жестоких боях освобождала от фашистов города и села. Освобожден был и родной Харьков.

Володя приехал на короткую побывку к матери, направляясь из Саратовского военно-морского училища на Западный фронт. Немного погостил и снова уехал. Начали от него идти солдатские треугольнички с Березины, Буга, Днестра, Припяти, где он воевал на своем моторном катере.

А потом письма перестали приходить. Долго ждала весточки от сына Евдокия Аркадьевна, так и не дождалась. Уже и война закончилась, а она все еще ничего не знала о сыне. Потом выяснилось: что-то напутала почта, и письма от командования к ней не доходили. И только лишь в 1948 году получила она печальное сообщение о смерти сына и о его бессмертной славе. Сначала — от бывших Володиных соратников, сражавшихся рядом с ним в последнем бою, а потом — и официальное:

Москва, Кремль, 31. 1. 1948 года.

Уважаемая Евдокия Аркадьевна! По сообщению военного командования Ваш сын — краснофлотец Черинов Владимир Васильевич в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых... За геройский подвиг, совершенный Вашим сыном в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 31 мая 1945 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза...

Какой же подвиг совершил Володя Черинов? Вот что об этом рассказывали Евдокии Аркадьевне — в письмах и лично — его соратники: генерал Сафонов, капитан Калинин и другие, бывшие вместе с Володей во время штурма Берлина.

Случилось это в апреле 1945 года. Предвидя, что одна из воинских частей будет форсировать реку Шпре, командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин усилил эту часть отрядом полуглиссеров II Краснознаменной бригады речных кораблей. Отряд этот, как рассказывает генерал Сафонов, был невелик, всего четыре катера, маленькие, утлые, все изрешеченные пулями и осколками.

Именно в этом отряде катеров и служил мотористом Володя.

Форсирование началось в ночь на 24 апреля. Над берегом Шпре вспыхивали дорожки трассирующих пуль. Вокруг стояла настороженная тишина. Наконец — сигнальная ракета... Тихо, осторожно заскользили по черной воде катера. Но фашисты все равно их заметили и сразу же открыли яростный бесприцельный огонь — пулеметный, минометный, орудейный.

Катер, на котором Володя стоял рулевым, одним из первых высадил под ураганным огнем десант на противоположный берег реки. Это обеспечило нашим войскам возможность занять плацдарм и развить наступление.

Зловеще гремели и невидимое небо, и прибрежные кусты, озаренные ракетами, и сама Шпре, кипящая, вспененная... Свист — взрыв... Свист...

Канонада раскалывала ночную тишину. Даже не верилось, что на том берегу — центр Берлина. Легко сказать — Берлина! Того самого, откуда, как ядовитая погань, расползались по всей Европе душегубки-машины и душегубы в людском обличье; того самого Берлина, до которого три года назад, где-то под Курском, Володя Черинов только мечтал дойти.

Вот Володя отвез первую группу десанта и под огнем вернулся назад. И уже везет новых десантников... Туда и обратно, туда и обратно... От берега — к берегу, от берега — к берегу...

В одном из рейсов был тяжело ранен командир катера. И Володя, не ожидая приказа, принял на себя командование.

За ночь его катер перевез свыше пятисот десантников! Но вершиной Володиного героизма был поступок, который он совершил двадцать четвертого утром на глазах у всей дивизии.

Взошло солнце.

На крохотный клочок земли в лесу Платенвальд и на полоску Шпре налетел свинцовый смерч... Всю ночь на этом клочке строили паромы, чтобы переправить на другой берег артиллерию и танки. Когда первые паромы спустили на воду, фашисты начали бить по ним из зениток и крупнокалиберных пулеметов.

Вот немецкий снаряд попал в один из танков. Тот загорелся. Все, кто был на нашем берегу, ждали смертельного взрыва:

как только огонь достигнет топливных баков и боеприпасов, танкисты на пароме погибнут.

Вдруг Володя нажимает на стартер и бросается на своем катере спасать товарищей. Свист — взрыв... Свист — взрыв... Где Володя? Убило его? Нет... Мелькнула знакомая стриженная голова: пилотку сбило взрывной волной. И все увидели, что он бросил на паром веревку.

Володя и политработник Суворов, находившийся с ним на катере, подошли вплотную к охваченному пламенем парому, сняли с него людей. Едва лишь спасенные оказались на борту, Володин катер рванул к берегу. И в то же мгновение на пароме раздался взрыв. Однако все пятнадцать танкистов были уже далеко.

Когда Володин катер причалил к берегу и с него сошли промокшие танкисты, все бросились к Володе — обнимали его, целовали, подбрасывали в воздух. Тогда же по приказу командира дивизии полковника В. С. Антонова было направлено ходатайство в Президиум Верховного Совета СССР о присвоении мотористу Владимиру Черинову звания Героя Советского Союза...

А через два часа после этого Володин катер попал под яростный огонь противника. Володя был смертельно ранен и через несколько минут скончался. Десантники, которых он переправлял, рассказали, что последними его словами были:

— Передайте маме, что я все-таки дошел до Берлина...

И. МУРАТОВ

ПИОНЕР ПОВТОРИЛ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА

Возле поселка Онуфриевка Кировоградской области стоит на опушке леса обелиск, на нем — мемориальная доска с надписью:

Остановись, путник! Поклонись всем сердцем юноше, которому вечно пятнадцать. За твою мечту, за твое безоблачное детство 23 ноября 1943 года на этом месте, при освобождении Онуфриевки, повторил подвиг Александра Матросова, отдал свою жизнь АНАТОЛИИ КОМАР.

Кто он, этот юный герой?

Когда началась Отечественная война, было ему всего тринадцать лет. Жил он в Славянске, в семье учителей. Жил, ничем, быть может, особенно и не выделяясь среди сверстников. Как все, носил пионерский галстук, учился, играл в футбол, уносился романтическими мечтами в будущее...

И вот грянула война. Отец уходит на фронт, мать с детьми

переезжает к родственникам в село Бригадировку Полтавской области. Здесь-то и выпало мальчику первое испытание. За оказанную помощь нашим раненым летчикам фашисты четыре дня продержали его в комендатуре, избили. И Толя решил мстить фашистам...

В сентябре 1943 года 252-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия вела наступательные бои на территории Полтавской области. Когда передовые части дивизии продвигались к селу Бригадировке, разведчики встретили худенького, оборванного паренька. Хорошо зная местность, он

вызвался вывести разведчиков в тыл противника... Внезапным ударом был разгромлен фашистский штаб и захвачены ценные документы.

Командир разведроты капитан Бацин от души поблагодарил Толю. А тот неожиданно обратился к нему с просьбой: «Зачислите меня рядовым!...». Доложили начальнику разведки майору Храповичу. Он долго беседовал с пареньком, удивляясь его смелости, и, наконец, решил зачислить юного добровольца разведчиком отдельной 332-й разведроты.

Так началась полная опасности фронтовая жизнь Толи Комара. На войне люди взрослеют быстро. У разведчиков на войне дел много, и каждое связано с риском, требует находчивости и храбрости. Кроме того, разведчик должен многое уметь. Все это хорошо понял Толя Комар, поэтому он сразу же начал постигать науку разведки у наиболее опытных, смелых ребят — старшего сержанта Тараскина и сержанта Полозова. Об их подвигах, дерзких вылазках в тыл противника не раз писала наша фронтовая газета, а о различных фронтовых приключениях веселого и храброго Тараскина ходили прямо-таки легенды.

В конце сентября 1943 года наша дивизия вышла к Днепру южнее города Кременчуга и получила приказ форсировать реку. Для определения района предстоящей переправы были посланы разведчики — сержант Полозов и рядовой Комар. Целые сутки, лежа неподвижно на сырой земле, вели они наблюдение. Были собраны ценные данные о противнике. За эту операцию сержант Полозов был награжден орденом Красной Звезды, а Толя — медалью «За отвагу».

В первых числах октября наши войска форсировали Днепр. Пытаясь задержать продвижение наших войск, немецкое командование сосредоточило на правом берегу реки большие силы, основательно укрепив свои оборонительные позиции.

Толя Комар

Начались тяжелые, кровопролитные бои по расширению плацдарма. В этих боях закалялись воля и характер юного разведчика.

Толя всегда был готов на любое боевое задание. Переодевшись в залатанный полушубок, с котомкой за плечами, ходил он в тыл врага. Фашистам было невдомек, что худенький, веснушчатый паренек — наш разведчик. А Толя приносил в штаб важные сведения.

В ночь на 23 ноября, когда наша дивизия вела бои восточнее поселка Онуфриевки Кировоградской области, в тыл противника была послана группа разведчиков во главе с младшим лейтенантом Колесниковым. В этой группе был и Толя Комар.

Около трех километров проползли разведчики по грязи, в темноте, под дождем. Когда немецкие траншеи остались позади, разведчики наконец поднялись и начали углубляться в тыл врага. Но на пути неожиданно встретили легковую

Памятник Анатолию
Комару в Славянске

машину. Колесников разделил группу на две части и приказал залечь по обеим сторонам дороги.

Как только машина поравнялась с разведчиками, в нее с двух сторон полетели гранаты. В машине оказалась ценнейшая находка — топографическая карта, на которой было нанесено расположение штабов, наблюдательных пунктов и огневых средств противника. Этот документ был лучше всякого «языка», и Колесников принял решение срочно возвращаться...

Но когда разведчики подходили к линии фронта, фашисты обнаружили их и начали окружать. Путь к нашему переднему краю преградил огонь вражеского пулемета, который не давал возможности подняться с земли. Над группой разведчиков нависла смертельная опасность. Тогда Толя незаметно пополз к вражескому пулемету и бросил гранату. Пулемет умолк. Но едва разведчики поднялись, пулеметная очередь вновь прижала их к земле. И Толя, спасая товарищей, уже во весь рост бросился к пулемету. Будучи смертельно раненным, он все же успел накрыть вражеский пулемет своим телом...

В письме к матери героя командир разведроты, друзья и товарищи Толи писали:

В боях за нашу Родину против фашистских захватчиков героически погиб ваш сын Комар Анатолий Григорьевич. Погиб смелый воин, наш хороший друг и товарищ по оружию. Родина никогда не забудет его имени, юного солдата с сердцем зрелого воина, отважного защитника Отчизны.

А поэт Сергей Тельнаков написал тогда стихи:

Отшумит огневая година,
Битв жестоких и грозных пора,
Но всегда, как любимого сына,
Будет помнить и чтить Украина
Анатолия Комара.

Советские люди свято чтят память о доблестном сыне Отчизны, отдавшем жизнь за ее свободу и независимость. Имя Анатолия Комара присвоено пионерским отрядам нескольких школ Украины. Его имя носят Славянская средняя школа № 11, пионерская дружина Онуфриевской средней школы, улицы поселка Онуфриевки и города Славянска. В Славянске Толе воздвигнут памятник. Следопыты Онуфриевской средней школы отыскали место, где был похоронен юный герой. Его прах с почестями перезахоронен в центре поселка.

Один из теплоходов Мурманского пароходства носит имя «Анатолий Комар».

*А. ПИЛИПЕНКО,
бывший начальник отдела кадров
252-й стрелковой дивизии*

БОЕЦ ПОДПОЛЬНОГО ФРОНТА

Какая-то добрая сила отвела от дома на Коммунистической, где жили мать и сын Щербацевичи, все бомбы. Когда бомбежки кончились, на подступах к Минску загрохотали орудия. Через несколько дней Володя Щербацевич увидел на улице советских военнопленных. Брели они в гимнастерках, без ремней, на головах у многих вместо пилоток грязные, пропитанные кровью повязки.

Вечером к Щербацевичам пришел брат Володиной мамы, Петр Федорович. Вскоре постучались второй брат — Иван и младшая сестра — Надежда. Ольга Федоровна, мама Володи, сразу же предупредила: «Есть о чем потолковать». Она рассказала близким о том, что в здании политехнического института томятся наши военнопленные, умирают от ран. Есть среди них санитарки и медсестры, которые помогут организовать побег...

Петр Федорович покачал головой.

— Допустим, с территории института пленных удастся вывести. А дальше? Очутились люди в городе... Да по их одежде всякий узнает беглецов. Мы выведем людей под вражеские автоматы!

Беседа шла как на военном совете. Говорили о тщательной подготовке. У военнопленных должны быть документы, гражданская одежда, да и подкормить их нужно.

... Идешь по родному городу и все время настороже: всюду гитлеровцы. Мама — коммунистка, братья ее доверяют Володе многое. Он уже знает адреса людей, у которых прячутся бежавшие из плена командиры и красноармейцы. Ходил Володя по городским окраинам и тихо стучался в окна. Стоило ему произнести несколько условных фраз, и сразу же кто-нибудь выносил узелок. В нем — одежда для новой группы беглецов.

Володя догадывался, что дядя Ваня готовит специальный грузовик, а Надежда Федоровна добывает какие-то накладные. По ним с хлебозавода можно получить муку. Может, она уже и получена, может, из нее уже испекли хлеб и тайком переправили раненым. Правда, пока это только Володиные догадки. Ему ведь не все рассказывали.

Новый побег военнопленных был назначен в одну из июльских ночей. Володя ждал их в условленном месте возле деревянного моста. Справа из-за кустов слышался тихий голос: «Сюда, товарищи!» Мелькнули пригнувшиеся к земле человеческие тени. Володя бросился из своего укрытия к ним навстречу.

— Заждался? — услышал он голос Петра Федоровича. — Веди, Владимир. Времени у нас в обрез.

Впервые в жизни Володя командовал, да еще взрослыми,

военными людьми. Шептал: «Ложись!» — и раненые припадали к земле.

До дома добрались, когда забрезжило утро. А часа через два в коридоре хлопнула дверь. Затапали тяжелые шаги. Потом... у порога появился немец, обер-лейтенант. Подойдя к столу, он взял лампу, поднял ее повыше. Теперь на обер-лейтенанта падал свет. Петр Федорович?! Да, это был дядя Петя.

— Пора, товарищи! — коротко бросил он.

Город еще спал. Но теперь, казалось, грузовик разбудит всех: он скрипел, лязгал. В кузове сидело человек двенадцать, бежавших из плена, в одежде лесорубов, в руках у них пилы, топоры. При выезде из города грузовик затормозил, и Володя увидел впереди на дороге немецких солдат с автоматами. Со стороны деревянного строения к машине подошел гитлеровский офицер, взял протянутую ему из кабины бумагу. Видимо, сидящий в кабине «обер-лейтенант» запасся всеми нужными справками. Он везет мобилизованных на лесозаготовки людей.

Посмотрев документы, немец крикнул что-то стоявшим на дороге солдатам. Те отошли в сторону. Грузовик побежал вдоль речки и остановился у разрушенного моста.

— Прибыли.

Петр Федорович объяснил задачу: все разбиваются на две группы и разными маршрутами пробираются в лесной массив. Первую очередь поведет он, Петр Федорович.

— Ты пойдешь с нами, — сказал он Володе. — Дорогу запоминай, пригодится.

Тропа нырнула в лесную чащу и вывела в поле. Солнце уже садилось, когда группа подошла к хате, ничем не выделявшейся среди десятка других. К путникам вышел старик, пригласил к себе. Люди поели, передохнули, и он сказал:

— Пойдемте, пойдемте...

Петр Федорович объяснил племяннику:

— Теперь их поведет в лес старик, а нам можно и назад. Запомни дедову хату.

Дорога к дому казалась гораздо длиннее. Володя спешил. Спешил, чтобы сказать матери: «Прошли наши. Прошли! На свободе они!».

В сентябре фашисты начали ночные облавы, а в домах минчан скрывалось много бежавших из плена раненых. И в доме

Володя Щербацевич

на Коммунистической их побывало множество. Этот дом стал для них и госпиталем, и убежищем, и отправным пунктом маршрутов, по которым Володя выводил людей за город, в леса, глухие деревни и даже по направлению к линии фронта.

Теперь пробираться в лесную деревню Володе и тем, кого он выводил, было очень опасно. У лесных троп — фашистские засады, по селам рыщут полицейские, а на выходах из города — усиленные заставы. Один раз Володя нарвался на засаду, и осколок вражеской гранаты задел плечо.

Володя боялся, что мама будет ругать его, как ругала раньше за синяки и шишки, получаемые в мальчишеских играх-сражениях. Нет, не ругала. Испугалась очень, но сын успокоил, сказав, что рана у него не страшная.

— Я заштопаю тебе куртку, сынок. Будем скоро пробираться к фронту вместе.

... Володя с мамой шли полевой тропой. Впереди шла группа людей, возглавляемая бежавшим из фашистской неволи майором.

Коротки были передышки. Хотелось пройти побольше за день, однако кустарник вставал на пути колючим заслоном. Только под вечер рискнули выбраться к дороге. Неожиданно с путниками поравнялась телега с сеном. Мужик, сидевший на ней, хрипло прокричал: «Прячьтесь!» — и стеганул лошадь. Далеко впереди раздались автоматные выстрелы. Володя с мамой затаились в придорожном кустарнике.

Стемнело. Где-то совсем близко заскрипели колеса. Из темноты выплыл человек, сидящий на пустой телеге.

— Есть тут кто? — голос был знакомый: говорил тот мужик, что вез вечером сено. — Чуете, люди? В селе немцы. Ваши они ухлопали. Уходите!

Ночью Ольга Федоровна решила узнать, что случилось с группой, возглавляемой майором.

— Не вздумай перебираться на другое место, — предупредила сына. — Я скоро вернусь.

Мать долго не возвращалась, Володя решил выйти на дорогу.

— Стоять! — рявкнул кто-то.

Мальчик услышал за спиной тяжелые шаги. С обеих сторон к нему приближались фашисты, щелкали винтовочными затворами...

*

Тюремная камера. Допросы и пытки. Пытки и допросы. Тридцать дней! Болит все тело, знобит. Нет сил подняться с холодного каменного пола. Володя понимает, что на следующем допросе будет еще труднее.

... За воротник рубахи стекает ледяная вода, резко пахнет нашатырным спиртом.

Дверь в стене бесшумно раздвигается. В кабинет входит офицер. Следователь отдает ему короткое распоряжение. Через несколько минут в комнату вводят Ольгу Федоровну.

Володе невыносимо трудно смотреть маме в глаза и говорить, что не знает ее, не встречал. Но он говорит это и угадывает по маминому лицу, что поступает правильно.

Теперь гестаповец обращается к Ольге Федоровне: а она узнает сына? И Володя слышит тихий мамин голос:

— Мне... незнаком этот мальчик...

Из соседней комнаты вышли двое, взяли мальчика под руки. Ольга Федоровна стала просить солдат, чтобы оставили ребенка в покое.

— Ты будешь стоять и смотреть, — слышит в ответ Ольга Федоровна.

Володю бросают на высокий топчан из жердей... Какая это была по счету пытка, никто не скажет.

26 октября 1941 года гитлеровцы казнили Володю и его маму. К месту казни оккупанты согнали жителей, чтобы устрашить их, а из толпы неслось гневное: «Не простим!».

Ни одного дня фашисты не чувствовали себя хозяевами в Минске. Среди бойцов этого фронта был Володя Щербацевич — минский пионер. Незадолго до его казни 16 августа 1941 года газета «Правда» писала: «Наши дети — героические, великолепные советские дети, с мужеством взрослых, с разумом взрослых борются теперь за Родину. И их борьба — это наиболее убедительная документация нашей правды. Их борьба — это самое страшное обвинение, которое когда-нибудь история предъявит подлому врагу, изучая события наших дней».

И поныне взошедший на эшафот минский парнишка обвиняет зачинщиков войны.

В. МОРОЗОВ

ГВАРДИИ МАЛЬЧИК

Я хочу рассказать о судьбе одного маленького гвардейца. Звали его Воля. Это был сталинградский мальчик. Он остался сиротой, и мы взяли его в свою часть. Мальчишка был угрюмый и дерзкий. Не думаю, что он всегда был таким, очевидно, на него подействовала гибель родных.

Воле было четырнадцать лет. Он возвращался домой, когда на Сталинград налетели немецкие самолеты. Город запылал. Кружным путем, переулками мальчик добрался до своего дома. Отовсюду неслись стоны раненых, плач, крики, из горящих зданий выносили обожженных детей, вокруг пахло гарью, дымом. Вместо облицованного кафелем четырехэтажного дома, где жили его отец, мать и сестра, Воля увидел дымящуюся грудку черных развалин, а по ним бродил котенок — единствен-

ное оставшееся в живых существо. Мальчик взял его с собою. Так мы Волю и нашли — с котенком в кармане курточки.

Сержант Сайтов, пожилой человек, бывший до войны начальником районной милиции, всей душой привязался к Воле. У Сайтова пропали без вести жена и сын, он тосковал о них и к Воле относился, как к родному сыну. Но мальчик был молчалив, замкнут и уклонялся от маленьких подарков сержанта.

Сайтов научил Волю стрелять из винтовки и из ППШ и дал ему автомат убитого красноармейца. Стрелял Воля хорошо. Вскоре выдали ему и обмундирование, а когда часть переименовали в гвардейскую, мальчик наравне со всеми получил нагрудный гвардейский значок.

Сайтов беспокоился, как теперь называть Волю. Он ведь числился воспитанником части.

— Как будем звать его? — спрашивал сержант. — Вы теперь гвардии лейтенант, я — гвардии сержант, бойцы — гвардии красноармейцы, а мальчик? Гвардии воспитанник? Некрасиво! Гвардии мальчик?

В шутку все так и стали называть Волю — «гвардии мальчик». Никто из нас точно не знал, что творится в душе этого худенького молчаливого мальчика. Мы только догадывались о его тяжелом душевном состоянии. Однажды я видел, как лежал Воля со снайпером в расщелине стены и наблюдал за противником. Мне показалось, что он убит, — так неподвижно было его тело. Я наклонился и сбоку заглянул в лицо Воли. Это мгновение раскрыло мне сердце мальчика больше, чем все три месяца, в течение которых я его ежедневно видел. В его глазах было столько ненависти к врагу! И я понял, какая боль жила в душе мальчика.

*

Через амбразуру из подвала видна широкая площадь, покрытая нетронутым снегом. Пробежать по площади нельзя: каждый ее сантиметр простреливается нами и противником, укрепившимся в развалинах соседнего здания. По ту сторону площади виден красный дом без крыши, без окон, без дверей, с черными следами копоти на кирпичках. Называется этот дом «кофейная». Сержант Сайтов говорил Воле:

— Там, понимаешь, никакой кофейной никогда не было, просто наши разведчики придумали такое название.

Дом этот нужно было во что бы то ни стало занять. В бурную метельную ночь сержант Сайтов с пятнадцатью бойцами отправился на выполнение задания: они должны были пробраться через площадь в «кофейную», выбить немцев и занять там оборону. Восемь человек из пятнадцати добрались до места. Девятым был Воля, он пополз за сержантом без приказа. В тече-

ние пяти дней невозможно было наладить связь с группой Саитова, так как немцы вели непрерывный огонь по «кофейной». Но мы знали, что наши бойцы уже заняли дом, что они держатся. Немцы забрасывали дом гранатами, били из артиллерии, обстреливали из минометов, а девятка все держалась.

Только на шестой день мне удалось с бойцами проникнуть в «кофейную». Саитов был ранен, остальные — погибли.

Воля лежал у окна без шапки, прижимая к щеке холодный ствол автомата. В углу рта запеклась кровь. В его руках автомат казался детским, игрушечным оружием. Холодный ветер шевелил светлые волосы.

Утром я зашел в медпункт к тяжело раненному Саитову.

— «Кофейную» держим? — спросил он.

— Теперь уже не отдадим, — ответил я.

— Вы, товарищ лейтенант, хотите знать про мальчика? Я вам скажу. И что он мне говорил, когда умирал, тоже скажу... Я хорошо запомнил. У нас двух человек сразу в первый день убило, потом Ветрякова ранило в голову, потом Хотинцева. Обстановка создалась тяжелая, уже не было ни одного здорового бойца: кто не убит, тот ранен. Я сам одной левой рукой стрелял, правую под диск положил: она ничего делать не могла; и колено мне раздробило, подняться нельзя. А немцы снова и снова бросаются в атаку. Мне вторую руку ранило, и я уже не мог стрелять. И только один Воля по всему дому мечется, хотя сам был тоже ранен. Он то подползет к окну — постреляет, то гранату бросит, то поднесет кому-нибудь из раненых воды испить и снова стреляет. А немец все напирает. Тогда Воля просит: «Товарищи, покричите «ура», а кто не может кричать «ура», кому тяжело, пусть кричит «а-а-а»...».

Вот мы и кричим. Немцы тоже кричат. Когда кричим, они все-таки опасаются к нам идти. Потом осколком мины Волю ранило в грудь, изо рта показалась кровь, а он с автоматом дополз до окна и продолжал стрелять...

Наступила ночь. Слышу, мальчик тихо говорит:

— Товарищ сержант, вы меня слышите?

— Слышу, — говорю, — Воля.

— Спасибо вам, товарищ сержант, лейтенанту и всем товарищам. Извините, что я был такой нехороший. Причина тому — мое горе. А сейчас мне очень хорошо, я очень счастлив. Вы слышите?

— Слышу, — говорю, — все слышу, Воля.

— Я вот что думаю, товарищ сержант, — говорит Воля. — Каждый человек должен что-нибудь для людей сделать. Один долго живет и много пользы приносит, а другой, быть может, только один раз встанет во весь рост и крикнет: «Вперед!». Он еще мало прожил и многого сделать не успел. Но ведь и он помог нашему народу бить врагов. Значит, он честно жил...

— Вот что он мне сказал, товарищ лейтенант... Потом опять полезли немцы, и мы с ним отстреливались, как могли. И у него все бежала и бежала изо рта кровь, а я ничем ему не мог помочь. Но вот слышу, Воля перестал стрелять. Я подполз — нет больше нашего Воли. Какой он был храбрый мальчик, товарищ лейтенант.

Так рассказал мне о Воле, школьнике из Сталинграда, сержант Саитов...

Этот случай только один из многих, когда дети Сталинграда активно участвовали в борьбе с фашистами.

Известно, например, что близ Сталинграда фашисты захватили в плен школьницу Люсю Ремизову и заставили ее убирать помещение, где жили офицеры, стирать для них белье.

Однажды полковнику-фашисту связной доставил пакет. Когда офицер заснул, Люся, захватив документы, пробралась к советским воинам. За свой мужественный поступок Люся Ремизова награждена медалью «За отвагу».

Медалью «За оборону Сталинграда» был награжден Игорь Михайлов. Во время обороны крепости на Волге мальчик находился на батарее своего отца Константина Алексеевича Михайлова. Вместе с бойцами Игорь стойко и храбро переносил опасности и лишения. Как мог, помогал бойцам: приносил им письма, газеты, воду, собирал и передавал командованию немецкие листовки и не раз выслеживал вражеских разведчиков.

Когда немцы были разбиты под Сталинградом, Игорь на самолете прилетел в Москву и осенью поступил в 1 класс школы № 95.

Таковыми были дети, принимавшие участие в Великой Отечественной войне.

А. КЕПЛЕР

ВАЛЯ-ПИОНЕРКА

Отец Вали, Иван Иванович Зенкин, был старшиной 333-го стрелкового полка, расквартированного в самом центре Брестской крепости, в так называемой цитадели. В мае 1941 года девочка отпраздновала свое четырнадцатилетие, а 10 июня, радостная, взволнованная, показала маме похвальную грамоту за седьмой класс.

Прошло около двух недель. Был теплый вечер. Валя сидела дома, читала и не заметила, как заснула с книжкой в руках. Проснулась девочка от страшного грохота.

Горели казармы 333-го полка. Огненные языки лизали телеграфные столбы, как свечи, пылали деревья. Отец, наспех одевшись, крепко обнял мать, поцеловал Валю и выбежал из комнаты. Уже в дверях крикнул:

— Сейчас же в подвалы!.. Война!..

Он был солдат, и его место было среди бойцов, защитников крепости. Больше Валя уже никогда не видела отца.

В полдень с группой женщин и детей Валя и ее мать попали в плен. Фашистские солдаты погнали их на берег Муховца. Одна раненая женщина упала на землю, и толстый фельдфебель начал бить ее прикладом винтовки.

— Не бейте ее, она же ранена! — внезапно закричала Валя, вырвавшись из рук матери.

Фельдфебель, скрутив девочке руки, что-то закричал, показывая рукой на двор крепости. Но Валя не поняла его. Тогда заговорил переводчик:

— Господин фельдфебель должен застрелить тебя, но он дарит тебе жизнь. За это ты пойдешь в крепость и скажешь советским солдатам, чтобы они сдавались. Немедленно! Если же нет, то все будут уничтожены...

Фашисты повели девочку к воротам, толкнули в плечи, и Валя оказалась во дворе крепости среди грозного вихря огня, взрывов мин и гранат, под ливнем пуль.

Девочку увидели защитники крепости.

— Прекратить огонь! — закричал командир.

Пограничники втащили Валу в подвал. Она долго не могла отвечать на вопросы, только смотрела на бойцов и плакала от волнения и радости. Потом рассказала о матери, о том, как гнали маленьких детей по берегу Муховца, о раненой женщине, которую бил прикладом чужеземец, об ультиматуме фашистов.

— Не сдавайтесь! — молила Валя. — Они убивают, издеваются...

В тяжелых боях прошла ночь. Мужество пограничников заставило Валу забыть свой страх. Она подошла к командиру.

— Товарищ лейтенант, раненых надо перевязывать. Позвольте мне.

— А ты сумеешь? Не побоишься?

Валя тихо ответила:

— Нет, я не буду бояться.

Вскоре я увидел Валу, когда забежал в госпиталь проводить своих товарищей. Вместе с женщинами пионерка ухаживала за ранеными. Все ее полюбили и оберегали, как могли. И не было среди нас человека, который бы не делился последним кусочком солдатского сахара с Валею — нашей маленькой санитаркой.

Валя Зенкина

На седьмой день войны я был ранен, и товарищи отнесли меня в полуразрушенный подвал-госпиталь. И снова я встретился с Вале́й. Помню, открываю тяжелые веки, а передо мной она — маленькая девочка. Она ловко, как взрослая, делает перевязку.

— Спасибо, Валя!

А за руинами стен слышны выкрики озверевших фашистов: штурмуют. К бойницам стали все, кто мог держать оружие, даже женщины. Я попытался встать, но зашатался и чуть не упал. Тогда Валя подставила мне свое плечо:

— Обопритесь, я выдержу...

Так и добрался я до бойницы, опираясь на детское плечо.

С тех пор прошло много лет. Случайно я узнал, что Валя теперь живет в городе Пинске, награждена орденом Красной Звезды. Она — мать двоих детей. И, наверное, для многих она не просто Валя, а Валентина Ивановна Зенкина. А для нас, защитников Брестской крепости, она навсегда останется Вале́й, Вале́й-пионеркой...

*С. БОВРЕНОК,
участник обороны Брестской крепости*

ГОРНИСТ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО ПОЛКА

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Это было совсем не похоже на пробуждение. Это было скорее продолжением какого-то кошмарного сна. Так и подумал Володя в первую минуту.

Он лежал не на своей солдатской койке, а на полу, и не в казарме, а в совсем незнакомом месте. В казарме — белый потолок, голубые стены, а здесь не видно ни стен, ни потолка.

Все сплошь окутал черно-бу́рый туман, пахнувший поро́хом, битым кирпичом и еще чем-то тяжелым, удушливым. В казарме по соседству спят его друзья. А здесь никого нет, только перевернутые койки, рваные подушки и одеяла.

Да, это, наверное, сон. Надо только проснуться, и тогда все исчезнет, все станет таким, каким было вчера, когда он ложился спать. Володя ущипнул себя. Стало больно, но ничего не изменилось. Только черно-бу́рый туман как будто стал рассеиваться. Он хотел встать. Но что это? Володя испуганно взглянул на руку: она была в крови. Сердце сжалось до боли. Он оглянулся. В стене казармы огромная дыра. А вот и его друзья, вот они... Вернее, не они, а то, что от них осталось...

Скорее, скорее бежать! Осторожно обходя тела товарищей, мальчик начал пробираться к дверям.

В это мгновение над головой оглушительно рвануло. С потолка посыпалась штукатурка, прямо перед ним обрушилась притолока. Володя прижался к стене, замер.

Война! И так неожиданно. Только вчера вечером, только вчера было так тихо, хорошо...

Нет, не может быть!

Выскочив из казармы, Володя быстро перебежал двор и, держась у стены, пополз к внешнему укрепленному валу. Хотелось увидеть своих, обменяться хоть несколькими словами. И, если это вправду война, взять винтовку и тоже защищать старую крепость.

Ничего, что ему еще нет и четырнадцати лет, что ростом он меньше своих ровесников. Важнее другое — умение бить врага. А бить его Володя сумеет, наверное, не хуже взрослых бойцов. Недаром на последних учебных стрельбах именно ему командир 44-го полка майор Гаврилов объявил благодарность. Отлично стрелял горнист Володя Казьмин!

Мальчик то полз, то перебегал от укрытия к укрытию, а вокруг него непрерывно рвались снаряды и мины, визжали осколки, свистели пули. Со стороны Восточного форта долетал неумолкаемый треск пулеметов и автоматов, глухие взрывы гранат.

Там шел яростный бой с врагами, там бился полк, воспитанником которого был Володя. Туда и надо было спешить.

На минуту мальчик остановился. Дорогу пересекла женщина с ребенком на руках. Волосы ее были всклокочены, одежда разорвана, местами прожжена. Ребенок был мертв.

Мурашки забегали по спине Володи, слезы подступили к горлу. И он окончательно понял: это война. Война, смерть, руины...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

— Идите за мной!

Этот спокойный, чуть хриловатый голос заставил Володю вздрогнуть: таким неожиданным был он среди непрерывного грохота. Мальчик оглянулся и увидел лейтенанта с автоматом на груди и гранатами за поясом.

Короткими перебежками — лейтенант впереди, а Володя за ним — добежали до Восточного форта. В самый разгар боя. Прячась за танками, гитлеровцы шли в атаку. Один почему-то привлёк внимание Володи. Худой, длинный, с серебряными погонами, в высокой зеленой фуражке с белой кокардой. «Офицер», — мелькнула мысль.

Быстро присоединившись к красноармейцам, мальчик выстрелил из карабина. Длинный, взмахнув руками, упал на землю.

— Вот тебе, фашистская гадина! — сквозь зубы прошептал Володя и начал целиться в другого фашиста, который бежал с ручным пулеметом наперевес. И этот растянулся, не добежав до форта.

Но атака продолжалась. Поливая раскаленным металлом укрытия красноармейцев, на форт надвигались тяжелые танки, под прикрытием которых бежали автоматчики.

«Танк пулей из винтовки не остановишь», — с тревогой подумал Володя и тут же радостно вскрикнул: один из фашистских танков вспыхнул и покосился набок.

— Здорово!

Прошла минута, другая, и брошенная чьей-то сильной рукой связка гранат остановила второй танк. Вскоре запылал и третий. Остальные повернули назад. Отступили и автоматчики.

Атака была отбита. Стало как будто бы тише.

Но тишина продолжалась недолго. На форт снова пошли фашистские танки; ударила артиллерия, затрещали пулеметы. И снова бойцы прижались к земле, снова один за другим начали падать гитлеровцы.

До самого вечера не прекращались атаки. Не жалея солдат, танков, боеприпасов, немецкое командование хотело во что бы то ни стало уничтожить крепость в первый же день своего вероломного нападения на Страну Советов.

Но врагу это не удалось. Не удалось ему захватить крепость и на второй, третий, пятый день... Рушились старые стены, редели ряды защитников, но те, кто оставался в живых, держались стойко, стояли насмерть.

Как-то среди защитников Восточного форта во время затишья появилась девочка. Она искала горниста 44-го полка.

— Я горнист, — отозвался Володя.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Девочка передала Володе приказ командира полка майора Гаврилова идти в госпиталь помогать санитарам. Откровенно говоря, Володе не хотелось оставлять форт. Тут он испытал, что такое настоящий бой, тут впервые в жизни за отвагу командир от лица службы объявил ему благодарность. Но приказ есть приказ, и Володя пошел следом за девочкой в госпиталь.

Госпиталь расположился под внешним валом, в здании с железобетонным перекрытием и толстыми стенами. Сюда не могли попасть бомба или снаряд. Врачи, санитары работали в относительной безопасности. «Потому меня сюда и направили, — подумал Володя, — мол, еще ребенок, надо беречь».

Раненых было много. Одни были без сознания и бредили, другие крчались от боли и скрежетали зубами, третьи лежали тихо, неподвижно и глядели в одну точку погасшими глазами. Все это были тяжелораненые. Ни один легкораненый в госпи-

тале не задерживался. Сделают ему перевязку, он закурит, схватит винтовку — и наверх.

А в госпиталь приносили все новых и новых. Врачи и сестры не успевали их перевязывать, не говоря уже о том, что многим требовалась немедленная операция. А тут еще необходимо одних напоить, других накормить.

Все это увидел Володя, и ему стало стыдно за свою недавнюю обиду на командирский приказ. В госпитале он был, наверное, нужнее, чем на обороне форта. Словно в подтверждение его мыслей мальчика вызвал главврач.

— Ледник знаешь где?

— Знаю. Под внутренним валом.

— Иди и носи оттуда лед и продукты для раненых. Только будь осторожен — местность простреливается.

Так Володя стал интендантом госпиталя.

•ГОТОВ К ПРОДОЛЖЕНИЮ СЛУЖБЫ!•

Госпиталь — ледник, ледник — госпиталь... Этим маршрутом он пробирался по нескольку раз в сутки. Туда с пустым мешком, а обратно — сгибаясь под тяжелым грузом. И все время завывали над головой снаряды, визжали мины. Думать о своей безопасности было некогда. Льда и продуктов требовалось много, а доставлять, кроме Володи, было некому. И он старался, выбиваясь из сил. Нестерпимо ныла спина, подкашивались ноги,плыли желтые круги перед глазами, но мальчик шел снова и снова. Так было надо, так действовали все защитники крепости — делали все, что было в их силах. И Володя действовал так же, как они.

Однажды, возвратившись из ледника, Володя доложил о своем рейде главному врачу и уже хотел было идти назад, но вдруг упал на пол.

Врач с тревогой наклонился над ним, пощупал пульс, и на его лице появилась грустная улыбка. Володя спал, как говорится, мертвым сном. Санитары бережно подняли мальчика и отнесли в самый дальний уголок госпиталя. Пусть поспит...

Володя не помнил, сколько времени он проспал.

Когда проснулся, то ощутил во всем теле легкость и свежесть. И мальчик доложил главному врачу:

— Горнист 44-го полка Владимир Казьмин готов к продолжению службы!

Главврач внимательно посмотрел мальчику в запавшие глаза и совсем не по-военному, а тепло, по-отцовски сказал:

— Вот что, Вовка, приказ тебе будет такой — сначала как следует поешь, а потом можешь два часа отдыхать.

Два часа отдыхать!.. Это время он проведет на своем Восточном форте с карабином в руках.

Володя пробрался на Восточный форт, где над головами защитников, которых осталось совсем мало, непрерывно жужжали пули и рвалась шрапнель.

«СПАСИБО, СЫНОК, ДОБРОЕ У ТЕБЯ СЕРДЦЕ...»

А фашисты снова шли в атаку. Они знали, что в форте осталось совсем мало людей, что большинство складов с боеприпасами погребено под обломками стен и красноармейцы берегут каждый патрон, каждую гранату. Фашисты знали об этом и потому шли на приступ во весь рост, засучив рукава, неторопливо и зловеще.

Красноармейцы молчали. Не стрелял и Володя, хотя давно уже взял на мушку правофлангового.

Гитлеровцы все ближе и ближе. Все сильнее сжимает Володя ложе карабина. «Почему нет команды, почему никто не стреляет?» — думает он.

Еще минута-другая, и фашисты подойдут совсем близко!..

И вдруг короткое:

— Огонь!

Володя не слышал выстрела своего карабина. Он слился с дружным треском пулеметов и автоматов. Мальчик только почувствовал легкий толчок в правое плечо и увидел, как шлепнулся на землю правофланговый.

Упали и другие гитлеровцы — кто подкошенный пулей, кто спасаясь от нее. Но красноармейцы не прекращали огня. Они расстреливали тех, кто полз и двигался короткими перебежками. Нельзя было допустить врага к форту: в рукопашной схватке трудно было бы устоять перед такой лавиной. И фашисты не выдержали, побежали назад.

Володя вздохнул с облегчением. Рядом с ним кто-то тоже громко вздохнул. Горнист обернулся и увидел пожилого усатого пулеметчика, старательно вытиравшего лицо платочком. Тот тоже смотрел на Володю.

— Ты откуда такой взялся? — спросил пулеметчик.

— А я в госпитале был, помогал. Теперь я тут... отпустили на два часа...

— Страшно? — в глазах пулеметчика заиграли лукавые огоньки.

— Не очень, — ответил Володя.

— Ты бы воды принес, сынок. Ребята от жажды пропадают. Она, проклятая, сильнее, чем фашисты, донимает.

Принести воды! Легко сказать. А где ее возьмешь, эту воду? В госпитале тяжелораненым и то дают по капле, не больше, а сами врачи и сестры почти совсем не пьют. И все потому, что во время первой же бомбардировки фашисты разбили водопровод. Чтобы добраться до Муховца или Буга, особен-

но днем, нечего было и думать. Вся местность простреливалась. Володя знал, что отдельные смельчаки ходят к Муховцу, и не без успеха. Значит, и он может пойти.

— Я вам, как стемнеет, принесу воды, — пообещал Володя.

В июне сумерки сгущаются медленно. Кажется, и солнце уже давно зашло, а вокруг светло и видимость такая, как в пасмурный зимний день. Но хуже всего то, что непрерывно вспыхивает пламя разрывов, небо прорезают белые дуги ракет, осторожно прощупывают местность прожектора.

Долго лежал Володя в укрытии, дожидаясь удобной минуты. Вот яркий луч прожектора медленно прополз вдоль берега, скользнул по воде, на мгновение остановился и повернул назад. Погас, потом снова вспыхнул и принялся шарить по берегу и в реке. Это повторялось через равные промежутки времени.

Таковыми промежутками Володя и решил воспользоваться для перебежки. Сделать десять — двенадцать шагов, потом упасть в какую-нибудь воронку или за камень и ожидать, пока погаснет прожектор. Только бы фляжки не подвели. Их аж двенадцать, и некоторые не общиты. Могут звякнуть.

План оказался удачным. До самой речки Володя добрался незаметно. Потом лег в воду так, что на поверхности остался только нос, и начал наполнять фляжки.

Радясь успеху, Володя пробирался назад уже менее осторожно. И когда до прикрытия оставалось каких-нибудь пятнадцать — двадцать шагов, по нему внезапно скользнул и замер луч прожектора. Едва успел Володя броситься на землю, как, захлебываясь, застрочил пулемет, потом одна за другой рванули рядом три мины.

Мальчик лежал ни жив ни мертв. В ушах звенело, болела голова, руки и ноги почему-то перестали слушаться. Володя попробовал подняться и сразу же потерял сознание.

Пришел он в себя оттого, что кто-то влажной рукой провел по его лицу.

«Фашисты!» — мелькнула страшная мысль. Володя рванул-ся, но на него цыкнули.

— Лежи, не двигайся! Мы свои, — прошептал кто-то. В это мгновение по ним скользнул луч прожектора. Володя успел разглядеть лицо того, кто говорил. Это был лейтенант, которого он встретил в первый день войны.

— Ползти сможешь? — спросил лейтенант.

— Кажется, смогу.

И вот они втроем — впереди лейтенант, за ним Володя, а сзади пограничник — поползли к крепости.

Через полчаса Володя был у Восточного форта. Светало. Было почти тихо. Только изредка доносились одиночные выстрелы или короткие пулеметные очереди. Володя нашел пулеметчика и дал ему фляжку:

— Вот, пейте...

Пулеметчик осторожно, словно бесценное сокровище, взял в руки фляжку, подержал немного и поднес к губам. Закрыв глаза, он сделал несколько глотков.

— Ух ты! — его потрескавшиеся губы растянулись в счастливой улыбке. — Ну, теперь меня надолго хватит. Берегись, фашистский гад! — погрозил он кулаком.

— Вы пейте, пейте еще, — сказал Володя.

— Спасибо, сынок. Доброе у тебя сердце, — сказал пулеметчик. — Только знаешь, есть у нас такая поговорка: сам съешь хоть вола — одна хвала. Другие тоже хотят пить. Вот и отнеси им. А мне пока достаточно.

От красноармейца к красноармейцу переходил Володя и давал каждому флягу. Бойцы брали ее дрожащими от нетерпения руками, припадали к горлышку, но, как правило, глотнув два-три раза, отрывались и, отдавая фляжку назад, просили:

— Неси дальше. И там пить хотят...

Когда Володя вернулся обратно, было совсем светло. Началась новая атака.

Непрерывно били орудия и минометы, один за другим пикировали бомбардировщики, сбрасывая на форт сотни килограммов смертоносного груза. Отстреливаться не было никакого смысла, и защитники форта лежали неподвижно в укрытиях.

После артналета и бомбардировки Володя осторожно приподнял голову и посмотрел на усатого пулеметчика. Его лицо было в крови.

— Вы ранены? — испуганно спросил мальчик.

— Да, сынок. Побудь-ка у пулемета, пока я заскочу вниз, сделаю перевязку.

Вскоре враг опять начал яростный артналет. Снаряды рвались по всему форту. Один из них упал рядом с пулеметом.

Володя увидел только огромный сноп пламени и... полетел куда-то в темную бездну...

*

Володя поднимает тяжелые веки. Над ним знакомое усатое лицо, и вокруг лица — осунувшиеся, измученные. Они качаются слева и справа. А за ними — чужие фигуры в мундирах жабьего цвета.

— Фашисты!

Володя хочет приподняться, но чьи-то руки крепко его держат.

— Лежи, лежи...

Это говорит усатый пулеметчик. Он несет Володю на руках...

Вскоре, когда Володя немного окреп, пулеметчик рассказал ему обо всем, что тогда случилось. Взрывом снаряда Воло-

дю тяжело контузило, и стрелять он не мог. Но когда к пулемету подбежали фашисты и хотели его забрать, мальчик бессознательно вцепился в ручки и никак не хотел их отпускать. Гитлеровец замахнулся на него штыком. Но в эту минуту пулеметчик схватил Володю на руки. Так их и еще нескольких красноармейцев захватили в плен...

Через несколько дней в концлагерь привели еще одну группу военнопленных. Среди них был мальчик. Володя внимательно в него всмотрелся: он показался ему знакомым.

«Где же я видел его? — вспоминал он. — Ага...»

И Володя Казьмин явственно вспомнил мирный Брест. Был чудесный весенний день. Володя гулял с товарищами. На одной из улиц они заметили мальчика в такой же, как и у них, форме. Посмотрели друг на друга, но так и не познакомились. Кто-то из ребят тогда сказал:

— Это горнист 333-го стрелкового полка.

Больше мальчики в мирные дни не виделись. И вот встреча...

— Что думаешь делать? — спросил Володя.

— Бежать. А ты?

— Тоже.

И они пожали друг другу руки.

...Чем закончится этот, уже восьмой или десятый побег из фашистской неволи?

Тихо, осторожно идут глухими тропами по лесу два маленьких героя. А где-то впереди уже слышится далекий грохот советской артиллерии. Наши наступают!..

В начале войны Владимиру Казьмину не было и четырнадцати лет. После Победы он начал работать на одном из предприятий нашей страны.

Е. КУРТО, П. ТКАЧЕВ

НАШ ВОЛОДЯ

Если вы попадете в город Керчь, город двух морей — Черного и Азовского, и, совершая прогулку по главной улице Ленина, пересечете улицу маршала Ворошилова, на следующем углу вам бросится в глаза синяя табличка:

УЛИЦА ВОЛОДИ ДУБИНИНА

Если же вы захотите узнать подробнее, чьим именем названа эта улица, сходите в музей. Там, в зале, где собраны материалы о славных крымских партизанах, вы увидите портрет мальчугана лет тринадцати-четырнадцати. Из-под упрямого высокого и чистого лба на вас глянут очень большие веселые и пытливые глаза, и вы невольно влюбуетесь открытым и необыкновенно милым лицом. Это портрет Володи Дубинина, «нашего

Володи», как любовно зовут и поминают его в Керчи. Имя керченского пионера вошло в историю бесстрашной борьбы советских людей за освобождение Крыма, за утверждение мира во всем мире. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Бронзовый бюст юного героя вы увидите перед фасадом средней школы, носящей имя Володи Дубинина.

Если вы попросите Володину мать, Евдокию Тимофеевну, рассказать о сыне, она припомнит немало историй, которые вечно приключались с Володей. Он был неугомонным, деятельным, всегда стремившимся осуществить в жизни то, что наполняло мечтами его горячую голову.

В ящиках Володиного стола всегда хранилось множество каких-то инструментов, гвоздей. Оттуда вылезала непослушная проволока, капала разлитая кислота, пахло чем-то едким. Иногда на Володином столе что-то взрывалось, заполняя удушливым дымом комнату. Мальчик доставлял матери много хлопот. Но сердиться на Володю было трудно: прямодушный, очень честный, он никогда не лгал и сам откровенно во всем признавался.

Евдокия Тимофеевна тихо рассказывала нам про своего сына, когда мы впервые пришли к ней и сидели в чистой горенке у портрета, висевшего на стене. И Володина сестра, Валя Дубинина, — она была старше своего брата почти на два года — вставляла словечко, чтобы дополнить рассказ матери, если та что-нибудь не могла припомнить.

Мы узнали, что в довоенное время семья Дубининых состояла из четырех человек. Об этом напоминала большая семейная фотография в рамочке под стеклом. На ней нетрудно было узнать тогда еще молодую Евдокию Тимофеевну и Валю, еще девочку, и самого Володю, наголо остриженного, восьми- или девятилетнего.

Вместе с ними на фотографии был крупный, добродушный мужчина, обритый наголо, чуть улыбающийся, как бы оглядывающий всю свою семью. Он был в просторном двубортном пиджаке, но по его облику и фигуре, по выправке угадывался человек, привыкший к военному костюму.

То был отец Володи, Никифор Семенович Дубинин, партизан гражданской войны. Он был моряком. И Володе вместе с матерью довелось немало поездить от Черноморского берега до берегов Заполярья. В Мурманске, на пароходе «Красин», где служил отец, Володя быстро сдружился со всей командой. Он скоро узнал, как устроена машина, но и тут не удержался от «опытов». Однажды, когда кочегары и машинисты мылись в корабельной бане, Володя, оставшись один в машинном отделении, стал вертеть «для исследования» рукоятки кранов и нечаянно выпустил пар из котла. В бане тотчас же прекратилась подача горячей воды, и намыленные кочегары бросились

сквозь облака выпущенного пара в машинное отделение, где перепуганный виновник происшествия сам во всем признался.

Расспросите старую школьную учительницу Юлию Львовну Файст, она приведет немало примеров из школьной жизни Володи, когда замечательно проявлялась его душевная прямота, взыскательная честность в отношениях с товарищами, справедливость в суждениях.

Если вы спросите бывших авиамodelистов из Керченского дома пионеров, они сообщат вам не без гордости, что пионер Володя Дубинин занимался в их кружке и был одним из лучших авиаконструкторов города. Его модели ставили рекорды, и все помнят, как он построил «И-16», маленькую модель истребителя, как мечтал: «Вот скоро полетит мой птенчик...»

Много еще можно узнать о Володе от его друзей, родных, школьников, но самое интересное, самое главное расскажут о Володе Дубинине бывший командир партизанского отряда Лазарев, боевой соратник Володиного отца в молодости Иван Захарович Гриценко, его сын, а также другие партизаны. После войны они вернулись к своей мирной работе, но никто из них не забыл пятидесяти суток, проведенных в сыром мраке каменоломен Старого Карантина, близ города Керчи.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны Володя вернулся из «Артека» поздоровевший, полный всевозможных планов на лето, но... началась война. Отец ушел в военный флот. Убедившись, что в его возрасте «на войну еще не принимают», Володя задумался вместе со своими сверстниками над тем, как можно у себя дома помочь далекому фронту. Он стал вожакom тимуровцев. Во многих семьях фронтовиков скоро стали считать своим домашним человеком большеглазого, круглолобого, загорелого мальчугана с алым галстуком, который он снимал, когда был недоволен собой или какое-нибудь дело, не доведенное до конца, томило его совесть. Ребята собирали бутылки, которые можно было превратить в противотанковые снаряды, наполняли их горючей жидкостью. По сбору бутылок звено Володи Дубинина заняло первое место в городе.

А фронт все приближался. В конце лета немцы повели наступление на Крымский полуостров. По ночам вражеская авиация бомбила город. Дубинины переселились к Володиному дяде в поселок Старый Карантин.

Володя Дубинин

В КАМЕНОЛОМНЯХ

Здесь мальчик обычно проводил свои летние каникулы, здесь он со своим двоюродным братом Ваней Гриценко и с другими ребятами играл в войну красных партизан против белогвардейцев. Ребята как-то уговорили Ивана Захаровича Гриценко сводить их в каменоломни. И там, глубоко под землей, пробираясь со свечами в руках по таинственным каменным галереям, мальчики увидели выцарапанную на камне звезду и под ней надпись: «Здесь в 1919 году жили и воевали за Советскую власть красные партизаны Старокарантинского отряда Никифор Дубинин и Иван Гриценко». Словно замороженные, стояли тогда мальчишки перед этой памяткой о боевой молодости их отцов.

А теперь, придя в Старый Карантин, Володя увидел у входа подземной каменоломни автомашины, телеги, нагруженные ящиками, мешками, бочками. Все это спешно сгружали в черные недра каменоломни. Сперва мальчик решил, что под землей устраивают склад, чтобы уберечь продовольствие от наступающих немцев, но потом догадался, что дело тут посерьезнее. Гриценко был посвящен в тайну, но не раскрывал ее Володе. И не сразу удалось ему узнать, что под землей коммунисты организуют партизанский отряд. Володя бросился к Гриценко, стал упрашивать дядю похлопотать, чтобы его приняли в отряд.

Командир партизанского отряда, уходившего под землю, бывший моряк Александр Федорович Зябрев, хорошо понимал, какие жестокие испытания предстоят людям в каменоломне. Поэтому он зачислял в отряд только таких людей, в которых был уверен, что они могут выдержать любые трудности. Но, видно, Гриценко сумел рассказать о своем племяннике командиру. Зябрев поверил старому партизану и зачислил Вову Дубинина в отряд.

— Может быть, из него и разведчика придется сделать, — задумчиво произнес он.

— По-моему, из Вовки хорошего бойца выкроишь, — уверенно ответил дядя Иван. — Он из нашей породы.

Бои приближались, немцы были уже на пороге города.

6 ноября 1941 года, в канун Октябрьского праздника, партизаны услышали по радио голос Москвы. Каждый запомнил услышанные слова, как наказ Родины и партии: «Истребить всех до единого немецких оккупантов, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения». На завтра партизаны спустились в подземные каменоломни, где двадцать два года тому назад скрывались славные борцы за молодую Советскую власть.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей провел партизанский отряд под землей. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей пробыл с партизанами в подземной крепости Володя Дубинин. Узнав, что в каменоломнях скрываются партизаны, немцы всеми спосо-

Партизанские разведчики Володя Дубинин, Толя Ковалев и Ваня Гриценко

бами старались уничтожить маленький отряд. Партизаны отражали все попытки фашистов пробиться в каменоломни, уничтожили полтораста гитлеровцев. Немцы бросали в каменоломни бомбы, пытались отравить партизан удушливыми газами, замуровать их заживо: все входы, все щели были залиты бетоном и заминированы снаружи. Но партизаны не сдавались. Они ушли на глубину до 60 метров. Отделенные шестидесятиметровой толщей камня от всего живого, от света, от наземного воздуха, теряя счет дням и ночам, партизаны жили по точному трудовому расписанию, подчиняясь правилам боевой дисциплины. В свободные часы проводили военные и политические занятия, читали вслух книги, взятые с собой под землю.

Люди соскучились по звездам. Иногда ночью молодые партизаны подползали к открытому стволу шахты и тихонько любовались снизу крохотным клочком звездного неба, которое синело там, наверху. Но черная фигура немецкого часового заслоняла звезды, и при малейшей неосторожности сверху начинали сыпаться фашистские гранаты.

Немцы оцепили всю местность, обнесли ее колючей проволокой, заминировали все подступы. По приказу немецкого командования ни одна живая душа не смела появляться в этом районе. Но юный разведчик Володя Дубинин, два его товарища Ваня Гриценко и Толя Ковалев ухитрились пробираться на поверхность через потайные щели. Обнаружив эти входы, немцы и их замуровали. Осталась одна щель, совсем маленькая, через нее мог пробраться наверх только Володя. Он один ходил в разведку, доставляя партизанам ценные сведения.

Володя очень соскучился по матери и сестренке. Однажды он подкрался к окнам домика Гриценко и глянул через окно: увидел усталое, измученное лицо матери, увидел сестру; но помнил долг разведчика и важность порученного ему дела, не сказал о себе, не позвал.

ПАРТИЗАН СПАСЛИ СМЕТЛИВОСТЬ И БЕССТРАШИЕ ВОЛОДИ

Однажды во время разведки Володя обнаружил тяжело раненного советского моряка и помог перенести его в каменоломни. В другой раз, когда Володя возвращался в отряд, оказалось, что немцы уже замуровали отверстие, из которого он вылез несколько часов назад. Долго ползал мальчуган по заминированным камням в нескольких шагах от немецких часовых, прежде чем отыскал другую лазейку.

Потом случилось так, что он, выбравшись на поверхность, разведал коварный план гитлеровцев, собиравшихся затопить каменоломни морской водой. Рискуя жизнью, Володя под самым носом фашистских часовых ухитрился проползти обратно в каменоломни и успел предупредить подземных партизан о страшной, гибельной опасности. Партизаны бросились спешно возводить плотины в галереях. Был объявлен подземный аврал.

Всех свободных от дежурств и караулов партизан срочно направили в верхний ярус каменоломен. В полной тишине, стараясь не привлечь внимания немцев, которые орудовали над самой головой у партизан, устанавливая трубы, шланги и насосы, чтобы вода пошла в недра каменоломен, партизаны начали возводить из камня-ракушечника внутренние стены и перегораживать ими коридоры, которые вели к опасному сектору.

И вовремя! Каменные перегородки еще не были окончательно сложены, когда сверху через один из стволов, размурованных гитлеровцами, хлынула, шумно бурля, вода. Она быстро затопила верхнюю галерею, ударила струйками сквозь щели еще не зацементированных каменных стен. Высоко держа над головами шахтерские лампочки, по колена, а кое-где и по грудь в студеной воде, партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Всю ночь шла работа. К утру вода уже не проникала в нижнюю галерею. Но так как враги могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех подозрительных участках верхних галерей.

За двое суток все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом.

Когда опасность быть затопленными в каменном мешке миновала, партизаны — а их было свыше девяноста человек — вспомнили, что своим спасением они обязаны сметливости и бесстрашию Володи. Он подвергался смертельной опасности, когда днем, почти на виду у фашистов, пробрался назад в каменоломни, чтобы предупредить командование отряда о смертельной опасности, нависшей над людьми.

В последние часы тяжелого 1941 года, под самый Новый год, Володя Дубинин выбрался на поверхность, чтобы по при-

казу командира связаться с партизанами, засевшими в Аджи-мушкайских каменоломнях, расположенных далеко от Старого Карантина.

Выйдя наверх, Володя неожиданно натолкнулся на красноармейцев и матросов, которые только что высадились десантом и освободили Керчь от фашистских захватчиков.

Эту ошеломляющую, радостную весть, которую партизаны под землей ждали, как земного света, как глотка свежего воздуха, принес в подземелье юный разведчик Володя Дубинин.

Советские солдаты и моряки помогли черным от копоти, полуослепшим от постоянной темноты людям выбраться на поверхность.

Володя отправился к матери, прицепив к поясу почти целый десяток гранат. Ему хотелось показаться матери и сестре во всей партизанской красе. Но когда прошла первая радость свидания, мать велела чумазому, закопченному герою прежде всего раздеться и хорошенько вымыла его в горячей воде.

Памятник Володе
Дубинину в Керчи

После освобождения Керчи Советское правительство наградило юного разведчика пионера Володю Дубинина орденом Красного Знамени. В списке награжденных партизан он идет вторым — вслед за погибшим командиром отряда Александром Зябровым.

4 января 1942 года Володя добровольно вызвался помочь саперам, взявшимся за расчистку заминированных фашистами подступов к каменоломням. Здесь бесстрашного мальчика настигла смерть. Вместе с одним из саперов он подрывался на mine.

Володя Дубинин похоронен в партизанской могиле, неподалеку от каменоломен.

Вот чье имя носят школа в городе Керчи и улица, ведущая от горы Митридат к морю. О нем рассказывают и страницы книги Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Л. КАССИЛЬ, М. ПОЛЯНОВСКИЙ

ПИОНЕРЫ СЕЛА ПОКРОВСКОГО

ПЕРВАЯ ЛИСТОВКА

С некоторых пор в селе Покровском, оккупированном фашистами, стали твориться странные вещи: то появятся на стенах домов написанные от руки воззвания к советским гражданам, то немецкий солдат, встав поутру, недосчитается патронов, нескольких гранат или даже винтовки. Фашисты неистовствовали. Они ходили по хатам, рылись в сундуках, обыскивали сараи и подвалы, но ни гранат, ни винтовок не находили, а неприятные для новых «хозяев» происшествя все учащались.

На листовках вместо подписи стояли три таинственные буквы: «КСП». Кто скрывался за этими буквами? Двух мнений тут быть не могло: конечно же, партизаны. Немцы потеряли покой. Круглые сутки по селу шагали патрули. И ни одному оккупанту не могло прийти в голову, что партизанский отряд, нападения которого они ждали с минуты на минуту, — это всего лишь группа детей и подростков: немцев держали в постоянном страхе двенадцать покровских пионеров.

Теперь нам следует вернуться назад, чтобы читателю стало понятно, как же это все произошло.

В хате Носаковых собрались друзья. Они слышали о возвращении из Артемовска Васи Носакова.

Всего несколько месяцев назад они вместе, гурьбой ходили в одну школу, веселились у костра. Каким далеким было все это!

Намного выше казались очень похудевшие Володя Лагер и самый близкий Васин друг Борис Метелев. Еще больше потемнело смуглое скуластое лицо Толи Цыганенко, которого

в школе прозвали Цыганом. Прежде такие живые, лукавые глаза его теперь смотрели хмуро, исподлобья.

Раньше встречи ребят бывали шумными, веселыми, говорили все вместе, громко смеялись. Теперь в комнате сидели все те же мальчишки, но было тихо, и говорили они почти шепотом, словно думали вслух. Борис Метелев молчал, и Вася заметил, что товарищи посматривают на него с каким-то особым сочувствием. Но Володя Лагер сказал:

— У нас, знаешь, сколько народу в Германию угнали? — И снова взглянул на Бориса.

— Нашу Таню тоже угнали... — собравшись с силами, заговорил, наконец, и Борис.

— Таню? — громко отозвался Вася, впервые услышавший об этом.

— Спрятать мы ее не успели... — не поднимая головы, с трудом, будто каждое слово царапало ему горло, рассказывал Борис.

— Когда уводили, я ей сказал: «Правду писать тебе все равно не дадут, так ты вот как делай: если не вовсе тебе уж плохо будет, пиши, что живешь добре, а если очень худо, пиши, что живешь хорошо». И вот пришла от нее открытка. Все слова черным замазаны, а оставлено только три слова: «Я живу хорошо...»

Вася слушал, закусив губу. Он знал, как Борис любил сестру. Да и все ее любили. Была она веселая, добрая, приветливая. И пела славно.

— Потом и меня погнали в Германию, — продолжал Борис. — Вели под конвоем. Есть ничего не давали. Кто от голода ослабеет, идти не может, тех бросали на дороге умирать. Я решил — убегу, нипочем не поеду на чужбину, пусть умру, но на своей земле. И убежал. Сколько километров — все бегом да бегом, не знаю, откуда и силы взялись. Потом два месяца дома с постели не вставал...

— Ну, так... Как же мы теперь... будем? — неожиданно прервал Бориса Володя Лагер, уже прямо обращаясь к Васе.

Вася был в школе председателем их пионерского отряда, не по годам серьезным, вдумчивым, его товарищи любили, уважали и относились к нему, как к старшему. Вместо ответа Вася стал рассказывать обо всем, что видел, что испытал в Артемовске: о пленных за колючей проволокой, о том, как он сам сидел в тюрьме, о партизанах, которые действовали не только в лесах, но и в городах, селах.

— Но мы-то, мы-то что можем сделать? — с горечью воскликнул Толя Цыганенко. — У нас и оружия-то нет.

— Взрывать мосты, дороги — да разве это сделаешь голыми руками? — добавил Володя Лагер.

— С партизанами бы связаться, — сразу оживился Борис, —

Вася Носаков

Надя Гордиенко

да где их найдешь? В Покровском ничего пока о них не слышать. Лесов у нас поблизости нет — одна степь.

— Я знаю, с чего надо начать. Знаю,— твердо произнес Вася.

— Но сперва... сперва подумаем, кого еще мы возьмем в свою... ну, в компанию... Нет, в отряд,— слово «компания» Васе показалось неточным, легковесным.

— Толю Погребняка,— стали называть ребята.

— Прокопенко.

— Володю Маруженко.

Вася согласно кивал головой, потом нерешительно спросил:

— А Лену Никулину?

— Ну, нет! — дружно запротестовали ребята.

— Мала очень.

— И уж больно поговорить любит, еще проболтается!

— Как хотите,— сказал Вася, в душе, однако, оставшийся при своем мнении. Несмотря на то, что Лене было всего двенадцать лет, он давно дружил с ней и верил ей.

— Давайте напишем листовку,— предложил Вася.— Вам приходилось читать листовки, которые сбрасывают советские самолеты?

— Как же, приходилось,— сказал Володя Лагер.— У меня и дома они есть. Читали.

— А мы еще напишем свои, понимаете? И расклеим их всюду. Прямо сейчас напишем, тут нечего раздумывать — дело ясное.

Вася подошел к столу, тщательно очинил карандаш, вырвал из тетради несколько чистых листов, разрезав каждый на две равные части. Бумагу надо было экономить.

...Так появилась в Покровском первая листовка. И говорилось в ней вот о чем:

Вставай на защиту своей родной Отчизны!

Мы знаем, что врага можно на фронте убить только с одной стороны, а в тылу его можно настигнуть со всех сторон. Так что давайте бороться хоть понемногу, чтобы как можно скорее разбить врага и освободить наших угнетенных, кого насильно забрали в неместчину. Над ними издеваются, их морят голодом. Товарищи, давайте дружно возьмемся и поможем нашей доблестной Красной Армии! Вставайте против врага! Смерть фашистам!

Много было потом таких листовок, вырванных из школьных тетрадей в клетку или в линейку, исписанных старательным и неровным ученическим почерком. Покровчане поспешно, словно мимоходом, прочитывали их поутру, прежде чем немцы успевали сорвать со стен домов. Иногда люди находили такие листовки прямо на ступеньках своих крылец под камешком (чтобы не унесло ветром). И, читая эти листовки, люди словно вдыхали свежий воздух, с благодарностью думая о тех, кто стоял за тремя загадочными буквами: «КСП».

ДЕВОЧКИ

Надя Гордиенко до войны хорошо училась, толково выполняла поручения пионерского отряда. Но друзей, настоящих, близких друзей, у Нади не было. Ребята считали ее гордой. «Нелюдимая она какая-то», — случалось, говорили о ней одноклассники. А Надя была молчаливой и замкнутой не от гордости, а от застенчивого характера. Первой поняла это Оля Цыганкова, веселая черноглазая девочка. И скоро Надя стала для нее ближе всех подруг.

И теперь подруги все время проводили вместе. Однажды, еще до возвращения Васи из Артемовска, им удалось подобрать в степи, куда они часто ходили вдвоем, много листовок, сброшенных советским самолетом.

Несколько раз перечитали девочки все, что было в них написано, почти наизусть выучили и хотели оставить их в степи — авось попадутся на глаза кому-нибудь из своих, но, подумав, взяли с собой.

В ту же ночь, осторожно, ползком прокрадываясь мимо немецких патрулей, они разнесли листовки по селу. Так девочки решили поступать и впредь.

Они поделились своими планами с тремя подругами: Варей Ковалевой, Ниной Погребняк, Леной Никулиной, той самой, которую Вася хотел привлечь в свою группу. Надя и Оля знали: Лена пойдет решительно на все, лишь бы навредить ненавистным врагам, с которыми ей пришлось столкнуться особенно близко.

В холодную зиму немцы заняли чистую, светлую хату Никулиных, выкинув хозяев в сени. Родители Лены понимали — перечить бесполезно. Но Лена не могла, не желала мириться с таким произволом.

Оля Цыганкова

Володя Маруженко

— Это наш дом, понимаете, наш! — крикнула она однажды своим непрошенным квартирантам. — Вы не смеете нас выгонять!

Немцы не знали украинского языка, но гневное лицо девочки было красноречивее всяких слов. На минуту в комнате стало очень тихо. Потом гитлеровский офицер схватил ее за плечи и толкнул с такой силой, что она отлетела за дверь, ударилась в кухне головой о плиту и потеряла сознание.

...И Лена, несмотря на то, что была самой маленькой, первая предложила девочкам распространять листовки. Девочки сами сочинили листовку, переписав ее во множестве экземпляров. Это первое их воззвание было обращено к покровским пионерам:

Пионер! Вставай на защиту своего родного края! Не давай пощады немецким захватчикам! Помогай своим отцам и братьям! Они борются, чтобы вызволить нас из немецкого рабства! Да здравствует Красная Армия!

Однажды к Васе прибежали взволнованные сразу все его товарищи. Он удивился, нахмурился: не дело это — собираться среди бела дня, кто-нибудь может заметить, заподозрить неладное. Но то, что рассказали ребята, ошеломило его. Два Анатолия — Цыганенко и Погребняк — видели сегодня прикрепленную к дереву листовку, написанную как и их листовки, от руки. Почерк был детский, ученический: очевидно, в селе действовали еще какие-то ребята.

Надо было поскорее узнать, кто же эти неизвестные друзья. И снова Вася подумал о Лене: может быть, она знает?

— Надо бы спросить у Лены, — задумчиво сказал Вася.

— А я у Нины спрошу, — решил Толя Погребняк. — Может, она знает.

В тот вечер Толя долго старался вывести что-нибудь у сестры. Он подозревал, что она-то и писала листовки, почерк, хотя и старательно измененный, все же казался ему очень знакомым; но Нина только делала круглые глаза и пожимала плечами.

— Да что ты, в самом деле? — повторяла она с удивлением. — Какие тебе листовки еще!

Так он ничего от нее и не добился.

Но, собравшись как-то вечером, девочки решили открыться Васе. Пока только ему, потому что они его уважали больше всех. К тому же Лена горячо уверяла их, что листовки в селе — это не иначе как дело рук Васи и его товарищей.

К Носаковым пошли вдвоем — Надя и Лена. Они во всем признались Васе, а тот рассказал им о своих делах. Отныне ребята решили действовать сообща, избрав командиром своего отряда Васю.

КСП

Так их стало двенадцать — пять девочек и семь мальчиков. Вечером 15 мая 1942 года они собрались у Васи Носакова. Приходили по одному, чтобы не привлекать внимания патрулей. В полной тишине ребята надели пионерские галстуки, построились в линейку, тесно прижавшись плечом к плечу. При скудном свете крошечной коптилки лица их казались особенно строгими, повзрослевшими. Вася вполголоса, почти шепотом, читал слова клятвы. Хор приглушенных, взволнованных голосов вторил ему:

— Буду выполнять все задания, которые мне поручит командир!

— Буду беречь в секрете всю работу отряда.

— Буду мстить подлым врагам, которые принесли нам голод и смерть...

Забыв об осторожности, ребята говорили все громче и громче. А в это время совсем рядом, в темных сениях, стояла Домна Федоровна. Она прислонилась к стене, уронив руки, ссутулясь, словно под тяжелой ношей, прислушивалась к доносящимся из-за двери голосам и беззвучно плакала, не утирая слез. Плакала о том, что рано кончилось детство ее сына и его друзей, и кто знает, что ждет их, таких еще юных и неопытных, на их трудном и честном пути.

Но так было повсюду, где ступал тяжелый сапог захватчиков. Молодые и старые, дети и женщины боролись с врагом, боролись не в одиночку, а сообща, боролись днем и ночью, не щадя ни сил своих, ни жизни. И под откос летели составы, пылали склады оружия, рвались гранаты, падали убитые фашисты. Разоренные, измученные села и города оцетинились партизанскими отрядами, повстанческими комитетами, под-

польными союзами. И отряд покровских пионеров был лишь одной частицей, одним боевым звеном великой народной армии.

Что же означали таинственные буквы КСП, которые неизменно стояли теперь под каждым воззванием пионеров села Покровского?

Вася уже давно писал повесть, не один год. Героя этой повести Вася назвал Анатолием Каровым. До войны его жизнь протекала спокойно, светло, так на Васиных картинах (он увлекался и рисованием) цвели, зеленели сады, шуршали камыши, роса ложилась на травы.

Вася наделил своего героя лучшими человеческими чертами: он был смелым, добрым, верным другом, любящим сыном и братом. Когда началась война, Васин герой взялся за оружие, чтобы вместе со своими соотечественниками освободить любимую Родину от фашистских захватчиков.

Вскоре после того, как пионеры дали клятву, Вася рассказал товарищам о своей повести и прочитал им последние, недавно написанные страницы — о том, как, исполняя поручение партизанского отряда, Каров идет в родное, занятое немцами село, как встречается с матерью и узнает, что его любимую сестру фашисты угнали в Германию.

Ребята сидели притихшие, взволнованные. Они услышали рассказ о себе, о том, чем жили они сегодня. И тогда же — никто не помнит, кому первому пришла эта мысль, — они решили дать своему отряду имя Карова. Так родилось название: Каровский союз пионеров, сокращенно — КСП.

ВЗРОСЛЫЕ ДРУЗЬЯ

Они слышали плач девушек, которых угоняли в Германию. По ночам их будил треск автоматов. Утром за селом они находили свежие могилы. Они видели все, что творили гитлеровцы в их родном селе, и ненавидели врага глубокой, жгучей ненавистью.

Ребята установили свои законы, которые должен был соблюдать каждый член подпольной пионерской организации. Запрещалось говорить по-немецки, запрещалось произносить бранные слова. «Уважать друг друга, не ссориться между собой, не насмехаться над товарищами», — таков был один из нерушимых законов Каровского союза. На улице пионеры не могли открыто салютом встречать друг друга. И они избрали другое приветствие. При встрече пионер тихо спрашивал товарища:

— Ты готов?

И слышал тихий знакомый ответ:

— Всегда готов!

Уже было написано много листовок, собрано и спрятано много патронов. Но что делать дальше? Что происходит на

Большой земле, на фронтах? Как об этом узнать, чтобы донести правду до односельчан, которым фашисты упорно твердили, что Москву они давно взяли, что война ими уже, в сущности, выиграна?

По селу шел глухой говор, будто невдалеке действует партизанский отряд, будто там в отряде есть и покровчане — коммунисты, комсомольцы. Ребята были уверены: так оно и есть. Лена, в доме которой по-прежнему квартировали немецкие офицеры, часто слышала разговоры о партизанах. По ночам офицеры вскакивали от каждого крика часового, спали не раздеваясь, даже не снимая сапог. Все это было неспроста.

Но как узнать, где находится партизанский отряд? Как с ним связаться? Вот о чем неотступно думали ребята.

И вдруг однажды старшая сестра Васи Галина попросила Васю прийти к ней, когда стемнеет: с ним хочет повидаться один человек.

Еле дождавшись вечера, Вася осторожно, садами пробрался к хате сестры. Галя открыла ему дверь и провела не в горницу, а в кладовую, где возле маленького стола сидел... немецкий офицер. От неожиданности Вася попятился к двери, но офицер поднял голову, и неровный мерцающий свет коптилки скользнул по его лицу.

— Вы! — радостно воскликнул Вася.

Это был тот самый сероглазый человек, с которым Вася однажды встретился у своего дяди в Артемовске. Вася его сразу узнал, несмотря на ненавистную форму, в которой все немцы казались ему на одно лицо, и вспомнил: этого человека он видел в довоенные праздничные дни в президиуме, на трибуне.

— Ну так вот, — тихо произнес тот, словно продолжая уже начатый разговор. — Я тебе дам сейчас листовки, в них последние сводки Совинформбюро...

— Вы партизан? — громко вырвалось у Васи.

Он тут же понял, что спрашивать об этом не следовало, но его собеседник ответил серьезно и просто:

— Да, я партизан. Слышали мы о тебе и о твоих товарищах. Думаем, что вам можно довериться. Вы нам сможете помогать. Да, убережь вас надо, а то сгоряча натворите на свою голову...

Долго разговаривали Вася и сероглазый партизан, назвавший себя Степаном Ивановичем.

С этого дня многое изменилось. Степана Ивановича Вася долгое время не видел и скучал о нем, словно это был близкий, родной ему человек. Но приходили товарищи Степана Ивановича, с которыми Вася встречался у сестры и еще в доме одной женщины, жившей неподалеку от Носаковых.

Вся деятельность ребят наполнилась новым содержанием, теперь каждым их шагом руководили взрослые, опытные люди.

Толя Погребняк

Варя Ковалева

Они приносили Васе последние сводки Совинформбюро, принятые партизанами по радио с Большой земли, а Вася рассказывал им обо всем, что происходило на селе, передавал оружие и патроны, добытые у немцев.

ФЛАГ НАД ПЕЩЕРОЙ

Лена Никулина обижалась на товарищей: долгое время она только переписывала листовки, других поручений ей не давали. Ведь она была самой младшей в отряде. Но вот ребята исписали все тетради. Анатолий Прокопенко обещал достать бумаги в Артемовске, куда он отправился вместе с родными, а кому-то из ребят предстояло сходить к нему за этой бумагой в Артемовск.

— Пошлите меня,— просила товарищей Лена,— я маленькая, на меня никто внимания не обратит. А в случае чего, скажу, что иду к сестре.

Ребятам не хотелось отпускать девочку так далеко, но подумали они, подумали и решили, что, пожалуй, и в самом деле Лена хорошо выполнит это задание. Она умна, находчива и при желании кого угодно могла к себе расположить.

Отправилась Лена в путь рано утром, шла быстро, порой почти бежала, уж очень ей хотелось удивить товарищей и поскорее вернуться к ним с бумагой. Но неподалеку от Артемовска она неожиданно столкнулась с немецким патрулем.

— Куда? — крикнул он так громко, что девочка вздрогнула, выронив из рук узелок с кукурузными лепешками.

— Домой, — все же поборов испуг, спокойно сказала она патрульному. — У сестры была, а теперь иду домой.

Понял ее немец или нет, но глаза у него были по-прежнему подозрительными, злыми.

Нина Погребняк

Толя Цыганенко

— Документ! — приказал он коротко.

Лена поморгала ресницами, заставила себя улыбнуться. Наполовину словами, наполовину жестами объяснила ему, что она маленькая, какие же у нее могут быть документы!

Немец поднял узелок, развязал его, лепешки брезгливо бросил на землю, а белый батистовый платок спрятал в карман. Потом снова уставился на Лену, долго сверлил ее глазами и молча повернулся к ней спиной.

Лена пошла, еле переставляя ноги, еще не веря в то, что миновала опасность. Когда же патруль, наконец, скрылся за пригорком, почувствовала страшную усталость, опустила прямо на землю.

Переночевала в Артемовске, у Анатолия, ничего не сказав ему о столкновении с патрульным. Вдруг Анатолий побоится дать ей бумагу, не отпустит домой одну.

На следующее утро он проводил ее за город, показал наименее опасную дорогу, и Лена благополучно доставила бумагу товарищам.

О том, как выполнила свое первое серьезное задание, Лена написала в дневнике, который ребята вели сообща. Писали они шифром, придуманным Борисом Метелевым (назвали его «азбукой капитана Немо»). При помощи этой азбуки они могли, не опасаясь каких-либо случайностей, коротко рассказывать в дневнике обо всех событиях на селе, о своей работе, о каждом выполненном задании.

Среди многих интересных записей в этом шифрованном дневнике есть одна, сделанная Володей Лагером, который был у каровцев «оружейных дел мастером». Вот о чем рассказал Володя.

В хату к Лагерам пришли на ночевку немцы. Один из них, офицер, ложась спать, повесил револьвер в кобуре на стену

над своей постелью. Володя не сводил глаз с револьвера. Он уже ни о чем не мог думать, ничего не видел, кроме этого тускло поблескивающего кожаного футляра на узком желтом ремне. Револьвер! Стоит только протянуть руку... Но надо было набраться терпения, выждать. Пусть только немцы уснут. А если офицер проснется, его можно уложить из его же оружия. Володя решил твердо: «Сам погибну, но и он, окаанный, жить не будет!».

Мальчик дождался, пока все немцы улеглись и затихли. Потом, неслышно ступая, подошел к постели спящего офицера, дотянулся до кобуры, расстегнул ее, вытащил револьвер и сунул на его место свой деревянный самопал, — воспоминание о старых играх в войну. Совсем близко, под рукою лежал спящий немец, казалось, вот-вот он услышит, как громко бьется над самым его ухом Володино сердце, вскочит... Володя отошел в самый дальний угол комнаты и только тут перевел дыхание.

И в это время на улице послышался шум. Тревога! Немцы повскакивали. Офицер сорвал со стены кобуру с Володиным самопалом и выбежал из хаты. Только через неделю эта часть вернулась в Покровское, но «того» офицера Володя больше не видел.

Узнав, как был добыт револьвер, ребята строго осудили поступок Володи.

— А если бы немец вернулся? — сердито говорил Борис. — Или просто открыл кобуру и посмотрел? Надо же додуматься — самопал положить! Он бы сразу понял, что это твоих рук дело. Помните, что говорил Степан Иванович об осторожности.

С каждым днем ребята все тверже понимали: да, нужна строгая дисциплина, постоянная осторожность, выдержка. Иначе они рискуют не только собой, но и своим большим делом.

...Однажды, когда Домна Федоровна стояла на крыльце, к ней подошла Надя Гордиенко и протянула какой-то сверток, пояснив с улыбкой:

— Это вам подарочек от вашей дочки Гали.

Домна Федоровна взяла «подарочек». Сверток был небольшой, но увесистый, и она, сразу поняв, в чем дело, хотела припрятать его подальше, как вдруг в дверях появились полицейские. Испуганная женщина едва успела сунуть сверток в шкаф и стояла ни жива, ни мертва, глядя, как полицаи раскидывают постель, перетряхивают подушки, одеяла, заглядывают под кровать. Вот сейчас они подойдут к шкафу, и тогда всем конец, — и ей, и ребятам.

В эту минуту в дверь заглянул еще один полицейский и крикнул:

— Два велосипеда нашел!

Остальные, побросав подушки и одеяла, выбежали из хаты. Домна Федоровна уже успела спрятать «подарок» в надежный тайник. В свертке были патроны.

Володя Лагер

Лена Никулина

После этого обыска ребята больше не собирались у Васи. Теперь они переписывали листовки каждый у себя, забиваясь куда-нибудь в чулан или на печку. В дом Носаковых вообще старались забегать пореже и не все сразу, а поодиночке, лишь для того, чтобы получить задание или сообщить своему командиру что-нибудь важное.

Только далеко в степи, в долине, друзья могли собираться вместе. Тут они порою ненадолго забывали все свои заботы и становились просто ребятами: бегали наперегонки, вполголоса пели хором любимые песни. Иногда Вася приносил новые странички своей повести, и ребята, усевшись тесным кружком, слушали рассказ о подвигах Карова. Но это была только короткая передышка. Подпольщики уходили сюда в степь не для игр и не для отдыха: они всерьез учились военному делу. Руководил занятиями Толя Цыганенко. Это был строгий, требовательный военрук, но пионеры не сетовали на его придирчивость и слушались беспрекословно. Они изучали винтовку и пистолет, упражнялись в метании гранаты. Оружие было трофейное, захваченное у немцев, и каждый должен был уметь справляться с этим оружием, если придется употребить его в бою.

Однажды под вечер к Никулиным забежала Надя. Лицо ее было еще строже, чем всегда. Она увела Лену в сад и предупредила: Вася велел завтра рано утром, в четыре часа, всем собраться за селом под обрывом. Девочки долго озабоченно шептались, теряясь в догадках. Раньше назначенного часа собрались ребята под обрывом, и Вася рассказал им о своем замысле. Здесь, под обрывом, в глухом углу, куда не только немцы, но и покровские мальчишки не заглядывают, надо вырыть глубокую пещеру. Тут штаб КСП будет в безопасности. Тотчас же выбрали наиболее подходящее место, занялись пла-

ном пещеры. Решили устроить под землей большое и удобное убежище: два зала, большой коридор, кухню подле входа в дежурку. Старательно вычертив план, они, не откладывая, принялись за работу.

Работа была нелегкая, требовала много сил, времени и величайшей осторожности. Ребята пустили в ход лопаты, ломы, заступы — все, что удалось достать. Копали в три смены: время не ждало. Чтобы нечаянно не обнаружить себя, вырытую землю не оставляли подле пещеры, а сбрасывали в речку. До речки было шагов двести. Каждый из ребят за смену перетаскивал по тридцать — сорок ведер земли. Спокойнее всего было работать по ночам — в темноте немцам уж, во всяком случае, не придет в голову пробираться сквозь заросли кустарника в это глухое место.

Ребята не высыпались, ходили побледневшие, осунувшиеся, каждый мускул ныл от тяжелой работы. Зато дело продвигалось быстро. Когда были вырыты и тщательно отделаны дежурка, кухня и коридор длиной в три метра, Вася сказал: «Хватит!» Надо было вернуться к другим, прерванным на время делам.

Теперь листовки, полученные Васей от партизан, переписывались в пещере. Здесь же, вернувшись с боевого задания, ребята оставляли свои донесения, написанные шифром «капитан Немо», здесь висела шифрованная стенная газета Каровского союза, сюда сносили похищенное у немцев оружие. Словом, в пещере был настоящий штаб. Ребята приходили сюда, докладывали Васе Носакову о сделанном, получали новое задание.

Но вот прошел слух, что гитлеровцы собираются отправить в Германию новую партию девушек. На улицу решались выходить только пожилые женщины и старики. Ребята с болью думали о Тане Метелевой, о многих других, угнанных на немецкую каторгу. Всем вспоминалась девушка, которая повесилась, узнав, что ее должны отправить в ненавистную неметчину. Может быть, и на этот раз некоторые предпочтут смерть неволе? Ребята уже знали, что Варя Топчий предупредила отца:

— Я в Германию не поеду. Лучше умереть...

И восемнадцатилетняя Надя Курочка, единственная дочь у родителей, тоже сказала:

— Лучше не жить...

Мрачные, озабоченные собрались ребята в своей пещере. Чем помочь, как отвести беду? Со смутной надеждой они окружили Васю: что он скажет?

Вася помедлил, обвел глазами товарищей.

— Спрячем их здесь, — сказал он.

Ребята ответили радостными возгласами. В самом деле, хотя подземные «залы» и не были еще вырыты, в пещере отлично могли прожить несколько человек. Никто не разыщет их здесь.

Ребята хорошо знали всех молодых девушек на селе. Многие из них прежде учились в Покровской школе. Уговорились, кто к кому пойдет. Заранее объяснять ничего не надо, чтобы какое-нибудь неосторожное слово не докатилось до немцев, а просто ночью или рано поутру девушек провести в пещеру.

Вася зашел в хату Степана Топчия. Варя была дома. Он отвел ее в сторону, пошептался с нею. Девушка проворно собрала в узелок немного еды, сказала отцу:

— Я пойду пережду малость, — и поспешно ушла за Васей, не прибавив больше ни слова: куда идет, надолго ли.

В семье Курочки Васю встретили слезами. На Надю было страшно смотреть: так переменилась, исхудала она за последнее время. Вася сказал ей, что ему надо поговорить с ней по секрету, и увел девушку на кухню. Через минуту оба вернулись в горницу. Лицо у Нади просветлело, подсев к матери, она шепнула ей, что горевать теперь нечего, все будет хорошо: Вася надежно спрячет ее от немцев.

Две недели скрывались девушки в пещере, помогали ребятам переписывать листовки, а те приносили старшим под-

Памятник Васе Носакову
в селе Покровском

ругам еду от родных, разумеется, не рассказывая им, где находятся их дочери.

Немцы сначала устраивали одну облаву за другой, рыскали по домам. Но скоро им стало уже не до того: Красная Армия подходила все ближе и ближе.

Советские воины, подходя к Покровскому, увидели красный флаг. Он развевался над пещерой — штабом КСП. А навстречу дорогим освободителям бежали мальчики и девочки, двенадцать отважных пионеров с красными галстуками на груди...

*

Мы приехали в Покровское весной 1944 года, вскоре после того, как село было освобождено от немцев. Глубоким покоем веяло от белых хат, окруженных вишневыми садами, и даже не верилось: неужели по этим тихим улицам расхаживали фашисты, хозяйничали в домах, издевались над советскими людьми? Но это было. Мы видели разрушенные постройки, изуродованную школу, видели черные следы зверя, которые еще тянулись вдоль всей дороги от Покровского до Артемовска.

В те дни комсомол Украины праздновал свое 25-летие, и в его большую семью вошли еще двенадцать новых членов: все участники Каровского отряда пионеров стали комсомольцами.

«Наши партизаны», — говорили покровчане о ребятах, и в этих словах слышались ласка и гордость. К недавним подпольщикам приезжали фотографы, журналисты из Артемовска и Москвы, их расспрашивали, о них писали в газетах. Но никто из ребят не зазнался, не вообразил о себе лишнего. Они оставались все такими же скромными ребятами. Наступили мирные дни — и ребята нашли так же много дел, как и в военные годы. С увлечением ухаживали за своими шестью гектарами, засеянными кукурузой и подсолнухами для Красной Армии. На хатах вдоль всей улицы пестрели надписи, сделанные их руками: «Что летом родится — зимой пригодится», «Весенний день год кормит», «Посеешь в погоду — больше приплоду».

Ребята упорно готовились к весенним испытаниям и хорошо их выдержали. Мы слышали, как на экзамене по зоологии Толя Цыганенко подробно описывал органы дыхания речного рака, а потом с увлечением рассказывал о перелетах птиц.

Все члены организации за активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков приказом начальника Управления штаба партизанского движения от 19 февраля 1946 года награждены медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Ф. ВИГДОРОВА, Т. ПЕЧЕРНИКОВА

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ

В те дни, когда отряд С. А. Ковпака еще стоял в Брянских лесах, из села Воргола к нам пришел четырнадцатилетний Вася Мирошкин и попросил принять его в партизаны. Васиных отца и мать повесили фашисты. Сердце мальчика переполняла жажда мести. Я взял Васю к себе связным.

Смелый, смысленный, мальчик всегда точно и своевременно выполнял боевые задания.

Однажды, после боя под Бледчей, наши юные партизаны — Николаев, Семенистый, Руднев и Мирошкин — вернулись с крупной «добычей».

Кто-то крикнул:

— Гляди, ребята пленных привели!

Партизаны были поражены смелостью юных разведчиков: мальчики взяли в плен пятнадцать немецких солдат.

Это не шутка! Внимание всех привлекла одна курьезная деталь — все пленные поддерживали руками штаны. Фашисты стояли пристыженные, хмуро опустив головы.

На наш вопрос, что это значит, Семенистый ответил:

— Мы срезали им на штанах все пуговицы.

— Кто из вас это придумал?

— Я,— ответил Семенистый.

— Для чего вы это сделали?

— Откровенно говоря, мы были не совсем уверены, что сможем довести сразу пятнадцать человек. Они могли сговориться и наброситься на нас. Вот тут я и вспомнил про этот самый способ.

— Остроумный способ! Но как вам удалось заставить таких здоровил пойти на это?

— В том-то и дело,— оживился Вася Мирошкин.— Они бы ни за что не согласились, если бы мы делали это открыто. Мы выводили их поодиночке в укромное место и там отрезали пуговицы. Только когда мы снова собрали их вместе, они все поняли и очень злились, ругались, но ничего уже не могли сделать: руки у них были заняты.

Крестьяне нам сообщили, что в соседнем селе стоит вражеский гарнизон. Я вызвал Васю Мирошкина.

— Пробрись в зону обороны врага и узнай о его силах.

— Есть, товарищ командир!

— Тебе не страшно? — спросил я Васю.

— Нет, товарищ командир.

Через несколько минут мальчик бежал в сторону соседнего села с гусем под мышкой.

На следующее утро Вася появился в конце длинной широкой улицы. Он летел, как птица.

— Вася идет! Вася вернулся! — радостно приветствовали его партизаны.

— Гляди, ребята, гуся своего он продал,— сказал кто-то.

— Интересно, за сколько ты его продал? Не продешевил ли, браток? — шутили партизаны.

Не отвечая на шутки товарищей, маленький разведчик подошел ко мне и доложил:

— Задание выполнено, товарищ командир.

— Молодец, Вася! Ну, рассказывай, что ты узнал, много ли там гитлеровцев?

— Человек четыреста-пятьсот. Я видел их артиллерию, прикрытые брезентом орудия стоят на улице, по селу все время ходят солдаты. Крестьянские дворы забиты автомашинами. Гитлеровцы силой отбирают у крестьян продукты.

— От кого и как ты узнал численность вражеского гарнизона? — спросил я у мальчика.

— Крестьяне жаловались: «Мы не можем прокормить гарнизон из пятисот человек».

— Гуся продал выгодно?

Мальчик нахмурился, глянул исподлобья и еле слышно пробормотал:

— Отняли у меня гуся, проклятые!

— Кто отнял?

— Гитлеровец вырвал из рук. Он сначала начал щупать гуся, а потом замахнулся, закричал: «Цурюк, цурюк!» — и изо всех сил меня толкнул, а сам пошел дальше. Я побежал за ним, начал плакать. Он так меня саданул, что я чуть не упал в канаву.

— Не горюй, Вася,— сказал я,— военному человеку, да еще партизану, не гоже расстраиваться из-за какого-то там гуся! Стыд и срам тому солдату, который отнял гуся у беззащитного мальчика.

Как-то после боя в селе Шелячи мы преследовали отступающего врага.

Гитлеровцы, не успевшие бежать, прятались по хлевам и курятникам и, затаившись, сидели там часами. Вася бегал от одного курятника к другому и кричал:

— Здесь он, смотрите, куда залез! Ну-ка, выходи, выходи! — и направлял на врага автомат.

— Вася,— предупредил я Мирошкина,— ты сегодня слишком много бегаешь, смотри, будь осторожней!

— Есть быть осторожней! — весело ответил Вася и побежал вдоль улицы.

Через несколько минут в конце села началась перестрелка. Я пошел на выстрелы.

— Что случилось? — спросил я товарищей и увидел, что к нам направляется несколько партизан. Они несли кого-то на шинели.

— Васю нашего убили, товарищ командир!

Смотрю, действительно, он, мой Вася, мой верный связ-

ной. Чувствую, у меня ни кровинки в лице не осталось, к горлу подступили рыдания. Я снял фуражку.

Оказывается, на чердаке одной хаты засел гитлеровец. Когда Вася проходил мимо, тот выпустил по мальчику автоматную очередь.

Я попробовал найти пульс — никаких признаков жизни. Каких-нибудь полчаса тому назад как раз там, где сейчас лежало его тело, он прыгал, смеялся, жизнерадостный, полный сил.

Весть о гибели Васи вмиг облетела все соединение. Партизаны глубоко переживали смерть своего любимца.

Васю похоронили вблизи штаба, под высокой сосной, с партизанскими почестями. На могиле поставили деревянный памятник с надписью:

Здесь похоронен маленький
ВАСЯ МИРОШКИН,
связной партизанского соединения
имени Ковпака

*Д. БАКРАДЗЕ,
Герой Советского Союза*

САША КОЗАК — СВЯЗНОЙ ЦК

Автор этого рассказа — Зинаида Васильевна Сыромятникова — в годы Великой Отечественной войны была связной Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. Пешком, а порой и на самолете не раз пересекала она линию фронта, неся в тыл врага — подпольщикам и партизанам — важные задания партии.

Связными ЦК были коммунисты и комсомольцы, но среди них был и пионер — четырнадцатилетний Саша Козак. О юном герое — связном ЦК партии — рассказывает бывшая учительница, ныне персональная пенсионерка З. В. Сыромятникова.

Саша был отчаянным футболистом и первым забиякой на Шулявке. Поэтому Киевская школа № 71, где он учился в шестом классе, не очень им гордилась. Правда, отметки у мальчишка были неплохие, переходил он из класса в класс без троек. Но главным его увлечением был футбол. Саша без памяти гонял мяч. Мальчишки каждой улицы — команда. Улица против улицы — матч. Возможно, Саша Козак стал бы известным футболистом, но началась война.

...Холодно. Суровая первая военная зима. Кроме холода, донимает и голод. А все в доме еще и ругают Сашку, потому что из-за него, разбойника, семья осталась в захваченном фашистами Киеве.

В начале сентября, когда родители собрали вещи, чтобы ехать с детьми на восток, Саша куда-то исчез. Без сына ведь не поедешь! Когда вернулся домой, измученный, ободранный, ехать уже было поздно: Киев захватили немцы. Родители впоследствии узнали, что их Сашка блуждал с такими же,

как он сам, сорвиголовами по лесам, разыскивая партизан, чтобы вместе с ними бить чужеземных захватчиков.

Вдыхает отец — рабочий завода «Большевик» Сергей Серафимович Козак, плачет мать — Матрена Федоровна. Томится и Саша, сидя целыми днями дома. А куда пойдешь? Уже оббегал, пока снега не было, все леса и овраги, где шли бои. Сколько трофеев тайком от родителей в сарай понатакал: и винтовки, и патроны. Даже автомат немецкий принес.

Уже насмотрелся Саша и на то, как расстреливали людей в Бабьем яру. И самого Сашку тогда чуть не убили. Видел на улицах мертвых рабочих с «Большевика». Всего насмотрелся. Когда вдруг товарищ украдкой сообщил, что его хочет видеть тот высокий футболист из команды «Большевика», который лучше всех забивал голы.

Бывший футболист — начальник цеха завода «Большевик» Виктор Игнатьевич Хохлов — встретил мальчика приветливо.

— Здорово, форвард! — сказал и, как равному, пожал Саше руку.

А потом у мальчика совсем голова кругом пошла. Такое сказал ему футболист, такое!.. Он попросил пионера Сашу перейти линию фронта, добраться до ЦК партии Украины и кое-что передать. Его просят! До сих пор Сашку еще никто не просил, все только командовали...

Саша, понятно, с радостью согласился. И узнал в этот вечер, что подпольщики Киева оказались в очень тяжелом положении, что им нужны рация, деньги, шрифт для подпольной типографии. И все это они просят немедленно прислать. Саша несколько раз разыскивал место на карте Киевской области, где подпольщики каждую ночь будут ждать самолет с Большой земли. И мальчик отправился в дальний путь.

В кармане пиджачка — метрика на имя Козака Александра Сергеевича, родившегося 18 сентября 1927 года в селе Степановке Киевской области. Это был его единственный подлинный документ. А все остальное, что мальчик должен рассказывать, если его задержат в дороге, станут проверять документы, спрашивать, куда он идет, — будет «легендой» связного киевских подпольщиков, которую придумал Виктор Игнатьевич Хохлов.

По этой «легенде», он, Сашка, — воспитанник детского дома, у него никого нет на белом свете, кроме сестры Ольги, которая живет в Курской области. Мальчик идет к ней, чтобы не умереть с голоду.

Саше везло. Приобретал в дороге опыт, как находить подход к людям. Все жалели голодного, но веселого мальчика. Вскоре он добрался до Конотопа. Уже и Путивль позади, а там и Сумы, где-то правее Белгород... На каждом шагу немецкие патрули, солдаты. Чувствуется: фронт недалеко.

Спросил одного прохожего:

— Дяденька, как пройти на Прохоровку?

Тот удивленно глянул на то-ненького, измученного мальчика в стоптанных валенках.

— А чего тебе там надо? Там бои, фронт.

— К сестре иду. Кушать хочется...— заплакал Саша, да так не-притворно, будто уже и сам верил в свою «легенду», что где-то побли-зости находится его родная сестра.

— Ой, смотри, убьют...

Двадцать семь дней прошло с тех пор, как Саша вышел из Киева, и вдаль замаячили хаты Прохо-ровки.

Но тут не повезло: Сашу задержал патруль, повел в ко-мендатуру.

— Большевистский выродок! — закричал на мальчика ко-мендант и не захотел слушать про сестру, не поглядел и на мет-рику. Приказал бросить Сашу за решетку.

Сидит в подвале посланец Киевского подпольного горкома партии. Не жизни своей жаль, а того, что не сумел выполнить задания Виктора Игнатьевича. Сидит и горькую, не детскую, думу думает: как на волю вырваться!

Рядом с Сашкой — такой же, как он, мальчишка. Только Сашу почему-то не таскают на допросы, не бьют. А того пытаются, добиваются, чтобы признался, почему крутился возле немец-ких окопов, кто послал?..

Залитого кровью после допросов вбрасывают в камеру маль-чишку, а он молчит. И только когда понял, что не выйти ему из застенка, доверился Сашке: он советский разведчик, по-слал его командир узнать о расположении вражеских укрепле-ний, но вот не удалось, попался.

— Запомни, Сашка, Мазалов моя фамилия, Анатолием звать. Расскажи товарищам, как погиб Толька Мазалов, погиб, но не предал...

Как родные братья, пролежали мальчишки последнюю ночь на холодном полу. Не спали — рассказывали о своей короткой жизни, о друзьях, о мечтах, которые не успели осуществить. Утром пришел в камеру полицейский, скрутил проволокой Анатолию руки за спиной и потащил на улицу...

Ох, Толик, Толик! В эту ночь, в это утро будто на двадцать лет повзрослел Сашка. Понял, что ему теперь во что бы то ни стало надо вырваться на волю, заменить Анатолия Мазалова, выполнить и его, и свое задание. Словно настоящий актер, начал Сашка приставать к охранникам:

Саша Козак

— Дяденька, не привык я даром хлеб есть. Передайте начальникам, что прошу послать меня на работу, пусть на самую трудную....

Прошел день, другой, и Сашу действительно погнали с военнопленными на работу.

Работает Сашка, а в голове одна мысль — о побеге. Удалось. Старик, который на кухне работал, помог. Бежал мальчик. А когда проходил через город Обоянь, увидел посреди площади развесистое старое дерево, все в весеннем цвету. А на ветке Толя Мазалов, друг, висит! Рядом с ним дед качается, который с ними в одной камере сидел.

Кончался март. Больше месяца просидел Саша в тюрьме. Надо спешить. Старик не только бежать помог, но и рассказал, как через линию фронта перейти...

Вовек этого не забудет Сашка: овраги, прифронтовые овраги, наполненные трупами! Среди мертвецов полежит Сашка, будто убитый, пока трассирующие пули над головой пролетят, а затем снова бежит или ползет по-пластунски к лесу, где свои. Там он должен сказать пароль, который дал ему товарищ Хохлов:

— Я — «пропуск номер десять». Передайте в политотдел армии, что пришел «пропуск номер десять»...

Дожил Сашка до желанной минуты, когда он смог прошептать человеку с красной звездочкой на фуражке слова пароля.

Наконец добрался Саша Козак до ЦК Компартии Украины и доложил все, о чем просил Виктор Игнатьевич Хохлов.

По адресам, которые сообщил Саша, в Киев была послана помощь, а сам Саша остался на некоторое время в Ворошиловграде, где тогда находился ЦК Компартии Украины. Мальчик отдыхал и готовился к новому заданию.

5 сентября 1942 года на оккупированной территории, вблизи села Юрчевка на Харьковщине, самолет с красными звездами на крыльях сбросил двух парашютистов. Одним из них был Саша Козак, которого в ЦК партии теперь величали Александром Сергеевичем.

Документ, полученный Сашей, — ленточка, зашитая в подкладке, — свидетельствует: Александр Козак — связной ЦК КП(б)У, доверенный начальника Украинского штаба партизанского движения Тимофея Амвросиевича Строкача.

В руках у Сашки наган. Пусть только сунется хоть один фашист!

Приземлился благополучно: не испугало Сашу, что он очутился один среди черного поля. Товарищ, с которым он прыгал с самолета, приземлился где-то в другом месте. Друг друга не искали, так как задания у них разные и путь лежал в разные стороны.

Мальчик спрятал в яму парашют, забрался под стог сена и заснул. Хорошо выспавшись, на рассвете поел хлеба с кол-

басой, которые не забыл захватить в Москве, вынул из кармана наган. Теперь держать его при себе было, конечно, опасно. Разобрал на части, разбросал по полю. На всякий случай Саша оставил себе только нож и направился в село, видневшееся вдалеке.

И вот он на платформе немецкого эшелона. Последняя платформа — пустая, ее никто не охраняет. Вскочил на нее, забился в уголок. Едет. Местечко укромное. Даже задремал. Вдруг увидел, что прямо к нему направляется железнодорожный жандарм. Откуда он взялся во время движения на пустой платформе?..

— Документ! — крикнул жандарм.

— Ой, дяденька! — завопил Сашка не своим голосом. — Хорошо, что вы пришли. Вон там что-то треснуло. Беда... Как бы аварии не случилось...

— Показывай! — и жандарм направился за мальчиком.

— Вот, посмотрите!

Жандарм наклонился к краю. Сашка размахнулся, будто предстояло ему бить пенальти. Удар — и только ноги в воздухе мелькнули. Даже вскрикнуть не успел... Недаром Сашку считали лучшим нападающим в команде Шулявки!.. После этого уже без всяких приключений он добрался до Киева.

Золотом переливалась под теплым осенним солнцем листва киевских парков, когда Александр Козак опять появился на родной Третьей Дачной. Но передать задание ЦК было некому. К тому времени уже погиб Виктор Игнатьевич Хохлов. Прошло немало дней, пока удалось мальчику напасть на след Киевского подпольного горкома партии.

...Учитель истории Николай Степанович Король, которого трудная военная судьба забросила в оккупированный фашистами Киев и сделала подпольщиком, с волнением шел в скверик на улице Чкалова на встречу с представителем ЦК партии, прибывшим с Большой земли.

Король на месте встречи. А представителя ЦК почему-то нет. Николай Степанович волнуется: «Неужели опять предательство, опять провал?»

В скверике безлюдно. Только на одной скамейке дремлет худенький мальчик. Время от времени он поднимает голову и рассматривает Короля, который в одиночестве прогуливается по аллее. «Что нужно здесь этому голодранцу? — думает Король. — Не иначе — шпик».

Но мальчик вдруг встал и подошел к нему.

— Дяденька, вы не скажете, какой сегодня день? Случаем, не среда?

— Ты что, не выспался? Сегодня пятница, — ответил на вопрос удивленный Николай Степанович.

— А как пройти на Крещатик, не покажете?

— Тебе кланялась Валя, — механически ответил Король

и не выдержал, с тревогой спросил: — А где же представитель ЦК? С ним что-нибудь случилось?

— А что могло с ним случиться? Это я сам и есть, — лукаво улыбнулся Сашка и облегченно вздохнул.

Николай Степанович растерянно смотрел на мальчика. Может быть, и вправду все это гестаповская ловушка? Но как же пароль?!

Тем временем представитель ЦК взял взволнованного учителя под руку, посадил на скамейку, сел рядом и по-взрослому заговорил:

— У меня времени в обрез, я должен уже возвращаться в ЦК партии. Слушайте, что мне поручено передать киевским подпольщикам. Вы должны немедленно заняться организацией партизанского отряда. Свяжитесь с Житомирским, Черниговским, Каменец-Подольским и Винницким подпольем. Пусть дадут людей, оружие, все, что необходимо для партизанского отряда. Запомните адреса, пароли... — и начал медленно диктовать.

Когда Король несколько раз тихо все повторил, Саша продолжил:

— Задание: чтобы через станцию Шепетовка не прошел ни один немецкий эшелон. Товарищи также просили активизировать действия, в частности, разбрасывайте как можно больше листовок. Население должно знать, что делается на Большой земле, на фронтах. Если у вас нет рации, укажите место, куда ее сбросить с самолета.

Король внимательно и удивленно слушал Сашу. В руках у мальчика появилась миниатюрная топографическая карта.

— Карандаш есть? Отметьте места, где у вас есть свои люди, куда лучше всего сбросить рацию... Вы не беспокойтесь, я понимаю... Только разберусь — и сразу уничтожу...

Николай Степанович внимательно рассмотрел карту.

— Вот тут, наверное... В сорока километрах от Киева по направлению к Житомиру, вблизи села Нежиловичи высотка, у речки, в стороне от дороги... Наши там рыбачат ночами. Заметят самолет — разожгут костер. И оружия нам немного не помешало бы сбросить...

За оградой сквера появились два полицейских.

— Пошли! — весело похлопал по плечу представителя ЦК Николай Степанович. — Дальше здесь оставаться опасно.

...Через несколько месяцев, когда Александру Козаку удастся снова перейти линию фронта и добраться до Москвы, где тогда находился ЦК Компартии Украины, он обо всем этом доложит секретарю ЦК КП(б)У Демьяну Сергеевичу Коротченко, который руководил подпольной борьбой на Украине.

*

За успешное выполнение заданий Киевского подпольного горкома партии и ЦК КП(б) У и проявленные при этом героизм и отвагу пионер Саша Козак был удостоен ордена Отечественной войны II степени, а за активное участие в 1945 году в разгроме японских милитаристов 18-летнего сержанта Александра Козака наградили орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Мастером «золотые руки» называют Александра Сергеевича Козака в Киевском производственном объединении «Точэлектроприбор», где бывший связной ЦК КП(б)У трудится уже не один десяток лет.

З. СЫРОМЯТНИКОВА

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

На Кавказской шла посадка. В вагон входили транзитники из Ставрополя, местные станичники, командированные, которых в эту хлопотливую уборочную пору немало бывает в кубанских станицах. Мимо нашего купе проплывали огромные чемоданы, сетки с душистыми яблоками, озабоченно сновали пассажиры, потому что невозможно проехать мимо Кавказской, чтобы не купить огромный арбуз или ароматные дыньки.

В дверях нашего купе показался инвалид. За плечами у него — армейский вещмешок, в руке — новенький чемодан.

— Вот что, товарищи, — усаживаясь рядом с нашим попутчиком-студентом, сказал мужчина, — уж не взыщите. Кого-нибудь из вас я побеспокою. Неловко мне на верхней полке своей култей махать.

— Пожалуйста, папаша! — засуетился студент и начал перекладывать свои пожитки.

Поезд тронулся. Пассажиры уgomонились. Проводница постелила инвалиду постель, и он, покончив со своими дорожными делами, заскучал.

— Ты, молодой человек, никак студент? — повернулся инвалид к нашему спутнику.

— Студент.

— Домой или из дому путь держишь?

— Из дому. К старикам в Туапсе ездил.

— А учишься где?

— В Москве.

— В Москве — это хорошо! — одобрил инвалид. — Вот я тоже в Москву еду. Хоть рассмотрю ее по-настоящему. А то в сорок первом, когда эта самая петрушка со мной приключилась, — он показал на деревянную ногу, — что там можно было увидеть? Эвакопоезд, вокзал. На автобусе два раза по каким-то улицам провезли. Вот и все. А потом дальше, в Горький. Ну, теперь-то я свое возьму!

Мужчина расстегнул пиджак, отколол от бокового кармана булавку и достал сложенную втрое бумагу.

— Вот, по путевке еду. От артели. На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Все как полагается.

Он принялся рассматривать документы.

В купе стало тихо. Ровно стучали колеса.

За окном до самого горизонта дрожало в мареве иссушенное солнцем и ветрами жнивье. Курились пылью степные дороги. Только изредка на желто-серой равнине горбились огромные скирды прошлогодней почерневшей соломы.

Инвалид щелкнул прокуренным ногтем по путевке и, словно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Электростанциями интересуюсь. Моторист я.— И, помолчав, обратился к студенту: — А ты, молодой человек, если не секрет, какой специальности обучаешься? Не по моторам, часом?

— Да нет, редкая у меня специальность,— почему-то смутился студент.— Я в консерватории учусь. По классу кларнета. Это такая труба... вроде рожка...

— Так ты же, сынок, хорошему делу учишься, а будто стыдишься, Людям без музыки никак нельзя. Эх ты, чудак-человек! Я-то всюду свою музыку вожу.— Мужчина проворно повернулся к новенькому чемодану.— Если, конечно, не возражаете...

В чемодане рядом с домашними ватрушками и банкой масла, завернутая в пеструю ситцевую тряпицу, лежала скрипка. Мужчина развернул ее, обтер и приложил к подбородку.

— Вот, скажем, вальс у меня любимый,— произнес он мечтательно и занес смычок.

По вагону поплыли, заплескались «Дунайские волны». В наше купе уже заглядывали пассажиры. Инвалид преобразился: его лицо то хмурилось, то освещалось улыбкой.

Вдруг он опустил смычок и обернулся виновато к проводнице:

— Может, нельзя? Беспокойство пассажирам?

— Играйте, пожалуйста! Какое же от музыки беспокойство.

Мы слушали «Лунную сонату», «Жаворонка», «На сопках Маньчжурии».

— А инструмент-то у вас старенький,— заметил студент, когда попутчик опустил скрипку на колени.— Вот в Москву едете, новую бы купили.

— Нет, парень, я ее ни на что не променяю. Это о человеке память. Видишь, пулей пробита. Залатал, зашпаклевал...

Все по очереди рассматривали раненую скрипку.

— С сорок второго года она у меня.

И наш новый знакомый рассказал историю этой скрипки.

— Вот в таком виде,— рассказчик кивнул на свою деревяшку,— выписали меня из госпиталя. А родом я из-под

Усть-Лабинска. А тут враг под Миллеровом прорвался. Да как стал жать! Через Шахты, через хутор Веселый, через Пролетарскую на Краснодар да на Кавказскую как повалит!.. Места ровные. Нашим зацепиться негде. Сушь. Дороги накатаны. Бражки танки так и пылят.

У нас в Лабе эвакуация началась. А мне-то как на одной ноге от танков прыгать? А они тут как тут. На броне львы да слоны намалеваны. Пехота ж вступила — срам один. Солдаты в коротких штанишках. Волосатые ноги так и мелькают. Из Африки войска-то были. Как по ихнему радио передавали, «доблестного фельдмаршала Роммеля». Глядим, свеженькие. Видно, не шибко давал им англичанин «прикурить» в этой самой Северной Африке.

Сразу приказов на заборах понаклеивали: большевикам, дескать, комиссарам и командирам явиться на сборные пункты, евреям — на регистрацию. Много еще всякого понаписывали: больше трех человек не собираться, после десяти часов на улицах не появляться. И что ни приказ — все словом «расстрел» кончается.

Ну и, конечно, началось. Что ни день, только и видишь: то одного, то другого в гестапо волокут. По станице пальба идет. Уцепится баба за своего гуся, не дает мародеру, а тот чесанул из автомата и пошел. Да что там! Один мальчонка змея из ихней листовки склеил, так и мальчонку, и мамашу на месте убили.

Так вот об этой самой скрипке... Работал в нашей станичной больнице хирург Пинкензон. Хороший был человек. Прямо сказать, безотказный. В ночь-полночь приходи — примет. Все его знали у нас. Кому язву желудка вылечил, кому аппендицит. А сколько мальчишек через его руки прошло! Не счесть! Один на бутылочное стекло напоролся, другого ногу сломать угораздило, третий рогаткой добаловался.

И вот по станице слух прошел, что арестовали Пинкензона. Говорили, что привезли его в штаб и приказали, чтоб он их раненых лечил. А Пинкензон отказался. «Не буду, — говорит, — у вас доктора есть. У меня своих больных полно».

Как-то утром бегут по дворам полицаи и приказывают на площадь идти.

Согнали нас. На площади виселица стоит. Вокруг фашисты расхаживают, зубы скалят.

Потом, слышим, по толпе покатилося: «Ведут! Доктора ведут!» Гляжу — идет под охраной Пинкензон, а рядом сынишка его, Муся, мальчонка лет четырнадцати. Справненький такой, волосы челочкой пострижены, черная курточка бархатная на нем.

Шум по станице пошел. Ну, доктор лечить фрицев отказался, а мальчонку-то пошто убивать? А тут бабы и говорят, будто пришли Пинкензона забирать, увидели мальчишку и за-

галдели: «Этого щенка тоже повесить надо: наверное, пионер!».

Словом, ведут их. Толпа расступается. Пинкензон голову высоко держит. А мальчишка, представляете, вот с этой самой скрипкой идет.

Привели. На помост поднялся сам оберст. Достал бумагу и стал читать по-немецки. А полицай переводит: «Казнить врача Пинкензона как большевика и саботажника».

Оберст кончил читать и что-то солдатам крикнул.

Тут мальчонка, этот самый Муся, к нему обращается по-немецки.

Учительница рядом со мной стояла, перевела: «Господин полковник, разрешите мне перед смертью сыграть на скрипке».

Оберст улыбнулся: «Коль в тебе такая блажь завелась, играй».

Муся взял первую ноту, а у самого губы дрожат. По началу я не догадался, что он играет. А как несколько раз по струнам прошел, понял: «Интернационал».

Оберста аж передернуло.

— «Свинья! Щенок!» — завопил фашист и бросился к мальчику.

Но Муся, не отрывая взгляда от толпы, все играл. Станичники подхватили мелодию. Сначала чуть слышно, потом все громче над площадью зазвучал «Интернационал».

Оберст выхватил пистолет и выстрелил в мальчика. Тот покачнулся, но продолжал стоять. Оберст выстрелил еще раз. Муся упал, а его скрипка скатилась с помоста к моим ногам. Я схватил ее и спрятал под пиджак.

Толпа продолжала петь. Разъяренные гитлеровцы бросились на людей. Поднялась стрельба...

— С тех пор я играть научился, — закончил свой рассказ инвалид. — Сначала «Интернационал» подобрал...

Стало тихо-тихо. В дверях купе столпились пассажиры.

Студент бережно, как живое существо, взял из рук инвалида скрипку и передал ее соседу. Раненая скрипка переходила из рук в руки...

В. ВЕЛИКАНОВ

ГЕРОИ РЯДОМ

Невысокого роста плотный человек смотрит на струйку живого металла. Стены цеха освещены ярким сиянием, и люди, работающие здесь, кажутся персонажами волшебной сказки. О чем думает сейчас этот человек? Он — литейщик, руководит бригадой коммунистического труда на прославленном киевском заводе «Арсенал» имени В. И. Ленина. Может быть, он думает о работе бригады, может быть, о встрече с пионерами, у которых он с братом Вадимом, работающим рядом, частый гость...

Вадим Гороховский

Толя Гороховский

Назовите его героем — и он удивится. И он, и его брат просто делали то же, что и многие их сверстники и друзья...

1941 год. Бои на окраинах Киева. Вместе с бойцами — братья Анатолий и Вадим Гороховские. Они помогают советским воинам, чем только могут: приносят еду, воду, перевязывают раненых.

На киевской земле хозяйничает враг. Аресты. Расстрелы. Голод. Ждать, пока кто-то принесет тебе свободу? Нет! Несколько мальчишек с улицы Чапаева собирают и прячут оружие. Среди них Анатолий и Вадим. Они еще не знают, как связаться с подпольщиками или партизанами, но одно для них ясно — оружие пригодится.

Как-то во двор зашел фашистский офицер и полез в подвал, где ребята прятали свои трофеи. Заметив в темноте Анатолия, он крикнул злобно: «Что это, здесь партизаны?» и, угрожая мальчику пистолетом, приказал вести его в глубь подвала, чтобы посмотреть, нет ли там действительно партизан.

Как раз в этот момент в подвал забежал Вадим, который снова принес сюда оружие. От неожиданности и страха мальчики замерли. Нависло тревожное молчание... Но уже в следующее мгновение...

Вадим не мог бы потом сказать, о чем он тогда подумал, только помнит, как изо всех сил ударил фашиста по голове. Тот взмахнул руками и мертвым свалился на землю. Так он, четырнадцатилетний мальчик, впервые в жизни поднял руку на человека. Нет, не на человека — на фашиста.

Тем временем с мальчиками познакомился участник подполья Федор Молчанов. Братьям казалось, что встреча с ним и знакомство были случайными. А в действительности Федор давно присматривался к ним и понял, что на этих школьников можно положиться. Не подведут. По его заданию мальчики

расклеивали в городе листовки, в которых коммунисты-подпольщики призывали население к борьбе с фашистскими пала-чами.

Братья продолжали собирать оружие и намеревались уйти в партизаны. Но они решили перед тем, как это сделать, уничтожить эсэсовского генерала. Ко всему приглядываясь, они обратили внимание, что генерал вечерами подолгу сидит один на скамейке под ветвистым каштаном, в парке напротив их двора.

Генерал был им хорошо известен: это по его приказу ве-шали и расстреливали советских людей. Уничтожить... но как? Стрелять нельзя. План возник довольно быстро, оставалось ре-шить, кто из двух братьев возьмет на себя главную роль. Вадим уже отличился, и Анатолий предлагает себя. Он горячо доказывает свое право, так как принят именно его план. И, кро-ме того, он ни капельки не боится.

Близился вечер. Длинные тени деревьев легли причудливым кружевом на дорожки парка. Было тихо и тревожно. Мальчики перебрасывались мячом, внимательно наблюдая за парком и улицей. Вот появилось несколько офицеров гестапо и скры-лись за углом. На улице — никого, в парке — тоже. Пора! Генерал сидит один.

Мяч, пущенный сильной рукой, катится к скамейке, на ко-торой сидит фашистский генерал. Маленький Толя мчится за ним, наклоняется и поднимает обломок трубы, заранее поло-женный под скамейку.

...Все казалось просто и легко, следует размахнуться и уда-рить по голове. Мысленно Толя уже сотню раз выполнял эту, казалось бы, несложную операцию. А сейчас внезапно ноги стали будто бы ватными, холодный пот прошиб его с головы до пят, а сердце начало куда-то проваливаться... Сколько прошло времени, мальчики не знали. Вадим до боли закусил губу. Хотелось крикнуть: «Ну, бей же! Чего ворон считаешь?» Где-то слышались шаги. К дому пробежал вестовой.

Генерал шевельнулся.

— Ну!

Крепко зажмурившись от страха, ничего уже не чувствуя, Толя ударил его трубой по голове... Ждал выстрелов, криков, топота ног... Ничего. Генерал закинул лысую голову и сполз со скамьи. Минута — и из вывернутых карманов мундира взято оружие, документы. Братья отодвигают чугунную крышку канализационного люка. Еще минута — и эсэовец исчезает под землей, а мальчиков как ветром сдуло.

Через несколько дней Толя и Вадим проводят смелую операцию, чтобы достать оружие для подпольщиков Киева.

Недалеко от дома, где жили братья Гороховские, находился занятый фашистами особняк. Из дома и в дом часто носили ящики с оружием. Это заметили Вадим и Анатолий. Восполь-

зовавшись минутой, когда охрана чем-то отвлеклась, Анатолий по водосточной трубе поднялся на второй этаж и через окно залез в комнату. Не теряя времени, он опустил на веревке Вадиму ручной пулемет, потом взял несколько гранат и офицерский мундир.

Оставаться в городе было уже опасно. Три дня, голодные и уставшие, бродили они по лесу и искали партизан. С собой они взяли ручной пулемет, который сумели пронести завернутым в одеяло через весь Киев. Долго пришлось упрашивать, чтобы их взяли в отряд. Дело решил командир партизанского отряда Яков Мефодьевич Кузнец, который уже слышал о мужестве и отваге братьев.

Мальчиков часто использовали как разведчиков. Приходилось им бывать в оккупированном фашистами Киеве, связываться с коммунистами-подпольщиками...

Прошло лишь несколько дней после того, как отряд киевских партизан влился в партизанское соединение, которым командовал генерал-майор М. И. Наумов, а Михаил Иванович уже замечет Толю Гороховского, бесстрашного разведчика и минера.

Партизанам крайне необходимы были мины. На фронт шли вражеские эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами, живой силой. Изготавливать мины было не из чего. Но в районе действия партизанского отряда находились военные объекты, на подступах к которым немцы создавали минные поля. Казалось бы, нехитрое дело — отыскать мину, обезвредить ее, принести «адскую машинку» в отряд, а потом поставить в другом месте. Но делать это надо было незаметно, среди бела дня, голыми руками.

И взялись за дело Толя и Вадим. Десятки раз выходили они на поиск и стали опытными саперами и минерами. Затем дороги братьев разошлись — командир направил Вадима в другой отряд.

Ночные рейды, стремительные прорывы, блеск оголенных сабель и смертельный ужас в глазах фашистов. Генерал впереди всех. Анатолий старался держаться поближе к нему.

Не только за личную храбрость любил он генерала, но и за его умение перехитрить фашистов. То переодевались передние конники во вражескую форму и переходили усиленно охранявшийся мост, то соединение перебиралось через реку вброд и ударяло по тылам фашистов, ожидавших партизан совсем в другом месте...

Незадолго перед приходом советских войск Толя вместе с другими партизанами взорвал мост через Ирпень.

Братья встретились в освобожденном от фашистов Киеве. Шел набор на курсы десантников. Братья отправились туда. Вадима зачислили. А Анатолий? Трудно было узнать в нем бесстрашного партизанского разведчика и минера. Анатолий

Гороховский горько плакал и не вытирал слез. Не помогли и боевые медали. «Довольно тебе воевать — иди учиться», — сказал ему председатель приемной комиссии.

Идут бои, наши войска продолжают наступление, друзья-партизаны перешли линию фронта и снова громят врага, а он должен спокойно в тылу дожидаться окончания войны! Но ведь он умеет воевать, он солдат. У него немалый военный стаж — целых два года! Два года боевого стажа у пятнадцатилетнего мальчика!..

Как Анатолий уговаривал начальника штаба украинских партизан генерала Строкача, — неизвестно, но тот собственной рукой подписал приказ, и юный герой снова очутился в тылу врага.

Отряд десантников успешно выполнил несколько ответственных боевых заданий: взлетали на воздух мосты, взрывались склады с горючим. Но каратели напали на след отряда и начали преследовать десантников. Неся большие потери, отряд пробивался к линии фронта. Бойцов осталось совсем мало. Не было продовольствия. Кончились боеприпасы. Три дня пытались перейти к своим, и все неудачно...

Толя поднялся в полный рост и направился к нашим окопам. Его примеру последовали еще трое подрывников — все оставшиеся в живых. Ни фашисты, ни наши не поняли, что это значит. И только когда десантники были в нескольких шагах от советских бойцов, фашисты опомнились и подняли стрельбу. Но было уже поздно...

Снова среди своих. Теперь Анатолий стал солдатом, надел красноармейскую форму и пошел с наступающей армией. Видел руины больших городов и пылающие села, повешенных детей и расстрелянных женщин. Испытал тяготы войны и радость победы. Самые счастливые минуты пережил, когда увидел в Берлине, над рейхстагом, красное знамя...

Теперь Анатолий Александрович и Вадим Александрович Гороховские — литейщики завода «Арсенал», «гвардейцы огненного фронта», как называют их в коллективе. Рядом с боевыми они по праву носят и трудовые награды.

К. ВАХЛИС, А. ПИЩАНСКИЙ

ДВЕНАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ

Это было в одном из южных городов Украины — Херсоне, на правом берегу Днепра. Здесь, на острове Карантинном, где стоит судостроительный завод имени Коминтерна, жили Петр и Леонид Чернявские, Анатолий, Андрей и Федя Запорожчуки, Шура Рублев, Миша Еременко, Шура Теленга, Миша Деев, Сергей Бабенко, Шура Падалка. И только двенадцатый, их школьный товарищ Толя Тендитный, жил в центре города.

Петя Чернявский

Миша Еременко

Большинство ребят учились в школе водников № 20. На груди у них пламенели красные галстуки, а некоторые уже носили и комсомольские значки. Их родители работали на заводе, дружили, и мальчики продолжали эту дружбу.

Как только наступала весна, друзья с Карантинного отправлялись на лодках в путешествие. В плавнях под шелест листвы и пение птиц они любили помечтать... Здесь они проводили свои каникулы, устраивали гонки на лодках, ловили рыбу, соревновались в прыжках в воду.

В июне сорок первого года они решили провести футбольный матч с командой соседнего завода имени Петровского. Но этот матч не состоялся. Вечер, посвященный последней тренировке, был последним мирным вечером...

Война... Никто из школьников не знал раньше страшного смысла этого слова. Проходили дни. Город становился безлюдным. Берега опустели...

19 августа рассвет в Херсоне смешался с черным дымом войны. С каждым часом нарастал грохот орудий. Вечером Толя Тендитный забрался на чердак. Отсюда, как на ладони, он видел Днепр. Видел, как после каждого орудийного выстрела на реке вырастали белые водяные фонтаны.

С первых дней гитлеровской оккупации Анатолий Запорожчук и Петя Чернявский что-то задумали. Они стали часто встречаться на берегу. Уходили из дому утром, возвращались ночью. Чем дальше, тем серьезнее становились их лица. Однажды, когда Петя прилег на диване, мать, перебирая его мягкие волосы, тихо спросила:

— Почему, сынок, вы ходите ночами?

— Мама, тебе все кажется, что мы еще маленькие.

Мария Григорьевна, внимательно посмотрев на сына, с горечью сказала:

Леня Чернявский

Миша Деев

— Да, твоя правда... За несколько дней мы все постарели, а вы стали взрослыми.

Петя был единственным сыном у Чернявских.

Через несколько дней у двоюродного брата Пети — у Лени Чернявского собралась бывшая футбольная команда. Мальчики о чем-то долго говорили шепотом в саду.

— Слыхали о катере, который вчера потопили возле урочища Перебойни? — спросил Анатолий Запорожчук.

— Об «Очаковском канале»? — отозвался Леня. — Мы с отцом смотрели с крыши, как он тонул.

Ночью, когда город спал, Анатолий и Андрей Запорожчуки, Петя и Леня Чернявские, Толя Тендитный и Шура Падалка на лодке подъехали к судну. Оно еще держалось на воде. Ребята обошли палубу, осмотрели каюты, зашли в трюмы. Тут они нашли ящики с винтовками, патронами и гранатами. Сначала им стало страшно, но потом страх как рукой сняло.

На следующую ночь Петя и Леня спустили лодку на воду. Плыли тихо, внимательно всматриваясь в противоположный берег. Запахло плавнями. Лодка ткнулась о берег. Петя тихо свистнул — в ответ послышался такой же свист. К берегу подошли Анатолий, его двоюродные братья Андрей и Федя Запорожчуки, Сергей Бабенко, которые больше суток прятались в плавнях.

В это время на другой лодке появился Шура Падалка. Мальчики волновались. Это было их «боевое крещение»: они должны были добыть оружие...

Перед этим они дали друг другу клятву:

— Клянемся беспощадно мстить врагу, помогать партизанам гнать с нашей земли фашистов! Клянемся свято хранить тайны, не выдавать их даже под страхом смерти!

Андрей Запорожчук

Сереза Бабенко

После команды Анатолия они перебрались на полузатонувшее судно и начали переносить с него оружие на лодки. Когда на небе начали гаснуть звезды, мальчики снова были уже в пути.

Лодки вышли на быстрину. Обогнув стрелку, они свернули в залив. На рассвете одна за другой они въехали в плавни. Их скрыл высокий камыш. На острове, под дубом, спрятали оружие и замаскировали его ветками.

А утром семиклассник Толя Тендитный записал в своем дневнике: «Отныне обо мне будут судить не по словам, а по делам».

В это время Анатолий Запорожчук встретился на заводе с коммунистом Антоном Павловичем Бородиным, бывшим пионервожатым. Потом Бородин встретился с остальными ребятами.

— Прежде всего надо быть спокойным и выдержанным. Если надо, следует сдерживать себя,— говорил Бородин.— В городе производятся облавы, аресты. Без меня — ни шагу. Я посоветуюсь с кем нужно и тогда дам вам знать.

Мальчики поняли, что он связан с подпольной организацией, что теперь они не одни. Как-то они узнали, что через Херсон на Крым должна пройти гитлеровская автоколонна. Посоветовались с «дядей Антоном» и решили: вывести из строя вражеские машины с оружием. Наступила ночь, сухая и ветреная. Запорожчуки, Шура Рублев и Миша Деев пробрались к машинам, стоящим на окраине города.

— Начинайте,— сказал Андрей.

И пошли в ход ножи и гвозди. Толстая резина не поддавалась, но мальчики понимали, что приказ подпольного «Центра» надо выполнить во что бы то ни стало. Вскоре шины были проколоты и надрезаны. На рассвете автоколонна должна

Толя Тендитный

Шура Рублев

была отправиться в дорогу, но ни один грузовик не мог пройти даже нескольких метров.

В эту же ночь Шура Падалка, Толя Тендитный и Миша Еременко прокрались к складу с оружием и бензином и подожгли его. На следующий день весь город говорил об автоколонне и пожаре. Но кто это сделал, не знали даже родители мальчиков.

Январь 1942 года. Воздух был чистым и легким. В один из морозных дней юные патриоты углубились в плавни. Все было покрыто снегом. Впереди шел Федя, за ним — Леня, Петя и Анатолий. Подошли к тайнику. Разбросав хворост, Анатолий начал доставать винтовки. Выбирались из плавней ползком, чтобы не привлечь к себе внимания.

Смеркалось. Внезапно вблизи послышался треск мотора. Анатолий дал команду: «Ложись!» Затаив дыхание, лежали мальчики за сугробами снега. Первым увидел мотоциклиста Анатолий. Он крепко сжал в руках винтовку. Фашист сидел на мотоцикле один. Когда он подъехал совсем близко, Анатолий хорошенько прицелился и выстрелил. Но офицер продолжал ехать дальше. Тогда раздался другой выстрел — и тот свалился набок.

Мальчики подбежали к мотоциклу. Немецкий офицер лежал мертвый. При нем был кожаный портфель, наполненный различными документами. Спрятав портфель и винтовки, ребята пошли к лесу...

В Херсоне началась массовая отправка молодежи в Германию. Чтобы избежать этой беды, братья Запорожчуки, Миша Еременко, Толя Тендитный, Петя Чернявский пошли работать на судостроительный завод.

В одно из зимних воскресений, раздобыв пропуска, мальчики пошли в лес по дрова. «На всякий случай» захватили

Федя Запорожчук

Шура Теленга

с собой взрывчатку и шнур. В лесу Федя заметил, что немецкие солдаты тянут кабель через Днепр. И внезапно возникла мысль: помешать этому. Сказано — сделано. Тут и пригодились взрывчатка и шнур, спрятанные в сумках. Вскоре прозвучал взрыв. Когда дым рассеялся, столб, опутанный проводами, лежал на земле.

Первого мая 1942 года над заводом взвился красный флаг.

А из канцелярии исчезла пишущая машинка. Это тоже было делом рук тех же ребят.

Рискуя жизнью, двенадцать отважных старались помочь советским военнопленным. Сделав подкоп в концлагерь, они вывели оттуда десятки матросов и солдат.

Толя Тендитный, Петя и Леня Чернявские, Шура Падалка втайне от немцев держали у себя на чердаках радиоприемники, слушали и записывали сообщения Советского информбюро, распространяли листовки по городу и в цехах завода.

Деятельность юных подпольщиков не могла остаться незамеченной: много вреда они причинили врагу. За ними начали следить.

...Июль 1942 года. Шура Рублев остался ночевать у Толи Тендитного. Толина мать, Мария Ивановна, работница телеграфа, тоже была связана с партизанами. В этот вечер она пришла домой не одна, а с Борисом Годуном. Он знал обо всем: знал, что у ребят есть оружие, знал, что они делали. Почти до утра разговаривал с ними и договорился, что завтра встретится с Бородиным.

Через несколько дней Годун, вернувшись утром с дежурства домой, лег поспать в сарае. Однако вскоре его разбудил громкий стук в двери. Он увидел вооруженных полицейских и немца. Так и не удалось Годуну встретиться со всеми юными подпольщиками.

Толя Запорожчук

Шура Падалка

Вторым арестовали Анатолия Запорожчука. Вместе с ним забрали отца и мать. Потом гестаповцы пришли к Андрею Запорожчуку, Петру и Леониду Чернявским. Когда фашисты вломились в дом Владимира Тихоновича Чернявского, Леня понял: за ним. Он бросился к матери.

— Возьмите меня, убейте, но не трогайте единственного сына! — кричала мать, заслоняя собой Леню.

Фашисты оттолкнули обессиленную женщину и потащили Леню во двор, где стояла машина.

— Мамочка, родненькая, не волнуйся за меня, выстою! — крикнул на прощание Леня.

24 июля арестовали Шуру Рублева и его отца. В ту же ночь пришли за Мишей Еременко. Потом забрали Толю Тендитного и остальных ребят. Последним — Шуру Падалку. Был арестован и Антон Бородин. Полтора месяца томились в тюрьме мальчишки с Карантинного острова. День и ночь — допросы, издевательства, пытки.

Общее горе сроднило матерей. На рассвете они приходили к стенам гестапо, часами стояли под палящим солнцем и смотрели в одну точку, за решетки, туда, где были их дети.

Гестаповцы требовали, чтобы арестованные выдали членов подпольного «Центра». Но ребята молчали. Когда палачи поняли, что допросы ничего им не дадут, они учинили расправу.

Мальчишки в эту ночь в карцере говорили обо всем, только не о смерти.

— Кто сказал, что это конец! — выкрикнул Петя. — Будет, все будет: и школа, и футбольный матч, и катера, которые сходят со стапелей завода...

На рассвете 22 августа 1942 года открылись двери карцера. На пороге стоял переводчик. Он начал выкрикивать фамилии. Шура Рублев подошел к отцу, сидевшему в том же карцере.

— Прощайте, папаня!

И они, крепко расцеловавшись, расстались.

Подошла машина. В нее втокнули восьмерых смельчаков — юных героев подполья. Через несколько минут машина подъехала к заводу имени Петровского. И автоматчики у его стен расстреляли патриотов.

В это же время из подвала тюрьмы выводили Анатолия, Андрея, Леню и Петю. Они держались за руки. Машина, в которую их силой загнали, миновала улицу Суворова и подъехала к кинотеатру «Спартак». Здесь была поставлена виселица. На каждого из мальчиков нацепили табличку: «За убийство немецкого офицера». Полицейские разгоняли толпу.

В последнее мгновение Петя крикнул:

— Все равно вам не узнать наши тайны!

А Анатолий:

— Всех не перевешаете! За нас отомстят! Все вы будете там, где ваш мотоциклист!..

Воздух прорезал вопль матери, которая бросилась к виселице и обняла ноги сына...

Патриоты Карантинного похоронены на городском кладбище в Херсоне. На могилах всегда свежие цветы. Ученики школы № 20 и комсомольцы завода имени Коминтерна часто приходят сюда.

В День Победы, 9 мая 1965 года, на том месте, где фашисты казнили группу патриотов-подпольщиков, в небо поднялся гранитный обелиск с изображением пылающего факела. Горят на солище начертанные золотом имена героев херсонского подполья.

В школе № 20 создан краеведческий музей. Возле большого стенда с фотографиями двенадцати отважных всегда много посетителей. Родители погибших часто приходят в школу на сборы отрядов и дружины, рассказывают о своих сыновьях.

22 августа в школе отмечают День памяти погибших пионеров и комсомольцев. Юные герои с Карантинного навечно занесены в список пионерской дружины.

Е. ЧЕРВИНА

ПИОНЕРСКОЕ ЗНАМЯ

В 1940 году, когда пришел час освобождения Молдавии, крестьяне плакали от радости и целовали землю, хозяевами которой они отныне стали. А через год сюда пришли завоеватели... Их встретили со жгучей ненавистью.

...Мы приехали в село Кожушна вечером. На околице дороги нам пересек пионерский отряд — около тридцати черноглазых, черноволосых девочек и мальчиков. Они шли не очень стройно,

но держались с достоинством. Впереди отряда торжественно реяло красное пионерское знамя.

— Андриана! — позвал внезапно шофер, высовываясь из кабины. — Буна сара! (Добрый вечер!)

— Буна сара! — ответил веселый голос, и к нам подошла невысокая, худенькая девушка лет семнадцати.

— Это их вожатая, — шепнул мне шофер и, пожимая девушке руку, спросил: — Где были?

— Здесь, недалеко... один виноградник очищали от вредителей.

Она очень хорошо говорила по-русски, явно гордясь знанием языка. А еще совсем недавно за сказанное русское слово здесь карали заключением.

— Наши комсомольцы взяли шефство над виноградниками фронтовиков, — продолжала Андриана, — а мы им помогаем. Ведь мы пионеры-тимуровцы!

— Вы всегда со знаменем ходите?

Ее удивил такой вопрос.

— Да разве можно без нашего знамени?!

Потом мне рассказали историю знамени отряда. Это было в 1941 году, когда Андриане Гуцу шел четырнадцатый год и она еще была вожатой звена. К селу подходил враг. Прежде чем покинуть родной дом, Андриана собрала пионеров.

— Мы еще вернемся, — тихо сказала девочка друзьям. — А теперь надо подумать, что делать со знаменем...

Пионеры посмотрели на знамя, стоявшее у стены. Это знамя было гордостью отряда. С ним пионеры никогда не расставались. На его ярко-красном полотнище горели вышитые золотом слова: «К борьбе за дело Ленина будь готов!»

Дети подавленно молчали. И тогда в тишине кто-то предложил:

— Пусть это знамя возьмет Андриана и спрячет так, чтобы никто не знал, где оно, даже мы...

Андриана вытерла слезы и посмотрела на пионеров:

— Вы доверяете мне?

— Доверяем! — дружно ответили ребята.

Ночью Андриана и две ее младшие сестры — Лида и Нина — выкопали в сарае яму. Лида принесла еще одно знамя — соседнего отряда, которое ей поручили сохранить. Знамена девочки хорошо закопали. Вдруг в темноте послышался тихий голос матери:

— Что вы делаете, дети?

Девочки сначала растерялись. Но они прекрасно знали свою мать и очень ее любили. Андриана все ей рассказала. Мать молча обняла и поцеловала девочек. Через несколько минут она привела в сарай отца. Он нес большой сверток.

— Нашим дочкам, Андрей, можно доверять, — сказала ему мать. Обращаясь к девочкам, она гордо продолжала: — Ваш

отец решил спрятать советские книжки и портрет Ленина. Пусть этот сверток хранится вместе с вашими знаменами.

На рассвете крестьянин Андрей Гуцу вывез свою семью из села Кожушна. Они ехали в длинной колонне односельчан. Но переправиться через Днестр им не удалось: дорогу преградили гитлеровские войска. С тревогой и болью в сердце им пришлось вернуться.

В первую же ночь к ним в дом ворвались полицейские. Они до полусмерти избили Андрея Гуцу и увезли его в Кишинев. С тех пор дети больше не видели отца. Он погиб в фашистском застенке.

Через несколько дней полицейские появились снова и приказали всей семье собраться в одной комнате.

— Вы прячете большевистские книги и флаги. Где они?

Андриана почувствовала холод в груди и увидела, как побледнела мать. Что скажет она? Мать молчала, собираясь с силами для ответа. Наконец, она тихо заговорила:

— Если нашелся предатель, который сказал вам о книгах и знаменах, пусть навеки онемее эта подлая собака!.. А я ничего не знаю...

Полицейский изо всех сил ударил ее по лицу. Девочки вскрикнули. Полицейский повернулся к ним:

— Если вы жалеете свою мать, скажите, где все запрятано.

Они молчали. Андриана, кусая губы, чтобы не расплакаться, незаметно бросила взгляд на десятилетнего брата Васю. Его не было в сарае, когда они прятали знамена. Но в семье трудно сохранить тайну. Хватит ли у Васи мужества?

Полицейский стукнул по столу:

— Ну?!

Андриана видела, как по лицу матери, прислонившейся к стене, стекает струйка крови.

— Ну!!!

Все молчали. Тогда полицейский снова что было силы ударил мать кулаком.

— Мама! — внезапно крикнул Вася. — Не надо... Я...

Мать еле шелохнула разбитыми губами:

— Вася...

И пристально глянула ему в глаза. Мальчик понял: если он что-нибудь скажет, мать никогда ему этого не простит...

В. ГУБАРЕВ

ЗАДАНИЕ «ЦЕНТРА» ВЫПОЛНЕНО

РОВЕСНИКИ

Спросите у любого николаевского пионера, и он расскажет о жизни и подвиге своих земляков — юных подпольщиков Вити Хоменко и Шуры Кобера.

До войны Витя и Шура не знали друг друга. Витя учился в пятой средней школе Центрального района г. Николаева, а Шура — в школе № 12, в далекой рабочей Слободке.

В 1941 году оба закончили седьмой класс. Шура был отличником, дисциплинированным, рассудительным мальчиком. Витя — живой, энергичный, любознательный.

Еще в 1927 году, когда Вите Хоменко было немногим более года, умер его отец, бывший партизан. Умер от старых ран, полученных во время гражданской войны. Мать часто рассказывала сыну, каким был отец, как он боролся против белогвардейцев. Витя подолгу рассматривал фотографию отца, и глаза его зажигались гордостью, что он сын партизана. Часто говорил матери:

— Я хочу быть таким, как отец.

Жить в семье без отца было нелегко. После его смерти у матери на руках, кроме Вити, остались еще две старшие дочки — Оля и Надя. Юлия Ивановна Хоменко работала и детей своих с малых лет приучала к труду. У всех были свои обязанности. Если мать просила Витю чем-то помочь, никогда не отказывался. И дров наколет, и комнату приберет, и в магазин сбегает.

— Вот закончу школу, буду работать, — говорил он. — Тогда по-настоящему буду помогать тебе, мама.

Из всех предметов, которые изучались в школе, Витя особенно любил математику и немецкий язык, хотя большинство его товарищей относились к этому предмету более чем равнодушно. А как это пригодилось потом, когда он стал подпольщиком!

Во время перемен Витю часто можно было увидеть возле классной доски, окруженного товарищами. Он что-то объясняет и стучит мелом по доске, где начерчены круги, треугольники, написаны сложные формулы.

А еще увлекался Витя плаванием, даже моряком мечтал стать. В дни каникул он постоянно пропадал на речке (в Николаеве их две — Ингул и Буг). Он был маленького роста, но физически крепкий, закаленный. Редко кто из его сверстников прыгал с самой верхушки вышки, установленной в яхт-клубе. А для Вити это не составляло особенной трудности. С товарищами-смельчаками он переплывал Ингул по нескольку раз подряд, заплывал далеко за середину широкого Буга.

Шура Кобер

Витя Хоменко

Война застала Витю в пионерском легере под Николаевом. Вернулся он домой очень сдержанным, серьезным.

— Ничего, война скоро закончится, — успокаивал он мать. — Наши разобьют фашистов.

Но враг все ближе подходил к Николаеву. Скоро здесь уже хозяйничали немцы — грабили, убивали. Витя вначале целыми днями не выходил из дому. Мать плакала:

— Что будем делать?!

Витя успокаивал:

— Что-нибудь придумаем, мама!

А потом стал где-то пропадать. Возвращался поздно и, наскоро поев, обессиленный ложился спать. Как-то штопая его курточку, Юлия Ивановна нашла в карманах сына куски бумаги. Присмотрелась, а это сорванные со стен немецкие приказы. Ей стало страшно за сына: малейшая неосторожность — и пропал. Когда она сказала об этом Вите, он усмехнулся:

— Не бойся, мама! Я ведь не маленький!

...У Шуры Кобера, как и у Вити, детство кончилось в первый же день войны. Жил он в рабочей Слободке. Отца у него тоже не было. Погиб перед началом войны при испытании боевого корабля на Черном море.

Как и у Вити, у Шуры были свои увлечения. В первую очередь — это книги. Шура читал их запоем. Особенно нравились Шуре такие книги, как «Овод», «Приключения капитана Гаттераса», «Суворов» и другие. Любил он также играть на скрипке, учился в музыкальной школе.

Началась война, гитлеровцы оккупировали Николаев. Теперь у Шуры даже руки не поднимались, чтобы взять скрипку или интересную книжку.

В первые дни немецкой оккупации Шура и его друзья собирались по привычке возле школы — ведь с ней было свя-

зано столько хорошего в их жизни. Как-то к мальчикам подошел худощавый мужчина с бесцветными глазами (потом его видели в форме полицаев) и сказал:

— В этой школе учились, ребята?

Кое-кто утвердительно кивнул.

— Хотите заработать?.. Надо выбросить из школы портреты некоторых «товарищей»...

Он засмеялся ехидным смешком и продолжал:

— Я сейчас прикажу открыть дверь.

Вперед выступил Шура:

— Мы уж где-нибудь в другом месте заработаем, иуда!.. На нас не рассчитывай!

Мужчина сразу перестал смеяться и схватил Шуру за руку, но мальчику удалось вырваться. Мгновение — и возле школы никого не было. Только мужчина с бесцветными глазами растерянно оглядывался по сторонам.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Они встретились впервые в 1942 году на конспиративной квартире Николаевского подпольного «Центра» — подпольной организации, которую возглавляли николаевские коммунисты.

Еще до вступления в организацию Витя вместе с несколькими товарищами сконструировал самодельный приемник и распространял записанные от руки сводки Советского информбюро, срывал со стен гитлеровские приказы. Таким же было начало подпольной работы у Шуры.

Вступив в подпольную организацию, оба стали выполнять обязанности связных и разведчиков.

Витя хорошо знал немецкий язык и поэтому устроился на кухню немецкой офицерской столовой. Как ни тяжело было мальчику на этой работе, каких унижений и обид он там не терпел, все это оправдывалось той пользой, которую приносил он подпольной организации.

Часто выполняя обязанности официанта, он подслушивал разговор гитлеровских офицеров и потом ставил об этом в известность «Центр». Работал прилежно и со временем настолько завоевал доверие немцев, что они стали использовать его как курьера. Как-то Витя пришел на явочную квартиру с кожаной сумкой и, достав из нее пакет, передал подпольщикам.

— Что это?

— Разве не видите, пакет.

— Немецкий?!

— Конечно! Может, там что-то интересное. Только вы снова заклейте, чтобы остался таким же.

В пакете оказались очень ценные сведения. С тех пор по дороге от штаба Витя сворачивал на явку, принося пакеты, важные бумаги.

А Шура в это время разведывал расположение объектов, уточнял дислокацию вражеских частей. Часами просиживал он где-нибудь в потайном месте возле склада боеприпасов или казарм, а потом сообщал о результатах наблюдений. Выполнял также поручения по установлению связи с отдельными подпольными группами.

«ВОЛШЕБНАЯ» ПАЛОЧКА

Весной 1942 года положение николаевской подпольной организации осложнилось.

Она количественно довольно выросла, но не хватало ни взрывчатки для подрывников, ни оружия. В последнее время вышел из строя радиопередатчик, с помощью которого поддерживалась связь с Москвой. Попытки исправить его оказались напрасными. Восстановить связь можно было, лишь послав через линию фронта кого-нибудь из подпольщиков. Выбор пал на ребят — Витю Хоменко и Шуру Кобера. Их позвал к себе руководитель подпольного «Центра», пояснил задание.

— А под силу ли это будет вам, ребятки? Дело трудное — около тысячи километров нужно преодолеть, где на эшелонах немецких, где пешком. Если не уверены в себе, скажите сразу.

— Да что вы, — отозвался Витя. — Не знаю, как Шура, а я давно мечтал о таком настоящем деле.

— Давно? — переспросил Шура. — А я еще раньше.

Руководитель притянул к себе мальчиков:

— Смотрите, это вам партийное поручение.

— Так мы же беспартийные...

— Если партия поручает, значит, партийные...

И через несколько дней Шура и Витя отправились в далекое путешествие на Восток. Они были одеты в заплатанные куртки, за плечами у каждого висел мешок со старыми вещами. Если кто спросит, куда идут, ответ будет таким: «Родители послали в село — старые вещи на продукты менять».

...Многие люди видели их по дороге, но никто не обратил внимания на небольшую палочку, которую они несли по очереди. А была эта палочка необычная. В середине в ней спрятаны секретные зашифрованные документы: письмо николаевской подпольной организации в штаб партизанского движения, список конспиративных квартир, краткие сведения о действиях подпольщиков, просьба помочь оружием, взрывчаткой, литературой, радиоаппаратурой.

Маршрут мальчиков был такой: Николаев — Луганск — Ростов — линия фронта. Часть пути проехали немецким эшелоном, попутными подводами. Много километров пришлось пройти пешком. Несколько раз их задерживали немецкие посты, но все заканчивалось благополучно. Выдуманные истории — откуда и куда они идут (каждый раз, конечно, разные),

умелое поведение мальчиков спасли их. Палочка-«выручалочка» тоже была с ними. И мальчишки шутили:

— Это благодаря ей мы целы и невредимы...

Все ближе подходили они к линии фронта. Вот уже позади Ростов. Все слышнее долетал с востока грохот боев. Наконец показалась Кубань, на которой временно остановилась линия фронта: Речку переплыли ночью в старой рыбацкой лодке. Недалеко от берега из-за близкого разрыва снарядов продырявленная лодка потонула. До берега добирались вплавь.

И вот советские бойцы ведут их в штаб.

— Нам к самому главному командиру, — упрямо повторяли Витя и Шура.

Фронтная землянка, куда привели мальчиков, показалась им родным домом. Назвали пароль, рассказали командиру, кто они и откуда. Две последние ночи они просидели в камышах на вражеском берегу, и теперь им больше всего хотелось спать. Витя сразу же уснул, крепко сжав в руках заветную палочку. Они уже добрались к своим, но палочку нужно вручить не здесь, а в Москве. Завтра их самолетом доставят в столицу нашей Родины.

В ШТАБЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В Москве, в Штабе партизанского движения, седоголовый генерал крепко жал руки юным партизанам, благодарил за важные сведения, доставленные ими.

Гордые и взволнованные ходили мальчишки по Москве — суровому, тревожному городу, одетому в защитный цвет. Им казалось, что они не раз бывали здесь. И Красная площадь, и Мавзолей, и музей, и широкие улицы — все было так знакомо по фотографиям, картинам. Жалко лишь, что звезды на Кремлевских башнях не светятся, на них надеты плотные светомаскировочные чехлы.

Возмужалыми возвращались они в родной город.

СНОВА В НИКОЛАЕВЕ

Сколько времени прошло с тех пор, как самолет оторвался от аэродрома и юные пассажиры в последний раз осмотрели с высоты большой город, который стал для них еще роднее? Полчаса? Час?

Темнеет. Где-то внизу видны разрывы снарядов. А вот уже позади линия фронта, которая вспыхивает залпами. Непроглядной тьмой окутана занятая врагом земля. Ни единого огонька. Витя и Шура еще раз проверяют, как пристегнуты парашюты. Рядом с ними сидит их новый товарищ — радистка Лида Брыткина. Волнение их естественно. Лишь по несколько трени-

ровочных прыжков успели сделать мальчики во время учебы на курсах. И вот теперь настоящий, боевой прыжок.

— Просто не верится, что через каких-то три часа мы будем с тобой дома, на Николаевщине,— говорит Шура.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь,— шутит Витя.

Но шутка не очень веселая, потому что мальчикам все же страшновато. Что их ждет на земле?

Параюты Вити, Шуры и радистки Лиды Брыткиной опустили в ночь на девятое октября 1942 года недалеко от села Себиново Новоодесского района Николаевской области. Одновременно с самолета были сброшены парашюты с грузом: боеприпасами, оружием, радиопередатчиком, литературой, аппаратом для печатания листовок.

До Николаева было отсюда еще несколько десятков километров.

— Вы пока спрячьте парашюты, грузы и сами спрячьтесь где-нибудь поблизости,— сказал Витя Шуре и Лиде,— а я стараюсь поскорей добраться к нашим.

Выйдя на дорогу Новая Одесса — Николаев, Витя увидел машину, которая приближалась к нему, и пошел на рискованный шаг: стал посреди дороги и поднял руку.

Удивленные дерзостью русского мальчика, немцы остановили машину. Не успели они еще наброситься на него с руганью, как Витя на немецком языке попросил подвезти его до Николаева. У него, мол, там больная мать. Гитлеровцы захохотали, но обращение на родном языке, очевидно, понравилось им.

— Садись!

И вот Витя в Николаеве. У него чуть не выскочило сердце из груди, когда он проходил мимо своего дома. «Целы!» Но не зашел к матери. Сначала надо было на явку.

Сколько радости было, когда подпольщики увидели Витю! Комитет решил, что весь груз надо перевезти завтра же. Это ответственное дело поручили коммунисту-подпольщику Всеволоду Васильевичу Бондаренко.

Утром они с Витей двинулись в путь. Бондаренко катил перед собой тачку, нагруженную старыми вещами, Витя шел рядом. Когда поблизости никого не было, Витя рассказал ему обо всем, что пришлось видеть и пережить за эти дни.

Приближаясь к месту высадки, они увидели немецких патрулей. Как выяснилось потом, один из груженых парашютов отнесло далеко в сторону. Шура и Лида не смогли его ночью разыскать. А утром немцы нашли.

Пришлось ждать, пока утихнет тревога. Большая часть груза была все же спасена.

А положение в городе становилось все тяжелее. Провокатор, который пробрался в ряды подпольщиков, выдал их. Несколько товарищей было арестовано. Опасность угрожала Шуре, Вите и Лиде, но юные подпольщики смело продолжали работу.

СЛАВА ЮНЫМ ГЕРОЯМ!

В холодную ноябрьскую ночь 1942 года к дому на Восьмой военной улице подъехала крытая автомашина, и раздался оглушительный стук в ворота.

Во дворе залаяла собака. Дед Шуры Кобера, Дмитрий Иванович Сафронов, выбежал во двор.

— Открывай, чего копаешься? — горланил человек в форме немецкого полицая.

«Что им нужно?» — подумал дедушка, и сердце его почуяло недоброе. Он привязал собаку и отодвинул засов.

— Александр Кобер дома?

Дмитрий Иванович молчал. Полицай подошел ближе.

— Глухой, что ли? Ну!

В это время из флигеля на шум прибежала мать Шуры Анна Дмитриевна.

— Что вам нужно?

— Где Кобер Александр?

— Зачем он вам? Он ничего не сделал.

Но полицай не слушал ее. С силой стукнув прикладом автомата в дверь, он вошел в комнату. А через минуту вытолкнул во двор Шуру, полуодетого, босого.

Мать закричала, бросилась к Шуру, заслонила его собою.

Но полицейский грубо оттолкнул ее.

...Когда Шуру везли в тюремной машине, он напряженно думал: «А что с Витей? Где он? Хотя бы он цел остался».

В мыслях он прощался с другом навсегда. Но на следующий же день они встретились в тюремной камере. Витя был арестован в ту же ночь.

Большая комната с закрытыми окнами, в кресле развалился гестаповский офицер. Он хорошо знает русский язык и сыплет вопросами:

— Сколько людей в подпольной организации? Кто руководит ею? Где штаб? Что вы делали в Москве?

Мальчиков беспощадно били, но только проклятья удалось вырвать из уст отважных патриотов. Так продолжалось десять дней и десять ночей. А утром 5 декабря 1942 года на Базарной площади в Николаеве застучали топоры. Это строили виселицу.

В полдень к ней привезли десять человек, осужденных на казнь. Рядом со взрослыми поднялись на помост два пятнадцатилетних мальчика. Фашисты согнали на площадь множество людей. Плакали дети, кричали женщины. Витя и Шура всматривались в толпу, стараясь отыскать хоть одно знакомое лицо. Наконец Витя узнал мальчика со своей улицы Толю и крикнул ему:

— Толя! Беги позови маму!

Палачи набросили на патриотов петли. Последний раз смотрят они на родной город, родное небо.

— Товарищи! — обращается к толпе Витя. — Не падайте духом! Скоро наши придут! Да здравствует...

...Когда прибежала мать Вити, Юлия Ивановна Хоменко, на площади уже все было кончено. Она упала без сознания.

А утром следующего дня возле виселицы нашли букеты цветов и листовку, написанную большими буквами:

СЛАВА ЮНЫМ ГЕРОЯМ!

Это писали друзья Вити и Шуры, которые продолжали борьбу.

Снова взлетали в воздух вражеские склады, эшелоны, аэродромы, стены покрывались антифашистскими листовками, на улицах находили убитых гитлеровцев и полицаяв.

Память о славных героях живет в сердцах многих и многих тысяч пионеров, которые видят в подвиге Вити и Шуры чудесный пример служения Родине.

М. ВЛАДИМОВ, Э. ЯНВАРЕВ

Памятник Шуре Коберу и Вите Хоменко, сооруженный в Николаеве на средства, собранные пионерами и школьниками Украины

ТАМАРА ИЗ КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬЯ

СВЯЗНАЯ РАЙКОМА

Почти все друзья Тамары провожали своих отцов и старших братьев на фронт. А почему твой отчим, Томка, диспетчер Киевского речного порта Тимофей Федорович Подий, которого ты любила, как родного отца, не пошел на фронт? Ты не знала тогда, что одним августовским днем 1941 года Тимофей Федорович вел очень важную беседу с секретарем Подольского райкома партии.

— Кого возьмешь связным? — спросил секретарь райкома.

— Кого?..

Тимофей Федорович задумался. Перед мысленным взором пронеслись десятки лиц, молодых и старых, женских и мужских, мальчишечьих и девчоночьих. Кого же из них выбрать? Кто выстоит перед смертельной опасностью, кого не испугает жестокий враг, который уже стоит у стен родного Киева?

Его Томка — быстрая, занозистая — падчерица Томка. Может быть, она? Мать называла Тamarу артисткой. То, бывало, из нее слезинки не выдавишь, то, набедокулив, слезами умывается. О, этот артистический талант девочки в их деле пригодится. И Тимофей Подий ответил:

— Утверждайте Тamarу, мою падчерицу.

Так пионерка Тamarа Билян стала связной Подольского райкома партии... Девочка сняла с шеи красный пионерский галстук, положила его в ящичек и спрятала в подвале старенького домика на Мыльном проулке № 14. В этом подвале уже было готово все, что могло понадобиться коммунистам для работы в городе, оккупированном врагом.

Помнишь, Тamarа, первое задание райкома партии? Тимофей Подий сказал:

— Томка, я на протяжении нескольких недель не должен появляться на улицах. Но мне непременно надо знать, что делается в городе, какие порядки заводят гитлеровцы, какие издают приказы, какие объявления развешивают.

— Понятно, папка, понятно...

И пионерка Билян, неумытая, с незаплетенными косами, в коротком платьишке, чтобы не привлекать внимания гитлеровцев, со своими одноклассниками слоняется по улицам Киева...

Словно чужим стал родной город. Все будто вымерло. Только изредка, пугливо озираясь, по улице прошмыгнет человек. По мостовой расхаживают немецкие патрули. В черной форме, в стальных касках, надвинутых на самые брови. Магазины, школы, кинотеатры — все закрыто.

О чем же рассказать отцу? Но вот и новость. Открылись двери парикмахерской, а в окне надпись: «Только для немцев».

Вот еще одно объявление: «Реквизировано для немецкой армии. Вход воспрещен. За нарушение — расстрел».

Открылось кафе. «Только для немцев». Магазин. «Только для немцев». Кинотеатр. «Только для немцев».

А вот и первые приказы оккупантов. По улицам родного города киевляне имеют право ходить только до шести часов вечера, иначе — расстрел. За то, что держишь дома голубей, — расстрел. За то, что выловишь в Днепре рыбу размером больше двадцати сантиметров, — расстрел. Не явишься на биржу труда — расстрел. Расстрел, расстрел, за все расстрел...

Девочка видела, как гнали людей к Бабьему яру. Женщины, дети, старики шли и еще не знали, что это их последний путь. Тамара видела первых расстрелянных. Юноша лежал, распростерши руки, словно хотел защитить свою родную землю. А на спине убитого — надпись: «Он ходил по улицам в 6 часов 10 минут»... Пионерка все это видела и запоминала...

Тамара Билян

«МЫ ВАС СПАСЕМ, РОДНЫЕ!»

— Девочки, смотрите, пленные! — закричала Люба.

Действительно, из-за угла появилась колонна военнопленных. Красноармейцы и командиры шли, окруженные вооруженными гитлеровцами. Больные, раненые, голодные, пленные еле передвигали ноги. Но остановиться, чтобы перевести дух, — не сметь! В то же мгновение в спину ударит выстрел...

— Девочки, посмотрите на их лица! На них нет покорности, мольбы... Какая ненависть горит в глазах! — заплакала Тамара Епишко.

— Куда их ведут? Пошли за ними. Бедные, разутые, голодные... Надо им помочь, — прошептала Билян.

Пленных пригнали на Керосинную улицу и бросили за колючую проволоку. В тот же день у ограды появился почти весь седьмой «А» класс 144-й школы. Ребят привела Тамара Билян. В карманах, за пазухой у каждого — вареная картошка, сухари, луковицы, йод, бинты. Их не пугают угрожающие крики часовых: «Век, век, русише швайн. Век, буду штреляйт!»

Только часовой отвернется — за ограду летят детские гостинцы.

Ежедневно ходили на Керосинную пионеры. У них на глазах умирали люди. Они видели, как фашисты пристреливали умирающих... Но от этого только сильнее становилось желание помочь. Они приносили военнопленным все, чем могли разжиться дома у матерей.

Вдруг — новость! На воротах концлагеря объявление: «Пленных киевлян украинской национальности, за которыми придут родственники, будут отпускать домой».

С этим радостным известием Тамара Билян прибежала к родным.

— Папка, как спасти пленных, папка?!

— Ты, дочка, и все твои друзья должны выдавать себя за родственников пленных... Надо спасти как можно больше людей, слышишь, Томка...

Тамара поняла отца, и в тот же день дети снова пришли к колючей ограде. Как только отвернется часовой, ребяташки бросаются к пленным.

— Дяденька, как вас зовут? Говорите быстрее, дяденька...

— Петр Сидорович Гаркуша...

— Иван Яковлевич Таран...

Услышат дети имя пленного — скорей к часовому:

— Господин часовой, нет ли у вас моего папки — Ивана Яковлевича Тарана? Пожалуйста, отпустите его, — просит одна.

— Там лежит мой дядя, я видела... Петр Сидорович Гаркуша... Отпустите его, господин часовой, — умоляет другая.

За несколько дней школьники вызволили из лагеря многих военнопленных, привели их домой, накормили, дали помыться, переодеться... До конца дней будут поминать добрым словом узники фашистского лагеря своих юных спасителей — находчивых ребят, которых позвала им на помощь пионерка Тамара Билян.

ТАКИМИ ОНИ БЫЛИ — ДЕТИ ВОЙНЫ!..

Наступила первая военная зима. У связной подпольного райкома Тамары Билян масса работы. В домике в Мыльном проулке писали листовки, которые рассказывали о расстрелах советских людей, о том, что делается на фронтах, как красноармейцы героически борются против захватчиков. И райком поручил юной связной разносить эти листовки по селам. Сначала страшновато было Тамаре одной пускаться в далекий путь, и она предложила Любе Смеяновой:

— Пойдем, Люба, вместе в Клавдиево. Там живет мой дядя. Поможет выгодно намять картошки.

И девочки пошли. За плечами — котомки со старенькой одеждой... Сходили благополучно. А когда возвращались домой, хотелось Тамаре сказать подруге:

«Прости меня, Люба, верная моя подруга! За все годы на-

шей дружбы у меня впервые была от тебя тайна... Ведь дядя Василий, который так гостеприимно встретил нас в Клавдиеве, вовсе мне не дядя, а в котомке, под картошкой, которую он мне дал, лежат сводки Совинформбюро и... револьвер для Тимофея Федоровича... Спасибо, Люба, что ты помогла мне выполнить важное поручение райкома».

Несколько раз ходили Тамара с Любой в села. А со временем Тамара привыкла и стала ходить одна. Путь ее лежал и на Черниговщину, к партизанской явке, через Днепр, скованный льдом, где ежеминутно можно нарваться на патруль, а это — смерть. Не растерялась Тамара даже тогда, когда ее с котомкой поймал на дороге полицейский и потащил в комендатуру. А в котомке, под мерзлой картошкой, — газета «Правда».

— Чего, проклятая девка, здесь шатаешься! Кто такая? — закричал полицейский.

— Ой-ой, дяденька, отпустите!.. Дома шестеро маленьких, кушать плачут, а мамка померла... Господом богом прошу, дяденька, отпустите домой, не отбирайте картошечку...

По грязным щекам Тамары горошинami катились слезы. Маленькая, худощавая, повязанная плохоньким платочком... С виду лет тринадцать, не больше... Вероятно, поверил полицейский убогой путнице, а может быть, надоели ему Тамарины причитания...

— Да цыц, будь ты неладна! Хватит вопить... Вымой быстрой пол в комендатуре, свари поесть и убирайся отсюда вон, — закричал.

Подпольщики говорили, что Тамаре всегда везло. Повезло девочке и в другой раз...

Окупанты позволяли переходить Днепр по льду только в одном месте — между причалом и Трухановым островом. Там шныряли полицейские, требовали специальные пропуска на право выхода из Киева, проверяли, что у каждого в котомке. Тамаре нельзя было там переходить, — у девочки были свои, партизанские тропы... Ночью, когда вьюга сбивала с ног и полицейские сами не отваживались выйти на лед, юная связная тронулась в путь.

...Колющий снег хлещет в лицо, слепит глаза. Только бы не сбиться с дороги, только бы... Тамара проворно слезла с кручи. Товарищи ее предупреждали, что полицейские наделали во льду прорубей-ловушек для таких, как она, путешественников. У-у-у! Холодно. Разгулялся Дед Мороз. Решил поспорить с вьюгой. У-у-у!.. Девочка плотнее завязывает платок. Только глаза виднеются... Вдруг... А-а-а! Тамара куда-то провалилась, тело, как огнем, обожгло ледяной водой. Конец!

...Но это не был конец. Когда Тамара открыла глаза, в них ударил дневной свет. Было тепло. Кто-то укрыл ее кожаном. Рядом напевал печальный детский голосок.

Тамара попыталась подняться, но слабость приковала ее к постели. Вдруг она увидела склонившееся над ней личико.

— Ожила, ожила! — радостно захлопали маленькие ладошки.

— Почему я здесь? Кто ты, девочка? — спросила Тамара.

— Кто я такая? Валя... А вот кто ты? Несколько дней назад тебя принес ко мне дед Фадеич. Ты его знаешь? Нет. Ты была как спящая принцесса из ледяного царства. Вся одежда на тебе задубела. А сама, как льдинка, такая голубая-голубая, аж просвечивалась. Дед Фадеич долго растирал тебя снегом, потом дал кипятку напиться, какой-то травки, укутал в свой кожух и ушел. А ты все время без памяти лежала, что-то кричала, маму звала, куда-то бежать хотела, плакала, потом с каким-то Тимофеем разговаривала... А вот сегодня тихо-тихо спишь. Иногда мне казалось, что ты уже умерла...

Тамара долго болела. Больше трех недель пролежала в доме загадочной девочки Вали.

Валя куда-то исчезала и возвращалась с котелком борща, с кусочком хлеба или с несколькими мерзлыми картофелинами. Девочки разогревали в печи котелок и вместе съедали этот скромный обед. Тамара спрашивала:

— Где ты достаете еду, Валя?

— Люди дают.

Девочка часто сидела у окна, внимательно вглядываясь в тропинку, ведущую к лесу. Тамара чувствовала, что Валя кого-то ожидает. Но на тропинке не было того, кого ждала девочка. По ночам Валя тихонько, чтобы не услышала Тамара, плакала. Одинокая девочка стойко хранила свою недетскую тайну, боясь поделиться даже с Тамарой, к которой привыкла, как к родной.

К Тамаре постепенно возвращались силы. Она уже начала ходить по комнате. Надо было собираться домой. Тамара чувствовала, что уже сможет дойти до Киева, но жаль было оставлять Валью одну, с ее горем, с ее тайной. Хоть бы пришел дед Фадеич, который каким-то чудом вытащил ее из проруби. Тамара была уверена, что Валина хата — партизанская явка. И, наверное, тех партизан, которые должны были прийти к Вале, уже нет на свете. И она решила:

— Валечка, мне надо возвращаться домой. Пойдем со мной в Киев. Поживешь у нас. А кончится война, мы приедем сюда, разыщем твоих родных... Согласна, Валя?

Валя тихо покачала головой:

— Нет, я никуда не пойду. Никуда, Тома...

Валя проводила Тамару до леса. Юная подпольщица медленно шла по лесной тропинке, то и дело оборачиваясь назад. На опушке стояла Валя и махала ей рукой.

Худошавая, маленькая, казалось, что она вот-вот упадет, подхваченная свежим ветром. Но душа у нее была сильной.

Ведь в свои девять лет она хорошо постигла суровые законы конспирации и, наверное, не изменила бы им даже под страхом смерти.

Таковыми они были — дети войны!..

Где же ты теперь, Валя, Валентина! Жива ли? Помнишь ли замерзшую девочку из Киева и то, как выхаживала ее, тяжело-больную, в грозную зиму 1943 года?

Прошли годы. Тамара Константиновна Билин-Самовалова ныне юрист, работает в Киеве. Она частый гость у школьников города, и пионеры, затаив дыхание, слушают ее рассказы о прошедших героических днях.

С. ЧЕРНЯК

ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Это было в годы Великой Отечественной войны неподалеку от Ленинграда. Вблизи поселка Струги Красные фашистам удалось захватить в плен советскую девушку-радистку, сброшенную с парашютом для связи с партизанской бригадой. Печальная весть об этом скоро облетела весь поселок. Узнала о пленной радистке и ленинградская девочка Юта. С этой минуты она думала лишь об одном: как помочь партизанке бежать.

Как-то, когда избитую, замученную девушку вели на допрос, Юта спряталась за деревом и, как только партизанка поравнялась с ней, вынула из кармана красный галстук и тут же быстро его спрятала.

Живой огонек в глазах пленной был единственным свидетельством тому, что она заметила Ютин галстук.

Так произошло первое знакомство партизанки Лены — Аргенты Матвеевны Калининой — с пионеркой Ютой Бондаровской.

С какой теплотой вспоминает Аргента Матвеевна и эту первую встречу с Ютой, и все дни, проведенные вместе с ней в партизанском отряде!

— Если бы вы знали, — рассказывает она, — какую силу я ощутила от этого маленького красного лоскутка! Сколько бодрости придала мне эта худенькая белокурая девочка! Я привязалась к ней с первого взгляда.

Юта принесла мне тогда спички и помогла поджечь ригу, в которой меня запирали. В суматохе пожара мне удалось бежать. Я добралась до партизан. В отряде мы с Ютой увиделись снова: она тоже ушла к партизанам, но была в другой бригаде. Как-то в лесу, выполняя боевое задание, мы встретились. Юта увидела меня и больше не захотела расставаться.

Юта Бондаровская

Нелегко мне было убедить командира принять в отряд четырнадцатилетнюю девочку. Признаться, я даже солгала, что мы сестры и у нас никого больше нет. Нас так и называли сестрами. Юту очень оберегали, не посылали ни на какие задания. Но уберечь ее было трудно. Отчаянная, смелая, проворная, она сама раздобыла себе винтовку и всегда появлялась там, где была нужна ее помощь.

Юта прекрасно ездила верхом, если надо — и по бездорожью. От меня она не отставала ни на шаг. И как-то само собой вышло, что Юта тоже стала разведчицей. Один

эшелон врага мы вместе с ней пустили под откос.

Юта была очень веселой. Глядя на нее, самые хмурые люди улыбались. Один раз мы шли на серьезное задание. Юту не брали с собой. Она — к командиру с жалобой.

— Куда ты, Ютик, — как можно ласковей сказал командир. — Ты же стрелять не умеешь, что там будешь делать?

— «Ура» буду кричать! — не задумываясь, ответила Юта.

Один пожилой партизан тогда сказал мне:

— Ну и девчонка! Поглядишь на нее — и весь страх как рукой снимает. Легко на душе становится.

Юта и без оружия била врагов: поддерживала во всех бодрость духа. В партизанском отряде ее и в комсомол приняли, но все продолжали ее называть пионеркой.

Помню, в день ее рождения, 6 января 1944 года, Юте торжественно, перед всем отрядом, поднесли карабин. Как счастлива она была! Поклялась мстить врагам до конца и сдержала свою клятву.

Вскоре после этого праздничного для Юты дня я была ранена и вместе с другими ранеными отправлена на самолете в Ленинград. Больше я уже не встречалась с Ютой...

ЕЕ ПОМНЯТ

В то время, когда Аргента Матвеевна лечилась в госпитале, Юта продолжала свой боевой путь.

После освобождения Ленинградской области от фашистских захватчиков девочка имела возможность вернуться в Ленинград. Однако она осталась в партизанском отряде. Как раз тогда формировалась 1-я Эстонская партизанская бригада для борьбы с врагом на территории Эстонии. Почти все партизаны из отря-

да, в котором была Юта, добровольно вступили в эту бригаду. Юная партизанка осталась вместе со всеми. Комиссар бригады Цветков пытался ее отговорить. Но она ни за что на свете не соглашалась ехать в Ленинград.

— Я буду воевать до тех пор, — сказала отважная пионерка, — пока хоть один фашист ходит по нашей земле...

Бригада начала свой путь из Гдова. Оттуда пошли к поселку Каменный Пояс, расположенному на берегу Чудского озера. Чтобы попасть в эстонские леса, надо было перейти через озеро. Трудная это была дорога. Февраль — вьюга, каждый день снежные бури... Под ногами скользкий лед, присыпанные снегом трещины, полыньи.

Бригада с боем переходила линию фронта. В этих тяжелых боях потеряли хозяйственный обоз, лошадей... Отряд в триста человек с ранеными на носилках передвигался пешком по колему в снегу. Голодными шли по льду озера день и ночь. Днем одежда намокала, ночью замерзала. Спали, прижавшись друг к другу.

Юта стойко выдержала этот переход. Ни разу никто не слышал, чтобы она жаловалась. Напротив, когда отряд, наконец, вышел на противоположный берег озера, она первой вывалилась пойти в разведку, узнать, нет ли поблизости села. Ее отпустили.

Вскоре Юта вернулась. Она, оказывается, наткнулась на хутор. Разведчица узнала, что фашистов поблизости нет. А партизаны семь дней ничего не ели. Пришлось пойти в хутор.

Это было 28 февраля 1944 года. Партизаны разместились в избах на отдых. Стояла глубокая тишина. И вдруг — выстрелы и крики: «Фашисты!» На ходу схватив автоматы, партизаны бросились навстречу врагу. Вместе с ними была и Юта. Но когда партизаны, перебив почти всех гитлеровцев и выиграв бой, отошли к лесу, Юты среди них уже не было.

Ее нашли позже.

Боевые друзья-партизаны похоронили отважную пионерку у небольшой речки, текущей вблизи хутора Роостоя, в восемнадцати километрах от Чудского озера. Образ юной партизанки Юты навсегда сохранился в их сердцах. Помнят о ней и дети нашей необъятной Родины.

А. МОИЖЕС

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

— Дядя Петя! Возьмите меня в отряд!

Мальчик выжидающе смотрит на партизана Петра Павленко. В его глазах — горячая мольба, а из уст готова сорваться клятва: «Не подведу!»

— Подожди малость, сынок. Понадобисься — возьмем, — говорит ободряюще сосед.

Он хорошо знает этого рослого, крепкого, сообразительного мальчика. Заметил он и то, каким ненавидящим взглядом провожал тот оккупантов, когда они проходили мимо родной Корюковки.

И долго еще потом мальчику слышалась их чужая, незнакомая речь, а перед глазами стояли надменные, наглые лица.

«Идут как хозяева,— возмущался он.— Вон сколько их! И какого только оружия у них нет... Да, голыми руками их не возьмешь!»

Позднее сосед наблюдал, как мальчик, собрав ватагу таких же, как он сам, сорвиголов, проводил «военное обучение». Достать винтовки в те огневые дни было не так уж и трудно. Хорошо, что матери не видели их за этим занятием.

И вот как-то вечером сосед в полной боевой форме зашел к Ковалевым. Положил на стол гранату и спросил:

— Где Колька?

— Только что лег спать. А что? — встревожилась мать.

— Пусть собирается.

Повторять не пришлось. Вмиг мальчик был готов. Будто и не ложился.

— Куда? — строго спросил отец.

— Куда? — спросила с тревогой мать.

Но вопросы были излишни. И отец, и мать хорошо знали, куда все время рвется их пятнадцатилетний сын.

А Коля вскоре уже стоял в штабе только что организованного Корюковского партизанского отряда перед командиром.

— Хочешь в партизаны?

— Спрашиваете!

— Стрелять умеешь?

— А как же!

— Вот тебе винтовка. Ремень доставай сам,— сказал Федор Иванович Коротков.

Еще не веря своему счастью, мальчик схватил винтовку и, крепко сжимая ее, что было мочи помчался... домой.

— Вернулся, вот и хорошо,— обрадовался отец.

И мать раскрыла объятия:

— Коленька, родной!

А Колька за ремень — и снова из дому. Теперь уже надолго.

*

Ночь такая темная, что, кажется, шагу не ступишь, что-бы не натолкнуться на дерево или куст. Но партизаны идут по своей земле уверенно. Идут друг за другом. Коля позади всех.

Показывается село Погорельцы, школа, где расположились фашисты. Внезапно все куда-то проваливается, и появляется Колин класс. Коля сидит за второй партой. Сосредоточенно смотрит на учительницу и слушает внимательно-внимательно. Она так интересно рассказывает.

Дзинь-дзинь-дзинь! Звенит звонок. И мальчик недовольно морщится. На самом интересном месте! И надо же такое! Ребята схватываются с мест и мчатся в коридор, где во время перемены так весело...

Коля мотает головой, отгоняя дорогие воспоминания. Ох, с какой радостью взялся бы он за книжки!..

По данным разведки, гитлеровцев в школе — пятьсот, а партизан — горстка. Однако недаром говорил Александр Васильевич Суворов, что воюют не числом, а умением.

Часового сняли без единого выстрела. А школу забросали гранатами. Из окон и дверей начали выскакивать очумелые оккупанты. Тогда застрочили пулеметы.

Внезапно в воздухе рассыпались две зеленые ракеты — это фашисты просили помощи у своих частей, расположенных в соседнем селе. Бой разгорался.

За школой стояло несколько машин врага и цистерны с горючим. Все это надо было уничтожить.

— Бери, Коля, мины и клади в ствол хвостом вниз, — сказал минометчик Иван Полищук.

«Вот это настоящее задание!» — обрадовался юный партизан и стал быстро хватать мины и бросать в миномет.

— Экий ты прыткий! Не так быстро. Ты еще нас подорвешь! — пожурил его минометчик.

Прошло еще несколько минут, и Коля так наловчился, что заслужил похвалу командира.

Рвались мины, гремели взрывы, пули свистели вокруг, а мальчик только и знал, что подносил мины.

— Хороший вояка, — дивясь его хладнокровию, говорил командир.

Бой длился до самого рассвета. Тогда-то и получил Коля боевое крещение. Он выдержал экзамен. Опаленный огнем, он как-то сразу стал взрослее, уверенней в своих силах, завоевал свое место в ратном строю партизан.

*

Не успел отряд разбить лагерь в лесу, как Корюковку заняли гитлеровцы. Поселок наполнился гомоном чужой речи, лаем овчарок. Лейтенант Иван Полищук с тоской думал о своих товарищах, о том, что не добраться теперь ему одному до них. Болезнь свалила, приковала его к постели.

И вдруг он услышал голос Колиного брата — Лени:

— Товарищ лейтенант! Скорее! Бежим! Я помогу. Здесь оставаться вам нельзя.

Еле держась на ногах, лейтенант поднялся.

— Обопритесь на меня. Я сильный, выдержу. Как только замечу фашистов, буду петь или свистеть, — сказал Леня, подерживая больного.

Шли задами, прятались в кустах, отсиживались в чужих сараях. Вот и сахарный завод. Завод? Одно только название. Оборудование успели эвакуировать, машинное отделение подорвали. Только корпус и остался.

— Вот это дворец! Лучшего и не надо,— улыбнувшись, сказал лейтенант и устало опустил на землю.

Однако нашлись предатели. Фашисты окружили завод.

— Рус! Сдавайся!

В ответ лейтенант послал очередь из автомата. Гитлеровцы стали бросать гранаты.

Осколком Полищуку выбило глаз. Казалось, конец. Выхода нет.

«Трубы,— внезапно вспомнил Леня.— Спрячемся в подземных трубах». Так и сделали. Однако сколько можно продержаться в узких трубах, где едва можно сесть?

Их двое: больной, раненый лейтенант и четырнадцатилетний мальчик, а гитлеровцев, вооруженных до зубов, не счесть.

Спасение пришло неожиданно. Ночью к ним приполз старожил Андрей Бухан. Он рассказал, какие трубы ведут к речке. По ним Иван Полищук и Леня выбрались за территорию завода. Долгий путь прошли они, пока, наконец, не добрались до расположения партизанского отряда.

— Стой! Кто идет? — услышали грозный окрик часового.

И в ответ радостное:

— Свои, Коля! Неужели не узнаешь?

Так встретились юные партизаны Коля и Леня Ковалевы.

Не дожил Леня до радостных дней победы. Погиб как герой, заслонив своим телом комиссара, в бою у села Тихонов, неподалеку от Корюковки.

*

Бывалым партизаном называли Колю уже в конце 1941 года. Вместе со взрослыми он храбро воевал, никогда не отставал во время длительных переходов по лесам, болотам, по бездорожью, мужественно переносил голод и холод, когда отряд оказывался в окружении.

...Глубокой зимой все отряды собрались в соединении А. Ф. Федорова в Еленских лесах.

Лес, как в сказке. Земля будто белым ковром устелена. Тишина необычайная. Внезапно желтый комочек — белка по дереву проскачет, заяц промчится, отбрасывая задние лапки. Замечтался мальчик...

Лес на Орловщине местами подходил к самой железной дороге. Если внимательно прислушаться, можно отчетливо услышать паровозный свисток, равномерный стук колес. Раньше эти звуки всегда радовали Колю. А теперь он слышать их равнодушно не мог.

По железной дороге шли эшелоны с оружием, войсками противника. День и ночь мчались, ненавистные, по советской земле...

Время идти на операцию. В лесу Коля и его группа ступали так, чтобы и ветка не шелохнулась, и сучок под ногами не треснул: вражеская засада могла ожидать за каждым деревом. Гуськом дошли до железной дороги. Залегли в овраге и стали наблюдать.

— Все спокойно, можно закладывать мины,— передали по цепочке.

Минеры делали свое дело спокойно и споро. Будто и не угрожала им ежеминутно смертельная опасность. Они знали: их надежно охраняет группа Коли Ковалева. Он хоть и молодой командир отделения — только шестнадцать минуло,— но на него можно положиться. Будет сражаться до последнего патрона.

Закончив работу, минеры бесшумно отошли, а группа залегла так, чтобы держать состав под перекрестным огнем. Мучительно медленно тянулись минуты. Каждая из них могла стать последней в жизни подрывника.

Слух и зрение напряжены до предела, оружие — наготове. Ничто не должно застать партизан врасплох.

Все ближе и ближе состав. Все явственней ход поезда.

«Так те-бе и на-до! Так те-бе и на-до!» — стучат колеса.

И вдруг страшный взрыв. Встают на дыбы, громятся друг на друга вагоны. Звенят разбитые окна, в панике бегут оккупанты.

— Нет, гады, не уйдете!

— Огонь! — командует Коля и косит фашистов из пулемета.

Гитлеровцы залегли под уцелевшими вагонами и открыли встречный огонь.

Пули стали ложиться все ближе и ближе. И тогда Коля отдал команду отходить к лесу. Радость пела в груди мальчика. «Получили гостинец, проклятые захватчики! Долго будете помнить!»

Вскоре у юного партизана, еще совсем недавно носившего пионерский галстук, на груди засиял орден Красной Звезды, а через некоторое время — боевые медали.

Как-то отряд попал в окружение. Из вражеского кольца выходили днем. Орудия заминировали. А станковые пулеметы взяли с собой. И боеприпасов захватили кто сколько мог. Шли тихо. Разговаривали шепотом. Команды подавали знаками.

Разведка поработала хорошо. Партизаны знали, что оборона противника за грунтовой дорогой, и подошли к окопам незаметно, днем. Одно отделение с правого фланга, слева — другое, в котором был Коля Ковалев.

Замаскированные окопы молчат, будто нет в них ни души.

«Стреляй!» — подает знак Коля.

В то же мгновение и фашисты открывают огонь. Что-то больно ударяет Колю в ноги, по руке, отбрасывает во вражеский окоп, прямо на головы гитлеровцам. От неожиданности они замирают, а Коле только того и надо. Здоровой рукой делает несколько метких выстрелов. Потом — яростная рукопашная схватка, и путь из окопа свободен. Но как из него выбраться? Рана все больше дает о себе знать. Напрягая последние силы, Ковалев взбирается наверх. Здесь его и находит политрук отряда Хоменко.

— Куда ранен? На коне можешь ехать?

— Конечно!

Конь идет медленно-медленно. А Коле кажется, что он мчится так, что земля дрожит и небо падает на него. Он теряет сознание и сползает с коня. Сапоги полны крови.

«Придется распрощаться с ногами и рукой, наверное, тоже», — с болью думают друзья-однополчане.

*

Николая Семеновича Ковалева мы встретили на республиканском слете красных следопытов в Закарпатье.

Ребята пригласили на слет ветеранов войны — мальчиков и девочек военных лет, которых они разыскали по фотографиям, опубликованным на страницах газеты «Юный ленинец».

Николай Семенович приехал с женой из Черниговской области на машине. Он мастерски вел ее несколько сот километров. Никогда не скажешь, что за рулем инвалид.

— Разве это не героизм! — восторженно говорили ребята.

А. ЕЛЕНИНА

МАРКС КРОТОВ

(Рассказ матери)

Был он русоволосый худенький мальчик... Дома все делал: и дров нарубит, и воды принесет, и с малышами играет. Шестеро у меня детей, трудновато было. А тут война началась. Муж на фронт пошел, старшая дочка тоже в армии. Маркс за хозяина остался.

Все время семью поддерживал. Фашисты у всех жителей коров позабирали, а он нашу Чернуху в лесу прятал. Начали и сено вывозить. У меня последний стожок забрали. Пришла домой, плачу: «Чем корову кормить? Совсем пропадем!»

Ночью слышу — конь заржал. Выбежала во двор — воз с сеном стоит, Маркс лошадей держит, озирается.

— Открывай скорее, мама, ворота, спрятать надо.

Только потом по секрету сказал:

— Партизаны лошадей дали, чтобы сено отвезти.

Заболело сердце у меня, поняла — с партизанами мальчик связан... Хоть бы не попал в руки врага!

В это время наши отступали. Много бойцов из окружения вышло и нашим селом к своим пробиралось. Гитлеровцы приказ издали: кто даст приют — расстрел.

Как-то в зимнюю ночь слышу: стучат в окно. Смотрю: стоят двое.

— Свои, — говорят, — пустите.

Посмотрела я на спящих детей, страшно за них стало. А Маркс не задумываясь:

— Надо пустить, мама! Это же наши...

Поднялся, окна плотно закрыл, чугунку затопил. Обогрелись бойцы, отдохнули. Потом Маркс кружным путем вывел их из села.

Не только Маркс к партизанам бегал. Были у него два друга — Коля Рыжов и Альберт Купшин. Никто мальчишек сначала не замечал. То возле кухни немецкой крутятся, то у штаба — так обо всем и узнавали. Иногда Маркс возьмет мешок и уйдет из дому на несколько дней. Догадывалась я — на задание.

Как-то над нашим селом воздушный бой начался. Жители все по домам попрятались. А Маркс с Колей и Альбертом исчезли. На околице села бой наблюдали. Как только упал загоревшийся самолет, — побежали. Маркс сказал товарищам:

— Если наш — надо спасать.

Летчик оказался русским. Весь обгорел и был уже мертвым.

Мальчики взяли документы, деньги, две тысячи там было, и письмо к матери. Все это отнесли к партизанам, а те родным переслали. Летчика тайком похоронили.

В ночь под Новый год куда-то пропали три друга. Сiju, жду, спать не ложусь. Не выдержала, пошла искать. В сених темно. Хотела взять фонарь — нет его. Пошарила в углу — и лыж нет. Вдруг взрыв, второй, третий... Таких в селе еще не слышали. «Фашистский аэродром бомбят», — промелькнула мысль. Прижалась к косяку. Внезапно скрипнула калитка.

— Ты, мама? Не бойся, это наши.

Никогда не видела я сына таким возбужденным: глаза блестят, лицо бледное.

— Устроили им наши летчики банкет под Новый год!

Утром все село знало — советские летчики начисто уничтожили вражеский аэродром, а партизаны, напавшие ночью,

Маркс Кротов

перебили всех гитлеровцев. Одного офицера живым захватили, забрали коней, продовольствие и оружие.

Гестаповцы решили жестоко отомстить за это. Начались в селе обыски, аресты. Исчез и Маркс с товарищами. Целый день и ночь его ждала, но он не вернулся. Утром в дом вломились два гитлеровца.

— Ты мать партизана? Был у вас фонарь «летучая мышь», белый халат, лыжи?..

Оказывается, возле аэродрома нашли на елке горящий фонарь и следы лыж.

Я представила себе, как мальчики пробирались темной ночью к аэродрому. На каждом шагу ждала их опасность, но они шли и шли, одетые в белые халаты. Через все пробрались, часовых обошли и выполнили задание. Страх и гордость за сына переполнили мое сердце. Что с ним?

Несколько дней спустя привели в село Колю Рыжова и старосту, который тоже помогал партизанам. На аркане вели их, словно собак. Мальчик весь синий был. Его в родной дом бросили и били.

— Бейте, гады, наши придут, отомстят!

С этими словами на виселицу шел. Две недели висели трупы, фашисты не давали снимать, чтобы запугать всех жителей села. Дощечка сверху была: «Помощники партизан».

Маркса и Альберта расстреляли на берегу Белого озера, возле леса, 7 февраля 1942 года.

Е. КРотова

КАРЕГЛАЗАЯ ЛАРА

Родители Лары Михеенко Татьяна Андреевна и Дорофей Ильич работали в Ленинграде, а жили за городом, в Лахте. Последний раз Дорофей Ильич видел свою дочку, когда, провожая его на финскую войну, она бежала за трамваем и кричала:

— Папа, скорей возвращайся! Я буду ждать тебя каждый день.

Но он не вернулся, его убили. А скоро над всей страной нависло огромное общее горе: началась Отечественная война. Она застала Лару в Печеневе Калининской области, где девочка с бабушкой гостила летом у своего дяди Лариона.

Дядя Ларион был всем недоволен. Его раздражало, что к Ларе приходят подружки: Фрося Кондруненко и Рая, по фамилии тоже Михеенко. Но особенно мрачен был дядя Ларион, когда семья садилась за стол. Стоило Ларе потянуться за хлебом, ее движение провожал долгий угрюмый взгляд. Девочке казалось, что дядя подсчитывает, сколько она съест.

И однажды за ужином он сказал напрямик:

— Вот что, мамаша, и ты, Ларька, подыскивайте себе, значит, другое жилье. Мне лишние рты не нужны. Время теперь не такое.

Ложка задрожала в бабушкиной руке.

— Гонишь мать из родного дома?..

Но Лара уже встала из-за стола.

— Пошли, бабушка. Это не родной, а чужой дом.

Собираться было недолго, но когда Лара вывела бабушку на усадьбу, старушка привалилась к плечу внучки:

— В глазах мутится.

А жена Лариона крикнула с крыльца, что раз им некуда деться, пусть пока поживут в баньке. Эта закопченная, топившаяся по-черному, старая банька стояла тут же, на усадьбе.

Плохо жилось Ларе и бабушке. Они питались лебедой и картофельными очистками, но Лара скорей умерла бы от голода, чем попросила помощи у своего дядюшки. Немцы назначили его печеневским старостой, и никто в деревне этому не удивился.

Не жди хорошего от человека, который выгнал из дому родную мать.

В беде чужие люди оказались ближе родных. То Фросина мать. Галина Ивановна, то Раина мать, Анна Федоровна, приносили в баньку крынку молока. И тут же рассказывали деревенские новости: в Тимоново не пройдешь, опять партизаны мост подорвали, на шоссе налетела на партизанскую мину немецкая машина.

Для расправы с партизанами фашисты направили карательную экспедицию. В деревне Старый Двор каратели загнали в сарай шестьдесят семей и сожгли живьем. В Пустошке повесили человека, заподозренного в том, что он минировал шоссе. Перед казнью ему живому выкололи глаза.

Но в ответ еще выше поднялась волна народного гнева. Лущие люди уходили в партизаны, исчез из деревни и Петя Кондруненко, брат Фроси. Однако, когда Лара пыталась расспросить: «Где Петя?», то Галина Ивановна или отмалчивалась, или говорила:

— Тебе про это знать нечего. Не доросла.

Но пришел день, когда Галина Ивановна рассказала девочке правду о Пете. Это было весной 1943 года. В ту пору Рае было шестнадцать, Фросе пятнадцать, Ларе четырнадцать лет. Рая получила повестку явиться в Пустошку в молодежный лагерь,

Лара Михеенко

откуда отправляли в Германию. И все три подружки, очень взволнованные, собрались у Кондруненко.

— Тетя Галя! — сказала Рая. — Ну, сегодня меня, а завтра, может быть, Фросю и Лару заберут. Только этого не будет. Мы уходим в партизаны. Тетя Галя, это тайна, но вам мы ее доверяем и очень вас просим помочь.

— Вам надо податься в Петин отряд, — помолчав, сказала Галина Ивановна.

Со слов сына она знала, что этот партизанский отряд находится в районе озера Язно. Было решено уходить в ту же ночь. Лара обещала прийти к Кондруненко, как только заснет бабушка. А бабушка, словно чувствовала, что это их последний вечер, и не отпускала внучку от себя.

— Маленько посиди со мной. Дай на тебя погляжу. Чудная ты стала — стриженная.

Наконец они улеглись, но долго еще скрипела под бабушкой скамейка и слышался слабый голос:

— Ларушка! Ты здесь?

— Я здесь, бабушка.

И вот стало совсем тихо. Осторожно встав со скамейки, Лара подошла к бабушке. Лица спящей нельзя было разглядеть, лишь смутно белел платок, которым бабушка на ночь повязывала голову. Покивав этому белому платку, Лара прошептала:

— Прощай, бабуленька! Я очень буду скучать и тебе без меня будет плохо. Кто же тебе хворост принесет?

А за окном уже стояла по-весеннему светлая ночь, зеленелая, с редкими искрами звезд. В эту ночь в деревне Печенево пропали три девочки.

*

Как странно! Ларе кажется, что она у родных, что она дома, хотя изба, в которой она находится, не похожа на уютный семейный дом. Стол да скамьи — вот и вся мебель. За столом вооруженные незнакомые люди.

После долгих странствований по лесам и болотам беглянки натолкнулись на партизанскую заставу, и их отвели в партизанский штаб в деревню Кривицы. Вот там-то Лара и увидела на стене портрет, который она уже давно не видела, и который напомнил ей о самом родном и дорогом. Это был портрет Ленина.

— Ленин! — радостно сказала Лара. — Девочки, Ленин!

И все три подружки посмотрели на ленинский портрет, а потом с надеждой взглянули на сидевших за столом людей, которые должны сами решить их судьбу.

— В отряд проситесь, в разведчики, — сказала женщина, комиссар отряда, — куда вам в разведчики: уж больно малы.

— Мы назад не вернемся, — сказала Фрося.

— Прогоните, отыщем другой отряд,— сказала Рая.

— Все равно партизанами будем,— сказала Лара.

Наутро их отправили с поручением в то же Печенево. Это было проверкой. Может быть, они передумают и останутся дома. Но девочки вернулись в Кривицы.

И тогда решили принять их в отряд. Перед лицом своих старших товарищей девочки принесли партизанскую клятву верности Родине и ненависти к врагу.

...Гудят колокола в деревне Неведро. Народу в церкви набилось битком. Молящаяся женщина искоса поглядывает на стоявшую невдалеке девочку. Как она, прости господи, крестится! Не справа налево, как все православные, а наоборот.

— Кто это тебя так креститься научил? — строго говорит женщина.

— Извините, тетенька, спуталась.

Девочка, будто сконфузившись, начинает отбивать земные поклоны. Но по-прежнему лукавая смешинка в ее озорных карих глазах. Немного погодя женщина снова оборачивается, но девочки уже нет. Зато у себя в кошелке женщина находит партизанскую листовку.

Вернувшись домой, женщина рассказывает об этом соседке-куме. Но куму не удивишь. И кума была в церкви, и ей там подсунули партизанскую листовку.

— Знать, кума, возле тебя тоже вертелась девчонка: глаза карие, волосы каштановые, крестится не на ту сторону.

— Девчонка вертелась, это точно. Только ты ошиблась, кума, волосы у нее светлые и глаза голубые.

— Не спорь, кума! Карие у нее глаза, карие.

— Ан, не карие, а голубые.

И обе спорщицы были правы, потому что рассовывали в церкви листовки и Лара, и голубоглазая Фрося.

*

Сбылось желание девочек: они стали разведчицами. Но работа разведчика нелегка. Разведчик должен быть отважным, находчивым и хитрым, чтобы, не выдавая себя, обмануть врага.

Кажется, нет ничего подозрительного в том, что две босоногие деревенские девочки идут к тетке за капустной рассадой. Июнь — самое время рассадку садить. И часовой, охранявший мост, разрешил девочкам пройти.

Но не к тетке, не за рассадой шли в Орехово Лара и Рая. В эту деревню был согнан скот, который немцы отняли у населения. И партизаны отбили его у немцев, получив от разведчиц точные сведения о численности стоявшего в Орехове гарнизона, о расположении огневых точек и о времени, когда происходит смена часовых.

Кажется, нет ничего подозрительного в том, что в начале июня кукует кукушка. Только это куковала не кукушка, а Лара и Рая, спрятавшиеся на дереве в густой листве. Девочкам поручили разведать и сообщить, сколько и каких немецких машин проедет по шоссе.

И «кукушки» в точности выполнили это поручение. С вершины одиноко растущего дерева им как на ладони видно шоссе. О мотоцикле «кукушка» сообщала тоненько, скороговоркой. Если же она выговаривала свое «ку-ку» грубо, медленно — это означало: «едет грузовик».

Партизаны напали на немцев и подбили два мотоцикла и грузовик.

В одной деревне Лара и Фрося нанялись в пастухи. Пасли исправно, только боялись быка. Все деревенские были довольны, и вдруг... среди бела дня стадо само пришло в деревню. У кого овцы огурцы потоптали, у кого коровы капусту стравили.

Заголосили деревенские женщины:

— Где пастухи? Чего они смотрят?

А пастухи уже высмотрели все, что им надо, — их и след простыл.

...Немного погодя в деревне Луги у Антона Кравцова пропала нянька. Уж до чего был доволен этой девочкой Антон! Все хвастался — и усердная, и культурная, по-научному рассуждает: «Ребенку необходим кислород».

Раз необходим кислород, Антон и жена не препятствовали. Целый день кареглазая нянька проводила с малышкой на улице. И вдруг нянька сгинула. Ушла и расчет не взяла. Почему? Разве ей худо было? Будто бы никто и не обижал!

На третью ночь Антон проснулся от выстрелов. Партизаны напали на немецкий гарнизон, и невдомек было Антону, что привела партизан та самая маленькая нянька, которая по-научному рассуждала про кислород.

Убедившись в способностях Лары, командир разведки 6-й Калининской бригады П. К. Котляров стал давать девочке более сложные задания. Лара стала связной между бригадами и преданными партизанам законспирированными людьми, живущими в Пустошке, Таланкине, Усть-Долыссах, Канашеве и других населенных пунктах. В то время много побиралось по деревням голодных детей-беженцев, и Лара часто изображала из себя нищенку. Кажется, ничего нет подозрительного в том, что по деревне идет девочка-нищенка.

— Подайте хлебушка, добрые люди! — слышен под окнами детский голос.

Простоволосая, босоногая девочка. Нет у нее в руках оружия — одна только нищенская сума. Но девочка эта — боец, потому что сведения, которые она доставляет отряду, помогают партизанам бить врага...

*

В это лето в жизни Лары произошло большое, радостное событие: ее и подруг Фросю и Раю приняли в комсомол. В одной деревне собралась партизанская молодежь из разных отрядов. Одеты все были буднично, обычно, но по глазам, по улыбкам видно — сегодня праздник.

И еще сильнее почувствовала Лара праздник, увидев, что стол покрыт красной материей. Солнечные блики играли на ней, как языки пламени.

Жадно, заворуженно смотрела девочка на алый кумач. Какой он красивый, этот яркий, буйный, победный цвет, и какой он родной! Цвет революции, цвет знамен, полыхавших в праздник на улицах родной Выборгской стороны, цвет пионерского галстука.

Шепотом Лара стала рассказывать стоявшей рядом с нею Фросе, как ей впервые повязали галстук и она, любуясь им, шла из школы домой в пальто нараспашку.

— Знаешь, Фрося, я уже на лестнице кричала: «Мама, меня приняли в пионеры!» Если б я могла теперь так крикнуть, чтоб мама услышала: «Мама, меня принимают в комсомол!»

— Подойди ближе, — сказал человек с проседью, один из сидевших за столом, — расскажи свою биографию.

— Отец был слесарем на заводе «Красная заря». Его убили в финскую войну. От мамы из Ленинграда третий год нет известий. В отряде я поручения выполняю. Да вы все знаете сами.

— Кто за то, чтобы принять Ларису Михеенко в ряды ВЛКСМ? — спросил человек с проседью.

Руки поднялись быстро и дружно. Лара встречала улыбки и сама улыбалась. Не всех здесь собравшихся она знала, но чувствовала, что у них та же судьба, те же мысли. Здесь все свои — большая партизанская семья.

Комсомольским билетом служило удостоверение, написанное на маленьком листке бумаги. Лара подпорола куртку и бережно зашила внутрь свой комсомольский билет. Другим его не найти, а она будет знать, что он с ней, у самого сердца.

*

В конце лета Лара разлучилась с подружками. В 21-ю бригаду Ахременкова нужны были хорошо знающие местность разведчики, и выбор пал на Лару.

Теперь подруги реже виделись, они ходили разными дорогами. Но цель у них была одна, общая со всем советским народом: освободить родную землю от врага.

В августе началась знаменитая «рельсовая война». Партизаны взрывали мосты и железнодорожные линии, пускали немецкие эшелоны под откос, парализуя движение врага.

Ларе очень хотелось открыть свой личный «рельсовый счет», и когда одному из подрывников было поручено взорвать железнодорожные полотна на линии Полоцк — Невель, Лара звалась ему помочь.

Был тихий пасмурный день. Золотая проседь сверкнула в листве берез. Партизаны прилегли под откосом.

— Можно я зажгу фитиль? — тихо попросила Лара. — Видите, «журавль» ходит, а я меньше вас, меня не так заметно. Вдоль полотна по-журавлиному шагал немецкий часовой.

— А если убьют? А если не сумеешь?

— Сумею. Я уже ходила с отрядом взрывать.

Лара приложила ухо к земле.

— Гудит... Поезд идет. Пора!

...Взрывом остановило паровоз, с двух платформ слетели орудия. Но уцелевшие немцы открыли пулеметный огонь.

Им никто не отвечал. Немцы боялись отойти от разбитого состава, ожидая, что вот-вот из леса на них нападет многочисленный партизанский отряд, и невдомек им было, что партизан всего двое: мужчина и девочка, под пулеметным огнем припавшие к земле.

— Цела, не ранена? — спросил партизан Лару, когда она добралась до безопасного места.

— Ага, цела. Одна пуля над ухом как свистнула!

— А чего носом дергаешь? Простыла?

— Просто, когда ничком лежала, нанюхалась земли. Вы как думаете, у немцев земля по-другому пахнет?

— Откуда мне знать!

— Я думаю, у них по-другому. А у нас земля в лесу пахнет грибами, листом и корешком, про которые мне бабушка рассказывала.

— Знать, скучаешь без бабушки.

— Еще как! И без мамы скучаю. Ведь уже третий год, как я вижу маму только во сне.

Зачастили холодные осенние дожди. Еще труднее и еще опаснее стало ходить в разведку. Наступала Советская Армия, и враги, чувствуя, что им приходит конец, стали особенно злы и подозрительны. По деревням шныряли патрули предателей-власовцев.

Дождливым ноябрьским вечером Лара зашла в деревню Игнатово. Здесь был дом, в который партизаны заглядывали на перепутье, чтобы расспросить то, что нужно.

Сюда же зашли двое вооруженных автоматами партизан. Хозяйка пригласила поесть горячей картошки. Но под окном детский голос испуганно крикнул:

— Власовцы идут!

Партизаны встретили врагов очередью из автоматов. Однако силы были неравные. В перестрелке оба партизана были убиты, и власовцы ворвались в избу.

— С партизанами снюхалась?! — крикнул офицер хозяйке.
— Да я их в первый раз вижу, — попробовала схитрить та. —
Пришли, грозят автоматом: давай есть. А я их совсем не знаю.
— А кто это? — офицер кивнул на Лару. — Тоже партизанка?

— Что вы! Это ребенок. Моя дочка.

— Проверим, что это за птица, — офицер кивнул Ларе, — пошли!

Проходя через полутемные сени, Лара на секунду приложила руку к груди, там, где был зашит в куртку комсомольский билет, и затем незаметным движением нащупала висевшую на поясе гранату.

Девочку втолкнули в другую половину избы. Там никого не было. Только с печи свесилась старушечья голова и выцветшими от времени глазами молча оглядела непрощенных гостей.

Лара прошла в угол и медленно обернулась. С необычайной отчетливостью ей представился экран в кинотеатре, куда она ходила с отцом, экран, который застилает дымом взрыва. Там в фильме герой не пожалел себя, пожертвовал жизнью, чтобы уничтожить врагов. Теперь пришел ее час.

— Снимай куртку, — приказал офицер, — показывай, что у тебя в карманах!

Размахнувшись, Лара швырнула гранату. Патрульные в ужасе попадали на пол.

«Слава богу, всем мучениям конец», — подумала старуха, покорно закрывая глаза. Но, не дождавшись грохота взрыва, не понимая, жива она или не жива, снова открыла глаза. Старуха увидела маленькую партизанку, страшно бледную, бессильно прислонившуюся к стене. Патрульные, вскочив с пола, стали бить девочку по лицу и по голове.

Граната не взорвалась.

...Ларису Михеенко расстреляли 4 ноября 1943 года, а 7 ноября партизанский отряд, в котором были Рая и Фрося, соединился с частями Советской Армии.

В городе Ленинграде в 106-й школе на двери одного из классов прибита памятная досочка:

*ЗДЕСЬ УЧИЛАСЬ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПАРТИЗАНКА
ЛАРИСА МИХЕЕНКО*

За Лариной партой сидят лучшие ученики.

Пионерской дружине 106-й школы присвоено имя Ларисы Михеенко, отважной пионерки, девочки с отважным и верным сердцем, отдавшей свою юную жизнь за Родину.

Лариса посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Имя Ларисы Михеенко присвоено большому теплоходу, построенному в Германской Демократической Республике

в городе Ростове для Советского Союза. 18 сентября 1966 года на месте расстрела Ларисы на станции Пустошка Псковской области установлен обелиск.

Н. НАДЕЖДИНА

ОТВАЖНАЯ МЕДСЕСТРА

Захватив Керчь, фашисты пытались массовыми убийствами запугать и покорить советских людей. «Чтобы в корне подавить недовольство, необходимо по первому же поводу незамедлительно предпринять наиболее жестокие меры... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в оккупированных странах абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости», — писалось в гитлеровских инструкциях для фашистских головорезов, временно захвативших наши города и села.

Осуществление плана уничтожения жителей Керчи взял на себя начальник гестапо Гельдман. Свои чудовищные зверства фашисты начали с отравления 245 детей. Всем ребятам школьного возраста было приказано явиться в школу. Под предлогом прогулки их отправили за город и там накормили отравленными пирожками. В течение 20 минут дети были умерщвлены, школьников старших классов палачи вывезли на грузовиках и расстреляли из пулеметов в восьми километрах от города. Местом массовой казни мирного населения гитлеровцы избрали противотанковый ров в поселке Багерово. Здесь они в течение нескольких декабрьских дней 1941 года расстреляли более семи тысяч человек.

Когда началась Великая Отечественная война, Вале Ивановой было двенадцать лет. Весной 1942 года советские войска оставили Керчь. Переправа войск через Керченский пролив была чрезвычайно тяжелой. Вражеские самолеты непрерывно бомбили город и море. На одном из понтонов отходил со своей частью отец Вали. Вдруг из толпы выскочила босоногая девочка и в пальто бросилась в море. Вымокшая до ниточки, стояла Валя среди бойцов. Отцу пионерка заявила: «Я воевать буду, бить врага».

Она прибавила с согласия отца к своему возрасту два года, и по его просьбе двенадцатилетняя керчанка Валя Иванова была зачислена на должность санинструктора в батальон, которым в скором времени стал командовать ее отец Иван Федорович Иванов.

На войне взрослеют быстро. Валя перевязывала раненых, переправляла их в тыл. Не один раз, открыв глаза, бойцы спрашивали: «Как твое имя, девочка? Запомню на всю жизнь».

Ей пришлось многому учиться, и все же девочка в тринадцать лет стала квалифицированной сестрой хирургической

группы. В это время в медсанбате находился на лечении ее отец. Он говорил с ней, как с равной.

— Ты должна, Валя, остаться живой, вернуться и найти маму, я верю, что она не погибла,— говорил Иван Федорович.

— Папка, мы должны вместе вернуться! Что мы с мамой будем делать без тебя?

И все же Валя осталась без отца. Он погиб смертью храбрых.

Когда наступление, в медсанбате не спят по несколько суток. Хирург видел, как Валя кусала губы, чтобы не заснуть, не упасть при операции, и он говорил ей:

— Иди, поспи два часа.

Больше операционной сестре он не мог дать отдыха. Она уходила из операционной и шла в палаты, переполненные ранеными.

Затем, возвратившись в операционную, переливала кровь, ассистировала хирургу при сложнейших операциях. Фронтовые будни складывались в месяцы, годы. Дивизия шла в наступление, и вместе с ней прошла весь воинский путь и девочка Валя Иванова — Северный Кавказ, Никополь, Николаев, Днепр, Белоруссия, потом — Польша и, наконец, Берлин. В 1945 году ей исполнилось шестнадцать.

Когда Валя возвратилась в родную Керчь, мать с гордостью показывала соседям, знакомым и друзьям ее гимнастерку с медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а дочь говорила:

— Ну, что ты, мама, не надо.

Но не могла иначе мать, ей казалось, что это и ее награды — за терпение, за веру, за мужество, которые она проявила, как и тысячи других матерей.

...Валя сидела, оглушенная мирным покоем, а перед глазами были лица подруг, командиров, звучала в ушах любимая мелодия «В лесу прифронтовом», и мысленно она была еще там, на фронте.

И вспомнилось ей почему-то только самое радостное. Это потом она ночью будет просыпаться, дрожа в страхе и изумляясь, почему ее не убило тогда под Берлином, когда ринулся с неба на палатку с красным крестом «мессер» и пулеметная очередь перерубила палатку пополам. И еще плакать будет от жалости, вспоминая слепого летчика, умирающего корреспондента и других раненых. И убитого отца.

Валя Иванова

А в тот день воспоминания были радостными. На войне какая радость была? Город освободили — радость, встретились с друзьями после недолгой разлуки — радость, поправился раненый — радость.

Потом, через годы, будут другие радости — свадьба, рождение дочери, любимая работа.

Вот уже много лет Валентина Ивановна Балионова работает медсестрой в 1-й больнице города-героя Керчи. Но для старшего сержанта медицинской службы комсомолки Валентины Ивановой самой необъятной и всепоглощающей радостью была Победа.

А. МАРЧУК

ДВЕ МЕДАЛИ ГАЛИ ДАНИЛКО.

Где-то совсем близко была война. Темной ночью слышали девочки грозные взрывы, и даже тишина, наступавшая после них, была какой-то тревожной, обманчивой.

А утром... Утром пошли они в школу. В руках у Гали, как всегда, был небольшой портфель, забавно подпрыгивала в вязаном мешочке чернильница.

Вот зазвенит звонок, сядут они с Тоней за свою парту, и начнется урок алгебры, такой, как всегда. Но на этот раз неожиданно все случилось иначе.

— Враг в Мрине! Уроков не будет! — сказал старик, школьный сторож. И словно страшных слов его было мало, закрыл калитку, еще и веревкой прикрутил.

Школа закрыта.

— Что же теперь будет? — только и вымолвила Тоня.

Девочки повернули к дому и, кажется, впервые шли по этой дороге молча.

Страшный грохот разорвал тишину. Вражеские самолеты настигли наш. Белые облачка выстрелов, и окутанный черным дымом падает ястребок.

— Ой! Сбили! — вскрикнула Галя и громко заплакала, как маленькая.

— Не плачь, дочка, — остановился на мгновение командир и погладил девочку по голове. — Мы скоро вернемся.

Дома было тревожно.

И мама прибежала с работы — из своей сберкассы — с ключами, с какими-то документами.

— Вытри, Галочка, насухо графин: спрятать все надо.

Под старой грушей выкопала Галя глубокую яму, поставила залитый сургучом графин. Еще раз, словно прощаясь, глянула на свой новенький комсомольский билет: только что получила...

Возле райкома партии стояли подводы. На них что-то гру-

зили. Хорошо знакомый Галине секретарь райкома подходил то к одному, то к другому человеку, что-то говорил.

— А нам что делать? — бросилась к нему Галинка.

— Что сердце подскажет...

— Я хочу помогать вам.

— Хорошо, дочка, хорошо.

Жди!..

Отъехали нагруженные подводы, опустела улица. Галя побежала домой. В саду, в маленьком окопчике, сидела мама, на руках у нее спал двухлетний Вовка.

— Сюда, сюда, доченька! — тихонько позвала мать.

И в то же мгновение, как громом, оглушили Галя другие слова.

— Ком, ком, Марушка! — услышала она чужой, повелительный голос.

Перед ней словно из-под земли выросли трое в зеленых шинелях, с автоматами в руках.

Хозяевами вошли в ее родной дом враги.

«Бряк, бряк, бряк...» — дробил тяжелый приклад стекло. Галя сразу и не сообразила: это похвальные грамоты, висевшие на стене, вызвали ярость гитлеровца.

«Что же это будет? Как жить?» — думала Галя и отвечала сама себе словами секретаря райкома: «Ждать!...» Должно же и ей найтись дело.

Ждать пришлось недолго. После того страшного дня как-то утром два человека постучали в двери. Они пришли из отряда, из леса, но были без оружия, одеты как все. И Галя получила первое задание:

— Много людей попало в окружение, есть раненые. Узнай, кто они, надежных переправишь в отряд.

Когда она успешно выполнила первое задание, получила другое: разыскать в Носовке, на шоссе, небольшой домик Гали и Кати Труниных.

Через два дня Галинка стояла перед нарядным домиком. Две половины в нем, две семьи живут. Одна надежная, а вторая... Правое или левое крыльцо? Какую дверь открыть? Лишь бы только не перепутать. И Галя, как велели, тихонько стучит в правую дверь.

Белокурая девушка любезно приглашает зайти. Маленькая кухня, еще дверь — и чисто прибранная комната. Из-за стола поднялась вторая девушка. Галя хотела уже сказать пароль, как вдруг вздрогнула от неожиданности. Прямо на нее смотрел

Галя Данилко

бесноватый фюрер. Портрет ненавистного Гитлера висит... Нет, видно, зашла не туда, — тревожно застучало сердце, слова застряли в горле.

Но девушки, перехватив ее взгляд, поняли без слов, улыбнулись. И Галя сразу успокоилась: сообразила — так надо, так надежнее...

Висел этот проклятый портрет на дверях, ведущих в потайную каморку. Там и встретилась Галя с партизанами.

Потом не раз приходила она к сестрам Труниным, работавшим уборщицами в комендатуре, встречалась с партизанами, узнавала важные новости, получала новые задания.

— Надо предупредить отряд: готовится облава, — говорила Катя.

Галинка заплетала две косички (с косичками она, недавняя девятиклассница, выглядела совсем маленькой девчушкой) и шла в лес. Зайдет в лес, запоет потихоньку — и услышит на посту часовой, выйдет из-за кустов. Вот и передано донесение.

Или скажут сестры: продовольствие кончается у партизан. И снова идет в лес Галинка. Только уже вдвоем с Татьяной Мирошниченко. Девушка несет корзину побольше и потяжелее, Галинка — ту, что поменьше. Хлеб, сало, пшено, картошку, лук получают партизаны.

...Выходила на берег Катюша,
на высокий берег на крутой...

— затянет Галя, когда дойдут до условленного места. И есть кому передать тяжелые корзины.

Как-то под вечер возвращалась Галя из лесу, шла полевой тропинкой. Вдруг над головой, словно стайка розовых бабочек, — листочки бумаги. А высоко в небе еле видимой точкой — самолет. И вот в руках листовки.

«Прочитай и передай товарищу...» — Галя читает, и так хочется ей передать дальше, принести всем радость. «Не верьте вракам Геббельса: Красная Армия разгромила... освобождены...»

Домой прибежала уже затемно. А утром соседи нашли у себя розовые листочки. Переправила Галя листовки и в лес.

...Далеко от родного села был фронт. Где-то там, знала Галя, сражается дядя Павел — офицер Павел Васильевич Сенник. Вестей от него давно не было. И когда как-то утром он открыл двери, Галя аж вскрикнула.

— В окружение попал, хотели с товарищами прорваться через линию фронта, но почти все погибли в бою, — рассказывал дядя Павел.

— И зачем ты днем шел, тебя же все тут знают, — упрекала его сестра.

А он только брови нахмурил:

— Не могу, как вор, ночью красться по родной земле, —

ответил, а потом к Гале: — Отведи в партизанский отряд. Слышал, есть у нас в лесу.

— Что вы, дядечка, откуда мне знать, — пожалала Галя плечами.

Но Павел Васильевич настаивал:

— Должна знать — ты же комсомолка...

Как за себя, могла за него поручиться Галя, но приказ есть приказ: никому о партизанах ни слова.

Что делать? О дяде доложила командиру отряда и в ответ услышала краткое:

— Приведи!

Дни в неволе, полные бесконечных тревог, трудных, опасных заданий, тянулись долго. Враг свирепствовал.

Бывали дни, когда Галинке приходилось делать по тридцать километров, чтобы предупредить человека где-нибудь в Плоском или Мрине, в Кобище или Козарях, что ему угрожает арест. Разными бывали задания.

Собирались партизаны подорвать маслозавод, работавший на врага. Двое ребят пришли из отряда разведать, как и когда это можно сделать. И к Гале зашли.

— Аккумулятор нужен и серная кислота. В лесу радиосвязь с Большой землей наладить надо. Дядька твой за ними через неделю придет.

Аккумулятор! Где его достанешь?! Думала Галя, думала и вспомнила: в школе — под открытым небом, на дворе, в сарае валяется все, что когда-то было приборами в физкабинете. Должен там быть. Только как взять?! Ведь в школе немцы. Повязала платочек, выпустила из-под него косички, пошла.

Ходит по двору, поглядывает на сваленный хлам: нет, здесь не видно. Забралась в сарай — и сразу с краю, будто кто-то нарочно поставил, аккумулятор.

Схватила, а вынести как?! И набрала всякой всячины. Может, выручит? Вышла из сарая. Навстречу немец.

— Век, Марушка! Что там?

— Игрушечки мои! — заголосила Галинка, прижимая к груди свои сокровища. — Шпиль, герр офицер, шпилен...

— Век! Век! — закричал часовой, еще и ногой пнул. Трудно было подумать, что у этой маленькой, с такими смешными косичками девчушки может быть что-то на уме, кроме игрушек.

А Галя спрятала аккумулятор и побежала доставать кислоту.

Василий Петрович Рудницкий, старый учитель, не спрашивая у Галинки зачем, дал ей кислоту, которую они когда-то (как давно это было!) использовали для опытов на уроках химии.

И Галя со своими «трофеями» дома. Спрятала их. Скорей бы пришли, задание выполнено.

Темной ночью постучали в окошко. Впустила Галя дядю Павла, отдала все, еще и от старой скатерти кусок оторвала на портянки, буханку хлеба завернула, попрощалась.

Но не успела заснуть, ночную тишину разорвали выстрелы. Полицейские в засаде подстерегли партизана. А через несколько минут враги ввалились в хату.

— Партизаны были?

— Нет!

— А это что? — и окровавленные портянки легли рядом с разорванной скатертью на столе. — Не ваше?

Галя хотела что-то сказать, но полицейский толкнул ее к двери:

— Выходи, большевистское отродье. Вон ваш бандит на подводе.

Выгнали из хаты деда, забрали все, что было, двинулись со двора. За подводой, на которой лежал окровавленный, накрытый лохмотьями Павел Васильевич, плелись Галинка с дедом. Встретили полицейские немецкий патруль, остановили подводу, начали рассказывать, засуетились.

— Беги, внученька, — шепнул дед, и Галя бросилась огородами к другому своему дядьке.

Но вскоре прибежала туда подружка Лида Жигун.

— Маму твою схватили, тебя ищут, беги, Галя.

Выбежала из хаты и снова огородами. В лес! Только бы добраться туда. Нет, не спасет лес: там полиция, собаки. И направилась Галя к Белому болоту. Надергала соломы из копны, легла, отдохнула. А потом — снова в лес.

Сколько раз ходила! И всегда находила заветное место. А тут, как назло, никак найти не может. Уже и звала, и пела — никого.

Обессиленная, голодная, еле живая, третий день блуждала она по холодному осеннему лесу, пряталась в болоте. И вдруг на поляне увидела корову, пастуха. Словно ощутила запах теплого молока. Пошла к ним. Да нет — почудилось: это всего лишь куст. Теряя силы, Галя упала возле него.

Когда видит — ползет к ней полицейский. Девочка отшатнулась, сжалась в комок.

— Убийца...

— Галочка! Ты что? Не узнала... — услышала знакомый голос партизана, переодетого в чужую, ненавистную форму.

Он подполз к ней, вытащил из ложбинки на бугор, к соснам. Здесь партизаны заняли оборону. На другой стороне ложбинки залегли полицейские. Когда окончился бой и отряд отошел в лес, Галя рассказала обо всем.

Вскоре разведка принесла в лес страшные вести. Тяжелораненый Павел Васильевич умер в тюрьме. По дороге в Чернигов умер дед. Расстреляли Галину мать, маленького брата Вову, отчима.

И осталась Галинка в отряде «За Родину» партизанской дочкой. Не просто дочкой — бойцом. Галя не расставалась со старой винтовкой, которая натирала плечо, волочилась по земле.

Неподалеку от Кобищи партизаны должны были пустить под откос эшелон. Разобрали рельсы, залегли. Внимательно смотрит Галя. Что это? Неужели поезд пройдет невредимым?! Но внезапно заскрежетало железо, остановился паровоз, как живые навалились, поползли на него вагоны. Это был первый эшелон на счету Гали Данилко.

Потом не раз выходила она с товарищами на такие операции. Только не любила, сердилась, когда называли ее в шутку «дневальным». А все из-за этого, первого в лагере, ночного дежурства.

Холодная была ночь, дал кто-то огромный тулуп. Надела его Галя, винтовку за плечи и ходит, ходит... Вдруг зацепилась за что-то, упала. А тут, как на грех, зовут:

— Дневальный, дневальный!..

Хотела быстрее подняться, но еще больше запуталась в длинных полах. Увидели, подняли, вытряхнули дневального из тулупа.

— Вот так охрана! — смеялись до слез.

Слезы блестили и у Гали на глазах, едва ли не впервые за все эти страшные дни. Нет, она сумеет доказать, что она настоящий боец, а не какая-нибудь девчонка. И доказала...

Отряд ходил на Десну топить вражеские корабли. После операции возвращались назад. В небольшом лесочке остановились отдохнуть. Пост Галинки на дереве: не видно ли погони.

— Косари на подводах едут! — закричала.

Никто на это не обратил внимания. А через десять минут «косари» окружили партизан. Это были гитлеровцы.

— За мной! — крикнул командир.

Но прорваться было не так-то просто. Ранили Володю Богданова, Александра Невинского... Пулей оторвало Галину санитарную сумку. Убит Саша Козлов.

— Ищи раненых, перевязывай, — приказал командир Гале.

И Галя искала, ползла под пулями. Вышли бинты — разорвала свою кофточку, сорочки партизан.

А бой идет, враг насеждает, патронов все меньше... Свистят пули, а Галинка — ползком по кустам, ищет раненых. Как вдруг натывается на двух мальчишек, с ними старик. Один мальчик ранен, возле другого — кринка с земляникой. Увидел ее старик, заплакал.

— К командиру проводи... Я эти места хорошо знаю. Стемнеет — кустами в лес выведу. А это возьми, — и он протянул кринку, — с мальчиками насобирали...

И снова Галя среди раненых. Сочные ягоды подносит к пересохшим губам.

— Пить, воды...— слышит Галя, и собранная мальчиками земляника утоляет жажду.

Вывел-таки старик партизан.

А впереди новые дороги. Вот-вот придут наши. И партизаны идут строить переправы через Десну, Припять, Днепр.

На Десне работает Галя. Враг бомбит переправы. Совсем близко части Красной Армии. Бой яростный, жестокий, противник отброшен за Десну.

И вот командующий армией выстраивает отряд.

— От имени командования армии выношу вам благодарность,— обращается он к партизанам.

А потом подходил к каждому: партизаны получали назначения.

— Вам до Берлина шагать,— сказал, остановившись около высокого парня.

— А тебе — учиться,— улыбнулся Галинке.— Учиться так, как воевала.

И вот Галя снова в своей Носовской школе, в своем классе, за своей партией. Три года не сидела она в классе, три года не держала в руках учебника.

— Данилко! — вызывал учитель.

И не было случая, чтобы получила меньше пятерки. А книг не было, и писали в «тетрадах», сделанных из газет, и в классе гулял ветер. Но Галя чувствовала себя бойцом на посту.

Недаром же вручили ей в Киеве орден Красной Звезды, медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

На выпускном вечере, когда директор назвал фамилию Данилко, аплодировали долго, горячо. Тут получила Галя свою вторую медаль — золотую, самую высокую ученическую награду. И так хорошо, так весело было от этой победы!

Учиться, учиться! Галя наверстает то, что забрала у нее война.

Киевский технологический институт пищевой промышленности... Студентка Галина Данилко серьезно учится и диплом защищает отлично. Рады друзья-партизаны за свою Галинку.

И снова институт, уже научно-исследовательский. Галина Васильевна работает в его лабораториях, ищет, думает, учится, защищает диссертацию. Она кандидат технических наук.

Много писем приносит ей почта от друзей. Старых — партизанских. И новых — совсем юных.

«Расскажите нам о себе, о партизанах...» — просят пионеры.

Галина Васильевна берет в руки перо, вспоминает лес, друзей-партизан. Вот только о себе пионерам почти не пишет.

А нам хотелось бы им сказать: растите такими же смелыми и честными, будьте такими же настойчивыми и трудолюбивыми, как коммунист Галина Васильевна Данилко.

Б. НУДЛИН

ШКОЛА В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЕ

Увязая в топком болоте, падая и снова поднимаясь, мы уходили к своим — к партизанам. В родном селе лютовали немцы.

И вот целый месяц немцы бомбили наш лагерь. «Партизаны уничтожены», — послали они, наконец, донесение своему верховному командованию. Но невидимые руки снова пускали под откос поезда, взрывали склады с оружием, уничтожали немецкие гарнизоны.

Лето кончилось, осень уже примеряла свой пестрый, багряный наряд. Трудно нам было представить сентябрь без школы.

— Я вот какие буквы знаю! — сказала как-то восьмилетняя Наташа Дрозд и вывела палочкой на песке круглое «О» и рядом — неровные ворота «П». Ее подружка нарисовала несколько цифр. Девочки играли в школу, и ни та, ни другая не замечали, с какой грустью и теплотой следит за ними командир партизанского отряда Ковалевский. Вечером на совете командиров он сказал:

— Ребятишкам школа нужна... — и добавил тихо: — Нельзя их лишать детства.

В ту же ночь на боевое задание вышли комсомольцы Федя Трутенько и Саша Василевский, с ними Петр Ильич Ивановский. Вернулись они через несколько дней. Из карманов, из-за пазухи доставали карандаши, ручки, буквари, задачники. Миром и домом, большой человеческой заботой повеяло от этих книжек здесь, среди болот, где шла смертельная схватка за жизнь.

— Мост легче взорвать, чем ваши книжки раздобыть, — весело блеснул зубами Петр Ильич и достал... пионерский горн.

Никто из партизан ни слова не сказал о том, какому риску подвергались они. В каждом доме могла быть засада, но никому из них в голову не пришло отказаться от задания, вернуться с пустыми руками.

Были организованы три класса: первый, второй и третий. Школа... Вбитые в землю колья, переплетенные лозняком, расчищенная площадка, вместо доски и мела — песок и палочка, вместо парт — пни, вместо крыши над головой — маскировка от немецких самолетов. В пасмурную погоду нас одолевали комары, иногда заползали змеи, но мы ни на что не обращали внимания.

Как дорожили ребята своей школой-поляной, как ловили каждое слово учителя! Учебников приходилось по одному, по два на класс. По некоторым предметам совсем не было книг. Многое запоминали со слов учителя, который иногда приходил на урок прямо с боевого задания, с винтовкой в руках, опоясанный лентой с патронами.

Бойцы приносили все, что удавалось добыть для нас у врага, но бумаги не хватало. Осторожно снимали мы березовую кору с поваленных деревьев и писали на ней угольками. Не было

случая, чтобы кто-то не выполнил домашнего задания. Пропускали занятия только те ребята, которых срочно посылали в разведку.

Выяснилось, что у нас только девять пионеров, остальных двадцать восемь ребят нужно было принять в пионеры. Из парашюта, подаренного партизанам, мы сшили знамя, сделали пионерскую форму. В пионеры принимали партизаны, галстуки вновь поступившим повязывал сам командир отряда. Тут же был избран штаб пионерской дружины.

Не прекращая занятий, мы строили к зиме новую школу-землянку. Для ее утепления надо было очень много мха. Выдерживали его так, что болели пальцы, иногда срывали ногти, больно резали руки травой, но никто не жаловался. Никто не требовал от нас отличной учебы, однако это требование предъявлял к себе каждый из нас. А когда пришла тяжелая весть, что убит наш любимый товарищ Саша Василевский, все пионеры дружины дали торжественную клятву: учиться еще лучше.

По нашей просьбе дружине присвоили имя погибшего друга. В ту же ночь, мстя за Сашу, партизаны взорвали 14 немецких автомашин, пустили под откос эшелон. Немцы бросили против партизан 75 тысяч карателей. Снова началась блокада. Все, кто умел обращаться с оружием, ушли в бой. Семьи отступали в глубь болот, отходила и наша пионерская дружина. На нас леденела одежда, ели один раз в день заваренную в горячей воде муку. Но, отступая, мы захватили все наши учебники. На новом месте занятия продолжались. И клятву, данную Саше Василевскому, мы сдержали. Весной на экзаменах все пионеры отвечали без запинки. Строгие экзаменаторы — командир отряда, комиссар, учителя — были довольны нами.

В награду лучшие ученики получили право участвовать в соревнованиях по стрельбе. Стреляли они из пистолета командира отряда. Это была для ребят высшая честь.

*Т. КОТ,
бывший заместитель начальника штаба
пионерской дружины
имени Саши Василевского*

ПОЛЕСЬЕ ПОМНИТ

МЛАДШИЙ БРАТ АРСЕНИЯ

Когда началась война, Лене не было и пятнадцати. Но был он человеком серьезным, ученым, как говорили в селе.

После окончания семи классов он уже точно знал, что пойдет в политехнический, как когда-то Фрунзе. Потому что не было на целом свете человека, жизнью, подвигами которого Ленья так бы восхищался, гордился, как жизнью и подвигами Михаила Васильевича Фрунзе.

Леня Пивовар

Боря Катюха

Все, что можно было достать в родной Потеевке о легендарном командарме, все, что печаталось о нем в газетах, журналах, Леня читал и перечитывал.

Давно приготовлены на завтра уроки, а мальчик все не гасит свет.

— Ложись, сынок, поздно, — уже в который раз напоминает отец.

— Я про Фрунзе. Вот еще страничку... Хотите — прочитаю.

И тихонько, чтобы не разбудить мать, Леня читает вслух воспоминания человека, который вместе с Фрунзе сидел в одной камере Владимирской тюрьмы:

«...Как-то ночью проснулся я, смотрю, Фрунзе тоже не спит.

— Не спится? — спрашиваю.

— Да, не спится. Все думаю, как бы отсюда скорее на свободу выбраться, — отвечает.

— Тебя же дважды к смертной казни приговорили, сколько ты мук вынес, так неужели, когда выйдешь на волю, снова за старое примешься? — не утерпел, спросил.

— Обязательно примусь...»

Вот он какой, Фрунзе! Вот бы вырасти таким!

Мечтал Леня, а на его Потеевку, на всю страну надвигалась черная туча.

Война! Раскололась тишина страшным громом.

Поселился тогда Леня у деда, в Чайковке. Работал и мечтал собрать приемник, чтобы хоть немножко ближе к Москве быть.

Действовало в Чайковке подполье, и вышло так, что его связным стал Леня. Он распространял листовки, носил, куда требовалось, приказы от Черного (И. Ф. Бугайченко). Появится Леня, и отправляются на свою опасную работу оперативно-диверсионные отряды, то здесь, то там гремят взрывы. А Леня идет дальше.

Алексей Мельник

Саша Худзик

Мечтал когда-то мальчишка увидеть море, а теперь казалась ему бурным морем родная Житомирщина, партизанский край, kloкотавший гневом. И ходил, ходил дорогами родной земли связной партизанского подполья.

Но вот в конце ноября 1942 года, уже около самого девдовского дома, Леню схватила полиция.

Пытали — молчал. Били — ни слова.

— Кто научил тебя? Кто? — беснуясь, кричал офицер.

— Товарищ Арсений... — разжал запекшиеся губы мальчик.

— Кто? Кто? — заорал офицер.

— Фрунзе! Не слышал про такого? Вот неуч...

...Похоронен Леня Пивовар в Потеевке, в парке Вечной Славы. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден посмертно медалью «За отвагу».

ВРАГ НЕ УСЛЫШАЛ НИ СЛОВА

Старший брат Бориса — Игнат Катюха — был коммунистом. И не было в Тетеревке человека, который бы не знал его, секретаря парторганизации, председателя сельсовета. Борис гордился братом. Мальчик окончил шесть классов, с честью носил свой пионерский галстук и не знал никаких особых забот. Их принесла война. Беда вошла в каждый дом. Для семьи Бориса горе было страшным: фашисты в первые же дни оккупации расстреляли Игната.

Мальчик решил заменить брата. Ничего, что он только пионер. Брат героя должен быть героем. Борис вместе со своим товарищем Алексеем Мельником принимает участие в бою под Новоградом-Волыньским. А потом собирает винтовки, патроны. Их мальчик принес в партизанский отряд имени Щорса. Раздобыли они с Алексеем Мельником и пулемет, тол.

То в одной, то в другой хате появлялись листовки, советские газеты. Это была работа Бориса Катюхи и его друзей. А слово обладало огромной силой, потому что несло оно людям правду, подавало надежду, указывало путь к борьбе. Но фашисты схватили Бориса и Алексея. Их пытали в гестапо, однако не услышал враг имен их товарищей по борьбе. 22 декабря 1942 года в Житомире, на Сенной площади, повесили фашисты Бориса Катюху и Алексея Мельника.

Много времени прошло с той поры, но никогда не угаснет в сердцах житомирян благодарная память о юных героях.

НАГРАДЫ ЗА ПОДВИГИ

В партизанском отряде имени Суворова Первого молдавского соединения быстро привыкли к находчивому, шустрому мальчишке. Саша Худзик пришел в отряд из села Вильха Дзержинского района.

Беспокоилась мать, уговаривала:

— Ты еще маленький, Саша, сиди дома.

— Враги землю жгут, людей губят, а я сидеть буду? Пойду... И пошел.

Вот что пишет бывший партизан К. С. Павлюк о своем юном товарище по отряду: «Я хорошо знал партизана Худзика Александра Арсентьевича, 1928 года рождения. Саша был в отряде с августа 1943 года... Юный партизан вместе с моей группой подрывников выполнял задания командования отряда по захвату боеприпасов, принимал участие в выведении из строя телефонного кабеля Берлин — фронт...»

Выгнали врага из Дзержинского района, изо всей Житомирщины. И вместе с действующей армией пошел дальше ее бойцом Александр Худзик...

Жестоким был бой на реке Стырь. Забросал гранатами немецкий бронетранспортер, уничтожил более десяти гитлеровцев Саша. Ходил Саша и в разведку. Это он вернулся однажды в часть с «языком» — обер-фельдфебелем. Орден Красной Звезды получил Саша за этот подвиг. Он одним из первых форсировал Вислу, ходил на ее левый берег в разведку. И вот ему вручен орден Славы III степени.

«Письмо это посылаю с радостным известием, — писал домой Саша в мае 1944 года. — Меня сегодня наградили двумя медалями «За отвагу»...»

Последнее письмо от Саши пришло домой 27 ноября 1944 года. А вслед за ним — короткое сообщение: «Худзик Александр Арсентьевич, разведчик стрелкового полка, погиб 4 декабря 1944 года и похоронен в Опатувском повате Келецкого воеводства. С. Шахунов. (Польша)».

А было тогда Саше чуть побольше пятнадцати лет...

КАМИЛЛА ШАГА

Камилла Шага

Когда заканчивался в школе учебный год, Камилла неизменно получала похвальную грамоту. Так было и в сорок первом. Девочка перешла в этом году в седьмой класс...

Каникулы только начались, и она бегала с подружками в лес, вместе собирали ягоды, грибы, купались в озере. Знала Камилла в лесу каждый кустик, каждую тропинку. Не знала лишь о том, что скоро придется ей в этом лесу скрываться от врага.

На нашу землю пришли фашисты. Покинула родное село семья Камиллы, поселилась в лесу, в землянке. Отец стал связным партизан. Дедушка часто навещался, приносил еду, сведения о фашистах, стоявших в селе. Скоро схватили дедушку. Пытали старика, но не привел он врага в лес... Его повесили. Тяжело переживала Камилла смерть дедушки...

К знамени партизанского отряда подошла девочка. Став на колено, поцеловала край знамени и повторила слова присяги:

— Я, Камилла Шага, вступая в партизанский отряд, клянусь мстить фашистам за сожженные города и села моей Родины, за кровь героев, погибших в борьбе с фашистами...

Камилла стала в строй бойцов.

...Это было под Сытовкой. Карательная экспедиция гитлеровцев преследовала партизан. Командование решило дать бой. В первом для нее бою Камилла доказала свою верность присяге.

Через некоторое время отряд двинулся на запад. Шли днем и ночью, лесами, размокшими дорогами, продвигаясь к границе Чехословакии. Рядом с Камиллой шел, прихрамывая, дядя Сергей, партизан с ручным пулеметом. Он был ранен, потерял много крови. Когда остановились после трехчасового перехода, Камилла вынула завернутую в платочек краюху хлеба:

— Возьмите!

Любили Камиллу все. Старшие называли дочкой, младшие — сестричкой.

С боями вышел отряд к Западному Бугу. Разведка донесла о приближении фашистов. Завязался бой. Камилла перевязывала раненых, подносила патроны. При переправе Камиллу ранило в ногу. Но она осталась в отряде, который вскоре влился в партизанское соединение имени Александра Невского.

Снова бои. Вместе с товарищами в освобождении Чехословакии принимала участие и Камилла.

Камилла Шага погибла под городом Брезно. Погибла, оставшись до конца верной партизанской клятве.

...Давно закончилась война. Но не гаснет память о юных героях, не вянут цветы на их могилах. Полесье помнит.

Г. ДЕНЯЧЕНКО

ВАСЯ КУРКА — СНАЙПЕР

В строгом молчании стоит солдатский строй. Каждый молодой воин глубоко понимает значение этих коротких, но торжественных минут: командир вручает оружие. Принимая из рук офицера автомат, воин с волнением произносит:

— Клянусь стрелять из этого автомата так, как стрелял наш однополчанин юный герой Великой Отечественной войны Вася Курка.

Кто же он, этот юный герой, почему каждый солдат считает своим долгом быть достойным наследником его славы?

...Август 1941 года. В селе Любомирка Винницкой области после кровопролитного боя расположился второй стрелковый батальон майора Андреева. Здесь предполагалось занять оборону. Когда похоронили убитых и отправили в тыл раненых, оказалось, что в отделениях осталось по два-три бойца, весь батальон представлял собой в лучшем случае роту, и то неполного состава. Пополнение не поступало.

Рано утром к майору Андрееву и комиссару батальона старшему политруку Шурфинскому пришли восемь местных колхозников. Они просили зачислить их бойцами батальона. У двоих комиссар увидел худенького курного мальчика.

— А ты кто? — спросил его Шурфинский.

— Вася Курка, — ответил мальчик.

— Ты пионер? — снова спросил старший политрук.

— Да, пионер, — гордо ответил Вася.

— Сколько же тебе лет?

— А что, не возьмете? Тринадцать лет мне, уже немалый. А бить фашистов буду, как все, вот увидите...

К ночи батальон по приказу оставал Любомирку. Вместе с бойцами уходил на восток и Вася Курка. Так началась боевая солдатская жизнь школьника-пионера.

За время солдатской жизни много друзей появилось у Васи, во многих боях он участвовал. А все-таки больше всего запомнился ему первый бой и его первый товарищ. Это было в Донбассе под Чистяковым. Вася пошел в разведку вместе со Степой — молодым сержантом. Степан был старше, выше ростом, он почти не улыбался, говорил редко. И вот Вася и Степан получили приказ перейти линию фронта и добыть сведения о противнике.

Вася Курка

По дороге в Чистяково расположен хуторок, где раньше стоял батальон. Степан сказал, обняв Васю:

— Тут одна бабка живет, зайдем воды попьем.

Но бабка эта оказалась предательницей. Как только Степан открыл дверь, бабка сразу же узнала его.

— Большевик! — крикнула она. Бежать было некуда. Словно из-под земли выросли немцы. Они схватили Васю и Степу и бросили их в погреб.

— Мне, Вася, конец. Бабка про меня все расскажет. Маху дали,

вот что, и как это я не додумался, что она такая. А когда мы стояли с разведзводом, приветливая была... Признаваться я им не буду, а ты говори, будто просто по дороге пристал ко мне. И плачь, проси...

Вася хотел ответить, но Степан перебил его:

— Я тебя не прошу, а приказываю. Умереть я один сумею, а ты разведку до конца доведи. Узнай точно, есть ли в Чистякове танки, а то наши ждут.

Степана пытали на глазах у Васи, а потом расстреляли. Вот тут-то и поклялся Вася отомстить врагам за друга. Именно в минуты страшной смерти Степана у него и возникла мысль стать снайпером. Васю фашисты не стали пытаться. Они поверили, что он случайно оказался со Степаном.

Вася выполнил все, что наказывал ему Степан. Он шел, полз, перебирался через речушку, проник в город и пересчитал все до единого танки врага. А к концу дня благополучно вернулся в батальон, доложил командиру. Через час наши летчики разбомбили колонну вражеских танков под Чистяковым. Васю Курку наградили первой боевой наградой — медалью «За отвагу». Об успешной бомбежке вражеских танков под Чистяковым сообщало Совинформбюро, но и до сих пор мало кто знает, что добыл для нашего командования эти важные сведения пионер, юный боец Вася Курка.

Не раз Вася ходил в разведку.

Когда наши войска начали освобождать Украину, Вася решил осуществить свою давнюю мечту — стать снайпером. По всему фронту гремело тогда имя Максима Брыксина, замечательного снайпера, истребителя фашистских захватчиков.

Вася Курка стал учеником прославленного снайпера. Школу свою Максим Брыксин открыл на переднем крае, прямо под

носом у гитлеровцев. Учеба с Максимом постепенно выработала у Васи такие нужные снайперу качества, как упорство, настойчивость, хитрость, умение быстро ориентироваться на местности.

В один из дней после тщательной подготовки Максим привел Васю в район первой роты и показал ему снайперский пост. Васе место понравилось. Он осторожно деревянной лопатой расчистил подходы, оправил смотровые щели, бойницы, место для упора винтовки.

Максим наблюдал за работой своего юного друга.

— Сегодня твоя задача, — сказал он, — изучение обороны и поведения противника. Весь день будешь действовать, как снайпер-наблюдатель. Огня не открывай, себя не обнаруживай, остерегайся снайперов-фашистов.

Первый урок был неудачным. Вася принял макет головы врага за живого фашиста, выстрелил и рассекретил свой пост.

Снова потянулись дни упорной учебы. И Вася понял: только осторожность, тщательная маскировка и железная выдержка сделают его настоящим снайпером.

Наконец ему разрешили вступить в единоборство с вражеским снайпером. Здесь он должен был действовать самостоятельно, и жизнь его во многом зависела только от него самого.

Вася смастерил чучело, натянул на него маскхалат и отправился на передовую. Чучело установил в нескольких метрах от основного поста и начал дергать его за веревку. И тут же над траншеей хлопнул выстрел, чучело упало. И в этот миг Вася увидел гитлеровца, который выполз из-за укрытия посмотреть на свою «жертву». Затаив дыхание, одним движением Вася подвел мушку под цель и плавно нажал на спусковой крючок. От волнения и напряжения он даже не услышал выстрела, но зато ясно увидел, как дернулась и тут же исчезла в траншее голова вражеского снайпера.

Командир полка перед строем объявил Васе благодарность, а Максим Брыксин написал в дивизионную газету большую статью о первом серьезном успехе юного снайпера. Но и после этого тренировки не прекращались. С каждым днем росло его мастерство, рос и счет истребленных врагов.

В бою под Радомышлем Курка незаметно проник на окраину хутора и занял удобную позицию у поворота дороги. Под нашим натиском солдаты обороняющейся фашистской роты группами и в одиночку стали отступать. Тут-то и встретил их огнем из своей засады Вася Курка. Он подпускал гитлеровцев буквально на несколько метров и расстреливал их в упор. У Васи кончились патроны. Тогда он подобрал трофейный автомат, переменил позицию и снова открыл огонь по фашистам. В этом бою отважный снайпер уложил до двух десятков гитлеровцев.

Через несколько дней стрелковая рота вела бой за опорный пункт. Вася и на этот раз показал себя бесстрашным снайпером-

разведчиком. Он ползком пробрался в тыл к немцам, уничтожил несколько огневых точек и помог роте занять вражеский опорный пункт. За этот героический подвиг Вася был награжден орденом Красной Звезды.

Как-то роте было приказано занять населенный пункт восточнее Довбыша. Фашисты простреливали каждый метр земли. Тогда командир вызвал Васю и сказал:

— Надо пробраться во фланг фашистам, высмотреть и заставить замолчать их пулеметы.

Вася дождался, когда грянул наш артиллерийский залп, и, пока фашисты, оглушенные, прятались в подвале каменного строения, перебежал полянку, отрыл окопчик и начал работу. Вот захлебнулся, замолчал немецкий пулемет, потом второй. Три автоматчика один за другим скатились с крыши.

Было морозно. Пошевелинешься, враги заметят, и тогда конец. Но уйти нельзя. Вася не двигался — ждал, всматривался, уничтожал врагов, пробивал дорогу роте. Несколько часов продолжалось это единоборство. А потом рота поднялась и штурмом овладела населенным пунктом.

Когда кончился бой, подошел командир. Хотелось ему какими-то очень хорошими словами оценить работу юного снайпера. Но долго думать было некогда, и командир только произнес:

— Снайпер, брат, иногда сильнее, чем артиллерия. Большое тебе спасибо, Вася. И от меня, и от бойцов спасибо. Выручил нас.

Родина высоко оценила подвиг юного бойца, наградив его орденом Красного Знамени.

Когда наш батальон сражался на землях Польши и Чехословакии, Вася стал грозой для фашистских офицеров. Он вел меткий огонь по блестевшему биноклю и кокарде на офицерской фуражке, а ночью мог поразить врага по папиросному огоньку. Причем поражал цель с первых выстрелов. Это было большое мастерство. Вася стрелял в амбразуры дзотов — и дзоты замирали, бил немецких снайперов, корректировщиков. К нему приезжали для обмена опытом снайперы из других частей.

А боевые будни Васи продолжались. Хотели было перевести его в разведуправление штаба фронта, но он упросил остаться в родном полку. В короткие перерывы между боями Васю часто можно было видеть в кругу сельских ребятишек из освобожденных деревень. Рассказывал им о своем солдатском житье, о смерти Степана, вспоминал родную Любомирку. Но никогда не хвастался, не кичился орденами и медалями. А ребята завидовали ему, с восхищением смотрели, как ладно сидела на нем гимнастерка, любовно сшитая полковым портным.

Осенью 1944 года Васе исполнилось шестнадцать лет. Через несколько дней пионер написал заявление с просьбой принять его в ряды Ленинского комсомола.

«Высокое звание комсомольца-ленинца,— писал он,— оправдаю с честью. Пока мои руки держат винтовку снайпера, буду истреблять фашистскую погань до самого последнего дыхания».

И Вася до конца был верен этой комсомольской клятве.

...Уже несколько дней идут напряженные бои на Сандомирском плацдарме. Вася Курка действует в составе штурмовой группы. Смелчаки овладели каменным строением, но гитлеровцы их окружили.

— Вася,— говорит командир группы старшина Лесков,— видишь новый окоп с ходом сообщения и стрелковой ячейкой?

— Вижу. Там, кажись, немцы пулемет на треноге устанавливают.

— Правильно. Мне в бинокль это хорошо видно. Наведи-ка на них свою винтовку, уничтожим пулемет — прорвемся к своим.

И, как всегда, метко выстрелил Вася, точно попал во врага.

— Вижу движение небольшой группы людей,— докладывает он,— крадутся вдоль кустов.

— Погоди, Вася, пусть подойдут поближе.

И когда немцы подошли на расстояние трехсот метров, Курка открыл прицельный огонь. Воспользовавшись замешательством врага, штурмовая группа вышла из окружения.

Подступы к местечку Цисна. На порозовевшем утреннем небе четко вырисовывается силуэт вражеского самолета «фоккевульф» («рама» — как его называют наши бойцы). Совсем обнаглев, вражеский летчик низко прошел над штабом полка. Но вот звучат одиночные выстрелы снайперской винтовки, и фашистский самолет-разведчик, охваченный дымом, падает в низину.

Васю вызвал к телефону командир дивизии.

— Молодец, Курка,— сказал он,— ты настоящий снайпер, благодарю тебя.

...Село Шпаройвка в Чехословакии. Над холмами летят снаряды и мины. В небе завязывается воздушный бой. Едва стрелковая рота захватила первую линию вражеских траншей за селом, как в прорыв устремилась группа автоматчиков. Вместе с ними был и Вася. Он бежал по траншеям противника, держа наготове винтовку и гранату. В узком проходе он наткнулся на гитлеровского унтер-офицера. Фашист вскинул пистолет, но Вася направил на него винтовку. Тут невозможно промахнуться, они сошлись вплотную. Важно выстрелить первому, и первым выстрелил Вася. Не пробежал он и пяти метров, как вылетела и завертелась около него немецкая граната. Курка схватил ее за длинную ручку и швырнул обратно в фашистов.

Имя Васи Курки знали даже враги. Пленный фашистский офицер на одном из допросов показал: немецкому командо-

ванию хорошо известно, «что среди русских войск генерала Гречко имеется сверхснайпер, снайпер-ас, у которого тело чуть ли не срослось с винтовкой». Не зря заговорили фашисты о знаменитом снайпере. Своим метким огнем он, по неполным подсчетам, уничтожил несколько сот гитлеровцев, и среди них не менее 80 офицеров. За смерть Степы он отплатил врагу сполна...

Но вот последний бой, последний разговор с командиром:

— Завтра начинаем бой, готовь хороший наблюдательный пост.

— Я заберусь вон на ту трубу, видите, какая высоченная.

— Идея правильная, но дело опасное. Да и вряд ли ты туда залезешь.

— Я там уже был и пристроил себе висячую скамейку.

Рассветало. Все чаще и чаще вспыхивали оружейные залпы, раздавались оглушительные выстрелы, нервно переговаривались между собой пулеметы. То утихала, то нарастала трескотня автоматов.

Над кирпичной трубой свистел ветер. Снизу поддувало и пахло гарью. Труба чуть-чуть покачивалась и глухо гудела. Вася спокойно наблюдал за противником, корректировал стрельбу артиллерийской батареи и, как всегда, спокойно вел прицельный, уничтожающий огонь по фашистским офицерам, наблюдателям. Вот упал один гитлеровец, второму прямо попал в бинокль, третьему — всадил пулю в грудь.

На трубе был телефон, и Вася имел связь с артиллеристами. Если артиллеристы стреляли неточно, Курка вносил поправки. Все утро шла стрельба с обеих сторон. Вдруг у самой верхушки трубы, где сидел Вася, вспыхнуло пламя, и труба окуталась дымом. У артиллерийского командира сжалось сердце. Он побежал к телефону.

— Курка, Курка, что с тобой?

Но телефонная трубка молчала. Офицер прильнул к окулярам бинокля. Почти у самой середины трубы он увидел рваное отверстие. Вражеский снаряд угодил в Васин наблюдательный пункт.

Когда через несколько минут бойцы подошли к трубе, они увидели окровавленный лист бумаги. На нем Вася написал координаты вражеской минометной батареи. И этот листок бумаги — все, что осталось от него.

Над полем боя прозвучал боевой клич:

— Вперед, друзья, на врага, бей проклятых за нашего Васю!

...Вот почему, когда молодым солдатам вручается оружие, они присягают владеть им так же умело, как их славный однополчанин Вася Курка. И каждый молодой воин берет себе в пример его жизнь, его подвиг, учится у него любить свою Родину и ненавидеть ее врагов.

Именем жизнерадостного голубоглазого пионера назван океанский теплоход. Сегодня «Вася Курка» плавает по морям и океанам, неся гордый флаг Страны Советов к другим народам и странам.

С. ДЫХНЭ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СТАРШИНА

В нескончаемом людском потоке среди выстроенных у причала носилок с ранеными металась старшая операционная сестра эвакогоспиталя Феодосия Трофимовна Таран. А сердце ныло, тревожно замирало: еще вечером оставила она дома семилетнюю дочь Валю, сказав, что обязательно забежит за ней.

Но только что передали: немедленно всем отходить от берега — в город вступили фашисты. Феодосия Трофимовна стянула с себя косынку, белый халат и кинулась к дому, туда, где уже рокотали фашистские мотоциклы. Когда с дочкой на руках вернулась на берег, на волнах среди взрывов плясал последний отходящий катер. Едва успели!

Вскоре скрылась за горизонтом Керчь, и лишь вершина Митридата печально глядела вслед уходящему катеру. И тут налетели «юнкеры»... Кто надел на Валю единственный спасательный круг, кто оттолкнул ее от тонущего катера — осталось тайной. Поздним вечером их — дочь и мать — подобрал военный катер и доставил в Новороссийск. В станицу Славинскую, где развернул свои палатки эвакогоспиталь 4478, Валя с мамой добрались только к исходу следующего дня...

И Валя, семилетний боец тыловой части 18-й армии, героически защищавшей Северный Кавказ, наряду со взрослыми стала нести нелегкую военную службу. Раньше ее никто не приходил в госпиталь, и уходила она последней, а иногда оставалась на ночь. В хирургических палатах Валя каждому подавала воду, умывала, приносила книги и газеты, относила письма на почту, а вечером — так уж просили бойцы — рассказывала сказки. Но главное — это водила за руку тех, кто начинал ходить. Девочка очень радовалась, когда ее подопечные, к которым она привыкала, как к родным, становились на ноги.

Больше всего любила Валя выходить в сад с молодым летчиком дядей Колей. Глаза у него были большие и голубые-голубые, как море у керченского мола. Но почему-то он ничего не видел. Придерживаясь за худенькое ее плечо, все спрашивал, какие сегодня облака на небе и есть ли в саду цветы.

— Если хотите, я нарву и принесу вам целый букет.

— Не надо, пусть растут...

Однажды девочку и раненого увидел в саду начальник госпиталя Семен Григорьевич Майер. Прошел немного за ними следом, послушал Валю и, ничего не сказав, бесшумно удалился. А вечером пригласил к себе в кабинет Феодосию Трофимовну вместе с дочерью, похвалил девочку за полезную работу и сказал, улыбаясь, что согласно приказу она официально зачислена дочерью армейского эвакогоспиталя 4478 и становится на полное боевое довольствие.

Дороги, дороги... Сколько прошла их Валя Таран, но каждая помнится до мелочей, о каждой можно рассказывать часами. Начав свой путь под Новороссийском, Валя прошла рядом с армейскими обозами через всю Украину, принимала участие в освобождении Харькова, Киева, Брянска, Варшавы. На погонах уже десятилетнего бойца появились золотые нашивки старшины Красной Армии.

В Варшаве госпиталь задержался на четыре месяца. Феодосии Трофимовне присвоили звание лейтенанта и назначили старшей операционной сестрой. За безупречную службу и отвагу при спасении раненых лейтенант медицинской службы Ф. Т. Таран была награждена орденом Отечественной войны II степени. Валя за эти годы подросла, окрепла, закалилась и с помощью своих подшефных — раненых бойцов — одолела букварь и научилась писать.

Маленький старшина стала признанным конферансье госпитальной самодеятельности. И не только конферансье. Заведующий клубом сержант Петр Гаркуша, представляя Валю зрителям, непременно объявлял:

— Выступает любимица публики, артистка первого класса, самый главный старшина госпиталя Валя Таран. Она исполнит для вас польку-бабочку.

...2 мая 1945 года наши войска завершили разгром берлинской группировки врага и полностью овладели столицей фашистской Германии. Однако до Берлина Валя не дошла: их госпиталь разместился в городке Бернау, недалеко от Берлина, в помещении бывшего фашистского армейского штаба. Госпиталь был окружен зеленым парком с высоким каменным забором.

Валя в свободное от работы время каталась по парку на стареньком трофейном велосипеде, который еще в Варшаве ей подарил сержант Петр Гаркуша. Однажды, проезжая дальней аллеей, девочка заметила, как какой-то человек прыгнул через забор прямо на клумбу. «Вот медведь! Цветы все потопчет», — подумала девочка и решила узнать, кто же это может быть? И тут Валя увидела, что это чужой, неизвестный ей человек. Оглядываясь, он направился к дверям подвалов, где хранилось белье и другое госпитальное имущество.

«Вор, конечно же, вор!» — Положила велосипед на землю и спряталась за дерево.

Однако неизвестный вовсе не собирался открывать двери подвалов. Нащупав в стене какое-то окошечко, что-то там крутнул, и замаскированная под серый фундамент штора опустилась, обнажив потайную дверь с висящим большим замком. Незнакомец вынул ключ, легко открыл замок и исчез за дверью.

Быстро сбросив сапоги, Валя на цыпочках подошла к потайной двери и, хотя сердце отчаянно колотилось, стала спускаться в подвал. То, что она увидела, потрясло ее: все огромное пространство подвала было заставлено штабелями снарядов. Штабеля, перепутанные разноцветными проводами, тянулись в несколько рядов. В противоположном от входа углу, согнувшись над какой-то машинкой, прилаживал провода неизвестный.

«Так вот что он задумал! Через несколько минут раненые, врачи, сестры, мама...»

Неведомая сила пронесла ее по ступенькам вверх. Вскочив во двор, она бесшумно прикрыла дверь и что есть духу побежала к начальнику госпиталя. По тревоге был поднят караульный взвод.

На допросе задержанный сознался, что он, офицер СС, имел задание взорвать госпиталь.

За проявленную бдительность и отвагу при задержании опасного диверсанта старшину Валю Таран наградили ценными подарками и путевкой в прифронтовой санаторий.

Перед отъездом в санаторий Валя все же побывала в Берлине и с однополчанами сфотографировалась у Бранденбургских ворот и у рейхстага.

•

После войны вместе с матерью Валя вернулась в Керчь и сразу стала третьеклассницей, училась только на «отлично». Потом закончила медицинское училище.

Сейчас Валентина Семеновна Таран-Подольская работает фельдшером в Керченской городской больнице. У нее двое детей — дочь Татьяна и сын Сережа.

Валя Таран

И. МИХАЙЛОВ

АДАМОК — НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1971 года награжден посмертно медалью «За отвагу» партизан **КУЧЕРУК АДАМ СТЕПАНОВИЧ**, с которым в тяжелые годы войны мне довелось быть в одном партизанском отряде. О нем я и хочу рассказать.

Люди — добрые и светлые, щедрые и веселые, не проходите мимо! Пионеры! Остановитесь! Он был из вашего орлиного племени. Тут, на берегу тихой Горыни, в живописных Гулевцах — его могила.

...Среди леса, в Коринке, стоял тогда домик. В нем началось беззаботное детство Адамка. Когда подрос, целыми днями, бывало, ходил вместе с отцом-лесником между медноствольными соснами, задумчивыми дубами или играл с ребяташками где-нибудь на выгоне. Зимой помогал отцу на охоте — выгонял на него зайцев, лисиц, разную лесную дичь. И бегал в школу. А когда окончил четвертый класс, гордился красным галстуком, который, как маков цвет, заалел у него на груди.

Нежданно набежали черные тучи, ударили с запада лютые молнии. Война! Над дремучим лесом, над синей Горынью поднялись высоко в небо густые дымы пожарищ.

Как-то пошли тревожные слухи: там, в урочище Тудни, по ту сторону леса, фашисты истязают невинных людей, согнанных из окрестных сел. Полетел, как на крыльях. Приблизился к этому страшному месту... Потрясенный вернулся домой.

— Папа!.. За что, папа!..

В ответ — сжатые кулаки: отомстить, отомстить!..

Будьте вы трижды прокляты, завоеватели! И вы, полицейские, фашистские собаки!

Пришла весна. В руки мальчика попала первая листовка. «Смерть фашистским оккупантам!» Кто ее принес — неизвестно. Только глаза у Адама загорелись. Потому что эта третья-перетертая бумажка звала: «Бейте врага! Идите в партизаны!»

Вскоре в лесу появились народные мстители. Это был рейд по тылам врага. В непроходимой чаще остановились на постой. Шли к ним люди. Несли последние буханки хлеба, картошку. Ходил и отец Адама.

Однажды, когда пошел Адам в сарай за сеном, подслушал разговор отца:

— Кровь?.. Давай перевяжу...

Неизвестный застонал:

— Пить... Огнем печет...

Адам незаметно выбрался на двор. Вернулся с кружкой в руке. Видел: собрались морщины на лбу у отца.

— Ты уже большой, должен понимать, кто наш гость...

Спустя немного времени партизан стал на ноги. Когда возвращался в отряд, погладил Адама по голове, поцеловал. Прощально скрипнула калитка, и словно осиротел дом...

В одну из ночей внезапно слетела дверь с петель, и мальчик услышал, как крикнул отец:

— Беги, сынок!..

Забрали отца и мать в застенки. Чей-то недобрый глаз высмотрел тайну.

Адам ходил по лесу. Искать партизан. Как-то набрел на полицейского, приехавшего по дрова.

— Ну-ка, малец, иди сюда! — крикнул полицейский.

Подошел.

— Накладывай дрова.

— А стрельнуть дадите?

— Дам.

Сложил дрова, а тогда:

— Ну, дайте стрельнуть!

Полицейский протянул винтовку. В глазах у мальчика — решимость. Он резко повернул ствол и выстрелил в предателя.

...Адам разыскал партизан. Пришел в отряд с винтовкой, с боевым счетом. Научили его мстители, как закладывать мины, как подрывать мосты, метко стрелять. И летели под откос вражеские эшелоны. Их больше десяти на счету у Адама. Когда на железнодорожном перегоне Шепетовка — Здолбунов раздавался взрыв, он долетал до партизанского лагеря. «Молодой, — говорили о нем партизаны, — а бывалый».

...Возвращается наш партизанский отряд снова к родной Горыни. Если бы жив был отец! Если бы встала родимая!

Отомстить! Отомстить проклятым убийцам!

И снова бои. Освобождены Ляховцы, Юровка, Звонки. Пришли в Гулевцы... Внезапно на село налетели вражеские самолеты. Погибли от бомб невинные дети, женщины. Упал и отважный юноша, пятнадцатилетний Адам Кучерук.

— Побратимы, прощайте... — были его последние слова.

А у ног шумели волны Горыни, текущей по освобожденной подольской земле.

Д. КОТОВСКИЙ,

*бывший младший командир
пятого батальона партизанского соединения
Героя Советского Союза А. З. Одухи*

СТАРШИЙ В СЕМЬЕ

По одной из киевских улиц пробегала стайка мальчишек. Болтали, смеялись, спорили. Самый маленький как-то смешно размахивал руками, видимо, что-то очень важное хотел доказать своему другу. Все загорелые, крепкие, красивые и очень веселые. Они и не заметили капитана милиции Виктора Борисовича Коновальчука, который долго провожал их взглядом.

А мальчишки эти разбудили в капитане воспоминания о собственном детстве. Разве таким оно было?..

В грозном 1941 году Виктор и его ровесники в свои четырнадцать лет стали взрослыми, стали бойцами.

— Теперь ты старший в семье,— сказал Виктору отец, уходя на фронт.— Береги мать и маленьких.

И, как равному, крепко пожал ему руку. Виктор незаметно смахнул непрошеные слезы — мужчине плакать не годится.

Не плакал он и тогда, когда фашисты сожгли хату двоюродного брата, подпольщика Николая Даниловича, а в ней — его семью. Самого же брата убили во время перестрелки.

И в его родной хате однажды появился каратель. Он напавил на подростка автомат:

— Признавайся, где спрятался твой отец и брат партизан?

— Не знаю.

— Становись к стенке! Адрес?..

— Не знаю...

— Считаю до трех. Раз...

Подросток молчит.

— Два...

Молчит.

— Три!..

Автоматная очередь врезалась в перегородку, превратила ее в решето. Подросток вздрогнул, но упрямо повторил:

— Ничего не знаю...

А знал Виктор немало. Когда оккупанты заняли их село Осовец в Мозырском районе, мать с малышами, как и многие односельчане, ушла жить в лес, в землянку. Семье судьи-коммуниста было особенно опасно оставаться в своем доме.

Виктор, его друг Гриша Мартынович и двоюродный брат Саша Коновальчук не сидели сложа руки. Как только стемнеет (немцы, страшась партизан, не показывались в такое время), мальчишки пробирались в село. А утром на самых видных местах белели листовки, призывавшие мстить ненавистному врагу.

7 ноября 1941 года первые лучи солнца осветили красный флаг, пламенивший на дереве, на самом высоком в селе дереве.

— Какой смельчак прикрепил его там? — дивились и радовались люди.

Ответить на это могли бы только Виктор, Саша и Гриша. Бесновались староста и фашист-комендант, карабкались на дерево, чтобы флаг сорвать. Но тот уже свое дело сделал: люди ощутили праздник, ощутили дыхание Родины.

На лесных дорогах появились завалы, и подолгу стояли машины гитлеровцев, пока не удавалось растащить сваленные деревья.

Мальчишки все время думали над тем, как отомстить, как причинить вред врагу. Вот если бы винтовка или гранаты! И вскоре махнули туда, где когда-то стояли воинские части, где шли бои. Может быть, там что-нибудь найдут. В оврагах, ярах, на болотах — повсюду шарили. И находили-таки — где патрон,

где гранату, а то даже и винтовку. Прятали все до поры до времени.

Однажды зашли далеко в лес и наткнулись на партизанскую разведку.

— Возьмите нас с собой, — просили мальчики. — У нас и оружие есть.

— Оружие есть, значит, уже вояки, — шутили партизаны, но с собой все-таки взяли.

А приехали в соединение, услышали:

— Куда это таких детей привели?

Мальчишки сначала было испугались, что их и вправду возьмут да и отошлют назад, в землянки к матерям. Но их приняли в отряд.

Так четырнадцатилетний Виктор Коновальчук и его друзья стали партизанами.

Отряд имени Ленина, который входил в соединение генерала Сабурова, на месте не стоял. Партизаны-конники все время были в рейдах. С ходу налетали на фашистские тыловые гарнизоны, сеяли панику, наводили ужас на врага.

И Виктор, как и все партизаны, получил коня, карабин. Юный партизан часто отправлялся по заданию командира в разведку.

...Ободранный мальчонка с сумой через плечо и посохом в руках слоняется по поселку, расположенному у вокзала. Кто на него обратит внимание? Мол, всего только нищий. Разве мало тогда их ходило, голодных и босых...

Но Виктор все видит, острая память мальчишки фиксирует: сколько поездов проходит, что везут, где и какой стоит гарнизон, сколько у гитлеровцев офицеров, где застава, посты, огневые точки. Два-три дня потолчется и принесет точные сведения о врагах. А ночью партизанский отряд налетал, как буря. И не было гитлеровцам пощады.

Как-то разведка доложила: в белорусском селе Злодин всех стариков и детей загнали в церковь, чтобы сжечь. В отряде, которому была поставлена задача освободить людей, находился и Виктор.

Ползли картофельным полем к церкви. Головы нельзя было поднять — с колокольни строчил фашистский пулемет. И вдруг смолк, захлебнулся. Это товарищ Виктора метко снял фашиста.

Сколько радости было, когда штурмом взяли церковь, открыли ворота, а оттуда повалили счастливые, спасенные от смерти люди. Они плакали, обнимали партизан.

Витя Коновальчук

Всех фашистов уничтожили в эту ночь в селе. И люди оставили свои дома — ушли в лес жить в землянках. Еще, чего доброго, каратели налетят...

...В памяти капитана всплывают один за другим дни, месяцы партизанской жизни.

Вот конники-разведчики едут по лесу. Тишина вокруг. Кажется, и птицы затаились, смолкли, чтобы не мешать партизанам услышать каждый шелест, малейший посторонний звук. У них боевое задание: подойти к железной дороге, выждать состав, который будет проходить с оружием и живой силой противника, обстрелять его и уничтожить.

Едут... Добрались до шоссе, которое нужно пересечь. Но что это? Явственный шум машин, приближающихся слева. Слышен и говор едущих солдат. Так и есть — автомашины с фашистами. И командир принимает решение: перебить их. Залегли и встретили.

Виктор тогда не впервые был в бою. Но тут показалось, что прямо на него надвигается со страшной скоростью черное чудовище... Должно быть, гнев, кипевший в груди, придал ему сил и смелости: швырнул гранату точно. Машины и десяти (как потом выяснилось) фашистов как не бывало. Только дым взвился. Так Виктор открыл партизанам путь к новому огневому рубежу.

— Ты, Виктор, молодец! — похвалил его потом командир отряда Иван Березовский.

Еще не раз была у юноши возможность испытать свою смелость, умение быстро и правильно сориентироваться, точно, без промаха стрелять. Доказательством тому — две медали «За боевые заслуги» и медаль «Партизану Отечественной войны» II степени, которые украшают теперь грудь Виктора Борисовича.

Есть на боевом счету Виктора и «язык». Пришли как-то на разведку в село вблизи Емильчина на Житомирщине. Жители показали партизанам хату, в которой ночевали фашист и власовец. Тихо подошли разведчики. Тихо взяли. Опомнились враги уже связанными, с кляпом во рту, как и полагается.

...Боевые пути, партизанские стежки-дорожки. Сколько их пройдено юным мстителем Виктором Коновальчуком! Шацкие леса на Волыни, поход вдоль Припяти, переход через минное поле, выход из окружения через болота. От Полесья до Карпат, через леса, болота, горы — и всюду с боями. Были и радость побед, и боль утраты друзей.

Но радостные минуты партизанам приносили не только победы в бою. Бывало, радист Александр Хабло настроит походную радию, ребята закинут на дерево антенну, закрутят динамо, и звучит морзянка — голос Большой земли. С чем можно сравнить эту радость!

В селе Новосады морзянка известила партизан, что они

скоро соединятся с частями Красной Армии. Никогда этого не забыть!

Был Виктор в ту ночь в дозоре. Ехал на своем Буланом далеко впереди. Гремел гром, молния освещала дорогу, хлестал дождь. А наутро — такое яркое солнце и — ура! Свои! Родные!

Много воды утекло с тех пор... Но события суровых дней войны никогда не сотрутся в памяти бывшего партизана, ныне майора внутренней службы В. Б. Коновальчука. Он часто встречается с пионерами и рассказывает им о своей партизанской жизни.

С. ДЕМЕНКОВА

ФЕДЯ-ПАРТИЗАН

«Федя-партизан» — так назвал свою картину художник Ф. Модоров.

Кто же этот мальчик — Федя-партизан, почему именно его из многих юных героев написал художник, именно его смелый и тревожный взгляд останется в памяти потомков?

Перед войной Федя жил с отцом под Киевом, в Пуще-Водице. Отец — летчик, в первый день войны ушел на фронт. А сын? Сын тоже попал на фронт, а потом — к партизанам. Много партизанских заданий выполнил отважный разведчик. Мальчика полюбили в отряде. А особенно командир отряда Петр Васильевич Лукьянчиков и Владимир Борисович Муратов, человек, с которым Федор и попал в партизанский отряд.

Вот несколько страниц партизанской биографии юного героя.

«Я СВОИ, ДЯДЯ!»

— Федя, ты знаешь, что рация не работает? — спросил Петр Васильевич. — И связи с сороковой армией нет...

— Знаю.

— Донесения нашего ждут. А передать не можем...

Известие было неприятным, но Федя улыбнулся.

— Я еще знаю, что ни один взрослый не пройдет — вот!

— Да, друг. И выбор пал на тебя. Наши разведчики получили важные данные о передвижении врага. Вот пакет. Переходить будешь в районе Выползова.

Федя поднялся.

— Идти сейчас?

— погоди. Поешь, отдохни — и айда. Пистолет возьми, — и Лукьянчиков положил в карман Федора оружие.

Через два часа маленькая фигурка в белом маскхалате растаяла в морозной мгле. Петр Васильевич, привыкший всегда

сам провожать юного разведчика на особо важные задания, сейчас стоял и смотрел вслед Феде.

— А вы снова волнуетесь? — донеслось из темноты. — Не надо, слышите, не надо...

— Ну, ни пуха... — сказал Петр Васильевич, бросив последний взгляд туда, где скрылась белая фигурка, и вернулся в лагерь.

Здесь готовились к важной операции по взрыву моста, который гитлеровцы отремонтировали только несколько дней назад.

А мальчик шел сквозь тьму и холод. Правда, пока он не очень мерз: валенки на нем были добротные и тулупчик теплый. Федя хорошо знал дорогу в лесу, а когда выбрался в поле, помогали ориентироваться вспышки ракет...

Он шел в направлении, указанном разведчиками-партизанами. Туда, где легче всего было перейти линию фронта. Но что это?

«Федя-партизан».
Картина Ф. Модорова

Об этом дзоте не было и речи. Неужели они только что его построили? Нет, наверное, он отклонился от курса. А из дзота так аккуратно, методично и спокойно строчит пулемет. Куда? Чего? Строчит себе — и все... У дзота — часовой. Как же проскользнуть? Федор ложится на снег и ползет по-пластунски.

Пулеметная очередь заставляет его невольно съежиться и, вобрав голову в плечи, вжаться в снежный сугроб. При вспышках ракет трудно разглядеть, куда направлено внимание часового. А тот в любую минуту может заметить, как шевелится в снегу что-то живое...

Фу!.. Дзот остался позади... И часовой тоже. Теперь еще впереди трудный отрезок, который то и дело прощупывают прожектора. Но там будет немножко легче, все-таки сухие кустики, воронки...

Руки уже исцарапаны в кровь, на лице — капли пота: жарко. Сбросить бы тулуп, подняться и побежать быстро, как ветер, — к своим. Так нет, лежи тут, пока не погаснет этот проклятый прожектор. Еще немножко усилий — и вражеские окопы позади. Скоро, скоро должны быть свои. Внезапно у самого Фединога уха — фью-ю! фью-ю! — просвистела пуля. Притаился Федор. Закусил губу и лежит — тихо-тихо.

Внезапно стрельба смолкла. Полежав еще на снегу, Федя пополз дальше. «Теперь как бы не подстрелили свои», — мелькнула мысль.

Сердце колотится, чуть не выскочит.

Прошел!

— А что оно там, не видишь? — слышит Федя неподалеку от себя.

Лязгает затвор.

«Это обо мне — сейчас выстрелит». — В горле пересохло, а слова никак не идут с языка. И вместо пароля он кричит:

— Я свой, дядя!

— Вот разбойник! И откуда ты взялся на мою голову... на мою мушку, — и приземистая фигура солдата выросла перед Федей.

Мальчик, поднявшись, пошел прямо на него. Из-за тучи чуть-чуть проглянул месяц. «Хорошо, что не раньше, — подумал Федя, — может, тогда и попал бы тот фашист».

— Куда это тебя несет?

— К вам.

— Да вижу, что не к теще на блины.

Словно из-под земли, появилось еще двое солдат — из боевого охранения.

— Ты откуда?

— А оттуда, — махнул рукой Федор в каком-то неопределенном направлении.

— Отведите в землянку, — услышал он приказ.

Как во сне, двигался Федя. Сначала по траншее, потом — по снегу. Как сквозь сон, видел мерцающий огонек коптилки в тесной землянке, чувствовал, что едет куда-то в машине. И вдруг — освещенная керосиновой лампой комната, настоящий стол, стулья. Он сидит и ждет. Ждет старшего лейтенанта Зубкова.

И вот за дверью послышались шаги. Кто-то торопится, нет — просто бежит. Минута — и офицер в погонах старшего лейтенанта появляется перед Федором.

— Это ты? Ко мне?

Они проходят в соседнюю комнату. Федор сбрасывает тулупчик, рубашку. Просит ножницы и, распоров нитки, вытаскивает донесение. Старший лейтенант читает...

А пока он шевелит губами, Федя спит, положив голову на стол. И не слышит, как его раздевают, переносят, кладут на кровать, укрывают одеялом, как старший лейтенант Зубков, на цыпочках выходя из комнаты, приказывает часовому:

— Чтоб было тихо!

«А ТЫ НЕ ЧЕРТЕНОК?»

Владимир Борисович объяснил Федору, в чем состоит его задание.

— Все понятно, дядя Володя, — и Федя лихо надвинул ушанку набекрень.

— Что понятно? — улыбнулся Муратов.

— Надо идти и искать.

— Гляди, догадался. Так ты бывал в Андреевке? Там у нас две явки. Есть данные, что в селе несколько неизвестных людей. Надо разузнать, кто они и что они. Потом, может быть, и в отряд привести. Тетка Мария тебе все расскажет. Да и познакомит...

— Я помню, где она живет.

— Вот и хорошо. Завтра собирайся в дорогу.

Мужа у тетки Марии убили в первые же дни войны, сын пропал без вести. Не захотела она вдовьими слезами землю кропить — их и так достаточно — и пошла проситься к партизанам. Но в отряд Марию не взяли, решили: пусть остается в селе для связи.

Федя не раз бывал у нее. Говорливая и ласковая, тетка Мария обо всем расспрашивала, всем интересовалась, да все приговаривая, да все припевая.

Вот и сейчас: забегала, захлопотала у стола. И уже несет, ставит нехитрое угощение — борщ да картошку.

Рассказала, что в селе появилось трое новых людей. Двое, на ее взгляд, — верные, свои, их и с партизанами познакомиться можно. О третьей — женщине — еще разузнать надо, ра-

зобратся. Очень уж она толстая да пышная, а говорит: «Из Курска я». А в Курске, известно, голод. Это передай нашим. А еще одна невеселая новость: вот только давеча пленных расстреляли, ироды чертовы. Чуть свет и повели, сердечных, к яме, знаешь, дядька Иван погреб собирался делать. Так их возле той ямы...

— Всех?

— Всех, сынок. Слышали люди, что убежали двое, но одного поймали, а другой подался в сторону Пояркова. Может, и заблудился где-то.

— А сейчас где эти гестаповцы?

— А вон там, видишь у школы хату — там и пьянствуют. Что им...

— Ну, мне пора идти, — поднялся Федор.

Что-то такое было в Федином взгляде, что тетка Мария заволновалась.

— Ну-ка, говори, что ты надумал? Никуда ни ногой! Ты должен живым вернуться. Слышишь?

— Я же просто так...

И Федя попрощался с теткой Марией. Она проводила его до тына, постояла немного и вошла в хату.

А Федя направился к страшной яме: там ведь могут быть раненые. Подойти незаметно было трудно. Окна того дома, где находились фашисты, смотрели прямо на дорогу, в поле. То вдоль заборов, то по-пластунски Федя все же добрался до ямы.

Еще издалека увидел — там кто-то стоит. Приблизился и различил женщину, которая привязывала бечевку к бутылке с молоком. Руки не слушались, дрожали.

— Живой там один... Пить просит...

Потом в яму:

— А ты кто же будешь, сердечный?

— Воронежский я...

Феде стало жутко. Там, среди мертвых, — живой человек. И сейчас ему грозит смерть: каждую минуту гитлеровцы могут вернуться, если им только вздумается наведаться к яме. А его еще можно спасти.

— Тетя, отойдите, — крикнул Федя и бросился в яму — прямо на мертвых.

— Где вы тут? — спросил он дрожащим голосом. — Где вы?

— Тут я... — послышалось почти с самого дна.

Женщина с бутылкой заглянула и что-то хотела сказать, но Федя крикнул:

— Идите, тетя, заметят...

Яма была больше двух метров глубиной. «Как выбрать-ся?» — мелькнула мысль, но сейчас было не до того. Феде было очень страшно. Вот под руками чьи-то волосы, чьи-то холодные руки, лица, которые никогда уже не изменят своего выражения, а так и останутся с этой застывшей страшной

гримасой. Иногда у Федора не хватало сил сдвинуть с места тяжелое мертвое тело, и он в бессилии, вытирая руками лоб, по которому струился пот, только просил:

— Дядя, говорите что-нибудь, говорите...

— Передай нашим... — шептал раненый.

— Вы сами передадите. Жить вы будете, слышите? — успокаивал его мальчик.

Изю всех сил вцепившись в чью-то широкую спину, он тянул ее на себя. А у самого и зубы стучали, и руки дрожали...

— Еще немножко обопритесь, ну... ну... дяденька...

— Передай нашим, что мы честно сражались...

— Еще минуточку... Вот! Вот и все! Поднимайтесь...

Куда вас?

— В руку.

— Опирайтесь, опирайтесь на меня. Вот мое плечо.

Раненый приподнялся, стал на ноги. Его высокая худая фигура неуклюже двигалась в яме.

— А теперь что? Они сейчас придут. Да ты же... ты же ребенок...

— Я вам помогу, у вас рана.

— А ты как?

— За меня не волнуйтесь, как-нибудь выкарабкаюсь. А вы в лес бегите.

Раненый хватался здоровой рукой за мерзлую землю, пытаясь выжаться, но земля обваливалась. Он снова цеплялся, а она снова осыпалась. Как же выбраться из этой проклятой могилы? Ведь дорого каждое мгновение.

— Скорее, скорее, — шептал Федя.

Раненого начала трясти лихорадка, пальцы судорожно хватались за край ямы.

Федя вдруг наклонился, подставил плечо.

— Становитесь.

— Что?

— Говорю — становитесь на плечо, быстрее.

Раненый взобрался Феде на плечо. Ох, как тяжело, как невероятно тяжело! Мальчик подался под тяжестью его тела. А еще ведь надо подняться. Где же силы взять? Но если нужно, если очень нужно, каждый человек может стать Геркулесом. Миллиметр за миллиметром приподнимался Федя. Он закусил губу и собрал все свои силы. Надо, чтобы раненый оперся локтем здоровой руки о землю. Еще немножко... Еще... Последнее усилие. Держись, Федька!.. Все!

Раненый все же как-то выкарабкался на волю.

— Бегите в лес! — крикнул Федя.

Но тот наклонился над ямой:

— А ты?

— Скорее в лес, — взмолился Федя.

Ноги у него вдруг стали ватными и подогнулись: он услы-

шал немецкую песню. Раненый протянул мальчику руку, но она не доставала до Фединой.

— Это они,— прошептал Федя,— пропадем оба. Бегите, а я притворюсь мертвым.

Раненый исчез, наверное, убежал. А пьяные голоса приближались. Федя притаился в уголке ямы. А что, если они закапывать начнут? Вот сейчас возьмут всех и зарокуют. Его тоже... Вылезать уже поздно. Прощайся с жизнью, Федька! А как же тот, раненый...

Губная гармошка заиграла бравурный марш. Как быть? Чтобы не мучиться, может, закричать? Пусть пристрелят. Нет, лучше молчать. А если пройдут не останавливаясь? Тогда как-то вылезти. Федя прополз под чью-то закоченевшую руку, под чью-то голову, на которой волосы слиплись от крови, и лег на спину. Надвинул шапку на лоб, чтобы прикрыть лицо, а самому что-то видеть.

Начало смеркаться. Гитлеровцы галдели совсем близко.

Внезапно над ямой появилась какая-то фигура, она никак не могла устоять на месте — ее шатало в разные стороны.

— Го-го-го! Лежат! Шляфен... Спят. Я тоже хочу...

— Туда?

— Го-го... не туда.

— Мы их победили! Тьфу! — появилась рядом другая фигура и плюнула в яму.

Потом хриплый голос закричал:

— Лопату! Я буду копать!

— Сейчас, господин офицер,— это уже был голос полицейского или старосты,— я сбегую!

В яме стало совсем темно. Федя незаметно заполз под одного из расстрелянных.

— Я их буду стреляйт! — загорланил фашист.

Мальчик скорее догадался, чем увидел, что в него целятся. Щелкнул курок... Выстрела не было.

А страшный силуэт шатался над Федором. Вот он остановился, застыл:

— О-о-о! Они шевелятся! Они все шевелятся... Встают! О-о-о!..

Силуэт исчез. Затопали шаги. Будто отдаляются?..

Тихо, совсем тихо...

Федя не верил этой тишине. Ведь сейчас тот, угодливый,— то ли полицейский, то ли староста — может прибежать с лопатой. Мальчику стало жутко. Может быть, придется всю ночь сидеть здесь, в этой могиле. Но никто больше не появился.

Мальчик понемногу стал выползать из-под мертвого. Тишина... Неужели это он стоит на ногах — и свободно дышит?! Неужели это в него целился фашист? Федя стоял в яме и, задржав голову, глядел в небо, темно-синее, усеянное мерцающими звездами.

— Федя, слышь, Федя, — раздался голос тетки Марии, — хватайся, видишь руку?

Как ни тянулся Федя к теткиной руке, оставалось еще по меньшей мере десять сантиметров. Тогда она сбросила с головы платок и опустила его в яму. Мальчик схватился за него и выкарабкался на волю.

— Спасибо, тетя Мария, — и он бросился на шею женщине.

— Горюшко ты мое, мальчик мой, — причитала она, — сердце чуяло: подался ты к этой яме. Ничего и делать не могу — так и тянет, так и тянет. Выбежала — слышу, фашисты гогочут, и-и-и, не говори, что со мной случилось! Ну, беги!

Пока тихо — скорей к лесу.

«А где же этот, пленный?» — подумал Федя, добежав до первых деревьев. Для него не существовало в лесу дня и ночи. Он даже не представлял, как это можно заблудиться. А тот, раненый, не знает ведь леса, еще забредет куда-нибудь и замерзнет. Только не мог он далеко отойти.

Федя не ошибся. Впереди мелькнула тень. Заметив сзади человека, раненый поднялся с пня и, тяжело ступая, побежал по дороге. Окликнуть нельзя — еще услышат гитлеровцы.

И Федя бросился вдогонку. Бежать было трудно. Однако ведь негоже спасать человека только наполовину. Скоро дорога сделает поворот: одна тропка — к партизанам, а другая — в соседнее село, где тоже гитлеровцы.

Догнать! Во что бы то ни стало догнать! А ноги как свинцом налиты — еле отрываются от земли. Федя не выдержал и крикнул:

— Стой! Подожди!

Но раненый бежал...

Наконец он, обессилев, упал на снег. Федя подбежал и тоже шлепнулся рядом.

— Чего убегал?

— Не узнал я тебя. Себя не помнил, сначала от страха, потом от радости.

Вдруг он заплакал:

— Я... там слышал... возле ямы... Думал, убили тебя.

— Хорошо, все хорошо, — успокаивал его Федя.

Ему хотелось прыгать и смеяться, но подняться не было сил — и он отчаянно забарабанил по снегу ногами.

— Ура-а-а!

Раненый усмехнулся:

— А ты, случайно, не чертеночек?

*

А вот несколько строк документа. Его подписал командир партизанского отряда П. В. Лукьянчиков.

«...Зимой 1941—1942 годов Федор Ключев вместе с пионером-

партизаном Владимиром Ткачевым поджег комендатуру гестапо и взорвал фашистский склад... Вместе с партизанами переправлял через линию фронта бывших военнопленных. Принимал участие в минировании шоссе Москва — Симферополь. Лично задержал и арестовал 4 полицейских...»

Вот какой он, Федя-партизан.

После войны Федор Петрович Ключев стал офицером Советской Армии. В Москве есть пионерская дружина, носящая его имя. Федор Петрович — скромный человек, он даже удивлялся, если его называли героем: «Разве можно было жить иначе?»

Л. ВАХНИНА

ПОБЕДИВШАЯ СМЕРТЬ

Татьянка никогда не видела своей мамы. Она умерла в тот день, когда девочка родилась. Отец погиб, дети осиротели. Старшие братья ушли работать, а Татьянку и Лену (они близнецы) поместили в Смоленский детский дом.

Татьянке шел седьмой год, когда из Москвы приехал брат Павел и обрадовал:

— Сестренка, завтра едем в Тушино на аэродром. Посмотришь, как твой брат в небе летает и на землю спускается с парашютом.

Это был большой радостный праздник. Татьяна вернулась в детдом возбужденная.

— Ребята, давайте спускаться с парашютами!

За минуту стянули с кровати простыни, тихонько прощмыгнули сквозь калитку в лес и расположились на ветках высоких сосен. Мальчики задержались на нижних ветках, а Татьяна, сорвиголова, вскарабкалась на самую верхушку высокой, стройной сосны. Страшно не было. К углам простыни привязала гибкие лозины и верила, что самодельный парашют надежен. Над головой болталась белая холстина. Если прыгнуть, она наполнится воздухом, и Татьяна полетит, полетит, как брат Павел.

Она прыгнула и... очнулась уже в больнице. Заключенная в гипс, девочка не чувствовала ног, обе руки были сломаны. В таком состоянии привез ее брат Павел Иванович Морозов в Киев и определил в детский санаторий имени Максима Горького в Пуще-Водице.

Ежедневно с ней занималась добрая, красивая учительница. Так, лежа неподвижно, закончила она три класса. Потом были сложные операции, ожили неподвижные ноги. В четвертом классе Таня училась уже сидя за партой.

Гроном среди ясного неба обрушилась война на нашу стра-

ну. Фашисты рвались к Киеву. Родители увозили больных детей. Оставили санаторий учителя, воспитатели, медперсонал...

— Подожди два дня, Татьяна, — говорил Павел, — отвезу новобранцев и вернусь за тобой.

Шли дни, а брата все не было. Одиноко ждала его девочка в санаторном саду, на душе было тревожно...

И вот, отчаявшись, надела на себя летнее платье в горошек, повязала красный галстук, приколотла к груди пионерский значок (октябрятскую звездочку зажала в кулаке) и ушла на вокзал.

— Дядя, возьмите с собой. Мне надо в Смоленск. Там моя сестренка живет в детдоме, а брат мой пропал...

— Наш поезд на фронт идет, дочка, в другую сторону, — ответил солдат.

С толпой беженцев двенадцатилетняя Татьяна оказалась в Дарнице и втиснулась в переполненный людьми вагон. Ехали ночь, а утром вражеские самолеты разбомбили поезд. Бомбы рвались одна за другой. Над полем стоял черный дым и слышны были крики, стоны, рыдания. Люди бежали подальше от огня, смерти, а с ними и Таня, пока не споткнулась о вырванный из земли корень дуба и не свалилась в яму. Она очнулась, когда уже было совсем тихо, вокруг был лес, сквозь стволы высоких сосен прорывались лучи восходящего солнца.

«Куда идти? Наверное, Москва там, где летом встает солнце, а недалеко и Смоленск. Пойду на солнце», — решила девочка, сжимая от холода плечики. Их прикрывал красный галстук, и она чувствовала его тепло. Но тревожная мысль, что кругом фашисты, что галстуку и звездочке, а с ними и ей грозит беда, подсказала: нужно их спрятать подальше. Она засунула их за рубашечку.

Девочка шла полями, дорогами, ночевала в ящиках под вагонами; люди давали ей хлеб, а в селах поили молоком, кормили борщом, картошкой. Как-то Татьяна увидела колонну солдат, одетых в зеленое, громко разговаривавших на чужом языке. Притаившись в кустах за рвом, она переждала, пока они уйдут; сердце билось от страха и неожиданности.

Теперь уже не было чистеньких сел с добрыми людьми. Люди бросали свое жилье и уходили в лес, а встречая девочку, предупреждали:

— Не ходи селами и полем, дочка, там смерти!

И она шла лесами, питалась земляникой и малиной.

Однажды, проснувшись, она увидела стоящего перед ней стройного молодого человека с винтовкой за плечом. Испугавшись, девочка заплакала.

— Что же ты плачешь? Не бойся. Теперь ты у своих, у партизан.

Он взял ее за руку и повел к сидевшему на пне пожилому человеку с добрым приятным лицом. Он ласково улыбнулся

и погладил ладонью ее длинные, растрепанные русые волосы.

— Как звать тебя? Чья ты? Как очутилась в лесу?

— Татьяна Морозова я...— услышал он в ответ.— Иду в Смоленск из Киева. Там Лена, сестра моя, в детдоме.

— А моя фамилия Руднев,— сказал старший.— Я комиссар партизанского отряда. Тебя нашел в лесу мой сын, Радик. Скажи, что ты видела по дороге, когда шла к нам?

Память у Татьянки была цепкая, она примечала все детали и рассказала, какие везли немцы пушки, что нарисовано на бортах автомашин.

Руднев поблагодарил девочку за нужные и ценные сведения, а затем окликнул хлопотавшую поодаль у костра женщину:

— Тетка Марфа, помойте новую партизанку и найдите для нее одежду.

Вечером к Татьянке подошел комиссар Руднев с сыном.

— Спасибо, Татьянка, за сведения. Мы их передали в главный штаб. А ночью придет самолет с Большой земли, и мы отправим тебя в Москву. До Смоленска тебе не дойти — там фашисты.

— Я... хочу быть у вас, дядя Семен. Не гоните меня. Я буду все-все вам рассказывать про фашистов. Все, что только увижу. Хотите, я сейчас пойду на дорогу!

Руднев посмотрел на Радика, хитро подмигнул:

— Ну, как, разведчик, годится она для вашего дела?

— Годится, товарищ комиссар, вполне подходит, папа, я сразу это заметил, когда она тебе о немцах рассказывала.

— Верно! Учи ее нужному нам ремеслу разведчика. Начальник штаба разрешил ее зачислить в твою группу.

Татьянка скоро привыкла к Радику, к тетке Марфе, к партизанам. Все было очень интересно. И никуда ей не хотелось ехать, даже в Москву.

Но тетка Марфа намекнула ей, будто всех детей отправляют из отряда; большой рейд предвидится, а куда с детьми? Вот придет самолет... И теперь больше всего Татьяна боялась самолета, не вражеского, а своего...

Темной ночью над лагерем закружил самолет, партизаны бросились его встречать, зажгли сигнальные костры.

Татьянка что есть силы побежала в глубь леса, залезла в кучу валежника. Ее искали, а она сидела, притихнув, пока

Таня Морозова

самолет не поднялся над лесом, сделал прощальный круг и утих за темным горизонтом ночи.

В лагерь она вернулась с повинной, было стыдно, что обманула товарищей, но желание остаться в отряде было выше всего. Комиссар сердился, но Радик умолял:

— Папочка, товарищ комиссар! Вы же сами говорили, что из Татьянки выйдет настоящий разведчик. Даже зачислили ее ко мне в группу!

Решили Морозову оставить в отряде. За месяц Татьяна научилась стрелять из пистолета, винтовки, автомата; умела бросать гранаты, закладывать под рельсы мины, знала, как вести себя во время разведки, как держаться на допросах, если попадет в руки врага.

Подрывать вражеские эшелоны ходили группой. Впереди шла Татьяна как главная разведчица. Пойдет, осмотрит, все заприметит и подает сигнал птичьим голосом.

Зло выюжилась зима в начале 1942 года. Под Конотопом собралась масса вражеских войск. Партизанский отряд находился в шестидесяти километрах от железнодорожного узла.

— Препградить путь фашистам на фронт! — приказал Сидор Артемьевич Ковпак, командир соединения.

Группа партизан из двенадцати человек ушла на задание. Старший — Радик Руднев, Таня — помощница.

— С тобой нам всегда везет, Танечка, — сказал Радик.

А снег идет, заметает следы, за десять шагов ничего не видно. Подошли к железной дороге, разделились на две группы. Одна закладывает мины под рельсы, а другая подкрадывается к железнодорожному мосту. Тихо сняли патруль, заминировали мост.

Вот слева показался в снежной мгле поезд. Таня дернула шнур. Взрыв разметал шпалы и рельсы. Партизаны бросились в глубь леса. Поезд свалился, и страшный грохот наполнил лес.

Татьянка, забыв об опасности, бежит назад, останавливается и смотрит, как нагромодились вагоны, танки, пушки. Все это внизу, под откосом. Радость переполнила душу девочки — ведь это ее первая настоящая удача и отмщение фашистам за все страдания народа!.. Но почему так долго нет Радика? Может быть, что-то случилось? Нужно помочь!

— Ребята, к мосту! — крикнула в метель.

До моста оставалось метров триста. Справа к нему подходил поезд. Все замерли. Поезд черной змеей вполз в переплет железнодорожных стропил, уже почти коснулся другого берега, но в эту секунду мост поднялся вверх вместе с вагонами, и над рекой образовалась пустота.

К ним подбежала группа партизан во главе с Радиком, и они начали обниматься, качаться по чистому пушистому снегу, по-детски радуясь своей настоящей удаче.

Надолго было задержано движение вражеских эшелонов по этому пути. А спустя некоторое время начальник штаба соединения товарищ Базима поздравил всех юных партизан с первой правительственной наградой — медалью «За отвагу».

Прошел год партизанской жизни и борьбы. Соединение Сидора Артемьевича Ковпака подошло к Киеву. Задрожали фашистские приспешники. В Сырецком лагере смерти умирали советские патриоты. Командование решило спасти их. В боевой группе, которой приказано совершить налет на лагерь, — Радик и, как всегда, Татьяна Морозова. В первую ночь, когда добрались до Киева, подойти к лагерю не смогли, так как была ясная, лунная ночь. Дождались темной дождливой ночи, тихо сняли часовых и ворвались в землянки. Сколько их, советских людей, лежали уже неподвижными, ожидая смерти! Партизаны выносили тех, кто еще мог двигаться, клали на ветки и переправляли в пущеводицкий лес.

Еще не исполнилось Татьянке и тринадцати, как на партизанском аэродроме сел самолет, привезший вместе с боеприпасами и радостную весть о награждении Татьяны Ивановны Морозовой за смелость и отвагу орденом Красной Звезды. Это был один из первых боевых орденов, который получила пионерка за подвиг во время Великой Отечественной войны.

...Партизанское соединение вело борьбу за село Старая Гута. Разведка донесла, что в селе много фашистов, танков, есть склады горючего. Задание командования подрывникам — уничтожить вражеское гнездо!

Пошли ночью. Злилась метель. Татьянка на околице заметила фигуру полицейя.

— Стой! Бросай винтовку! Руки назад! Следуй за мной!

Полицай послушно исполнил приказание и покорно пошел на опушку леса, где остановилась группа подрывников.

— Хочешь жить? — спросил его Радик.

Полицай сказал, что давно ищет связи с партизанами. Он поможет им уничтожить фашистские склады с горючим и танки...

Склады обнесены колючей проволокой, на ней банки. Тронешь — зазвенят, услышит патруль. Нашли место, где проволока была не под напряжением, сделали проход, сняли часовых...

Потом люди рассказывали: казалось, горели не только бензин и танки, но и снег... И вторая медаль «За отвагу» у Тани и у двенадцати ее товарищей-подрывников.

Соединение готовилось к рейду в Карпаты. Татьянка подошла к партизанскому сапожнику деду Опанасу, протянула ботинок, пионерский галстук и два значка — пионерский и октябрятский.

— Дедушка, сделайте мне двойную подошву, чтобы фа-

шисты не нашли моего галстука. За него я клятву давала, как и партизанскую...

— Все аккуратно сделаю, дочечка, никакой гитлеровец не догадается. Будь покойна!

Татьянка обула ботинок — никакой приметы, что подошва двойная.

— Спасибо, дедушка!

Соединение пошло в рейд. Сначала, как всегда, разведчики, а впереди разведки — Татьяна Морозова.

В тот день они шли разведать брод через Западный Буг. Проводник — дядька — местный житель. Татьянке он сразу не понравился, и девочка настороженно присматривала за ним, ведь шел он впереди. Уже несколько раз сквозь ветки кустов проглядывал плес реки, а проводник все вел и вел их. Вдруг он замедлил шаг, громко, необычно для разведчика, сказал:

— Кажется, здесь надежный брод!

На его голос ответил свист. Проводник оглянулся, в его руке блеснул пистолет. Что-то тупое ударило девочку по ноге, потом острая боль пронзила все тело. Татьяна пошатнулась, но успела заметить, как проводник цепится в Радика, шедшего немного позади. Падая, она выстрелила в проводника. Он упал навзничь.

Со всех сторон слышалась автоматная стрельба и крики немцев:

— Рус, сдавайся! Вы окружены!

Татьянка поняла, что единственный выход для разведчиков — уходить назад. Но нога не слушалась. К ней подбежал Радик.

— Опирайся на меня!

— Не могу, не могу! Отходите! Я прикрою вас! Только автомат остачь мне...

Радик подтолкнул ее, но она вырвалась,хватила у него автомат и послала очередь в кусты, откуда показались немцы.

— Уходи, говорю, а то всех погубишь! За мной придете!

Она стреляла, пока автомат не утих... Один патрон всегда держала в кармане отдельно, это был ее патрон... Заложила его в патронник, еще миг... Но в это время кто-то сзади толкнул ее, автомат отлетел, девочка упала на траву и увидела над собой лицо врага.

— Ты нам нужна живой!

Татьянку привели в штаб полевой жандармерии.

— Где партизаны? Сколько их? Куда они идут? — подошел вплотную и грозно спросил фашист.

Татьянка спокойно сказала:

— Не могу теперь отвечать... Перевяжите сперва рану... И спать, спать хочу...

Ей сделали перевязку, отнесли в дом, положили на пол под стеной. Потом принесли еду и питье.

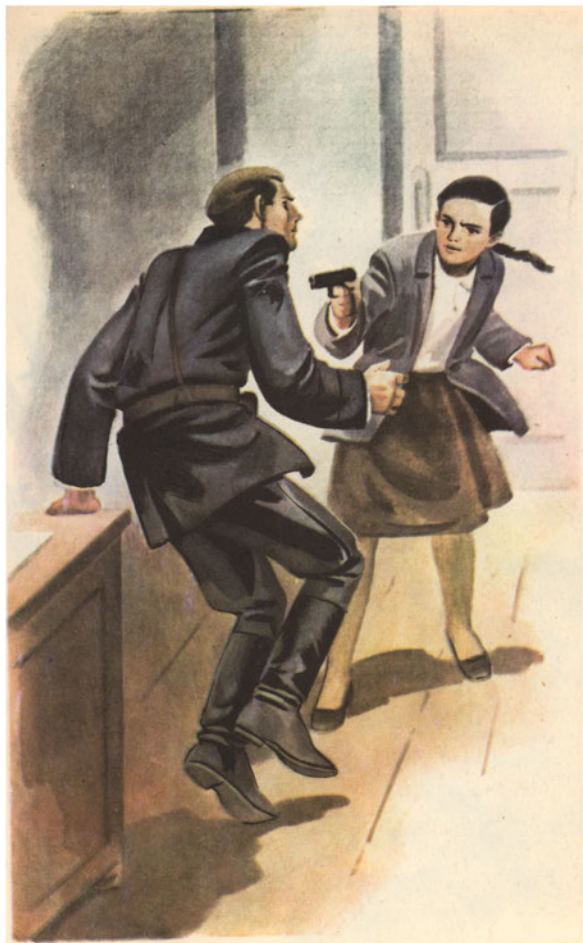

«Нужно есть, чтобы сил набраться», — подумала Татьяна. Фашисты смотрели и улыбались.

Затем ее вызвали на допрос. Гестаповец подал ей шоколадку и чашку кофе.

— Ну, а теперь рассказывай. Много в отряде партизан?

— Много! — развела руки девочка. — Тысяч сто и больше!

— Какое оружие у них? — улыбаясь, спрашивал фашист.

— Всякое! — серьезно отвечала Татьяна. — Пушки, танки, самолеты... Даже «катюши» есть.

Гестаповец подошел ближе, прошипел:

— Ты будешь говорить правду?

— А я и говорю правду!.. Партизан нельзя уничтожить!

...Удары посыпались на ее голову, свет померк, огненные круги поплыли по комнате, и она то взлетала, то падала в пропасть, а боль жгла, расплывалась и охватывала все тело.

Потом она висела головой вниз, а фашисты стреляли из лука по ее ногам, и несколько десятков острых металлических стрел впились в детские ноги. Ее привязали к доске, а над головой повесили капельницу. Каждую секунду на голову падал капля. Сначала они были легкими, а потом стали пудовыми... и на третьи сутки девочка потеряла сознание...

Татьянку бросили в яму. Там было темно и сыро. Очнулась от того, что кто-то гладил ее по голове. Мужской голос ласково говорил:

— Не бойся, дочка...

— Я не боюсь смерти... Но как выдержать, чтобы своих не выдать?

— А ты уже выдержала... Тех, кто изменяет Родине и товарищам, сюда не бросают...

Несколько раз ее вытаскивали из ямы, мучили и бросали туда вновь. Подымалась из ямы босая, боялась, чтобы враги не разгадали тайну ботинка.

Через несколько дней семерых советских военнопленных и девочку-партизанку вытащили из ямы и повели на площадь. Каждому нацепили на грудь дощечку — «Партизан». Первым шел капитан, и, когда он оглянулся, Татьяна ужаснулась: у него были отрезаны уши и нос, выколоты глаза. Он не видел девочки, но, почувствовав ее дыхание, сказал:

— Не печалься, дочка, нас не забудут!

Когда из-под его ног фашист выбил бочку и он закачался на фоне голубого неба, Татьяна онемела от ужаса, но в это время и на нее палач накинул толстую петлю. Веревка больно царапнула подбородок, сползла на шею, и сердце сжалось...

Когда раскрыла глаза, увидела склонившееся над ней лицо советского танкиста.

Танкисты неожиданно налетели на селение. Они уничтожили фашистов и сняли повешенных. Только одна чудом осталась жива.

Татьянку отправили в Москву, потом в Рязань. В госпитале никак не могли сбросить с нее ботинка. Когда разрезали — выпали галстук и два значка.

— Это настоящая героиня, — сказал комиссар госпиталя и отправил пионерский галстук и значки в Музей славы.

...Татьянку вылечили, и она настойчиво требовала у начальника госпиталя, чтобы ее отправили в партизанский отряд или на фронт.

— Не могу, дочка, не положено. Тебе только шестнадцатый год... А вот радость тебе сообщу: из Москвы тебе орден Красной Звезды прислали — за мужество и отвагу наградило правительство.

— Кто вам сказал, что мне шестнадцатый? Мне уже девятнадцать.

Второй раз обманывала Таня старшего начальника, три года приписала себе, даже свидетелей нашла в подтверждение...

Татьяну Морозову направили на учебу в школу разведки. Она проучилась там несколько дней, и начальник школы сказал:

— Ты знаешь все, что нужно разведчику. Направляем тебя в 17-ю армию к Черняховскому.

Иван Данилович Черняховский, лично принимавший разведчиков из Москвы, удивился:

— Что это вы мне детский сад привели?

Посмотрел на Морозову, приказал:

— Сбрось шинель!

Она разделась. Грудь украшали ордена и медали.

— Молодец, дочка, послужи и нам, как служила партизанам. Ты из отряда Ковпака — тогда годишься!

... До Кенигсберга еще 80 километров. В лесу — тайный немецкий химический завод, где фашисты вырабатывали ядовитые газы. Завод весь под землей. Там работали пленные. Им всем грозит уничтожение. Нужно спасти людей! Командование выбрало двадцать молодых разведчиков. Все комсомолцы.

— Товарищи, вы идете, может быть, на верную смерть. Согласны ли идти добровольцами?

— Согласны! — ответили все.

— Ты, девушка, согласна идти на смерть? — спросил командир отдельно Таню.

— Согласна!

Когда подошли к тайному заводу, группа разделилась на три подразделения. Вели группу два чешских патриота, которые знали секреты охраны завода. Разрезали проволоку, отравили собак, сняли часовых, уничтожили охрану, открыли люки:

— Товарищи, выходите, вы спасены!..

Татьянка видела: не люди, а мощи. Многих выносили на носилках.

Завод заминировали, залили водой. А когда отошли на несколько километров, с радостью услышали мощный взрыв.

За успешно проведенную операцию двадцать человек были награждены. Награды вручал маршал Конев.

Идут жестокие бои за Кенигсберг. Группа разведчиков получила задание уничтожить немецкий склад с боеприпасами. Вот уже разведчики сняли охрану — склады в руках советских бойцов. Все заминировано, через несколько минут последует мощный взрыв. Нужно отходить. Таня с разведчиками бежит тылами врага. Внезапно появляется вражеская машина! Девочка бросает гранату, огненная вспышка и... она падает.

Осколок прошел сквозь шею и остановился в темени. Таня потеряла речь и сознание. Идет долгая и упорная борьба за ее жизнь и работоспособность.

Татьяна Ивановна вернулась в строй мирной жизни. Тридцать пять лет она работала на Киевском мотоциклетном заводе, возглавляла добровольную народную дружину.

За активную работу по воспитанию молодежи ее наградили орденом «Знак Почета» и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР. Первыми пришли приветствовать Татьяну Ивановну с высокими наградами ее верные друзья — юные ленинцы.

Достоинство удивления биография этой скромной женщины-патриотки. Своей жизнью и борьбой Татьяна Морозова еще раз доказала, на какие подвиги способна наша пионерия!

К. ГРИБ

БАЛЛАДА О СЫНЕ ПОЛКА

ВСЕГДА ВОСЕМНАДЦАТЬ

23 января 1945 года. Оперативная сводка Совинформбюро — своеобразная летопись Великой Отечественной войны — сообщила:

...Войска 3-го Белорусского фронта, сломив сопротивление противника, форсировали реки Дайме и Прегель и овладели городами Лабяу и Веллау — важными опорными пунктами обороны немцев...

...Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 23 января... с боями заняли свыше 600 немецких населенных пунктов.

...Войска 2-го Украинского фронта, перейдя в наступление севернее Мишкул, в трудных условиях горно-лесистой местности прорвали мощно укрепленную оборону немцев, продвинулись вперед на 20 километров... и к концу 23 января овладели на территории Чехословакии городами Рожнява и Йелтава — важными опорными пунктами обороны противника, а также заняли свыше 80 других населенных пунктов...

Саша Дегтярев

В этот день сыну полка 129-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 2-го Украинского фронта, Саше Дегтяреву исполнилось восемнадцать лет. Начальник штаба дивизии Алексей Павлович Рудаков рано утром поздравил любимца части с совершеннолетием и по этому случаю предоставил юноше отпуск на 12 часов.

12 часов отпуска за три долгих года фронтовой жизни! Саша был счастлив. И не беда, что такой день он проведет не в кругу семьи, без мамы, сестрички Лиды и брата Сергея. Они сейчас далеко — за тысячи

километров от этой чехословацкой деревни Курьяны. Зато рядом — столько внимательных и заботливых товарищей. С ними ему легко переносить невзгоды боевой жизни. Сколько вместе пройдено, сколько песен спето под звонкий голос неразлучного друга — баяна.

Саша решил запомнить этот день до малейшей подробности, чтобы вечером, а может быть, завтра, в письме рассказать о нем маме. Он знает: она всегда рада его, фронтовым треугольникам, волнуется, когда сын по каким-либо причинам не шлет ей весточки о себе. Для нее он остается тем четырнадцатилетним угловатым мальчиком, каким ушел из дому «воевать немца». А ему уже восемнадцать! Точь-в-точь восемнадцать!..

Вражеский снаряд упал за несколько шагов от юного солдата, вышедшего за околицу деревни. Белый снег почему-то стал багряным, небо и земля зашатались и, расколовшись на тысячи мелких осколков, исчезли...

В этот день Саше Дегтяреву исполнилось восемнадцать мальчишеских лет. Сводки Совинформбюро, вбирая в себя донесения частей и соединений Красной Армии, говорили матерям, женам, сестрам, что наши воины — седые и безусые — бьют врага на всех фронтах, приближая долгожданный час Победы. В этих боях отдавали свои жизни солдаты. Сводки Совинформбюро не сообщали фамилий погибших.

Жестокую весть в солдатские семьи приносили официальные извещения — «похоронки» да письма однополчан. В семью Дегтяревых, вместо долгожданного треугольничка, на этот раз почтальон принес скорбное послание фронтовых друзей Саши. Они писали матери:

Дорогая Татьяна Тарасовна!

Тяжело и больно писать Вам эти строки о нашем любимце Саше, о Вашем горячо любимом сыне. Он погиб на боевом посту, отдав свои юные силы

СОВЕТ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ

ПРИНЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВОРОШИЛОВГРАДСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА О ПРИСВОЕНИИ ИМЕНИ ЮНОГО ВОИНА-ГЕРОЯ САШИ ДЕГТЯРЕВА СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ № 10 Г. ЗОРИНСКА И ВПРЕДЬ ИМЕНОВАТЬ ЕЕ — ЗОРИНСКАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРУДОВАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА № 10 ИМЕНИ

САШИ ДЕГТЯРЕВА

Председатель Совета Министров УССР В. Щербицкий
Управляющий делами Совета Министров УССР К. Бойко

(Из постановления Совета Министров Украинской ССР
от 6 января 1971 г.)

и свою жизнь в борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины. Саша, наш воспитанник, вместе с гвардейцами части прошел славный боевой путь от Кавказа до Карпат. Вместе с нами делил все горести и печали фронтовой жизни...

Сообщаем, что Саша похоронен в чехословацкой деревне со всеми воинскими почестями. Его личные вещи, а также орден Отечественной войны I степени и медали «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа» привезет Ваш товарищ, которого мы командидуем для этого.

Командир воинской части полевая почта 17236 Гринченко
Заместитель командира по политчасти Швец

Так в день рождения прервалась Сашина жизнь. С тех пор прошло много лет. В домике Дегтяревых, скрытом в гуще деревьев на околице села Сабовки, висит фотография юноши в серой шинели. Ему здесь — восемнадцать. Так было в далеком сорок пятом. Так — и теперь. Иным, уже взрослым человеком, его не знают. В памяти матери, отца — старого солдата и шахтера, жителей Сабовки и коллектива средней школы № 10 города Зоринска, где учился Саша, в сердце каждого из нас юный сын полка навсегда останется восемнадцатилетним.

С ФРОНТОВЫМ ПРИВЕТОМ

Биография у восемнадцатилетних коротка, как июньские ночи... На четвертушке бумаги уместается она. А людям о героe хочется знать как можно больше.

Юные следопыты Зоринской средней школы № 10, однопольчане Саши Дегтярева уже много лет стремятся воссоздать во всех деталях его короткую, но яркую жизнь. Сначала все идут в домик Дегтяревых, где живут постаревшие не столько от прожитых лет, сколько от горя родные Саши.

Тихо в светлице, со стен которой смотрят на нас фотографии Саши. Молчит фронтовой друг — баян, с ним столько пройдено и столько песен спето и в землянках на Малой земле, и в окопах под Ростовом, и на переправах Днепра и Буга, и в горных долинах Карпат.

— Приедет Сережа, младший брат Саши, в гости. Заиграет для нас с отцом. И я словно живой голос Саши слышу. Он у нас с пяти лет не расставался с баяном. Таким его и в селе помнят, и в школе... первые учителя и одноклассники...

Татьяна Тарасовна нежно гладит меха баяна. На нем вырезаны буквы А. Т. Д. Для матери баян — частичка сына, который всегда был таким внимательным и нежным. Муж — Тимофей Лукьянович, кадровый шахтер, ушел на фронт с первых дней войны. Саша, как старший в семье — шел ему четырнадцатый год, — стал ее первым помощником.

Невысокого роста, светловолосый, очень подвижный, мальчик попевал всюду: корову отогнать в стадо, за младшими братом и сестрой присмотреть, уроки выучить. В школу ходил в поселок шахты «Никанор» — в Сабовке была только начальная.

Когда фронт подошел к Дебальцево (от него до Сабовки рукой подать), Саша все свободное время пропадал с баяном в воинских частях, которых тогда много было в округе. Оправдывался кратко:

— Мама, бойцы же так любят музыку! Песни поют — и им хорошо. Я еще пойду, ладно?..

Когда наши части проходили через село вечером или рано утром, Саша выбегал их встречать. Шли солдаты главной улицы, пролегавшей вблизи леса. А домик Дегтяревых стоял на пригорке — далеко видно. Саша примчится домой — и сразу с порога:

— Мама, я молока бойцам отнесу...

Нальет бидончик, кружку прихватит и снова бегом к солдатам. Возвращается сияющий, довольный. А если случалось, что бойцы останавливались в селе на отдых, обязательно приводил красноармейцев к себе:

— Может быть, мама, вы им белье постираете? Я помогу...

Все время с бойцами. Возьмет баян и вместе с гостями песни выводит. Благодаря этому баяну подружился он с фронтовым корреспондентом Александром Бураковым. Тот познакомил мальчика с командиром части. Тогда и произошел у них «мужской разговор»:

— Если погонят фрица на запад — останусь тут. А если... то пойду с вами. Тут не останусь.

...Пошел на восток. Наспех попрощался с матерью, бабушкой, братом и сестрой, закинул на плечи котомку и баян — отцовский подарок.

Фронтовые пути сына полка. Они пролегли по сожженно-

му Донбассу, по знойным донским степям, предгорьям Кавказа. Только осенью 1943 года пришла от сына первая весточка. В крошечном солдатском треугольнике было всего несколько строчек, адресованных председателю сельсовета: «Прошу Вас сообщить мне о судьбе моей семьи...»

Татьяна Тарасовна, обливаясь слезами радости, обегала полсела, пока нашла листок чистой бумаги, написала сыну, что дома все в порядке, и попросила его чаще писать.

Вскоре пришло второе письмо. Тактично, совсем по-взрослому, мальчик уведомлял родных: «Я жив и здоров, чего и вам желаю...» И лишь в конце осторожно, чтобы не волновать мать, написал: «Желаю вам благополучно дожидаться отца и меня...»

Только через много лет Татьяна Тарасовна узнала, что эти весточки Саша посылал с Малой земли под Новороссийском, где 225 дней и ночей на небольшом пятачке суши шел смертельный бой наших солдат-героев с фашистами. Здесь Саша Дегтярев получил первую воинскую награду — медаль «За боевые заслуги».

О том, как сражался Александр Дегтярев на Малой земле, вспоминают ветераны 18-й армии. Они пишут:

«В рядах десантников был и молодой разведчик Александр Дегтярев. За полтора года пребывания в полку он заметно подрос, приобрел фронтовой опыт. Не помним, чтобы на Малой земле ему не поручили какого-либо дела из-за несовершеннолетия. Будучи разведчиком-наблюдателем, юный воин умело обнаруживал огневые средства противника. Четко фиксировал их на карте. Служба эта была связана с риском. Фашистские снайперы постоянно держали на прицеле все подразделения передовой. Чтобы выполнить задание и не обнаружить себя, необходимы были внимательность, осторожность, сообразительность.

Враг стремился во что бы то ни стало сбросить нас в море. Начиная с 20 апреля, он в течение недели день и ночь сыпал на нас бомбы и снаряды.

Но и при этих условиях наблюдатели продолжали работу. Наша артиллерия, используя их сведения, прицельным огнем заставляла замолчать десятки немецких орудий.

Во время налета «юнкерсов» Александра контузило. Эвакуироваться с Малой земли он отказался.

Счастливые минуты наступления... И снова плечом к плечу со взрослыми шел в бой пятнадцатилетний донбассовец...¹

...Солдатские письма мальчика. Желтые, белые, синие треугольники заботливо хранятся в целлофановом пакете. Время беспощадно стирает буквы и слова, выведенные карандашом,

¹ Дем'яненко В. Сини полків. К. : Молодь, 1978, с. 59—60.

но это не пугает мать. Каждое письмо она помнит уже наизусть. Скупые, порой по-детски наивные строчки, как много говорят они и сегодня, через десятки лет, как раскрывают характер и любящую душу сына.

«Мама, простите меня, что я так долго не писал. Сейчас некогда даже спать, все идем и идем, день и ночь. Я сейчас от вас далеко. Уже около Румынии. Мама, попросите Лиду показать Вам Карпатские горы по географии. Она Вам покажет, где я.

Никогда не думал, что буду от вас так далеко. Но ничего, вот закончится война — обязательно приеду. Только, конечно, если живыми будем».

Если живыми будем... Фронтовой почтальон еще носил в своей сумке солдатский треугольник с этими словами, а Саша с группой разведчиков направился в тыл врага. Ночь стояла по-мартовски сырая и промозглая. На ничейной полосе долго сидели в глубокой бомбовой воронке. Рядом с Сашей — земляк из Перевальска капитан Родионов. Он сегодня сердитый — полчаса назад отчитал своего сына, который хотел идти с ним в разведку:

— Довоевался! С личным составом детского сада в тыл врага пойду!.. Отставить слезы!.. Дорастешь до Сашиных лет и с его повоюешь — тогда в разведку возьму.

Гена, зареванный, остался в блиндаже. Саше было немного жаль друга, но дисциплина есть дисциплина, без нее хорошо воевать не научишься.

Кивком головы капитан Родионов позвал бойцов за собой. Подползли к проволочному заграждению. Их было пятеро. Через секунду Родионова не стало.

«Мама, Вы спрашиваете о Родионове. Он убит. Я был с ним. Перед нашим наступлением мы пошли ночью в разведку. Нас лежало пять человек. Через одного от капитана лежал я. И он только сказал: «Давай, вперед!», и сразу его... даже не крикнул. Мы вытащили его из-под обстрела и похоронили.... Жаль такого человека. На... на то и война. Сейчас его сынок едет домой, он должен зайти к Вам, мама. С тем до свидания. Идем на запад».

В нескольких письмах совсем взрослые строчки: «Сейчас идем вперед. Уже в Польше». «Новостей много. Освобождаем деревни от фрица. Что он творит!.. Людей мирных убивает». И снова: «Новостей много. Гоним фрица в его собственное логово». «Скоро приедем с победой домой», — пишет он в апреле 1944 года.

А рядом — нетронутая, нежная детская душа. «Лидка, — обращается он к сестричке, — узнай точно адрес учителей. Хочется написать им. Так соскучился по школе — ночами снится». Зная, что в их семье все обладают отличным музыкальным слухом, просит мать: «Пусть Лидка и Сережка обязательно учатся играть на баяне, когда приеду — втроем сыграем».

В канун 1945 года шлет свои поздравления с Новым годом. Пишет скупой, сдержанный, по-солдатски. И вдруг, когда письмо

уже готово, в уголке рисует цветочек — подарок родным к празднику, который они всегда так весело отмечали.

Это письмо Саша Дегтярев писал, когда его родная 129-я гвардейская стрелковая дивизия, совершив марш-маневр, преодолела Русский перевал и вышла в Восточные Карпаты. Плечом к плечу с советскими частями боролись чехословацкие войска. Близка была победа. Воспитанник дивизии Саша Дегтярев все чаще и чаще вспоминал о доме, разлука с которым продолжалась уже четвертый год.

Однако в самый светлый и в самый памятный день, когда Саша услышал столько поздравлений и пожеланий долгих лет жизни, его не стало...

Позднее, когда красные следопыты средней школы № 10 города Зоринска разыскивали материалы о Саше, бывший начальник штаба дивизии, в которой воевал юный герой, генерал-лейтенант Алексей Павлович Рудаков написал детям:

«В годы Великой Отечественной войны воспитанником 129-й гвардейской Житомирской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии служил Саша Дегтярев, который, несмотря на свои юные годы, отважно боролся с немецко-фашистскими захватчиками и вместе с гвардейцами дивизии прошел славный боевой путь от Кавказа до Карпат.

За проявленный героизм Саша Дегтярев награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа». С целью увековечения памяти о храбром юном воине возбуждаю ходатайство о присвоении средней школе № 10 города Зоринска Ворошиловградской области имени Саши Дегтярева».

С таким же ходатайством обратились в Совет Министров УССР другие однополчане Саши, местные партийные и советские органы.

И вот в школу пришла радостная весть: 6 января 1971 года Совет Министров УССР присвоил Зоринской средней школе № 10 имя Саши Дегтярева.

Б. ЧУМАК, В. МАЛАХОВ

ПОКА СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ

ВРАГИ ПРИШЛИ

Вдруг над городом Старый Крым Крымской области воцарилась тишина, необычная и тревожная. Калитки, двери, окна — все было закрыто. Казалось, и дома замерли, напряженно вслушиваясь в то, что происходит на улице. В город входили враги.

Сквозь щели ставень почти не проникал утренний свет. Марина Григорьевна Стоянова едва различала в сумерках лица детей. У окна стоял Юра, рядом — Митя, а чуть поодаль старшие — Липа, Толя, Лена. Что теперь будет с ними? Какая судьба ждет каждого из ее пятерых детей?

Юра Стоянов

Молчание нарушил Юра. Он пошел к матери, обнял ее и тихо молвил:

— Мапочка, ведь не только мы тут остались. И потом... потом... — Он обдал горячим дыханием ухо матери. — Мы будем бороться против них!

Лишь в этот момент Марина Григорьевна заметила на груди сына красный галстук.

— Да ты что! Ведь немцы могут сейчас ворваться... И у Мити галстук. Ну-ка, снимайте немедленно и спрячьте! Бороться? Не галстуками ли воевать собираетесь?

Тринадцатилетний Митя, ухватившись за галстук обеими руками, решительно заявил:

— Не сниму! Я им не покорюсь.

Марина Григорьевна улыбнулась и сказала спокойнее:

— Глупенький. Разве так чего-нибудь добьешься? Для борьбы против фашистов в их тылу остаются многие. Так что же, по-твоему, они сейчас выйдут на улицу и станут кричать: «Я коммунист, я комсомолец!». Разве это называется бороться? Послушай, Толя, где твой комсомольский билет? — обратилась она к старшему из сыновей. — Надо зашить его в потайной карман куртки.

Смущенные Юра и Митя сняли галстуки и, положив их в жестянку, закопали поглубже...

На другой день Юра проснулся очень рано. На цыпочках прошел в соседнюю комнату, открыл окно и выпрыгнул в сад. Пробираясь по задворкам, находя в заборах лазейки, о существовании которых хозяева и не подозревали, Юра, наконец, оказался на центральной улице. И первое, что бросилось ему в глаза, была доска, пестревшая приказами военного коменданта. В них говорилось о новой культуре, которую принесла немецкая армия населению Крыма, о новом порядке и необходимости подчиняться этому порядку. Несколько приказов Юра сорвал и положил в карман.

Мальчик хорошо знал свой город Старый Крым, все улицы и переулки. Теперь он слонялся здесь и, сам не зная зачем, подсчитывал количество танков и орудий, изучал знаки различия немецких войск.

Наступил комендантский час. Улицы быстро опустели. Чтобы избежать встречи с патрулем, Юра свернул на Северную, но и тут едва не столкнулся с гитлеровским офицером, возившимся около легковой машины. Мальчик притаился за дощатым забором. Покопавшись в моторе, офицер сел в каби-

Толя Стоянов

Митя Стоянов

ну, снял фуражку, расстегнул ремень с тяжелой кобурой и нажал на стартер. Машина молчала. Он выругался и побежал к дому.

Юра не мог отвести взгляда от кобуры с пистолетом. Сердце у него колотилось. Лязгнула задвижка — значит, немец вошел в дом. Раздвинуть доски и подскочить к машине было делом одной минуты. Быстренько вытащил парабеллум, застегнул кобуру и накрыл ее фуражкой.

Вернулся Юра лишь поздним вечером. Дома уже тревожились: ходить по городу разрешалось только до семнадцати часов.

— Подумаешь, еще указывают, до которого часа ходить... Хозяева города — мы! — ответил Юра на упреки сестер.

Потом прижался к матери, ласково прошептал:

— Не надо волноваться...

Утром опять, никого не предупредив, отправился куда-то. Два дня бродил по лесу, разыскивая партизан, и встретил своего школьного учителя.

— Никита Игнатьевич?

— Юра!

— Вы ведь уехали на Большую землю!

— Большая земля приказала оставаться здесь!..

Никто не узнал о том, где был Юра. Дома отшутился: дескать, ездил в Москву на Октябрьский парад. И вытащил из кармана две пачки концентратов. А матери тайком показал партизанскую листовку. Та и расспрашивать ни о чем не стала. Все поняла.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Юрин школьный товарищ Ваня Пышный, веселый и бесшабашный парнишка, мечтавший насолить немцам и сбежать в Севастополь, помог ему устроиться чернорабочим на молокозавод. Самым важным для Юры было то, что он получил ночной пропуск. С вечера он пробирался в лес, а утром партизанские листовки на стенах магазинов, парикмахерских, чайных сообщали о положении на фронтах.

Ваня, увидев листовки, пришел в такой восторг, что Юра все-таки решился посвятить его в тайну. Тогда Ваня повел товарища в сарай и показал припрятанные за углем пять гранат, кинжал и противотанковую мину.

Через день партизанские листовки появились на зданиях комендатуры и полиции. Теперь друзья решили привлечь к этому делу и других ребят; Юра — своих братьев Митю и Толю, Ваня — школьных товарищей Мишу Кустенко, Тему Шеренца и Гришу Погукаю. Тема Шеренц раздобыл бланки пропусков и образец подписи коменданта с круглой печатью. Для партизан это оказалось настоящим кладом.

Гитлеровцам удалось обнаружить главную партизанскую продовольственную базу и ликвидировать ее. Это нанесло партизанам ощутимый урон, к тому же им не хватало медикаментов. Ребята пытались найти способ помочь партизанам. А тут как раз комендатура стала набирать молодежь на лесозаготовки. Этим воспользовались Юра и Ваня. Подручными взяли Митю, Толю, Тему и Мишу. Отправляясь в лес, захватили с собой хлеб, овощи, фрукты, кукурузу, разные лекарства. Все это запрятали на подводе, под фуражным сеном...

Тем временем фашисты прочесывали лес. В Старом Крыму слышны были взрывы мин, автоматные очереди. Над лесом кружились вражеские самолеты, сбрасывая бомбы. Через неделю гитлеровцы объявили о полном уничтожении всех партизан в старокрымских лесах. Юра не поверил в это и трижды выходил на связь, но возвращался ни с чем. Напрасно ждал у заветного дуба встречи со своим любимым учителем Никитой Игнатьевичем Холодом.

— Вот что, — сказал Юра, — мы не можем сидеть сложа руки. Некоторый опыт у нас есть. Надо подыскать надежных ребят. Будем бороться, как учил нас Никита Игнатьевич.

— Дело говоришь! — обрадовался Ваня. — Сегодня я был у Павки Косенко. Он вместе с Борисом Периоти уже раздобыл где-то оружие. А главное, у них есть старый приемник. Можно починить и ловить Москву, а потом печатать листовки и сообщать людям новости. И еще надо привлечь Олега Сандрова, Леню Забоева с Ленинской улицы и их соседей — Игоря Соловьева и Юру Коптева. Хорошие ребята. Я их лично знаю.

Группа Сандрова, действуя самостоятельно, давно уже пе-

чатала на машинке листовки и распространяла их. Мальчики изучали оружие.

Теперь отдельные группы юных патриотов объединились. Отремонтировав радиоприемник, каждый день слушали сводки Совинформбюро. Туся Давыдова, бойкая черноглазая девочка, размножала информацию на пишущей машинке. По двести штук за день успевали напечатать ее ловкие пальцы. Борис Периоти и Павка Косенко разносили эти листовки по селам района.

Все более крепло подполье юных борцов. Саша Таболкин, Гена Субботин, Лева Русак, Петр Леско, Костя Никифоров, Ольга Уварова, Сергей Талдыкин, Вилия Ливанский... Список подпольщиков увеличивался. Мальчики уже стали толковать о том, что пора от печатания листовок перейти к боевым действиям: повреждать телеграфные провода, устраивать засады. Павка Косенко предложил напасть на тюрьму и освободить коммунистов.

— Все это хорошо,— говорил Юра.— Но оружия-то у нас нет. Что можем мы сделать с десятью обрезам и десятью патронами к ним? В первую очередь необходимо оружие!

Через несколько дней Леня Забоев принес радостную весть: в лесу на стоянке армейского обоза остались две винтовки, ящик патронов и ящик гранат. Позднее ребятам удалось проникнуть в склад трофейного оружия и вынести оттуда десять винтовок и два ящика патронов. Все оружие переправили в надежное место. Там же хранились сухари, овощи, сухофрукты, мешок кукурузы.

И вдруг... Ребятам стало известно, что фашисты готовят облавы по городу — забирают молодежь в Германию. Надо было немедленно скрыться. Ночью они покинули родной город. Группами и порознь шли в лес, надеясь напасть на след партизан. Их надежды оправдались: слухи об уничтожении партизан действительно оказались лживой болтовней.

Командование Восточного соединения крымских партизан сформировало из новоприбывших Пятый комсомольско-молодежный отряд. Командиром был назначен отважный партизан, комсомолец Алексей Вахтин. Юра Стоянов возглавил группу юных разведчиков.

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ

Юрий Стоянов доложил командиру отряда, что есть возможность взорвать три моста на шоссе Симферополь — Феодосия. На следующий день молодежный отряд подошел к селу Шахмудза (ныне Калиновка). Мост охраняла румынская пулеметная группа. Захватить пулемет вызвались двое из румын, ставших советскими партизанами. Переговариваясь с часовыми, они чуть ли не вплотную приблизились

к пулемету и бросили в окоп гранату. Отряд открыл огонь. Вскоре три моста взлетели на воздух.

Партизаны закрепились на этом участке, прервали телеграфную связь и уничтожили несколько машин с горючим. Для комсомольско-молодежного отряда это был первый экзамен, и ребята выдержали его с честью.

Спустя некоторое время старокрымские партизаны окружили село Бакотаж, где базировались каратели. Юные разведчики Пятого молодежного разделились на две группы, ночью подползли к селу и подорвали дзоты. Захлебываясь, откуда-то застрочил фашистский пулемет, но было уже поздно: со всех сторон к центру села бежали партизаны. Перепуганные немцы в одном белье выскакивали на улицу, где их настигали пули народных мстителей.

Возле школы Митя Стоянов услышал ритмичное попискивание. Тут размещалась штабная радиостанция. Швырнув в окна несколько гранат, партизаны захватили здание. В длинном коридоре метались ошарашенные штабные офицеры. Юра Стоянов, Ваня Пышный и Павлик Косенко, вскочив на пылающий подоконник, стреляли в них из револьверов.

Каратели, охваченные паникой, удирали в поле и тут подрывались на собственных минах, предназначенных для партизан. Уцелевшие бросились к реке Чурук-Су, но там их встретили пулеметным огнем Сандров и Сидоренко. Через час в Бакотаже не осталось ни одного фашиста. Карательный отряд, готовившийся выступить против партизан, больше не существовал.

Подобная операция была проведена и в селе Изюмовка. Пятый молодежный и здесь воевал в первых рядах. Взорвал передвижную автостанцию и цистерну с горючим.

...В середине января 1944 года выпал обильный снег. Дул ветер. С трудом пробираясь меж сугробов, Юра в белом маскхалате снова шел в разведку в родной город. Под старым тополем увидел мать.

— Нельзя тебе, сынок, домой. Четвертый день там караулит шпик. В город понаехало множество военных. Хвастают, что партизанам «капут».

— А пока что партизаны всюду им «капут» делают, — сказал Юра и добавил: — Завтра меня в комсомол принимать будут.

Марина Григорьевна нежно погладила его по руке.

— Ладно, мама, домой не зайду. Поцелуй за меня сестер. В следующий раз на связь придут Митя и Гена Субботин. Отчитай Митю хорошенько — чересчур смелый!

Простившись с матерью, Юра побывал на нескольких явочных квартирах и, когда рассвело, вернулся в лес.

Утром 22 января ветер утих. Засияло солнце. Молодежный отряд нес боевую охрану на горе Бурус. Недавно в лесу про-

шли жестокие бои. Фашисты повторили «генеральное прочесывание». Против партизан были брошены танки, бронемашин, и им едва удалось вырваться из огненного окружения. Командование решило вывести отряды из старокрымских лесов в Государственный заповедник, где они должны были примкнуть к Северному соединению. Но гитлеровцы преградили дорогу народным мстителям.

Теперь в низине за горой Бурус сосредоточилось почти все Восточное соединение крымских партизан.

...Юра пристально вглядывался в голубое небо. Вспоминались строки стихотворения «Пока сердце бьется...», написанного им еще в школе. Это было перед войной. Тогда Юра мечтал о подвигах. Он хотел стать пилотом, летать, как птица, и даже лучше. И, пока бьется сердце, служить народу. Как-то по-новому прозвучали теперь эти стихи:

Я верю, враг кровью своей захлебнется,
Могилу найдет здесь себе.
Клянусь: пока сердце в груди моей бьется,
Отчизна, я верен тебе!

В белых масках ползли по горе каратели. Юра подал сигнал. Ударил первая пулеметная очередь. Молодежный отряд решил стоять насмерть. Ведь позади, в долине, — все партизанское соединение.

Уже пятая фашистская атака захлебнулась. Погибли Миша Кустенко, Лева Русак, Гриша Погукай, Виля Ливанский. Тяжело раненный, обливающийся кровью, Олег Сандров не выпускал пулемета из рук. К вечеру, бросив все силы на штурм Буруса, гитлеровцы предприняли шестую массированную атаку.

Юра положил перед собой гранату. Меж кустарников появилась цепь серо-зеленых мундиров. Ближе, ближе... Хрустят ветви под коваными сапогами. Кажется, что слышно даже, как напряженно дышит враг, — лишь двадцать метров отделяют Юру от фашистской цепи.

— Сдавайся, рус! Рус, хенде хох! — кричат гитлеровцы.
— А-а, гады!

Одну за другой швыряет Юра гранаты, а потом, схватив автомат, поливает фашистов огнем. Рядом так же ожесточенно стреляют боевые друзья и брат Толик.

Правый фланг уже двинулся врукопашную. Юра присел, чтобы перезарядить диск. И внезапно что-то обожгло лоб. Фуражка с красной партизанской ленточкой слетела с головы и покатилась. Так и застыл он с широко открытыми глазами. Это было 22 января 1944 года.

Ночью под горой Бурус хоронили партизаны погибших друзей. Сама гора стала величественным памятником смельчакам Пятого отряда.

ИХ НЕ СЛОМИТЬ!

Уже вечерело, и Митя торопливо укладывал в вещевой мешок белье, сухари, медикаменты.

— Будь осторожен, сынок, с запиской, — предостерегала Марина Григорьевна. В записке были фамилии и адреса.

— Не бойся, мама, ежели что, я проглочу ее.

Едва Митя приблизился к двери, она неожиданно распахнулась и в комнату вскочили гестаповцы. Записку он проглотил. Гестаповцы кинулись к мальчику, обыскали. Вытащили браунинг.

— Один гаденыш попался! — заорал в лицо матери фашист. — Говори, где другие!

— Не знаю, наверное, в Германию отправили.

— Врешь! — гаркнул офицер и ударил Марину Григорьевну по лицу.

Фашисты выволокли Митю на улицу, втолкнули в машину. Там уже лежал связанный Гена Субботин. В тот же день арестовали Ольгу Уварову и Сергея Талдыкина, которые были ненадолго оставлены в Старом Крыму как связные. Толю Стоянова схватили через несколько дней — он пришел в город на разведку.

Допрашивали партизан ночью. Пытали зверски, но не добились ничего. После очередного допроса Гену вывели во двор гестапо и расстреляли. Братьев Стояновых пытали двадцать суток, а когда начальник Старокрымского гестапо обер-лейтенант Клямт понял, что пытками их не сломить, он стал трясти перед ними объемистой пачкой денег.

— Зачем спешить на тот свет? Верите деньги — и вы поймете, что есть настоящая жизнь на этот свет.

Толик сжал кулаки:

— Вот вы заковали меня и хотите заковать всех советских людей. Вы объявили в газетах, якобы «лес свободен от красных бандитов». Значит, мы мертвы. Зачем же нас тогда подкупать? Выходит, вы боитесь и мертвых партизан. Бойтесь! Смерть ходит следом за вами! А мы не умрем... потому что победим.

Клямт подскочил, ударил Толю по лицу.

Митя прислонился к брату спиной, крикнул:

— Мы не продаем Родину и ничего не скажем тебе, фашист! Клямт выхватил пистолет, но тут же положил его на стол.

— Родина? Вы сказали родина... Нет, родина не здесь. Ваш родина есть Болгария. Ви есть болгарин, ферштейн? Это есть гроссен надувать. Большой обман. Ви защищал чужой родина, русский большевик. Мне вас жаль... Зачем умирать за большевик? За Россия? Надо ехать вам свой родина, любить свой прекрасный Болгария. Если ви будет отвечать, ми даем деньги, посылаем на Болгария...

Сознание Толи временами мутилось от невыносимой боли. Слова гестаповца доносились откуда-то издали, голос то совсем пропадал, то гудел, как набат: Болгария, Болгария, Болгария...

Чего еще хочет этот немец? Да, он говорит об их национальности. Усилием воли Толя сбросил с себя оцепенение. Офицер смотрел на него выжидающе, и мальчик сказал:

— Да, мы, Стояновы,— болгары. Но что из этого? Наша Родина — Советский Союз. Мы советские, красные. Мы тоже большевики. Стояновы — комсомольцы и пионеры — все большевики, все дети Советской страны!..

Стояновых увели и бросили в сырую темную камеру. Но через день стали допрашивать с новым усердием и пытали еще более жестоко. Не было на них уже живого места, но в измученных, истерзанных телах все так же жил сильный дух, и палачи не в силах были сломить его.

1 марта 1944 года, в первый день весны, фашисты вывели братьев на расстрел. А через две недели Старый Крым был освобожден. Первыми в город вошли партизаны Пятого комсомольско-молодежного отряда.

Свято чтят память павших героев — своих земляков — старокрымчане. Там, где юные партизаны вели последний бой, раскинулся чудесный парк. В центре его, в тени крымских акаций и могучих платанов — могилы погибших. В честь их подвига здесь воздвигнут обелиск.

Лучшие улицы города носят имена братьев Стояновых, Павла Косенко, Сергея Талдыкина. Имя Стояновых присвоено школе, где они учились, более ста пионерским дружинам страны, пионерским лагерям. Они занесены навечно в книгу Почета ЦК ВЛКСМ. А на Черном море плавает построенный на судоверфях Германской Демократической Республики трансатлантический рыбопромысловый траулер «Братья Стояновы». Память о героях бессмертна.

И. МЕЛЬНИКОВ

МАЛЕНЬКИЙ ТАНКИСТ

В кабине грузовика шофер и мальчик — отец и сын. Оба с буйными русыми шевелюрами, полногубые, лобастые. И у Петра Александровича Жигайлова, и у двенадцатилетнего Васи — карие, живые глаза. В кузове под зеленым брезентом — снаряды. Вася знает, что произойдет, если в эти «огурцы» попадет фашистская бомба...

В смотровое стекло мальчик видит дорогу: то ровную, то горбатую — с кочками и ямками. На трясучей дороге, как окрестил ее Вася, лоб отца покрывается морщинами, глаза прищуриваются, губы плотно сжимаются. Когда же трясучка остается позади, лоб Петра Александровича разглаживается, он

косит взглядом в сторону сынишки и, улыбаясь, говорит: «Пронесло!»

Тогда и Вася облегченно вздыхает, начинает смотреть по сторонам. Степь и степь... Поля спелой пшеницы, золотистых подсолнухов, кукурузы... В голубом небе, распластав могучие крылья, кружится орел. Дорога длинная-преддлинная. Васе надо сидеть в душной кабине.

Разморенный, он прислоняется к отцу и незаметно засыпает. Петр Александрович, стараясь не разбудить сынишку, осторожно ведет машину, думает о том, куда бы его пристроить...

Уезжая в служебную командировку в село Садовое Сталинградской области, он взял Васю с собой. Там строили машинно-тракторную станцию. А с первых дней войны Жигайлова и других шоферов мобилизовали и направили в танковую бригаду. По прибытии на новое место Петр Александрович направился к комбригу, полковнику Урбану:

— Разрешите обратиться, товарищ комбриг? — правая рука Жигайлова взметнулась к виску.

— Говори!

— Я с двенадцатилетним сынишкой, Василием Жигайловым. Позвольте оставить его при себе.

Черные брови Урбана зашевелились, сошлись у переносицы.

— Ты в своем уме? — прогремел комбриг. — Будут же бои! В детский дом отправим сына. Никаких...

Договорить он не успел. В комнату вихрем влетел Вася:

— Товарищ комбриг! Дяденька! Оставьте меня с отцом. А отправите силком, все равно сбегу. И буду искать вас по всем дорогам! — Глаза мальчишки с мольбой смотрели на комбрига.

Лицо Урбана подобрело.

— Так и быть, временно оставим тебя, Василий Жигайлов. Но только временно, понял?

Комбриг вызвал дежурного и приказал поставить на довольствие Василия Жигайлова.

Танковая бригада, которой командовал полковник Урбан, стояла в степях Калмыкии. На исходе был сорок второй год. Конец декабря.

Дождались танкисты Урбана приказа о наступлении. Повели свои боевые машины на село Яшкуль. Метельным, вьюжным вечером немцы праздновали рождество. В Яшкуль советские танкисты вошли без единого выстрела. Фашисты в панике бежали. Освободив село Вознесеновку, танки двинулись на Элисту. Василий Жигайлов — в танке отца. К этому времени он сдал экзамены на стрелка-радииста.

Мчались на Элисту, и Васей овладела неумная радость: он, ученик Элистинской средней школы № 1, барабанщик пионерского отряда, будет освобождать от фашистской нечисти свой город, свою родную школу...

В двенадцать часов ночи танкисты Урбана ворвались в Элис-

ту. У Дома Советов стояли покрытые брезентом три грузовые машины — фашисты жгли и подрывали город. Опоздай на час советские танкисты, — и это здание также взлетело бы в воздух.

Первого января 1943 года Элиста была освобождена от оккупантов. Город ликовал.

— Пап, можно я в свою школу сбегаю? — попросил Василек.

— Беги, только не задерживайся, — разрешил Петр Жигайлов.

В форме танкиста, в шлеме, то и дело сползавшем ему на лоб, Вася Жигайлов бежал по знакомым заснеженным улицам к своей школе. Три года учился здесь мальчик. Еще издали он увидел ее развалины...

Из Элисты советские танкисты пошли на совхоз «Гигант». Перед совхозом встретились с танками противника. В смотровую щель Вася видел, как сокращалось расстояние. Близо, совсем уже рядом... Вася от страха даже глаза прикрыл. На секунду. Ура! Вражеский танк стал поворачивать назад! И тогда по команде отца Вася нажал гашетку. Бронебойный снаряд угодил в танк противника, по броне поползли огненные языки, в небо потянулись черные клубы дыма.

Много в том бою было подбито фашистских танков. Много погибло и наших танкистов. После боя вместе со взрослыми отдавал Вася прощальный салют героям.

Пошли на Батайск. Там снова схватка не на жизнь, а на смерть. Батайск освободили, бригаде дали кратковременный отдых... Через трое суток танкисты вновь были на марше. Дошли до реки Миус. Двигались по равнине. Пересекли небольшую речку, преодолели подъем и опять вышли на голую равнину. И здесь снова в лоб столкнулись с вражескими танками. Завязался жестокий бой. Он был последним для Петра Александровича Жигайлова. В танк попал снаряд. Боевая машина загорелась.

— Экипаж, из танка! — крикнул Петр Жигайлов.

Механик-водитель и башенный стрелок выбрались через аварийный люк. Вася задержался: он вытаскивал из гнезда пулемет. Схватил пять дисков. Танк наполнился дымом. Скорее! Скорее! Ведь танк — это все равно, что пороховой погреб: в гнездах стоят смертоносные снаряды.

Наконец Василий прыгнул с брони.

— Немедленно отходить! — скомандовал Петр Жигайлов.

Отец и сын Жигайловы прикрывали отход экипажа. Танкисты переползли через грейдер, добрались до проселочной дороги и скрылись в небольшом лесочке. Петр Жигайлов, поставив пулемет на сошки, начал косить наступавших фашистов. Вася прижался к боку отца.

— Вася, в танке осталась моя планшетка. Там документы. Лезь, только мигом.

Василий схватил планшетку, метнулся к люку. А пожар уже перешел в башенную часть. На Васе загорелся сапог. Когда мальчик высунулся из люка, его ранило осколком в голову. Истекающий кровью, лежал он на броне горящего танка.

Обеспокоенный долгим отсутствием Васи, Петр Александрович поднял голову и увидел сына. Бросив пулемет, он схватил его, стащил на землю, снял с ноги горевший сапог. Но на мальчишке загорелись и брюки, а у Петра Александровича уже не было времени, чтобы оказать ему помощь. Танкист стал отстреливаться от фашистов. Рядом с Петром Жигайловым разорвалась мина. Вася увидел, как отец свалился на землю.

— Папа! Не умирай!

Последнее, что видел Жигайлов-старший, — глаза сына, полные слез.

Мальчик метнулся к пулемету, залег и начал стрелять. На помощь пришел экипаж танка. Петра Жигайлова положили на плащ-палатку и оттянули в лесок. Вася все еще лежал за пулеметом, прикрывая отход товарищей. Оглянулся: танкисты вместе с отцом уже скрылись за деревьями. Тогда, пригибаясь, он побежал догонять своих.

Отец неподвижно лежал на плащ-палатке. Вася опустился на колени, приник ухом к сердцу отца — оно уже не билось... Наскоро вырыли могилу под раскидистым деревом у села Лысогорки. Долго и безутешно плакал над ней мальчик.

Танкистов ждали новые бои... Двадцать третьего августа штурмовали Таганрог. Тридцатого взяли город. А третьего сентября Василия Жигайлова направили в штаб бригады, от туда — в Ставрополь, в суворовское училище. Мальчишки-суворовцы с восторгом смотрели на юного фронтовика с гвардейским значком на груди. Чтобы не отставать от своих одноклассников, Василию приходилось ночами сидеть над учебниками.

И вдруг страшная катастрофа. В сорок седьмом он ослеп. Сказалось незначительное, на первый взгляд, ранение в голову. В Ростове мальчику сделали операцию правого глаза, и зрение частично возвратилось, но с училищем пришлось расстаться. Приехал в село Дивное, где он родился. Здесь началась его новая, трудовая жизнь.

Л. ХАРЧЕНКО

ЛЕРА-АРТИЛЛЕРИСТ

Пять «юнкерсов» и три «мессершмитта» летели на юг, содрогая гулом приземистые хаты поселка Алтухова.

— Ложись, Лера! Ложись! — сбегаая с пригорка, закричала подруга Зоя.

Она повалила Леру наземь и прижала ее к пеньку. Лера вернулась и, притопнув каблуками стареньких ботинок, закричала:

— А вот и не боюсь тебя, проклятый фашист, не боюсь! Чтоб тебе не долететь!.. Чтоб тебе... носом в болото, в болото!..

— Это они на Киев!

Киев от Алтухово находился в четырехстах километрах, и Лера никогда там не бывала. Но с первых дней войны она часто слышала по радио, что фашисты бомбят Киев.

Именно туда, на защиту украинской столицы, в первые дни войны ушли на фронт все пять ее старших братьев и сестра Аня. Только вчера от Ани она получила письмо, сестра сообщала, что работает хирургом в полевом госпитале вблизи Киева.

Как же не хотелось ей, чтобы эти самолеты долетели до Киева!

Подруги побежали к железнодорожной станции. Молоденький лейтенант, сжимая в руке зеленую фуражку и жестикулируя ею, заканчивал свое выступление:

— ...Фронту нужна ваша помощь, товарищи! Без этих окопов Красной Армии трудно будет сдержать натиск врага. Хороший окоп — крепость солдата.

С вашей помощью мы построим солдатам эти крепости. Всех записавшихся прошу собраться через час на этой площади, и мы выедем в район Киева на строительство оборонительных линий...

Девочки протиснулись к крыльцу вокзала и оказались у столика, где складывал свои бумаги лейтенант.

— Подождите! — придержала ладошкой одну бумагу Лера. — Меня тоже запишите, фамилия моя — Соколова.

— А сколько Соколовой будет лет в следующем году? — шутя спросил лейтенант, осматривая стройную фигурку девочки.

— Причем тут годы? Я же не на фронт, а строить крепость солдатам. Так что копать землю умею. Огород вон какой перекопала.

— Она ведь только семиклассница, — вмешалась в разговор Зоя.

— Чего ты лезешь? — сердито сказала Лера. — Не слушайте вы ее.

— Ну, ну, перестаньте ругаться, — вмешался в спор лейтенант. И, обращаясь только к Лере, сказал: — Вот что, Соколова, спроси у мамы разрешения, и если она отпустит, тогда и приходи сюда.

Лера Соколова

Лера бежала домой без оглядки и прямо с порога выпалила: «Пусти, мама!»

Тяжелый разговор вышел. Мама плакала: «Шестеро ушло уже против немца, и ты туда же!» Осунувшаяся, с заостренными чертами лица, посевшая за этот месяц войны, мать ходила по комнате, повторяя: «Не пушу!», а сама... торопливо собирала узелок с продуктами. Она ведь знала — не удержать дочь дома. Да и обойдет ли их дом беда, где из шести детей, ушедших на фронт, — четыре коммуниста и два комсомольца. И Лера туда же... «Что ждет здесь Леру, если фашисты войдут в Алтухово?.. А в Киеве — Аня. Она сумеет позаботиться о Лере. Пристроит при госпитале санитаром или еще кем-либо»... Так думала старая женщина, мать шести солдат Татьяна Васильевна Соколова, собирая дочь в дальнюю дорогу, не ведая о том, что провожает на фронт седьмого бойца.

...Окоп Лера рыла старательно, подчищала каждую стенку, чтобы был он подлинной крепостью для солдата. Только один раз, оторвавшись от работы, посмотрела на голубую ленту Днепра. До чего же красиво!

Внезапно Лера упала на дно своего окопа. Бомбы рвались у самого бруствера, осыпая землей, щебенкой и какими-то горелыми кореньями. А когда утих грохот взрывавшихся бомб, девочка посмотрела на поле и увидела цепи фашистов. «Значит... Значит, они уже обошли наших! — молнией пронеслась мысль, от которой перехватило дыхание. — Что же теперь? Куда, в какую сторону бежать?»

Она переползла в соседний окоп к Ане Кузнецовой — десятикласснице из Воронежа.

— Что будем делать, Аня? — спросила Лера так тихо, что собственного голоса не услышала. — Может, туда, в кукурузу? — показала на зеленое поле Лера. — В той стороне Киев.

— Давай, только тихо, — согласилась Аня.

...Обессиленные, они свалились в какой-то окоп и неожиданно оказались в нескольких шагах от орудия. Солдаты, со звездочками на пилотках, разворачивали пушку в сторону Днепра.

— Наши! — прошептала Лера.

— А вот и подкрепление, командир! — сказал стройный, смуглолицый артиллерист, указывая на девочек.

— Нам нужны санитары. Перевязывать умеете, девчата? — сказал он, не спрашивая, кто они и откуда.

— Умеем, конечно, умеем. В школе в сандружине были, — ответила за двоих Лера. — Только дайте сперва попить, немножко хотя бы.

Со всех сторон потянулись к девочкам баклажки с водой. Пили они жадно, большими глотками, такой уж вкусной оказалась днепровская вода.

...В санитарах Лера была всего два часа. При очередном

налете «мессершмиттов» убило связиста, и девочка заменила его: стала у телефона и передавала орудийному расчету приказы комбата. Через день ей снова пришлось сменить военную специальность — погиб заряжающий. Наводчик стал у замка орудия, а Лера приказали быть наводчиком.

— А сумею я? — растерянно спросила девочка и села на место наводчика.

— Смотреть надо в окуляр, вот в этот одноглазый бинокль, а руку все время держи на рукоятке наводки,— ворчливо пояснял сержант Иван Хворостян, явно недовольный тем, что наводчиком будет девочка.— Главное, чтобы на перекрестке нитей находилась фашистская сволочь. Понятно?

Лера молча кивнула головой и старательно ловила цель на перекрестке нитей окуляра.

Через некоторое время полк, в котором воевала Лера, попал в окружение. Вместе с артиллеристами, пока еще не зачисленная ни в одно подразделение, еще в своей домашней одежде, пробивалась девочка тылами врага к своим.

Из окружения вышли в районе Смоленска и сразу же вступили в бой. Именно здесь, вблизи Смоленска, Лера стала полноправным солдатом, боевым номером артиллерийского расчета отдельного арtpолка 16-й армии. Здесь получила новенькую армейскую форму. Сюда, после долгих поисков полевой почты, номер которой успела сообщить Лера сестре,— пришло первое письмо от Ани.

«На самолете меня вызвали к партизанам,— писала сестра.— И там, радость-то какая! — я увидела маму. Огорчило другое: как мать сыновей-коммунистов ее гитлеровцы избили и отправили в концлагерь Майданек. Но партизаны напали на поезд и освободили узников... Измученная, но живая и гордая, стояла передо мной наша мама...»

Лера несколько раз перечитала эти строки, тайком вытирая слезы. «Это они за тебя, мама, и за меня!..» Раздался сигнал тревоги, и Лера, спрятав письмо, поспешила к орудью.

— Батарея... к бою! — услышала она команду сержанта Хворостяна.— Бронебойным... заряжай!

Никогда так тщательно не ловила Лера в прицел фашистский танк, как здесь, на Смоленской дороге, по которой гитлеровцы рвались на Москву.

— Не пройдешь, гад! Не пройдешь! — шептала девочка, удерживая перекрестье нитей у основания башни. Танковое орудие спешно поворачивалось в сторону батареи...

...Выстрелы прогремели одновременно. От яркой вспышки Лера закрыла глаза и склонилась к бронированному щитку. По металлу забарабанили, заскрежетали осколки, и девочка почувствовала сильную боль в бедре. На ногах все же устояла и закричала «ура!», когда увидела пылающий танк. Только потом упала на руки командиру и потеряла сознание...

Месяца три юнармеец Соколова лежала в тыловом госпитале; один осколок так и остался в ноге.

Нелегко было Лере доказать медицинской комиссии, что она уже не маленькая, в боях-то каких была! А теперь, когда наши перешли в наступление и разбили немцев под Москвой, когда во всю мощь гремит «бог войны», ей запрещают быть среди своих же артиллеристов! Это несправедливо!

— Притом... притом мне, собственно, некуда ехать,— упорно твердила Лера на комиссии.— Моя Брянщина под фашистами. Освободим Алтухово — тогда комиссуйте. А сейчас пустите на фронт, кем угодно, хоть санитаром.

— Но ведь маленькая же,— упорствовал председатель комиссии.

— А я, между прочим, фашистский танк подбила, и горел он по-настоящему. Ему все равно, кто его подбил,— маленький или большой, горел и все...

Много других примеров приводила Лера, отстаивая свое право быть в строю фронтовиков. Уступили ее просьбам, разрешили вернуться на фронт.

Пока Лера лечилась, советские войска отбросили фашистов на триста километров от Москвы. И вот теперь юнармеец Соколова вернулась на свои позиции, даже пушки стояли на том самом месте, где она подбила вражеский танк. Жаль, только не к своим ребятам попала. Совсем другой полк стоял здесь.

В 177-м гвардейском артиллерийском полку полевой артиллерии Леру приняли тепло. Воины первого орудия, где она была наводчиком, в своей землянке соорудили ей из одеял специальный уголок. Над входом висела строгая надпись: «Посторонним вход воспрещен!» Близились 8 марта; и каждый артиллерист готовил Лере подарок — единственной женщине артполка...

С новой техникой девочка освоилась быстро и уже трижды принимала участие в отражении танковых атак. Слава о точном глазомере юнармейца Соколовой дошла до комбата, и капитан Жуков прибыл в расположение первого орудия, чтобы лично познакомиться с наводчиком Соколовой.

— Лера? — переспросил он, впервые услышав такое имя.

— Так мама называла,— густо краснея, пояснила девочка, задержав пальцы своей руки на сильной ладони комбата.— А в метрике записано Калерия.

— Ну, что же, хорошее имя,— мягко улыбнувшись в широкие черные усы, сказал комбат.— Лерой и мы будем звать, как мама. У меня к тебе дело, Соколова.

Лера уловила тон приказа, щелкнула каблуками армейских сапог и, приняв стойку «смирно», ответила:

— Слушаю, товарищ капитан.

— Справа от позиций гитлеровцев, между двумя тополями, голубой купол церкви, видишь?

— С крестами?

— Вот именно, с крестами. Только кресты-то поддельные. Их установили совсем недавно. В кресты фашисты вмонтировали оптику и ведут наблюдение за нашими позициями. Одним словом — там наблюдательный пункт их ардивизиона. Наши разведчики засекли корректировщиков, но подойти близко не могут: гитлеровцы усиленно охраняют церковь. Так вот, как только начнут они стрельбу — а именно в это время работают корректировщики, — вы должны первым же снарядом уничтожить этот купол. Все будет зависеть от твоей наводки, Соколова. Должна сработать, как настоящий ювелир! Вот такая задача, гвардии младший сержант.

— Постараюсь, товарищ гвардии капитан.

Комбат не успел уйти на свой КП — фашисты внезапно открыли артогонь, и вражеские снаряды стали точно ложиться на позиции 177-го гвардейского арtpолка. Дружным залпом ответили врагу гвардейцы. Не стреляло только первое орудие. Лера припала к окуляру и тонкими чуткими пальцами стала вращать рукоятку наводки, ловя купол церкви в перекрестке нитей. Затем она опустила прицел ниже и стала удерживать перекрестье на оконном проеме. Услышав донесение наводчика: «Есть», сержант Кустов скомандовал: «Огонь!»

Снаряд точно влетел в оконный проем и разорвался внутри каменной башни. Купол судорожно дрогнул, накренился и грохнулся наземь.

— Фамилия у тебя правильная, девочка, — радостно обнял Леру комбат. — Ты не только Соколова, но и глаз у тебя соколиный. Большое тебе спасибо, Лера!

А через неделю фашисты перешли в новое контрнаступление. Бомбовые и артиллерийские удары наносились почти одновременно.

Батарея капитана Жукова вела непрерывный артогонь, отражая одну атаку гитлеровцев за другой. Большие потери несли и артиллеристы. Когда у первого орудия не осталось ни одного подносчика снарядов, Лера побежала на склад боеприпасов. Привязав лямки для переноса раненых за ящик, девочка волоком тащила снаряды к своему орудью. «Еще немножко, еще три шажка», — уговаривала она себя, напрягая последние силы, чтобы втащить ящик на бруствер. И тут она увидела, что снаряды уже не нужны: орудие разбито, изуродовано, опрокинуто. Рядом у лафета, плотно прижавшись спиной к орудью и запрокинув головы назад, полулежали сержант Федор Кустов и заряжающий Кузьма Бондаренко, оба молодые, сильные, красивые. Присев на ящик и урнув голову на колени, девочка впервые за всю войну заплакала.

— Ой, мамочка, что же мне делать?

Долго стоял молча над Лерой капитан Жуков.

— Ну, ну. Не гоже гвардейцу слезы лить! — и присел рядом с Лерой. — За каждого мы втрое отплатим! Будем бить, пока не сметем всех оккупантов с нашей земли. А сейчас вытри слезы, доченька. Главное, нужно вынести всех раненых, — как о давно решенном сказал комбат. — Вот и помоги санитарам. А там — новые орудия получим, хороших ребят подберем. И ударим по гитлеровцам во всю мощь нашу.

...Уложив на плащ-палатку, — иначе не хватало сил, — выволакивала раненых Лера. К вечеру отправила в госпиталь одиннадцать солдат и пять офицеров, среди них оказался и молоденький лейтенант, которого встретила Лера в Алтухово при поездке на сооружение оборонительной линии.

На рассвете фашисты обрушили бомбовый удар на позиции артполка. Был разбит и КП комбата. Лера кинулась туда. Раскидав обломки бревен, она нашла капитана Жукова, истекающего кровью. Как могла, наложила жгут, быстро подсунула палатку под комбата и, поднявшись во весь рост, потянула его в полковой медпункт.

Фашисты заметили санитаря, взяли под прицел маленькую фигурку. Снаряды рвались рядом, поднимая клубы дыма, грязи. В этом аду крошечным Лера потеряла ориентировку, не знала, куда тянуть раненого. Вокруг свистели осколки, девочка прикрывала собой комбата. Так и лежала до прихода санитарной машины. Упросила фельдшера сопровождать командира до госпиталя. А там сказали:

— Большая потеря крови, вряд ли выживет.

— Он не должен умереть, не должен! Возьмите у меня кровь, — предложила она хирургу.

...Уже в палате, придя в сознание и увидев сидящую рядом Леру, комбат как-то неестественно улыбнулся:

— Значит, мы теперь родные по крови, доченька?

Через три дня комбата не стало. Лере хотелось плакать, но слез не было, словно что-то запеклось внутри. Одно желание было у девочки: вернуться на передовую и мстить, мстить за комбата, за Аню Кузнецову, недавно погибшую в бою, за всех павших однополчан.

...До батареи Лера не доехала метров триста. Помнит только, как назойливо выл «мессершмитт», как потом тряхнуло машину, как пронизывающая боль вошла в грудь и... уже совсем без боли, мягко она все падает и падает куда-то...

...Почти два месяца ничего не слышала и не могла говорить. Думала — все, не воевать ей больше. И не сможет она, юнармеец Соколова, как мечталось, дойти до Берлина и поставить свою подпись на стенах рейхстага. Но еще раз улыбнулось Лере счастье — болезнь отступила: вернулись речь и слух, зажили раны. Здесь, в госпитале, нашла ее первая большая награда — орден Отечественной войны II степени. Он был

присужден ей за мужество и героизм, проявленные в боях под Смоленском, и вынос с поля боя 16 раненых. Когда повторно Лера предстала перед врачебной комиссией, то именно боевой орден послужил последним аргументом девочки, давшим ей право вернуться в строй фронтовиков.

И в этот раз после госпиталя Лера не попала к своим гвардейцам. 217-й зенитный полк 60-й армии переводился в резерв Главного командования. Полку нужны были опытные, обстрелянные наводчики. К числу опытных отнесли и пятнадцатилетнюю Леру Соколову.

И вот уже в окуляр своего прицела ловит она фашистские истребители, бомбардировщики, штурмовики. Держа на прицеле бомбардировщик, который сбрасывал бомбы на позиции зенитчиков, ей порой казалось, что летят они прямо в ее окуляр. Но ни разу Лера не сняла руку с рукоятки наводки.

За сбитый «хенкель-111» и «мессершмитт» гвардии сержант Соколова награждается медалью «За отвагу» и ей вручается значок «Отличный артиллерист».

...Военные дороги юнармейца Соколовой пролегали через такие города и села, по которым ей приходилось отступать в сорок первом году. Так их полк подошел к Днепру, за которым видны были Киев и безымянная высотка, где она рыла свой первый военный окоп.

Разместились зенитчики на опушке соснового леса и стали ждать вражеских самолетов. Но вдруг получили приказ командира отразить танковую атаку — по долине ползли «фердинанды». Командир 3-го орудия сержант Петр Шитро испытывающе посмотрел на Леру: «Выдержит ли девочка, ведь первый раз против таких чудовищ стоит». У него, уже бывалого истребителя «тигров» и «пантер», от мощного рева «фердинандов» холодела спина. Лера спокойно вращала рукоятку наводки, стараясь поточней поймать в окуляр первый пятнистый танк. Четко было видно, как пробуксовали гусеницы в песчаном грунте. Огромный ствол пушки неустойчиво прыгал в перекрестке нитей, приближаясь и увеличиваясь в размерах.

Первый залп оглушил девочку, но руки ее твердо лежали на прицеле. Но увь, снаряд срикошетил! Стиснув зубы, морщась от гула ползущих громад, девочка опять прильнула к окуляру. Залп — Лера первой закричала «ура!» — и задымился «фердинанд», закружил на месте, врезаясь в песчаный грунт.

— Наводчик Соколова, принимайте орудие! — услышала Лера приказ сержанта Шитро, заменившего убитого командира взвода.

— Есть принять орудие! — ответила Лера и продолжала бой, выполняя одновременно обязанности наводчика и командира орудия. Как только на перекрестке нитей окуляра появлялся фашистский танк, она отдавала команду: «Огонь!», и пушка продолжала громить врага.

В этом бою они подбили еще два «фердинанда» и одного «тигра». Бронированная атака фашистов захлебнулась. Наши войска начали переправу через Днепр. За этот бой и прикрытие переправы через Днепр наводчик орудия гвардии сержант Соколова, ставшая в бою командиром орудия, была награждена вторым боевым орденом — Отечественной войны I степени.

Оставив позади освобожденные Воронеж, Курск, Нежин, Киев, Тернополь, Львов, наши войска вступили в Польшу. Внезапно гитлеровцы начали обстрел позиций 217-го зенитного полка. Лера заметила, что загорелись стеллажи со снарядами. Рядом стояла неразгруженная машина с боеприпасами. Не раздумывая, Лера кинулась к стеллажам: начала сбивать огонь, разносить горящие ящики и засыпать их песком. Когда в батарейном ровике остался последний ящик, объятый пламенем, Лера схватила его и побежала к обрыву... Снаряды взорвались в трех метрах над обрывом...

Однополчане нашли Леру у обрыва в полусгоревшей одежде, всю иссеченную осколками. В полевой госпиталь артиллеристы отнесли девочку на руках.

...Не горюй, Лера, что не дошла до Берлина. Твои друзья-однополчане продолжили этот путь. И теперь с каждым новым залпом по врагу они неизменно добавляли: «За нашу Леру вам, проклятые!». Они прошли остаток пути без тебя, неся добрую память об отважном боевом наводчике, самой юной девочке-артиллеристе 1-го Украинского фронта.

★

...Кавалер двух орденов и восьми медалей, отличный артиллерист, гвардии сержант Лера Соколова долго лечилась в тыловом госпитале Свердловска. И только накануне Дня Победы прибыла в Москву, нашла здесь свою сестру, и они вместе ликовали на Красной площади в первый день мира.

...Многие годы Лера Соколова жила в Москве. Там нашла свое семейное счастье... Сейчас Калерия Петровна Соколова-Олькина живет в Симферополе. В День Победы шлют ей поздравительные телеграммы однополчане-артиллеристы, зовут в гости, приглашают на встречи ветеранов полка.

Только вот куда ехать: ведь была она дочерью трех артиллерийских полков, и все три полка для нее дороги и близки, во всех трех она оставила частицу своего сердца...

И. КАРПОВ

И БЫЛО СОЛДАТУ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

...Понимал майор Капустин, что предстоит ему серьезное объяснение с начальством. Но другого выхода не нашел. Не мог он оставить своего сына Артура совсем одного, а пристроить у знакомых уже не было времени.

Первый раз в жизни Артур летел на боевом самолете от Днепропетровска до польской Праги, одного из районов Варшавы. Летел в кресле стрелка и, держась за рукоятки грозного пулемета, переговаривался с отцом по микрофону.

— Смотри, сынок, — шутил отец. — Ты теперь главная защита хвоста. В небе без стрелка я ничего не стою, особенно, когда атакуют «мессершмитты»...

Сыном летного полка Артур стал через день после прибытия в польскую Прагу.

— Ну, так что ты, Артур Капустин, думаешь делать на фронте? — в упор глядя на мальчишку, спросил командир полка полковник Вайк.

Артур подтянулся, искоса глянул на отца и, не уловив никакой подсказки, сказал:

— Воевать, товарищ полковник.

И отдал командир приказ о зачислении Артура Капустина сыном 658-го авиационного полка.

За прилежность и исполнительность в воинской службе в день десятилетия связному авиаполка Артуру Капустину присвоили звание ефрейтора. Свой приказ командир зачитал перед строем заслуженных фронтовиков и как равному пожал мальчику руку.

Когда летчики разошлись к своим машинам, к Артуру подошел стрелок дядя Вася.

— По такому торжественному случаю, значит, положено солдата оружием награждать... — И старшина вложил в ладонь мальчишки маленький трофейный пистолет.

— Ой, спасибо... — только и пробормотал Артур, не в силах отвести взгляд от пистолета.

— А теперь пойдем в балку. Поучу стрелять.

Первую обойму расстрелял Артур в тот день по специальной мишени. А вскоре представился ему случай применить оружие и в другой обстановке.

Артур знал, что в окрестных лесах бродят несдавшиеся в плен эссовцы. Однако и подумать не мог, чтобы они решились открыто днем подойти к самому аэродрому. Поэтому часто ходил в одиночку по лесополосе, примыкающей к летному полю.

Как-то ранним утром Артур побежал в лесополосу собрать букет весенних цветов. Там меж деревьев он увидел два белых пятна. Услышав немецкую речь, замер за кустом. Сердце его так заколотилось, что, казалось, сейчас услышат те, двое, находящиеся в двадцати шагах от него. «Шпионы! Как их задер-

Артур Капустин

жать? Эсэсовцы торопливо подошли к мотоциклам, стали развязывать вещмешки, укрепленные на багажниках, вытащили оттуда гражданскую одежду. «Сейчас они быстро переоденутся, удерут к своим и расскажут все про наш аэродром».

— Хенде хох! — что есть духу закричал Артур и трижды выстрелил вверх.

Увидев перед собой мальчишку и услышав тревожный вой сирены на аэродроме, фашисты переглянулись и бросились наутек. Но эсэсовцев вскоре задержал патруль. За проявленную бдитель-

ность Артуру Капустину

перед строем объявили благодар-

ность. В последние дни апреля эскадрилья майора Капустина стала летать на Берлин. Обычно Артур провожал отца до самой машины, а потом махал рукой, пока видно было чернеющую в небе точку. Не раз случалось так, что у боевой машины оставались только Артур и дядя Вася, который перед вылетом готовил свой грозный пулемет «УБТ» к сражению в небе. Малоразговорчивый с однополчанами, дядя Вася совсем преображался, когда рядом был Артур. Он охотно объяснял мальчишке, что за приборы на самолете, какую надо нажать кнопку, чтобы тот или другой прибор «заговорил».

— Взглянуть бы мне хоть одним глазом на этот Берлин...

— Не дозволено, за это нам отец выплет.

— А я тайком, тихонечко, дядя Вася.

— Да ведь выплют нам... — заколебался старшина.

...Майор Капустин был немало удивлен, когда при очередном вылете на Берлин Артур не провожал его. Пряча глаза, чем-то явно смущенный, раньше обычного занял свое место стрелок Трофимыч. Самолет взял полный разбег, взмыл в небо и, прорезав свинцовые тучи, лег курсом на Берлин. Артур сидел у ног дяди Васи и не высовывал головы до тех пор, пока стрелок не потянул его за меховой воротник куртки и не показал пальцем вниз: пора, малыш, взглянуть на фашистское логово.

Майор Капустин выбрал точку на железнодорожном полотне и, скомандовав по радию: «Делай, как я», направил свой самолет к земле. Два ракетных снаряда, прочертив прямую огненную линию, полетели навстречу завывающему паровозу, а самолет выровнялся и зарокотал пулеметами, прошивая вспыхнувшие на путях вагоны...

Плавню набрав высоту, эскадрилья майора Капустина ухотила на восток. И когда казалось, что все уже позади и их самолету ничего не грозит, со стороны солнца черными коршунами вынырнули «мессершмитты».

— Трофимыч! — прозвучало в шлемофоне старшины. — Будь внимательным, слева «мессеры».

Старшина жестом приказал Артуру опуститься на дно кабины. Зло зарокотал пулемет. Словно бы споткнувшись, «мессер» накренился, завалился на крыло, вспыхнул свечой и потянул к земле черный шлейф дыма.

В хвост самолета заходил второй «мессершмитт». Он быстро пронесся над кабиной стрелка, и тотчас мальчик услышал частые глухие хлопки пробитой кабины и ойканье дяди Васи.

— Береги хвост... береги хвост... — еле шевеля губами, сказал дядя Вася и затих.

Гитлеровец видел, что его пули достигли цели. Теперь никто ему не помешает спокойно срезать хвост советского самолета.

«Хвост, беречь хвост!» — повторял про себя Артур. Он знал, что надо делать. Прильнув к пулемету, нащупал гашетку и поднял ствол навстречу «мессершмитту». Длинная очередь грозного «УБТ» прошла туловище дракона, нарисованного на фашистском самолете. «Мессершмитт» накренился, сделал крутой вираж и пошел к земле.

Кто-то из летчиков, спешивших на помощь своему ведущему, видел поединок Артура с немецким асом и по радиации доложил командиру полка о бое. Как только приземлился самолет майора Капустина, к нему подъехал командующий. Из кабины стрелка санитары вытащили тяжело раненного дядю Васю. Потом из кабины выбрался Артур. Командующий строго посмотрел на мальчишку.

— Ну, герой, выдрать бы тебя за своеволие, да, надеюсь, это в последний раз! — сурово погрозил он пальцем. А потом вручил Артуру медаль «За боевые заслуги» — первую боевую награду сыну полка за отличие в боях над Берлином...

Впервые я увидел Артура Александровича в день 30-летия Победы, когда в Симферополе у Вечного огня собрались ветераны Великой Отечественной войны. Среди них он выделялся своей молодостью. На груди Артура сверкало восемь правительственных наград. Откуда столько у такого молодого?

И не только я так подумал. Один из ветеранов, присмотревшись к Артуру, спросил:

— Сколько вам лет, молодой человек?

— Сорок...

У него двое сыновей, старшему — десять лет. В дни больших праздников надевает Артур свои боевые ордена и идет с сыновьями к деду Александру, и уже вместе вспоминают они победный май 1945 года.

МАЛЕНЬКИЙ РАЗВЕДЧИК

Обреченные, они сидели прямо на полу, избитые, в изорванной одежде. И ждали своей очереди. Часть арестованных уже забрала машина, и после их отъезда в овраге долго слышалась стрельба. Это фашисты уничтожали невинных людей. Все понимали, что то же ожидает и их самих.

Леня жался к матери и бабушке. Бабушка без умолку шептала что-то непонятное. Мать сидела молча, неподвижно, словно окаменела. Содрогнулась лишь тогда, когда лязгнул замок и в открывшиеся двери ворвались гитлеровцы.

— Шнель, шнель! — зарывкали они, выталкивая прикладами людей на улицу.

Те поднимались и, тесно прижавшись друг к другу, молча шли к машине. Леня шел рядом с матерью. Внезапно она схватила его за руку и вытолкнула из кучки арестованных.

— Беги, беги, Леня! — выдавила из себя.

К Лене кинулся гестаповец. В это мгновение одна из крестьянок, стоявших вдоль дороги и угрюмо наблюдавших за действиями гестаповцев, крикнула:

— Это сельский мальчик!

И сразу все, будто сговорившись, начали выкрикивать:

— Он не еврей! Этот мальчик не еврей! Он из нашего села! Мы его знаем!..

Чьи-то руки, спасая мальчика, оттолкнули его дальше от тех, кого гнали к машине. Леня споткнулся и упал в лужу, но тотчас вскочил и бросился в ближайший огород, на котором росла кукуруза. Над его головой просвистели пули, ударила автоматная очередь. Но мальчик продолжал бежать, пока не наткнулся на овраг, в котором увидел окровавленные трупы людей. А по дороге к оврагу приближалась новая машина, сопровождаемая мотоциклистами в немецкой форме.

Мальчик кинулся назад, в огород, упал на землю, сотрясаясь в глухом рыдании. Автоматные очереди, вопли, крики, лай овчарок разрывали детское сердце.

Поздним вечером он постучал в окно своей тетки. Рива Асировна подошла к дверям и впустила мальчика в дом. О расстрелах в Лукашовке¹, откуда был родом Леня, она не расспрашивала, так как уже слышала от людей и знала, что и ей, наверное, этого не миновать.

— Помогите мне добраться до партизан, тетя!

Рива Асировна удивленно посмотрела на мальчика. В его глазах горела такая сила ненависти, что она не решилась ничего ответить. Она хорошо знала местных жителей и уже через несколько дней познакомила его с комсомольцем, партизаном

¹ Монастырищенский район Черкасской области.

Андреем Баранюком, который и помог Лене добраться до отряда.

Стоя перед командиром партизанского отряда, Леня говорил:

— Я буду мстить им. Я буду мстить за маму, за бабушку. Я могу быть связным, я знаю здесь все тропинки. Я хочу мстить за моих товарищей, за всех советских людей...

Партизаны молчали. Ветер шевелил на голове мальчика волосы. То ли припорошенные пылью, то ли поседевшие от пережитого горя.

Леня остался в отряде.

Немцы боялись леса, как огня. Лес ненавидел их яростно, люто.

Каждое дерево стреляло в фашистов, каждый куст скрывал партизана, из каждой ложбинки выползали разведчики. А по селам бродил мальчонка. В вельветовой курточке, худенький, черноглазый.

Когда летели под откос гитлеровские эшелоны, горели хаты предателей, на какую-нибудь немецкую часть нападали партизаны, никто не связывал этого с мальчиком, который скитался по селам, ночевал в крестьянских хатах, заговаривал с пленными... Он выполнял разные задания командования. Находчивый и рассудительный, юный партизан расклеивал листовки и воззвания, собирал патроны, поддерживал связь с подпольщиками.

— Неоценимый ты разведчик, Леня, — часто говорил ему Андрей Баранюк. И признавался: — А я сначала боялся связывать тебя с нашим отрядом. Только бросать в селе было жалко. Пронюхали бы гады, расстреляли.

Леня любил Андрея. Тот учил его стрелять, рассказывал, как вести себя в разведке. Однажды Андрей шел на задание и возле моста через Горный Тикич нарвался на карателей. Оставил лыжи и соскочил под мост, ногой пробил еще не очень крепкий лед у опоры и по горло погрузился в холодную воду. Только свой вещевой мешок с миной и динамитом оставил на льду.

Немцы постреляли, пошарили под мостом и ушли. Вылез Андрей из воды, когда стемнело. Поезд с фашистами, шедший из Жашкова, пустил под откос. Задание выполнил. Но после этого приключения кашель долго мучил Андрея.

Леня старался напоить друга горячим чаем, ночью прижимался к нему, пытаясь согреть его своим худеньким телом.

Леня Стратиевский

12 июля 1943 года на одну из партизанских групп напали гитлеровцы. Шесть часов длился яростный бой. В этом бою принимал участие пионер Леня Стратиевский. Партизаны отбивались отчаянно, но силы были неравными. На Лениных глазах один за другим падали товарищи.

Вот уже стреляет только пулемет командира отряда Кучеренко. Леня подполз к нему. В окопчике наткнулся на распростертое тело Мусича. Любимец отряда Мусич был поэтом. Он писал гневные стихи, выпускал листовки, которые Леня потом разносил по селам. Мальчик склонился над Мусичем, — может, живой, — но в эту минуту смолк пулемет командира. Бросился к нему и увидел залитую кровью голову Кучеренко.

— Леня, беги, беги! — крикнул командир, все еще не выпуская из рук пулемет.

К Кучеренко по окопу бежало двое фашистов. Леня метнулся им наперерез и заслонил собой командира. Кучеренко приподнялся над окопом и метнул в фашистов гранату. Раздался взрыв. Оглушенный, Леня упал рядом с мертвым командиром.

Так юный партизан попал в плен.

Утром его потащили на допрос. Били по голове, выкручивали раненую руку, вырезали на груди звезду. Гестаповцы знали, кто попал им в лапы. Этот мальчишка был связным между уничтоженной группой и партизанским штабом. Он мог много чего рассказать. Но Леня молчал...

Допрашивать взялся сам гауптман. Он посмотрел на худенького мальчика, почти ребенка, и решил изменить методы. В ход пошли уговоры, шоколад, обещания все простить. Измена товарищам — такой должна была стать цена его жизни.

И Леня решился.

— Дайте бумагу. Я напишу вам имена подпольщиков.

Через час список был в руках гестаповцев. Там стояли фамилии предателей, живших в ближайших селах, — Сабаровке, Юшковцах, Хмелевцах. Пока немцы разбирались, каких «партизан» они ловят, многие из фашистских приспешников уже лежали мертвыми от пуль своих же хозяев. Но гестаповцы быстро поняли, что произошло, и жестоко расправились с мальчиком.

Леня Стратиевский погиб, ни одним словом не изменив своим товарищам. Советский мальчик, пионер, которому едва исполнилось тринадцать лет, даже в свой смертный час продолжал мстить врагам.

Л. ШИТОВА

ЮНЫЕ ГЕРОИ ИЗ СЕЛА ПОДЛЕСНОГО

Война...

Только что окончился митинг, и по улицам села уже ехали и шли те, кому надо было немедленно явиться в воинскую часть, в военкомат. Их провожали родные и близкие. Здесь были и дети, а среди них два друга — пионеры Федя Шепель и Яша Матвиенко. Как им сейчас хотелось быть взрослыми и тоже отправиться на фронт защищать свою Родину!

— Вот, если бы разрешили! — вздыхал Яша, небольшого роста паренек, с густой черной копной волос на голове и густыми черными, почти сросшимися бровями.

— Если бы знать куда, я сам пошел бы на фронт, — сказал Федя.

...Шли дни. Фронт приближался. Стали слышны разрывы артиллерийских снарядов, пулеметные очереди. Последние подразделения Советской Армии оставили Подлесное.

Село заняли фашисты. Начались аресты советских активистов и комсомольцев. Скоро по деревне пронесся слух о партизанах, которые якобы находятся здесь, в лесу. Федя и Яша каждое утро угоняли коров в лес.

Однажды, в пасмурный осенний день, Федя погнал корову один. Он шел по лесу, а сам думал, как бы связаться с партизанами и рассказать им обо всем, что творится в деревне. «Но как и где их найти?» — думал мальчик. Из разговора отца с матерью он случайно узнал, что командира партизанского отряда зовут Семеном Ивановичем Долженко.

«Буду искать!» — решил Федя и остановился у старого дуба. Осмотрелся и трижды хлестнул кнутом по воздуху. Раздались похожие на выстрелы звуки. Мальчик опять оглянулся вокруг и, подумав немного, запел:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой...

Вдруг из-за дуба появилось трое незнакомых людей.

— Как звать тебя? — спросил первый, что был помоложе, и, пристально глядя на мальчика, добавил:

— Меня, например, Борисом.

— Федя, я хочу видеть командира отряда — Семена Ивановича, — ответил паренек.

— Многого ты захотел! Ты, брат, лучше возвращайся домой. Никакого Семена Ивановича мы не знаем.

— Я знаю, Семен Иванович здесь, в лесу, и у меня к нему есть дело, можно сказать, секретное, — настойчиво утверждал мальчик.

Партизаны улыбнулись, посмотрели друг на друга, и Борис сказал:

— Ладно, уж если ты так очень просишь...

Федя Шепель

Яша Матвиенко

И все трое скрылись в кустах орешника. А через несколько минут оттуда вышел высокий мужчина, одетый в теплый пиджак, с пистолетом за поясом.

Встретились взглядами. Незнакомец улыбнулся.

— Ты кто такой? — спросил он.

Федя ответил вопросом:

— Это вы тот самый Семен Иванович Долженко?

— Тот самый...

— Здравствуйте. Я Федя Шепель, сын Федосея Шепеля. Живу возле самого леса. Знаю здесь каждый кустик, каждую тропинку и балочку. Хочу помогать вам бить фашистов.

— Ты бы лучше пас хорошо корову, слушал маму, а мы сами с ними справимся.

— Я и маму буду слушать, и корову хорошо пасти, и партизанам все равно буду помогать, — гордо ответил мальчик.

Командир обнял Федю и отвел в сторону. Они уселись на пенек, и мальчик рассказал все, что знал, ответил на все заданные ему вопросы.

— Ладно. Ты будешь пасти корову в лесу, — и командир позвал:

— Копытин!

Из кустарника вышел Борис. Семен Иванович сказал:

— Так вот, Федосеевич, когда ты захочешь нам что-то передать, встретишься вот с этим дядей; а если дело очень важное и срочное, — то и со мной. Понял?

— Понял.

Командир и партизаны скрылись в кустах.

Вечером Федя рассказал обо всем матери.

— Будь осторожным, сынок, а то...

— Не бойтесь, мама, все будет в порядке, — успокаивал Федя, укладываясь спать.

На следующий день мать уже не будила сына. Он поднялся сам, умылся, оделся, взял сумку с хлебом, кнут и погнал корову в лес. И так было каждый день.

Однажды ночью на улице послышалась стрельба. Отец с матерью всполошились, а Федя объяснил:

— То хлопцы судили полиция Юхименко.

Федя редко сидел дома, часто ходил в село, к магазину, вертелся среди людей, прислушиваясь к разговорам.

Выполняя задания, он бывал и во дворе фашистского пособника Коробки. Здесь размещался штаб полевой жандармерии, и мальчик, как будто собирая окурки и консервные банки, присматривался к тому, что делают враги, какое имеют вооружение, из отдельных фраз и слов полицейских узнавал об их планах.

Коробка заподозрил Федю и предупредил его мать, что, если увидит мальчика еще раз во дворе, выдаст фашистам. Но Федя не испугался. Он понемногу втянул в эту работу своего самого близкого друга — Яшу. Вдвоем стало легче работать.

В 1943 году, когда Советская Армия громила фашистские войска на фронтах, партизаны тоже стали действовать активнее. И оккупанты решили уничтожить их.

...После проведенных боев и удачных операций по разгрому двух вражеских гарнизонов партизаны спокойно отдыхали и занимались хозяйственными делами. Вдруг недалеко один за другим послышались четыре «выстрела» кнутом.

— Тревога! — раздалась команда.

Из-за кустов появились Федя и Яша. Задыхаясь от быстрого бега, они еле могли говорить.

— Фашисты обходят лес! У них много пулеметов и есть пушки. Мы едва пробрались...

— Спасибо вам, дорогие друзья, — благодарили партизаны.

Мальчики сразу же покинули лагерь. Командование отряда усилило разведку. Выбрав наиболее густой участок леса, отряд незаметно вышел из окружения, уклонившись от встречи с врагами.

Фашисты потерпели неудачу и стали более тщательно готовить новую операцию по разгрому партизанского отряда. Они подтянули к Подлесному большое количество вооруженных до зубов войск.

— Товарищи! — обращаясь к партизанам, сказал командир. — Во что бы то ни стало мы должны прорваться сквозь железное кольцо гитлеровцев и выйти в соседний лес. Или мы прорвемся и будем продолжать бить врага, или погибнем в бою!

— Будем драться до последнего... — ответили партизаны.

Юные разведчики Федя Шепель и Яша Матвиенко не знали, что их боевым друзьям известны замыслы фашистов. Рано утром, как только начало светать, ребята погнали коров и, про-

скользнув мимо вражеской заставы, скрылись в лесу. На этот раз их было четверо. Федя позвал с собой двух школьных друзей — Ваню Коноваленко и Ваню Юрченко. Оставив их возле коров, Федя и Яша побежали искать партизан. Но отряд уже перешел на новое место.

Долго бродили ребята, и только под вечер они встретились с партизанами. Возвращаться в село было уже поздно, и мальчики остались в лесу.

Рано утром Федя и Яша срезали по несколько веток будто бы на топливо и пошли домой. В балке, недалеко от конторы лесничества, их задержали гитлеровцы. Они, как голодные звери, набросились на ребят. Один ударил Федю прикладом автомата по голове. Били и Яшу.

— Где партизаны? — добивались фашисты.

— Мы никого не знаем. Мы пасем коров. Отпустите нас, — сквозь слезы просили мальчики, пытаясь вырваться.

Но фашисты связали им руки и погнали в село. В комендатуре их стали допрашивать. Ребята молчали. Привели Ваню Коноваленко и Ваню Юрченко. Федя строго посмотрел на друзей, и они поняли: о партизанах — ни слова. На протяжении дня и ночи ребят несколько раз водили на допрос, зверски издевались над ними: выкручивали руки, били прикладами, жгли папиросами тело. Но ни один не проронил ни слова. А партизанский отряд, выдержав жестокий бой, вышел из окружения.

Узнав, что юные разведчики попали в руки гитлеровцев, командование отряда решило выручить их. На помощь отправились опытные партизаны, но было уже поздно. Фашисты вывезли четверых юных патриотов из села и в лесном урочище Плоском, под развесистыми столетними дубами, живыми закопали в землю.

Один из односельчан, случайно проезжавший в то время мимо леса, видел, как привезли туда ребят. А чуть погода узнал голос Феи Шепеля:

— Хлопцы, не падайте духом! Нас не забудут! Смерть фашистам!

Юные патриоты не дрались с оружием в руках, но они делали все, что могли, для победы над врагом.

За отвагу и мужество, проявленные в партизанской борьбе с фашистскими оккупантами, Федя Шепель и Яша Матвиенко посмертно награждены медалями «Партизану Отечественной войны» II степени. Память о четырех юных героях, живет и сейчас среди бывших партизан, колхозников артели «Червоный партизан», учеников Подлесненской средней школы.

Е. СИДОРЕНКО

ВЕРНОСТЬ КЛЯТВЕ

Народные мстители с оружием в руках выстроились ровными рядами, на их пилотках и фуражках сверкали алые ленточки. В партизанскую семью принимали новое пополнение. Крайними слева стояли, крепко сжимая в руках карабины, братья Толя и Юра Маркитаны. Анатолий, черноволосый, синеглазый, задумчивый. Перед войной окончил семь классов Кировоградской школы № 20, готовился поступить в военное училище. Юра успел закончить только четыре класса этой же школы, был награжден похвальной грамотой. Русоволосый, застенчивый, он взволнован, все время поглядывает на старшего брата. Один из них комсомолец, другой — пионер. Оба возбуждены и вместе с другими новичками с воодушевлением чеканят слова партизанской клятвы: *«Если я нарушу эту клятву, пусть постигнет меня всеобщее презрение, пусть покарает смертью суровая рука партизана...»*

Командир отряда Семен Иванович Долженко ничуть не сомневался в ребятах. Он знал, сколько важных заданий уже выполнили братья: собирали оружие и боеприпасы на местах бывших сражений, ходили в разведку, доставляли в лес продукты и медикаменты, информировали о намерениях оккупантов. А когда полиция начала следить за «неблагонадежными» семьями, партизанские связные вместе с матерью и меньшей сестричкой Валею незаметно перешли в лес.

Вскоре братьям дали более серьезное задание. Партизаны узнали, что от Красно-Нерубаевского лесничества до станции Цыбулево немцы прокладывают узкоколейку. В лесопилку завезли новые механизмы, мотовоз, согнали много рабочих. Начали пилить лес и готовились вывозить ценную древесину в Германию. Ребятам надлежало узнать, какие силы охраняют производство и каким оружием располагают фашисты.

С корзинками и палками в руках, в коротеньких штанишках и стареньких рубашках, пошли Толя и Юра в сторону лесничества. Они незаметно проскользнули на территорию, прошли на лесопилку, внимательно осмотрели механизмы, бараки, сторожевую вышку. На маленьких грибников не обратили особого внимания. А ночью партизаны напали на лесничество. Уничтожили охрану, вывели из строя механизмы, разбили мотовоз, разобрали рельсы узкоколейки, подожгли все деревянные постройки. Немцам так и не удалось восстановить производство в лесу.

Среди отмеченных приказом командира за успешно проведенную операцию были также и оба брата — Анатолий и Юра. И еще не раз юные разведчики доставляли важные сведения: о готовящейся облаве власовцев, прибывших в соседнее село Подлесное, о перегоне гитлеровцами стада скота, об отправке молодежи с хутора Григорьевки. Партизаны умело восполь-

Анатолий Маркитан

Юрий Маркитан

зовались информацией. Заблаговременно вышли из небольшого леса, отбили стадо у врага, не дали вывезти юношей и девушек в Германию.

В лес прибывали все новые и новые бойцы. Среди них было немало комсомольцев. Комиссар отряда предложил создать комсомольскую организацию. Секретарем комитета единогласно избрали Анатолия Маркитана. Добавилось теперь забот у старшего брата. Приходилось готовить комсомольские собрания, выпускать листовки и, конечно, ходить на боевые задания. Вместе с товарищами выходил в поле к колхозникам, рассказывал о битве на Курской дуге, о зверствах оккупантов, о приближении Красной Армии.

Одновременно Анатолия назначили командиром конной разведки, а Юра стал разведчиком его подразделения. Когда разведчики узнали о прибытии в Подлесное жандармского штаба, с разрешения командования разработали операцию по его уничтожению. Днем Юра присмотрелся к охране, узнал, где разместились офицеры, а ночью возле дома, в котором расквартировались каратели, внезапно появились партизаны. Бесшумно сняли часового, а Анатолий бросил гранату в окно и дал очередь из автомата. К утру народные мстители благополучно вернулись на партизанскую базу.

Осенью 1943 года советские войска форсировали Днепр и начали освобождение Правобережной Украины. Партизанский отряд развернул боевые действия в тылу врага, выбил гитлеровцев из соседних сел и в декабре соединился с регулярными частями Красной Армии. Начались совместные боевые действия по освобождению населенных пунктов от фашистских захватчиков.

Вместе с советскими танками партизаны пробирались в сторону Подлесного. Возбужденные и счастливые, юные раз-

ведчики крепко сжимали в руках только что полученные новенькие автоматы. Теперь на их шапках рядом с партизанскими ленточками горели красные звездочки, подаренные бойцами.

Недолгой была передышка после освобождения Подлесного. Разведка донесла, что фашистские танки и пехота провались со стороны Плоского леса и клином врезаются в нашу оборону, пытаясь соединиться со своими главными силами. Советские воины и партизаны выступили навстречу врагу.

В заснеженной степи грохочут снаряды и мины, свистят над головой осколки и пули. Красноармейцы и партизаны бьют по наступающим гитлеровцам. Анатолий Маркитан вместе с группой бойцов пытается отсечь вражеских пехотинцев от «тигров» и «пантер». Тут же недалеко — Юра. Приготовив связку гранат, он пристроился возле солдата с противотанковым ружьем. Первая атака врага была отбита.

Но противник получил подкрепление и с новыми силами пошел на прорыв. Группа вражеских танков незаметно прорвалась от хутора Плоского и попыталась окружить воинов и партизан. Несколько часов длился этот трудный, смертельный поединок с преобладающими силами фашистов. Бойцы и народные мстители отстреливались из орудий и противотанковых ружей, бросались под танки с гранатами. Когда подошли наши «тридцатьчетверки», врагу пришлось отступить.

В этом трудном бою смертью храбрых погибли юные партизаны, родные братья — Анатолий и Юрий Маркитаны.

Погибших воинов и партизан похоронили в братской могиле в центре села Подлесного. Проститься с героями собрались тысячи людей. Траурный митинг открыл командир партизанского отряда Семен Иванович Долженко. Грустными глазами посмотрел в лица односельчан, не мог сдержать слез горечи. Ведь Толя и Юра были его приемными сыновьями. Тяжело произносится каждое слово:

— Они погибли за нашу социалистическую Родину, которую беззаветно любили и были преданы ей до последней минуты своей жизни... Народ никогда не забудет воинов и партизан, освободивших его от фашистского ига...

Прогремел воинский салют. Но люди еще долго оставались в скорбном молчании, отдавая дань уважения погибшим освободителям.

В Кировоградском областном краеведческом музее на стене «Юные герои-партизаны» установлены портреты Анатолия и Юрия Маркитан, экспонируются их личные вещи, документы. Оба брата посмертно награждены медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Имена юных героев на Кировоградщине названы многие пионерские отряды и дружины.

Д. КЛЮЕНКО

В ПОДПОЛЬЕ

Ваня Кравченко был любимцем всей подпольной группы. Сидя на берегу Тетерева, он рассказывал Давиду Гороховскому — одному из руководителей киевского подполья — о себе. И хотя лет мальчику было немного, но пережил он столько, что событий хватило бы и на долгую жизнь взрослого человека.

Мать Вани, Ульяна Сергеевна Кравченко, была в Киеве хозяйкой конспиративной квартиры. Болезненная, седая женщина сама захотела быть связной и не раз носила партизанскую почту. Она любила своего Ванюшу так, как может любить мать своего единственного ребенка, хотя он доставлял ей немало хлопот, а однажды по мальчишеской неосторожности едва не провалил партизанскую явку...

Сосед, который старался выслужиться перед гитлеровцами, донес в полицию, что сын большевички Кравченко спрятал в подвале оружие. Все знали, что тому, кто нарушит приказ коменданта о сдаче всего оружия, грозит смерть. Узнав о доносе, Ваня бежал в Чернобыль к бабушке. Полицейские и гестаповцы, сделав обыск, нашли в подвале два автомата и десять винтовок.

Ульяну Сергеевну ждала жестокая расправа. Не расстреляли ее только потому, что удалось убедить фашистов, будто она знает не знает и ведать не ведает, кто и что прятал в подвале. Да и подвал-то вовсе не ее, а те люди, которым он принадлежал, давным-давно уехали из Киева. А сын у нее совсем маленький, этих железяк ему и не поднять. И мальчик он хороший, добрый. Вот сейчас поехал в село — может, что-нибудь сменяет... И вообще им с сыном не до всяких глупостей, когда в доме куска хлеба нет...

Выручила ее, видимо, и внешность жалкой, несчастной и беспомощной старухи. А она и вправду за эти дни еще больше сгорбилась и постарела.

В Чернобыле Ване не сиделось. Он снова вернулся в Киев и стал здесь связным подпольщиков. А когда мальчику было опасно дольше оставаться в городе, подпольщик Гуреев устроил его слесарем-сборщиком в Гринях, на немецкой фирме «Карл Берле».

Вечером 2 июля 1943 года Ваню проводили в дорогу. Тепло распростившись с товарищами, которые собрались у кузницы, он скрылся в лесу. Надвигалась буря. В густом сосновом лесу было влажно и душно. Постукивая палкой по меднобоким стволам сосен, Ваня подбадривал себя песней «По морям, по волнам...», любимой песней отца, бывшего моряка.

Как-то сразу в лесу стало темно и тревожно. Сбившись с пути, Ваня до крови расцарапал лицо. Несколько раз он проваливался в колдобины. Мальчик промок до костей и дро-

жал от холода. Страх охватил Ваню, когда он почувствовал, что под ногами хлюпает вода. «Трясина!» — сердце билось часто и звонко. Ваня бросился в сторону — там тоже болото. С большим трудом мальчику удалось выбраться на пригорок. Совсем выбившись из сил, он прилег под деревом. Вскоре ветер разогнал тучи. Утренняя прохлада пронизывала насквозь. Сжавшись в клубочек, мальчик пытался согреться.

Внезапно показалось, что на него навалился кто-то тяжелый. Не понимая, что случилось, Ваня вскочил на ноги.

Слепящий свет ударил в глаза. Мальчик растерялся:

— Кто это? Кто?

— Ты что здесь делаешь? — послышался из темноты удивленный голос.

Ваня подскочил от радости: «Партизаны!» Значит, первая часть задания выполнена. Хотя и при необычных обстоятельствах, но он все же встретился с партизанами. В полутьме Ваня неясно различал их крепкие, обвешанные гранатами фигуры.

Обменявшись паролем и узнав, кто такой Ваня и почему он в лесу, партизаны решили доставить его в штаб соединения. Поскольку уже начало светать, надо было переждать до вечера. Как выяснилось, партизаны знали и подпольщика Гуреева, по поручению которого Ваня сейчас оказался среди них.

К вечеру следующего дня группа подошла к селу Рихта Дымерского района. Остановились на окраине возле крайней хаты. Партизаны осторожно постучали в окно. В дверях появилась старуха. Она глянула на незнакомцев и всплеснула руками:

— Бегите, бога ради! В селе власовцы!

Но в то же мгновение за тыном блеснул огонь, что-то загремело, завизжали осколки от взорвавшейся гранаты. Партизаны, перепрыгнув через тын, открыли огонь по темным фигурам, окружившим хату. Ваня метнулся на огород, пополз между рядами картошки. Над его головой со свистом пролетали пули, где-то за селом ожил пулемет. Издалека, там, где начинался лес, послышались в ответ выстрелы. Партизаны успели отойти. Еще минуты две слышалась стрельба. Потом все стихло.

Когда Ваня опомнился, он понял, что отстал от партизан и теперь лежит на огороде, прижимая к груди бидон, который он захватил, чтобы разжиться для партизан молоком. Почему он не бросил его, мальчик никак не мог понять. Он смотрел на ласковое небо и думал, что делать дальше! Подняться и идти — опасно: легко попасть в руки врагов.

Наверное, лучше подождать и перед рассветом, в темноте, пробираться к лесу.

Он растянулся на мягкой, нагретой за день земле, закрыл глаза. Проснулся от внезапной боли — кто-то драл его за волосы. Открыл глаза — у самого носа пара чьих-то тяжелых

сапог. Дальше еще пара и еще... Один сапог размахнулся, и Ваня почувствовал острую боль от удара в живот.

— Вот ты где, голубчик! — захихикал один с засученными по локоть рукавами. — Помните, вчера он был с этими? Я заметил его по бидону.

И снова удар. Потом мальчика поволокли огородом по картофельным кустам, по бурьяну. Так Ваня очутился на улице, где собрались власовцы. Из-за изгородей выглядывали испуганные крестьяне.

Рыжий, с прыщеватым лицом власовец сорвал с забора толстую ржавую проволоку и скрутил мальчику руки. Сцепив зубы, Ваня не стонал, хотя разбитое лицо пекло огнем. Он закрыл глаза: «Только не думать про боль. Только не думать. Худшее впереди — будут пытаться».

Его бросили на воз. Рыжий лихо вскочил на спину мальчику, кто-то навалился на ноги. Проволока немилосердно впилась в тело.

— Везите в Иванков, там он поплатится за троих наших, что вчера... — послышался хриплый мужской голос.

Воз тронулся. На каждой выбоине тело рвала нестерпимая боль. Проклятая проволока! Если бы не она, еще можно было бы терпеть. Нет, кричать Ваня не будет. Хорошо, если бы рядом шла мама. Она бы дала воды, а то в горле совсем пересохло, что-то сдавило виски.

Когда в Иванкове мальчика стащили с воза, он был без сознания. Начальник полиции, худой, как жердь, с желтым сухим лицом, ткнул пистолетом в лоб.

— Не тяни волюнку. Говори, какое у тебя задание. Где бандиты, с которыми шел?

«Сам ты бандюга проклятый», — думает Ваня. Слипшиися от пота волосы лезут в глаза. Мальчик вялым движением отбрасывает их назад. Хочет говорить четко и громко, но голос еле слышен. Морщит лоб: «Надо заплакать». Но слезы, должно быть, высохли, и заплакать не удастся. «Справки показывать?.. Опасно... Нет, обыщут — все равно найдут...» И он жалобно начинает рассказывать.

Работает слесарем в Гринях, о чем имеет справку. Господин начальник может сам взять в левом кармане. У него в Киеве мать. Очень больна. Решил навестить ее. Получил разрешение на это фирмы «Карл Берле», где он работает. Господин начальник может достать из правого кармана...

Начальник полиции долго рассматривает справки. Супитися:

— Ишь, щенок, ладно брешешь. А как к партизанам попал?

Нет, он не врёт, а говорит правду. Откуда ему знать, что эти мужики — партизаны. Они что, ему об этом докладывали? Встретил в лесу людей, они дали бидон в руки и сказали: «Возьмешь в селе молока. А мы тебя проводим».

Полицейский ехидно смеется:

— Проводим? Из Гриней в Киев через Рихту? Ничего себе попутчиков нашел! Бреешь ты все!..

Сильный удар, и Ваня падает. Но, поднявшись, продолжает:

— Ваши с оружием. Те — с оружием... Ваши у меня спрашивали, когда сюда волокли? И те не спросили...

Начальник полиции мгновение колеблется, но потом кричит еще громче:

— Говори, где справки взял? Сейчас позвоню в Грини, узнаю, был ли там такой молодчик.

Юного разведчика охватывает страх. Если гриневские подпольщики разгромили охрану и ушли в лес — он погиб. Если же нет, то все равно немец Ничке не станет его выручать, потому что Ваня отлучился без разрешения.

— Зачем звонить? — жалобно тянет мальчик. — Разве справки недействительны? Вот даже печати...

— Ага, боишься! — злорадно бросает полицейский.

Иванковский начальник применяет те же методы, что и его фашистские коллеги. Прикрывает дверь, кладет Ванину руку в щель. Пальцы синеют, на бледном, в синяках лице — капельки пота.

— Говори правду!

— Я сказал...

Начальник снимает телефонную трубку. Ваня замирает. Полицейский долго с кем-то разговаривает, читает по телефону Ванины справки.

Потом мальчика бросают в камеру. «Значит, конец! — думает он. — Остается только ждать. Интересно, сколько: час, два или сутки?»

*

В углу камеры сидит окровавленный военнопленный. Он подсаживается к мальчику, нежно гладит его по кучерявой голове, спрашивает с болью в голосе:

— За что тебя, сынок?

— Сам не знаю! — неохотно отвечает Ваня и рассказывает выдуманную им историю...

Утром следующего дня Ваню Кравченко снова привели в знакомый кабинет. Начальник полиции встретил его сердитым взглядом. Мальчика обдало холодом, сердце медленно отсчитывало удары: раз... два... три...

— Бери свои справки — и пошел вон! Живо, чтобы и духу твоего здесь не было!

Опьянев от радости, Ваня стремглав помчался по склону к дороге, ведущей в Киев...

*

Ульяна Сергеевна, узнав об аресте сына, совсем слегла. Целую ночь металась в лихорадке. Чего только она не передумала! Чуть на дворе забрезжило, вышла из дому. Нет, она не шла, не бежала — летела, не чувствуя боли в ногах.

Поля сменялись лесами, леса — песчаными холмами, но мать ничего не видела. Перед ее глазами стоял сын. Где-то уже под Гринями Ульяна Сергеевна встретила двух женщин. Разговорились.

— Недавно бой был в селе Рихта, — рассказывали женщины. — Власовцы поймали какого-то мальчика. Били его очень, а он хотя бы словечко вымолвил! Сам такой маленький, но молчит, как в рот воды набрал...

У матери потемнело в глазах. Простившись с женщинами, она пошла дальше. Вдруг на Гриневской дороге — Ульяна Сергеевна сама себе не поверила — она увидела своего Ваню. Но в каком виде! Он сидел, беспомощно свесив худые руки. И что это были за руки! Исцарапанные, в ссадинах, с посиневшими пальцами! На лице запеклась кровь, губы распухли... Только глаза все такие же чистые и добрые. Она прижала к груди его горячую голову и долго плакала, целуя и лаская сына.

К ним приблизился Давид Гороховский. Сел в сторонке. Не мешал матери выплакать свое горе. Потом подошел, смущенно покашлял в кулак.

— Ох, и напугал же ты нас, Ваня. Думали — не выдержишь. Тогда бы и нам не сладко пришлось. А тут еще звонят из иванковской полиции. Хорошо, что в конторе никого не было. Ну, я поручился за тебя, а сам говорю товарищам: «Готовьтесь. В случае чего — с боем в лес». Но ты молодец, перехитрил полицейских.

Мать улыбнулась сквозь слезы, а Ваня, покраснев, спрятал лицо у нее на коленях.

— Вам сейчас же надо уходить. Дело к вечеру, скоро нам начинать лесную жизнь...

Закончив разговор этой туманной фразой, Гороховский оставил их одних. Пока мать с сыном собрались, стало смеркаться. Не успели они пройти и двух километров, как за спиной раздался оглушительный взрыв, послышались выстрелы. И они поняли, о чем говорил Гороховский. Это работники фирмы «Карл Берле» взорвали мост и, уничтожив фашистскую охрану, с оружием в руках ушли в лес, на соединение с партизанами.

М. ЖУРАВЕЛЬ, В. БЛИЗНЕЦ

ПЕСНЯ В ОГНЕ НЕ ГОРИТ

Был в холодноярском отряде подросток Коля Негода, которого мы называли «наш поэт». И не без оснований. Он рано начал писать стихи.

Не забудет Николай солнечный июньский день 1941 года, когда из Киева пришла радостная весть: как победителя районного смотра школьной художественной самодеятельности его приглашали выступить на областном смотре и прочесть сочиненное им стихотворение «Песня о сыне».

Как было не радоваться! Он, юный пионер, пятиклассник, впервые поедет в столицу Украины! Возможно, осуществится и его давняя мечта — встретиться с выдающимся украинским поэтом Павлом Григорьевичем Тычиной.

С Павлом Григорьевичем Коля переписывался вот уже второй год, получал от него не только теплые дружеские советы, но и сборники стихов, школьные учебники. Тычина знал, что Коля рос без отца, и поэтому помогал ему по-отцовски. Об их переписке рассказала черкасская районная газета в статье «Академик и ученик».

«А теперь,— мечтал Коля,— увижу его самого, расскажу, как сложилась первая песня...»

Произошло это так. Сын соседей Максим был тяжело ранен в бою с белофиннами. Лежал в ленинградском госпитале. Медицинская сестра от его имени писала родителям задушевные письма, с которыми соседи приходили к школьнику Коле, чтобы тот прочитал им весточку от сына. Сами они были малограмотными.

Коля читал эти письма и отвечал Максиму под диктовку его родных. Максим просил отца приехать к нему. И отец выехал в Ленинград.

А в это время мать узнала о горе, постигшем их семью. В письме, исполненном скорби и печали, медсестра извещала мать о кончине сына, рассказывала о том, как врачи боролись за его жизнь, как она сама дни и ночи просиживала у постели Максима — славного советского воина.

Чужая боль глубоко тронула Колю. Несколько дней он ходил под впечатлением известия. Губы шептали слова о материнской скорби, о бесстрашном сыне, о незнакомой ленинградской девушке с чутким, добрым сердцем...

Слова сами вылились в строки. Потом, читая их односельчанам в клубе, Коля видел, как у многих матерей на глазах блестели слезы. И сам он не мог сдерживать дрожи в голосе.

...Побывать в Киеве на смотре Николаю так и не удалось — началась война.

Фронт приближался быстро. Запомнилось, как в полдень из-за тясминских холмов ударили орудийные залпы. Частые взрывы поднимали фонтаны земли на некошеном хлебном

поле. Там, в дыму и пламени, до последнего патрона бились советские бойцы, сдерживая натиск захватчиков.

Вечером орудейный и пулеметный огонь грозным смерчем пронесся над сельскими хатами. Когда взрывы затихли, Коля выглянул из погреба и увидел, что по всей прибрежной долине на их село двигались потоки вражеских солдат, а огородам, неподалеку от улицы, полз раненый красноармеец. Мальчик хотел броситься к нему, помочь, но мать удержала:

— Не подходи туда... из-за тебя заметят и его. Пускай пройдут, тогда...

Поблизости протопали сапоги, послышалась чужая речь, по улице прогрехотали моторы. Потом все стихло, за поворотом скрылся последний вражеский солдат.

Коля с молчаливого согласия матери поднялся по лестнице из погреба и побежал к тому месту, где лежал укрывшийся среди картофельной ботвы красноармеец. Он опирался на землю локтем левой руки, правая была перевязана разорванной нательной рубашкой. Рядом лежали винтовка и пустой патронташ.

— Возьми это, спрячь. Пригодится,— сказал боец и пополз через улицу к Колиной хате.

Мать уже вытащила из погреба лестницу и приставила ее к дверце чердака.

Больше месяца скрывался на чердаке сибиряк Виктор Седых. А когда зажили раны, спустился в хату, переделался в костюме соседкиного сына.

— Спасибо, мамаша, за все. Я пойду, попробую пробраться к своим,— сказал он на прощанье.— И тебе, дружок, спасибо. А та вещь, смотри, чтобы не заржавела,— намекнул на винтовку.

Николай с этой винтовкой, которая была больше, чем он сам, и пришел потом в лес. Этому предшествовала работа в подполье. Юные патриоты села, несмотря на грозившую им смертную казнь, собирали по окопам гранаты, патроны, винтовки и прятали их на островке в тясминской пойме.

Когда в селе появлялись гитлеровцы, ребята старались не попадаться им на глаза, уплывали на лодках и прятались в болотных зарослях. Там, собравшись на островке, они поклялись вредить оккупантам, чем только смогут.

В селе кто-то вывесил призывы: «Не давайте хлеба врагу! Срывайте жатву!». Ребята нашли под кузницей много металлических прутиков, понатыкали их на полях, где должны были убирать рожь и пшеницу. Жатки ломали зубцы, одна за другой выходили из строя. Достаточно было сунуть гайку или болт в связанный сноп — и захлебывалась молотилка...

Но юным патриотам хотелось большего. Из уст в уста передавались слухи о красных партизанах, о том, что подпольную борьбу на Черкасщине возглавил сам секретарь райко-

ма партии Сергей Наумович Палёха. За него, живого или мертвого, гитлеровцы обещали награду в десять тысяч марок.

До войны, на пионерском слете, Коля видел и слышал этого художавого человека, с орденом Ленина на груди, делегата XVIII съезда партии. В Черкасском районе его все знали, но как теперь с ним связаться, Коля, конечно, и представления не имел.

Однако случилось так, что Палёха сам дал о себе знать. Услышав, что в селе Бузукове действует молодежная патриотическая группа, которая наносит чувствительный вред оккупационным властям, руководитель подполья через связного вызвал Николая на явочную квартиру. Оказывается, Сергей Наумович в свое время читал про Негоду в районной газете.

И вот в ночь перед Новым, 1942 годом Коля встретился с Палёхой. Сначала он даже не узнал в этом поседевшем, заросшем бородой человеке секретаря райкома. И все же это был он, Сергей Наумович, теперь носивший партийную кличку Старик.

— Знаю, мальчишеского задора у тебя и твоих товарищей много, — сказал Сергей Наумович. — Но действовать надо осторожно, осмотрительно. И не самостоятельно, а всем вместе. Впереди — великая битва. Собирайте силы. Привлекайте только тех, кому верите, как самому себе. Будьте готовы по первому зову уйти в лес.

Николаю Сергей Наумович дал личное поручение: приходить в определенные дни на явочную квартиру, брать сводки Совинформбюро, переписывать их и распространять в притяжминских селах.

И Коля делал это, иногда добавляя в листовки от себя несколько стихотворных строк. Люди с волнением и надеждой читали об окружении гитлеровских полчищ на Волге, о победном танковом сражении на Курской дуге.

В августе сорок третьего в село пришел связной от Палёхи с приказом: всем подпольщикам уходить в лес.

Товарищи Николая собрались в хате, стоявшей вблизи от берега. Сидели, слушали информацию партизанского связного. Вдруг увидели, как со стороны Вергунов появилась колонна конных и пеших немцев. Они шныряли по дворам, заходили в хаты. Ребята один за другим, пригибаясь, побежали к берегу. Кто успел сесть в лодку и отплыть в камыши, кто с ходу бросился в болотную трясику.

Немцы заметили это и открыли стрельбу. Путь на Мошного — в отряд Палёхи — был отрезан. Мальчикам все же удалось высадить партизанского связного в безопасном месте. Одному было легче пройти незамеченным. А сами под покровом ночи с оружием в руках перебрались на южный берег — в Малый Бузуков. Узнав, что местные полицейские собрались

на огонек в сарае и на сеновале играют в карты, захватили их внезапно и забрали винтовки.

Теперь всеми остальными делами в селе можно было заниматься спокойнее. Подпольщики раздобыли подводу, коня. Открыли полицейскую кладовую, взяли гречневую крупу, пшено, муку и другие продукты и поехали в Сунковский лес. В лесу они встретили группу военнопленных, бежавших из концлагеря, и поделились с ними продовольствием и оружием.

Сунковский лес невелик. Его время от времени прочесывали каратели. Местные жители предупредили, что следы беглецов обнаружены и из окрестных сел стягиваются полицейские силы, чтобы окружить лес и захватить всех, кто нашел здесь убежище. Не теряя времени, подпольщики и военнопленные покинули лес. А ночью двинулись к Холодному Яру, в партизанский отряд.

Там, в холодноярском отряде, судьба свела Николая Негоду и с такими же молодыми товарищами, как он сам, и с мужественными ветеранами, участниками гражданской войны, которые сражались за Советскую власть. У них юный патриот перенимал опыт партизанской жизни, учился беспощадно бороться с врагом.

В памяти Николая Негоды навсегда остались ночные походы, засады у лесных дорог, бои в Новоселице, под Куликовкой. До сих пор слышится ему свист пули, пролетевшей рядом и сбившей у него с головы картуз. До сих пор дает себя знать осколок гранаты, застрявший в ноге. Часто вспоминаются погибшие боевые товарищи...

После соединения партизанского отряда с Красной Армией Колю Негоду, как несовершеннолетнего, отправили домой. В родном селе Бузукове, под Черкассами, нашел он только руины и пожарища. В безжалостном огне сгорели и спрятанные им тетради со стихами.

Увиденное и пережитое бурлило в душе — давило печалью, вызревало протестом, выливалось в поэтические строки. Тогда родилась его «Сожженная песня». Николай подумал и решил: написал неправильно, ведь песня в огне не горит!

Позднее он встретился с Анатолием Пашкевичем, дирижером и композитором. Тот как-то рассказал о матери, которая со времен войны и до нынешнего дня разыскивает своего сына, часто приходит к обелиску над братской могилой. И Негода, не переводя дыхания, написал слова, которые легли в основу новой песни:

Мама, мама
Сына ждет упрямо,
А солдат
Уснул последним сном...

Когда в Холодном Яру со всех концов страны — из Белоруссии и Молдавии, из Грузии и Башкирии, из Ленинграда

и Ростова — на месте, где когда-то была партизанская база, собрались бывшие партизаны, песня Николая Негоды и Анатолия Пашкевича «Степью, степью» в исполнении Черкасского государственного заслуженного украинского народного хора глубоко взволновала всех присутствующих.

Песня эта расправила крылья над родным краем, донеслась до Москвы, где прозвучала у Кремлевской стены над могилой Неизвестного солдата, прилетела к берегам Волги, где ее пели на Мамаевом кургане.

Достигла она и далекой Франции. Там посланцы Советской Украины исполнили ее торжественно и печально, отдавая почести своему погибшему земляку, борцу французского Движения Сопротивления Василию Порику.

...Бывший юный партизан Николай Феодосьевич Негода стал писателем. Награжден двумя орденами «Знак Почета», медалью «Партизану Отечественной войны» и другими медалями.

Николай Негода часто выступает с воспоминаниями о своих боевых побратимах-холодоярцах. За поэму «Орленок» о юном партизане Коле Печененко он удостоен областной комсомольской премии имени Олега Кошевого.

Читателям хорошо известны поэтические сборники Негоды «Растут сыновья», «Зерно на ладони», драматическая поэма «Дума про Кобзаря», роман «Холодный Яр», документальная повесть «Буду говорить с веками».

Г. ГОНЧАР,
Герой Советского Союза

МАЛЬЧИК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

С первых дней войны Софья Степановна Прокудова осталась вдвоем с десятилетним сыном Казимиром Гапоненко в своем домике на далекой киевской окраине.

Домику этому было чуть ли не сто лет, в нем жил еще дед Казика — превосходный столяр, старый большевик Степан Михайлович Прокудов. Вокруг — большой сад, за которым сразу начинаются глубокие овраги. Перед домом в разные стороны разбегаются три горбатых улочки.

Видимо, именно такое месторасположение привлекло сюда в августе 1941 года невысокого человека с волевым лицом, попросившего сдать ему комнату. Казик с любопытством разглядывал гостя.

— Какая комната, когда идет война? Да и кто вас теперь приишет?

Незнакомец прочел в глазах Софьи Степановны немой укор: все мужчины на фронте, а он в глушь забирается. Но притворился, что ничего не заметил, лишь сказал:

Казик Гапоненко

— Прописку беру на себя.

Казику квартирант понравился. Он многое знал, умел рассказывать интересные истории, любил мастерить. Жаль только, что не всегда можно его видеть, — случилось, дядя Дмитрий исчезал на несколько дней. Когда в Киев вошли фашисты, квартирант помрачнел. Иной раз в сумерках приносил какие-то подозрительные свертки и прятал их в овраге за садом.

— Что это у вас? — спросила однажды Софья Степановна, хоть и сама уже догадывалась.

— Оружие, — не таясь, ответил постоялец.

В тот вечер он долго беседовал с Прокудовой, рассказывал о своей жизни и о том самом главном, во имя чего остался во вражеском тылу. Софья Степановна сказала ему, что хочет принимать участие в борьбе против оккупантов.

Так она стала хозяйкой конспиративной квартиры и вместе с Казиком начала помогать Дмитрию Ивановичу Соболеву.

Член партии с 1918 года, чекист Соболев, в прошлом балтийский моряк, во время фашистской оккупации Киева был правой рукой, испытанным боевым другом руководителя разведывательно-диверсионной группы Ивана Кудри.

Постепенно в квартире Прокудовой появились пистолеты, гранаты, рация, типографский шрифт, листовки. Их тщательно прятали в погребе или в овраге, где была пещера.

Казик помог Соболеву соорудить в печке тайник. Они вынули несколько кафельных плиток, уложили оружие и аккуратно водворили плитки на прежнее место. Листовки ловко маскировали в абажуре.

Внимательно присматриваясь к Казику, Дмитрий Иванович все больше убеждался в том, что из него может выйти хороший разведчик. Паренек обладал всеми нужными для этого качествами — был сообразителен, осторожен, смел. И Соболев стал давать ему первые самостоятельные поручения.

Довольно часто на киевских улицах можно было увидеть парнишку с корзиной в руках. То он отправляется на Владимирский базар продавать яблоки и груши из собственного сада, то несет домой от знакомых картошку. Иной раз поглядит мальчику вслед какая-нибудь женщина и промолвит одобрительно:

— Вот это помощник у мамы!

А помощнику-то только десять лет исполнилось. Он ро-

дился 10 ноября 1931 года и перед войной окончил лишь три класса Киевской школы № 110.

Разве могли догадаться прохожие, что под яблоками лежат листовки, а под картошкой — гранаты?

Впоследствии Казик стал отправляться и в более отдаленные рейсы. Однажды надо было доставить пачку листовок в одно из пригородных сел, чтобы и там люди узнали правду о нашей армии, преисполнились верой в победу. Одетый, как и следовало теперь, по-крестьянски, он ни в ком не вызывал ни малейшего подозрения. Его даже подвозили в дороге.

Дмитрий Иванович доверял юному разведчику важные связи, пароли. Казик хранил все это в памяти, научился безошибочно узнавать по внешнему описанию нужных людей и местность, передавал подпольщикам записки или устные указания. Он стал связным Соболева.

Мальчику уже довелось видеть и Кудрю, известного тогда под именем Максима, и его соратников — Антона Печенева, Жоржа Дудкина, бывавших у них дома на Павловской улице (ныне — Бурмистренко), 34. Он немало слышал об отваге Кудри. Поэтому легко понять, какие чувства обуревали его, когда Дмитрий Иванович велел пойти на связь с самим Максимом.

Наверно, долго не засыпал той ночью Казик, обдумывал свой маршрут. А утром в условном месте на Совской точно в указанное время передал Кудре два пистолета и деньги. И хотя по правилам конспирации встреча должна была быть предельно короткой и, на первый взгляд, случайной, Максим на какое-то мгновение задержался. Нежно погладил Казика по голове, посмотрел в глаза и крепко, по-мужски пожал руку. Кто знает, может вспомнил о своих сыновьях, которые были так далеко, и, преклоняясь перед стойкостью этого парнишки, мысленно пожелал ему дожить до счастливого дня освобождения.

Гапоненко не дожил. Последние его дни — словно полноразвучный завершающий аккорд, словно яркий всплеск душевной красоты и мужества юного героя.

...Холодным вечером 19 ноября 1942 года предатель, по фамилии Гнилюк, привел в дом над оврагом гестаповцев и полицаев. Они били пистолетом Софью Степановну, допытываясь, где Соболев. Женщина молчала.

— Соболев, наверно, теперь у Антона Печенева в Комиссиатском переулке, — сообщил гестаповцам Гнилюк и тихо добавил что-то, указав пальцем на Казика. Потом с притворной приветливостью обратился к мальчику: — Поедешь с нами и поступишь как надо, чтобы открыли. Ведь ты знаешь, как надо. Сделаешь так — и тебе, и матери награда будет.

Казика, конечно, был известен условный сигнал: три коротких удара. Но нет, ни за что он не станет предателем! И ког-

да в темноте подъехали к знакомой калитке, он стал изо всей силы колотить по ней ногами.

Его оттащили в сторону, но Антон Печенев и Жорж Дудкин успели выбежать из квартиры и, застрелив гитлеровского офицера, исчезли. Соболев ушел полчасом раньше. Разъяренные фашисты тут же, во дворе, убили родителей Антона, а Казика с матерью увезли в гестапо. Мальчика бросили в камеру № 39, Софью Степановну — в камеру № 44. На допросах над ними зверски издевались. К виску юного разведчика приставляли дуло револьвера, а мать методически хлестали плетью.

— Если не скажешь, где подпольщики, убьем твоего щенка!

Материнское сердце сжималось от боли, но женщина молчала. Молчал и Казимир. Он смотрел на палачей в упор с каким-то недоумением и не промолвил ни слова.

Однажды Софья Степановна решила передать Казика кое-какие продукты, собранные ее подругами по несчастью. Гестаповец, к которому она обратилась, зло рассмеялся ей в лицо:

Памятник Казикау Гапоненко на территории школы, в которой учился мужественный пионер

«Твой мальчишка уже пошел туда — нах гаузе, ха-ха-ха!»
Через несколько дней Софью Степановну перевели в Сырецкий лагерь.

Перед приходом советских войск Прокудову вместе с другими узниками отправили в фашистскую Германию. Но под Шепетовкой ей удалось на ходу выпрыгнуть из вагона, проделав отверстие в полу. Вернулась в Киев. На месте родного крова увидела пепелище: гитлеровцы сожгли дом, так и не найдя рацию, зарытую под деревом...

Пионер Казимир Гапоненко погиб. Но думаешь о нем не только с грустью, а и с гордостью. Один из самых юных героев войны, еще совсем ребенок, он проявил стойкость и силу духа настоящего бойца.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Казик Гапоненко посмертно награжден медалью «За боевые заслуги».

Л. ДАЕН

ЭТО БЫЛО В ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

Встреча эта произошла девятого мая. В День Победы над фашистской Германией.

Стоял ясный весенний день.

Я возвращался вместе с учениками восьмого класса с городского кладбища, где были похоронены участники Великой Отечественной войны. Мы шли по узенькой дорожке между оградками и рассматривали надписи на табличках. И когда уже поравнялись с последними могилками, заметили двух стариков: женщину и мужчину, сидевших возле небольшого холмика. На нем стоял металлический постамент со звездочкой сверху, а на могилке лежали цветы.

Я подошел к старикам и спросил, кто из близких у них здесь похоронен. Женщина подняла голову, окинула нас взглядом и ответила:

— Мы с соседом пришли навестить своих сыночков-пионеров.

Она внимательно посмотрела на учеников, словно хотела отыскать в ком-то из них знакомые черты умерших.

— Простите меня. Не из любопытства, а вот ради них я просил бы вас рассказать о своих детях, их жизни...

— Тяжело об этом вспоминать. Но все-таки расскажу, — ответила женщина.

Мои ученики тихо расселись вокруг стариков.

...Это было в начале Великой Отечественной войны в нашем городе.

Недавно закончился учебный год в школах. Наступили летние каникулы. Начиналось жаркое лето. Оно звало детей на Днепр, в лес, на рыбалку. Многие ребята разъезжались

в пионерские лагеря. Ежедневно можно было увидеть на пристани, на автобусной и железнодорожной станциях, как матери и бабушки провожали девочек и мальчиков на летний отдых.

Внезапно все изменилось. Началась война.

Совсем другие люди появились на пристани и вокзале. Проходили воинские эшелоны. Эвакуировалось население. Вывозилось на восток оборудование демонтированных заводов. Даже детвора, особенно мальчишки-подростки, помогали защитникам родного города. Перевязывали раненых, подносили снаряды и патроны, таскали воду для пулеметов... Бои шли долгие и жестокие. Однако наши войска вынуждены были отступить. Город захватил враг.

На одной из улиц Днепродзержинска жили друзья-пионеры — Толя Куц и Володя Дундук. Они не только были соседями по парте, но и проводили вместе время после школы, вместе готовили уроки, оба хорошо учились. Когда немцы заняли город, мальчишки затосковали, но пионерских галстуков не сняли, а, как и раньше, носили их, только спрятали под рубашки. Целыми днями они шныряли повсюду, ко всему прислушивались, следили за немецкими солдатами.

Однажды утром юные друзья отправились на главную улицу города. Подойдя к случайно сохранившейся витрине, они внезапно увидели приказ немецкого командования. Он был напечатан на русском и украинском языках.

— Видишь, Володя, что фашисты пишут?

— Что, Толя?

— Выдавать немцам советских военных и... партизан.

Мальчишки переглянулись, видимо, одновременно подумав об одном и том же. Володя впился глазами в витрину, читая другой приказ.

— А в этом пишут, чтоб сдавали оружие...

— Нашли дураков! — презрительно фыркнул Толя. Вынул из кармана руку и показал сжатый кулак. — А этого не хотели?

Пионеры заговорщицки перемигнулись, о чем-то пошептались. И когда увидели, что поблизости никого нет, вмиг сорвали оба приказа и спрятали за пазуху. Посвистывая и не торопясь, пошли домой.

Напротив дома, где жили мальчишки, раскинулся пустырь. Он был обнесен дощатым забором. За забором находились большие каменные погребя, на которых виднелась надпись рыжей краской: «Осторожно с огнем. Бензохранилище». У ворот на лавке сидел сторож и охранял склад с горючим.

Там же, за забором, стояли немецкие грузовые автомашины. А шоферы, краснорожие, откормленные, как кабаны, хотали и спокойно заливали в баки советский бензин. Бензин, который не успели ни вывезти, ни уничтожить. И вот фашисты

Толя Куц

Володя Дундук

здесь хозяйничали, распоряжаясь нашим добром, как своей собственностью.

Как-то мальчики наблюдали за этой картиной. Наконец, Толя первым нарушил молчание:

— Сколько бензина и весь остался. И немцы пользуются. А был наш, советский...

— Был,— сердито буркнул Володя.— А теперь фашистский.

— На нашем бензине повезут на фронт оружие, солдат, а нашу молодежь — в Германию, на работу? — возмущенно спросил Толя.

На них косо и недоверчиво посмотрел сторож. Замахал палкой, поднес ко рту свисток, дескать, здесь нельзя сидеть, убирайтесь отсюда прочь.

...Мальчики давно что-то задумали. Им не давало покоя бензохранилище. Оно им мозолило глаза, тревожило совесть. А слова листовок, сброшенных с самолета, призывали их к действию. «Уничтожайте врага, уничтожайте военное снаряжение, поджигайте все ценное имущество, чтобы оно не досталось фашистам...»

Был ясный, жаркий, но ветреный день. Внезапно над городом появились советские бомбардировщики. Среди немцев начался переполох. Все бросились к убежищам. В общей суматохе никто не заметил двух мальчиков, бжавших в сторону пустыря, где находилось бензохранилище.

Толя и Володя, взобравшись на дощатый забор, заглянули на территорию склада с горючим, огляделись вокруг — никого. Только гудели над городом самолеты.

— Никого нет. Все в бомбоубежище. Сторож тоже спрятался,— сказал Володя.— Пошли...

Мальчики переглянулись, спрыгнули с забора во двор и ки-

нулись к подвалу. Толя выхватил из кармана спички и сбежал по ступеням.

— Не спеши, Толя! Лучше внутри...— крикнул товарищу Володя, вынул из кармана паклю и вату и тоже начал спускаться вниз.

На дворе — ни одной живой души. Даже собаки и голуби попрятались, как перед надвигающейся бурей.

...Внезапно из подвала, где хранилось горючее, вырвался огромный клуб дыма, а следом за ним взметнулся сноп пламени. За ним — другой, третий... Распахнувшиеся двери с грохотом ударились о стены.

Вокруг, как и прежде, было безлюдно... Но вот из бензохранилища, охваченные огнем, выползли Толя и Володя. На них все горело. Оба пытались подняться, чтобы бежать, поддерживали друг друга. Протянув вперед руки, двигались на ощупь, с закрытыми глазами.

Пожар охватил весь склад с горючим.

...Из бомбоубежища выбежал сторож. Глянул на огонь и зарорал не своим голосом:

— Пожа-а-ар! Бензин гори-и-ит!

За сторожем повыбегали люди. Кричали, суетились. Выбежали и родители Толи и Володи. На мальчиков кто-то набросил одеяло, сушившееся на веревке. Поливали их водой, сыпали на горевшую одежду песок...

Где-то яростно завывала сирена.

— Немцы!.. Фашисты!..— всполошились люди.

Женщины, завернув мальчиков в простыни и одеяла, торопливо покинули двор.

В немецкой комендатуре допрашивали мать Толи и отца Володи. Над ними долго издевались, пытаясь узнать, кто подговорил мальчиков уничтожить склад с бензином. Но как ни бились фашисты, так ничего и не узнали.

Толю и Володю тайком от гитлеровцев отнесли в третью больницу. Они лежали неподвижно, закутанные в простыни, и только глаза говорили, что в них еще теплится жизнь...

Тайну сохранить не удалось — у дверей палаты немцы поставили часового. Он то громко топал коваными сапогами по коридору, то, остановившись, заглядывал в палату.

А там, возле Толи и Володи, сидела Толина мать. Женшина переводила скорбный взгляд с одного на другого и сокрушенно качала головой. Пыталась напоить из чашечки молоком то Толю, то Володю. Но те чуть заметным движением век отвечали: «Не хочу...»

В коридор зашел отец Володи. Он держал в руках небольшой узелок, из которого выглядывали две бутылки с молоком. Заметив его, часовой крикнул:

— Век, век! Дорт ист! — и показал на палату.

Володин отец протянул часовому узелок с передачей. Но тот навел на него автомат и заорал:

— Партизан! Век! Шнель! — и лязгнул затвором.

Отец Володи повернулся и медленно побрел к выходу...

— Толя, сыночек, — промолвила, сдерживая слезы, мать и склонилась над постелью больного. — Что ты наделал! Кто подговорил тебя с Володей на это?

У Толи блеснули глаза из щелочек век, шевельнулись распухшие губы:

— Ма-ма... никто нас не под-го-ва-ривал... Мы са-ми... с Володи-дей... Мы же пионеры... по-кля-лись...

— А все же... мы подожгли склад с бензином... — чуть слышно прошептал Володя. — Немцам... ничего не досталось...

Много дней боролся врач за жизнь Володи и Толи. Но спасти пионеров-патриотов не удалось. Они оба погибли.

Погибли, стремясь в тяжелый час помочь своей Родине, которую они так горячо любили.

Т. СИНЬКО

СЫН ПАРТИЗАНА

Когда началась война, Жене не было и двенадцати. К селу Кодра на Киевщине, где он родился и вырос, подходили фашисты. Отец, воевавший еще в гражданскую, крепко взял Женю за плечи и сказал:

— Я иду в лес, сынок. Ты останешься здесь, не спорь. Нас пока еще мало. Но будет значительно больше, и ты в этом поможешь. Будешь приводить к нам верных людей. Куда, скажу позже.

И впервые Женя понял, что надвигается что-то страшное.

Непросто было маленькому мальчику выводить людей из села, занятого оккупантами, в партизанский лес. Но он это делал. Преимущественно ночью.

Как-то забежала к Ефимовичам соседка и предупредила, что один негодяй похвалялся, будто обнаружил партизанского связного. Мать Жени — Ефросинья Сильвестровна — подумала, не о ее ли сыне шла речь, и решила бежать из села.

Отряд отца к тому времени был уже далеко. Долго блуждали в лесах сын и мать, пока не попали к Сидору Артемьевичу Ковпаку. Женя стал разведчиком и связным, а Ефросинья Сильвестровна — стряпала, стирала, перевязывала раненых. Вскоре была установлена связь с партизанским соединением А. Н. Сабурова, и Ипполит Осипович, отец Жени, перешел в отряд С. А. Ковпака. Семья стала воевать вместе. Так втроем и прошли всеми партизанскими тропами.

Женя не раз ходил в разведку. Маленький, худощавый, он никому не бросался в глаза, и первое попавшееся дерево или куст легко скрывали мальчика.

Как-то ему и еще одному разведчику (к сожалению, фамилию его до сих пор установить не удалось) поручили разведать мост через реку Тетерев. Женя все заметил: и когда сменяется охрана, и сколько времени нужно часовому, чтобы обойти мост, и как расположены вокруг воинские части. Еще и два «языка» привели разведчики с собой в отряд.

26 марта 1943 года Украинский штаб партизанского движения послал в Москву такое сообщение: «В ночь на 14 марта 1943 года совместными действиями Путивльского, Глуховского и Кролевецкого партизанских отрядов подорван мост длиною в 225 метров через реку Тетерев на участке железной дороги Киев — Коростень. Мост имел 4 стальных пролета длиною по 55 метров на железобетонных опорах. На восстановление моста врагу понадобится от 30 до 45 суток... Уничтожены 463 солдата и офицера противника и захвачены трофеи: пулеметов — 14, автоматов — 4, винтовок — 97, пистолетов — 12, гранат — 21, мин — 37...»

За скупыми строчками сводки — ночная разведка двух партизан, из которых один — тринадцатилетний мальчик Женя Ефимович. И жестокий бой.

Именно в эту ночь партизаны освободили Кодру, разгромив 63-й немецкий полк и отряд полицейских-карателей. Не узнал Женя своего села. Все сожжено, людей нет: взрослых вывезли в Германию, детей поубивали... Страшно было смотреть на пустошь, где еще не так давно стояло веселое село, в котором он вырос, ходил в школу, пас коров, гулял с товарищами.

Долго еще Женя жил в лесу среди партизан. Как и взрослые, голодал, мерз, переносил все тяготы походной жизни. И сражался наравне со взрослыми — ходил в разведку, бегал связным от одного партизанского поста к другому, передавая приказы командования...

Юный пионер-разведчик был храбрым мальчиком. Об этом свидетельствует и такой эпизод. Перед тем как освободить село Хомовку, группа разведчиков, среди которых был и Женя, отправилась в село. И вдруг нарвались на засаду. Побросали коней и завязали бой. Жене поручили выбраться из зоны боя, бежать в лес и сообщить о неудаче. Под градом пуль мальчик пополз к лесу. Выполнил задание и вернулся к своим товарищам.

После соединения партизанского отряда с частями Красной Армии Ефимовичи вернулись в освобожденную Кодру. В пятый класс Женя пришел в конце третьей четверти. За два с половиной месяца прошел годовую программу.

Не усидел бывалый партизан на месте. Взял он свои парти-

занские медали, документы и поехал в военное училище. Окончил его с отличием. Потом служил на Черноморском флоте, работал начальником цеха одного из киевских заводов.

Л. БИДЕНКО

МГНОВЕНИЕ ИЗ ЖИЗНИ РАИ БАЛАГОВОЙ

История, которую я хочу рассказать, чрезвычайно растянута во времени. Ее начало — морозное утро марта 1942 года; место действия (вернее, происшествия) — Харьковская область, Великобурлукский район, полтора километра южнее станции Шиповатое.

В День Победы на сборе ветеранов 13-й гвардейской дивизии, которой командовал дважды Герой Советского Союза Александр Родимцев, бывший командир саперного батальона капитан Володя — ныне полковник в отставке В. С. Горлов — сделал мне дорогой подарок: вручил пожелтевшую солдатскую газету Юго-Западного фронта «Красная Армия» от 7 апреля 1942 года, где была опубликована моя заметка. Я прочитал собственное сочинение с удивлением, так как совершенно забыл все, что с ним связано. Осмеливаюсь опубликовать во второй раз свои двадцать строк, хотя отчетливо вижу, сколь сухо и бегло изложены потрясающие события, в надежде, что последующий комментарий будет интересней.

Гвардейцы возвращались с фронта на отдых. В вагонах играли гармоника, раздавались звонкие песни. Поезд шел по направлению к станции К. В это время самолеты противника бомбили железнодорожный путь. Из окна своей хаты ученица 7 класса Рая Балагова видела, как самолеты сбросили несколько бомб, слышала сильные взрывы.

Стервятники еще кружили над мирным украинским селом, над железнодорожной станцией, когда Рая выбежала на улицу и со всех ног бросилась к насыпи. Она увидела, что путь разрушен. Девочка хотела побежать, сообщить об этом отцу-железнодорожнику, дежурившему в этот день на станции. Но ведь из-за поворота в любую минуту может появиться поезд. Тогда крушение неизбежно. И Рая осталась на разбитом пути ждать поезда. Стоял 20-градусный мороз, дул ледяной ветер. Поезда не видно. Прошел час, его все нет. «А может быть, поезда так скоро не будет и я успею сбежать к отцу?» — подумала Рая, но все же осталась на пути.

Но вот из-за поворота показался длинный состав. Девочка распустила по ветру платок. Изю всех сил размахивала она замерзшей рукой. Машинист заметил сигнал и остановил поезд. Это был эшелон гвардейской саперной части. Саперы быстро восстановили путь. Командир части крепко пожал руку Рае Балаговой за ее подвиг и премировал девочку.

Евг. Долматовский

Может быть, современному молодому читателю и неясно, что фронтовая передислокация дивизии — труднейшее и секретнейшее дело. Немалое значение придается сохранению тайны. И я начну свой запоздалый комментарий с того, что обращаю ваше внимание на маленькие корреспондентские хитрости,

рассчитанные на тот случай, если газета попадет в руки врага.

Конечно, не на отдых, а на фронт и с задачей наступления перемещалась гвардейская часть. Потому и написал я, что «гвардейцы возвращались с фронта на отдых».

Поскольку к станции Шиповатое эшелон шел из города Купянска, надо было написать, что он «шел по направлению к станции К.», то есть в обратном направлении. Механика нехитрая, но иногда она путала карты противнику. Все же переброска из-под Щигров в Харьковскую область знаменитой 13-й гвардейской (она только что стала гвардейской) дивизии Героя Советского Союза Родимцева (только что получившего генеральское звание) не ушла из поля зрения вражеской авиации. Снегопады и метели были нам на руку, а каждое прояснение грозило налетами штурмовиков и бомбардировщиков.

В моей корреспонденции, кроме нарочитой дезинформации, была и просто фактическая ошибка: напечатано было, что эшелон спасла ученица 7 класса, а Рая в ту пору училась в 6, да и то не успела закончить по обстоятельствам военного времени.

Вернувшись со слета ветеранов, я принялся за раскопки в своем архиве. И, как это ни удивительно, нашел «офицерскую книжку» — дневник 1942 года. Карандашные записи почти стерлись, с трудом разбираю слова. Привожу строки, которые удалось прочесть:

...Состав вдруг встал, так что ребята в теплушках посыпались с нар, а лошади стали ржать и биться. лейтенант Федор Беликов, находившийся, как положено дежурному, на локомотиве, ругается с гражданским машинистом; тот спорит, что никого на рельсах нет, нечего было экстренно тормозить, а теперь без разгона не одолеть подъем! Но Беликов отчетливо видел маленькую фигурку, размахивавшую черным платком. Перед паровозом — две бомбовые воронки. Рельсы штопором, шпалы дыбом. Побежали смотреть, ужаснулись. Но никакой спасительницы нет. Утро, часов 8. Испугались, что девочка где-то под колесами. Искали все, орали. Ее нашли в сугробе рядом с рельсами. Без сознания. Она сжимала в красной ручке черный, какой-то старушечий платок. Она в чехотах на босу ногу. Ее понесли на паровоз. Санструктор Маруся Маслюк давала ей нюхать нашатырный спирт, трясла. Девочка очнулась. А саперы толпились вокруг, ждали, когда их спасительница придет в себя. Уже восстанавливали путь. Произошло интересное ЧП. Начальник эшелона капитан Володя увидел, что на мужском штатском пиджаке, в который одета, точнее, завернута девочка, блестит медаль «За отвагу». Откуда? Может быть, это отцовский пиджак с медалью? Но комиссар утверждает, что когда несли девочку на паровоз, не было на пиджаке медали! Тут кто-то уж очень глазастый заметил, что на ватнике гвардейца Якова Момана отсутствует медаль «За отвагу», которой он недавно был награжден и весьма гордился. Влетело этому парню за самовольничанье. Нельзя отдавать свою награду никому! Это нарушение...

А Моман заявил во всеуслышанье:

— Если я заработаю Золотую Звезду, pošлю этой девчоночке, ведь и я, и весь батальон обязаны ей жизнью!

По правде говоря, и командир, и комиссар не знали, как на такое реаги-

ровать. Но медаль «За отвагу» Якову пришлось вновь привинтить себе на грудь.

Федор Беликов появился с гитарой в руках. Он решил подарить девочке свою гитару, с которой никогда не расставался. (Видимо, эта гитара и послужила основанием мне, чтоб написать: «Командир премировал девочку»). Его гитара — как сигнал. Стали тащить кто что: конфеты, деньги, даже зажигалки дарить девочке...

Вот что я записал 25 марта 1942 года на станции Шиповатое, в тот холодный и ветреный день, хотя по календарю — вполне весна.

Я был тогда корреспондентом фронтовой газеты «Красная Армия» и спецкором «Комсомольской правды». Помню, что историю со спасением эшелона я расписал в более пространной заметке и отправил в «Комсомолку». Но до Москвы, до редакции, заметка не дошла. Мой столичный коллега до Москвы не добрался. Самолет У-2, на котором он летел, был подстрелен, но сумел сравнительно благополучно приземлиться и загорелся уже на земле. Раненого летчика и корреспондента эвакуировали в тыл, а планшет с моим сочинением, по всей вероятности, сгорел. Причину недоставки материала в газету, я полагаю, можно считать уважительной, и вот теперь, через 37 с половиной лет, я досылаю «Комсомольской правде»¹ рассказ о подвиге Раи Балаговой.

Ведь эта девочка спасла тех, кто потом держал в руках легендарную волжскую переправу, защищая Сталинград, кто насмерть стоял в районе Прохоровки на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Полтаву и Кировоград, кто участвовал в спасении Варшавы, Дрездена, Праги...

Значит, успех всех этих нелегких, навсегда оставшихся в истории, боевых дел на самом раннем этапе был заложен и подвигом пионерки Раи Балаговой, подвигом, за который гвардии лейтенант Федя Беликов премировал ее своей любимой гитарой.

Лейтенант Беликов героически погиб у подножия Мамаева кургана. Могу ли я и от его имени вновь побывать на станции Шиповатое и поцеловать руку спасительнице эшелона? Смею ли я считать свою жизнь продолжением тех жизней, которые 25 марта 1942 года спасла Рая Балагова, но не смогла уберечь потом: впереди было еще три года и месяц войны, а смерть лютвала в каждом бою...

Не знаю, имею ли я право, но не поехать в Шиповатое я не мог.

Осенним утром я вышел на почти сровнявшуюся с землей единственную платформу станции однопутной дороги, соединяющей Воронеж с Харьковом. Увидел одноэтажное станционное здание со старомодным колоколом, аккуратные подъездные пути, а за ними — шеренга тополей.

¹ Очерк был напечатан в газете 23 декабря 1979 г. (Сост.).

На станционной стене, выложенной из силикатного кирпича, небольшая, похоже, бронзовая доска с надписью: «*В районе станции Шиповатое 25 марта 1942 года ученица 6-го класса Шиповатской средней школы Балагова Рая спасла от неминуемой гибели воинский эшелон*». Проходящий мимо ремонтник, заметив, что я читаю написанное на доске, спросил: «Вы не Раису Петровну чекаете? Сейчас кликну!»

Я боюсь сказать, что сразу узнал Раю Балагову — просто не запомнил лица девочки. Тем более тогда, в сорок втором году, оно было для меня, как и для всех гвардейцев эшелона, чем-то святым и бесплотным. В такие мгновения запоминаются не отличительные черты лица, а сам подвиг...

Раиса Петровна была в рабочей одежде, в темной кофте.

— Простите, я с работы отлучилась.

Оказалось, что рабочий пост Раисы Петровны — тут же, вплотную примыкает к станции. Это семенной пункт. Мы вошли в чисто подметенный двор, на транспортной ленте я увидел пшеничный поток. Моей героине надо было с кем-то поговорить по делу. Пока она ходила по лабазам с ячменем, просом, овсом, я познакомился с ее мужем Петром Семеновичем Стрельченко. Он из этих мест, войну встретил на границе — служил срочную. Пережил всю блокаду Ленинграда, после восстанавливал границу на юге страны. Был и контужен, и от дистрофии падал, получил солдатские награды — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги», вернулся в родные края не сразу, в мирные времена еще дослуживал. Когда вернулся, сразу приметил красивую девушку, неутомимую труженицу. В 1947 году расписались, есть трое сыновей. Работают муж и жена в этом самом заготзерне.

Освободилась Раиса Петровна, и я попросил ее рассказать, как было дело тогда, 25 марта 1942 года.

— А чего рассказывать? Ведь я поняла, что произошло, из вашей заметки в газете. Так что вы лучше меня знаете. Потом в учебнике «Родная речь» для 4-го класса была эта заметка, только еще короче. Мои дети в школе изучали про маму. Сейчас, кажется, другой учебник вышел, без рассказа о девочке, спасшей поезд.

Но я настаиваю. Мы сидим за столом в доме Стрельченко, у накрытого плетеной салфеткой телевизора. На славном украинском языке Раиса Петровна рассказывает, я записываю:

— На станции в ту ночь оставались 2 пассажирских вагона и 4 цистерны. Когда пути загружены — тревожно: он может прилететь... Отец как раз дежурил. Мы в селе снимали квартиру, то есть комнату, жили тесно. У меня были еще маленькие тогда — два брата, две сестры. На заре проснулась: бомбежка. Волнуясь за отца, оделась по-быстрому и бегом на станцию. Когда вскарабкалась на насыпь, увидела свежие ворон-

ки, разрушенный путь. Растерялась: бежать на станцию? А вдруг поезд? Решила ждать. И вот состав идет. Берет разгон. Машинист дает гудок, чтоб я ушла с пути. Хотел проскочить — местность открытая, небо чистое...

Я махала платком, кричала, хотя знала — не докричишься. Но выбора не было: я и сбежать с полотна не успела бы. Все же эшелон встал передс мной, то есть перед воронками. А я, не знаю уж почему, в обморок. Когда пришла в себя — вокруг какой-то дикий праздник. Красноармейцы кричат, друг дружку обнимают, мне что-то говорят. Стали мне дарить кто что. Я домой шла с гитарой. Эшелон разгрузился, все уехали, у нас жизнь потекла по-прежнему.

В годовщину войны, как раз 22 июня, фашисты заняли село и станцию. Семь месяцев под оккупацией. Говорят, не так уж долго. Но тяжело было. Школу закрыли, разрушили все. Учиться мне больше не пришлось. Семья огромная, надо растить сестер, братьев.

— А гвардейцы не писали? Не пытались вас найти?

— Некогда им было. — Раиса Петровна по-доброму улыбается. — Воевали, остановиться да посмотреть назад не могли. Они адреса моего не знали, да и не было после войны адреса — все село в разоре.

Это и мне Раиса Петровна отпускает грехи, а я сам перед собой так легко не оправдаюсь. В Харькове бывал не раз, на юг, на курорт проезжал поблизости... Что бы заехать в Шиповатое, спросить про Балагову? Но ни я, ни мои товарищи-гвардейцы ни в сорок третьем, ни в сорок пятом, ни в шестидесятом не искали девочку, спасшую жизнь личного состава гвардейского саперного батальона. Впрочем, и Рая, а потом Раиса Петровна, никому не рассказывала о том, что произошло 25 марта 1942 года. Да и считала ли она свой поступок подвигом? Вот ее ответ:

— Как-то не принято у нас о себе говорить. А чтоб рельсы были в порядке, дети железнодорожников всегда смотрят. Я еще раньше, в мирное время, совсем маленькой заметила лопнувший рельс, премирована была. На войне забот хватало у солдат. А в 1964 году в Великий Бурлук пришло письмо из города Кургана: «Нет ли у вас тов. Палаговой, она наш эшелон остановила перед гибелью». Искал один славный человек, ветеран, он потом приезжал, мы теперь в переписке. Вот его фотография.

На стене, в рамке, набор семейных фотографий — свадьба, младенцы, родственники. И маленькая — с документа — фотография подполковника. Он тоже — как член семьи. Это он написал, хоть и фамилию своей спасительницы помнил неточно. И от его письма пошло: и санинструктор Мария Маслюк (теперь ее фамилия Лесникова, она живет в Риге), и комбат полковник в отставке Горлов, и сам генерал-полковник Алек-

сандр Родимцев, дважды Герой Советского Союза,— все написали! А начал поиск подполковник запаса Григорий Гулько — ему и честь.

Вспомнили, что тогда, в марте 1942 года, заполнен был на девочку наградной лист, но документы погибли в тяжелых боях второго лета войны. В день двадцатилетия Победы Раису Петровну вызвали в Великий Бурлук, в военкомат, хотя она никогда военной не была. Вручили медаль «За боевые заслуги» — такую же, как у мужа за участие в боях на границе. Было торжество, приехали седые гвардейцы, называли Раису Петровну героем и своей спасительницей, добавили к медали еще два знака «Ветеран 8-й гвардейской армии» и «Ветеран 13-й гвардейской дивизии»...

Тут и весь район узнал, хотя, в общем-то, секрета не было: в «Родной речи» упоминалось, но словно не о землячке написано в учебнике. Еще десять лет прошло, и райком комсомола решил установить памятную доску на станции Шиповатое.

Но мало осталось гвардейцев-саперов!

...Затерялся в пламени войны след Якова Момана, сапера, мечтавшего заслужить для Раи Золотую Звезду (может, прочтет эти строки, откликнется, может, жив? Я в чудеса верю!).

История нетороплива и порой распоряжается прошлым по своему усмотрению. Годы, время, другие события, сопоставление фактов с фактами, подобными и противоположными,— все это происходит с нами и вокруг нас. Не сразу становятся очевидными истинные ценности, иные дела, казавшиеся важными, тускнеют и растворяются во времени, не оставив следа, а другие, считавшиеся несущественными, приобретают новую значимость.

Случай с подвигом Раи Балаговой не является исключением в этом неровном ряду. Раиса Петровна не искала славы, наверное, потому слава сама пришла на порог ее скромного трудового дома, стоящего на краю пристанционного поселка, километрах в двух от места ее прекрасного подвига.

Я побывал в школе, где училась Рая Балагова. Мы пришли туда из сельского Дворца культуры, прекрасного здания, недавно выросшего в центре села. В отличие от дворца, здание школы старое.

В сожженном врагом, разрушенном дотла селе Шиповатом все же сохранился его остов, и возрождение села началось именно со школы. Первое время колхозники жили в сарайчиках, ютились в землянках, но школа действовала. Пусть в чернильницах густел лиловый лед, пусть во всем отказывали себе учителя, но никакая метель не могла замести ведущую к школьной усадьбе тропинку с отпечатками маленьких ног. Правда, трудно было после освобождения с комплектованием старших классов, потому что подростки взяли на свои плечи взрослую ношу труда и забот. Не удалось сесть за парту и Рае Балаговой.

Раиса Петровна вспоминает, как тяжело было ходить мимо школы — работать на станцию. Не раз заглядывала в открытую дверь своего класса бывшая ученица, а там, за той партой, где до войны сидела она, уже восседали другие, совсем юные граждане села Шиповатого.

Директор школы-десятилетки, старый и многоопытный учитель Иван Мальцев, водил меня и показывал свои владения, знакомил с сегодняшними учениками, мы заглянули в дверь, а потом и зашли в лингафонный кабинет, бывший когда-то тем самым классом, где сидела за партой Рая Балагова. Парт в старом (моем!) понимании этой школьной мебели давно не существует. Лакированный стол с магнитофонными наушниками на специальных подставках, первый стол налево у окна под нарисованными яркими красками назидательными изречениями на английском языке, — директор школы уважительно представил мне как «парту Раи Балаговой». Оказывается, в школе уже несколько лет существует собственная особая традиция — за партой сидят землячки героини, отличившейся ученицы...

Из этой же школы вышли в жизнь три сына Раисы Балаговой.

Старший, родившийся через три года после войны, — Петр, окончил 8 классов, а потом шагнул в производственное обучение. Юрий и Валентин получили здесь аттестаты зрелости. Все трое уходили отсюда в армию; отслужив, вернулись в родительский дом... Впрочем, понятие «родительский дом» требует некоторого уточнения. Родились все три сына Раисы Петровны в кое-как сколоченном сарайчике, сложенном на месте разрушенной хаты. А потом, когда подросли, вместе с матерью и отцом собственными руками сложили из кирпича колхозной выделки крепкий ладный четырехкомнатный дом, в котором я и застал на следующее утро всю семью в сборе.

Я пробыл в доме Раисы Петровны два дня. Особенно запомнилось утро, когда вся семья восседала в самой большой комнате, именуемой в деревне залом, неторопливо завтракала, слушала рассказ отца о самых близких друзьях — ветеранах 13-й гвардейской, ее прославленного саперного батальона.

Мать хлопотала вокруг угощения, а сыны сидели тихо и чинно, внимая мягкой русско-украинской речи отца.

Расположились сыны по старшинству: праворуч матери — Петр Петрович, здешний путеец, Юрий Петрович — механизатор заготзерна в районе, Валентин Петрович — шофер «Сельхозтехники». Кареглазые, смуглые, крепкие, с волнистыми прическами, они были степенны, предупредительны и виду не подавали, что спешат на работу, вышли из-за стола, лишь когда поднялись родители.

А Петр Семенович и Раиса Петровна, попросив передать

привет, если встречу кого из 13-й гвардейской, надели рабочие ватники и пошли через дорогу к месту своих сегодняшних деяний: на хлебоприемное предприятие, где отбирается зерно для будущего урожая, при станции Шиповатое, где 25 марта 1942 года пионерка Рая спасла от неминуемой гибели гвардейский эшелон.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

ПИОНЕР-ПАРТИЗАН ВИТЯ КОРОБКОВ

На восточном берегу Крымского полуострова, на склоне невысоких гор, у самого моря лежит чудесный городок — Феодосия. Особенно хороша Феодосия весной и летом, когда море манит к себе своей чарующей красотой.

Весной 1938 года в этом городе мальчика Витю Коробкова приняли в пионеры. Этот год ознаменовался для него еще одним радостным событием: за отличные успехи в учебе Витю отправили отдыхать в пионерский лагерь «Артек». Из Феодосии в «Артек» он ехал на пароходе. То любовался видами Крыма, то вдруг принимался рисовать крымские берега и селения.

Витя любил рисовать и в «Артеке» не расставался с альбомом: рисовал дачу, в которой жил, корабли в море, прибрежные скалы.

Весной 1941 года Витя снова в «Артеке». Он играет, веселится, купается в море. Но чаще всего рисует. Здесь его и застала война.

...Уходят на фронт красноармейские части. В зданиях санаториев открываются госпитали, город бомбят. Одна из бомб попала в дом, где жили Коробковы. Ранена Виктория Карповна. У нее перебиты обе ноги. Из-за болезни матери Коробковы не эвакуировались из города, когда к Феодосии подошел враг.

В ночь со 2 на 3 ноября 1941 года в город вступил враг. И все резко переменялось. Витя не находит себе места. Он хочет быстрее принять участие в борьбе, связаться с партизанами. Но делает это неумело, нарывается на провокатора и едва не попадает в беду.

На городской площади повешены схваченные фашистами советские граждане. На груди у каждого прикреплены дощечки с надписями: «Я — партизан», «Я — убийца немецких солдат и офицеров».

Однажды, придя домой, отец Вити сказал, что его мобилизовали на работу в типографию, открытую фашистами. Это известие поразило Витю. Отец будет работать на фашистов!.. Витя попытался поговорить с отцом, но Михаил Иванович сказал, что нехорошо маленьким соваться в дела взрослых. Маленьким! Ведь ему скоро тринадцать лет.

В это время в доме Коробковых появляются «гости». Через линию фронта у деревни Дальние Камыши прошли разведчики Крымского фронта Николай Козлов и Петр Неверов. Прибыли они под видом рабочих-печников. Но Витя догадался, что это не простые рабочие. Сумрачным февральским вечером он рассматривал и перебирал старые рисунки, когда отец позвал его в горницу. Козлов стал расспрашивать о порядках в городе, о том, где стоят часовые, где можно и где нельзя ходить. Потом попросил:

Витя Коробков

— Ты, малец, по городу бегаешь: что видишь, что слышишь, запоминай. Тебе это сподручней. Где штаб, где склад, где батареи установлены. Понятно? Растолковывать не надо? Вот и считай, что тебе особое задание дано. Не провалишь?

— Что вы, дядя Коля!

И Витя стал помогать разведчикам. Целыми днями бегал он по городу, узнавал расположение воинских частей, дотов, батарей. По просьбе Козлова он сбегал на биржу труда и выяснил, не нужны ли рабочие в деревню Дальние Камыши. Оказалось — нужны. И вот Михаил Иванович Коробков достал в типографии незаполненные бланки пропусков. Он сам вырезал печать, а жена Неверова — Нина Сергеевна, владеющая немецким языком, подделала подписи. С этими документами разведчики благополучно перешли линию фронта. Так вот как отец «работает» на фашистов!

Ушел разведчик Николай Козлов — и опять Витя стал томиться в поисках настоящего дела. Он порывался уйти к партизанам, собирал в развалинах патроны и оружие, хранил дома карабин. На темпераментного, горячего мальчика обратила внимание руководитель одной из феоdosийских подпольных патриотических групп Нина Михайловна Листовничая. До войны она заведовала детскими яслями табачной фабрики.

— Надо бы заняться детьми, — сказала она при встрече Михаилу Ивановичу. — Что ваш Витя делает?

— Мал ведь еще, — ответил Коробков. — Не случилась бы беда.

— А так, без нас, они скорее в горячке беды надеются.

Вскоре Нина Михайловна пригласила Витю к себе, и он стал получать от нее задания. Разносил по дворам, по знако-

мым, а иногда и расклеивал в городе советские листовки, узнавал расположение фашистских постов и патрулей.

А однажды, сопровождая связную подпольщиков, Витя попал в партизанский отряд и там познакомился с одним из партизанских командиров Емельяном Павловичем Колодяжным — плотным, средних лет мужчиной в широкополой брезентовой шляпе, с пышными внушительными усами. И, конечно, Витя не упустил случая и стал проситься, чтобы его взяли в партизаны, оставили при отряде. Но командир отряда — его все звали Батей — наотрез отказал ему.

— Хлопец ты неплохой, — сказал он, — и смелость, видать, в тебе есть. И в отряд мы тебя с удовольствием взяли бы. Только нам такие ребята в городе нужнее. И тебе не резон из города сейчас уходить. Здесь мы тебя на кухню пошлем. А там ты на передовой, в непосредственном соприкосновении с врагом.

Витя, потупясь, молчал.

— Товарищ командир! — поднял он на Батю свои большие черные глаза, в которых стояли укор и мольба. — А оружие мне дадите?

— Нет, — сухо ответил Батя, и Витя понял, что это окончательно. — Парень ты с соображением, сам понимать должен: если с оружием тебя схватят — явная тебе крышка. А так задержат — ну, пацан и пацан. Бегает, лясы точит. Тут и спрос с тебя мал, и самому тебе легче выкрутиться. Смекаешь?

Витя стоял, задумавшись. Конечно, он понимает, не маленький: в городе от него пользы больше. А все же куда лучше с оружием в руках идти на врага.

— Подвигов нам от тебя не нужно, — сказал командир, и эти слова, словно мороз, обожгли Витю.

Все дни, все трудные дни войны он мечтал о подвиге! Колодяжный, видимо, угадал, что происходит в душе мальчика, и пришел на помощь.

— Ты не огорчайся, хлопец, — подбодрил он. — То, что ты делаешь сейчас, — это уже подвиг. Разные бывают подвиги. Есть подвиги, о которых много говорят, которые сразу бросаются в глаза. Но громкий подвиг — еще не самый высокий. Есть подвиги незаметные, о них многие не знают, и они не кричат сами о себе. Разве тайком пробраться в стан врага, зная, что в любую минуту можешь быть схвачен, и даже не имеешь возможности дорого продать свою жизнь, так как с тобой нет оружия, — разве это не подвиг? А следить за врагом, выведывать его тайны, передавать их своим и благодаря этому спасать сотни жизней советских людей и приближать победу — разве это не подвиг? Не каждый способен на такое, ведь это требует настоящего мужества и тройной смелости.

Колодяжный говорил горячо и взволнованно, и это волнение передалось Вите. Хорошо, раз так нужно — он вернется в город, будет следить за врагом, помогать подпольщикам

и партизанам. И Витя, взяв свой вещевой мешок, высыпал из него на землю горку патронов.

— Вот,— сказал он,— для себя копил. А теперь вам отдаю. Возьмите.

— Спасибо,— поблагодарил Колодяжный. И в ответ он подарил Вите тоненькую книжечку под названием «Таня».

Это был очерк о московской комсомолке-партизанке Зое Космодемьянской, назвавшей себя Таней.

*

Витя вернулся в город. Он принес с собой дорогой подарок — очерк о партизанке Тане и сразу же взялся за краски. Он рисовал портрет юной партизанки, надеясь побывать еще в отряде и подарить рисунок Колодяжному.

Между тем в городе все шло по-старому. Гитлеровцы объявили о сборе теплых вещей для своей армии. Узнав об этом, подпольщики решили не отдавать вещей фашистам, а собирать их для партизан. Случайно Витя узнал, что теплые вещи собирают и передают Александре Васильевне и Николаю Петровичу Богдановым. Оттуда их переправляют к партизанам. И Витя с надежными ребятами стал участвовать в сборе теплых вещей для партизан.

Но неожиданно пришла беда. Весной 1943 года фашисты арестовали Нину Михайловну Листовничую. Затем начались аресты других подпольщиков. Говорили, что организацию выдал проникший в нее провокатор.

Витя тяжело переживал этот провал. Однако он продолжал помогать отцу. Они вместе печатали на самодельном станке и распространяли в городе антифашистские листовки. Кажется, гестаповцы их не подозревали, и они могли работать спокойно. И вдруг Михаила Ивановича арестовали. Как оказалось, на него донес предатель — начальник типографии. В гестапо Коробкова долго допрашивали, но, ничего не добившись, отпустили. Оставаться дальше в городе стало опасно. Было принято решение уйти в лес, к партизанам. И вот Витя опять в партизанском отряде. Правда, он не нашел здесь знакомых партизан, но новые его товарищи были не хуже старых. Он попал в третью бригаду восточного соединения партизан Крыма. Командовал бригадой Александр Александрович Куликовский — дядя Саша.

Как-то комбриг вызвал Витю к себе.

— Есть одно дело,— сказал он.— Идет разведка в село Бораколь. Вот командир и говорит: Коробкова-младшего надо взять. Парень шустрый, везде пройдет. Ты как? В лапы к фашистам не попадешь?

— Дядя Саша! — спешит ответить Витя.— Разве я когда подводил? Только пошлите.

Утром разведчики вышли к деревне и залегли в кустах. Надо было как-то пробраться в село. Витя предложил командиру свой план. Тот молча кивнул: согласен. Витя попола вперед. Он собрался перебежать поляну, когда услышал, как где-то рядом хрустнула ветка. На поляну вышли два мальчика.

Вскоре Витя уже познакомился с ними и деловито расспрашивал, есть ли фашисты в селе, где стоят часовые и установлены пулеметы. А через полчаса вместе с ребятами, взяв на спину для маскировки вязанку хвороста, Витя вошел в село. Он сам посмотрел, где разместился штаб, где ночуют солдаты. Тем же путем он вышел из села, а ночью провел разведчиков в знакомую хату, помог им уточнить силы и расположение врага.

Дядя Саша остался очень доволен разведкой.

— Правильно сделали, что младшего Коробкова послали, — говорил он. — А ну-ка, разведчик молодой, расскажи, что видел.

Витя заговорил сбивчиво, волнуясь.

— Погоди, не тараторь, — остановил его комбриг. — Ты ведь рисовать мастер. Изобрази-ка на бумаге.

Витя быстро набросал схему села, пометил, где расположены штаб, часовые, пулеметы. Командиры долго обсуждали план операции.

— Все, — наконец сказал комбриг. — Виктор! Готовься. Пойдешь со мной за ординарца.

Темной ночью партизаны неслышно подошли к селу. Дозорные бесшумно сняли часовых. Крадучись, садами пробрались к гитлеровскому штабу, к хатам, в которых спали фашисты. В окна полетели гранаты.

Витя ни на шаг не отставал от комбрига.

— Дядя Саша! Сюда! Здесь пулемет! — кричал он.

Они свернули к зданию школы. На перекрестке из окна строчил пулемет. Дядя Саша упал на землю, скатился в канаву, увлекая за собой Витю. Рывок вперед, граната — и темнота с грохотом раскололась. Фонтан огня взметнулся высоко вверх. Пулемет умолк.

— Пошли! — крикнул комбриг и сунул Вите гранату-лимонку.

Витя крепко зажал ее в руке. Потом он с трудом припомнил, как вытащил предохранительную чеку и вслед за дядей Сашей бросил гранату в темноту — первую настоящую гранату в настоящем бою. Партизаны полностью разгромили гарнизон противника, захватили богатые трофеи.

Витя подрос, возмужал. В стеганой ватной куртке, в шапке-ушанке он выглядел заправским партизаном. Только жалел, что усы и борода у него еще не росли. Он ходил по деревням, выполняя задания партизанского штаба, читал крестьянам советские листовки, приносил правду с Большой земли.

Части Красной Армии стояли уже на пороге Крыма. Партизаны готовились к штурму городов, укрепляли связи с подпольщиками. В эти дни Коробковы получили задание вернуться для подпольной работы в город. Они пришли в Феодосию 16 февраля. А через два дня они были выданы предателем и брошены в тюрьму. Витю посадили в одиночку. Это был темный узкий подвал; по ноздреватым стенам сочилась вода.

...Нежно-розовый теплый луч заходящего солнца заглянул в камеру, мягко осветил кусок стены. Она была белая. Витя пошарил рукой по полу, нашел что-то твердое, поднес к глазам: уголек. Через минуту Витя с головой ушел в любимое занятие. Он рисовал. Он им, фашистам, нарисует! Он нарисует и Кремль, и партизан, и самых дорогих ему людей. Пусть любят.

Он так увлекся, что не заметил, как отворилась тяжелая дверь и в камеру вошли гитлеровцы.

Памятник Вите Коробкову, сооруженный в Феодосии на средства, собранные пионерами и школьниками Украины

— Проклятый партизан! — кричали они. — Ты что делаешь?

Фашисты избили его до потери сознания.

На другой день Витю вызвали на допрос. Следователь Отто Шольц говорил нежно, ласково. Он обещал Вите хорошую жизнь, обещал тотчас же выпустить его из тюрьмы и никогда больше не трогать. Нужно лишь одно: сообщить партизанские явки, сказать, к кому они шли в городе. Вопросы следовали один за другим. Шольц надеялся сбить мальчика, запутать, поймать на необдуманном ответе. Но Витя давно решил, как вести себя на допросе. Лучше всего смотреть в одну точку и думать о чем-нибудь своем. И он смотрел в окно на Базарную площадь и думал о матери, которая не знает еще, что их схватили, об отце, которого, может быть, уже нет в живых. А следователю он отвечал: «Не знаю, не видел, не был».

Шольц так ничего и не добился от мальчика и приказал отправить его в Старокрымскую тюрьму. Там его опять каждый день водили на допрос, били, пытали. Он молчал...

В тюремной камере Витя познакомился с художавым кареглазым пареньком Вале́й Ковту́ном и подружился с ним. Они были почти одногодками, оба феодосийцы, оба пионеры. Вместе мечтали о воле, вспоминали одно за другим памятные события своей недолгой жизни. Говорили о школе, мечтали, как снова войдут в ее шумные коридоры, сядут в притихшем классе и будут слушать объяснения учителя.

Витя достал карандаш и бумагу. Теперь он мог рисовать. И он рисовал без усталости, рисовал партизанские стоянки в лесу, Кремль и родную Феодосию, а то смешил всю камеру карикатурами на гитлеровцев.

Два раза в неделю — по средам и субботам — в камеру являлся гитлеровский офицер с переводчиком. Переводчик называл по списку фамилии арестованных, и их уводили, как говорили в камере, «на луну». Они не возвращались. С ними прощались навсегда... На следующий день в камеру бросали новую партию людей.

*

В субботу 9 марта день в тюремной камере начался так же, как все предыдущие. Уже под вечер явились гитлеровский офицер и переводчик. У двери стали два гестаповца с автоматами. Полицай начал называть фамилии. Одну, другую, третью.

— Коробков Виктор...

Витя поднялся.

Он крепко пожал руку друга — Вали Ковтуна.

— Ты не забудешь адрес? Лермонтова, двадцать один.

— Помню, — опустил голову Валя.

— Передай маме, что я погиб за Родину, за то, чтобы она, и тетя Аня, и Сашок, все наши люди жили свободными.

Он шагнул к двери, потом возвратился.

— Отдай маме,— он вынул из кармана и протянул Вале свой последний рисунок.

Витя подошел к двери, окинул взглядом товарищей по неволе, тряхнул черноволосой головой и скрылся за дверью. У ворот тюрьмы затарахтела машина. Потом гул мотора стал постепенно удаляться, затихать и вскоре совсем смолк...

В руках у Вали Ковтуна остался лишь рисунок: партизаны, бьющие из засады по гитлеровцам....

Имя Вити Коробкова занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, а на белоснежной стене одноэтажного домика в г. Феодосии прикреплена мемориальная доска с надписью:

В этом доме в 1942—1943 годах
жил пионер — разведчик феодосийского партизанского отряда

ВИКТОР КОРОБКОВ,
расстрелянный немецкими захватчиками
9 марта 1944 года

Я. ЕРШОВ

ВОЛОДЯ АЛЕКСЕЕВ

Володя Алексеев, когда началась Великая Отечественная война, был учеником 7 класса Павлоградской средней школы № 6.

С первых дней оккупации Володя собирал оружие, переписывал и распространял патриотические народные песни.

Через некоторое время ему посчастливилось установить тесную связь с подпольным Павлоградским комитетом партии. Он получил задание — создать молодежную группу из своих ровесников. Вскоре Володя радостно докладывал:

— Пять человек есть. Всех я проверил. Орлы-ребята!..

Подпольщики усиленно готовились к встрече 25-й годовщины Великого Октября. Всю ночь группа Володи распространяла листовки со сводкой Совинформбюро. Пионеры не хотели ни в чем уступить своим старшим товарищам — старались работать с ними наравне.

Тихо. Вдоль изгороди, по направлению к городскому базару, движется небольшая тень. За ней неслышно следует еще одна. Это Володя и Галя Алексеевы.

Обойдя вражеские патрули и заставы, брат и сестра осторожно приблизились к базару. А утром люди прочитали на главной арке написанные масляными красками слова: «Смерть фашистским захватчикам!»

С приближением частей Красной Армии Днепропетровский подпольный обком партии решил поднять народ на вооруженное выступление во многих городах и селах области. Готовились к вооруженному выступлению и подпольщики Павлограда.

В соответствии с планом боевой операции некоторые вооруженные группы собирались возле здания маслопрома на улице Песчаной. Среди партизан и подпольщиков был и Володя Алексеев. Это было 12 февраля 1943 года. В здании осталось двадцать бойцов, остальных перевели на другие исходные боевые позиции.

Однако фашистам удалось обнаружить место расположения партизан. Завязался бой. Володя был в полуподвальном помещении, когда по зданию начали стрелять прямой наводкой из орудий. Большинство из небольшого, но мужественного гарнизона погибло смертью храбрых. Володя, хотя и был тяжело ранен, продолжал сражаться. Участники боя, который длился четверо суток, — Дмитрий Кравченко, Савелий Кукса и Иван Коваль — рассказывают:

— Пробраться к Володе мы не смогли — пламенем были охвачены пол и стены, обвалился потолок. Мы долго слышали, как Володя кричал гитлеровцам из подвала: «Красная Армия все равно придет!», «Смерть фашизму!», «За нас отомстят!»...

Погиб Володя как герой.

Когда бойцы действующей армии вместе с восставшими подпольщиками и партизанами освободили город от захватчиков, руководители подполья прежде всего разыскали тело Володи. Он лежал возле восточной стены подвала, весь покрытый ранами, с протянутыми вперед руками, словно последним движением хотел обнять освободителей.

Решением бюро горкома комсомола пионерской дружине, в которой воспитывался пионер-герой Володя Алексеев, присвоено его имя.

Д. ФЕДОРЕНКО

ВЕРА ИВАНОВА И ЕЕ ДРУЗЬЯ

Госпиталь. Быстрыми неслышными шагами проходят по длинному коридору озабоченные сестры и санитарки. Привычно приглушенным голосом отдает распоряжения врач. И снова строгая тишина. Все как всегда.

Однако сегодня не все было обычным. За дверью одной из палат — непривычный шум. Слышно, как там говорят, шаркают ногами, двигают стульями. К кому-то пришли посетители. Судя по голосам, это дети и, наверное, их много.

Если бы в эту минуту кто-нибудь чуть приоткрыл белую

дверь и заглянул в палату, то увидел бы необыкновенное зрелище: тесно прижавшись, чтобы всем хватило места, обняв друг друга за плечи, вокруг крайней койки дружным кружком сидят дети. Они совсем потонули в больших, не по росту, госпитальных белых халатах, на которых особенно яркими кажутся красные галстуки. Это сбор, самый настоящий сбор. Но почему здесь?

Взглянув на койку, которую окружили пионеры, сразу догадываешься, почему. На койке лежит девочка лет десяти. Лицо ее покраснелось, светлые волосы старательно, по-праздничному причесаны, на груди — три боевые медали.

— Дети, — начинает вожатая, — мы собрались здесь сегодня, чтобы принять в свой отряд Веру Иванову. Все вы знаете Веру, знаете ее историю. Конечно, мы с радостью примем ее в нашу дружную пионерскую семью.

Нарушая тишину госпиталя, дети громко аплодируют, каждый спешит сказать приветливое, дружелюбное слово.

Вере Ивановой было всего три года, когда погиб ее отец — лейтенант Иванов. Мать Веры Ксения Васильевна не смогла оставаться дома и тоже ушла на фронт. Вера теперь жила с бабушкой.

Когда бабушка тяжело заболела и ее положили в больницу, Вера оказалась одна. Часть, в которой служила мать девочки, стояла тогда недалеко от их родного города Торопца. Получив на несколько дней отпуск, Ксения Васильевна приехала домой.

Все эти дни она не расставалась с дочкой ни на минуту. Вера засыпала мать вопросами: Как она жила на фронте? Много ли там стреляют? Было ли ей страшно? А когда Ксения Васильевна начала собираться обратно в свою часть, Вера сказала:

— Я поеду с тобой!

Да и правду говоря, оставить ее дома было не с кем. Часть пока еще была в резерве, и мать решила временно взять девочку с собой.

В полку к Вере скоро все привыкли, полюбили ее. Вокруг нее часто собирались бойцы, приносили ей подарки, просили спеть «Катюшу», прочитать стихи. Многим она напоминала родной дом, семью. Особенно полюбил Веру сержант Никандров.

Вера Иванова

Веселую белокурую девочку привыкли видеть и в казарме, и в штабе полка. Она помогала почтальону разносить письма, выполняла несложные поручения дежурных по штабу. Но больше всего времени Вера проводила в санчасти. Она вскоре научилась быть здесь полезной: помогала медсестрам готовить бинты и вату, подносила инструменты. Раненые то и дело просили ее что-нибудь сделать для них, что-то подать, принести. Девочка выполняла все поручения быстро, охотно, каждому ласково, весело улыбалась.

Главный врач шутил:

— Мне помощник растет.

Так Веру и прозвали: «помощник главного врача», и она гордилась этим званием.

Случилось так, что полк, в котором служила Ксения Васильевна, внезапно перебросили на передовую. Девочку не успели отправить в тыл, и она выехала вместе с полком. Командир части подполковник Цибульский решил отослать ее с первой же машиной. Но вечером начался сильный артиллерийский обстрел, налетели вражеские самолеты. Отправлять Веру было опасно, отъезд отложили до конца операции.

Девочка сидела в землянке и прислушивалась к непрерывному грохоту орудий. Подошел сержант Никандров:

— Страшно, Верочка?

— Страшно! — призналась она.

— А ты не бойся. Землянка надежная, ее никакой снаряд не пробьет.

Вера скоро привыкла к грохоту и гулу. Видя, что вокруг все спокойны, она и сама осмелела. Через час она уже весело смеялась. На многих суровых, озабоченных лицах промелькнула невольная улыбка.

Так состоялось боевое крещение Веры.

...Прошло несколько дней, и девочку постигло второе в ее жизни большое горе: погибла Ксения Васильевна.

В полку долго спорили. Одни доказывали, что девочку надо немедленно отправить в тыл, другие непременно хотели оставить ее в полку. Больше всех горячился сержант Никандров.

— Ведь многие воинские части усыновляют детей-сирот, — говорил он. — Почему же мы не можем сделать Верочку дочкой нашего полка?

Судьба Вериной бабушки была неизвестна. Командир части решил написать в Торопец, а потом, в зависимости от того, каким будет ответ, послать Веру к бабушке или в детский дом. А пока она должна была остаться в части.

Вера Иванова стала дочкой полка.

...Это было в апреле 1945 года. Наши войска штурмовали Кенигсберг. 252-й Ковенский ордена Суворова стрелковый полк, в котором была Вера, попал под мощный орудийный об-

стрел. Снаряды рвались около самого штаба. Одним из них серьезно ранило двух офицеров. Им нужна была немедленная помощь. Вера услышала стоны, подбежала к раненым и начала ласково уговаривать:

— Потерпите немножко, сейчас я вас перевяжу.

Но перевязывать было нечем. В штабе не осталось ни одного бинта. Наконец девочке посчастливилось отыскать в землянке два чистых платка.

Повторяя со слезами на глазах:

— Сейчас, сейчас, потерпите еще... — она насилу перевязала одного раненого.

Но как быть с другим?

Долго думать не было времени. Офицер слабел, из раны безостановочно текла кровь. Вера знала, что ее необходимо сейчас же остановить. Она быстро сняла с себя платье, разорвала его на полоски и перевязала раненого. Потом побежала в санчасть, разыскала санитаров, и оба офицера были доставлены в операционную.

Вот почему семилетнюю Веру Иванову наградили медалью «За боевые заслуги». Позднее командование части представило ее к награждению еще двумя медалями: «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Вместе с демобилизованными воинами Красной Армии Вера приехала в Торопец, к своей бабушке. Она поступила в первый класс. Но тут пришло новое горе. Годы, проведенные на фронте, сказались на здоровье девочки. Веру положили в госпиталь.

Она загрустила. Ей так хотелось учиться, хотелось быть вместе с подругами, знать, что делается в школе. Правда, девочку очень любили в госпитале, за ней особенно внимательно и нежно ухаживали сестры, с ней были приветливы и ласковы все раненые, но Вера продолжала тосковать.

И тут на помощь пришли ее товарищи по школе. Они часто навещали Веру, приносили книжки, рассказывали о школьных делах. И, наконец, на торжественном сборе, на том самом сборе, который состоялся в госпитале, ее приняли в пионеры.

Вожатая отряда надела Вере красный галстук и возле боевых медалей прикрепила пионерский значок.

Вера Иванова стала пионеркой.

Сейчас Вера Яковлевна Кузьмина живет в Москве.

А. КОНСТАНТИНОВ

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

РАССКАЗ СТАРИКА

Это случилось в ту морозную зиму, когда Одесса была захвачена врагом, а наша дивизия сражалась с фашистами уже в Донбассе. Однажды ночью патрули-автоматчики, замаскированные в сугробе снега, задержали подозрительного человека, переходившего линию фронта. На нем было старомодное женское пальто с лисьим мехом на рукавах, поверх плюшевой шапки повязан дырявый шарф. Он знал пароль. Его привели в штаб.

— Откуда? — спросил генерал.

— Из Одессы.

— Пешком?

Он устало кивнул:

— Да.

Он попросил нож, снял с правой ноги ботинок, разрезал подметку и достал какую-то бумажку. Протянув ее генералу, он сказал:

— Прошу срочно передать в Москву, в штаб партизанского движения...

И тогда мы догадались: перед нами стоял опытный разведчик, который побывал в Одессе, занятой фашистскими оккупантами. Мы слушали его, затаив дыхание. Командир дивизии приказал напечатать в листовках его рассказ о чудовищных зверствах фашистов.

Всех тогда особенно взволновал рассказ о пленных моряках. Их вели по улицам Одессы. Мороз. Снег по колено. А моряки шагают босиком, без бушлатов, в одних тельняшках, бинты порыжели от крови. Конвоиры бьют их прикладами в спины, а над улицей льется песня: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг».

— Расстреляли? — спросили мы у разведчика.

— Да. И мальчиков расстреляли.

— Каких мальчиков?

— Бунтовщиков. Нашлись такие хлопцы. Пионеры. Черноморская кровь. Противник даже бросил на их усмирение целый жандармский батальон.

— Может, кто из наших пленных командиров им помогал? — поинтересовался генерал.

— Свой командир у них был. Свой. Отчаянный хлопец...

Прощаясь, разведчик сказал:

— Когда освободите Одессу, обязательно побывайте на Канатной улице... Непременно... Трехэтажный дом, железные ворота с узором. Кажется, там до войны был какой-то техникум. А рядом живет сторож, старичок с длинными, до подбородка, усами... Дед все вам и расскажет...

На рассвете десятого апреля 1944 года с батальоном морской пехоты я вошел в Одессу. Черный густой дым клубился над портом. Из воды торчали мачты затопленных кораблей. Враг в панике отступал, поджигая дома. Улицы, ведущие к морю, были минированы.

Попросил саперов в первую очередь разминировать Канатную улицу.

Я стучался в двери почти каждого трехэтажного дома, спрашивал о старичке с седыми запорожскими усами. И какая радость: я его нашел!

...Он курит самокрутку, толщиной в палец, едкий дым махорки сизым облачком застилает сморщенное лицо. Старик щурит маленькие глазки, долго думает и, кашляя, говорит:

— Мальчонкой интересуетесь? Орленок, ей-богу, орленок. Я-то и морячков видывал в бою, лихо умирают они, смеются над смертью. Да не всякий моряк решится на такое, как этот хлопчина... На вид... никогда не подумаете, что перед вами герой: щупленький, курносый, в кепочке... В ту зиму сильнейшие снежные заносы бушевали. И пацанов заставляли улицы расчищать. Вот с тех пор я его и запомнил: ловкий, смелый, приветливый и очень веселый. Посинеет от холода, дрожит, как цыпленок, голодный, а прыгает, смеется, шутит, будто в счастье и довольствии купается. Подойдет, бывало, ко мне, попросит рукавицы, чтоб отогреть руки, и скажет громко так, чтоб конвоиры слышали: «Не горюй, дедушка! И снег расчистим, и всю нашу землю очистим от этих гостей!», — и тычет пальцем в полицейских.

— Где ж это было, дедушка? В каком доме? Помните?

— Пойдемте, покажу. Разве можно забыть такое...

ГАРНИЗОН МИШИ РОМАНЮКА

Стоит на Канатной улице (теперь это улица Свердлова) серый каменный дом, с нишами в стенах, окна нижнего этажа в решетках. Ветхая, почти сгнившая деревянная лестница ведет в подвал. Пахнет сыростью, болотом. Ручным фонариком мы освещаем зеленоватые, покрытые плесенью стены. Чьей-то рукой выцарапано:

Миша Романюк
Сеня Аникеев
Вася Чумаченко
Андрей Герасименко
Дима Бурак...

Семнадцать фамилий. Я переписал все эти фамилии в свой фронтовой блокнот.

Под самым потолком нарисовано углем сердце, пронзенное стрелой. А внизу приписка:

Мы любили Родину! Отомстите за нас!

Мы показали эти надписи сторожу:

— Кто же, дедушка, из них ваш знакомый?

Старик морщит лоб, кряхтит, хмурит белые косматые брови, что-то шепчет, а потом вдруг оживляется:

— Верно. Мишкой хлопца звали. Да и фамилия его вот на эту похожа.

— Романюк?

— Угу! Он самый... Мишка Романюк. Царство ему небесное...

И вот что раесказал тогда нам старик.

...Фашисты насильно угоняли наших людей на каторжные работы в Германию, не только взрослых, но и подростков. Фашисты охотились даже за детьми. И этот серый, угрюмый дом враг превратил в тюрьму для маленьких невольников, немцы именовали этот дом «распределителем рабочей силы». Они сгоняли сюда мальчиков, потерявших родителей. Здание не отапливалось. В комнатах первого этажа наспех сколотили из необструганных досок нары, в мешки набили соломы.

— Кляйн русшиш швайн! — орал на ребят комендант. — Маленькие русские свиньи! Вы должны целовать нам ноги за спасение...

Ребята прозвали коменданта Каланчой. Когда Каланча был в хорошем настроении, он становился посреди комнаты и, вращая мутными от водки глазами, говорил:

— Теперь у вас новая родина — великая Германия. Ферштейн? Теперь у вас новый фюрер — Адольф Гитлер. Ферштейн? Тут мы вас долго задерживать не станем. Нечего вам делать в Одессе. Проверим, кто на что способен. Скоро сюда приедет инспектор из Берлина. Он вас и заберет. А кто отличится на работе, покажет усердие, тот получит новую форму, дополнительное питание. В общем, вас выведут в люди. Хайль Гитлер! — комендант вскидывал руку над головой и заставлял делать такой жест всех мальчиков.

Но стоило гитлеровцу скрыться за дверью, как звонкий голосок нарушал тишину:

— Ах ты, дьявол красноносый! Торговать нами задумал? Вы слышали, ребята, каким соловьем он тут пел? И вы верите ему? Верите? Брешет пес фашистский! Поймали нас и думают, что приручат. Черта лысого! Не на тех напал... Не нужна нам ваша проклятая родина. Никуда мы с нашей земли не уедем. Как вы думаете, ребята?

— Правильно, Мишка! — слышалось в ответ. Только самый последний дурак может поверить Каланче. Разве вы не видели: на каждом каштане люди висят... Звери они, эти фашисты...

Ободренный поддержкой, Миша взволнованно продолжал:

— Вы читали «Спартак», книжка такая есть? Помните, как там обращались с рабами?... Что нас ждет в Германии? Рабство,

ребята. Самое обыкновенное рабство. А я не хочу ноги их паршивые лизать...

Каланча редко бывал в хорошем настроении. Обычно он врывался в комнату с нагайкой в руке, стегал по спинам каждого, кто забывал вскидывать руку и кричать «хайль Гитлер!»

Он запрещал петь песни и громко разговаривать.

— Каланча скоро запретит нам смотреть друг на друга! — сказал однажды Миша. — Мы уже для него рабы, маленькие русские свиньи. А ну, ребята, давайте запоем. Пусть Каланча знает, какие ребята живут в Одессе!

И он затянул:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...

Ребята дружно подхватили:

Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

С грохотом распахнулась дверь. На пороге показался багровый от злости комендант.

— Молчать! — прорычал он.

Напрасно старушка ждет сына домой,—

глядя в упор на Каланчу, пел Миша.

— Засеку до смерти! Прек-ра-тить! — набросился комендант с нагайкой на мальчиков.

Миша, как ни в чем не бывало, пошел навстречу Каланче:

— Господин комендант, — сказал он. — Они не виноваты. Никто. Это я начал петь. Я! Понимаете по-русски? Я!

И затянул еще громче:

— Ей скажут, она зарыдает...

— Ах, ты щенок! — разъярился комендант. — Почему запел?

Миша гордо поднял голову и ответил:

— Эту песню любил мой дедушка. Он был моряком. И отец тоже любил морские песни. Он плавал кочегаром на пароходе. Их разбомбило возле Новороссийска вашими бомбами, господин комендант...

— Плевать мне на твоего отца и деда! — оборвал его комендант. — Я спрашиваю, зачем запел?

— А я очень любил своего отца. От того и запел, господин комендант.

— За-се-ку-у! — гитлеровец бросился к мальчику, заматываясь нагайкой.

Но Миша не двинулся с места. Он стоял как вкопанный и в упор смотрел на пьяного коменданта своими круглыми синими глазами. Тот, казалось, не выдержал взгляда, опустил

руку. Глаза Миши как бы говорили: «Что ж ты сдрейфил? Ну, бей же, долговязый Каланча!»

Но комендант видел и другие глаза, полные гнева и странного блеска. Это были глаза маленьких невольников, которые успели плотным кольцом обступить Мишу. Эти глаза твердо говорили: «Только тронь! Мы покажем тебе, где раки зимуют!»

Комендант сунул нагайку за голенище сапога, крепко выругался по-немецки, повернулся и хлопнул дверью.

На следующее утро двое полицейских сильно, до крови, избили Мишу и бросили его в подвал, где бегали крысы. Всю ночь мальчик отбивался камнями от голодных крыс...

Как было с Мишей? В комнате — семнадцать мальчиков. После этого случая Миша стал здесь негласным вожакom. Ребята почувствовали в его характере волю, храбрость, о нем теперь говорили: «Молодец, Мишка! Ничего не боится! Над Каланчой смеется».

Самодовольный Каланча не подозревал, какие мысли роятся в голове смуглолицего мальчика.

«Неужели ты решил, что Мишка Романюк согласится вечно жить со связанными крыльями?» — думал про себя Мишка. Он уже хорошо узнал каждого, кто спал с ним на нарах. Секретничал вначале не со всеми: а вдруг сюда и доносчика поселили? Разные есть хлопцы. Тут были ребята с Пересыпи, Молдаванки, с Большого Фонтана. Разные улицы, разные дома, а горе одно: фашисты у всех убили родителей.

— Эх, пистолет бы нам! — вздыхал Миша, лежа на соломе. — Мы бы и часа тут не сидели.

— А ты умеешь стрелять? — спросил кто-то в темноте.

— Умею. По фашистам пока не стрелял, а в воздух три раза палил. Возле нашего дома на Преображенской баррикада была. Трамвайным вагоном улицу ловко перегородили. А я воду морякам подносил из колодца. Они меня научили стрелять из «ТТ» и «ППШ». Я и трофейный парабеллум заряжать умею...

— А гранату бросишь, Мишка?

— Пустяки. Кольцо срывай и бросай что есть силы, только не задерживай «лимонку» в руке, а то сразу на куски разорвет!

За это время Миша успел привязаться к сторожу, при встрече подолгу с ним о чем-то шептался. Сторож сообщал мальчику, на каких перекрестках выставлены патрули полицейских.

Один был он давно убежал. Каждое утро их водили в цехи станкостроительного завода — убирать мусор, расчищать завалы после бомбежек. Миша мог спрятаться в котел, а ночью скрыться. Но разве настоящий товарищ оставляет друзей в беде? Миша не любил громких слов, никогда не говорил, какой должна быть дружба, он просто умел дружить — красиво, хорошо, верно.

В его голове созрел другой план — убежать всем, «оставить Каланчу с длинной дулей», как он шутил. Что входило в его план, ребята не знали. Но они верили Мише: такой не подведет, не бросит в трудную минуту. И они выполняли все его приказания.

— Вывинчивайте из станков гайки, снимайте винты, шестеренки!

— А куда это девать?

— В карманы! За пазуху! Все тащите домой. Чем больше железа, тем лучше!

— Ага, догадался, — шепнул мальчик с Пересыпи, которого звали Цыганком за его черные, как смоль, волосы. — Холодное оружие. Да?

Миша как-то загадочно ответил:

— На всякий случай. А ты, Цыганок, не испугаешься?

— Честное пионерское, давай бежать хоть сегодня ночью...

— Ночью опасно, — серьезно произнес Миша. — Патрули везде. Понимаешь? Бежать надо утром, когда народ по улицам ходит. Нам бы только в парк пробраться. Там деревья, есть где спрятаться. Вы бы спустились к берегу, к рыбацким шаландам — и на весла! А я, в случае чего, дорогу загородил бы: залег под деревом с пистолетом — попробуй ступи шаг. Бац! И крышка!

— Пистолета-то у тебя нет, Мишка!

— Как это нет? — усмехнулся он. — Есть.

— Где?

— На боку у Каланчи, вот где! — подмигнул Миша.

И он доверил Цыганку свой план:

— С комендантом и двумя охранниками мы покончим быстро: они ведь всегда пьяные. Подождем, пока заснут покрепче, тогда и накроем. Верно? Возьмем их оружие. Но выйдем из дома не через главный ход — там дежурят автоматчики. Нам надо хорошенько изучить расположение комнат. Может, придется спускаться по водосточной трубе...

Разведку проводили ночью. Сперва изучили нижний этаж. Тихо ступая, пробрались на второй этаж. Вдруг что-то сверкнуло в темноте.

— Зажги спичку, — шепнул Миша товарищу.

Прыгающий желтоватый огонек осветил стенку и дверь, на которой поблескивала дощечка с золотыми буквами:

ПАРТКАБИНЕТ

Миша молча пошарил в карманах, достал связку ключей, которыми его снабдил сторож, поковырялся немного в замке, дверь со скрипом поддалась. Ребята вошли в темную комнату. Снова чиркнула спичка. Миша оглядел окна. Цыганок открыл форточку. В углу ребята нашли кипу небрежно сваленных книг,

журналов, газет. Тут же валялся расколотый глобус. Миша вдруг застыл!

— Цыганок! Смотри, что я нашел.

Когда вспыхнула спичка, он протянул мальчику запыленный портрет Максима Горького. Он бережно, рукавом курточки вытер пыль, попросил зажечь сразу несколько спичек и долго не отрывал взгляда от знакомых черт писателя. Потом он проронил:

— А я, Цыганок, на вечере самодеятельности в 118-й школе читал «Песню о Соколе». И мне дали приз — книгу Горького. — Он закинул голову, словно вспоминал, как он читал тогда на школьном вечере, и шепотом стал декламировать:

— И капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни
и много смелых сердец зажгут...

После этого чуть слышно добавил:

— Честное пионерское, приз получил...

ЧАПАЕВ НЕ СДАВАЛСЯ! И МЫ НЕ СДАДИМСЯ!

Побудку в этом доме чуть свет устраивал полицейский. Он кричал так, что звенели стекла. Цыганок, самый рослый, мускулистый и сильный из мальчиков, приготовил ему «сюр-приз».

Он притаился у двери, и как только полицейский просунул голову и открыл рот, чтоб кричать побудку, Цыганок что есть силы железным ломиком огрел его по голове. Тогда пионеры дружно напали на полицейского, скрутили ему проволокой руки, ноги, заткнули рот тряпкой и затащили под нары. Миша Романюк завладел первым трофеем — немецким автоматом.

За дверью слышались шаги, невнятное бормотанье, похожее на кашель. Конечно, это он — Каланча!

— Бери ломик, Цыганок! — шепнул Миша. — Не промахнись!

Комендант открыл дверь, спиной вошел в комнату. Цыганок взмахнул ломиком, но не достал головы, удар пришелся по спине и шее. Тогда Миша с криком: «Вяжите Каланчу!» бросился под ноги коменданту и свалил его на пол. Тот барахтался, сопел, орал благим матом, но удары сыпались градом. Семнадцать мальчишеских рук крепко вцепились в коменданта. Каланчу тоже связали проволокой и «спрятали» под нары.

— Пора-а! За мной, ребята! — скомандовал Миша Романюк. — Я знаю дорогу.

Они выбежали на улицу. Чуть красноватое солнце поднималось над крышами домов. Миша приказал одному пионеру взять с собой портрет Горького: «Нельзя Горького оставлять у фашистов».

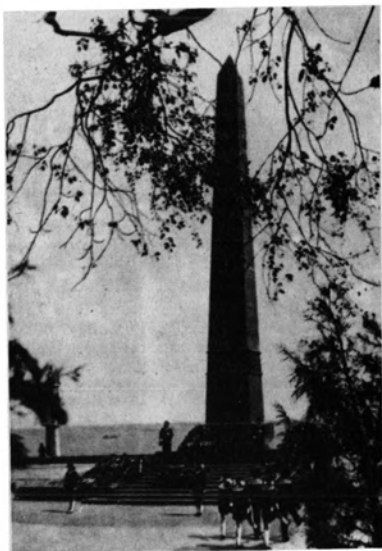
Семнадцать пионеров цепочкой пробирались по улицам. Их

проводил седоусый сторож. Он заранее знал о побеге. Но у самого парка имени Шевченко ребята наткнулись на мотоциклистов — полицейский заслон. Фашисты остолбенели, увидев у мальчишек автомат, но, видимо, перетрусили и, не открывая стрельбы, начали теснить ребят. Миша Романюк поднял автомат и дал очередь.

Он понимал, что силы были неравные. Выход один: повернуть свой отряд. Но куда? Снова на Канатную улицу? Миша видел, как толсторожий мотоциклист в стальной каске свернул в переулок, пошел за помощью, дьявол!

— Чапаев не сдавался! — крикнул Романюк. — И мы не сдадимся!

Они вынуждены были вернуться к дому, откуда недавно вышли в надежде на свободу. Думая перехитрить врага, Миша завел ребят в дом, чтобы вывести их затем черным ходом, но этого сделать не удалось. Тогда ребята забаррикадировали двери, окна. Пригодились мешки с соломой.

Памятник Неизвестному матросу в Одессе, где похоронены юные герои

Командовать маленьким гарнизоном стал Миша Романюк. Он вспомнил о железных деталях, принесенных с завода.

— Давай тащи железяки! — кричал он.

Как они были к стати, эти поржавевшие железки!

Через полчаса фашисты начали приступом брать дом. В них сквозь стекла полетели куски железа. Ребята берегли боеприпасы. Когда фашисты усиливали огонь, Миша Романюк выставлял в окно связанного коменданта. Огонь мигом прекращался. Ни одного патрона Миша не пустил «на ветер». Сколько было пуль — столько и валялось перед домом фашистов. Но что это теплое и густое течет по лицу? Кровь. Его ранило. Миша закусил губу, разорвал на себе рубаху и попросил Цыганка перевязать ему голову.

Три часа гитлеровцы поливали дом пулеметным и автоматным огнем. Миша видел, как фашисты выкатили пушку и поставили ее прямо перед окнами. А у ребят уже не было ни одного патрона...

Фашисты ворвались в дом в тот момент, когда пионеры, обнявшись, пели свою любимую песню «Широка страна моя родная».

И Миша бросил фашистам:

— Я знаю, что вы с нами сделаете. Жаль, что у нас кончились патроны, псы вы фашистские. Но скоро придут наши. Придут! Песню, ребята!

Его сбили с ног прикладами.

Семнадцать одесских пионеров были осуждены немецким военным трибуналом. Ночь они просидели в подвале.

Фашисты вывели непокоренных ребят в парк, к берегу моря, и расстреляли их на круче, откуда открывается широкий морской простор. А рыбаки-черноморцы тайком похоронили маленьких героев в братской могиле.

ПЕСНЯ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В памятную суровую осень 1942 года на страницах фронтовой газеты «Во славу Родины» появилась статья «Живая легенда» — о маленьких героях-черноморцах. В той заметке не было фамилий этих мальчиков, но бойцы Южного фронта узнали о воинской доблести маленьких патриотов.

Живая легенда!

На той круче, где их расстреляли, теперь возвышается обелиск из гранита и мрамора — это величественный памятник Неизвестному матросу.

Море рокошет, стонет, гудит. Волны пенятся, бьются о кручу, где похоронены отважные герои. И кажется, что море поет им песню вечной неумирающей славы.

В. ЛЯСКОВСКИЙ

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В ПАМЯТИ НАРОДА

В один из солнечных весенних дней 1965 года, когда страна праздновала двадцатилетие победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, в селе Кодре Макаровского района на Киевщине все, кто только мог ходить, пришли в парк на митинг.

На какое-то мгновение все застыло: и собравшиеся люди, и, казалось, даже лес, окружавший со всех сторон село, и теплый весенний воздух.

Стройно стоят пионерские дружины, застыли девочки и мальчики в красных галстуках. Только чуть заметно колышутся приспущенные знамена...

Падает покрывало с высокой мраморной плиты. На ней золотом горят слова: «Вечная слава пионерам-партизанам, которые погибли в боях за нашу Родину». А ниже — имена пяти отважных пионеров: Зигмунда (Сигизмунда) Кубицкого, Демьяна Шатило, Анатолия Хмары, Франца Осецкого, Анастасия Враны.

На митинге присутствовали ковпаковцы: Я. Г. Панин — секретарь партийной комиссии соединения С. А. Ковпака, Герой Советского Союза С. П. Тутученко — начальник штаба Отдельного кавалерийского дивизиона, бывшая партизанка Мария Ивановна Осецкая — мать одного из погибших пионеров, сестра Зигмунда Кубицкого — партизанка Валентина Мартыновна, ставшая после войны учительницей, учитель-партизан М. Ф. Мисюна, родители Анатолия Хмары и многие другие кодринцы — участники и свидетели происходивших событий.

Стоя в тесной толпе односельчан и товарищей-партизан, Валентина Мартыновна вспоминала...

Зигмунд сидел на плетне, Валя развешивала белье, мать что-то делала во дворе, когда к ним ввалились немцы вместе с переводчиком и каким-то предателем.

— Партизан! Хенде хох! — загорланили фашисты.

Мальчик только искоса глянул и даже не шелохнулся.

Вабешенный фашист подлетел и злобно замахал перед его глазами револьвером. Испугавшись за брата, Валя сказала:

— Зигмунд, подними руки...

— Ох, как он это сделал! — вспоминает теперь Валентина Мартыновна. — Глядя исподлобья, медленно поднял напряженные руки, словно перед прыжком. А мать, как поднимет руки, так они и упадут, как поднимет, так и упадут...

— Где оружие? — грязно выругавшись, спросил предатель и прицелился из винтовки в Валентину.

— Оружия у нас нет, о партизанах ничего не знаю! — ответила она.

Это было правдой. В те первые недели оккупации семья Кубицких еще не имела связи с народными мстителями.

Но им не поверили, начали обыск. У Вали сердце оборвалось: там, в комнате, — учебники, партийная литература, которую она так неосторожно достала из тайника.

Недовольные безрезультатным обыском, оккупанты заметили свежевскопанную землю в конце двора и загоготали.

— Здесь оружие? Откапывай!

Там был закопан мусор, но фашисты не хотели слушать никаких объяснений. Валентина потянулась было к заступу, но предатель гаркнул:

— Копай руками! — и мальчику: — Ты тоже, большевистский выродок!

Такого унижения ни сестре, ни брату никогда еще не приходилось терпеть. Когда Валя наклонялась, отбрасывая землю, фашисты поднимали дикий хохот. Девушка стыдливо отворачивалась, придерживая сорочку на груди, но те выкрикивали наперебой:

— Двумя, двумя копай!..

Жажда мести приковала мысли пионера к заблаговременно спрятанным в лесу винтовкам. Он начал выгребать землю с такой яростью, словно копал захватчикам могилу...

А потом их вели куда-то. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не заступился немец из гражданских, который еще до войны поселился в Кодре.

В 1942 году в ближних лесах появилась группа народных мстителей. И недавние пионеры — Зигмунд Кубицкий, Демьян Шатило, Вася Руденко, Стась Врана и Франц Осецкий — вступили в эту группу. Им было по 14—16 лет. До войны друзья учились в Кодринской средней школе.

Вскоре партизанская группа выросла в отряд. Подростки были в нем сначала поварами, связными. Потом начали ходить в разведку. Суровая партизанская жизнь сделала их мужественными, находчивыми.

В отряде долго, например, смеялись, узнав, как однажды Демьян Шатило выскользнул из рук врага. В одном селе за ним увязалась погоня. Мальчик тенью скользя, в первый попавшийся двор и присел за сараем, будто у него внезапно заболел живот.

— Где партизан? — крикнули немцы, брезгливо морщась.

— Вон туда побежал, — показал в сторону леса мальчик.

Юные партизаны не только ходили в разведку и приносили важные сведения, но и, когда этого требовала обстановка, принимали непосредственное участие в боевых операциях.

В одном из боев под Кодрой партизанское соединение С. А. Ковпака разгромило большую группу немцев. И вот 21 апреля 1943 года, чтобы отомстить за поражение, отряд карателей ворвался в село и сжег его дотла. Десятки жителей были расстреляны. А через день или два гитлеровцы начали невиданное дотоле наступление на лес.

Весь день, вспоминают очевидцы, со стороны Белой Криницы мчались с ревом машины, наполненные автоматчиками, грохотали танкетки и бронетранспортеры. Враг наступал со всех сторон, надеясь окружить соединение Ковпака. Но оно, выполняя другое боевое задание, отошло далеко от Кодры. Вражеское кольцо фактически стягивалось вокруг отряда, численностью около трехсот человек. Командование решило под прикрытием одной роты вывести из-под удара отряд, в котором было много раненых.

Среди сорока бойцов, получивших приказ принять бой, оказались Зигмунд Кубицкий, Демьян Шатило, Стась Врана, Вася Руденко и другие молодые патриоты. Правда, к Зигмунду, который был в отряде конной разведки, приказ остаться не относился. Но сердце приказало ему в час опасности не расставаться с друзьями.

Партизаны, удачно выбрав местность, перед началом боя сделали завалы из деревьев, окопались. А вскоре началось...

Легкие вражеские бронемашины не могли прорваться через толщу поваленных деревьев. Оккупантам пришлось наступать без броневого прикрытия. И когда их ненавистные серо-зеленые фигуры замелькали между деревьями, партизаны встретили их ураганным огнем...

После каждого убитого немца Зигмунд откладывал сбоку на бруствере палочку — вел собственный боевой счет.

Скорее отходить было поздно: фашисты наседали со всех сторон. Небольшой участок леса, занятый партизанами, превратился в ад. Бойцы оглохли от грохота. Рвались термитные снаряды, и, словно факелы, вспыхивали сосны, горела земля.

Бой продолжался весь день. Никто из сорока человек не дрогнул. Враг потерял много солдат, но и у партизан были большие потери. У многих из них не осталось боеприпасов. Опустили карманы и у Зигмунда. А немцы, перебегая от сосны к сосне, подступали все ближе и ближе.

Вот один из фашистов приблизился к окопу, где засел мужественный пионер. Зигмунд просунул руку сквозь прорванный карман, чтобы достать обойму, застрявшую у голенища, — и не успел.

— Хенде хох! — выкрикнул гитлеровец и, видя, что партизан не сдается, скосил его автоматной очередью.

В этом же бою от вражеской пули погиб Стась Врана.

Когда-то в школе он был застрельщиком всех веселых проделок. Взрослые, бывало, качали головами: что, дескать, выйдет из этого ветрогона. А вышел бесстрашный мститель. Почти каждая его пуля ложилась в цель...

А Васю Руденко, уроженца Кодры-Торфа, каратели схватили и отвели к танкетке. Там, связав руки, поручили часовому. Сердце у мальчика билось часто и громко: «Бе-ги! Бе-ги!» Но — как?

Немец-часовой, радуясь, что ему поручили охранять пленного подростка, а не лезть под партизанские пули, сел закуривать. Он достал машинку для скручивания сигарок, насыпал на бумажку махорки и... вскрикнул, брякнувшись головой о броню. Молниеносным ударом ноги Вася выбил из рук врага машинку со всем содержимым так, что махорка попала немцу в глаза. А мальчик тем временем птицей метнулся в чащу. Сзади затрещали автоматы, но сосны и кустарник уже скрыли юного партизана.

К вечеру двадцать три партизана вместе с раненым командиром роты вырвались из смертельного кольца и глухими дебрями, через реки и овраги, двинулись вслед за отрядом, который был уже далеко.

А семнадцать осталось на поле боя. Неподалеку от них — и пионер Анатолий Хмара.

Анатолий был партизанским связным, жил в поселке, откуда при случае совершал боевые вылазки. Когда донесся слух, что к Кодре направляется отряд карателей для расправы с жителями, помогавшими партизанам, Анатолий, как и многие его односельчане, укрылся с родителями в соседнем селе.

Через некоторое время со стороны поселка стала доноситься непрерывная стрельба. «В кого стреляют каратели? Неужели в безоружных людей?» — промелькнула тревожная мысль. В лесу запахло гарью. Сквозь сосны начал просачиваться дым, вскоре им заволокло все небо.

От того, что Толя увидел позднее, у него подкосились ноги. Вместо поселка лежала окруженная лесом, серая, задымленная пустыня. На мгновение мальчику показалось, что он заблудился. Но нет! Вон, словно две обгоревшие руки, простертые к небу, торчат трубы уничтоженного огнем стеклозавода...

Натыкаясь на трупы замученных людей, на немые, словно привидения, фигуры беженцев, мальчик насилиу отыскал пепелище родного дома. Затоптал дымящиеся головешки, собрал кое-какие обгоревшие вещи. Среди них — пучок пережженных струн... Это все, что осталось от его мандолины.

Спазма больно сжала горло. Он сел на землю, опершись спиной о ствол опаленной яблони, и, не вытирая слез, застыл на месте. На мгновение он перенесся мысленно в довоенное село, к тем дням, которые казались теперь такими далекими...

Так хорошо было. Дома — мир и лад. В школе — веселые друзья. Его хвалили: учился хорошо, любил музыку и играл на всех инструментах.

А еще увлекался поэзией. Как-то из голубиного гнезда выпал птенец. Толя выкормил его и выпустил на волю. Голубок часто прилетал в гости, садился на этой яблоне или залетал через открытое окно в хату. А еще год спустя прилетел вместе с голубкой. Толя написал об этом стихи, которые очень понравились его родителям и друзьям.

Толя сидел молча, а в душе его нарастала волна гнева. И он поклялся. Поклялся самому себе перед этой опаленной яблоней, перед родным пепелищем, перед опустошенным селом, поклялся мстить врагам, пока бьется его сердце. Он достал из тайника винтовку и пошел искать отряд. Пробивался на звуки боя к своим. И не дошел...

...Фашисты, словно гиены, шныряли среди мертвых партизан и срывали бессильную ярость, надругаясь над их телами. Зигмунда они искололи штыками, другим повыкалывали глаза.

В том же бою принимал участие и Демьян Шатило. Метким огнем уничтожил немало карателей, а в критический момент, бросившись под вражеские пули, спас пулемет и заменил убитого пулеметчика.

Демьян был среди тех бойцов, которые сумели пробиться через вражеское кольцо. Горько плакал он, узнав о гибели друзей. Самым тяжелым ударом была для него смерть Зиг-

Памятник от-
важным пионе-
рам в селе
Кодре

мунда, их связывала особенно крепкая дружба. Вскоре Демьяна постигло новое горе: фашисты замучили его родителей. И он мстил. За Зигмунда. За родных. За друзей.

Юноше тогда уже исполнилось семнадцать лет. Его высоко ценили в отряде. Одной из самых удачных была операция, проведенная им в селе Плахтянка.

Было это так. Переодевшись в немецкую форму, группа партизан ночью прибыла в село и стала требовать продовольствия, а также информацию обо всех «ненадежных лицах» от местного старосты, о котором ходила черная слава изменника и мучителя советских людей.

Демьян, склонный к выдумкам, отлично сыграл роль немецкого офицера. Высокий, длинноногий, он сверлил старосту презрительным взглядом прищуренных серых глаз, что-то сердито рывкал, стучал кулаком. Один из партизан изображал переводчика. Он «по-дружески» советовал старосте не раздражать «господина офицера», у которого есть связи «в самом Берлине».

Изменники, выслуживаясь перед необычайно требовательным начальником, представили все документы о жителях села, обвиняемых в сочувствии к партизанам, нагрузили три подводы продовольствием, предназначенным для оккупантов. А потом по приказанию «господина офицера» отправились его сопровождать «к месту расположения части» и... очутились в Нежиловецком лесу, в партизанском отряде.

Вырос Демьян на глазах у всего отряда. Стал находчивым и бесстрашным бойцом. Пользовался общим уважением и любовью. Погиб он от случайной пули, на привале. В кармане своего любимца партизаны нашли гранату и... беленькую расческу да зеркальце.

Дольше других провоевали Франц Осецкий и Вася Руденко, который со связанными руками бежал из-под вражеской охраны и догнал отряд в двенадцати километрах от места боя — под самым Тетеревом. Они тоже не дожили до Дня Победы, но их короткая жизнь дорого обошлась захватчикам.

Бойцы отряда, вышедшего из окружения и сохранившего свою боеспособность, жестоко отомстили врагам за смерть самых молодых своих побратимов.

*

Зарубцевались на дубах и соснах раны от пуль и осколков, обвалились партизанские землянки, осыпались окопы. Позарастили партизанские тропы...

Но что это? Лесом идут отряды. Мягко шуршит присыпанная хвоей земля под легкими шагами двенадцати-пятнадцатилетних. Идут через Сильню и Тростянку, через Гутище и Крушняки, идут через другие лесные урочища... И все — в направлении Кодры.

Сотня, вторая, третья, четвертая...

Идут и идут. Временами останавливаются и склоняются над землей. Тогда слышно:

— Гильза... Наша...

Входят в Кодру. У людей теплеют глаза:

— Пионеры!

— И оттуда, гляди, идут! И — оттуда...

Ветер шевелит красные галстуки, обвеивает загорелые лица...

Кодра, воскресшая из руин и пепла, радостно встречает пионеров простертыми вверх трубами нового стеклозавода, новыми зданиями, молодыми садами, новой красавицей-школой.

Через несколько минут начнется торжественная линейка, посвященная открытию памятника пионерам-партизанам...

Ф. МИЛЕВСКИЙ

ПАВЛИК ПОДДУБНЫЙ

В феврале 1943 года под ударами нашей армии озверевшие от неудач фашисты отступали от села Мартова (Печенежского района на Харьковщине) на правый берег Северного Донца.

Перед отступлением они погнали всех мужчин из села на берег реки рыть окопы и блиндажи, а всех остальных жителей согнали в полуразрушенное здание школы. Оксана Поддубная, которую первой вытолкали из хаты вместе с детьми, ничего не успела взять с собой.

Возле развалин школы переводчик объявил приказ: никому никуда из здания не выходить. За нарушение приказа — расстрел на месте. Убедившись, что никто не сможет помешать их коварному замыслу, враги замаскировались на окраине села и стали ждать подхода советской разведки.

День угасал, начинало смеркаться.

...Командир нашего батальона выслал вперед разведку и саперов, которые должны были обезвредить минные поля и проложить путь пехоте. Перед батальоном стояла задача: захватить ночью село Мартово и форсировать Северный Донец.

Тем временем ободранные, голодные старики, женщины и дети, замерзая от холода, ждали решения своей судьбы. Оксана Поддубная прижимала к себе детей, пытаясь согреть их своим телом. Ее трехлетняя Нина и тринадцатилетний Павлик так окоченели, что у них зуб на зуб не попадал.

К вечеру мороз начал крепчать. Павлик поглядел на почерневшее лицо матери и сказал:

— Мама, я сбегая домой! Может быть, там что-то осталось. Принесу тебе и Ниночке одеться... Пусти меня, мама!

Долго не соглашалась Оксана отпустить сына, но не смогла его удержать, позволила:

— Иди, родной. Только осторожно.

•

Павлик Поддубный

Выбрав момент, пионер под носом у гитлеровских патрулей пробрался на околицу села и... замер. Все сгорело... Ничего не осталось... Могильная тишина вокруг.

Внезапно Павлику показалось, что по лесу к селу осторожно ползут какие-то люди, одетые во все белое. Он не поверил своим глазам и напряженно вглядывался, вытянув тонкую, худую шею. Наконец, он понял: это они, наши советские разведчики!

Но их сейчас же схватят!.. Ведь там вражеская засада...

Не думая об опасности, Павлик бросился навстречу советским

бойцам. Снег был глубоким, мальчик проваливался в него по пояс. Он боялся, что сзади прозвучит выстрел, что он не успеет предупредить разведчиков о коварной выдумке врага. Но фашисты молчали, они не хотели выстрелами выдать себя.

А Павлик все бежал и бежал. Он размахивал шапкой и, показывая в сторону села, кричал:

— Там немцы! Немцы!..

Когда мальчик понял, что разведчики его услышали, он, круто повернув, побежал обратно к селу. Павлик полз к школе, чтобы рассказать матери, соседям, что помощь уже близка. Но тут выскочило двое гитлеровцев и, заломив ему руки за спину, потащили в блиндаж, который был во дворе сгоревшего дома. Мальчика пытали, но мужественный пионер ни разу не крикнул, не попросил пощады...

А на безымянной высоте разгорелся жестокий бой. Немногим фашистам удалось в этот день переправиться на правый берег Северного Донца!

...Тело Павлика солдаты бережно положили на плащ-палатку и, склонив головы, перенесли в село. Командир сказал:

— Не плачьте, женщины! Пионер Павлик Поддубный спас жизнь многих, многих советских солдат. Он предупредил об опасности целую армию! Гордитесь им!

Пионерская дружина, которая носит имя Павлика Поддубного, помнит о его подвиге, заботливо ухаживает за его могилой. Каждый год 1 сентября дружина выстраивается у могилы героя. И когда вожатый, громко читая список пионеров, называет имя Павлика Поддубного, из шеренги звучит голос:

— Павлик Поддубный погиб смертью храбрых за нашу Родину!

Г. ГУЛЬКО.

подполковник запаса

МАЛЬЧИК С БУКОВИНЫ

Огненные зарницы разрывали небо над Днестром. Далекий гул канонады извещал: наши наступают.

Группа разведчиков во главе с капитаном Павлом Трофимовым на плотах переправилась через быструю реку и ступила на землю, занятую врагом. Командование поставило перед бойцами ответственную задачу: ударить по немцам с тыла.

Смеркалось. Мартовский вечер был пасмурным, ненастным. Осторожно, шаг за шагом, крались разведчики к селу. За широкой дорогой дремали в тумане Ливинцы. Гарнизон противника готовился к ночному отдыху. В окнах крайних хат мелькали огоньки... Где-то на околице заливались лаем собаки, нутужно гудела автомашина.

Разведчики, притаившись, шепотом совещались.

— Всего можно ожидать, — сказал Трофимов. — Кто его знает, сколько их... — Он помолчал с минуту и спокойным тоном добавил: — Надо добыть «языка». А если не удастся, то дело сложнее...

Двигаясь ползком по холодной и вязкой земле, перебегая от дерева к дереву, бойцы капитана Трофимова миновали несколько хат и, наконец, оказались в старом, с потрепанной крышей сарае. Он одиноко стоял посреди редкого, запущенного сада. Совсем близко от дороги.

Чтобы сориентироваться в обстановке, выяснить, как действовать дальше, Трофимов вышел из сарая и от неожиданности замер. Рядом на безлюдной улице появился часовой. Он остановился, прислушался, подозрительно заглянул во двор, но разведчика не заметил. Потом пошел мимо сельских заборов, проволочных изгородей, потихоньку мурлыча под нос песню.

Капитан метнулся в ближайшую калитку и, настороженный, остановился.словно из-под земли, перед ним выросла фигура. Трофимов схватился было за автомат, но услышал испуганный голос:

— Дяденька, не стреляйте...

Офицер подошел вплотную к мальчику в большой, надвинутой на лоб кепке.

— Ты кто?

— Да я... Я Ильяша Головачук. Живу вот туточки, — все еще дрожащим голосом произнес тот.

Заметив блеснувшую на шапке военного красную звездочку, мальчик всплеснул руками:

— Наши! Ей-богу, наши!

— Т-с-с! — капитан крепкой пятерней сжал локоть Ильяши. — Немцев в селе много? Говори быстрее!

А тот, как зачарованный, не мог оторвать взгляда от красной звездочки. Глаза его вспыхнули, загорелись радостью.

Обняв мальчика за худенькие плечи, капитан переспросил:

— Немцев в селе много?

Ильюша, словно очнувшись от сна, скороговоркой зашептал:

— Ого, понаехало их! Выйти из хаты страшно... А на том углу — штаб. Я знаю, где... Там до войны школа была...

— Далеко?

— Огородами совсем близко, — горячо зашептал мальчик. — Когда-то туда в магазин бегал. Я покажу вам дорогу!

Трофимов подал сигнал. Разведчики подошли, окружили мальчика.

— Ильюша, — Трофимов кивнул на Головачука, — проводит нас к штабу. Проверить оружие!

Через несколько минут они оказались на невысоком пригорке. Оттуда было видно длинное здание. В нем ярко светились огни. Резкий порыв ветра донес разговор часовых.

— Штаб... — показал Ильюша.

Разведчики окружили здание.

Грянули дружные выстрелы. В одном белье выбегали фашисты и падали, скошенные пулями.

— Получайте! Это вам за мою школу! — кричал возбужденный мальчик.

Он вместе с бойцами подошел к штабу. Гитлеровцы поднимали руки, громко ругались.

— Товарищ капитан! — обратился Ильюша к Трофимову. — Я побегу по хатам, подниму людей! Скажу, что наши здесь...

— Давай! Ни одного фашиста не выпустим из села!

Полный радости и тревоги, Ильюша появился на пороге родного дома.

— Где ты шатаешься так поздно? — услышал сердитый голос матери.

— Мама! Петя! Наши в селе! — затрещал скороговоркой. — Слышите выстрелы? Немцам капут!

С постели торопливо поднялась мать, с печи слез старший брат.

— Неужели?! — оба удивленно взглянули на мальчика.

Стрельба послышалась совсем близко. Внезапно от сильного взрыва задрожала хата. Мать перекрестилась украдкой и сказала с легким упреком:

— Ох, Илья... Ты, разбойник, доиграешься...

— Глядите, горит! — крикнул от окна Петр.

— Так им, гадам! — сжал кулаки Ильюша и стремглав бросился в сени. — Петя, пошли со мной! Я знаю капитана. Надо людей поднять!

— Илюшенька! — крикнула мать в отчаянии. — Убьют! Вернись! Петя, и ты?..

Пошли оба. Тринадцатилетний Илья и шестнадцатилетний Петр. Обессилен, упала на скамью...

Ильюша с Петром, на ходу рассказывая всем о приходе советских воинов, торопились к разведчикам. Жители заняли все выходы из села, расставили дозорных. Соседи Головачуков — Тимофей Перепичка и Андрей Кундий — из дробовиков стреляли по фашистам...

Заметив Ильюшу, Трофимов обрадовался.

— Петренко, — бросил он разведчику с рацией, — свяжись с «Коршуном».

Разведчик взялся за ключ.

— Передай: операция «Днестр» успешно завершена. В плен взято свыше двухсот солдат и офицеров противника. Еще передай... Илья Головачук...

— Пионер? — спросил Ильюшу Трофимов.

— Пионер! — с гордостью ответил мальчик.

— Так и передай, Петренко. Пионер Илья Головачук показывал нашей разведке штаб и помогал громить врага!

...Светало. Промокшие до нитки, замерзшие, стояли на сторожевом посту Петр и Илья. Им Трофимов поручил контролировать дорогу, ведущую в Кельменцы. Ведь в любую минуту могло подойти вражеское подкрепление.

Внезапно мальчики насторожились, переглянулись. На дороге в направлении Хотина послышался гул моторов.

— Петя! А ну, помоги!

Илья вцепился в ствол старой акации, быстро перебирая ногами, полез вверх. Высоко, на самую верхушку.

— Танки! С крестами! — крикнул он и быстро спустился вниз.

В сердце остро кольнуло, в висках забилась кровь.

— Ой, что теперь будет? Надо сообщить нашим!

Ильюша пулей помчался в село, где сутились люди, выводили из хат заспанных фашистов. Мальчик разыскал Трофимова и рассказал обо всем увиденном. Командир собрал отряд.

— Надо немедленно отступать, товарищи, — взволнованно сказал он.

— Но куда? Мы окружены фашистами. Единственное спасение — лес... Там можем дожидаться наших.

— Я знаю надежный лес под Михайловкой, — подхватил Илья. — Чаща — жуть. Я там овец пас... Туда пробирайтесь!

Вывел из села, показал, куда идти.

Как с боевым побратимом, прощался капитан Трофимов с мальчиком. Погладил его светлые с медным отливом кудряшки, поцеловал в веснушчатую щеку.

— Спасибо, Ильюшка, за помощь. Ты — настоящий пионер. Не грусти, отдохнем ночь — и снова ударим по фрицам. Только встречай!

На следующий день подразделение разведчиков капитана Павла Трофимова снова вступило в Ливинцы, навсегда прогнав фашистов. Но Ильюши Головачука уже не было. Всего одни сутки не дожид он до этого счастливого времени. По доносу провокатора его расстреляли немецкие палачи.

Это случилось под вечер 28 марта 1944 года...

В 1962 году по решению Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина имя Ильи Головачука занесено в книгу Почета организации. А в честь двадцатилетия Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками юный герой был удостоен посмертно высокой правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени. Имя Ильюши Головачука носят лучшие пионерские отряды на Буковине.

*

...Был погожий осенний день. Веселая детвора сидела за партами в новой школе, а колхозники заканчивали работы на полях. В эту пору Ливинцы посетили полковник в отставке — художник Валентин Акимович Яблонский и секретарь военнопленного общества при Черновицком гарнизонном Доме офицеров Петр Сергеевич Свитко.

Они шли широкой улицей, любуясь новостройками. Петр Сергеевич помнил село еще со времени войны. Часто он бывал здесь и потом, собирая материалы о непокоренных буковинцах.

Черновчане подошли к группе строителей, возводивших возле школы здание. Тут они познакомились с колхозником Тимофеем Перепичкой. Разговорились. Вспомнили прошлое...

Тимофей спросил:

— А об Ильюше Головачуке слышали? Жаль, не дожид... А какой был славный мальчишка! Герой! Это ведь он провожал Трофимова к немецкому штабу.

Вскоре они навестили Ильюшину мать — Надежду Фтодеевну. Старушка приветливо пригласила их в светлицу, угостила краснобокими яблоками.

— Ильюша их любил... Это с той ветвистой яблони, — кивнула в сторону сада, вытерла краешком платка повлажневшие глаза.

— Не сохранилось ли у вас, случайно, Ильюшиной фотографии? — спросил через некоторое время Яблонский.

— Где там... Не до того нам было. Жили мы очень бедно. Ильюша пас панских овец, чтобы заработать на кусок мамалыги. Я батрачила. Когда в сороковом пришли наши, они принесли людям волю и радость. Ильюша пошел в школу. Вспоминаю, как он однажды примчался с красным галстуком на груди. «Мама, я пионер!» — похвалился еще с порога. И на-

чал рассказывать, кто такие пионеры. Я поцеловала его и сказала: «Я верю, сынок, что и ты будешь таким». А потом — война...

Надежда Фтодеевна понизила голос, снова вытерла непрошеную слезу и, вздохнув, добавила:

— Я горжусь своим Ильюшей!

Из школы, стоявшей шагах в ста от хаты, донеслись звуки звонка. Шумной стайкой высыпали на улицу ученики. Счастливые, неугомонные, они размахивали портфелями, смеялись, пробегая мимо дома Головачуков. Надежда Фтодеевна, прищурившись, долго смотрела на них. Лицо ее, казалось, за одно мгновение намного постарело, покрылось новыми, до сих пор не видимыми морщинами.

— Вижу среди этих мальчиков Ильюшу... Личико кругленькое, нос курносенький... А чубчик — ну точно пшеничные стебли летом. Вот как у этого, что в стороне бежит... — говорила она неторопливо, задумчиво, словно сама с собой.

Памятник Ильюше
Головачуку на Буковине
в селе Ливинцы

Валентин Акимович слушал, запоминал каждое ее слово и пристально смотрел на детей. Художник думал.

...Целыми днями работал Валентин Акимович. Мазок за мазком ложились на бумагу краски. А когда в следующий приезд показал портрет Тимофею Перепичке, у того загорелись глаза:

— Похож... Как две капли воды. Скорей к Головачукам!

Надежда Фтодеевна хлопотала дома по хозяйству. Яблонский показал ей портрет и сам себе не поверил. То, что он услышал в эту минуту, взволновало его до глубины души.

— Мальчик мой милый, Ильюша!..

В. МАРЬЯНИН

КОСТЯ КРАВЧУК

Это было в 1962 году. В пионерском лагере «Артек» собрались делегаты II Всесоюзного слета юных ленинцев. Много волнующих рассказов можно было тогда услышать о Красном знамени и о подвиге советских людей, защищавших это знамя, а с ним и честь нашей Родины.

С нетерпением ожидали юные ленинцы встречи с Константином Кравчуком, бывшим пионером из Киева. Все ребята знали о подвиге Кости, но каждому из них хотелось увидеть героя собственными глазами, услышать от него самого о его жизни, узнать о судьбе боевых знамен, которые он сберег от врага в годы войны.

Встреча состоялась. Вот история, услышанная пионерами.

...Костя родился в 1931 году в Киеве. Рос в семье рабочего. Учился в школе № 2 (теперь это школа № 107). Мальчика часто можно было видеть среди товарищей, которые шумными ватагами носились по улицам и дворам, играя в войну, горячо спорили о тактике и стратегии сражений с «противником».

Жили они неподалеку от Днепра. Мальчики сызмала знакомились с рекой, учились хорошо плавать. И почти все завидовали капитанам белоснежных кораблей, скользивших по искристым волнам Славутича. Каждый мальчик мечтал стать моряком. Была такая заветная мечта и у Кости Кравчука.

Но мечте этой не суждено было осуществиться. Началась война с немецкими фашистами. В сентябре 1941 года под натиском превосходящих сил противника советские войска оставили Киев.

Костя, десятилетний мальчик, сидел дома, когда до него донесся стон из сада. Он осторожно приоткрыл ведущую в сад калитку и увидел двух раненых бойцов. Один из них подозвал Костю и спросил:

— Ты пионер?

— Да,— ответил мальчик.

— Тогда возьми этот сверток... Там два боевых знамени. Спрячь их и сохрани до прихода наших. Только никому об этом не рассказывай. Понял?

Костя взял знамена и нерешительно спросил бойцов:

— А вы вернетесь?

— Вернемся, сынок, обязательно вернемся, — ответил один из бойцов.

Мальчик побежал домой.

Сначала он растерялся. Что делать? Фашисты каждую минуту могут ворваться в дом, найти знамена. Костя бросился в сад. Быстро вырыл яму под яблоней, положил туда сверток и старательно забросал яму землей и опавшей листвой.

Однако тревога не оставляла Костю. Ночью, когда дома все заснуло, он откопал знамена, завернул их в мешок и густо засмолил его, чтобы сквозь ткань не просочилась вода. Потом осторожно пробрался к знакомому скверу. Разыскал там старый забытый колодец, с полуобвалившимися стенками и нераскопанным дном, и спрятал в нем сверток.

О своей тайне Костя не сказал никому, даже матери.

Нестерпимо долго тянулись дни фашистской оккупации. Много раз Костя наведывался в сквер, проверял, на месте ли знамена.

Наконец жители Оболонской улицы на Подоле, где жил Костя, услышали оружейные залпы: наступала Красная Армия. Участились случаи диверсий против оккупантов. В бесильной злобе враг устраивал облавы на советских граждан. Попал однажды в лапы гитлеровцам и Костя. Его вместе с другими киевлянами отправили товарным поездом в Германию. Но по дороге Костя на полном ходу выпрыгнул из вагона.

В селе под Киевом мальчик разыскал свою мать Марфу Фоминичну, и как только фашистов прогнали из города, вернулся с нею домой. Не заходя в дом, Костя побежал к заветному колодцу. Достал оттуда сверток с красными знаменами.

Пионер ждал, что вот-вот явятся те бойцы, которые оставили ему на сохранение эти знамена. Однако к нему никто не приходил. Война еще продолжалась...

И вот однажды Костя, надев чистую рубашку, отправился со знаменами к коменданту города полковнику Ивашкину. Вскоре мальчик стоял перед ним и, развернув знамена, рассказывал о двух раненых бойцах и о том поручении, которое они ему дали, оставляя горевший Киев...

Костя Кравчук

Взволнованный подвигом юного патриота, старый полковник крепко обнял мальчика.

— Спасибо тебе, маленький герой, — сказал он.

Первого июня 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: «За сохранение двух полковых знамен частей Красной Армии в период оккупации города Киева наградить школьника Кравчука Константина Кононовича орденом Красного Знамени».

Высокую награду пионеру вручили во время митинга на городском стадионе, где специально для этого были выстроены воинские части Киевского гарнизона.

Газета «Правда» в связи с награждением Кости Кравчука писала: «Подвиг киевского пионера войдет в летопись войны. По этому подвигу так же, как по бессмертному подвигу Зои Космодемьянской, потомки наши будут судить о поведении советского молодого поколения в момент тяжелейшего военного испытания для Родины. Они будут знать, как велик в этот момент был даже юный человек, каким большим и глубоким был его душевный мир, каким благородным был его моральный облик... Пионерский отряд, к которому принадлежал киевский пионер, может считаться боевой единицей. Честь и слава этому пионерскому отряду!»

...Шли годы. Костя учился в суворовском училище, потом в школе юнг — в учебном отряде Черноморского флота. В свободное время он посещал секцию борьбы и позднее стал инструктором по этому виду спорта.

В 1947 году Костя Кравчук вступил в ряды Ленинского комсомола. А стать моряком ему не довелось: школу юнг расформировали.

Костя вернулся в родной город. Юношу приняла к себе дружная рабочая семья старейшего киевского завода «Арсенал». Со временем Константин Кононович Кравчук стал сборщиком-механиком высокой квалификации. На груди у него рядом с боевым орденом Красного Знамени сияет орден Трудового Красного Знамени, которым он награжден за свой самоотверженный труд.

А боевые знамена, которые спас пионер Костя Кравчук, хранятся, как священные реликвии, в Центральном музее Вооруженных Сил СССР в столице нашей Родины — Москве.

Е. ДАСКАЛОВА

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Несколько дней, не утихая, грохотала над белорусским селом Карповцы артиллерийская канонада, слышался частый треск пулеметов, жаркая перестрелка. Потом как-то все смолкло, и только издалека доносился глухой гул. Война прокатилась через село и ушла на восток, оставив свои следы:

глубокие воронки, окопы, усеянные стреляными гильзами. В селе стали хозяйничать гитлеровцы.

Жителей теперь было значительно меньше, чем до войны: старики, женщины, дети. Мужчин не было видно. Одни ушли в армию, а куда девались другие, об этом в хатах говорили только шепотом.

В это утро Коля Сорока нашел на лугу два совсем целых патрона. Он присел на бугорок и начал внимательно рассматривать свою находку: не разбиты ли капсюли, дотронулся до острых концов пуль. Вдруг кто-то схватил его за шиворот. Коля оглянулся. Перед ним стоял гитлеровец. Прежде чем мальчик опомнился, фашист выхватил у него из рук патроны и с размаху ударил по лицу.

Когда мальчик пришел в себя от неожиданности, гитлеровца уже не было. Рядом стояли Ваня Северин и Коля Зыбко.

— За что он тебя? — спросил Ваня.

— За два патрона, — ответил Коля.

— На этого гада и одного патрона хватило бы, — глядя вслед фашисту, сказал Ваня.

— Одним патроном ничего не сделаешь.

— Винтовка нужна, — вздохнул Коля, и мальчики посмотрели друг на друга.

А через несколько дней брат Коли Сороки Вася удивлялся, заметив, что в хату уж очень часто забегают мальчишки. А когда они не заставляли Коли дома, то просили передать ему, что нашли чурки для городков.

— Что это они все городками увлеклись? — размышлял Вася. — И где это Колька пропадает с утра до вечера?

А Коля вместе с Володей Сергейко, Леней Сцидиневским и Ваней Севериным, сказав дома, что нашли хорошее пастбище, целыми днями делали свое дело. В лесу, подальше от чужих глаз, они сбили большой деревянный ящик, закопали его под елями и замаскировали дерном. Это был первый пионерский тайник — склад трофейного оружия. Вечером мальчишки обошли все хаты, где нашлись «чурки для городков», собрали разысканные их товарищами патроны, части винтовок и сложили все в тайник.

Здесь, возле своего склада оружия, пионеры дали торжественную клятву помогать отцам и старшим братьям в их борьбе против фашистов. Вскоре в лесу было уже пятнадцать пионерских тайников. В лесу же устроили мальчишки и свою оружейную мастерскую. Там они собирали винтовки из найденных частей, сами делали к ним приклады.

Пулемет, десять винтовок, двадцать гранат и десятки ящиков с патронами передали пионеры партизанам.

Вася Сорока быстро догадался, какие «чурки для городков» собирают мальчишки. Посоветовавшись со своими товарищами, членами подпольной комсомольской организации, он решил

дать пионерам ответственное поручение. Однажды Василий передал брату написанную от руки сводку Совинформбюро.

— Мы это слышали по радио,— объяснил он Коле.— Надо размножить сводку и распространить ее по селу. Пусть люди знают правду.

— Будет сделано,— сказал Коля.

И на следующий день по всему селу люди находили написанные детской рукой листовки, в которых рассказывалось о действительном положении на фронте.

С каждым днем крепла связь пионеров с партизанами. Командир партизанского отряда, секретарь подпольного обкома комсомола Стрижак в шутку называл расположенные неподалеку от села перелески «кустами Сороки». В этих перелесках полными хозяевами были Коля Сорока и его друзья. Каждый вечер оттуда долетали трели «соловья». Прислушиваясь к его голосу, партизаны выходили к мальчикам, принимали от них посылки с одеждой и продуктами, с медикаментами, которые доставляли самые младшие участники подполья — пионеры Нина Хомко и Володя Касило.

Как-то все пионеры, связанные с подпольной организацией, внезапно увлеклись купаньем. На глазах у охраны цементного завода мальчишки долго плескались, ныряли, гонялись друг за дружкой. А в ближайшую же ночь цементный завод был взорван партизанами. Никому из фашистов и в голову не пришло связывать купанье детей со взрывом на заводе. А между тем пионеры по заданию партизан, купаясь, искали хороший брод. Ночью под носом у фашистских охранников они провели этим бродом партизан к заводу.

...Зимой 1944 года в селе начались массовые аресты. Схватили Колю Сороку. В белостокской тюрьме фашистские палачи замучили и убили пятнадцатилетнего вожака пионеров-подпольщиков. Он умер, так и не выдав врагам своих товарищей — членов подпольной организации. А друзья поклялись отомстить за смерть Коли.

Однажды в тревожную ночь Ваня Северин и Володя Сергейко, взяв с собой две мины, подкрались к железнодорожному мосту и заложили взрывчатку. На следующее утро всех жителей разбудил страшный грохот. На мосту подорвался эшелон с вражескими солдатами и вооружением, который шел на фронт. Это было мстью за смерть пионерского вожака.

Оставшись без Коли Сороки, подпольная пионерская организация продолжала действовать. Ею, как и раньше, руководил подпольный обком комсомола, а возглавлял ее один из лучших Колиных друзей — Володя Сергейко.

Когда фашисты гнали на каторгу в Германию очередную группу советских людей, среди захваченных был и Володя Сергейко. В Белостоке Володя бежал и добрался до партизанского отряда имени Калинина. Вернуться в село ему было

опасно. В партизанском отряде он узнал, что пионеры села Карповцы остаются верными своей клятве — борются с врагом. Теперь подпольную пионерскую организацию возглавлял двенадцатилетний Коля Зыбко.

*

Шли годы. Дела пионеров-подпольщиков стали уже историей. Об их подвигах можно узнать, посетив Гродненский музей. Но память об этих славных делах живет за пределами музея. Пионерская дружина Новоселковской начальной школы, где учились юные мстители, носит имя пионера-героя Николая Сороки. Ежегодно, 25 мая, в тот день, когда дружине было присвоено это почетное имя, дети устраивают торжественный сбор у костра. В гости к ним приходят бывшие участники подпольной пионерской организации села Карповцы. И, слушая их рассказы, сегодняшние пионеры мечтают о подвигах во имя своей великой Родины.

О. ХМЕЛИК

СЛУЧАЙ НА МАГЛУШЕ

Случилась эта история в декабре 1941 года неподалеку от Москвы. Наши танки преследовали поспешно отступавших от столицы фашистов и с боем ворвались в деревню Ново-Петровское. Вдали за околицей танкисты успели даже заметить уцелевший хвост вражеской колонны. Теперь только вперед — догнать и полностью уничтожить врага. Но путь танкам преграждала глубокая речушка Маглуша. Мост через нее немцы взорвали. Танкисты нашли брод, но когда танки подъехали к речке, из-за избы, стоявшей поблизости, к ним наперерез бросились женщина и мальчик десяти-одиннадцати лет. Они что-то кричали, размахивая руками.

— В чем дело, хозяйка? — спросил высунувшийся из люка водитель первого танка.

— Туда нельзя! Фашисты заминировали поле за бродом. Комиссар Комлов подошел к женщине и мальчику.

— Как же быть, мамаша? — спросил он. — Может, танкам удастся переправиться через речку в другом месте?

— Это лучше сделать у моей избы. Речка здесь узенькая, всего четыре метра.

Хотя речка была узкой, берега ее оказались слишком высокими. Без наведенного моста танкам вброд не переправиться. Стали бойцы совещаться, где взять бревна для моста, а женщина — ее звали Александра Григорьевна Кузнецова — услышала их разговор и сказала:

— Что вы стоите, товарищи бойцы? Бревна-то лежат под моим домом. Берите их. Не хватит — разбирайте дом. Для такого дела ничего не пожалею. Потом Петя вам дорогу покажет. Он запомнил, где немцы зарыли мины, а где их нет.

Рота солдат быстро навела через Маглушу мост. Пришлось разобрать даже часть избы.

Когда первый танк переправился через речку, там его уже ждал Петя. Выскочил вперед и, поправив обеими руками ушанку, побежал по заснеженному полю, показывая дорогу. Выведя танк на шоссе, мальчик что есть силы побежал обратно. Внезапно резанула автоматная очередь. Танкисты увидели, как Петя с размаху упал в снег. Кто-то с горечью воскликнул:

— Убили парнишку, подлецы!

Но через несколько секунд стало ясно, что Петя показал лишь отличную солдатскую сноровку — притворился убитым. Затем он быстро встал и, пригибаясь, побежал к дому. Вскоре отважный проводник повел вторую боевую машину. Яростные автоматные очереди снова вспороли снег перед мальчиком, а он, не страшась выстрелов, все бежал и бежал впереди, показывая дорогу.

Между тем первый танк, уже вступив в бой с противником, разбил тягач-вездеход с автоматчиками.

Мальчик провел на боевые позиции все легкие танки, наступил черед тяжелых машин КВ. И тут случилась беда. Пете оставалось проводить только две машины. Когда он подбежал к шоссе, танк наскочил на небольшую мину. Раздался взрыв, гусеница уцелела, а вот храброго мальчика взрывной волной контузило. Подняв лежавшего без сознания Петю, танкисты осторожно понесли его в деревню, где полковой врач оказал герою необходимую медицинскую помощь.

...Кончилась война. Но люди не забыли подвига матери и сына — семьи Кузнецовых. За доблесть и отвагу в суровые дни битвы за Москву оба награждены орденами Отечественной войны I степени.

С. ГЛУШНЕВ

ДОЧЬ ПАНФИЛОВСКОЙ ДИВИЗИИ

Генерал Панфилов нахмурил брови, в волнении погладил пальцами черные усы.

— Так говорите, девочка осталась без родителей? — обратился он к штабному офицеру. Потом, подумав, решительно хлопнул ладонью по столу: — Нет, не будем отправлять ее в детприемник. Удочерим! Зачислите Машу Макарову в дивизию рядовым бойцом.

Тринадцатилетняя пионерка приняла у дивизионного зна-

мени боевую воинскую присягу. Так для Маши Макаровой, сельской школьницы из Волоколамского района, начался ноябрь, 1941 учебный год.

А фашисты рвались к Москве. Когда бои становились особенно тяжелыми, вместе со строевыми бойцами бок о бок сражались и штабные работники, и повара, и медицинские сестры, и обозники, даже гастрوليрующие на передовых позициях артисты. Бралась за оружие и отважная девочка Маша Макарова...

Из командирского дивизионного блиндажа вышел генерал Панфилов. Широким, размашистым шагом двинулся по просторному заснеженному полю. Навстречу ему — маленький молоденький красноармеец в длинной до пят шинели и надвинутой глубоко на лоб большой красной звездной шапке-ушанке.

— Послушай-ка, пацан, а как тебя зовут? — спросил генерал, вглядываясь в юное лицо.

— Я не пацан, я Мария Ивановна, — бойко, но с обидой в голосе отпартовала девочка.

— Ах, вот как! — весело рассмеялся Иван Васильевич Панфилов. — То-то, гляжу, знакомое лицо: значит, это тебя на днях наградили медалью «За боевые заслуги», — и положил руку на плечо девочки. — Молодцом воюешь, дочка, солдатский у тебя характер!

...Во фронтовой газете «За Родину» были написаны такие строчки:

Уже год как находится на фронте Мария Макарова. На ее глазах погиб генерал Панфилов, и Маша поклялась мстить гитлеровским разбойникам. Она не раз под обстрелом врага перевязывала раны бойцам-гвардейцам.

Этот номер газеты бережно хранится в музее героев-панфиловцев, который находится на Волоколамском шоссе у разъезда Дубосеково, возле деревни Нелидово. Кстати сказать, в Панфиловской дивизии были еще и четверо мальчиков, тоже, как Маша Макарова, подобранных на дорогах войны.

Во фронтовых буднях, полных опасности и риска, креп и закалялся бойцовский характер Маши Макаровой. Она овладела азбукой Морзе и стала связисткой. Нередко Маша тянула связь прямо в окопы. В одном из боев немцы обрушили на панфиловцев сильный артиллерийский огонь. Сотрясало от взрывов штабной блиндаж, где находились связисты. Очередной вражеский снаряд упал почти рядом, и оборвалась связь панфиловцев с одним из соседних полков. Послали связиста — он не вернулся, погиб. Вызвалась идти Маша. Ее не пускали, но девочка убеждала: она ведь тоже солдат, как и взрослые.

Свистели пули, летали осколки. Но Маша ползла, то и дело зарываясь лицом в снег, крепко держа в руке провод. Вот, наконец, и обрыв. Только начала сращивать концы, как вдруг почувствовала острую боль в правой руке. И тогда неумело

продолжала работать левой, помогая зубами. А на серый от пороховой гари снег капала кровь вперемешку со слезами...

За выполнение этого задания гвардии сержант Мария Макарова была награждена орденом Красной Звезды.

Демобилизовалась восемнадцатилетняя гвардии сержант Мария Макарова из армии в победном, 1945 году. Окончила среднюю школу. А когда узнала, что в Волоколамском районе Московской области организуется совхоз «Панфиловский», поехала из Прибалтики в родные подмосковные края. Встретили бывшую панфиловку приветливо. Предложили работу на выбор: секретарем директора совхоза, аптекарем, вязальщицей-надомницей, учетчицей... Мария пошла в доярки. Правда, иногда сильно болит правая рука...

Высота 251. Так назывался в дни войны разъезд Дубосеково, который навеки прославили бесстрашные герои-панфиловцы, отдавшие жизни, но задержавшие рвавшихся к Москве фашистов. Теперь здесь, у деревни Нелидово, расположен мемориальный музей. Здесь ежедневно бывают люди со всех концов земли.

Часто приходит сюда и доярка из совхоза «Панфиловский» Мария Ивановна Макарова. Вслушивается в разговоры людей, всматривается в их лица в надежде встретить своих однополчан. Иногда встречает! И тогда радости нет конца.

К. САРАНЧИН

«ЖИЛ В РОСТОВЕ ВИТЯ ЧЕРЕВИЧКИН...»

С фотографии смотрит подросток лет четырнадцати. Он коротко острижен. Высокий лоб. Сосредоточенное лицо и вдумчивый взгляд. Зовут мальчика Витей Черевичкиным.

Его фотографию можно увидеть во Дворце пионеров города Ростова. Именем юного героя назвали свой пионерский отряд пятиклассники 78-й ростовской школы. Носит его имя и одна из улиц Ростова. О нем сложена песня «Жил в Ростове Витя Черевичкин...», которая часто звучит в пионерских отрядах и в которой рассказывается о жизни и учебе Вити, о его сизокрылых голубях, о его подвиге и гибели зимой 1941 года...

Это были дни, когда шли жестокие бои с фашистами на берегах Нижнего Дона. Враг рвался к Ростову, и ему удалось занять город. Настало тяжелое время. Витя видел зарево пожаров, слышал стрельбу в городе, знал, что гитлеровцы грабят и расстреливают советских людей.

Он мог на все это ответить одним словом: «Бороться!»

Как-то мальчик увидел, что эсэсовцы выгоняют жильцов из большого здания. Туда протянулись телефонные провода. Одна за другой подъезжали блестящие машины. С берега Дона непрерывно сновали связные.

«Это штаб», — понял Витя.

Вскоре он узнал, что крупные фашистские соединения сосредоточены в районе завода «Красный Аксай».

Витя решил во что бы то ни стало установить связь с советскими войсками. Они стояли в Батайске, по ту сторону Дона. Но как это сделать?

Еще до начала войны Витя Черевичкин, как и многие его ровесники, любил гонять голубей. У семьи были родственники в Батайске, и голуби, вместо почтальонов, часто переносили известия из Ростова в Батайск.

Время от времени над городом появлялись советские самолеты. И Витя решил показать им место расположения фашистского штаба. Когда загудел в небе мотор, мальчик выпустил над штабом голубей. Но его сигналов летчик то ли не заметил, то ли не понял. Самолет исчез. Тогда юный разведчик написал записку с важными сообщениями, привязал ее к лапке рыжего голубя и подбросил своего любимца вверх:

— Лети в Батайск!..

Витя волновался. А что, если голубь не долетит? Может быть, и родственников уже нет в Батайске? Кто же передаст советскому командованию его донесение? Как только над Ростовом снова показался советский самолет, из рук Вити еще раз поднялись и стали кружиться над фашистским штабом голуби. Летчик вел самолет совсем низко. Витя начал энергично подавать сигналы руками.

Вдруг кто-то схватил его за плечо. Мальчика заметил фашистский офицер. Витя попытался вырваться, но откуда-то подбежал солдат. Юного героя отвели в немецкий штаб.

— Ты разведчик?.. Где партизаны?.. — бесновался на допросе офицер, угрожая мальчику пистолетом.

Витю били, топтали ногами, но никакие пытки не могли сломить его волю. Он молчал. А вечером подростка повели в сторону Дона. Он шел, тяжело передвигая ноги. Но голову держал высоко. За ним неотступно шагали его конвоиры.

Из-за Дона уже слышен был грохот советского наступления. Витин голубь долетел до Батайска. Здесь его заметили, и записка была передана в наш штаб. Теперь рвались снаряды и бомбы в районе завода «Красный Аксай», где скопились крупные вражеские силы. Клубы черного дыма застилали квартал, где стоял фашистский штаб. Это громили врага советская артиллерия и авиация, сосредоточив огонь на тех точках, кото-

Витя Черевичкин

рые указал он, юный разведчик Витя Черевичкин. В Ростов вернулись советские войска, и юного ленинца с воинскими почестями похоронили в братской солдатской могиле.

Вся пионерская семья, воспитавшая юного героя, чтит его память. В парке, возле могилы, в которой похоронен Витя, проходят пионерские сборы. Витина мать Анфиса Васильевна часто рассказывает ребятам о сыне. Пионеры 78-й школы взяли шефство над семьей Черевичкиных.

Юные ленинцы хотят быть такими же мужественными и преданными Родине, каким был Витя.

Память о нем осталась. И осталась песня:

Голуби, мои вы милые,
Улетайте в облачную высь.
Голуби, вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись...

Б. БОВК

Памятник Вите Черевичкину в Ростове-на-Дону

ИМЯ НА БРОНЕ

После первой встречи Нины Сагайдак с комсомольцем-партизаном Алексеем Поярковым прошло немало времени. А от партизан никакого известия. «Неужели не доверяют? — думала Нина. — Маленькими нас считают — пионеров...»

Задумавшись, Нина не заметила, как к костру подошел человек. От неожиданности девочка вздрогнула.

— Добрый день.

— Здравствуйте, — ответили Нина и Толя неизвестному старику.

— Греемся, значит... А мне можно?

— Пожалуйста.

Присел рядом, стал расспрашивать: кто, откуда... Потом обратился к Нине:

— Пойдем со мной на минутку. Там, на просеке, мой воз перекинулся, помоги. А ты, мальчик, проследи, чтобы огонь не погас. Мы сейчас вернемся.

Нина отправилась за стариком. Когда они уже скрылись за деревьями, тот остановился:

— Ну, еще раз здравствуй, Нина... Опять не узнаешь? Я все тот же Алексей... А это, — показал партизан на свою бороду и седые волосы, — временный маскарад. Парик надел. Помнишь, как мы в школе пьесу ставили. Я еще там деда играл. Видишь, теперь пригодилось...

Алексей усмехнулся.

— Вот ходил в село, «побирался». Ночью думал в Щорс пробраться, к тебе...

— Ко мне?

— Да... С важным поручением. И видишь, мне повезло: случайно встретил тебя здесь.

Алексей сообщил Нине, что в ближайшие дни на станцию Щорс прибудет гитлеровский эшелон. Нине поручено добыть подробные данные о нем. Ведь взрослому труднее пробраться в расположение новой воинской части.

Алексей детально объяснил девочке, что именно интересует партизан, посоветовал, как лучше выполнить это задание, сказал, куда передать все добытые сведения.

— Ну, до встречи, Нина! — и Алексей скрылся в ельнике.

Возбужденная и счастливая, Нина вернулась к костру.

«Неужели правда? Мне поручили такое ответственное задание... А если не справлюсь?.. Справишься, справишься... — отвечала она себе. — Ты же всем сердцем ненавидишь фашистов!»

Толя встревоженно смотрел на сестру. Наконец спросил:

— А дедушка где?

— Уехал... А картошка уже, наверное, спеклась. Выгребай.

Приближалась годовщина Октября. У Нины собрался совет подпольного пионерского отряда: Леля и Толя Губенко, Лида Шеховцова, Валя Брегунец, Зоя Шамко... Пионеры решили достойно отметить праздник.

— Сто листовок уже написано, — доложила Леля. — Но полицейские ночью осматривают каждый забор, каждую стенку...

— В прошлый раз мы двадцать листовок расклеили, — заметила Лида Шеховцова, — а наутро только семь осталось. Почти все полицейские пообрывали. Тут надо что-то придумать.

— Ой, друзья, знаю! — радостно воскликнула Нина. — А что, если мы сделаем так...

И девочка поделилась с товарищами своим планом.

В это утро из окрестных сел в город съехалось много крестьян. Был базарный день. И вдруг над городом раздался звонкий девичий голос:

— Товарищи! Друзья! Поздравляем вас с праздником Великой Октябрьской социалистической революции! Слушайте нас все, кто стремится к свободе, кто любит свою Советскую Родину!

Шум на площади мгновенно умолк. С лицами, светящимися радостью, люди смотрели на репродуктор. Оттуда доносились слова желанной правды, слова приветствия и надежды.

А неизвестный диктор продолжал:

— Дорогие земляки! Красная Армия ведет ожесточенные бои. Коммунистическая партия подняла весь народ на борьбу с врагом. Бейте фашистскую сволочь! Вас ждут партизанские отряды...

Растерянные полицейские не знали, что и делать. Опомившись, начали разгонять толпу, подняли стрельбу. На площадь примчался начальник гестапо. Выскочив из машины, заорал на старшего полицейского:

— Где, где оратор?! Почему не арестовали?!

Юный голос продолжал звенеть над городом.

— Что? Радио? За мной! — и гитлеровец метнулся к помещению клуба, где находился радиоузел.

Оккупанты смонтировали его недавно, чтобы вести среди населения пропаганду «нового порядка».

— Окружить клуб! — приказал фашист полицейским.

Несколько послал обследовать внутри. Наконец они выбрались на крыльцо и растерянно развели руками:

— Там никого нет, господин майор! Радиоузел не работает. Он поврежден.

— Диктор! Диктор где? Найти, из-под земли достать!

Через час в кабинет начальника гестапо втокнули бледную, дрожащую женщину.

— Это дикторша, господин майор...

— А-а-а! Большевичка! Партизанка?! — закричал майор.

— Нет, нет, герр майор! Я — немка. Я не виновата... Пожалуйста, выслушайте...

А в это время пионеры собрались на квартире у Нины Сагайдак и взволнованно обсуждали только что пережитое ими. Вспомнили, как утром начали наблюдение за зданием клуба. Вот пришел солдат-радист. Потом — местная немка Нелли Пеннер. Она должна была вести передачи здешнего радио.

Пионеры знали, что ровно в семь солдат-радист пойдет на завтрак. Нелли останется одна. Именно это время юные подпольщики и решили использовать для нападения на радиоузел.

Зная легковверную и трусливую Нелли, Нина предложила план. Толя Губенко переоденется так, чтобы Нелли его не узнала, и сообщит ей о «несчастье», которое якобы произошло с ее мужем. Если же она сразу не покинет радиоузла, туда по условному сигналу Толи должны были ворваться трое самых сильных ребят и ликвидировать предательницу.

Но все обошлось без лишних хлопот. Как только перепуганная Нелли выбежала из клуба, Нина Сагайдак мгновенно заняла ее место у микрофона и обратилась к своим землякам с пламенной речью. Когда же пионеры, сторожившие на улице, сообщили о приближении полиции, Нина привела в негодность радиоаппаратуру и выпрыгнула через окно во двор.

Выступление неизвестной патриотки по радио вселило надежду и радость в сердца жителей Щорса. Известие это мигом облетело окрестные села и хутора, передавалось из уст в уста, обрастая все новыми и новыми подробностями.

Гестаповцы бесновались. Где-то совсем рядом в городе действовала подпольная организация, но на ее след никак нельзя было напасть. Результаты деятельности юных мстителей становились все ощутимее.

Начальник гестапо не находил себе места от ярости.

— Бездельники! Всех на фронт пошлю, на смерть! — распекал он своих подчиненных. — Это так вы служите фюреру? У вас под носом орудут партизаны, а вы не в состоянии их обнаружить! Требую немедленно принять самые решительные меры!..

Начались аресты. Немало юношей и девушек было брошено в тюрьму. Но ни один из них ничего не сказал. Пионеры

Нина Сагайдак

из группы Нины Сагайдак были осторожны. Старшие товарищи-партизаны постоянно предостерегали их от безрассудных поступков.

Вот и сейчас, идя мимо станции, Нина вспомнила советы Алексея Пояркова о том, как лучше разузнать намерения командования новой воинской части, прибывшей в город.

Нина хорошо знала немецкий язык и легко завязала нужное знакомство. Бывший музыкант лейтенант Герберт рассказал девочке в минуту откровенности, что его брат в 1934 году погиб в гитлеровском концлагере. Сам Герберт ненавидел эту войну и с нетерпением ждал ее конца, чтобы снова заняться музыкой, играть в оркестре. Нина рассказала, что она мечтала стать балериной.

— О, фрейлейн любит балет?! Наш командир тоже большой любитель балета. А не желает ли фрейлейн Нина выступить в концерте, который на днях состоится в клубе? Наш шеф будет очень доволен.

Нине вспомнились слова Алексея Пояркова: «Используй любую возможность ближе познакомиться с немцами. Это тебе пригодится».

— О, я охотно принимаю ваше предложение,— с притворной радостью ответила Нина,— если это, конечно, возможно.

— Да, да, это возможно...

После этого разговора вечерами Нина начала репетировать дома партию Лауренсии из одноименного балета А. Крейна. Этот балет она несколько раз видела до войны в Москве, где во время каникул гостила у своего дяди.

Зная, что Нина готовится к выступлению, к ней заходил Герберт со своим приятелем, чтобы посмотреть, как идут дела у балерины.

— Окончится война, откроются театры,— говорил Герберт,— и я приду смотреть ваши спектакли.

— А вы знаете, когда эта война окончится? — лукаво спросила Нина.

— Это знает фюрер! — произнес приятель Герберта.

— А вы? — допытывалась Нина.— Когда уже будет спокойно хотя бы в нашем городе? А то только и слышно: «Партизаны, партизаны».

— О, не бойтесь, фрейлейн,— высокомерно ответил приятель Герберта.— Уверю вас: послезавтра можете встречать нас с цветами. Мы вернемся из леса и привезем вам в подарок живого партизана.

Ночью Нина тайком вышла из города. Прячась за кустами, переползая открытые места, добралась до реки Снов. Вот и старая, разбитая молнией верба. В самом низу — возле земли — небольшое дупло. Туда Нина и засунула бутылочку с запиской. А неизвестный письмоносец доставил эту записку в партизанский отряд.

Народные мстители, заранее предупрежденные юной патриоткой, устроили карателям достойную встречу. Лейтенант Герберт был ранен. Концерт состоялся без него.

Вернувшись из госпиталя, он известил Нину, что для поднятия боевого духа солдат командование снова решило устроить для них концерт. Нину тоже пригласили выступить. В прошлый раз она очаровала всех своими танцами.

Девочка с отвращением думала о зрителях в зеленых, как жабы, шинелях. Не перед такими зрителями мечтала она выступать. Но отказаться в этот раз она не могла. Накануне ее предупредил связной, что партизаны намереваются напасть на тюрьму, в которой находится их тяжело раненный товарищ. Если Нина будет выступать, гитлеровское начальство и многие солдаты пойдут в клуб.

Так и случилось. Зал был переполнен.

Вот на сцене появилась стройная, грациозная девушка. Это — Нина. Нет, это Лауренсия — молодая смелая испанка,

Памятник Нине
Сагайдак на родине
юной героини

которая подняла своих земляков на борьбу против угнетателей...

Нина танцует, а мысли ее несутся далеко-далеко, туда, где гремит смертный бой за свободу ее Отчизны. И Нине кажется, что и она идет на штурм вражеских укреплений: рубит, колет, бьет. Она вся порывается вперед. Ох, если бы можно было сейчас, в эту минуту, броситься в штыки на этих извергов, палачей, сидящих в темном зале! И пусть она умрет, но никогда не покорится, не станет на колени, как не покорилась гордая, свободолюбивая Лауренсия.

Зал в восторге:

— Бра-во! Бра-во, Ни-на! Бра-во!

Даже патрульные, оставив свои посты, заглядывают в окна.

Нина танцует еще и еще. Волнует мысль: успеют ли наши?

А тем временем партизаны, бесшумно сняв часовых, освободили своего товарища.

В городе начались облавы. Среди задержанных был парень, которому Нина хотела дать несложное поручение, но, убедившись в его трусости, сказала:

— Помнишь, как на школьных вечерах ты с пафосом декламировал «Рожденный ползать — летать не может»? А это ведь о таких, как ты, Горький написал. Живи себе ужом. Обойдемся и без тебя.

И вот на первом же допросе в полиции трус назвал имя Нины. Ее схватили весенним солнечным утром. Окруженная полицейскими, Нина шла улицами родного города. Она жадно вдыхала весенний воздух, запахи первой зелени и, высоко подняв голову, подставляла лицо апрельскому солнышку.

Нина знала, что навсегда прощается с весной, с жизнью. Гитлеровцы ее не пощадят. Но она их не боялась.

Нину пытали, ей обещали свободу.

— Кто еще был в вашей организации?

— Никого. Я все делала сама.

И снова ее били и пытали. Но Нина не выдала никого из своих друзей.

Спасти ее не удалось. Фашисты расстреляли пионерку. Это случилось весной 1943 года.

А через два года наши войска вели бои на подступах к Берлину. Советские танки ворвались в пригороды фашистской столицы. На одной из боевых машин красными буквами было написано:

НИНА САГАЙДАК

Этот танк, со следами осколков и пуль на броне, пришел сюда, проделав долгий и трудный путь, — из далекого украинского Полесья. За два года перед тем он первым ворвался в город Щорс на Черниговщине. Тогда экипаж и узнал о

подвиге смелой девочки Нины Сагайдак. Рассказ о юной героине глубоко взволновал танкистов, и они поклялись пронести в своих сердцах образ Нины сквозь все боевые опасности и невзгоды.

*

И вот наступил светлый час Победы. Четверо бывалых воинов, дошедших до Берлина, пришли к стенам рейхстага и на колонне рядом со своими именами написали имя Нины Сагайдак.

Ведь она, как и многие ее ровесники, тоже была бойцом, который, не колеблясь, отдал свою жизнь, чтобы приблизить славный день великой Победы над фашизмом.

Б. АДАМОВИЧ

ВОЛОДЯ ВЫГОВСКИЙ

Если бы кто-нибудь сказал пионеру Володе Выговскому, что пройдет немного времени и он станет разведчиком, ни за что не поверил бы. Ведь войны не было, и в армию детей, как известно, не брали. Разве что во сне после прочитанной книжки о гражданской войне мальчик мог увидеть себя военным.

За двенадцать лет жизни на родной Житомирщине с Володей ничего особенного не случилось. Как и все его ровесники, он ходил в школу, очень любил играть в военные игры. От товарищей Володю отличала разве что некоторая серьезность, страсть к чтению и тайное увлечение поэзией. Он даже сам пробовал писать стихи.

Но вот прозвучало это страшное слово — война. Семье Выговских пришлось эвакуироваться на восток. По дороге Володя вышел из вагона набрать в чайник воды и отстал от поезда. Вскоре эта местность была занята врагом, и Володя очутился на оккупированной территории. На мальчика обратили внимание подпольщики. Они привлекли смышленного пионера к борьбе с гитлеровцами, пришедшими на Украину, чтобы сделать советских людей своими рабами.

С мая 1942 года Володя Выговский действует в подполье. Сначала — в Киеве, позднее — в небольшом городке Коростене. Когда фашисты разгромили подполье, а друзей Володи казнили, он, один из немногих, чудом избежавших ареста, написал листовку. В ней пионер призывал верить в победу Красной Армии и бороться с фашистами.

Летом 1943 года осуществилась заветная мечта Володи: он стал разведчиком Житомирской партизанской дивизии имени Щорса. Небольшого роста, худощавый четырнадцатилетний

Володя Выговский

пионер выполнял задания, которые порой были не под силу даже взрослым. В эти дни он написал несколько стихотворений. Одно из них называлось «Сегодня был мой первый бой...» Случилось так, что успех того боя, о котором говорил юный поэт, в значительной мере решил он сам.

А было так.

Уже двух разведчиков посылал командир в село, полное эсэсовцев. Но первый не вернулся, а второй пришел ни с чем: в село нельзя проникнуть. Задание, поставленное перед Володей, заключалось в том, чтобы под видом мальчика-

нищего зайти в село, провести разведку и тем самым обеспечить успех предстоявшего боя.

Нелегким оказалось это дело. На околицах села стояли вражеские часовые, которые никого ни в село, ни из села не пускали. А мальчики-пастухи, встреченные Володей на опушке, отнеслись воинственно к «сироте», просящему хлеба. Особенно один из них, голенастый и длинноносый. Он лез в драку и обвинял Володю в том, будто тот украл спрятанные под деревом пирожки.

Как хотелось Володе сказать мальчикам, кто он такой, а «Буратино» так просто дать по шее. Но нельзя: командир приказал не горячиться и во что бы то ни стало проникнуть в село. Володя прибег к хитрости: он предложил пастуху-забияке трофейный складной ножик в обмен на кусок хлеба.

— Ладно, — согласился тот и добавил: — Только чтобы до обеда моих коров пас, а то я хочу себе свистульку сделать.

Володя обрадовался: будут вместе пасти коров, а там, гляди, недолго и подружиться. Так оно и случилось.

Вечером Володя с хворостиной в руках вместе в пастухами, гнавшими скотину домой, благополучно миновал немецких часовых и вошел в село. Теперь начиналось главное. Володя поправил котомку на боку и начал ходить по хатам.

— Тетенька, дайте кусочек хлеба, — жалобно просил он хозяйку, а сам в это время незаметно подсчитывал количество гитлеровцев, их автоматы и пулеметы, находившиеся в хате.

Жалостливые украинские женщины ставили перед маленьким мальчиком миски с борщом и с кашей, кринки с молоком. А эсэсовцы, хохоча, сливали в его миску помои из своих котелков.

Есть эти помои было страшно противно, но что поделаешь, —

«нищий» должен был есть, чтобы себя не выдать. При этом Володя благодарил и довольно похлопывал себя по животу.

Однако самое страшное было впереди. В центре села Володя увидел виселицу, на которой качались тела нескольких крестьян и партизанского разведчика. Над головами повешенных на длинной доске было выведено: «Так сделаем с каждым, кто будет помогать партизанам!»

Ужас охватил юного разведчика. Подкосились ноги. Но ненависть и жажда мщения придали ему сил, и он продолжал свой путь по селу. Володя знал уже, где разместился вражеский штаб, где расквартированы офицеры, где замаскированы пулеметные гнезда.

Вечером, когда совсем стемнело, мальчик пополз к лесу. У болота его ждал командир. Выслушав донесение Володи, он сказал:

— Спасибо, сынок! — и, глянув в сторону села, где навсегда остался казненный фашистами разведчик, гневно прошептал: — Дорого они за это заплатят!

...Партизаны выступили на рассвете. Окружили село и внезапно напали на врагов. Завязался жестокий бой. Володя был рядом с командиром, и ему, как во сне, казалось, что это не командир, а он командует боем. Потому что, куда мальчик показывал пальцем, туда пулеметчики направляли свой огонь.

Бой закончился быстро. Когда взошло солнце, партизаны победно въехали в освобожденное село. Все — от мала до велика — высыпали из хат на улицу.

Володя, переодевшийся в военную форму, с трофейным автоматом и пионерским галстуком на груди ехал рядом с командиром впереди отряда.

Вдруг одна старушка узнала Володю. Удивленно всплеснув руками, она крикнула:

— Гляди, вот так диво!.. Вчера ходил такой несчастный, я борщом его кормила, а сегодня — ишь, какой герой!

Пастух-забияка взглянул на Володю да так и замер с открытым ртом, не вымолвив ни слова.

Пленные эсэсовцы, которые еще вчера насмехались над ним, заставляя есть отвратительные помои, с нескрываемым удивлением смотрели на юного партизана.

А Володя, насмешливо подморгнув им, похлопал себя по животу, где висел автомат.

...Почти ежедневно приходилось юному разведчику ходить в расположение врага, рискуя жизнью. В суровых партизанских буднях мальчик мужал. А стихи, которые он сочинял в это время, становились совершеннее. Написанные на разные темы, они неизменно были связаны с мыслями о любимой Родине, о борьбе против ее врагов. Стихи стали вторым оружием

юного партизана. Их переписывали на отдельных листочках бумаги, распространяли по селам и зачитывали до дыр.

Здесь, в партизанском отряде, Володя Выговский был принят в ряды Ленинского комсомола.

В 1944 году Владимир Выговский ушел добровольцем в армию, сражался на 1-м Украинском фронте. И снова, как и прежде в партизанах, он ходил в разведку по вражеским тылам, выполняя задания командования. Юный сержант с боями дошел до Берлина. Грудь его украсили медали «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Киева», «За взятие Берлина» и другие.

После окончания Великой Отечественной войны Владимир Выговский работал на заводе и учился. Окончил ФЗУ, среднюю школу, институт. Продолжал писать, только уже не стихи, а прозу. Хотелось рассказать обо всем, что было пережито в подполье, партизанском отряде, на фронте.

Его первая повесть «Огонь юного сердца» полюбилась ребятам. Вскоре она была издана на русском, латышском, узбекском языках. Потом — сборник рассказов «Необыкновенная разведка»...

Теперь Владимир Степанович Выговский — писатель. Живет и работает в Киеве.

Е. КАРПУХИНА

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ

МАЛЬЧИК С ОКРАИНЫ

...Война пришла в Лубны неожиданно. Из разговоров родных, знакомых, соседей Борис Гайдай, тринадцатилетний шестиклассник, пионер, знал, что советские войска с боями отступают, что немцы уже недалеко. Многие готовились к отъезду. На станции формировались эшелоны для отправки людей в тыл. И вдруг недоброй птицей пролетело над городом страшное слово — окружение. Замолкли гудки, остановились на запасных путях заброшенные составы.

Ехать было некуда...

А через два дня в Лубны пришли немцы. Городок затаился. Улицы были пустынные. Люди сидели по домам, поглядывая в окна на марширующих солдат в серо-мышинных шинелях.

Вскоре начались массовые аресты, расстрелы.

В эти дни Борис, несмотря на запреты матери, подолгу бродил возле станции, приглядывался к поездам. Делать было нечего. Не будь войны, учился бы мальчик в своей родной 56-й школе, готовил бы уроки, разучивал на баяне новые песни для смотра самодеятельности. Но сейчас в классных

Борис Гайдай

Толя Вуценко

комнатах обосновался немецкий госпиталь, об учении не могло быть и речи.

...С каждым днем копились в сердце паренька гнев, презрение, ненависть к фашистам, непреодолимое стремление бороться с ними, мстить за свою школу, за любимый город, за муки людей.

«Эх, в партизаны бы!» — мечтал мальчик.

На станцию часто приходили составы с ранеными пленными красноармейцами. В Лубнах их допрашивали, сортировали.

Однажды Борису удалось поговорить с пленными. Их оставили на время без охраны: раненые, не убегут. От них мальчик узнал, что больше всех свирепствует на допросах переводчик Хейгель, щуплый рыжеволосый юноша со значком «гитлерюгенда» (фашистский союз молодежи. — *Ред.*).

План родился мгновенно — выследить Хейгеля и убить. Один из пленных, назвавшийся для конспирации просто Ваней, вызвался помочь. Его немцы частенько использовали для обслуживания раненых и поэтому держали при станции.

Не сразу удалось осуществить этот замысел. Борис исподволь изучал распорядок дня Хейгеля, дорогу, по которой он ходил на работу.

Наконец день был назначен. Когда Хейгель шел вдоль железнодорожного полотна, в сгущающихся сумерках выросли две фигуры. Иван тотчас пустил в ход свою здоровую правую руку. Борис обрушил на голову фашиста тяжелый камень. Переводчик рухнул как подкошенный.

— Готов, — шепнул Гайдай. — Пошли...

Борис долго не мог заснуть. Слышал, как вздыхает о чем-то в темноте мать, как бормочет во сне дедушка на печи. Да, не поделишься с ними своей первой за эти месяцы радостью,

своими планами. Плохо быть одному в такое время. «Вот если бы Толя был здесь», — вспомнился старый дружок Анатолий Буценко.

Но Толя в городе не было. Заходил к нему недавно Борис и узнал от матери, что дружок его исчез. Вышел на улицу и не вернулся. Где-то он сейчас, славный, рассудительный, неторопливый и добрый Толя Буценко?

В ХОРОЛЬСКОЙ ЯМЕ

На окраине маленького городка Хорол, что неподалеку от Лубен, был кирпичный завод. Много лет глину брали тут же, из карьера. Карьер с каждым годом становился все шире и глубже, пока не превратился в огромную яму. Здесь, в этой яме, и организовали фашисты в первые же дни оккупации концентрационный лагерь. Тысячи людей из окрестных городов и сел, тысячи советских военнопленных были согнаны в Хорольскую яму. Колючая проволока по обрыву, вышки с пулеметами, а на дне — круто замешанная человеческая каша.

Толя Буценко попал в концлагерь случайно, как и многие тысячи других. Во время очередной облавы его схватили на одной из лубенских улиц и привезли в Хорол.

— Господи, детей-то за что? — крестились старики, глядя на Анатолия и его сверстников, которых набралось в Хорольской яме не так уж мало.

— Убегу, обязательно убегу, — твердил про себя Буценко.

В один из осенних дней, когда лил холодный проливной дождь, и низкие тучи закрыли, казалось, серо-грязной крышкой Хорольскую яму, к Анатолию неожиданно пришла радость. Остановился возле паренька какой-то оборванный, небритый и худой мужчина, вгляделся пристально в лицо, потом положил на плечо руку и тихо сказал:

— Здравствуй, Толя!

— Михаил Георгиевич! — воскликнул Буценко. — Вы тоже здесь? Здравствуйте.

Так, в концлагере, под дулами эсэсовских пулеметов встретились и крепко обнялись два близких человека, ученик и учитель, Толя Буценко и Михаил Георгиевич Хмелевский. Поделился Анатолий с учителем своим планом побега, но Михаил Георгиевич его раскритиковал.

— В этом деле мальчишествовать нельзя, Толя, — сказал он. — Речь идет о жизни. Поймают — расстреляют, не посмотрят, звери, что ты школьник. Нужно хорошенько все обдумать.

Буценко пообещал учителю не горячиться и еще раз продумать весь план в деталях.

Через некоторое время Толю Буценко и других ребят вы-

пустили из лагеря. Фашистам понадобились места для взрослых, а Хорольская яма уже была полна до предела.

Встреча с матерью была и радостной, и грустной. Грустной потому, что мама, милая, родная мама, постарела за это время лет на десять, поседели виски, слезы проложили на щеках глубокие складки морщин.

Целыми днями бродил Толя по городу в поисках случайного заработка или хотя бы куска хлеба — в доме не было даже черствой корки. Но не так-то просто найти хлеб в городе, разрушенном войной, ограбленном оккупантами. Возвращался домой, как правило, с пустыми руками, под вечер, как раз в то время, когда в бывшей городской столовой, превращенной в ресторан «только для господ германских офицеров», начиналось шумное веселье.

— Ну, подождите же, — шептал паренек, косясь на шагающих по улице гитлеровцев. — Недолго вам наш хлеб есть. Вот придет Красная Армия...

В те дни Толя Буценко еще не понимал, что и он может активно бороться с врагом, может вместе с другими советскими людьми, оставшимися на оккупированной территории, ускорить возвращение наших войск. В те дни он только ненавидел, ненавидел глубоко, всем сердцем. Бороться он научился позже, уже когда работал в депо обтирщиком паровозов.

Ваня Сацкий

ТРОЕ—ЭТО УЖЕ СИЛА

За последнее время Борис сильно изменился. Стал серьезнее, взрослее, строже. Целыми днями где-то пропадал, нередко исчезал и вечерами. Несколько раз мать замечала у него какие-то свертки. Однажды развернула — листовки.

— Где взял? — спросила у сына.

— За околицей подобрал, мама, — Борис виновато прячет глаза.

Мать молчит. Понимает — теперь уж сына дома не удержишь. Вырос. За несколько месяцев на несколько лет.

Вскоре Борис огорошил мать неожиданным заявлением:

— Пастухом становлюсь, мама. Буду корову тети Фени пастить.

Неделю, вторую выгоняет паренек рыжебокую буренку на сочные травы, но не зеленый луг привлекает его внимание,

а большие зеленые цистерны с бензином на немецком складе горючего. Стоят они совсем близко, сразу за лужком. В каждой — не один десяток тонн первоклассного авиационного бензина, предназначенного для бомбардировщиков с черными крестами на крыльях.

Наконец повадки часовых изучены, лаз в колючей проволоке приготовлен. Дождавшись удобной минуты, пионер пробирается под проволокой и, прижимаясь к земле, ползет к ближайшей цистерне. Вот она уже совсем рядом, еще десять шагов, пять, два... Бешено колотится сердце. Рука тянется к крану. Мгновение — и мощная струя бензина с шумом устремляется прочь из хранилища.

Дома Борис отдает матери пахнущую бензином майку.

— Спрячь, мама. Не вышел из меня пастух. Буду искать другую специальность, — и улыбаясь, добавляет непонятную для матери фразу: — А бомбардировщики-то не полетят...

— Толя, Анатолий, Толька! — Борис со всех ног бежит за крепким плечистым парнем, что неторопливо шагает к станции. — Толька ты?

Парень оборачивается, улыбается, протягивает руки.

— Здоров, Боря. Давненько не виделись.

— А я смотрю издалека — ты или не ты? Помужал здорово...

Ребята испытующе глядят друг другу в глаза. Разговор начинается словно ощупью.

— Дядю Павла и Тамару расстреляли, — бросает пробный шар Гайдай.

— Мать болеет, истощение... — вздыхает Буценко.

— А моя скрывается, — продолжает Борис. — Ей повестка пришла в Германию, на работы...

— Сволочи! — вырывается у Анатолия. — Скоро наши? Не слышал?

Не спеша шли мальчишки к станции. Со стороны казалось, что говорят они о своих пустяковых ребячьих делах. Но это было не так.

Через неделю Борис Гайдай пришел в депо и предъявил направление на работу в качестве обтирщика паровозов, выданное городской биржей труда.

Представился начальству.

— День добрый, пан Куриш, — низко поклонился он старшему дежурному по депо, которого хорошо знал и до войны. Куриш работал тогда машинистом, был угрюм и нелюдим. В депо его не любили и, как выяснилось, не напрасно. После прихода немцев он тотчас отправился на поклон к коменданту, предложил свои услуги и передал, угодливо улыбаясь, список железнодорожников-коммунистов, оставшихся в городе.

— А-а, Гайдаево отродье, — хмуро встретил он Бориса. — Знаю я ваше семейство — большевик на большевике. Смотри

у меня, сучий сын, если что замечу — сразу к стенке... Понял?

На этом и кончилась церемония вступления в должность. Дали пареньку охапку ветоши, и пошел он к паровозам, оглядываясь по сторонам: где же здесь Анатолий?

Буценко Гайдай нашел возле скатоопускной канавы. Толя был не один. Рядом с ним сидел паренек в драной одежке.

— Знакомься, Боря, — представил паренька Анатолий. — Это Ваня Сацкий, — и добавил, заметив настороженный взгляд Гайдая: — Свой парень, совсем свой. Багато от фрицев натерпелся.

Иван Сацкий действительно натерпелся. Родился и вырос он в селе Нижний Булатец, что в двух километрах от города. До войны кончил семилетку, хотел учиться и дальше, но не удалось — в Лубны пришли немцы. Несколько раз хватали Ваню патрули и отводили на сборный пункт, где формировались рабочие отряды для отправки в Германию. И каждый раз Сацкий бежал. Его ловили, жестоко избивали, но сломить упорство паренька не могли. Так и не уехал он на чужбину. Случайно удалось устроиться в депо. Здесь познакомился с Буценко. Подружились. А теперь вот и Гайдай с ними.

— Что ж, теперь нас трое, — сказал Борис. — Это уже сила. Дайте срок, ребята, такое придумаем, что фашистам жарко станет.

ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ!

Шли дни, недели. Ребята работали в депо, внимательно присматривались к окружающему. Теперь они уже знали, что Лубенское депо — крупнейшее на этом участке дороги. Сюда приходили на ремонт паровозы из Ромодана, Пирятина, Гребенок и других крупных станций.

Пришла как-то Гайдаю мысль — взорвать депо. Но он сразу же от нее отказался: негде достать взрывчатки. Потом ребята вынашивали другую идею — устроить крушение на линии Ромодан — Лубны. В одном месте там колея проложена под самым обрывом.

— Ох, и лететь они будут оттуда! — восторженно развивал свою мысль Борис.

— Для этого тоже взрывчатка нужна, — охладил его пыл Буценко.

— Посоветоваться бы с кем-нибудь, — мечтательно проговорил Сацкий.

И такой человек нашелся. Пришел как-то в депо пышущий паром и дымом локомотив. Ребята кинулись к паровозу — вытирать грязный котел, будку, тендер.

— Стараетесь, хлопчики? — раздался сверху голос. Из будки спускался пожилой, чуть сутулый машинист с коричневым от жара и копоти лицом.

— Здравствуйте, дядя Нестор,— обрадовался Гайдай.— Давно вас не видел.

Машиниста-наставника Нестора Иовича Малия Борис не раз встречал до войны в доме своего дяди Павла Потаповича Гайдая. О Несторе Малие тогда говорили, что машинист он классный, но от политики далек. Беспартийный, на собраниях не выступает, от общественной работы отмахивается.

Припомнив все это, Борис решил с Малием не откровенничать. Не знал паренек, что война, оккупация, опасность, нависшая над Родиной, в корне изменили старого машиниста. Поэтому и не понял Гайдай той особой, многозначительной интонации, с которой представил ребят Нестор Иович своему помощнику Миронченко:

Это племянник расстрелянного Павла Гайдая, двоюродный брат Тамары, тоже расстрелянной. А это его дружки. Так-то...

Нестор Малий был человек молчаливый, говорил всегда

Памятник Боре Гайдаю, Ване Сацкому и Толе Буценко, сооруженный в Лубнах на средства, собранные пионерами Украины

коротко, скупыми фразами. Поэтому ребята больше привязались к Миронченко, живому, общительному, горячему.

Паровоз Малия стоял в ремонте долго, и ребята частенько встречались со старым машинистом и его помощником. Однажды после очередного разговора с Миронченко Борис прибежал к друзьям с радостным, сияющим лицом.

— Помните, мы жалели, что некому нам помочь? — выпалил он скороговоркой. — Так вот, такой человек есть!

Миронченко зашел в депо на третий день нового года.

— Есть разговор, — бросил он на ходу Гайдаю. — В обед у проходной встретимся. Ребят возьми.

Разговор был деловой, конкретный, лаконичный.

— Наши войска наступают, — говорил Миронченко. — Возможно, скоро подойдут к Лубнам. Помощь Красной Армии с тыла будет нужна в ближайшие дни. Нужно действовать!

Ребята переглянулись. Сацкий толкнул Бориса локтем: «Говори». И Гайдай, стараясь не спешить, подробно рассказал Миронченко о смелом замысле, родившемся у трех друзей в новогоднюю ночь.

— Вывести из строя поворотный круг? — переспросил Миронченко, когда Борис умолк. — Да, это хорошая мысль.

Не прошло и десяти дней после памятного разговора с Миронченко, как план действий был разработан и уточнен до мелочей. Оставалось только назначить день. Как-то само собой получилось, что командиром группы ребята признали Гайдая и теперь молча терпеливо ждали его сигнала.

На станции тем временем становилось все оживленнее. Зачастили с фронта эшелоны с ранеными, навстречу им один за другим мчались экстренные составы с техникой, боеприпасами, горючим.

— Скорее, ребята, — сказал однажды Гайдай Сацкому и Буценко. — По всему видно, бегут фрицы. Скоро грохнем!

Юные подпольщики не знали, что в этот же день немецкий комендант депо герр Швале долго говорил по телефону с генералом.

— Имейте в виду, — журчал в трубке генеральский голос, — сейчас депо должно работать, как никогда, четко и ритмично. Мы выравниваем линию фронта, и войскам придется, возможно, отойти на новые позиции. Их транспортировка зависит от количества исправных паровозов, от вас, герр Швале...

ПОДВИГ

Утром 27 января Борис проснулся раньше обычного. Стрелка старенького будильника стояла на четырех. Он сел на топчане, потер ладонями лицо, стараясь понять, что подняло его в такую рань. И вдруг почувствовал, именно почувствовал, а не услышал, что к привычным шорохам снежной крупки за стеной,

к мирному посапыванию деда примешиваются еще какие-то странные, приглушенные звуки. Прислушался. Потом вскочил и, не одеваясь, рванул дверь. Вместе с волной колючего морозного воздуха в хату ворвался далекий, но мощный гул, точно где-то там, за горизонтом, бушевала задорная апрельская гроза. Горячая волна радости захлестнула паренька. Он узнал этот далекий голос. Говорили пушки.

— Дед, — затормошил Борис старика, — дед, вставай! Стреляют, слышишь? Наши идут. Наши!

В эту ночь многие проснулись до рассвета. В окнах мелькали робкие огоньки. Скрипели в крошечной тьме зимней ночи дверные петли. Люди выходили из домов и, не обращая внимания на мороз, подолгу стояли и слушали, слушали, слушали. Гул канонады становился все громче, все яснее. Красная Армия наступала...

Наскоро перекусив и бросив деду короткое «пока», убежал в депо Гайдай. Шагая к станции, долго оглядывался на родную хату Сацкий. Буценко, прощаясь с матерью, неожиданно для самого себя крепко обнял ее и поцеловал. Недоуменно посмотрела ему в след мать — необычная нежность...

В депо в это утро немцев было больше, чем всегда. Беспокойно вышагивал негнужимися ногами сам герр Швале, среди замасленных спецовок рабочих нет-нет да и мелькал черный мундир гестаповца. На выходе стояла усиленная охрана, ощупывая глазами каждого проходящего. Мрачный и злой метался от канавы к канаве пан Куриш.

Депо было буквально забито паровозами. Больше двадцати мощных локомотивов стояло на ремонтных канавах. Немцы нетерпеливо подгоняли рабочих: «Шнель, шнель!» Каждый паровоз был на счету. Каждый паровоз — это еще один состав с войсками, которым удастся уехать на запад, избежать разгрома, еще один эшелон с боеприпасами, которые помогут хоть на несколько часов задержать наступление Советской Армии.

Ребята проворно орудовали, счищая грязь и копать с крутых паровозных боков.

— Я узнал, — вполголоса проговорил Гайдай. — К полудню выйдет паровоз со второй канавы. Будьте готовы. В перерыв не уходить.

Ох, как ждали ребята удара гонга! Но прозвучал он все равно неожиданно. Работа приостановилась. Депо начало затихать. На считанные минуты. Промелькнули они, и вновь зазвенят молотки, загрохочет металл, запоем свою песню вышедшие на линию паровозы. Но сейчас было тихо и пустынно в депо. На считанные минуты.

— Пошли! — шепнул Борис.

Трое в замасленных спецовках, медленно, прячась за бочками, фермами перекрытий, пробирались вперед. Вот, наконец, и вторая канава. Горячий, заново отремонтированный немец-

кий паровоз невозмутимо попыхивал белесым паром. Бригады нет.

Буценко оглянулся назад.

— Все в порядке,— шепотом доложил он Борису,— круг разведен.

Поворотный круг — большая круглая яма, в которой на оси вращается отрезок железнодорожной колеи, своеобразный мостик, через который обязательно проходит, прежде чем попасть в депо, каждый паровоз. Это ключ к депо, к каждой из ремонтных канав. Сейчас он разведен, то есть направлен перпендикулярно ко второй канаве, колея которой обрывается на краю ямы блестящим обрезом рельсов.

В десяти шагах от паровоза Гайдай не выдержал — поднялся во весь рост и бросился к сопящему чудовищу. Ребята за ним. И вот все они в будке. Три пары рук рванули реверс. Машина вздрогнула, скрипнули, проворачиваясь, колеса.

— Вниз! — скомандовал Борис. — Живо!

Как зачарованные смотрели ребята на паровоз. Он медленно, точно нехотя, двинулся к зияющей яме поворотного круга. С каждым поворотом колес скорость его нарастала. Тридцать метров до обрыва, двадцать, десять... Надо бежать, спрятаться, но ноги словно приросли к земле. Ребята не видели, как, бешено размахивая руками, выбежал из-за угла Куриш.

Тяжкий удар всколыхнул воздух, пронзительно заскрежетало железо, ухнул взрыв, заплесало жаркое пламя. На том месте, где минуту назад стоял ажурный мостик поворотного круга, громоздилась куча пылающих обломков. Далеко за пределы станции промчалось многоголосие этого взрыва, точно приветственный пионерский салют наступающим частям Советской Армии.

...Через час герр Швале со страхом поднял телефонную трубку.

— Вы понимаете, что натворили?! — визжал генеральский голос. — Сейчас нам легче потерять целую дивизию, чем депо!.. Вы... болван, Швале...

Допрашивали пионеров несколько дней.

— Кто дал задание? — попытывался гестаповец-следователь. — С кем были связаны?

— С народом, — шевелил разбитыми губами Гайдай.

И снова начинался мучительный допрос, после которого ребята даже не могли сами добраться до своей камеры.

На пятый день следователь встретил их торжествующей улыбкой.

— Мы все знаем, — заявил он. — Вы действовали заодно с машинистами-диверсантами Малием и Миронченко. У вас был общий план диверсий.

Буценко настороженно поднял голову: откуда им это известно?

— Ну, вот вы и выдали себя, щенки,— захохотал гестаповец.— Теперь все ясно, вам эти диверсанты велели уничтожить поворотный круг в депо, а сами они устроили лобовое столкновение двух воинских эшелонов... Звенья одной цепочки...

— Вот молодцы! — вырвалось у Гайдаю.

— Молчать, негодяи! — заорал следователь.— Теперь уж вы заговорите, всех назовете... всех остальных.

Но пионеры так и не заговорили.

9 февраля на рассвете за ними пришли.

Сацкий с трудом встал на ноги. Буценко подняться не мог. Гайдай бредил в беспамятстве. Дюжие конвоиры подхватили ребят, выволокли во двор, к большому закрытому грузовику, бросили в кузов.

— Здорово, хлопчики! — раздался знакомый голос.

— Дядя Нестор,— чуть улыбнулся Буценко.— И вас тоже... И Миронченко...

— Держитесь, хлопчики, держитесь,— Нестор Малий трепал ребят по голове.— Великое дело вы сделали.

...На следующий день в газете «Лубенский вестник», которую издавала немецкая комендатура, в разделе хроники появилось короткое сообщение, всего несколько строк:

«Вчера германскими военными властями расстреляны пять большевистских железнодорожников-диверсантов».

Полтора месяца не могли гитлеровцы восстановить поворотный круг в депо станции Лубны. Полтора месяца стояли взаперти двадцать два немецких паровоза, а остальные локомотивы негде было ремонтировать.

После освобождения Лубен Советской Армией подлые предатели Родины Куриш и другие понесли заслуженное и суровое наказание.

С тех пор прошло уже немало лет. Славный подвиг юных патриотов не забыт. Светлые образы героев-пионеров живут в сердцах людей. Не увядают цветы у подножия памятника Гайдаю, Буценко и Сацкому. В дни торжественных сборов дружин склоняются к нему алые пионерские знамена. Часто приходят к памятнику школьники, и здесь у гордой гранитной скалы дают клятву быть такими же, как Борис Гайдай, Иван Сацкий, Анатолий Буценко.

В. КРАЕВСКИЙ

МОРСКОЙ ОРЛЕНОК

Жил в Ленинграде мальчик Саша Ковалев. Учился в школе, был пионером. Интересным и счастливым, как и у многих миллионов советских ребят, было его детство.

Началась Великая Отечественная война. Ленинград в блокаде. И кончилось Сашино детство...

Отец прямо с работы ушел в военкомат. В тот же вечер он вместе с другими ленинградцами отбыл на фронт. Первое письмо пришло недели через две. Саша несколько раз перечитал его. Второе письмо пришло через месяц. На конверте, в левом нижнем углу, вместо обратного адреса стоял штамп воинской части.

Саши в то утро дома не было. Вернувшись с улицы, он увидел плачущую мать. Она сидела, положив голову на угол стола.

— Что случилось, мама?

Не сказав ни слова, мать подала ему листок бумаги. Это было извещение о смерти отца.

— Папа! — тихо простонал Саша и, выбежав на кухню, громко, по-детски, расплакался.

Ребята решили бежать на фронт.

Сборы были недолгими. Брать с собой нечего. Пионерский галстук Саша спрятал поглубже в карман.

— Это лучший пропуск, — объяснил он своему товарищу Сереже. — Любой командир, как посмотрит, сразу скажет — свои!

Ночь, как назло, была светлая. После двенадцати часов луна освободилась от покрывала облаков. Первым шел Саша. Осторожно ступая, он выбирал безопасную дорогу. Кругом стояла настороженная тишина. Вдруг из-за леса вспыхнул зеленовато-бледный свет ракеты, послышались пулеметные очереди. Саша почувствовал легкий озноб, неприятным холодом пробежавший по спине.

— Ложись! — тихо сказал он. — Ползи ко мне.

До слуха мальчика донеслись обрывки непонятных немецких слов.

— Давай рысью, — шепотом сказал Сережа.

— Давай! — ответил ему Саша, и они, как по команде, быстро вскочив на ноги, бросились бежать.

С правой стороны ударило несколько одиночных выстрелов.

— Падай! — успел крикнуть Саша и первым шлепнулся на землю, услышав рядом хриплый вскрик.

Оглянувшись, он увидел, что друг его лежит, уткнувшись лицом в высокую черную траву. Саша подполз и быстро повернул Сережу на спину.

— Сережа! Сережа! — несколько раз повторил он другу.

Рука неожиданно коснулась чего-то мокрого и теплого. Он понял — это кровь.

Саша Ковалев

— Тебе больно, Сережа? Ты ранен, да? Скажи! Чего же ты молчишь? Сережа!

Оправившись от неожиданного испуга, Саша догадался проверить пульс. Биение сердца приостановилось. Рука друга начала стывать. Несколько минут Саша был в каком-то оцепенении. Нет, он не плакал, слезы не текли из его глаз. Он старался их сдержать всей силой мальчишеской воли...

Долго потом бежал Саша. Слышал выстрелы, но не останавливался. Какая-то неведомая сила вдруг овладела им, и он не мог заставить себя делать что-либо дру-

гое, кроме того, чтобы бежать и бежать.

Усталый и голодный, подошел он на вторые сутки к небольшой железнодорожной станции. Из-за поворота, шипя и перестукивая колесами, показался сначала паровоз, а за ним длинный хвост вагонов: темно-зеленые пассажирские вперемежку с красно-желтыми товарными. На крышах, подняв стволы, стояли пушки и пулеметы. Около них сустились люди.

Резко замедлив ход, поезд остановился. Из распахнутых дверей товарного вагона до Саши донеслась песня. Саша увидел молодого матроса с автоматом в руках. Рядом с ним стоял моряк с черными усами, в сдвинутой на затылок бескозырке.

— Шагай сюда, хлопчик! Что ты тут делаешь?

Саша вытащил из-за пазухи пионерский галстук и протянул его вперед. В ту же минуту паровоз дал гудок, и вагоны, вздрогнув, тронулись с места. Саша почувствовал, как две сильные руки подняли его и поставили на твердый пол вагона.

Крепким сном спал в ту ночь Саша. Давно не чувствовал он себя таким счастливым и спокойным.

3

— Юнга Ковалев, ко мне!

— Сейчас иду, товарищ старшина.

— Отставить! Как нужно отвечать?

— Есть отставить!

И совсем тихо добавил:

— Больше не буду так, товарищ старшина.

Старшина подошел к молодому моряку:

— Устав забыли, Ковалев. Придется повторить.

— Есть повторить!

...Прошло всего несколько недель с того торжественного дня, когда Саша впервые произнес:

— Я — юнга Советского Военно-Морского Флота...

Хороша и красива форма моряка. Наденешь — сердце от радости замирает. Саша в первые дни по несколько раз к зеркалу бегал. Подойдет — бескозырку поправит, ленты на левое плечо забросит, сам на себя не налюбуется.

Катер часто выходил в море. Правда, в боевых схватках участвовать в эти дни не приходилось. Стояла зима — самое неблагоприятное время для действия торпедных катеров. Однако в этих походах Саша увидел во всей суровой красоте вечно беспокойное Баренцево море.

Вот катер на полном ходу вырывается из залива на широкий морской простор. Четырехбалльная волна сразу же дает о себе знать. С гребня на гребень гулко перескакивало тело корабля. Кажется, не выдержит палуба, и все рассыплется. Широкая белая полоса, сужающаяся к горизонту, остается за кормой. Впереди свинцово-темные облака, как театральный занавес, плотно закрыли далекие берега. Неутихающие ветры, дующие с моря, колышут океан, и он, тяжело дыша, медленно переливает тяжелые волны.

Саша под наблюдением старшины несет первую ходовую вахту. С мостика поступает приказание убавить число оборотов.

— Как же это делается? — спрашивает Саша.

А за это короткое мгновение старшина, стоящий сбоку, производит все действия машинально. Юнга даже не успел запомнить его движения.

— Видел? — спрашивает старшина.

— Видел... Да не разглядел. Уж очень быстро.

— Приказы всегда так выполняются — как можно быстрее и как можно точнее. — И, отвечая на любопытство Саши, добавил: — А сейчас смотри, я тебе покажу все это медленнее.

Саша тут же, за старшиной, повторил все эти движения.

Однажды, возвратившись из похода, моряки узнали радостную новость. Радио передало сообщение об освобождении Ленинграда от вражеской блокады. Когда старшина спустился в моторный отсек, чтобы обрадовать Сашу, юнга заканчивал осмотр приборов.

— Ленинград! Мой милый Ленинград! Старшина, если это правда, дай я тебя расцелую! — И паренек бросился к нему на шею, осыпая поцелуями.

Апрель в Заполярье мало чем напоминает весну. Кругом снег, только склоны сопот чернеют каменными верхушками. Робкие ручейки несмело вступают в перебранку с морозом. Солнце светит много, а греет мало.

Боевая тревога! На этот раз катеру суждено было принять участие в морском сражении. Для Саши Ковалева это первый бой.

Четыре фашистских транспорта шли в охранении боевых кораблей. Караван почти сплошь был окутан дымовой завесой. Враг хитрил. Но это не помогло гитлеровцам. Они были вовремя обнаружены.

— Полный вперед! — отдает приказание командир.

С кораблей охранения вражеского конвоя ударили артиллерийские залпы. Одновременно открыли заградительный огонь береговые батареи врага. Катер, не сбавляя хода, идет вперед. Осколком снаряда тяжело ранены сигнальщик и пулеметчик. Командир отдает приказание одного из мотористов вызвать на мостик.

— Товарищ старшина, разрешите мне... Я свободен, — просит Саша. Ему давно хотелось посмотреть, что происходит во время боя на верхней палубе.

— Ступай!

Саша появился на мостике в тот момент, когда командир, выбрав необходимую дистанцию, скомандовал:

— Аппараты!

Какими длинными кажутся секунды! Катер, невзирая на ураганный огонь, не сворачивает с курса. Рядом рвутся снаряды, нити трассирующих пуль плетут цветную паутину.

— Залп! — звучит приказ. И через несколько секунд взрывы торпед поднимают над серой водой черные столбы дыма, перемешанные с желто-красными клубами пламени.

Враг усилил сопротивление. Кругом рвутся снаряды, шипят пули. «Страшно? Конечно, страшно», — думает про себя Саша, но продолжает внимательно наблюдать за падением вражеских снарядов.

Командир выслушивает его доклады и быстро принимает необходимые решения об изменении курса и скорости. Разгоряченный боем, Саша совсем забыл об опасности.

Катер ведет ответный огонь. Шум и грохот заглушают рев моторов. Корабль несется, взлетая с волны на волну, жестоко сотрясаясь при каждом ударе, разбрасывая по сторонам пенные всплески. Струи воды хлещут по лицам стоящих на мостике людей.

Сквозь шум Саша слышит еле различимые слова командира:

— Спасибо, Ковалев! Из тебя хороший моряк получится!

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, юнга Ковалев был представлен к ордену Красной Звезды. Через несколько дней командир соединения вручил Саше его первую боевую награду.

— Служу Советскому Союзу! — ответил юный герой.

...И катер снова в боевом походе. Вместе с другими кораблями моряки прорвались во вражескую гавань. На малом ходу катер подошел прямо к причалу. На берег была высажена группа разведчиков. Четыре часа пробыл катер в логове врага.

Ночью разведчики вместе с захваченными «языками» были приняты на корабли и успешно доставлены на родную базу.

За эту дерзкую операцию ее участники были удостоены наград. Саше Ковалеву вручили медаль Ушакова.

Морской орленок обретал крепкие крылья.

...Комсомольское собрание в полном разгаре. Обсуждается волнующий вопрос: «Что ты сделал для приближения победы над врагом?» Выступающих много. Саше тоже не терпится сказать свое слово. Сигнал боевой тревоги прервал прения.

— Собрание продолжим после боя! — объявил председатель.

Торпедные катера, получив боевое задание, вышли на поиски противника. Корабельные часы показывали двадцать два.

При свете ярко-красных лучей солнца южнее мыса Кибернес, черными крутыми скалами поднимающегося прямо из воды, советские моряки обнаружили вражеские корабли.

— Усилить наблюдение! — отдал приказание командир.

Моряки поняли — скоро встреча с врагом.

Звонок машинного телеграфа. Мотористы форсируют ход. Пенные валы становятся все выше и выше. Вода с силой хлещет на мостик, гребнями пролетает над торпедными трубами, с ног до головы окатывает матросов.

Сигнальщик докладывает:

— Прямо по носу, дистанция восемьдесят кабельтовых, два корабля противника.

— Атака! — звучит военная команда.

Напряжение возрастает. Еще сильнее режут моторы. Саша несет ходовую вахту.

Старшину вызвали на мостик. Саша в отсеке один. Он чувствует, какое высокое доверие ему оказано. Рука привычно лежит на штурвале. Глаза впились в цифры приборов. Нервно прыгает стрелка машинного телеграфа. Моторист обязан особо внимательно следить за ней. Эта стрелка передает приказы командира.

Сильные толчки сотрясают катер. В отсеке накапливаются отработанные газы. Дышать с каждой минутой становится все труднее. Саша включает вентилятор.

В отсек возвращается старшина.

— Ну, как дела? — кричит он на ухо Саше.

— Все в порядке!

— Так держать!

— Есть так держать!

Одна за другой в моторном отсеке лопаются электрические лампочки. Значит, где-то рядом рвутся вражеские снаряды.

Над морем, вокруг катера, стоит сплошной гул, по бортам вздымаются высокие фонтаны воды. В воздухе трещит шрапнель. Враг всеми силами стремится сорвать атаку.

Не сбавляя хода и не уклоняясь от заданного курса, катер

идет к цели. Ничто не может помешать ему выполнить боевую задачу. Девиз катерников — с боевого курса не сворачивать.

Вражеские корабли, пытаясь уклониться от удара, начали делать крутые зигзаги. Маневр их ясен, но командир катера ни на секунду не упускает противника из прицела.

— Залп!

И одна за другой с небольшими интервалами торпеды с шумом вышли из аппаратов и понеслись прямо к вражескому кораблю. Катер сразу же резко отвернул влево и, оставляя за собой густой шлейф дымовой завесы, лег на курс отхода.

— Следить в оба! — приказывает старшина.

— Есть следить в оба! — отвечает вахтенный.

Саша хорошо знает, что при выходе из атаки ход корабля имеет поистине решающее значение. И это сейчас зависит от мотористов, от его, Саши Ковалева, мастерства.

Корабли вражеского конвоя, обозленные неудачей, ожесточились еще больше. Весь шквал огня они сосредоточили на небольшом советском корабле. Один из снарядов угодил в корму катера. Начался пожар.

Склонившись над дымовыми шашками, на корме катера работал молодой матрос Валентин Жуков. Вражеский снаряд взорвал часть палубы. Осколки дерева и металла больно ударили в лицо. Превозмогая боль, моряк продолжал выполнять свои обязанности. Он не ушел с боевого поста.

Загорелись дымовые шашки. Клубы едкого дыма и огня высоко поднялись над палубой. Горячая кровь заливала глаза. Было трудно дышать. Но Валентин Жуков продолжал бороться с огнем. Вот он, напрягая силы, перерезал крепления и сбросил горящие шашки в море. Опасность пожара предотвращена.

Из-за крутых прибрежных скал на торпедный катер обрушилось несколько фашистских штурмовиков. Пулеметчик, старшина Владимир Кузьменков, первый заметил их. Не ожидая приказаний, он быстро развернул стволы пулеметов навстречу врагу, сразу же поймав в визир прицела впереди идущий штурмовик. Черная машина уже совсем рядом, резко виден ее паучий крест.

Кузьменков нажал на спуск. И в то же мгновение ударили пулеметные очереди вражеского штурмовика. Огонь ослепил глаза. Но советский моряк видел лишь одно — черную махину чужого самолета. Через несколько секунд вражеский штурмовик был уже над катером. Кузьменков дал длинную очередь. Самолет задымился. Не дойдя до берега, объятый пламенем, он рухнул в море.

Одновременно с другого борта на катер спикировал другой штурмовик. Одна из бомб попала в корабль. Загорелись ящики с боеприпасами. Взрыв корабля казался неминуемым. Боцман Павел Простов первым бросился в огонь.

— Быстрее, братцы, за борт их! — кричал он, хватая очередную ящик, по которому уже бегали языки пламени, грозя

страшным взрывом. Руки моряка были обожжены, но он, казалось, не замечал этого.

Всего, что происходило на верхней палубе, Саша, конечно, видеть не мог. Но он чувствовал, что бой идет жестокий и тяжелый. Об этом говорило многое: и шум рвущихся снарядов, и удары о палубу пулеметных пуль, и подбрасывание катера на взрывных волнах. Об этом также говорила прыгающая стрелка машинного телеграфа. По приказанию командира ход катера часто менялся, катер маневрировал, уклоняясь от бомб и снарядов. Мотор дышал жаром. Стрелка прибора напряженно дрожала на красном, предельном давлении.

Когда старшина сообщил Саше об успешной атаке и потоплении вражеского корабля, юнга не вытерпел, чтобы не крикнуть:

— Это им за мой Ленинград!

Раздался оглушительный взрыв. На какое-то мгновение Саша потерял сознание, упал на палубу. Но это длилось недолго. Он быстро вскочил на ноги и огляделся вокруг, все еще не понимая, что же произошло. Только сейчас Саша увидел, как из пробойны выхлопного коллектора били две сильные струи горячего пара. В первую секунду Саша немного растерялся. Подбежав к раскаленному коллектору, он тут же отскочил, приняв удар горячей струи.

— Что же делать? Где старшина?

И в ту же секунду он заметил своего командира, лежащим на палубе. Старшина был тяжело ранен. Юнга бросился к нему.

— Мотор! Мотор! — хриплым голосом крикнул старшина, указывая в сторону коллектора.

Саша бросился к мотору. Горячие струи хлестали безостановочно. С минуты на минуту мотор мог взорваться. И тогда кораблю смерть. Саша отчетливо понимал все это. Машинный телеграф передавал тревожные сигналы — командир приказывал увеличить скорость. Этого требовала обстановка боя.

Что делать? Остановить моторы? Это значит лишить катер хода. В бою это равносильно гибели...

Нет! Этого не случится! Бросившись вперед, Саша с разбегу грудью навалился на коллектор, зажав своим телом пробойну. До него донесся тихий голос старшины:

— Держись, Саша!

Кипящая вода и горячее масло быстро растеклись по всему телу. Нестерпимая боль ударила куда-то внутрь, в самое сердце. А Саша все крепче и крепче прижимался к коллектору...

Его вынесли на верхнюю палубу. На свежем воздухе он пришел в себя. Первое, что он увидел, — было склоненное над ним лицо старшины.

— Жив наш корабль? — еле выговаривая слова, тихо произнес Саша.

— Жив! Жив! Ты посмотри! Мы подходим к родным берегам!

Но Саша молчал, он уже не мог взглянуть на родной берег. Старшина первым снял фуражку. Все стояли в торжественном молчании, глубоко переживая смерть отважного юного моряка.

За свой героический подвиг молодой моряк был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его именем названа одна из новых улиц в молодом заполярном городе Североморске.

В базе торпедных катеров Северного флота, где служил юнга, сооружен памятник. На стороне, обращенной к морю, красуется военно-морской флаг. На нем выгравированы слова:

ВЕЧНАЯ СЛАВА
героям катерникам-североморцам,
павшим в боях за Советскую Родину
в Отечественную войну 1941—1945 гг.

Рядом на мраморной доске портрет юного героя и короткая надпись:

Юнга САША КОВАЛЕВ
погиб в море при выполнении боевого задания
9 мая 1944 года

В память о славном подвиге юного патриота на морях и океанах плавает корабль «Саша Ковалев».

В. ТИХОМИРОВ

ПАРТИЗАНСКИЙ ГАВРОШ

В феврале 1944 года в Винницкое партизанское соединение, комиссаром которого мне довелось быть, влился Черновицкий партизанский отряд, руководимый Иваном Ивановичем Рудым и Палладием Филимоновичем Кучерявенко.

Отряд этот сражался преимущественно на территории Черновицкого, Ямпольского, Томашпольского и Могилев-Подольского районов. Благодаря действиям партизан и подпольщиков среди населения усилился отпор оккупантам. Люди оказывали сопротивление, когда вывозили в Германию хлеб, имущество, когда угоняли молодежь в фашистское рабство.

Бойцы Черновицкого отряда были хорошо вооружены, имели лошадей и добротную экипировку. Проводя смотр прибывшему отряду, мы обратили внимание на подростка, вооруженного карабином. Звали его Володя Рымар.

Правду говоря, и у командира соединения Я. И. Мельника, и у меня возникло желание отправить мальчика домой. Но Рудой и Кучерявенко нам отсоветовали. Они доложили,

что в отряде, кроме Володи Рымара, есть еще несколько подростков. Юные партизаны добросовестно выполняли все, что поручало им командование отряда, а с некоторыми рискованными заданиями справлялись не хуже взрослых бойцов.

Характеристика, которую дал Володе Рымару командир отряда И. И. Рудой, была короткой, но исчерпывающей и убедительной: находчивый и надежный боец, всегда готовый выполнить самое сложное поручение в борьбе с фашистскими оккупантами.

Володя поддерживал связь с партизанскими группами, оказывал помощь раненым. У меня сохранилось письмо, в котором один из бывалых партизан пишет о своем боевом побратиме. А побратиму — только двенадцать. Несмотря на это, мальчик пользовался большим авторитетом. Прочитую письмо:

Когда он приходил к нам в лес с новостями, а потом шел обратно, мы всегда кричали ему вслед: «Береги себя, Гаврош!» Да, это был наш партизанский Гаврош. Комиссар отряда Палладий Кучерявенко особенно заботился о судьбе мальчика, потому что тот потерял отца, а мать Володи — Мария Андреевна была хозяйкой явочной квартиры и выполняла серьезные задания подпольного партизанского центра.

Это о Володе Рымаре. Он тогда был партизанским связным. В непогоду, в мороз шел он выполнять поручения командования. Преодолевал расстояния в десятки километров. Не рисковал и подвергался опасности.

А вот письмо еще одного партизана. Он вспоминает:

После допросов и пыток фашисты повезли на расстрел меня и еще троих моих товарищей. Подвели к песчаному карьеру, всех четырех поставили над обрывом. Грянули выстрелы. Все четверо попадали в карьер. Очнулся я на рассвете. Мне было худо: одна пуля прошла через рот, раздробила челюсть. Кроме того, еще четыре пули продырявили тело.

Лежу под заокостеневшими телами своих побратимов. Надо как-то освободиться, выбраться из смертной ямы. Напряг остатки сил, поднялся. В голове мутится, но иду, надо торопиться, потому что могут вернуться фашисты. Еле доплелся до леса. Тут меня окончательно оставили силы. Я присел под дубом. Знал, что подняться не смогу, но стоять на ногах не было сил.

Очнулся от боли в плече, кто-то меня тормозил: «Дяденька, проснитесь, а то замерзнете». Открыл глаза — подросток. Старенькая ушанка на голове, топорик за поясом. «Убери руку с плеча, там...» — стону сквозь зубы. «Вы ранены?» — спрашивает мальчик. «Ты чей?» — «Я сын Федора Рымара». — «А ты Марию Андреевну Рымар знаешь?» Мальчик с гордостью

Володя Рымар

ответил: «Это моя мама!» — «Так ты, наверное, знаешь и Анну Андреевну Главацкую?» — «Это моя тетка». Анна Главацкая была членом Черно-вицкого подпольного райкома партии.

Я понял, что в этом подростковом — мое спасение. Попытался подняться — как бы не так! Кисти рук, пальцы задубели. Понял, что замерзаю. Снова провалился в беспамятство. Тем временем мальчик взялся энергично меня спасать. Растирал снегом, согревал своим дыханием, перевернул на спину и начал массировать. «А теперь давайте встанем», — сказал он. Помог подняться, я обнял его за плечи, а он ухватился за мой пояс. Тронулись. Сначала плохо выходило, постепенно разошлись, размялись. Володя Рымар был не по летам крепким мальчиком, сызмала приученным к труду. Мы добрались до их хаты, которая была явочной квартирой подпольщиков.

Меня выходили, откармливали. Потом — партизанский отряд, борьба. Одним словом, если бы не проявил мужества и человечности наш партизанский Гаврош, то много чего не было бы в моей жизни. Да и этого письма некому было бы писать...

Волнующий документ, ничего не скажешь. Человеческая исповедь. Письмо свидетельствует о мужестве и доброте на войне, о самоотверженном служении Родине, о готовности к подвигу, способности идти на риск ради товарища.

А теперь обращусь еще к одному воспоминанию. Пишет Евгений Павлович Волянский — бывший комиссар главразведки Винницкого партизанского соединения, а потом — командир чехословацкой партизанской бригады «За свободу славян». Вот его рассказ об одной из боевых операций под Черновцами:

Помню, через час-полтора после боя с партизанской заставы привели в штаб мальчика. Человеку лет одиннадцать-двенадцать, не больше, а уже прошел сквозь опасность с заданием командира своего партизанского отряда, действовавшего тогда на территории Могилев-Подольского района. Это был Володя Рымар. Решительный, с независимым видом, за плечами карабин. Он пришел на связь с нами, а их партизанский отряд стоял тогда гарнизоном в Троповой.

На окраинах Черновцов еще продолжался бой с фашистами, то тут, то там вспыхивала жестокая перестрелка. И Володя, передав нам донесение, порывался принять участие в этой боевой операции.

Стояла темная ночь. Фашисты отчаянно защищались, цепляясь за каждый дом, за каждое дерево — за любое укрытие. Для ведения такого ночного боя надо было обладать немалым опытом. И, естественно, мы не позволили мальчику вязаться в такую рискованную передрагу. Он тогда обиженно надулся: «За кого вы меня принимаете? Я ведь вполне взрослый, обстрелянный партизан». Пришлось прибегнуть к категорическому приказу: «Ты пришел на связь с нами? Значит, должен вернуться в свой отряд и доложить командованию об исполнении задания. Понял?» Володя неохотно кивнул головой: «Понял».

«Да ты, как видно, не приучен к дисциплине», — с притворной строгостью упрекнул я подростка. Тут он оживился, вытянулся в струнку, как настоящий солдат. Приказ есть приказ: хочешь не хочешь, а подчиняйся без лишних разговоров.

«Теперь слушай», — говорим связному, — передай командованию своего отряда, что нас интересует Могилев-Подольский: численность гарнизона, вооружение, расположение сторожевых постов». Надо было видеть, как Володя сразу преобразился — лицо стало решительным, даже дерзким, глаза загорелись. Что ни говори, а человек почувствовал: ему пору-

чается важное дело. Кто-то из нас весело заметил: «Смышленный мальчонка. Ему дважды повторять не надо». А Володя, собранный, сосредоточенный, не по летам деловитый: «Разрешите идти выполнять задание?» В сопровождении партизана-разведчика он вышел за наши передовые заставы, а оттуда уже сам — ночной степью напрямик к своим, в Троповую...

Тогда нам крайне нужны были эти разведданные: соединение готовилось к удару по вражескому гарнизону, засевшему в Могилеве-Подольском. Большие надежды возлагались на отряд Рудого — Кучерявенко. Прошло два-три дня, и мы, группа разведчиков, прибыли в Троповую. Сидим в хате, разговариваем с Рудым и Кучерявенко. Вдруг открывается дверь, на пороге появляется мальчик. Сразу к Рудому: «Товарищ командир, гарнизон Могилева-Подольского разведан». И начал выкладывать цифры, факты. Все, как следует, как настоящий профессионал-разведчик...

Да, нелегкие испытания выпали на долю Володи Рымара. Но он вышел из них возмужавшим, духовно обогащенным. И эта закалка военного детства пригодилась ему в долгой дороге под названием жизнь.

Как же сложилась судьба Володи Рымара после войны?

Учился. Служил на флоте. Стал офицером. Об этом он мечтал еще в детстве, в партизанских лесах. Потом ушел в запас.

Работая, окончил торговый институт. А через некоторое время еще один — политехнический, тоже без отрыва от производства. Был директором техникума, руководил техническим управлением республиканского министерства, затем — отделом вузов и техникумов министерства. Выполнял ответственные партийные поручения.

Годами накапливался обширный практический материал по техническому переоснащению торгово-промышленных предприятий. Опытный инженер, с хорошо развитым чувством нового, Владимир Федорович систематически вносил технические усовершенствования в производство, стал автором ряда предложений по механизации трудоемких процессов, инициатором внедрения автоматики на предприятиях. Боевые побратимы, собравшиеся на пятидесятилетний юбилей Владимира Федоровича, шутили:

— Мы празднуем твои первые полвека и хотим, чтобы и свое столетие ты встретил таким же бодрым и энергичным, полным замыслов и стремлений.

А мне в эту минуту вспомнилась зима сорок четвертого. Высокую оценку дал тогда юному партизану командир отряда Иван Иванович Рудой. В словах командира звучали и доверие, и уважение к младшему товарищу, и убежденность в том, что Володя Рымар не подведет в самой сложной и трудной ситуации.

Теперь, бросая взгляд на пройденный путь, можно твердо сказать: погибший командир не ошибся в своем юном побратиме. Об этом свидетельствуют и боевые награды Владимира Федоровича Рымара, и его труд в мирные дни.

За многолетнюю активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи Рымар Владимир Федорович в 1983 году награжден Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

*Д. БУРЧЕНКО,
бывший секретарь
Винницкого подпольного обкома партии,
комиссар партизанского соединения*

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

Враг приближался к Одессе... На окраинах города население рыло окопы. Яша Гордиенко находился там уже несколько дней. Однажды он заметил человека, который ходил среди работавших, внимательно присматриваясь к людям. «Кто бы это мог быть?» — подумал Яша.

Мальчик и не догадывался тогда, что вскоре судьба снова сведет его с этим человеком, что у них впереди — общая трудная и опасная работа, общая славная смерть и общая дорога в бессмертие...

Как-то Яша опять пришел на окопы. Вдруг неподалеку от него выбежало двое мальчишек: лица покраснелись, кулаки сжаты, глаза горят... Яша бросился к ним:

— В такое время — и драться! Как вам не стыдно! Ну-ка, разойдитесь по-хорошему!

Чья-то твердая рука легла ему на плечо. Это был тот самый человек, которого Яша уже видел здесь. Они отошли в сторону.

— Мы с тобой еще обязательно встретимся. Ладно? — сказал неизвестный.

Так будущий руководитель партизанской группы Владимир Александрович Молодцов (Бадаев) познакомился со своим будущим разведчиком Яшей Гордиенко.

Семьдесят три дня длилась героическая оборона Одессы. И только когда создалась угроза прорыва немецко-фашистских войск в Крым, Ставка Верховного командования приказала частям Одесского оборонительного района отступить на новые рубежи. 16 октября 1941 года наши последние подразделения покинули город.

Но оставшиеся в Одессе бойцы «невидимого фронта» продолжали борьбу с оккупантами. Среди них был и Яша Гордиенко.

...Возле вокзала сновало все больше и больше фашистов. Что они затевают? Яша решил узнать.

У каждого, кто приближался к помещению коменданта, часовой требовал документы. Но никто не обратил внимания на бедно одетого мальчика: может быть, попрошайничает, может

быть, кто-нибудь послал его за папиросами, а может быть, сам комендант...

В кабинете никого не было. Минута — и папка с документами у Яши в руках. Из бумаг, находившихся в этой папке, партизаны узнали, что 17 ноября в Одессу прибудет эшелон-люкс с фашистскими военными начальниками и их штатскими прихвостнями.

— Пусть не волнуются — встреча будет, и горячая! — пообещал Яша.

Бой продолжался три часа. Партизаны уничтожили триста вражеских солдат и офицеров. Бадаев видел, что он не ошибся в этом проворном, находчивом и отважном мальчике.

Много партизанских поручений выполнил Яша Гордиенко. Партизаны скрывались в катакомбах. Яша действовал в городе, или как говорили его товарищи, «наверху». В январе 1942 года подпольщики заминировали фашистский штаб. С ними был и Яша. Это была его последняя операция...

...Яша бежал, нет, не бежал — летел. А в голове билась мысль: «Скорей, скорей! Бадаев в окруженном здании... А может, еще не дошел?» Нет, предупреждение запоздало. Бадаев уже отстреливался...

Юркий, ловкий мальчишка сумел обойти фашистов, обложивших здание.

— Яша, откуда ты? Беги через чердак!..

Это был единственный случай, когда Яша не послушал своего командира.

Последнюю пулю Бадаев оставил для себя. Щелкнул курок, но выстрела не было. Все пули до единой были истрачены на врага. Смельчаков схватили... Яшу привели на допрос.

— Где партизаны? Фамилии!.. — осатанело ревели фашисты.

Мальчик молчал. Он не представлял, что могут так болеть голова, руки, ноги, спина. На теле не было живого места. А у палачей глаза от ярости наливались кровью. И они били... били... били...

Приговор был кратким — расстрелять. Яше прочитали его и дали месяц на размышление. Но напрасно надеялись палачи, что стремление спасти свою жизнь толкнет подростка на предательство. Да, он хотел жить. Очень хотел. Но еще сильнее было желание отомстить врагу, изгнать его с родной земли, помочь тем, кто сражался с фашистами.

Яша Гордиенко

Он не обратился с просьбой о помиловании.
Домой он написал так:

Дорогие родители! Пишу вам последнюю свою записку. 27.VII.42 г. исполнится ровно месяц со дня приговора. Мой срок истекает, и я, возможно, не доживу до следующей передачи. Помилования не жду... На следствии я держался спокойно... На протяжении четырех с половиной часов били трижды. Били резиной, обкрученной тонкой проволокой, грабовой палкой длиной метра с полтора, железной палкой по жилам. После этого я стал плохо слышать. Те, кто был в моей группе, сейчас на свободе. Никакие пытки не вырвали их фамилий. Наше дело победит... Я не боюсь смерти, умру, как надлежит патриоту Родины. Не падайте духом, крепитесь. Победа будет за нами. Яша.

Их повели на расстрел. Мальчик еле передвигал ноги, лицо было в синяках. Казалось, ни на единое слово не хватит силы.

Но вдруг:

Смело, товарищи, в ногу...

Яша не закончил. Фашист ударил его заступом по голове. Мальчик упал мертвым. Бадаев поднял своего разведчика и, собрав последние силы, понес его на руках. Навстречу бессмертию...

...Над морем виден на многие мили обелиск Славы. Горит Вечный огонь на могиле Неизвестного матроса.

Здесь похоронены многие герои-партизаны: Герой Советского Союза В. А. Молодцов, бесстрашный подпольщик Н. Гефт, командир-десантник В. Д. Авдеев, юный разведчик Яша Гордиенко. Здесь же погребены черноморские моряки с подводных лодок М-33 и М-60, защитники Одессы.

В Одессе, в самом центре Слободки, есть улица Бадаева. Рядом с ней протянулась улица Гордиенко. Имя юного разведчика присвоено городскому Дворцу пионеров.

Л. ВАХНИНА

ОТРЯД К БОЮ ГОТОВ

Давно отгремели бои Великой Отечественной войны, а память о героях жива. И доньше хранятся в архивах тысячи документов, свидетельствующих о подвигах советских людей. В одном из архивов было найдено такое сообщение:

«При политотделе 12-й армии создана специальная группа юных разведчиков-пионеров, через которых среди населения оккупированных территорий распространено 600 листовок...» Пожелтевшая от времени бумага сохранила дату: «12 сентября 1941 года. Южный фронт».

В те дни 12-я армия обороняла левый берег Днепра у Запорожья, на правом берегу были немцы.

Упоминание о юных разведчиках заинтересовало работников архива. Снова и снова листали они пожелтевшие страницы документов. И вот опять строки, относящиеся к юным разведчикам.

То, что делали пионеры, было настолько важно, что член Военного Совета Южного фронта А. И. Запорожец во время переговоров по прямому проводу 27 августа 1941 года рассказал об этом Маршалу Советского Союза С. М. Буденному:

«Наши части все время атакуют противника на острове Хортица. Северная часть этого острова занята немцами, южная часть — нашими войсками.

Большую работу по организации боя провел генерал-майор Харитонов и помощник начальника политуправления фронта по комсомолу товарищ Мельников. Ими же в Запорожье была организована группа молодежи, которая назвала себя «Юными чапаевцами». Они переправлялись на тот берег Днепра, разведывали противника, затем не遠далеке разводили костры, как условный знак действий нашей артиллерии и авиации. Результаты их работы очень хорошие».

Так стало известно, что в августе-сентябре 1941 года в Запорожье действовал пионерский отряд «Юные чапаевцы». Командование Южного фронта наградило отважных пионеров грамотами.

Но где найти еще какие-либо сведения о юных героях, как узнать их имена?

Архивные материалы были опубликованы в газете. Вскоре пришла первая весточка. Ее прислал писатель М. Колосов. Он нашел у себя запись беседы с генералом Ф. М. Харитоновым о том, как в сентябре 1941 года «Юные чапаевцы» помогли нашим частям в бою за остров Хортицу. Вот что рассказал тогда генерал:

«Мост на Хортицу был взорван, но гитлеровцы успели переправить на остров свою артиллерию и обстреливали оттуда наши войска. Чтобы уничтожить вражескую артиллерию, необходимо было сначала разведать, где расположены на острове огневые точки, и потом подать знак нашим бомбардировщикам».

Генерал решил обратиться за помощью к запорожским пионерам. Подобрать храбрых, закаленных, смелых ребят, которые умеют хорошо плавать и знают остров, он поручил полковому комиссару Мельникову. Вскоре тот доложил генералу:

— Задание выполнено.

Помогла комиссару случайность.

Шел он берегом Днепра и встретил мальчишку с немецким маузером.

— Где взял? — спрашивает.

— Там, — кивнул мальчик в сторону Хортицы.

Он рассказал, что ловил там рыбу. Когда вдруг нагрянули фашисты. Поставили орудия, а сами — купаться. В это время мальчик схватил маузер и спрятался в кустах. А когда стемнело, переплыл назад. Тут и познакомился с ним комиссар.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Сашка.

— Пионер?

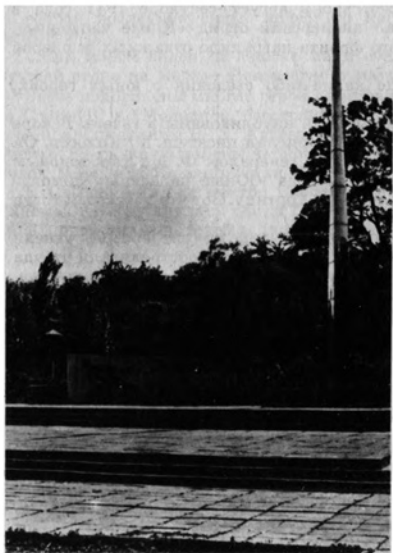
— Звеньевой.

— Хочешь Красной Армии помочь?

Глаза у Сашки засверкали.

Сразу же договорились: Саша приведет в условленное место товарищей. Только таких же, как он сам, проворных, умелых...

Через некоторое время несколько мальчиков встретились с генералом. «Помню, как в полутьме блестели его глаза, — вспоминает о Саше генерал Харитонов. — Глубоко в душу запа-ли мне слова мальчика:

Памятник отважным пионерам в Запорожье

— Товарищ генерал-майор, отряд к бою готов!

Разговор был лаконичным, военным.

— «Юным чапаевцам», воспользовавшись ночной темнотой, высадиться на острове. Разжечь костры, чтобы наша авиация знала, куда бросать бомбы. Как проберетесь?

— Переплывем.

— Там ширина восемьсот пятьдесят метров!

— Ничего, проплывем!

— Смотрите! Плыть надо порознь, в шапках, под шапки положить спички, сухие щепки. Одежду связать в узелок, чтобы была сухой.

Через несколько часов видим: запылали костры. Послали самолеты. Разрываются бомбы. Утром узнали о результатах: на острове Хортице уничтожены все огневые точки врага. Дети благополучно вернулись в наше расположение.

За Хортицу Верховное Главнокомандование наградило меня боевым орденом Красного Знамени. Этот орден мне особенно дорог. И если я его заслужил, то в равной мере заслужили его и мои юные друзья*.

Советские войска удерживали Хортицкий плацдарм полтора месяца. За это время успели эвакуироваться металлургические заводы Запорожья. Фашистам не удалось наладить производство орудий и танков на Украине.

«Юные чапаевцы» продолжали сражаться в северной части острова. Они переправляли на правый берег тысячи листовок, перерезали телефонные линии фашистов, ходили связными в партизанские отряды. За бесстрашные действия в тылу врага командование фронта наградило их почетными грамотами.

Многое сумели узнать о юных патриотах красные следопыты 43-й средней школы города Запорожья.

12 октября 1968 года по решению Запорожского городского Совета депутатов трудящихся на острове Хортица был открыт памятник сражавшимся во время войны комсомольцам и пионерам-героям — «Юным чапаевцам», на том берегу, где действовал отряд в августе — сентябре 1941 года.

Гордо поднялся к небу высокий обелиск и будет стоять на Хортице вечно...

Б. НУДЛИН

ДЛЯ ФРОНТА, ДЛЯ ПОБЕДЫ

Шел уже пятый месяц войны. Отец Валентина воевал на фронте. А мальчик жил в осажденном Ленинграде с матерью. Почти все время он проводил дома. Иногда вместе с матерью дежурил на улице. Но больше всего читал. Никогда потом он не читал столько, сколько в ту первую блокадную зиму. Мама работала на листопрокатном заводе.

Соседка по квартире как-то рассказала, что станкостроительный завод имени Ильича получил фронтовой заказ и там набирают рабочих.

— Сходи, Валентин, поговори. Быть может, и возьмут, — посоветовала она.

Мальчик сходил, поговорил. Его взяли. Каждое утро он шел теперь протоптанной в снегу тропинкой к проходной завода. Она находилась в нескольких кварталах от дома. Протягивал закутанному в тулуп сторожу пропуск и не спеша — торопиться сил не хватало — добирался до цеха, единственного на заводе, в котором теплилась жизнь. Из остальных наиболее ценное оборудование еще осенью вывезли в глубь страны. В пустых корпусах ветер гонял пробившийся туда сквозь щели снег.

Энергии завод не получал. Трепетавшие на станках языки коптилок — какой только адской смесью они не питались! — едва разгоняли темноту. Рабочие (собиралось их человек восемь — десять) разматывали шарфы, осторожно стаскивали с себя пальто, ватники, кофты и по двое, по трое становились к редукторам. Валентин и еще один мальчик цеплялись за обжигающие холодом металлические ручки рядом с ними. Вал станка вздрагивал. Первый оборот давался тяжелее всего. Потом вал разгонялся, вращался все быстрее.

Сил у них хватало на две-три детали. Затем, задышавшись, плелись они все в конторку. Там было тепло, на раскаленной печурке кипела вода в котелке. Они садились вокруг печки, вытягивали ноги к ее раскаленным стенкам. Сидели молча, изредка поворачиваясь то одним, то другим боком. Через полчаса вставали и так же молча направлялись к станкам, чтобы, сделав две-три детали, снова вернуться сюда, к печке.

Сколько продолжался рабочий день, никто из них не считал. Для отпора врагу город должен дать своим защитникам все, что необходимо. Дать любой ценой, чего бы это ему ни стоило. Так считал Валентин, так думали и его старшие товарищи. Из цеха они уходили только после того, как был собран последний, двадцатый затвор. Двадцать затворов к автоматам ежедневно — таким было полученное заводом задание. Есть энергия или ее нет, падают на город бомбы или рвутся в опустевших цехах снаряды, — задание должно быть выполнено. Валентин не помнит случая, чтобы они ушли из цеха, не собрав двадцати затворов. Вернее, чтобы ушел он. Сил ходить домой и потом снова возвращаться на завод у старых рабочих не хватало, многие из них оставались ночевать прямо в цехе.

Рабочие учили ребят держать напильники, рубить металл зубилом, правильно стоять у тисков. Они передавали им свои сноровку, умение, опыт старых питерских мастеровых. Тяжело приобретался он в их время. Долго приходилось бегать мальчиком на побегушках, пока выбьешься наконец в подручные, а

потом и в самостоятельные рабочие. От них узнал Валентин, как восстанавливали рабочие завод после гражданской войны, как строили новые цехи, осваивали производство высокоточных станков. Как делегация рабочих ходила к Ленину с просьбой разрешить присвоить заводу имя Ильича. Сама история входила в стены старого цеха.

Когда апрельское солнце растопило снег, Валентин вместе с ленинградцами, перенесшими тяготы блокадной зимы, вышел на расчистку улиц. Вместе с ними радовался первым зеленым листочкам на деревьях, вместе с ними встречал трамвай, с веселым звоном побежавший по рельсам, начавшим было зарастать травой. Энергия пришла по кабелю, что пролег по дну Ладожского озера. Руку помощи городу с той стороны блокадного кольца протянула знаменитая Волховская ГЭС.

Завод получил электричество. Летом к ним в цех пришло пополнение — ученики ремесленных училищ. На правах ветерана Валентин, ставший у них за бригадира, учил ребят, одновременно продолжая учиться сам.

После прорыва блокады заводу дали новое задание. Страна нуждалась в высокоточных шлифовальных станках. Сначала рабочие собирали их из деталей, сохранившихся еще с довоенного времени. Потом научились сами делать такие детали. Так станкостроительный завод имени Ильича снова стал в строй.

Сорок пятый год принес советскому народу долгожданную Победу. Не успели отгреметь залпы праздничных салютов, как Валентина Полякова пригласили в большой, заново отремонтированный зал заводского клуба. Людей собралось много. Одни в зеленых, фронтовых, другие в черных, рабочих гимнастерках, в скромных штатских пиджаках. Это они отстояли родной город, их руками ковалась Победа, и здесь они были вместе.

Под гром аплодисментов приглашенные выходили к столу, тесно уставленному небольшими картонными коробочками. В той, которую торжественно вручили Полякову, лежал орден «Знак Почета». В удостоверении, полученном вместе с орденом, говорилось, что слесарь пятого разряда Валентин Иванович Поляков награждается за образцовое выполнение заказов для фронта.

И. ПОДГОРНЫЙ

ТИМУРОВЦЫ

Незадолго до начала Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками появилась повесть Аркадия Петровича Гайдара «Тимур и его команда». Писатель придумал для ребят такую игру, которая давала им реальную возможность, не дожидаясь, пока они

станут взрослыми, выполнить свой посильный гражданский долг, удовлетворить стремление быть полезными обществу.

В основу этой игры Гайдар положил те же принципы, которые были дороги всем советским людям,— патриотизм, гуманизм, чувство ответственности за общее дело, непримиримое отношение ко всему, что мешает осуществлению коммунистических идеалов.

Тимуровская игра понравилась ребятам: их привлекало в ней сходство с деятельностью взрослых, настоящий практический результат, романтический характер дел, строгие правила, требующие от участников игровой дисциплины и чёткости, а также возможность проявления личной инициативы и выдумки.

Игрой заинтересовались не только советские пионеры. Когда бывший тимуровец, а потом чемпион Советского Союза Георгий Дыбенко выступал на спортивных соревнованиях в Берлине, его окружили немецкие пионеры в белых рубашках с голубыми галстуками и засыпали вопросами:

— А вы Гайдара знали?

— А Тимура?

— С каких лет можно стать тимуровцем?

В довоенное время тимуровцы оказывали помощь семьям военнослужащих, бывших участников гражданской войны, людям больным и престарелым.

Но в полную силу тимуровское движение развернулось с первых дней Великой Отечественной войны. Гайдар в то время жил в Киеве и поддерживал тесную связь с тимуровцами.

К любимому «детскому комиссару», как его называли ребята, тимуровцы приходили с донесениями о работе Киевской центральной тимуровской команды. Он выслушивал их, давал советы, несмотря на то, что у него не было ни одной минуты свободного времени,— ведь он был на фронте военным корреспондентом «Комсомольской правды».

Гайдар обратился к киевским тимуровцам со следующим письмом:

Ребята!

Прошло меньше года с тех пор, как мною была написана повесть «Тимур и его команда».

Злобный враг напал на нашу страну. На тысячеверстном фронте героически сражается горячо любимая Красная Армия. Новые трудные задачи встали перед нашей страной, перед нашим народом. Все усилия народа направлены для помощи Красной Армии, для достижения основной задачи — разгрома врага.

Ребята, пионеры, славные тимуровцы! Окружите еще большим вниманием и заботой семьи бойцов, ушедших на фронт. У вас всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные

головы. Работайте безудержно, помогая старшим. Выполняйте их поручения безоговорочно, безотказно и точно. Поднимайте на смех и окружайте презрением белоручек, лодырей и хулиганов, которые в этот час остались в стороне, болтаются без работы и мешают нашему общему священному делу.

Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов-диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов.

Если кому случится столкнуться с врагом — молчите или обманывайте его, показывайте ему не то, что надо, дороги. Следите за вражескими проходящими частями, смотрите, куда они пошли, какое у них оружие.

Родина о вас заботилась, она вас учила, воспитала, ласкала и часто даже баловала.

Пришел час доказать и вам, как вы ее бережете и любите. Не верьте шептунам, трусам и паникерам.

Что бы то ни стало — нет и не может быть такой силы, которая сломила бы мощь нашего великого свободного народа. Победа обязательно будет за нами.

Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час, после радостной мирной работы, вы будете с гордостью вспоминать об этих грозных днях, когда вы не сидели сложа руки, а чем могли помогали своей стране одержать победу над хищным и подлым врагом.

Арк. Гайдар

Бывшие тимуровцы вспоминают, как ребята задерживали фашистских шпионов, маскировавшихся под нищих, слепых и передававших врагу секретные данные о расположении частей и подразделений Красной Армии, ее вооружении.

Пионеры проверяли светомаскировку и чердаки, где всегда должны были находиться запасы воды и песка для тушения возможных пожаров при бомбежках фашистами жилых домов. Зачастую дети сами же тащили наверх эту воду и песок, что было совсем нелегко.

Как вспоминает Н. Д. Телешов в «Записках писателя», это было время, когда фашистские изверги сбрасывали бомбы «на больницы, на музеи, на дома, на людей, сея повсюду смерть, разгром и пожары, когда больные, старики, матери с маленькими детьми укрывались в бомбоубежищах, а женщины и подростки дежурили на чердаках и крышах, водой и песком гасили пылавшие зажигалки, что, свистя и шипя, плевались во все стороны липкими огненными брызгами...».

Тимуровцы держали связь со штабами истребительных батальонов и народного ополчения. Они посещали семьи фронтовиков, чтобы рубить дрова, мыть полы в квартирах больных солдатских матерей; старшие мальчики и девочки присматривали за малышами, пока их мамы стояли у станков заводов

и фабрик, выпускавших все необходимое для разгрома ненавистного врага. Те, кто посещал госпитали, помогали ухаживать за ранеными. Здесь они и письма писали под диктовку, и с ложки кормили тяжело раненных, и в палатах убили.

Многие ребята собирали нужный заводам цветной лом, теплые вещи для посылок бойцам на фронт. Эти посылки часто сопровождалась сердечными письмами, написанными нетвердым детским почерком с пожеланием быстрейшего разгрома врага и возвращения с победой домой.

Тимуровские отряды действовали в школах по месту жительства, шефствовали над семьями солдат и офицеров Красной Армии, помогали собирать урожай, работали в фонд обороны. Особенно было ценным шефство тимуровцев над детскими домами. Ведь никогда ни в одной стране не осиротело столько детей, как у нас за 1418 дней войны.

Но вот наступил долгожданный час Победы. Подростающие поколения благодарны тем, кто с оружием в руках завоевал в грозные годы Великой Отечественной войны счастье для всего человечества.

Проходят десятилетия, стареют, уходят из жизни участники войны. Но поиск ветеранов не затихает, не ослабевает, а наоборот, продолжается все с большей настойчивостью.

Традиции тимуровского движения нашли теперь свое продолжение и развитие в участии детей и подростков в благоустройстве городов и сел, разоренных фашистскими варварами, в охране природы, помощи трудовым коллективам взрослых и других полезных делах.

Ирпенская школа № 17 была открыта в 1970 году, когда праздновалось 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. С первых дней существования ее доброй традицией является дружба учащихся с ветеранами войны и труда. Никогда пионеры не проводят пионерских сборов отрядов, а комсомольцы — комсомольских собраний без участия своих друзей и наставников.

Школьники с большим вниманием слушают воспоминания о грозных днях войны, записывают их, бережно собирают реликвии народного подвига. Но в жизни каждого человека наступают такие моменты, когда и героям нужна помощь — помощь моральная и физическая. Поэтому особенно широко развернулась в школе тимуровская работа. Пионеры окружают заботой ветеранов, семьи погибших, а это главное на современном этапе. Традиционными стали операции «Адрес заботы — дом, улица, город», «Малышок», «Радость людям», «Ветеран живет рядом», «Двор и сад», «Желтый лист», «Снежинка» и другие. Эти операции увлекают романтикой, которая вела за собой и тимуровцев А. П. Гайдара.

В годы войны пионеры становились героями, сражаясь с фашистами с оружием в руках. Это были высокие подвиги,

о которых пионеры мечтали, долго готовились к ним, а совершали их мгновенно, мобилизовав все свои силы.

А разве в наши мирные дни ребята не совершают подвиг, когда приходят на помощь в трудную для человека минуту, не ожидая никакого вознаграждения, выполняя при этом работу совсем не романтическую, а однообразную и скучную? Безусловно, совершают.

В Отчетном докладе XIX съезду ВЛКСМ сказано, что для учащихся «главный труд и гражданская обязанность — учеба, борьба за глубокие и прочные знания, идейная закалка, подготовка к жизни, общественно полезному труду». Поэтому, когда пионеры принимают на себя серьезные обязанности, требующие много дополнительного времени, стараний, душевной теплоты, это заслуживает поддержки и одобрения.

Тимуровской работой в школе руководит штаб «Тимуровец», созданный при совете пионерской дружины. Штаб ведет точный учет ветеранов и их семей, нуждающихся в помощи, изучает, в чем эта помощь должна заключаться, и затем, учитывая возрастные особенности школьников, закрепляет за ветеранами пионеров-тимуровцев.

Направляет работу старшая и отрядные пионервожатые, классные руководители. Они стараются организовать работу так, чтобы она принесла моральное удовлетворение и детям, и ветеранам.

В нашей школе шефствуют над ветеранами учащиеся, начиная с 3—4 класса вплоть до выпуска из школы.

Много лет назад пионеры 4-А класса сдружились с интереснейшим человеком — полковником в отставке Александром Петровичем Изугеневым. Это он воспитал сына полка Георгия Веретенникова, о чем рассказано в повести С. К. Славича «Сто часов».

Дружба длилась годы. Ветеран был частым гостем у детей, с его участием была проведена в школе читательская конференция по повести Славича.

А потом Александр Петрович тяжело занемог. Пионеры сразу же пришли ему на помощь: смотрели за садом, выращивали цветы, выполняли те работы, которые были не под силу его семье. Но не это было, как говорил ветеран, главным. Дети почти ежедневно приходили к нему, чтобы почитать газету, рассказать о жизни класса, школы, о новой интересной книге, о том, как хорошеет с каждым днем наш город. Они находили самые красивые уголки в городе, созданные за последние годы, фотографировали их. Такие снимки были прекрасным подтверждением не только наивного детского рассказа, но и большой любви к человеку, защищавшему наше счастье в те далекие годы.

Тимуровцы 5-Б класса, возвращаясь от Федора Ивановича Коновалова, генерал-майора в отставке, всегда восхищались

эрудицией этого человека. Он говорил с детьми о литературе и географии, физике и всемирной истории, театре и кино.

Каждый раз к приходу детей у него был приготовлен увлекательный рассказ. И только солдатское сердце все чаще и чаще тревожно напоминало о себе. Когда эта тревога, как говорил Федор Иванович, была «боевой», тимуровцы неотлучно дежурили в доме ветерана, помогая больному. Гордились дети, что сад ветерана в любое время года был в прекрасном состоянии, гордились, когда к праздникам ветеран присылал в школу благодарственные письма.

Елена Георгиевна Шолох — мать погибшего солдата. Ее сын Владимир учился в довоенные годы в Ирпенской школе и 22 июня 1941 года прямо с выпускного бала ушел с одноклассниками добровольно на фронт. И не вернулся с поля боя. Владимир посмертно зачислен учеником нашей школы. Его имя золотом выгравировано на белом мраморе школьного мемориала.

Елена Георгиевна — частая и дорогая гостья в школе. Ни одно общее школьное мероприятие, посвященное подвигу советского народа в годы войны, не проходит без ее участия. Особенно любит Елена Георгиевна малышей. И октябрята, мечтавшие о высоком звании пионера, подружились с ней с первой же встречи. Второклассники наполнили дом одинокой матери детским щебетом, старались помочь по хозяйству, вытирали пыль, ходили в магазин. У школьного мемориала всегда стояли живые цветы ее сыну, что особенно трогало и волновало материнское сердце.

Взрослели дети, старела мать. Теперь уже, будучи старшеклассниками, они взяли на себя основные заботы по хозяйству: пропахивали огород, убирали двор, при необходимости создавали уют и чистоту в квартире, ходили в магазин за продуктами. Они не могли снять с сердца извечной материнской печали, но старались облегчить горе, и за это мать им безмерно благодарна.

Разве это не подвиг?!

В первые дни войны погиб в боях Яков Сергеевич Бесмертный. Его вдова с годами начала тяжело болеть, требовался постоянный уход. Помочь ей могла только ее дочь, но она работала и не могла этого делать систематически.

Штаб «Тимуровец» изучил условия этой семьи и сделал все возможное, чтобы дочь советского воина Якова Сергеевича могла ухаживать за своей матерью.

Я остановилась на постоянной тимуровской работе. А сколько интересных, полезных дел выполняют пионеры как единовременные! Например, операции «Снежинка» и «Желтый лист». Школьники хорошо знают, кому нужна такая помощь, и особое удовольствие составляет для них — выгрести листья в саду, очистить от снега дорожки, да так, чтобы ветераны и не знали,

кто именно и когда сделал. И если удастся этого добиться — считается настоящим тимуровским делом. И когда в снежные заносы дети приходят с лопатами в школу и чувствуется их радостное возбуждение, а в блеске глаз прячется какая-то таинственность, мы хорошо знаем, где были дети и что делали. В такие минуты они особенно красивы. И мы очень рады. Так и хочется сказать им: «Спасибо вам, дорогие ребята, за то, что вы такие!».

Школа часто получает благодарственные письма ветеранов. Вот несколько выдержек из них.

Тяжелые годы войны подорвали мое здоровье, приковали к постели. Спасибо тимуровцам вашей школы, моим замечательным помощникам. Они ежедневно приходят ко мне, приносят мне радость и желание жить. Они закупают в магазине продукты, убирают в комнате, заботливо и без стеснения выполняют любую работу. Очень красиво у нас во дворе — это тоже их заслуга.

Юдина Олимпиада Григорьевна

Я, ветеран Великой Отечественной войны Кисленко Василий Николаевич, очень благодарен Вашей школе, что есть у вас такие хорошие ребята. Они всегда оказывают моей семье посильную помощь, всегда поздравляют с праздниками, особенно тепло — с Днем Советской Армии и Днем Победы. Смотрю я на своих тимуровцев и думаю: не даром мы воевали и прожили жизнь. Хорошие люди идут нам на смену.

Но хотелось бы вместе с тем поговорить и о другом.

Всегда ли, ребята, мы знаем всех людей, нуждающихся в нашей помощи, ветеранов войны и труда, их семьи, людей преклонного возраста, живущих в микрорайоне школы, как знали тимуровцы А. П. Гайдара?

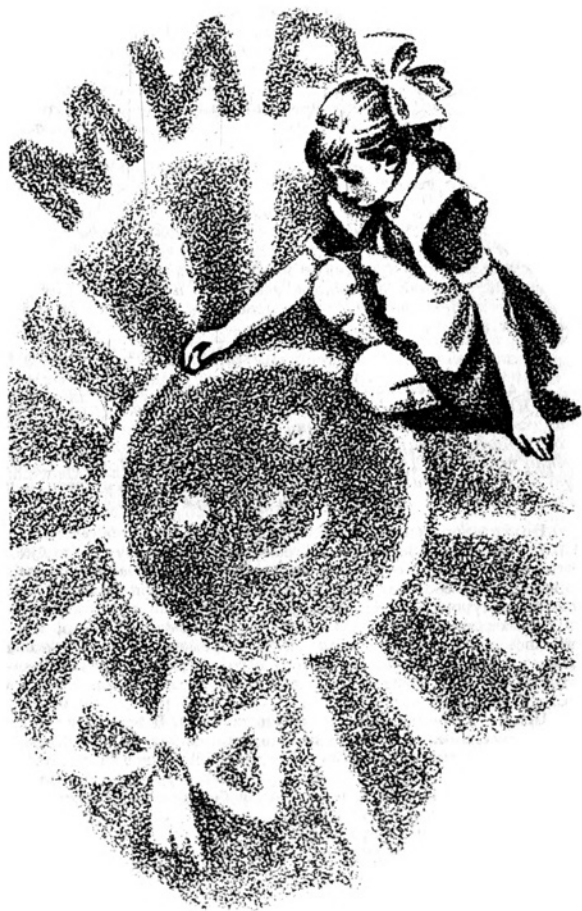
К сожалению, нет. Подтверждение этому — письмо, пришедшее как-то в нашу школу. В микрорайоне соседней школы живет жена офицера, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Она совершенно одинока. Это письмо написали ее соседи.

Штаб «Тимуровец» объявил это как ЧП. В тот же день на своем заседании для оказания помощи определили тимуровцев, и они пошли по указанному адресу. Там узнали, что жене погибшего офицера — 83 года, огород и сад у нее не вскопаны, двор запущен. И ребята не оставили без внимания одинокую женщину, пришли ей на помощь.

Но единичный ли это факт?

Присмотритесь внимательно, нет ли в вашем микрорайоне такого случая?

Л. ЗИНЬКОВСКАЯ,
директор школы

**ПУСТЬ ВСЕГДА
БУДЕТ
СВАНЦЕ**

НЕ ОТРЕКСЯ ОТ ЗВАНИЯ ПИОНЕРА

Это рассказ о пионере Васе Шишковском. Он прожил короткую жизнь — всего двенадцать лет. Советскую власть мальчик знал всего три года. Ведь родился Василек на Тернопольщине в Западной Украине, а туда Советская Армия принесла свободу и счастье только в 1939 году.

В селе сразу открылась школа, и Василек пошел учиться в первый класс, потом во второй. «В третьем классе стану пионером», — мечтал он.

Но летом 1941 года началась война. И 7 ноября, в день, когда Василек и его товарищи должны были впервые надеть красные галстуки, по саду разнеслись автоматные очереди. Начались расстрелы коммунистов.

Василек был еще мал. В годы оккупации он не успел совершить бессмертного подвига в тылу врага, как Валя Котик или Володя Дубинин.

Пионером он стал лишь в сорок четвертом году, когда Советская Армия выгнала из его родного села Шумского захватчиков. Но недолго пришлось Васильку носить на груди красный галстук. Рано оборвалась его жизнь... Его убили бандеровцы — так называли украинских националистов, которые вошли в сговор с гитлеровцами для того, чтобы уничтожить на Украине Советскую власть. Убили потому, что Василек был настоящим, хотя и маленьким, патриотом Советской страны, активным пионером.

ЗЛОДЕЯНИЕ ВРАГОВ

На 29 мая был назначен первый сбор нового пионерского отряда. День был теплый, солнечный. И у ребят весело на душе. Только что кончился учебный год. Правда, никто из ребят не перешел в следующий класс, но это совсем не потому, что занимались плохо. Ведь в школу пошли только в феврале. Вот почему учебный год у ребят был такой необычный. Между второй и третьей четвертями каникулы не десять зимних дней, а целое лето, и переходить в следующий класс ребятам предстояло в канун Октябрьских праздников.

Сбор ребята решили провести на берегу Вилии: разжечь костер, возле огня почитать привезенную недавно вожатой из Тернополя книгу «Как закалялась сталь», а потом пойти по лесу собирать весенние цветы. Вожатой только не было на этот раз с ребятами. Несколько дней назад проводил ее отряд до околицы села. Ушла Феня в соседнее село на первое собрание молодой комсомольской организации: райком послал.

— До сбора вернусь, а если опоздаю, проведите без меня, — сказала вожатая на прощанье.

...Место для костра выбрали у самого берега, в ложинке. Тихо шумели деревья, потрескивал костер, над огнем кипел котелок с походной кашей.

Кашу варить — это была Людина выдумка. Ей очень хотелось показать ребятам свое поварское искусство.

Только что все беззаботно бегали по лужайке, играли в «Квача», в «Третьего лишнего», и вот уж не слышно ребят. Притихли, слушая книгу о Павке Корчагине.

Но вот захлопнута книжка. Хватит на сегодня!

— А вы знаете, ребята, что Островский родился на берегу речки, у которой мы сейчас сидим с вами? — спросила Александра Лаврентьевна.

— Эх, сходить бы туда.

— Пойдем, только позже немного.

— А когда? — любопытствовали ребята.

— Успеем, успеем!

Не хотелось учительнице разочаровывать ребят. Нельзя было идти отряду сейчас на родину Островского, хоть и близко она: беспокойно было на дорогах.

Тут и каша поспела. Люда и впрямь оказалась поварихой хоть куда. Не было никого, кто бы не попросил добавки.

— А теперь в лес, по цветы, — скомандовал начальник штаба.

Рассыпались ребята цепочкой между деревьев, разыскивая поздние ландыши, громко перекликаясь:

— Ау! Ау!..

Наперегонки бегали по лесной дороге, играли в прятки между деревьями.

И вдруг кто-то из ребят тихо ахнул. Наскоро заброшенная ветками, под кустом лежала Феня, их вожатая. Следы нескольких пар сапог уходили в лесную глушь...

Выполнив поручение райкома, комсомолка торопилась к пионерам на сбор. Совсем недавно, видно всего несколько часов назад, оборвалась ее жизнь. Молча смотрели ребята на погибшую вожатую. Значит, враги были где-то рядом.

КРАСНОГО ГАЛСТУКА НЕ СНЯЛ

Наутро Петька пришел к Васильку без галстука. Василек вопросительно взглянул на него. У Петьки покраснели уши.

— Мамка, понимаешь, галстук стирает, — сказал он, глядя куда-то в сторону.

Но разве обманешь товарища?

— Скажи прямо: струсил, боишься галстук носить?

Быстро бежал из школы Василек. Мать небось беспокоилась, где так долго пропадал сын, а он сидел у учительницы и рассказывал ей о своем друге Петьке и спрашивал совета, как с ним быть.

Вася Шишковский

— Покажи ему пример, Вася, это будет убедительнее всего, — сказала она. — Будь таким же смелым, как Павлик Морозов.

Быстро бежал Василек. Вот сейчас небольшой пустырь, потом бабушкин дом, еще один, и самая крайняя — его хата.

На бревне у самого пустыря сидели двое.

— Эй, хлопец, поди-ка сюда!

Только подошел, как один из незнакомцев схватил за галстук.

— Что это у тебя за тряпка на шее?

— Брось, дядька! — Попытался вырваться Василек.

— Сними тряпку, гаденыш, и ребятам голову своей пионерией не мути.

Василек узнал одного из незнакомцев. Это был бывший полицейский. Значит, не успел предатель удрать с немцами и теперь по ночам, словно волк, рыскал по селам.

— Кончай с ним, — бросил угрюмо другой.

«Убьют, — мелькнуло в голове, — убьют, как Феню!..»

В такие мгновения мозг работает необыкновенно быстро в поисках выхода из безнадёжного положения.

— Патруль идет! — вскрикнул Василек.

И двое, откуда только прыть взялась, перемахнули через тын и запетляли к Вилии, а хлопец — в другую сторону, домой, не помня себя от страха. Никакого патруля Василек не видел, так, наугад крикнул.

Запыхавшись, влетел он в комнату.

— Что случилось, сынок?

Ему не хотелось расстраивать мать, а тут еще неожиданный гость в комнате, офицер. Ну, конечно, это бывший партизан, что скрывался у него в сарае. Только теперь он был выбрит, на плечах желтели погоны, на груди сверкали ордена.

Васильку так ярко вспомнились переживания той ночи, озаренной огнем пожара, встреча во дворе с командиром, сегодняшний вечер, жестокое лицо полицейского, что мальчик не сдержался, навзрыд заплакал.

— Не плачь, брат, — успокаивал его офицер. — Мы пришли сюда, чтобы выгнать из лесов убийц твоей вожатой. Помнишь, ты просил меня когда-то взять тебя в отряд? Я, каюсь, ушел тогда, не попрощавшись с тобой. Мал ты был еще для отряда. Вот сейчас пришло время тебе стать на передний край. Ну как, трусишь, снимешь красный галстук? — Офицер заглянул в заплаканные глаза своего маленького друга.

Василек вытер лицо.

— Галстука не сниму, честное пионерское.

Село Шумское небольшое. Наутро все вокруг знали о встрече Василька с бандитами на пустыре. И как же был поражен Петька, увидев друга, вышедшего на улицу, как всегда, с красным галстуком на груди. После неприятного разговора ребята были в ссоре, но Петька не выдержал, подбежал:

— Ты не испугался, Васька?

— Испугался.

— И галстук все равно носишь?

— Комсомольцы ж не бросали билеты, когда Феня погибла.

Петька повернулся круто и побежал домой. Вскоре он опять догнал Василька.

— Глянь, Васька,— потянул он его за рукав.

На Петьке снова был красный галстук.

НЕ СДАЛСЯ ВРАГАМ

Холоднее и холоднее становилось на улице, а школьный завхоз все не начинал топить.

— Дровишки надо экономить, впереди зима,— говорил он.

— Ребята, давайте сами по дрова поедem,— предложил как-то отряду Василек.— Привезем воз, и нам тогда до самой весны хватит.

— Я у батьки повозку попрошу,— сказал Петька.

— Вот и добре! А я топор раздобуду. У отца он острый, как бритва.

И в ближайшее воскресенье пионеры отправились в лес. Возок неторопливо ехал по мягкой, усыпанной толстым слоем желтых листьев лесной дороге, а ребята разделились на две группы и играли в войну. Вместо ружей — выломанные палки. Одной группой командовал Василек, другой — Петя. Отряд Василька теснил «противника» все глубже и глубже в лес.

— А, отступаете,— кричали ребята.

— Вовсе и нет,— оправдывался Петька.— Мы вслед за возом двигаемся. А то, если вас погоним, никогда дров не наберем.

Смеялся отряд Василька в ответ на такое объяснение.

— Ах, так?..— возмутился Петька.— Ребята, покажем им!

И через минуту Василек, связанный по рукам и ногам, лежал в повозке, а на него взгромоздился Петька.

— Вот вам отступление! Вот вам отступление! — кричал он, размахивая своим «ружьем».

— А ну, стой!

Кто такие? Ребята и не заметили, как из-за деревьев вышли несколько оборванных, вооруженных немецкими автоматами людей.

«Бандеровцы!» — екнуло у Петьки сердце.

— Зачем в лес едете? — спросили бандиты.

Петька так растерялся, что остался сидеть на связанном Васильке.

— Да вот по дрова едем, холодно, — нерешительно ответил кто-то из ребят.

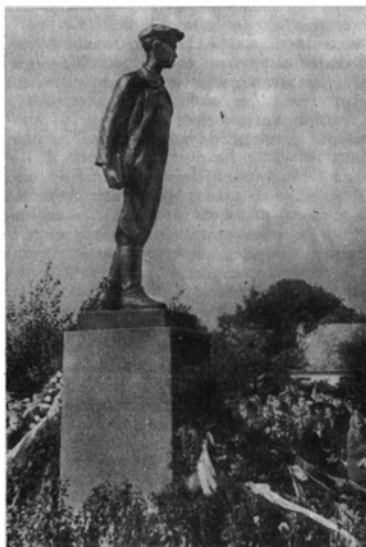
— А среди вас сына Шишковского, каменщика, нет? Того, что на собрании речь говорил?

Василек шевельнулся под Петькой; тот еще сильнее навалился на него.

— Лежи, — чуть слышно шепнул ему и громко, чтобы кто из ребят нечаянно не проболтался, сказал: — Да нету, дома он сидит.

— Узнаем — врете, головы поотрываем. Дрова собирайте здесь. Дальше в лес не смей.

Быстро, молча рубили ребята сухие ветки, складывали на возок и без игр, без смеха выехали из лесу.

Памятник Васе Шишковскому, сооруженный на его родине на средства, собранные пионерами и школьниками Украины

...Сгущались тучи над головой Василька.

«Спрятать галстук и больше не надевать его?»

Приходила такая мысль в голову, но нет, Василек не мог ее принять, не мог стать трусом. Ребята, наверное, ни слова не сказали, если б он пришел в школу без галстука; все знали, что бандеровцы в убийствах не делали различия между взрослыми и детьми. Но Василек по-прежнему ходил с красным галстуком на груди. Если уж быть пионером, то похожим на Павлика Морозова, ни за что не сдаваться перед врагами!

...Бандеровцы напали на хату Шишковских в один из декабрьских дней. Там, около горящей хаты, и был убит Вася.

В последний путь пионера Василька несли с красным галстуком на груди. Шел снежок, он падал на ребячьи лица и таял, смешиваясь со слезами. Очень любила вся школа начальника штаба первого в районе пионерского отряда.

— Он был самым обыкновенным мальчиком, как все вы, — сказала у его могилы учительница, — только он больше жизни дорожил своей пионерской честью, красным галстуком. И память о нем не умрет.

С. ЧУМАКОВ

ФЛАЖОК НАД ПОЛЕМ

По новой, недавно вымощенной дороге мчалась «Победа». Мимо мелькали молоденькие яблоньки, белые березки, покрытые свежей весенней листвой.

Время от времени встречались автомашины, груженные ульями, строительными материалами, пестрыми симменталками, снежно-белыми поросятами степной породы.

«Богатеют колхозные хозяйства путивлян», — радовался я успехам своих земляков.

Справа от дороги, насколько хватает глаз, раскинулись бескрайними зелеными коврами поля.

— Это земли нашего хозяйства, — объяснил мне председатель колхоза имени Шевченко Дмитрий Николаевич Бутов. — Сев зерновых в этом году мы провели более успешно, чем в прошлом, и надеемся, что и урожай вырастет получше.

Мое внимание привлек красный флажок, развевавшийся над полем. Я попросил водителя остановиться и пошел по тропинке мимо посевов, туда, где огнем горел в солнечных лучах красный вымпел.

На участке, отмеченном почетной наградой, работало восемь молодых девушек. Все статные, смуглые, кареглазые — красавицы. Они пололи табак. Одна из них, в гуцулке, темно-синей юбке в крапинку и в платочке на голове, из-под которого выбивались непослушные белые завитки, подошла ко мне и протянула загорелую руку.

— Спасибо, что заглянули в мое звено, товарищ Ковпак, — сказала она.

— Здравствуйте... А погоди-ка, красавица, где я тебя видел? — пытался вспомнить я, внимательно вглядываясь в милое личико девушки. — Или, может, показалось?

— Нет, мы и вправду старые знакомые. Я — Марийка, которая носила вам в Спадщанский лес обезвреженные немецкие мины.

Марийка — «партизанская Красная Шапочка», — как называл ее комиссар отряда Семен Васильевич Руднев.

— Вот какой ты стала, — удивился я. — А тогда, когда тайком от фашистов и полицейских ходила к партизанам, ты была совсем маленькой девочкой.

— Мне было тогда десять лет, — задумчиво произнесла она.

Я увидел: в карих глазах заблестели слезы — вспомнила. Невеселыми были в эти минуты и мои мысли...

Стоял морозный декабрь 1942 года. В Спадщанский лес к партизанам из окрестных сел и хуторов прибывало все больше новых бойцов. Среди них особенно запомнились мне трое ходоков: высокий простоволосый сухощавый мужчина с преждевременно поседевшей головой и заплаканная женщина со светловолосой девочкой.

Это были супруги Соловьевы и их десятилетняя племянница Марийка, по фамилии Курчина.

Они рассказали мне о страшных злодеяниях, которые совершили оккупанты в их родном селе Спадщине.

Была темная, беззвездная ночь. Царила мертвая тишина, только изредка доносились выстрелы и пулеметные очереди — страшась партизан, немцы стреляли наугад. Внезапно яркий пожар озарил село. Люди бросились к окнам и дверям, но они были забиты снаружи. А хаты уже пылали. Насилу выломав дверь, Соловьевы вырвались из смертельных объятий огня.

— Я решил, что у меня и у моей жены есть только один путь — к партизанам, — пряча свою обожженную руку под кожух, закончил свой невеселый рассказ Алексей Игнатьевич. — Ради бога, примите. Очень уж напикело вот тут, — прикоснулся он здоровой рукой к груди. — Хочу содрать с гитлеровцев долг, который они еще не заплатили мне и моим односельчанам.

Мы с Рудневым, стоявшим рядом, переглянулись. Он кивнул головой.

— Я считаю, что можно, — высказал комиссар свое мнение.

— Спасибо. Не обману вашего доверия, — со слезами на глазах благодарил Соловьев.

— А почему же ты, муженек, за меня и словечка не замолвил? — оттолкнула его в сторону плечом Екатерина Афанасьевна. — Или уже стала тебе не нужна? Так я и сама...

Она подошла ко мне ближе и спросила:

— Скажите, что мне, горемычной, делать? Возьмите и меня с Марийкой. Буду варить партизанам еду, белье стирать. А для сиротки... думаю, что и для нее у вас какое-нибудь дело найдется.

— Бедовая молодлица, с характером,— шепнул мне Руднев и, зорко глянув женщине в глаза, сказал:

— И вас можем принять в отряд. Только вот какое дело: нам крайне, как воздух, нужен партизанский связной. Если вы согласны, то придется вам вернуться в Спадщину.

Екатерина Афанасьевна спросила глазами согласия у мужа и прочитала в его взгляде: соглашайся, мол, это общее дело.

— Если так надо, то я согласна,— уверенно сказала женщина.

Этой военной зимой в нашем отряде еще не хватало оружия и боеприпасов. Екатерине Афанасьевне было поручено разыскивать заложенные на дорогах вражеские мины и приносить партизанам в Спадщанский лес. Командир группы минеров Г. А. Юхновец научил ее, как надо их обезвреживать, и женщина, усвоив эту науку, взялась за дело.

Найденные мины Екатерина Афанасьевна тайком переносила домой, прятала их, поджидая удобного времени, где-нибудь в погребе или на огороде. Убедившись, что ее никто не видел, она заворачивала их в платок и вместе с Марийкой шла в лес «по грибы».

Однажды, когда Екатерина Афанасьевна немного задержалась с доставкой «горячих угольков» для угощения гитлеровцев, Руднев, заметно волнуясь, сказал ей:

— Я боялся, не случилось ли беды, за Марийку волновался. Иди-ка сюда, лесная Красная Шапочка,— он подозвал Марийку и прижал ее к груди.— У меня есть для тебя подарок, вот,— и он передал ей красный флажок.— Спрячь и сохрани на память...

— Спасибо, дядя Семен, буду беречь подарок, как зеницу ока,— сказала девочка.

...Марийка тихонько всхлипывала, а я, понимая причину ее слез, не утешал — пусть выплачет горе.

— Жалко, что нет Семена Васильевича, пусть бы он увидел свой подарок, вот где он,— и она кивнула на красный флажок, трепетавший на ветру. На нем были старательно выведены золотом слова:

ЛУЧШЕМУ ЗВЕНУ — ПОБЕДИТЕЛЮ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ

— Когда моему звену присуждали первенство,— рассказывала Мария Андреевна Курчина,— и должны были вручать вымпел, я попросила, чтобы этим вымпелом был для нас фла-

жок, который подарил мне Семен Васильевич. И надпись эту на нем сделали.

— Выходит, что этот флажок — знак твоей боевой и трудовой доблести, дочка. Будьте же все достойны этой награды, — пожелал я труженицам лучшего полеводческого звена, во главе которого стоит бывшая партизанка, самый молодой связной моего отряда.

Свечерело. Звено дружных, как прозвали в колхозе подруг Марии Курчиной, возвращалось в село. Впереди, высоко подняв над головой красный флажок, шла звеньевая.

В этот вечер в хате у Соловьевых было весело. Марийке минула двадцать пятая весна. Здесь царили радость и счастье, завоеванные кровью и честным трудом этой семьи.

С. КОВПАК,

дважды Герой Советского Союза

АВТОГРАФ ЛЕСИ БРУС

В июне 1982 года Леся Брус приехала в Харьков как делегат IX слета пионеров Украины. Ребята делились впечатлениями о сегодняшних делах своих пионерских дружин, отрядов, звеньев, а Леся поведала новым друзьям грустную историю, случившуюся однажды холодной ночью 1946 года.

Это произошло на Западной Украине в селе Лисятичи. И хоть Леся сама не могла быть свидетельницей тех страшных событий, но рассказывала о них с такой искренностью, теплотой, сочувствием, как будто все видела своими глазами...

Отца Гриши перевели из Лисятичей на работу в Стрыйский райисполком. Уехали с ним мать и брат. Собирался уже в дорогу и Гриша. Думал: завтра отправится в Стрый к родным. Завтра... Но завтра для Гриши не наступило.

Холодной ночью бандеровцы вытолкали Гришу из хаты на мороз и связали ему руки колючей проволокой. Мучители требовали, чтобы он рассказал, где отец, кто остался в селе вместо него, в каких хатах живут пионеры.

Мальчик молчал. Автоматная очередь оборвала жизнь двенадцатилетнего пионера.

— Наш городской пионерский штаб «Пламя», — сказала Леся, — решил соорудить памятник Грише Медвидю. Десять тысяч рублей собрали пионеры и комсомольцы города Стрыя! Был объявлен конкурс на лучший проект памятника.

Лесе как председателю городского пионерского штаба, действующего при ДOME пионеров, поручили возглавить операцию «Монумент». Вместе с другими следопытами она разыскивала материалы о жизни юного героя, побывала в Лисятичах, в Трускавце, где ныне живет брат Гриши, записала его воспоминания. Девочка всматривалась в нечеткие, пожел-

тевшие от времени фотографии, и в ее воображении рождался проект памятного знака. Рассказывая на слете о поисковой работе штаба, пионерка скромно промолчала, что именно она стала одним из победителей конкурса, а творческая группа в составе скульптора З. И. Расиной и архитектора И. П. Тымчишина использовала ее предложение и подруги по штабу Гали Шуст.

На слете выступали и другие пионеры. Ведь каждому было о чем рассказать.

Так, Люда Мирошниченко из Комышеватской средней школы Кировоградской области поделилась с делегатами пионерского слета опытом «Похода бережливых». В своей школьной столовой пионеры за один год сэкономили 3200 килограммов хлеба. Ежедневно дежурные следили, чтобы не было отрезано ни одного лишнего кусочка, чтобы нигде на столах не оставался хлеб. Конечно, это не значит, что кто-то оставался голодным, но бросаться хлебом, недоедать обед — такого у них не бывает. Юные комышеватцы встречались с хлебобродами, трудящимися колхоза имени XX съезда КПСС, в частности со своим знаменитым земляком, дважды Героем Социалистического Труда, членом Президиума Верховного Совета СССР Александром Васильевичем Гиталовым, рассказавшим им о том, сколько приходится приложить усилий, чтобы вырастить хороший урожай хлеба, о бережливом отношении к нему. Ребята и сами помогают колхозу: создали огородную бригаду, собирают колоски в поле.

Лена Корнева из Днепропетровска предложила всем ввести методы борьбы за успеваемость, которые уже прижились в их средней школе № 96. В школе во всех классах работают предметные кружки, консультационные пункты. Над каждым троечником шефствует кто-нибудь их лучших учеников.

— Но этим мы не ограничиваемся. Ведь в каждом классе есть пионеры, намного лучше остальных знающие один какой-нибудь предмет — физику, математику или химию. Именно они могут лучше всего объяснить непонятную тему по этим дисциплинам. И мы обращаемся к ним за помощью.

Юные друзья пограничников, юные инспекторы движения, участники операций «Уренгой» и «Миллион — Родине», «голубые» и «зеленые» патрули, хозяева пионерских ферм, члены трудовых объединений школьников, тимуровцы и красные следопыты — каждому было чем отчитаться перед слетом.

Леся Брус

А сколько инициатив! Киевляне предложили провести операцию «Радуга» — по сбору цветных металлов, так необходимых для народного хозяйства. Одесситы (несколько лет тому назад они были инициаторами операции «Орленок») предложили собрать металлолом и построить современный турбоход «Броненосец Потемкин» — в честь легендарной крепости революции.

И у Леси было свое предложение: всем принять участие в сборе материалов для республиканского музея пионерской славы. Как это сделать? Хотя бы так, как сделали они в пионерском штабе «Пламя»: раздали каждой дружине путевки в пионерское прошлое отцов. Сколько интересного было в отчетах пионерских отрядов! Тогда же решили посадить Аллею пионерской славы в своем городе.

Делегаты слета разделились на секции и начали непосредственно знакомиться с опытом работы друг друга, обмениваться планами на будущее. И вот наступило время оставить в

Памятник Григорию Медвидю в Стрые

городе IX слета пионеров Украины свои автографы: написать о своей пионерской организации, работе, о друзьях, о себе. Леся Брус колебалась какое-то мгновение — очень уж хотелось рассказать обо всем, что они делают. Но на специальной карточке, которую ей вручили, не так уж много места. И она писала о своем друге Грише Медвиде, с которым она мысленно дружит всю свою сознательную жизнь.

Девочка вспомнила свои ощущения во время торжественной линейки у подножия памятника Родине-матери в Харькове. Это было в первый день слета. Сердце сжималось от печальной мелодии Шумана. словно в поклоне, замерли задумчивые деревья. Медленно чеканили шаг воины с гирляндой Славы, нескончаемым потоком лилась красногалстучная колонна. Звучали стихи:

Где сурово, как лес, стоит тишина,
Где лишь ветер поет на птичьем крыле...

Когда грянули залпы салюта, склонились знамена и наступила минута молчания, эти строки как бы продолжали звучать:

Где сурово, как лес, стоит тишина...

Сейчас в городе Стрые у Дома пионеров стоит памятник. Двенадцатилетний мальчик со знаменем в руке, в галстук и буденовке встречает своих ровесников. С буденовкой Гриша не расставался никогда. Этот символ верности Революции был и в том замысле памятника, который предложила стрыйская пионерка Леся Брус. Это ее автограф на карте пионерских дел.

*

А после слета — новые неотложные дела. Надо выполнять решения пионерского форума, свои личные планы. Ее ровесники из средней школы № 7 вот уже не первый год проводят операцию «Доброта». Они завязали тесную дружбу с детским домом, который находится в далекой Чувашии. Девочки вязали для друзей шапочки, шарфы, кофточки. Мальчики тоже сами готовили подарки. Ребята собрали также библиотечку. И теперь на чувашской земле есть у них названные братья и сестры. Леся хочет, чтобы и их школа включилась в эту операцию.

...Среди ночи Леся просыпается от сухого треска автоматной очереди и всматривается в темноту.

— Ты слышишь меня, товарищ? — Ей хочется поговорить с Григорием, столько рассказать, столько расспросить. Но мальчик молчит. Все он уже сказал. Сказал своей короткой, яркой жизнью...

С. ИВАНЮК

НАТЕЛА

Жарко греет южное солнце. Его горячие лучи купаются в воде и, золотистые, сверкающие, скользят по волнам. Голубое небо отражается в море, и оно кажется изумрудным. Море тихое-тихое, лишь чуть слышно плещутся волны. Но что это? В однообразный шорох волн вливается мелодия песни. Она несется с зеленого холма, оттуда, где красивыми рядами зеленеют пышные кусты. Их так много, что глазом не окинуть!

Над зелеными кустами, точно головки больших цветов, белеют соломенные шляпы с широкими, опущенными вниз полями. Это сборщицы чая обходят свои участки. У каждой на широком ремне подвешена корзина, куда сборщица бросает сорванные чайные листья. Мелькают пальцы над кустами, трудно уловить, как быстро срывают они листики и наполняют ими корзины.

Вот идет молодая женщина. Из-под полей шляпы видно смуглое красивое лицо. Это Мариам — лучшая сборщица чайного листа Кобулетского района Грузии. За ней по пятам ходит маленькая тоненькая девочка со светлыми вьющимися волосами.

— Ступай домой, Натела!¹ — сердится на дочку Мариам.

Но маленькой Нателе вовсе не хочется уходить домой. Она так любит это большое ласковое солнце, покрытые лесом горы, холмы, по которым, точно зеленые ступеньки широкой лестницы, поднимаются ровные ряды чайных кустов.

Нравится Нателе следить за проворными руками сборщиц зеленого листа, из которого потом на фабриках делают чай — ароматный, вкусный. Зачем же ее гонят? Ведь она уже знает, какие листочки нужно срывать, чтобы они шли первым сортом. Почему же ей не позволяют ходить в такой же белой с широкими полями шляпе, защищающей от горячих лучей солнца, и собирать чайные листья?

— Но ты еще маленькая, — говорят Нателе.

Ну какая же она маленькая, если так хорошо разбирается в чайных кустах!

— Подрастешь — будешь помощницей нам, — говорят дома, — а пока учись, учись хорошо!

Но разве Натела не знает, что надо хорошо учиться! Ведь она сама, когда ее принимали в пионеры, давала торжественное обещание быть во всем передовой. Натела никогда не забудет этот радостный для нее день, когда ей первый раз повязали на шею пионерский галстук и она стала пионеркой. Какой это был день! Сколько хорошего услышала Натела о своей семье! О своем отце Аслане Челебадзе, который вырастил для колхоза много сочных, ароматных апельсинов, лимонов

¹ В некоторых публикациях — Сурие. (Сост.).

и мандаринов — целые рощи! И мать Нателы, Мариам, дала Родине тонны чайного листа первого сорта.

— Ты должна быть достойной своих родителей, — сказала Нателе вожатая.

Но для этого нужно еще подрасти. Тогда Натела станет членом звена и получит участок на чайных плантациях. «А пока учись», — говорят Нателе. Но она же пионерка. А пионеры должны уметь преодолевать трудности. Натела будет и учиться на «отлично», и хорошо работать. Надо только очень захотеть, и тогда она всего добьется.

Пусть смеются над ней сборщицы, она все равно будет ходить по пятам за матерью и учиться, как нужно работать над чайным кустом, как растить его. И Натела после школы, положив учебники на полку, мчится на чайные плантации.

— Эй, Мариам, — весело кричат сборщицы чая, заведя издали мелькающую среди зелени алую косынку Нателы, — твоя помощница бежит!

На смуглом лице Мариам дрожит улыбка, но она делает серьезное лицо и говорит запыхавшейся от бега девочке:

— Иди, иди домой, Натела. Справлюсь как-нибудь без тебя. Ты лучше учи уроки.

Но разве Мариам не знает, что Натела всегда учит уроки, что она не только отличница, но и председатель пионерского отряда в школе, что ей ничто не может помешать помогать матери собирать чайный лист?

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать и... шестнадцать, — вздыхает Натела, — еще пять лет!

И снова над пышными кустами звенит песня. С песней лучше спорится работа, и корзины Мариам быстро наполняются душистыми листьями; и снова по пятам за ней ходит тоненькая девочка с вьющимися волосами...

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать и... шестнадцать, — считает со вздохом Натела. — Еще четыре года! Целых четыре года!

Но вот Мариам заболела. Ей так трудно стало ходить по рядам. Корзина давит плечи и мешает ей дышать. А пальцы Мариам, всегда такие быстрые, послушные, сейчас с трудом срывают нежные листочки. Мариам кажется, что пальцы прикасаются не к нежной зелени, а к раскаленному камню.

Одна за другой пересыпают собранный чай из своих корзин в корзину весовщика сборщицы чая, только Мариам отстает от них. Все меньше и меньше чайного листа собирает Мариам, та самая Мариам, которая была лучшей сборщицей.

Ночью Натела слышит, как тяжело дышит мать.

— Тебе нельзя работать, Мариам, — шепчет отец, — ты больна.

Мать плачет.

Натела Челебадзе

— Не плачь, Мариам,— шепчет отец,— ты скоро поправишься и снова будешь собирать чай.

— Сколько лет я была сборщицей чая, а сейчас...

Натела ворочается в постели. Не может заснуть. В открытом окне серебрится свет луны.

Девочка приподнимается, прислушивается. Родители крепко спят. Натела торопливо одевается, на цыпочках, затаив дыхание, выходит на балкон. А вот и корзинки, куда мать собирает чайные листья. Вот и ее мешочек. Натела, стараясь не шуметь, спускается с балкона. Во дворе светло, как днем! С неба на Нателу смотрит луна.

— Милая моя луна! — шепчет ласково девочка.— Какая ты хорошая, что так ярко светишь!

Нателе страшно ночью уходить из дома, но она знает, что все село спит. И никто, никто ей не помешает собирать чайный лист. До утра еще так далеко. Вот только луна светила бы подольше. Натела бежит по ухабистой дороге мимо небольших, молчаливых сейчас домиков, мимо невысоких заборов, через которые свешиваются ветви деревьев. А вот и дорога, ведущая к чайным плантациям. Натела заметила, что туда идти нужно двадцать минут. Но ведь это идти спокойным шагом. А Натела будет все время бежать. Ей дорога каждая минута!

И девочка бежит. Устанет, пройдет шагом, передохнет и снова бежит. Теперь уже легче бежать — дорога ровная, и под ногами не камни и песок, а мягкая шелковистая трава. Скорее, скорее, пока светит луна.

Вот оно, чайное поле, вот и участок Мариам. Ни у кого нет таких больших и пышных кустов. Ох, как устала Натела! Она садится на землю. Только немного передохнуть.

Нателе так хорошо видны зеленые листья. Хотя в пышных кустах среди зеленых, уже огрубевших листьев не так-то

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
ПЕРЕДОВИКАМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГРУЗИНСКОЙ ССР**

В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 25 МАЯ 1948 ГОДА ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ СОРТОВОГО ЗЕЛЕННОГО ЧАЙНОГО ЛИСТА И ЦИТРУСОВЫХ ПЛОДОВ, ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ КОЛХОЗАМИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВОК И КОНТРАКТАЦИИ ПО ВСЕМ ВИДАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, НАТУРОПЛАТЫ ЗА РАБОТУ МТС В 1948 ГОДУ ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ «СЕРП И МОЛОТ»:

ЧЕЛЕБАДЗЕ СУРИЕ АСЛАНОВНЕ — колхознице колхоза им. Кирова Кобулетского района, получившей урожай сортового зеленого чайного листа **8750 килограммов на площади 0,5 гектара.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *Н. Шверник*

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*
Москва, Кремль, 29 августа, 1949 г.

легко находить сейчас флешки — нежные молодые побеги, из которых получается самый лучший чай, но глаза у девочки зоркие, и Натела сразу отыскивает их. Сперва осторожно, несмело срывает листочки. Срывает сначала одной рукой. Тоненькие пальцы девочки работают все быстрее и быстрее, и вот уже пальцы обеих рук заработали. Одна корзина уже наполнена. Натела бережно ставит ее на землю. И снова ее тонкие пальцы срывают листочки. Натела все идет и идет, дальше и дальше, к новым кустам. Время бежит. Вот и вторая корзина, полная листьев, стоит на земле. Теперь сорванные листочки она кладет в мешочек, который подвешен к поясу.

Натела устала, но нельзя же терять времени, пока светит луна. Надо собрать столько, чтобы мать не отстала от других... Луна опускается все ниже и ниже. Скоро совсем зайдет. И сейчас уже почти темно. Все труднее и труднее девочке находить нежные листья. Пальцы немеют, стали какими-то неповоротливыми. Нет, больше нельзя собирать. Совсем-совсем темно. Луна зашла. Натела опускается на землю. Тело ломит. Ноют плечи. Во всем теле такая усталость... Глаза девочки слипаются... Она засыпает. Не видит, как начинается бледнеть небо, как узкая полоска над горами розовеет, ширится. Не чувствует Натела, как воздух свежее, а платье и волосы ее становятся влажными от утренней росы. Вокруг Нателы — собранный ею чайный лист в больших корзинах, мешочке и на распластанном между кустами фартуке. Натела не слышит восторженных голосов, которые раздаются над ней:

— Да это Натела!

— Как она сюда попала?

Ласковые руки касаются лица Нателы. Кто-то берет ее за плечи, приподнимает. Сквозь сон девочка слышит возгласы, веселый смех:

— Вот так Натела!

Натела с трудом приоткрывает глаза, видит корзины с листом, смеющиеся лица. Рядом стоит отец. Девочка сразу вспоминает все, что произошло. Сейчас отец рассердится на нее. Она хочет объяснить отцу все. Ведь она ничего плохого не сделала. Только хотела помочь матери! Но отец вовсе не сердится. Он ласково обнимает дочку и ведет к машине. Сажает в кабину рядом с Шалико, который возит собранный чайный лист.

Глаза Нателы слипаются. Она хочет побороть сон. Но грузовик так укачивает...

Натела просыпается от сильного толчка. Машина стоит у их дома. С трудом передвигая ноги, Натела плетется через двор и, едва добравшись до кровати, валится на постель и крепко засыпает.

*

В комнату робко заглянули первые лучи июньского солнца. Учеба закончилась, начались летние каникулы. Не нужно спешить теперь в школу. Золотистые лучи скользнули по столу, за которым обычно Натела учит уроки, по полке с аккуратно разложенными на ней книгами и залили ярким светом кровать девочки. Но постель уже застелена, и самой Нателы в комнате нет. В распахнутые окна видны чайные плантации.

Над зеленым морем чайных кустов, точно красные маки, алеют пионерские галстуки. Ребят много. Это пионерский отряд Нателы вышел на сбор чайного листа.

Натела озабоченно оглядывает отведенный ей участок площадью в триста квадратных метров. Она знает, что у школьников Бабокветской сельской школы нет опыта в сборе чайного листа. Но ребят это не смущает. Стараясь не отставать от Нателы, которая быстро переходит от одного куста к другому, ребята дружно работают обеими руками, выискивая среди огрубевших листьев нежные флешы.

Это были первые, еще несмелые шаги юных сборщиков чайного листа. А через год Натела стояла в кабинете председателя Квирикевского колхоза имени Кирова и просила выделить ей участок на чайной плантации уже в полгектара.

— Справишься?

— Да.

— Сколько же ты думаешь собрать?

— Шесть тысяч килограммов.

— Шесть тысяч?!

— Да. И только первого сорта. Беру обязательство.

Натела получила участок. Нелегко ей. Много забот появилось у маленькой сборщицы. Ей нужно окончить школу на «отлично» и выполнить обязательства, взятые ею перед колхо-

зом. Она знает, что мало научиться собирать лист. Кусты требуют хорошего ухода. Натела встает рано. Раньше всех в доме. Никого еще нет в поле, а небольшая фигурка девочки уже маячит на плантации. Работы много. Нужно тщательно очистить землю от сорной травы. А сколько раз ей приходилось перекапывать землю, мотыжить вокруг кустов, удобрять почву, аккуратно подрезать кусты! Это не так просто. Срезать нужно только поврежденные, сухие ветки, иначе можно погубить куст.

Хорошо работать в летние каникулы. И день долгий, и времени много свободного. А вот когда начинается учебный год, тут уж девочке приходится выкраивать время, работать только после школы. И все же с каждым днем чайные кусты на участке Нателы становятся все шире, пышнее. Вскоре на кустах появляются новые нежные флешы, их намного больше, чем на кустах других сборщиц чая.

Неутомимо работают ловкие пальцы. Не смущает Нателу и плохая погода.

— Разве можно терять время? — говорит, улыбаясь, Натела. — Нужно собрать как можно больше чайного листа первого сорта.

И вот наконец наступает день, когда подводятся итоги соревнования. Юная Натела Челебадзе перевыполнила взятые обязательства. Вместо шести тысяч она дала шесть тысяч семьсот пятьдесят килограммов чайного листа первого сорта.

И пионерке Нателе Челебадзе в 1949 году присваивают звание Героя Социалистического Труда!

*

Участок Нателы рядом с участком матери. С песней лучше спорится работа.

О Нателе пишут в газетах. Нателу принимают в комсомол.

...Прошли годы, Натела поступила в сельскохозяйственный институт, окончила его, вновь вернулась в родной колхоз, где начала свою работу еще пионеркой.

А. АГЛАДЗЕ

СВЕТ В ГОРАХ

Далеко в горах затерялось маленькое село Калины. Много их было в старом Закарпатье, заброшенных, темных уголков, где нужда не давала людям дышать, не давала жить. Теперь сюда медленно, но неуклонно входила новая жизнь. То тут, то там вырастали добротные, прочные здания, по утрам грохот тракторов, шум машин будил село.

Детям, как и взрослым, тоже захотелось строить, создавать. Но как правильно направить детскую энергию, как помочь детворе превратить в реальность свои порывы, как ввести школьников в русло новой жизни? Об этом и думал коллектив местной школы.

Обычная сельская школа. Все будто идет как следует: проходят уроки, работают кружки, проводятся сборы дружины, отрядов. Но ведь это еще не все! Ведь школа должна давать детям общие знания, готовить своих воспитанников к практической жизни, будить творческую мысль, инициативу. Надо было найти им какое-то настоящее дело. Скоро дети сами натолкнули воспитателей на прекрасную мысль.

Началось это так. Закончился пионерский сбор на тему: «Стройки твоей страны». Но мальчики и девочки из шестого класса все еще продолжали разговор.

— Вот если бы построить такой пароход, чтобы и в воздухе летал, и по земле ходил, и по воде плавал,— задумчиво протянул Ваня Дёлог.

— Что еще выдумал! — насмешливо бросил Коля Сидей. — Да ты соображаешь, сколько частей надо для парохода, и еще каких! А кто тебе их сделает? Разве что дяденька сварганит в колхозной кузнице.

— Ну, может, не пароход, так что-нибудь поменьше,— не сдавался Ваня.

— Что-нибудь, что-нибудь... А что же это такое твое «что-нибудь»?

— Но ведь в других школах строят машины разные, радио-приемники собирают,— перешел на более осуществимые предметы мечтатель Ваня.

— Так это в городах, понимаешь? Там тебе в мастерских оборудование разное. Надо что-то сделать — пожалуйста, иди на завод. Шефы помогут, и материал дадут, и к станку пустят. А у нас, в Калинах, что?

— А у нас мы построим гидроэлектростанцию,— внезапно сказал Вася Золотник.

— И правда,— чуть не подскочил Ваня. — Это же чудесно!

— Дело интересное,— согласилась с ребятами пионервожатая Анна Юрьевна Куцин.

Так у шестиклассников появилась тайна. Они часто собирались вместе, о чем-то шептались, спорили. Но разве скроешь ото всех такое большое дело? Вскоре в школе уже только и разговоров было, что о строительстве ГЭС.

Многое нужно было для осуществления этой смелой мечты. Помогли комсомольцы московского завода «Динамо», которым пионеры послали письмо. В этом письме они делились своими планами и мечтами, спрашивали совета.

Новые друзья прислали движок, электрооборудование. И в каждом письме посылали советы, инструкции...

На берег горной речки вышли строители — почти вся школа. Пришли с лопатами, кирками и взялись за работу. Еще только первые камни заложили в плотину, а детская мечта забежала далеко вперед.

— Назовем ГЭС «Пионерской», электрифицируем школу, клуб, сделаем проводку и домой...

— Что это вы там копаетесь? — исподлобья посматривал на детей Юрий Васильевич Надеда. — Может, подкапываетесь под колхозную морковь?

Дедушка Юра — немаловажная фигура в селе, всякому делу советчик и любых неполадок самый суровый критик. Ему надо было дать подробный отчет.

— Здесь будет гидроэлектростанция «Пионерская», — наперебой объясняли дети.

— Что выдумали, озорники, — ворчал старик. — Какие инженеры нашлись! Лучше бы над книжками сидели, чтобы меньше двоек хватать!

Не один дедушка Юра сомневался в затеянном пионерами деле. Даже на колхозном собрании директору школы тактично намекали, что, дескать, ГЭС школьники все равно не построят. Пустое дело.

Но строительство продолжалось. Каждый день после уроков строительные бригады приступали к работе. Словно бы и небольшая речка была, но хлопот принесла немало. Сколько камня перенесли пионеры, чтобы соорудить плотину, сколько мозолей осталось на детских руках!

Костяк строителей состоял из шестиклассников — инициаторов всего дела. Коля Сидей, Ваня Дёлог, Василий Золотник, Дмитрий Полак, Николай Куцин были повсюду первыми. А среди девочек заправилами были две Аннушки — Попадинец и Дёлог. Наравне с мальчиками они брались за самую трудную работу. Малыши тоже со всей серьезностью относились к строительству. И даже тогда, когда для них не находилось дела, неизменно присутствовали на стройплощадке, готовые выполнить любое поручение.

Вечерами, когда на небе загорались яркие звезды, пустел берег речки, стихали звонкие голоса. Но учителя долго еще обсуждали неотложные дела строительства. Ведь оно было и для них серьезным испытанием. Теперь важно было поддержать веру детей в свои силы, не дать погаснуть огоньку. Да и о практической стороне дела надо было основательно подумать. Никто же из них не был специалистом-строителем... Позднее, когда авторитет строительства возрос, на помощь школе пришли родители.

А когда работа уже подходила к концу, неожиданно случилась беда. Целый день шел ливень. Мутные потоки стекали в речку, вода редела, волны лизали плотину, грозя все разнести. Пионеры волновались, то и дело наведывались на стройку.

Вода прибывала. Как избежать катастрофы? Выдвигали всяческие проекты, высказывали предложения... Но на этот раз победила стихия. Плотина не выдержала. Пропал труд многих дней. И как ни горько было, никто даже и не подумал о том, чтобы бросить строительство. Неожиданность, которую им преподнесла эта, казалось бы, спокойная речка, заставила подумать о том, как надежнее укрепить сооружение.

На плотине появились новые строительные материалы — лоза, бетон. Из лозы сплели специальные щиты, между ними засыпали камень, залили бетоном. Теперь плотине не страшна была никакая вода. А вскоре на берегу вырос и домик, где установили аппаратуру.

Наконец наступил долгожданный день — ребята праздновали свою победу. Пионерская бригада монтеров протянула первую электрическую линию — в школу. Сегодня — пуск электростанции. Собрались строители, колхозники. И, конечно, пришел дедушка Юра. Он все еще недоверчиво поглядывал на мальчиков и девочек в пионерских галстуках.

Испытание началось. Дело, понятно, было не из легких. Все рассчитали, все проверили, а ребята не переставали волноваться.

— Хочу видеть, как оно загорится, — подтрунивал над мастерами дедушка Юра.

— Включаю, — сообщил Ваня Дёлог.

Ему, одному из самых активных строителей, сегодня было доверено почетное задание. Лампочки вспыхнули ярким светом... Все, кроме одной...

— А почему же вон та не горит? — не сдавался старик.

— Может быть, обрыв провода, а может быть, лампочка перегорела, — слышались со всех сторон догадки.

— Вы же ученые, почините.

Быстро проверили проводку, лампочку. Оказалось — пуста: просто лампочка была плохо вкручена.

Тут уже и дед сдался.

— Какие теперь дети пошли, — удивлялся старик. — Все, ну, прямо-таки все знают, все умеют.

— Мы же пионеры, дедушка, — засмеялся Ваня.

Каждый день приносил что-то новое, интересное. Сколько планов, реальных и не слишком реальных, роилось в головах у детей, сколько фантазий они хотели осуществить!

Но были и вполне жизненные, неотложные задачи. Надо было хорошо изучить электрические приборы, научиться работать на пионерской гидроэлектростанции. Вскоре члены электротехнического кружка взялись за сборку телефона. На столе появился электроконструктор, схемы.

— Ой, сколько здесь линий! — испуганно сказал Коля Сидей, заглянув в схему.

— Ничего, разберемся, — улыбнулся директор.

И разобрались. Три дня сидели, работали на совесть. Не раз приходилось все начинать с самого начала, но никто не роптал, никто не жаловался...

И вот все готово. Из учительской в пионерскую комнату протянули провод. Дмитрий Полак, волнуясь, берет телефонную трубку.

— Алло, говорит станция номер один,— звенит мальчишеский голос.

— Я слышу тебя, Митя, слышу! — отвечает станция номер два.

Вкопаны электрические столбы, протянуты провода. И вот уже целая улица сияет электрическими огнями. Вспыхивают они и в сельском клубе. Поет, брызжет душистой стружкой дилорама. Ток ей также дает ГЭС «Пионерская».

— Большое дело сделали для нас пионеры,— любит говорить председатель колхоза.

Когда колхозники увидели, какие возможности для села открывает ГЭС, они решили на собрании купить новый, более мощный двигатель.

Свет пришел в горы. Он ярко осветил новую жизнь села. И гордо красуется на здании табличка:

ГЭС
«ПИОНЕРСКАЯ»

Это — свидетельство трудового подвига обычных сельских мальчиков и девочек, с беспокойными сердцами, пытливым мышлением, смелых, трудолюбивых.

Е. КУКОВА

ПОЛЕ ЕГО ДЕТСТВА

В 1948 году в числе других передовиков сельского хозяйства Таджикской Советской Социалистической Республики шестикласснику Турсунали¹ Матказимову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Ему было двенадцать лет, когда кончилась война. Людей не хватало, и в страдную осеннюю пору ребята всем классом шли на хлопковое поле. Каждому выдавали по фартуку с внушительным карманом — туда складывают белые комочки хлопка. В фартуках с этими карманами мальчишки и девчонки были похожи на кенгурят.

Ребятам сказали: кто соберет шестнадцать килограммов хлопка, получит пять тетрадей. Что поделаешь, тетрадей не хватало, каждая из них была на учете. К концу сезона на столе Турсунали выросла целая горка тетрадей.

¹ В некоторых публикациях — Турсун. (Сост.).

Турсунали Матказимов

Турсунали выбрали вожатым звена, состоявшего из одних девочек: Мукарам Юлдашевой, Рано Тургунбаевой и, конечно, верного друга Михриниссо Умирзаковой. Отряд в классе маленький — пятнадцать человек, и звено маленькое — четыре пары рук. На сборе звена Турсунали сказал:

— Я думаю, мы сможем помочь колхозу. Надо взять три гектара земли и самим вырастить хлопок.

— А сумеем? — спросила тихая и скромная Рано, самая маленькая девочка в классе. Но Турсунали знает: на нее можно положиться.

— Сумеем, — сказала Михриниссо. — Три гектара — разве это так много?

Турсунали сказал:

— Это много, Михриниссо. Но брать меньше — какая это помощь? Скажут: маленькое звено взяло маленький участок.

— Верно, — сказала Рано.

Они проводили свой первый сбор на берегу арыка. Светило солнце, журчала вода.

Председателю колхоза Атутайче не жалко трех гектаров. Мало трех — берите десять гектаров. Руки, руки нужны колхозу. Хлопок нужен стране. Он, Атутайча, уважает ребят. Они знают с детства, что такое труд. Знают хлопок. Не белоручками выросли. Но все-таки это пионерское звено, а не колхозное. Атутайча не хочет сказать — поймите его правильно, — что это забава. А если у ребят ничего не получится, с кого будут спрашивать за землю? С него, с председателя колхоза.

Поэтому Атутайча мудро решил: он выделит участок детям, но только не на поливной плантации, а там, где заросли туювника. Там земля выбита ишаками. Ну и что? Вот и приведите землю в порядок, докажите свое упорство. А на полив-

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕРЕДОВИКАМ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТАДЖИКСКОЙ ССР**

В СООТВЕТСТВИИ С УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 29 МАРТА 1947 ГОДА ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСОКОГО УРОЖАЯ ХЛОПКА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ КОЛХОЗОМ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВОК И НАТУРОПЛАТЫ ЗА РАБОТУ МТС В 1947 ГОДУ И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СЕМЕНАМИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР ДЛЯ ВЕСЕННЕГО СЕВА 1948 ГОДА ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА С ВРУЧЕНИЕМ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ «СЕРП И МОЛОТ»:

МАТКАЗИМОВУ ТУРСУНУ — звеньевому колхоза им. Фрунзе Регарского района, получившему урожай хлопка 89,2 центнера с гектара на площади 3 гектара

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *Н. Шверник*
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 1 марта 1948 г.

ной плантации пусть взрослые колхозники потрудятся, вернее будет.

— Согласно? — спросил Атутайча у звена.

— Согласно, — сказала звено. — Берем участок возле за-рослей тутовника.

— Будем поливать и удобрять, азота дадут, сколько надо, — сказал своему звену Матказимов.

В ту послевоенную пору на весь колхоз приходился один-единственный трактор с керосиновым двигателем. Трактор-чихалка. Его, наверное, уже сто раз чинили, он пыхтел, как самовар, коптил, как керосинка.

Но и на этот трактор ребята не могли рассчитывать.

— Никак не могу, — говорил Атутайча. — Если бы этот единственный трактор можно было разделить на две половинки, одну бы из них дал вам. Но трактор, к сожалению, нельзя.

Что скажешь в ответ? Прав Атутайча. Он не хитрил.

Зато им выделили для пахоты двух здоровенных быков. Это были старые, ленивые, умудренные жизнью быки, которые знали одно: чем больше лежишь на боку, тем приятнее. Сдвинуть такого быка с места трудно, как гору. Каждый шаг быки делали, как одолжение. Но Турсунали с быками умел обращаться. Он знал их повадки.

Михриниссо просто любовалась мальчиком. Настоящий мужчина! Все умеет, все знает. Знает, как правильно, без ошибок, написать трудное русское слово «хлоп-ко-вод-ство». Знает, как запрячь быка в омач. Вот какой у них звеньевой! В других кишлаках разве есть такие звеньевые? Она гордится им.

Турсунали берет в руки поводья, девочки семят впереди быков с охапками рисовой соломы. Быки идут за соломой.

Трудные наступили дни. От уроков их никто не освобождал. А надо было разбрасывать из ведер удобрения, пробивать кетменем бороздки, ведущие от арыков, потому что без воды никакой хлопок не вырастет. Одноклассники помогали звену, но больше всех доставалось Турсунали. Мама волновалась, мама шумела, мама просто из себя выходила. Но что она могла сделать, раз ей достался такой сын — кайсар упорный.

Летом и осенью члены звена прочесали свою плантацию на пять. Самые крохотные белые комочки выбирали из коробочек, белой паутинки не оставили. Хлопкоуборочных машин тогда и в помине не было, но каждый умел выбрать коробочку за секунду.

Они собрали по 89,2 центнера с гектара — в два раза больше, чем другие. Это был рекордный для колхоза результат.

— Послушай, Турсунали,— сказал в ту осень мальчику Атутайча,— ты настоящий уста.

Уста — это мастер. И это высокая похвала. Лучшие уста становятся героями.

*

Больше тридцати лет прошло с той поры. Турсунали стал главным агрономом колхоза. Его поле теперь в тысячи раз больше, чем то, первое поле его детства. И забот у него намного больше. Никуда не денешься: ты главный.

Много лет назад Турсунали вырастил свой первый хлопок на детском поле. Но он не догадывался, что это поле вырастило его самого. Оно дало ему силу, подарило уважение людей.

Это самый богатый урожай, который может принести поле нашего детства...

Ю. КРУТОГОРОВ

ПОДВИГ ОЛЕСЯ ИВАНЮКА

В комнату, где проходило заседание бюро райкома комсомола, вошел небольшого роста смуглый паренек. Он был одет в темно-синий новый костюм. На груди алел пионерский галстук. Большие карие глаза глядели весело и пылливо.

— Вот это и есть Олесь Иванюк,— сказал кто-то из присутствующих.

— А на вид совсем маленький! — улыбнулся секретарь райкома и обратился к мальчику: — Значит, ты, Олесь, хочешь стать комсомольцем? Это очень хорошо. Расскажи нам о себе.

У Олесь Иванюка короткая биография. Родился он в буковинском селе Берегомет, где живет и сейчас. Отец погиб на

фронте. Мать и сестры работают в колхозе. Братья — Василий и Петр — в Советской Армии, оба комсомольцы. Олесь учится в седьмом классе на пятерки и четверки.

— Кем бы ты хотел стать, когда вырастешь? — спросила светловолосая девушка, которая сидела рядом с секретарем райкома и очень напоминала Олесью молодую учительницу из его школы.

— Я хотел бы стать... героем! — выпалил Олесь и немного путано начал объяснять: — Героем труда, отважным летчиком или смелым путешественником...

Он прочитал о летчиках и путешественниках много книг и посещает школьный кружок юных географов... И еще знает массу песен... Он очень любит «Песню про Щорса»...

Заметив, что он слишком уж разговорился, Олесь покраснел и замолк. Но секретарь райкома обратился к нему снова:

— Расскажи, за что правление колхоза «Большевик» вынесло тебе благодарность и костюм подарило.

— Вот этот? За ягнят...

Олесь внезапно утратил все свое красноречие, и это заметила пионервожатая Берегометской школы Галина Воробьева.

— Позвольте, я расскажу.

Это случилось осенью. Олесь погнал ягнят пастись на урочище Сухой Поток. День был холодный. Тучи покрыли небо и окутали седыми клочьями вершины гор. Олесь насобирал хвороста, зажег его и присел погреться у огня. Потом начал искать место, где еще не истоптана трава и цветет душистый лиловый чабрец.

Старые овцы умеют сами находить лучшее пастбище, а ягнята ужасно глупые и пугливые. За ними, как за малыми детьми, надо присматривать. У Олесья было с ними столько хлопот, что он и внимания не обратил на грозно зашумевшие ели. Потом дождь погасил костер, и в долине стемнело, словно приближался вечер...

Внезапно Олесь услышал, как высоко в горах что-то загрохотало, и понял: где-то там, над горными долинами, прошел ливень, и теперь сокрушительные потоки несутся вниз, швыряя в пропасть деревья и каменные глыбы...

Надо скорей убежать! Он погнал отару на луг и... замер от неожиданности: знакомая с детства зеленая равнина, усеянная желтыми цветами, превратилась в мутное озеро. Бурные волны торопливо бежали ему навстречу.

Маленькая горная речка, петлявшая посреди луга, вышла из берегов, встретилась с ручьем Солонец и заливала всю окрестность. Теперь, чтобы выйти на дорогу, ведущую к селу, надо было бежать к мостику.

Напуганные проливным дождем и ревом воды, ягнята сбились в кучу на пригорке и не хотели трогаться с места.

— Куш, куш! — кричал Олесь, подгоняя их хворостиной.

Он долго блуждал и не мог найти мостика, пока, наконец, не понял, что тот снесен водой. Теперь оставалось одно: переплыть неглубокую, но разбушевавшуюся речку...

Может быть, побежать в село и позвать кого-нибудь на помощь? Нет, он не успеет: вода так быстро поднимается. Она потопит бедных ягнят! Олесь пересчитал их — двадцать восемь белых, двадцать четыре черных.

Он решительно сбросил сапоги и верхнюю одежду, схватил белую ярочку и кинулся с ней в воду. Вода была такой студеной, что мальчику показалось, будто тысячи острых иголок впились в его тело... Он быстро плыл, поддерживая одной рукой испуганного ягненка.

Переправив его на другой берег, он снова вернулся к отаре и толкнул в воду уже двоих ягнят. Вода сносила их в сторону, но, чувствуя властную волю человека, они подчинялись ей и сами старались плыть рядом с мальчиком.

Еще и еще возвращался Олесь, пока не переправил восемнадцать ягнят. Тогда остальные сами бросились в воду, торопясь вслед за отарой. Олесь переправил свою одежду, опять пересчитал ягнят. Двадцать восемь белых и двадцать три черных. А где же еще один?

Мальчик вернулся на луг. Он брел по воде, уже доходившей ему до колен, щелкал зубами от холода. А слезы отчаяния катились по щекам. Он будет искать ягненка, пока не найдет! Не мог же тот утонуть...

Уже приблизившись к лесу, Олесь услышал жалобное бление. Черный ягненок запутался в кустах шиповника и не мог сам оттуда выбраться. Он бы погиб, если бы остался здесь. Мальчик освободил ягненка из цепких объятий колючих веток, взял его на руки, прижал к себе дрожащее тельце и поспешил к отаре.

Он пригнал всех ягнят в овчарню, сдал их бригадире и только тогда что было духу побежал домой, держа в руках мокрые сапоги.

Мать жестким полотенцем растерла посиневшие от холода ноги Олесь, уложила его на печь, тепло укрыла, напоила горячим чаем из дикой малины и липового цвета.

Через несколько дней в районной газете появилась заметка о том, что пионер Олесь Иванюк спас от гибели отару ягнят. Председатель колхоза, вручая премию, пожал мальчику руку, как взрослому...

— Молодец, Олесь! — сказал секретарь райкома комсомола. — Пионерская дружина не даром дала тебе рекомендацию в комсомол. Ты поступил смело, как и положено комсомольцу!.. Вот какая у нас молодежь растет под зарей Октября! — закончил он, обводя глазами всех присутствующих.

— Я уверена, что когда ты вырастешь, — обратилась к

Олесю светловолосая девушка, — из тебя выйдет настоящий герой, кем бы ты ни стал: летчиком, путешественником или колхозником...

После заседания бюро райкома ученик седьмого класса Берегометской средней школы Вижницкого района Черно-вицкой области Олесь Иванюк получил комсомольский билет.

М. САМСОНОВА

ПИОНЕРСКИЕ «СПУТНИКИ» И ИХ ДЕЛА

В последние годы почти во всех сельских школах Советской Украины созданы ученические сельскохозяйственные производственные бригады. А при многих из них — самостоятельные звенья, получившие названия пионерских «спутников». Чаще всего колхоз или совхоз закрепляет за школьниками определенные участки земли. И они полностью, от начала и до конца, выращивают на этих участках урожай. Сеют, обрабатывают, пропалывают, собирают. Еще и взрослых на соревнование вызывают. И часто школьники побеждают в этом соревновании.

Что может сделать человек в 12—14 лет, чтобы помочь родному колхозу? Много. И на поле не отстать от взрослых, и норму выполнить (и перевыполнить), и на ферме присмотреть за кроликами, за телятами, и корову подоить.

Вот о таких ребятах наш рассказ.

При въезде в село Новая Прага, что в Кировоградской области, — мемориальная доска. Большими буквами на ней написано:

В НАШЕМ СЕЛЕ БЫЛИ
ПУШКИН, ГОРЬКИЙ, БУДЕННЫЙ, ВОРОШИЛОВ, КОНЕВ.

Не правда ли, удивительное созвездие замечательных людей? Каждого из них судьба привела когда-то в это цветущее, прелестное село. Александр Сергеевич Пушкин по дороге в южную ссылку проезжал через Петриковку (старое название села). Алексей Максимович Горький побывал здесь во время своих странствий по Руси.

В годы гражданской войны в поселке стоял чехословацкий корпус. Солдаты, тоскуя по родине, переименовали Петриковку в Новую Прагу. С частями Красной Армии были в селе Семен Михайлович Буденный и Климент Ефремович Ворошилов.

В Великую Отечественную войну в нескольких километрах отсюда, на станции Лозоватка, находился штаб Второго Украинского фронта. В Новую Прагу приезжал командующий фронтом маршал Иван Степанович Конев.

Помнят старожилы жесткие бои за освобождение Новой Праги от фашистов. Здесь совершил подвиг Цезарь Расковинский, уничтоживший в одном бою около 50 врагов. За проявленное мужество и героизм он был удостоен звания Героя Советского Союза. При отступлении враг почти полностью разрушил село. Развалины и пепелища оставили после себя фашисты.

Прошли годы. Отстроилась, помолодела Новая Прага. Утопают в зелени садов добротные новые дома. В поселке три школы — средняя, восьмилетняя и музыкальная. Родители учеников трудятся в местных колхозах — имени Ленина и «Красное знамя». Готовят себя к труду на колхозных полях, фермах, в тракторных мастерских и сегодняшние школьники. На самом видном месте в пионерской комнате Новопражской средней школы висит вымпел ЦК ВЛКСМ «Лучшей ученической бригаде».

— Мы уже два года держим первое место в области, — с гордостью говорит Оля Сидоренко, бригадир, делегат XIX съезда ВЛКСМ. — И пионерский «Спутник» у нас лучший.

В «Спутнике» — ученики пятых — седьмых классов. Это — резерв школьной производственной бригады. Несколько лет старшеклассники поручали пионерам не очень сложную работу — на школьной кролеферме. И то сомневались: справятся ли? И, как выяснилось, сомневались не зря.

Кроликов на ферме было не так и много. Но все же ухаживать за ними довольно хлопотно. Капризные это животные. Пушистые, симпатичные комочки ужасно прожорливы. Сколько ни дай — все съедят. А ребята рады стараться. Каждый норовит бросить в клетку лакомый кусочек. Вот и случилось, что кролики переедали и даже погибали.

Вскоре пятиклассники (а именно им поручена была кролеферма) поняли, что кормить животных нужно строго по рациону, ни грамма лишнего. На ферме установили дежурство. До уроков — два человека и после уроков — два. Никого постороннего не пускали. Порядок навели, но когда пришло время сдавать кроликов государству, оказалось, что их немного — 60.

Расстроились юные кролиководы. Так старались. А вот, поди ж ты, мало как. Правда, другие школы в районе и того меньше сдавали. Но так хотелось членам звена сдать кроликов побольше. Что делать? Ферма небольшая, содержать животных больше невозможно. Для этого нужно перестроить помещение, сделать новые клетки.

Вот тогда и решили выращивать кроликов дома. Если каждый вырастит хотя бы по трое-четверо животных, — насколько больше можно будет сдать государству! Так решили пятиклассники и подключили к этому важному делу пионеров из других классов. И уже на следующий год члены пионерского «Спутника» сдали государству более двух тысяч кроликов. А еще через год — три тысячи.

Есть еще одно звено у новопражских школьников — животноводческое. Колхоз имени Ленина закрепил за звеном 210 коров и 160 телят. В течение учебного года школьники помогают дояркам ухаживать за животными, а летом полностью заменяют колхозниц на фермах. Кстати, это тоже инициатива

самих ребят. Никто их не заставлял, никто им этого не предлагал. Они сами.

Интересно, что на ферму пришли не только девочки, но и мальчики. Одним из лучших дояров был признан семиклассник Коля, который самостоятельно обслуживал группу из 17 коров. Коля даже вызвал на соревнование двух девочек — восьмиклассницу Таню и пятиклассницу Аллу. Мы сказали: «даже», потому что эти девочки — лучшие в школьном звене животноводов. Они уже не первый год помогают своим мамам на ферме. А летом берут на ферме группы коров и на протяжении двух месяцев самостоятельно обслуживают их. У Тани — 30 коров, у Аллы — 20.

Так вот, Коля вызвал их на соревнование. Каждый раз Таня и Алла проверяли надои в своих группах. Сравнивали с Колиными результатами. И радовались — у них были выше. Лишь один раз мальчику удалось-таки обогнать Аллу. Таню — нет.

«Ну, что ж, — решил Коля, — сейчас не получилось. Но со временем, надеюсь, и Таню обгоню».

А времени у Коли еще достаточно. Несколько лет в школе. А там, кто знает... Возможно, станет в будущем Коля передовым дояром. Работа на ферме ему нравится. А что говорят, мол, не мужская это профессия, так с тех пор, как пришла на фермы техника, и название профессии изменилось. Все чаще называют доярок мастерами машинного доения. А как известно, технике мужской глаз нужен. Да и руки тоже. И подремонтировать что-то, и приспособление какое-то придумать. Так что фермам будущего без мужчин не обойтись.

Новопражские школьники оказывают большую помощь колхозникам во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Например, во время жатвы они помогли перевезти более семи тонн зерна, собрали десятки тонн яблок, помидоров, огурцов, картофеля, свеклы, кукурузы.

Сегодня уже трудно себе представить сельскохозяйственное производство без участия в нем школьников. Конечно, взрослые понимают, что их добровольные помощники — всего лишь дети. И что им нужно создать соответствующие условия для работы, позаботиться об их отдыхе.

Правление колхоза имени Ленина много внимания уделяет школе. Ребятам обеспечено бесплатное питание. За хорошую работу многие школьники награждены грамотами, ценными подарками, денежными премиями, путевками в пионерские лагеря. Часто колхоз выделяет автобусы, и ребята ездят на экскурсии. Побывали в Киеве, Полтаве, Светловодске, Александрии и других городах.

Часто посещают новопражские школьники и своих друзей по соревнованию — пионеров Комышеватской средней школы Кировоградской области. В пионерском «Спутнике» этой школы

шесть звеньев. Каждое звено имеет свой участок. Семиклассники выращивают некоторые сорта пшеницы, шестиклассники — кукурузу.

В Комышеватской школе родился интересный почин, который подхватили во многих районах области: «Животноводческим фермам — заботу комсомольцев и пионеров». Школа заключила с колхозом имени Ленина договор на соревнование: «Класс без двоек — ферма высококачественной продукции».

Все мальчики и девочки стараются хорошо учиться, потому что в конце каждой четверти на общем собрании класса и работников фермы им приходится отчитываться перед шефами. И неудобно ребятам, если в таблице плохие оценки. В свою очередь, шефы рассказывают пионерам о том, какие берут обязательства, как их выполняют.

Много интересных традиций в Комышеватской школе. Вот, например, одна из них — работа в школьном Музее трудовой славы. Необычен этот музей. Дорог он каждому школьнику, потому что они сами его создали.

Гордятся школьники своими земляками — передовыми комбайнерами, доярками, кукурузоводами... На видном месте в музее — портрет прославленного механизатора, дважды Героя Социалистического Труда Александра Васильевича Гиталова. В Комышеватской школе есть большой отряд юных гиталовцев, мечтающих о профессии механизатора. Александр Васильевич часто выступает в школе, рассказывает о своей нелегкой, но интересной работе. Ребята часто бывают на тракторном стане. Летом при лагере труда и отдыха Комышеватской школы работает целая бригада юных гиталовцев, помогающих колхозу убрать урожай.

*

Действует лагерь труда и отдыха и в совхозе «Великодымерский» Киевской области. Сотни ребят местной школы проходят здесь трудовую практику.

Каждое утро, солнце только поднимется над землей, а поле уже пестрит разноцветными косынками, звенит песнями, смехом. Это девочки начинают работу на овощной плантации. Мальчики сбивают ящики, а потом, наполненные овощами, грузят их на машины.

Работают школьники споро, весело, с песнями, шутками. А закончат работу — пообедают — и айда в лес, на речку, кто куда. Места у них на Киевщине прекрасные, леса богатые, речки полноводные. Из лесу девочки возвращаются с корзинами грибов, земляники, ежевики.

А мальчики замирают на берегу речки в ожидании клева. Сидят с удочками, сосредоточенные, серьезные. К вечеру — счастливые, довольные — возвращаются в лагерь с уловом.

Кипит на костре уха, разносится по всему лагерю ароматный запах приправ. И не смолкают смех и песни. А утром — снова на работу.

За отличную работу совхоз наградил тридцать школьников туристическими путевками на Кавказ.

Получить путевку стремится каждый школьник. На овощных плантациях, в саду, на фермах разгорается настоящее соревнование за право поехать в увлекательное путешествие. Путевки получают самые трудолюбивые и добросовестные ребята. За несколько последних лет большинство школьников, помогавших на летних каникулах родному совхозу, были награждены путевками — в Одессу, Севастополь, Москву, Ленинград, на Кавказ.

Новые сложные задачи стоят перед нашим сельским хозяйством по выполнению Продовольственной программы. И школьники оказывают значительную помощь в решении этих задач.

Вот, например, колхозу «Радянська Україна» на Волини для выполнения своих планов по Продовольственной программе нужно повысить урожайность картофеля. Правление колхоза решило обратиться за помощью к пионерам и комсомольцам Тростянецкой средней школы.

— Мы получили семена новых сортов из Белоруссии, — сказали школьникам. — К вам просьба: определить урожайность этих сортов картофеля и установить наиболее пригодные для нашей земли.

Как видите, задание интересное и ответственное. Но, честно говоря, заволновались ребята — справятся ли? Не погибли бы семена, их ведь так немного. К тому же участок, закрепленный за ребятами, и без того большой — 100 гектаров. На нем ученики выращивают зерновые на семена, сахарную свеклу, лен, овощи.

И в то же время могли ли отказаться они от такого почетного задания? Ведь им доверие колхоз оказывал, надеялся на них. Итак, задание нужно было выполнять.

Поручили это дело двум лучшим звеньям школы. Весной на своем участке юннаты посадили десять сортов картофеля. Летом ухаживали за растениями. Рыхлили землю, окучивали всходы, дважды вносили в землю сложные удобрения. Тянулись к солнцу побеги, наливались силой, разрастались в пышные кустики. Не все, однако, было гладко, пришлось немного и поволноваться.

Как-то увидели ребята — на участке полно колорадских жуков. Они обратились за помощью к колхозным агрономам. Выдали им ручной опрыскиватель, и с его помощью удалось справиться с вредителями.

Но вот наступила осень — время уборки урожая. Когда подсчитали, оказалось, что самый большой урожай дал сорт

«радуга» — 543 центнера с гектара. Ребята тщательно собрали весь картофель этого сорта, и он стал основой семенного фонда колхоза. Вот так успешно выполнили задание старших члены пионерского «Спутника» и ученической производственной бригады.

*

Мы познакомили вас с ребятами, которые вместе со своими родителями выращивают хлеб и овощи, ухаживают за животными. С теми, кто влюблен в родное село и кто находит настоящую, высокую романтику в нелегкой, но благородной профессии сельского труженика.

Эти ребята понимают важность всех преобразований, происходящих сейчас в сельскохозяйственном производстве. И уже со школьной скамьи они находят возможность принимать активное участие в решении Продовольственной программы.

Благородны их порывы. Прекрасны их мечты. Они помогают Родине.

Г. СТОЯНОВА

ЧЕЛОВЕК НЕ СДАЕТСЯ

У старого доктора в руках альбом. В альбоме — рисунки. Каждый рисунок — страничка жизни. Как по книжке читает доктор историю жизни маленького мальчика, который лежит сейчас рядом в палате.

...Замерзшее окно. Стол. Лавка. На столе — самовар и чайник с цветочками. На лавке — мальчишка. Босые ноги не достают до пола, волосы спутаны, глаза смотрят серьезно, а рожица проказливая. Это сам автор рисунков — Ленька, по прозвищу Мазила.

Из-за рисования у Ленки очень много разных неприятностей. Ушла как-то мать на работу, а сестренка к подружке убежала. Ленька рад: вытащил из Анюткиной сумки тетрадку, карандаши в коробочке и забрался на сеновал. В тетрадке у сестренки — закорючки да палочки. Ленька из них забор сделал. За забором — дом с трубой. Из трубы дым валит, а в правом углу красное солнышко светит. Здорово получилось! Только Анютка потом целый вечер ревела. Оказалось, Ленька ей все чистописанное испортил.

Однажды зимой вышел Ленька на крыльцо и замер: красотища какая! Алым пламенем горят шапки сосен. Береза застыла, не шевелится. Тонкие ветки словно в кружевах из инея. Снег сверкает, аж глазам больно. Вернулся Ленька в избу, выгреб из печки угольки, которые потверже да поострее, и за

работу принялся. Печка широкая, белая как снег — к празднику побелили. Рисовать на ней очень удобно. Вот и лес готов. У березы Трошка бегают, хвост кольцом. Перемазался Ленька, а работу не бросает, хочется, чтобы все как по правде было. Вроде бы неплохо получилось, а мать ему всыпала да еще соседке пожаловалась: «У всех дети как дети, а у меня сын — одно мучение!»

Зато как пошел в школу, жизнь у Леньки Птицына переменялась. Уже во втором классе стал он главным художником школьной стенгазеты и личностью весьма знаменитой. Учителя говорили, что быть ему настоящим художником.

...Много рисунков в альбоме: ребята по грибы идут, рыбу ловят, вот Анютка на коромысле ведра тащит. А дальше уже совсем про другое. Вот на бреющем полете немецкий самолет расстреливает беженцев. Мать, прикрыв детей своим телом, забилась в жидкий кустарник. Судорожно вытянув шею, бьется раненая лошадь. От пуль на дороге вскипают фонтанчики.

А вот опять родная деревня. Только не узнать зеленую Кудеверь. Обуглились березы, вместо домов почерневшие печи стоят. На израненной земле обрывки колючей проволоки, каски да гильзы от снарядов. Но люди уже что-то строят, в поле работают.

Все заметил маленький художник, ничего не пропустил.

Старый доктор вздохнул, закрыл альбом и тихонько пошел в палату. Ленька, весь в бинтах, похожий на большую спеленатую куклу, лежал на кровати. Дышал беспокойно. Светлые ресницы тихонько вздрагивали. Доктор провел рукой по лбу, как бы стирая тяжелые мысли: «Много крови потерял мальчишка. Да еще тяжелая контузия. Если и выживет, не рисовать ему больше картинок. Ни веселых, ни грустных, ни карандашом, ни красками!...»

А случилось вот что. Тетка Настя с Васяткой картошку сажала, ударила лопатой о мину, что в земле притаилась, и... грянул взрыв. Фронт отошел далеко на запад, а взрывы все еще гремели. В те дни в землянке у Птицыных лежал раненый сапер. Вот к нему-то и пришли люди за советом: «Как жить будем? Пахать, сеять надо. Ребятишки всюду бегают. Не миновать еще беды...»

Так и эдак прикидывал старый солдат, как ни крути, все выходило: ребят, кто постарше, саперному делу обучить надо. Мужиков-то в деревне совсем не осталось. Леньку в поле с собой брать отказался — мал еще. Да разве его удержишь? За весну двенадцатилетний паренек семьдесят мин разрядил, а на семьдесят первой подорвался — мина попалась незнакомая. Когда Ленька пришел в себя, боли не почувствовал. Вскочил сгоряча на ноги. Хотел липкую землю с лица стереть и увидел, что нет у него рук... по самые локти нету...

Долго боролись за его жизнь врачи. Выходили. Вернулся Ленька домой. Мать от горя совсем старухой стала. Смотрит на сына печальными глазами, утешает: «Ничего, сынок, окрепнешь, попрошу в сельсовете определить тебя в пастухи. Все при деле будешь...»

Только пастух из Леньки не очень хороший получился. Коровы разбредутся кто куда, а Леньке не до них. Над рекой переливается всеми цветами невесомая радуга. У самой воды скользят стеклянно-синие стрекозы. Дрожат бусинки росы на желтых ладошках кувшинок. Вот бы нарисовать все это! Да где теперь! Ленька не то что рисовать, хлеба кусок отломить не может!

Часами лежит он на траве лицом вниз. Но не плачет Ленька Птицын, просто от росы лицо мокрым стало. Думает он, решает, как жить дальше и что делать? Мать умывает и причесывает сына, даже кормит с ложечки, как маленького. Неужели всю жизнь кто-то будет протягивать ему кружку с водой, помогать одеваться, поднимать с полу оброненные вещи? А с учебой как? Школу уже отстроили. Дружки в шестой класс пойдут, а он дома останется. И художника для стенгазеты нового искать придется.

*

Лежит на столе карандаш. Самый обыкновенный голубенький «Пионер». Вот уже несколько дней подряд, когда все уходит из дома, Ленька вступает с ним в единоборство. Катает по столу, старается зажать между локтями. А карандаш — юркий, скользкий, не слушается. От напряжения у Леньки волосы взмокли, слиплись, плечи от усталости ломят. Но вот карандаш попался! Теперь надо попробовать букву «а» вывести. На клочке бумаги появляется что-то совсем непонятное. Трехлетний ребенок и то лучше напишет. Ну что ж, попробуем еще раз!

Правду говорят — если человек захочет, всего сможет добиться. 1 сентября Леня вместе со всеми пришел в класс, а к концу года его даже за почерк хвалить начали, лентяям и неряхам в пример ставили. А он мечтал уже о другом. Мечтал рисовать, и не только карандашом, но и красками. Но это трудно, очень трудно! Бумага под карандашом вертится — никак у Леньки штриховка не получается. Ведь в рисунке все изобразить надо, где тень упадет, где свет. Попробовал красками — стаканчик с водой на бумагу опрокинул. Начинать сначала! Да и грубо получается: то лишней краски положит, то за линию кисточкой заедет. Однако Ленька духом не падает, не в его это характере.

Так прошел год.

Увядала в поле трава с рыжими подпалинами, когда вышла Ксения Птицына проводить Леньку в дорогу. Надела сыну котомку на плечи, застегнула пуговицы, а крупные слезы, как по желобкам, катились по морщинам.

— Может, останешься, сынок, не поедешь? Как ты там один, в чужом городе?

— Не пропаду, мама, не бойся! Я ведь крепкий, выдюжу. Вернусь, твой портрет напишу, вот увидишь!

Долго смотрела мать вслед сыну. Ленька шел по дороге, а ветер трепал его светлые волосы и пригибал к земле лиловые колокольчики. Ушел сын за своей мечтой, ушел искать счастье. Разве помешаешь ему, остановишь?

На Неве, покачиваясь, дремали лодки. Неприветливая свинцовая волна глухо била о гранит набережной. «А это еще кто такие?» — Ленька даже попятился от удивления. Справа и слева от него высились непонятные каменные фигуры с человеческими лицами и звериными телами.

— Ты чего рот разинул, сфинксов не видел? — раздался чей-то задиристый голос. Около Леньки стоял маленький рыжий мальчишка с огромной папкой в руках. Он хотел сказать еще что-то, но вдруг осекся и уже дружелюбным тоном добавил: — А ты у Медного всадника был? Он на той стороне Невы. Смотри, как купол Исаакия блестит, правда, красиво? Я каждый день, когда в академию иду, здесь останавливаюсь — вид отсюда очень хороший.

— А ты что, в академии учишься? — удивился Ленька.

— Почти что в самой академии, — гордо ответил мальчик, — в средней художественной школе.

У здания академии остановился трамвай. Из него высыпали ребята с большущими папками.

— Это наши, пора мне.

Но тут мальчишка заметил, что и у деревенского паренька под мышкой зажата папка.

— Что это у тебя?

— Да вот рисунки, — смущенно ответил Ленька.

— Ты рисуешь? — Мальчик с недоверием взглянул на пустые рукава Ленькиного пиджака.

— Ага, посмотри, если хочешь.

Мальчик раскрыл альбом:

— Здорово! Как же ты, а? Знаешь, пойдем со мной!

Не успел Ленька сообразить, что к чему, как рыжий мальчик уже тащил его к парадному входу академии.

— Видишь, написано: «Ученый секретарь Президиума Всероссийской Академии художеств В. Серов». Тут и ожидай.

Когда Леньку пригласили в кабинет, вернее, в огромный круглый зал, он сразу растерялся. Откуда-то сверху лился мяг-

кий дневной свет. На потолке, словно в воздухе, парили необыкновенной красоты фигуры в легких одеждах. На стенах висели потемневшие от времени картины. Это были первые картины, которые Ленька увидел за свою жизнь.

Засмотревшись, он споткнулся о ковер и выронил альбом.

— Ну и задал же ты мне работу, — сказал седой человек, поднимая с полу листы. — А рисунки, прямо скажем, неплохие. Это чьи же работы, товарища или брата? А почему он сам не пришел, постеснялся? Напрасно, совершенно напрасно...

— Это мои рисунки, — краснея до самых ушей, прошептал Ленька.

Ученый секретарь растерялся.

— Как же ты... рисуешь? Нет, не может быть!

— А у вас карандаш есть? — осмелел Ленька. — Хотите, я вам покажу?

Зажав карандаш между локтями, он прицелился глазами в массивную бронзовую чернильницу с замысловатым узором из листьев и ягод и принялся за работу. Через четверть часа набросок был готов.

— Вот, смотрите!

— Н-да, действительно. Поди ж ты, в первый раз такое встречаю...

Но все-таки в голосе Серова прозвучали нотки сомнения.

— Ты хочешь стать именно художником? Но ведь это очень трудно, даже для здорового человека.

— Вы мне только подскажите, куда податься, а я своего добьюсь! — Голос Леньки звучал твердо, уверенно: — Маресьев смог самолет водить, и я художником — смогу!

Владимир Александрович взял листок бумаги и написал: «Директору Ленинградского художественного училища. Случай исключительный, но прошу допустить к экзаменам».

Экзамены Леня сдал на «отлично». По рисунку, и по живописи, и по общеобразовательным предметам. Начались годы нелегкого, напряженного труда. Но вот и училище позади. Куда же теперь? Леня часто слышал, что в институт имени Репина — так теперь называлась Академия художеств — поступить очень трудно: туда отбирают только самых лучших, самых одаренных. И все-таки он прошел по конкурсу! В первый раз за двести лет существования этого учебного заведения его порог переступил юноша, у которого не было рук. Но у этого студента была воля, огромное трудолюбие, была мечта, к которой он шел, как идет в бой.

*

Как-то на выставке ленинградских художников я увидела, что у одной из картин столпилось особенно много народу. Ее автором был художник Птицын.

...Жарко горит огонь в кузнице. Кажется, что пахнет раскаленным металлом. В кузницу вошел солдат. Сбросив шинель, он с наслаждением закатывает рукава гимнастерки, видно, соскучился по работе. На его крупных, сильных руках вздулись и пульсируют голубые жилки.

Эти руки я никогда не забуду. Они могут все: держать винтовку и молот, бороться и создавать! Я смотрела на картину Лени — Леонида Птицына — и думала: «Да, любая мечта подвластна человеку, любое дело покорится ему, если человек этого захочет!»

Я кончаю свой рассказ о мужестве, упорстве, о верности своей мечте. Леонид Васильевич Птицын — член Союза художников СССР. Его картины — о войне и мирном труде, о мужественных и красивых людях. Если вам доведется увидеть его картины на выставках, вспомните, какой нелегкой дорогой шел к овладению мастерством, великой тайной искусства маленький мальчишка из псковской деревни Кудеверь, шел, чтобы донести до нас подвиг своего народа, краски родной земли, ее красоту, ее неповторимую поэзию.

В. РОДИОНОВА

КОРАБЛИ ТВОЕЙ МЕЧТЫ

Ходят по морям и океанам, по рекам и озерам корабли. Самые разные. Большие и маленькие. Работяги-буксиры и белоснежные пассажирские лайнеры, юркие сейнеры и могучие супертанкеры... Есть среди них и корабли в пионерских галстуках. Корабли, носящие имена юных героев, — Павлика Морозова, Вали Котика, Марата Казея, Зины Портновой, Лени Голикова и других мальчишек и девчонок, которые своими подвигами заслужили право навечно остаться в памяти советского народа.

А недавно стал в красногалстучный строй еще один корабль — супертраулер «Пионер Николаева»...

Спросите кого-нибудь из николаевских школьников: «Какой подвиг ты совершил?», — и в ответ они лишь смущенно пожмут плечами. Но все вместе эти мальчики и девочки совершили дело, достойное называться подвигом.

Николаев — город корабелов. Какие только суда не сходят со стапелей его судостроительных заводов! И работают на них деды, отцы и старшие братья большинства николаевских пионеров. Не случайно же многие ребята мечтают после окончания школы тоже стать корабелами.

— Но почему только в будущем? А не попробовать ли прямо сейчас, сегодня? — задумались как-то пионеры 22-й школы. — Ведь мы и сегодня многое умеем. Давайте построим наш пионерский корабль!.. Конечно, поднять его высокие

мачты, создать могучие двигатели, оснастить разнообразным оборудованием, — этого мы еще не можем. Но одно такое важное дело — нам вполне по плечу!..

Так возникла инициатива, которая увлекла всех пионеров области, — собрать металлический лом для постройки траулера «Пионер Николаева».

Николаевские пионеры горячо поддерживали идею о создании своего корабля, с энтузиазмом взялись за работу. По всему городу разлетелись отряды разведчиков «металлических кладов», по первому их зову сбегались на помощь мальчишки и девчонки, если ноша оказывалась не под силу. Когда нужно было, и грузовики останавливали на дорогах, никто из водителей не отказывался подвезти лом на приемные пункты. Казалось, идея вдохновила весь город.

Построить океанский траулер-рыбозавод взялись корабли Черноморского судостроительного завода и пообещали сдать траулер досрочно. Тогда пионеры вызвали на социалистическое соревнование комсомольско-молодежные коллективы завода. Целый год соревновались судостроители и пионеры: кто лучше работает. А побежденных в этом трудовом споре не оказалось: комсомольцы выполнили свои обязательства, а пионеры вместо запланированных трех с половиной тысяч собрали четыре тысячи тонн металлолома.

Через руки председателя николаевского пионерского штаба «Факел» прошли сотни и тысячи сводок о ходе пионерской операции. Впрочем, не только сведения собирали штабисты. И они, и все пионерские активисты были среди сборщиков металлического лома.

И вот необходимое количество металлолома собрано. А дальше что? Не сидеть же пионерам без дела. И тогда ребята решили: давайте подарим команде нашего траулера Музей пионерской славы и соберем библиотеку.

И вновь закипела работа, развернулось соревнование между отрядами. Какие книги нужны морякам? Конечно же, самые лучшие, самые интересные, чтобы им далеко от берегов Родины было приятно вспоминать о своих юных друзьях. Но ведь не у каждого есть такие книги... Тогда в школе № 13 вот что придумали: собирать макулатуру и сдавать ее на талоны, а на талоны можно приобрести интереснейшие книги!..

«Траулер готов к спуску!» Эта новость молнией облетела весь город. Казалось, все школьники Николаева пришли проводить свой корабль. Холодный апрельский ветер парусами раздувал транспаранты, срывал с ребят пилотки. Но сегодня никто не обращал внимания на его проказы. Невозможно было отвести глаза от сходявшего со стапелей белоснежного гиганта. Это был корабль их мечты. Не раз пытались ребята представить, каким будет их «Пионер Николаева», но этот корабль был красивее и совершеннее самых смелых их представлений...

Супертраулер неспешно совершал круг почета по акватории завода, алыми птицами трепетали на его палубе галстуки лучших сборщиков металлолома, наперегонки с ветром летела над митингом пионерская песня... Корабль повернулся к берегу правым бортом — и в этот миг из-за туч выглянуло солнце. На мгновение весь корабль стал розовым и только два слова на его носу вспыхнули золотом — «Пионер Николаева».

И не было, наверное, на берегу мальчишки, в душе которого не взметнулась бы ввысь новая мечта. Мечта о корабле, которого еще нет. Но он его построит, обязательно построит своими руками, когда станет взрослым...

Казалось бы, такое привычное, даже обыденное дело для школьников — собирать металлолом. Таскай себе железки потяжелее — вот и вся забота... Но главное заключается в том, чтобы понимать, зачем ты этим занимаешься.

Приняли твердое решение пионеры Херсона — и подарили труженикам сельского хозяйства целую колонну комбайнов «Херсонец-200». Десять комбайнов, созданных из пионерского металла.

Во время работы XXIV съезда комсомола Украины шестиклассник Ярослав вручил лучшему молодому машинисту Юго-Западной железной дороги реверсионный ключ от новенького тепловоза. Изготовлен этот тепловоз полностью из металла, собранного пионерами Ворошиловграда.

И если пионеры собрали пять тонн макулатуры, то это значит, что сберегли они сто семьдесят березок. Тех самых березок, которые так трудно вырастить и так легко бывает срубить...

Пионерские поезда идут по трассе Байкало-Амурской магистрали. Идут они по пионерским рельсам, по пионерским мостам. Юные ленинцы семидесятых годов гордятся своим трудом. Имеют право гордиться своим трудом и участники Всесоюзной пионерской операции «Уренгой», когда по сделанному из собранного ими металлолома трубам течет газ из Сибири в Европу.

Костя, школьник из Краматорска, весной 1982 года докладывал делегатам XXIV съезда ЛКСМ Украины:

— Члены нашего клуба юных техников Новокраматорского машиностроительного завода предложили новые конструкции штаповочного молота и шагающего экскаватора с воздушно-винтовым способом поворота. За это нас наградили медалями ВДНХ СССР. Специалисты подсчитали, что экономический эффект от внедрения в производство наших изобретений составит сорок пять тысяч рублей.

Конечно же, когда впервые пришел Костя на улицу Ленина, где в подвальном помещении одного из домов разместился Новокраматорский клуб юных техников, он и понятия не имел о конструкции какого-то там штаповочного молота. Обычный

молоток — и тот не всегда уверенно держал в руке. Но время шло, приобретались трудовые навыки, увереннее выполнял мальчик все более сложные операции. Научился работать на станках, читать чертежи, понимать различные агрегаты. И тогда родилась идея... Идея стала проектом, проект — моделью... И это дало огромный экономический эффект.

И кто мог предположить, что такая смелая идея придет в голову этому скромному семикласснику. Но самое главное — Костя не одинок. Свыше трехсот изобретений юных техников Советской Украины уже применяются на практике в колхозах и совхозах, на заводах и фабриках и даже в научно-исследовательских институтах. А сколько еще новинок, предложенных конструкторами в пионерских галстуках, возьмут на вооружение специалисты! Недаром же существуют у школьников свои академии наук, которые называют Малыми. Но успехи членов Малых академий наук отнюдь не малы.

Юра Гринюк и Сережа Киселев — члены Джанкойского филиала Крымской МАН. Они изобрели и разработали прибор для улучшения диспетчерской связи. Теперь его с успехом используют на железной дороге.

Члены секции охраны окружающей среды Киевской Малой академии наук разработали проект установки «Дыхание», обеспечивающий чистоту воздуха в школах, на предприятиях.

Да разве перечислишь все работы юных умельцев, успешно выполняющих задания Всесоюзной пятилетки трудовых пионерских дел!

Так, у ребят из кружка космического моделирования Сумской станции юных техников мечты простираются далеко за пределы обозримого будущего. Разные ребята приходят в кружок. Разные и по возрасту, и по способностям, и по характерам. А объединяет их любовь к космической технике, технике далекого будущего. Вот модель целого завода на орбите спутника Земли. Саша и Слава уверены, что эта модель станет прообразом настоящего предприятия в Космосе. На таком заводе можно будет собирать звездолеты для сверхдальних путешествий. Например, вот этот «Луч», скорость которого достигнет скорости света. Ученые сейчас еще даже не мечтают об этом, но Саша и Слава уверены в перспективности своей модели.

Смелость проектов школьников из Сум оценили жюри многих технических конкурсов. Многие юные кружковцы стали лауреатами всесоюзных конкурсов «Космос», в которых сумчане участвуют, начиная с 1976 года. Их модели побывали и на международных выставках в одиннадцать стран мира — во Франции, Бельгии, Италии, Японии, ФРГ и др.

Да, пока это только фантазия ребят. Но она может стать реальностью уже завтра-послезавтра. И, возможно, взлетят в

Космос звездные корабли, у штурвалов которых будут стоять они, пионеры восьмидесятых годов. Не зря, видно, так полюбили ребятам стихи Леонида Вышеславского:

В морях Луны мы якорь бросим скоро,
Каналы Марса не уйдут от взора,
К Венере путь проложим сквозь туман.
Мы со своей мечтою дерзновенной
Отныне — корабельщики вселенной.
Вселенная — открытый океан!

Счастливого пути вам, пионерские корабли!

В. ЧИСТЯКОВ

БЫТЬ ПОЛЮ УРОЖАЙНЫМ!

Директора совхоза ждали на поле. Руководитель ученической производственной бригады и командир тимирязевцев сидели на корточках и перебирали комочки земли.

— Вот, Константиныч, полюбуйся,— бригадир подцепил двумя пальцами блестящего черного сверчка,— слопали поле певцы-негодники!

— Все насмарку,— тихонько сказала Лена — командир тимирязевцев.

— Не вешай нос, лаборатория! — Директор заспешил к «газику». — Авиацию пришло! Обрабатывают — и быстро пересевайте!

Пересеяли. Пропололи. Взрыхлили. Опять пропололи. Но разве можно о труде полевода говорить с такой поспешностью? Остановимся на слове, которое будто бы шутливо обронил директор: *лаборатория*.

Весной и члены школьной бригады, и тимирязевцы собрались на большой совет. А что, если по краям многочисленных оросительных каналов высеять тыкву? Она — отменный корм для скота. Ребята долго подсчитывали, сколько тыквы можно с каждого поля вывезти. Осень их расчеты подтвердила — сорок тонн головастых желтобоких плодов! Весть об успехах «малой тимирязевки» из совхоза «Дружба» обсуждалась в ЦК Компартии Киргизии. Там опыт изучили и рекомендовали его всем свеклосеющим хозяйствам республики.

Земля в этих местах скупа — серозем, тяжелый суглинок. Но и она на заботу отвечает щедростью. Раньше совхоз собирал по сотне центнеров сахарной свеклы с гектара. Ученическое поле стало год от года увеличивать урожай — двести, триста, пятьсот. Шестьсот центнеров. Ребята научились «экономить»... землю. Обычно рядки посевов располагались на расстоянии семидесяти сантиметров друг от друга. Довели его до сорока пяти. Узкорядье добавляет полтора урожайных гектара.

Школьная «малая тимирязевка» ежегодно отправляет в

Москву на ВДНХ свои экспонаты. Один из них — клубень свеклы — весил восемнадцать килограммов, и выращен он был именно на узкорядном поле.

Есть у ребят и своя техника. Обычно много хлопот доставляет сеялка, когда у нее «летят» сошники. Саша и его друг Павлик убедили всех — можно самим наваривать сошники. Решили усовершенствовать и новые овощные сеялки. Ороз додумался поставить дополнительные шайбы. Увеличилась скорость оборотов, и агрегат стал быстрее сеять. Опять выгода.

Бригада и школьная «timiразевка» приносят родному хозяйству ежегодный доход более тридцати тысяч рублей. Когда мы возвращались с поля, Витя очень толково рассказал о хозяйственном расчете, о том, что скоро ребята будут трудиться по самой передовой системе — безнарядной. На занятиях секций школьники осваивают экономику, агрономию, химию.

Увлеченно рассказывал Витя, но все-таки чувствовалось, что его что-то беспокоит. Причина? Витя с досадой рассек ладонью воздух:

— Дождя бы сейчас!

Но вдруг в небе, куда Витя смотрел с таким неудовольствием минуту назад, стремительно пронесся голубь.

— Мой «тасман» прилетел, — необычно нежно сказал Витя. — Теперь до дому проводит.

И правда, мы шли, а голубь делал над нами круги — играл.

Кроме голубей, ребята разводят кроликов. У каждого живут по два-три десятка длинноухих. На пришкольном участке тоже оборудовали кролеферму. Директор совхоза помог ребятам — выделил металлические клетки.

Юные опытнишки школы имени И. В. Мичурина Сузакского района Киргизской ССР стали победителями Всесоюзного конкурса «Малая тимирязевка». Министерство сельского хозяйства СССР и президиум Центрального правления научно-технического общества сельского хозяйства постановили: за активное участие в опытнической работе, оказание помощи колхозам и совхозам в уборке урожая сельскохозяйственных культур в 1981 году присудить школе первую премию — кинопроектор «Украина» и наградить Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства СССР.

С. СИННИЦКАЯ

ГОРИНСКИЕ КУЛИБИНЫ

СВЕТИЛЬНИКИ ОЛИМПИАДЫ

Это были очень интересные соревнования. Из всех школ Тернопольщины, городских и сельских, съехались на областную станцию юных техников кружковцы — рационализаторы и изобретатели. С ними, школьниками, говорили взрослые специалисты. Представители производственного объединения «Ватра», выполнявшие в то время заказ для Олимпиады-80, поделились с юными техниками своей заботой: нужно разработать новую технологию крепления светильников, отвечающих современным требованиям экономичности, рациональности и эстетики.

Много интересных предложений высказали участники соревнования. Борис Шматько, капитан команды клуба юных техников «Поиск» совхоза имени Котовского из села Горинка Кременецкого района предложил попробовать крепить просто клеем. Конструкторы прислушались к его предложению: оно оказалось принципиально новым и экономичным. И когда в Москве и других городах нашей страны засияли огни Олимпиады, горинские рационализаторы пристально всматривались: может, это светильники, сделанные на «Ватре»? Ведь в таких светильниках есть частица их творческой мысли...

СТО РАБОТАЮЩИХ МЕЧТАТЕЛЕЙ

В селе Горинка никого теперь не удивишь тем, что специалисты местного совхоза то и дело обращаются за помощью к членам клуба юных техников. Не раз на деле доказывали кютовцы, что им под силу решать многие технические задачи.

А было так. 25 лет назад в селе из трех небольших колхозов образовали совхоз. Его возглавил Виталий Тарасович Золотаренко. Влюбленный в технику и труд хлебороба, молодой директор понял, что совхозу нужны не просто трактористы, комбайнеры, животноводы, а люди, увлеченные своим делом, знающие и творчески мыслящие.

Директор совхоза пришел в школу и организовал в ней кружок юных механизаторов. Занятия в кружке вели лучшие специалисты совхоза. Да и сам Виталий Тарасович, занятый множеством директорских дел, находил время для подрастающей смены механизаторов. В кружок принимали всех — и старших, и семиклассников, и даже пятиклассников.

И школьники с увлечением потянулись к технике. Стали своими в мастерских совхоза, приобщились к его заботам. Прошло время, и кружок юных механизаторов вырос в клуб юных техников.

И ПРИШЛА В СЕЛО ВОДА

Вода... Без нее не обойтись ни на ферме, ни в поле, ни в автохозяйстве. Совхоз рос, и воды нужно было все больше и больше. Как удовлетворить потребности совхоза в воде? Над этим думали совхозные специалисты. Думали и ребята. Недаром ведь свой клуб они называли «Поиск»!

Вместе со своим неизменным наставником Виталием Тарасовичем юные техники на какое-то время стали геологами. Они изучали строение грунтов в селе, старались понять, почему в местных колодцах в засушливое лето исчезает вода, почему не везде можно рыть колодец.

Сделали первую пробу — натолкнулись на слой глины. Другую — воды не было. Сомнения, а иногда и насмешки взрослых, не могли сломить упорства школьников. И вот, наконец, вода! Добравшись до глубинного слоя, ребята поняли причину неудач своих взрослых предшественников: достигнув первого водоносного слоя, они останавливались, не догадываясь, что немного глубже, за слоем глины, кроются богатейшие водные запасы подземного резервуара!

Когда вода была найдена, пионеры вместе со своим руководителем принялись за расчеты, чтобы дать односельчанам точную карту мест, где вода будет бить из-под земли фонтаном, а где ее придется извлекать на поверхность насосами.

Оборудование насосной станции стоит дорого, и кружковцы решили удешевить его для родного совхоза. Используя дешевые насосы типа «ВК-2», они сами сконструировали действующую модель водонасосной станции.

По сей день работают в совхозе водонапорная и насосная вышки, построенные по моделям школьников.

— Воду возле дома нам дали наши горинские кулибины, — с благодарностью говорят односельчане о ребятах-кютовцах.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИИ

Кружковцы обеспечили село водой и помогли совхозу реконструировать кормоцех животноводческой фермы. На смену им приходили новые мальчишки и девчонки, с малых лет мечтавшие стать членами клуба «Поиск». И каждый из них оставлял след доброго дела на земле родного села.

Прослышав о юных энтузиастах и умельцах, обратились в КЮТ совхозные шоферы. Много неприятностей приносил шоферам прокол шин. Случится такое где-то в поле, далеко от села — беда: приходится все бросать и ехать ремонтироваться в мастерские.

— Может быть, придумаешь какое-то приспособление для вулканизации шин в полевых условиях?..

Гордые доверием взрослых, кютовцы охотно откликнулись на просьбу.

— Поищите ответ в литературе,— посоветовал ребятам руководитель.

В те памятные дни поиска решения ребята увлекались чтением популярных журналов «Техника — молодежи», «Наука и жизнь» и другой технической литературы.

Идею принес Толя Кравчун: он предложил сконструировать малогабаритный электровулканизатор с напряжением 12 вольт, который будет питаться от обычного аккумулятора. Вместе со своими друзьями по клубу Толя и смастерил задуманную модель. И сколько же было радости, когда шоферы приняли ее в свое автохозяйство, тепло благодарили юных умельцев: ведь они теперь смогут вулканизировать автопокрышку прямо в поле всего за несколько минут. Огромный выигрыш во времени! А это значит — выигрыш в битве за урожай...

Однажды на занятие кружковцев пришел заведующий животноводческой фермой.

— Выручайте, ребята. Спирали у нас горят. Сидим без теплой воды. Водонагреватели типа ВЭТ-200 и ВЭТ-400, установленные на ферме, слишком капризны: все хорошо, пока в баке вода до краев. А выберут часть воды доярки — водонагреватель портится. А как без воды на ферме?

— Попробуем! — дружно сказали кружковцы.

Ну, и помучились же ребята над этой спиралью! Немало металлов перепробовали, пока не додумались взять для спирали медные стержни. Поставили пробу — отлично! И греет быстрее, и не перегорает. Тут же пригласили «заказчиков». Вместе с заведующим фермой пришли зоотехники, доярки. Кружковцы продемонстрировали пробу: вода при новых спиралях закипала очень быстро. Отлили часть воды, а спираль цела.

— Спасибо, очень нас выручили! — благодарили ребят животноводы.

«ИНЖЕНЕР-ПОДШИПНИК»

Совхоз выделил для клуба юных техников «Поиск» просторное помещение. Каждый вечер допоздна горят там огни. Особенно многолюдно в клубе, когда на занятия неожиданно приходит кто-нибудь из «стариков». И вот недавно приехал из армии на побывку домой Коля Ярмолук. Как не забежать в свой КЮТ на огонек?

Долго не отпускали кружковцы Колю: ведь он один из тех, кто прославил их клуб и кружок юных рационализаторов и изобретателей.

— А почему тебе такое прозвище дали — «инженер-подшипник»? — спросили Колю младшие товарищи по кружку.

— Было такое... — улыбнулся Коля, и все поняли, что прозвище это не обидное, наоборот.

Ровесники Коли помнят, как было. Когда совхозу вручали премию имени Ленинского комсомола за развитие технического творчества юных, Коля, тогда четвероклассник, сидел в президиуме как один из лучших рационализаторов. А тут кто-то выкрикнул пренебрежительную реплику: «Ну что такой пацан может изобрести?»

Что может изобрести такой пацан?..

Есть такая деталь, очень нужная для автомобилей ГАЗ-51 и ГАЗ-52: отжимный подшипник муфты сцепления. Тогда эта деталь была дефицитной. В промышленности реставрации не подлежала, а испортится — не всегда есть чем заменить. Вот и решили кружковцы ее чинить. Не один день ломали головы, но долго ничего не получалось. Однако не отступались. И вот однажды прибегает на занятия взволнованный Коля Ярмолук. Глаза радостно горят: кажется, я что-то придумал! Все обступили мальчика: «Говори же, не тани!»

— Разделительная розетка, которую делают на заводе, — пояснил Коля, — изготовлена из тонких бляшек. Они и ломаются. А что, если сделать их из плотного металла? Правда, тогда придется уменьшить количество роликов...

— Идея интересная, — похвалил Колю Виталий Тарасович. И добавил: — Интересная нестандартностью мышления. С этого, друзья, и начинается настоящее творчество.

Взялись тогда кружковцы за воплощение замысла Колиной идеи. Выходит, и еще как! Для изготовления розеток решили использовать отработанные поршни. Из них нарежали кольца и обрабатывали их до нужного размера. Только вместо 12 шариков вместились девять. Прекрасный получился подшипник!

И сейчас в совхозных мастерских случается, что нет под рукой нужной детали, и тогда реставрируют отработанные подшипники так, как подсказали ребята из КЮТа «Поиск».

РАСТУТ ХЛЕБОРОБЫ

Эти примеры — лишь немного из того, что сделали и делают члены КЮТа для усовершенствования технической базы родного совхоза. На их счету десятки авторских свидетельств и рационализаторских предложений. Вот, например, на Всесоюзном слете юных техников в Тбилиси была отмечена машина для предпосадочной резки картофеля, которую демонстрировал один из ее авторов — кружковец горинского КЮТа Петя Гармаш. Он и его товарищи по кружку были отмечены медалями «Юный участник ВДНХ СССР».

Уважают односельчане юных энтузиастов КЮТа «Поиск» и за то, что добрыми помощниками приходят они в горячую пору на поля совхоза, внося посильный вклад в выполнение Продовольственной программы. Многие кютовцы во время каникул работают помощниками комбайнеров на жатках, на току.

Летом в Горинке на базе КЮТа «Поиск» работает районный пионерский лагерь «Юный техник». Пионеры не только с увлечением занимаются в кружках, но и охотно трудятся на полях совхоза. Вот и в жатву 1981 года школьники убрали урожай зерна с площади 400 гектаров.

Разные профессии выбирают воспитанники КЮТа «Поиск», но каждый год многие из них остаются работать в родном совхозе или выбирают для себя сельскохозяйственные учебные заведения. Разве не красноречива цифра: половина всех специалистов, командоров производства совхоза, начиная с его главного агронома, — воспитанники клуба «Поиск». А сколько передовых тружеников, которыми гордится совхоз! Недавний выпускник КЮТа молодой комбайнер Иван Дзюба стал победителем жатвы среди молодых механизаторов района. Другой недавний кружковец — комбайнер Анатолий Гуменюк был делегатом комсомольского съезда в Москве.

Каждый год клуб провожает в большую жизнь своих кружковцев.

М. ЛЕМБЕРСКАЯ

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГАМ

Началось все с поездки в Краснодар. На родину молодогвардейцев их повезла учительница истории Галина Ивановна Иванова. Мальчики и девочки, затаив дыхание, ходили по улицам легендарного города... Юным киевлянам казалось, что среди краснодонских школьников, спешащих в школу, мелькают лица, знакомые по фотографиям, книжным иллюстрациям, кинофильмам. Но нет, это были не они. Герои Краснодона застыли рядом со своей школой величественным памятником, которому всегда будут поклоняться советские люди.

Экскурсанты из Киева взволнованно рассматривали музейные экспонаты, шахты, заводы, носящие имена юных героев. Вернувшись домой, ребята решили заняться изучением истории киевского подполья.

Школа № 195 построена после войны. Домов, окружающих сейчас школу, во время войны тоже не было. Но когда ребята пошли в народный музей Дарницкого района, они узнали, что во время Великой Отечественной войны на предприятиях района, в железнодорожном депо действовало несколько подпольных групп.

В школьный кабинет истории пришли первые следопыты школы. Был создан штаб «Поиск» и поисковые отряды. В каждом отряде — группы во главе с командирами. Штаб заботился, чтобы руководителями поисковой работы стали энергичные, инициативные, настойчивые пионеры и комсомольцы.

Сначала ребята собирали книги, статьи, рассказывающие о жизни их родного города во время фашистской оккупации, о борьбе киевлян против гитлеровцев. Жадно читали их, искали сведений о дарницком подполье.

Первая, разысканная ребятами подпольщица-дарничанка Анна Фоминична Белоиван стала дорогой гостьей в школе. Пройдут месяцы, и следопыты со своей учительницей истории добьются удивительного: найдут документы, воспоминания бывших участников подпольной борьбы, фотоснимки, свидетельствующие о том, что на территории Дарницы действовал подпольный райком партии, который возглавлял коммунист, машинист паровозного депо Афанасий Никитович Тимошук.

Ребята узнают о дерзких диверсиях, совершенных железнодорожниками, о том, как смельчаки вскрывали фашистские вагоны с боеприпасами и забирали ящики с противотанковыми минами, толком; как минировали железнодорожные пути, вывели из строя паровозы; как в октябре 1942 года подпольщикам удалось на перегоне Дарница — Бровары заминировать путь, в результате чего полетел под откос эшелон с гитлеровскими солдатами, ехавшими с фронта в отпуск. Узнали школьники, как майским днем 1943 года гестаповцы выследили отважного секретаря Дарницкого подпольного райкома... Афанасий Никитович вышел из своей конспиративной квартиры на улице Горького. Увидев подъехавшую к дому машину с гестаповцами, бросился бежать, на ходу уничтожая находившиеся при нем подпольные документы. Гестаповцы открыли по нему огонь. Смертельно раненный Тимошук подпустил к себе поближе фашистов и взорвал гранату. «Погибнуть, но и враг пусть гибнет», — так считал подпольщик.

Находками школьников заинтересовался Дарницкий райком партии Киева. Материалы, собранные школьниками, были рассмотрены, проверены, изучены. Какова же была радость, когда в школу пришло такое решение бюро райкома партии, а потом и городского комитета Компартии Украины: «...Утвердить материал, представленный красными следопытами средней школы № 195. Признать, что в годы немецко-фашистской оккупации г. Киева на территории Дарницы действовал подпольный райком партии, секретарем которого был А. Н. Тимошук».

Теперь в Киеве на улице Заслонова на здании Дарницкого райкома партии открыта бронзовая мемориальная доска, которая сообщает, что во время немецко-фашистской оккупации на территории района действовал подпольный райком. Только мало кому известно, что узнали, доказали это школьники вместе со своей учительницей.

История подпольной борьбы в родной Дарнице следопытами изучена. А что происходило в других районах города? Инте-

ресы ребят расширяются, количество поисковых групп в школе № 195 растет.

Следопыты начертили план оккупированного Киева. По улицам, переулкам, площадям побежали стрелки, указывающие, где когда-то жили, действовали подпольные райкомы, организации, группы. Туда и направились школьники.

— Спасибо, детки, что вспомнили! — говорили бывшие подпольщики и рассказывали о давних своих делах, вспоминали погибших товарищей, дарили следопытам пожелтевшие от времени фотографии, документы, личные вещи, самодельные радиоприемники, типографии, ставшие со временем музейными экспонатами.

— Создадим-ка в школе музей не только районного, а всего киевского подполья! — предложил кто-то. Идею подхватили.

Ребята хотели, чтобы в их музее все было, как в настоящем: и витрины, и стенды, и диорамы. Много делали сами, но кое-что было не под силу детским рукам. Пригласили специалистов-художников. Но для этого нужны деньги.

— Что ж, заработаем! Это в наших силах!

Для такого дела, как создание музея, увековечение памяти героев-земляков, не жаль было каникул. С азартом, энтузиазмом, не покладая рук, трудились следопыты в лагере труда и отдыха, в совхозе и колхозе, на своей базе, на разных предприятиях города. Заработанные деньги пошли на благородное дело. Так в школе № 195 появился единственный в городе музей «Киевское подполье».

Открытие музея стало незабываемым праздником... В один из воскресных сентябрьских дней 1979 года школа принимала 156 бывших подпольщиков. Они пришли с женами, детьми, внуками, нарядные, взволнованные.

Торжественно-суровы лица выстроившихся на линейку юных следопытов, а на лицах гостей — слезы благодарности за внимание и память.

Подробно, со знанием дела, вдохновенно рассказывают посетителям школьные экскурсии о том, как боролась против гитлеровцев столица Украины.

Ученики школы № 195 продолжают поиск. Вступая в ряды следопытов-разведчиков, школьники клянутся любить свою Родину, учиться, как завещал великий Ленин, быть примером в поведении, добросовестно выполнять общественные поручения отряда, дружины, помогать старшим.

Когда осенью 1941 года на родной Чоколовке появились фашисты, комсомолец Вася Токарев решил бороться с оккупантами. Ну и что, если вместо ног у него тяжелые протезы?! Ведь руки, голова у него есть! На чердаке сарая Вася установил радиоприемник. Его оружием будет слово, будут вести с Большой земли.

Вася был не один, его отец, друзья-коммунисты, комсо-

мольцы, пионеры — боролись вместе с ним. Ежедневно из маленького домика на тихой Чоколовской (ныне Донецкой) улице уносили в горед сводки Совинформбюро, листовки. Сначала писали их от руки, а затем в домике Токаревых появился стеклограф.

Более семи тысяч листовок за 778 дней фашистской оккупации изготовил комсомолец Вася Токарев. И первая листовка, появившаяся на рассвете 6 ноября 1943 года в только что освобожденном Киеве, была напечатана на самодельном стеклографе Васи Токарева. Но изготовил ее уже не сам Вася. Его помощниками стали советские воины, освободившие город.

Спустя много лет после войны в старенький домик, где жил герой-подпольщик Василий Ерофеевич Токарев, пришли пионеры из школы № 195. Красные следопыты хорошо научились искать. Нашли они взрослых людей, которые должны были позаботиться о судьбе подпольщика-инвалида, и не отступились, пока семья Токаревых не отпраздновала новоселья.

У юных следопытов с каждым днем ширится круг друзей. Четыреста пятьдесят семь подпольщиков и партизан Киевщины дружат со школой, ставшей их родным домом. Здесь они всегда находят чуткую, действенную помощь.

Школьный музей разместился в двух больших классных комнатах и в коридоре четвертого этажа. Он имеет фонды, которые насчитывают более десяти тысяч документов, рассказывающих о сложной и опасной подпольной работе в оккупированном Киеве, о трех составах подпольного горкома партии, о многих райкомах партии, десятках организаций, смело боровшихся против гитлеровцев.

За время существования музея в нем побывали по несколько раз все ученики школы, многие жители Киева, ветераны войны, делегации многих советских республик, зарубежные гости...

В Железнодорожном районе города действовал подпольный райком партии под руководством его секретаря Александра Исидоровича Пироговского. За пять дней до освобождения советскими войсками Киева фашистам удалось схватить многих подпольщиков и среди них Пироговского. Стойко держались подпольщики, мужественно переносил пытки Александр Исидорович. На рассвете 5 ноября 1943 года гитлеровцы расстреляли секретаря подпольного райкома. 6 ноября в городе появились передовые части наших войск. Друзья Пироговского по подпольной работе бросились на поиски арестованных. В канаве нашли истерзанные тела Пироговского и его верного товарища Николая Артюшенко, едва присыпанные землей. Их похоронили в Пушкинском парке, недалеко от того места, где они были расстреляны.

Поисковый отряд 9 класса решил разыскать могилу погиб-

шего секретаря. Но в Пушкинском парке ее не оказалось. Когда трудящиеся города приводили в порядок разгромленный оккупантами парк, все, погребенные там во время войны, были перезахоронены на разных кладбищах города. А на каком же кладбище покоится прах Пироговского?

В поиск включились бывшие подпольщики, соратники Пироговского по борьбе, школьники. Ребята перелистывали десятки книг, в которых регистрировались похороненные. И узнали, что Александр Исидорович похоронен на Лукьяновском кладбище, на восемнадцатом участке, в третьем ряду, место номер шесть. Туда немедленно направились следопыты с лопатами, с цветами, с дощечкой, на которой было написано:

Герой Советского Союза
секретарь Железнодорожного подпольного райкома партии

АЛЕКСАНДР ИСИДОРОВИЧ ПИРОГОВСКИЙ

Погиб от рук фашистских варваров

5 ноября 1943 года.

Но и это ребятам показалось недостаточным для увековечения памяти отважного подпольщика. Штаб «Поиск» решил установить на могиле памятник,— настоящий, гранитный, величественный!

А деньги? Ведь для этого необходимы немалые деньги!

— Заработаем! — решили школьники. Им очень хотелось внести свою часть в создание монумента. Они собирали металлолом, макулатуру, работали на стройках и все заработанное перечислили в фонд сооружения памятника...

Весной 1980 года Лукьяновское кладбище заполнили взрослые и дети. Торжественная линейка, взволнованные речи... Митинг посвящен открытию памятника Герою Советского Союза Александру Исидоровичу Пироговскому.

Заботясь о том, чтобы имена героев не были забыты, юные киевляне приобщаются к славным подвигам своих земляков.

С. ЧЕРНЯК

ДОРОГАМИ ГЕРОИЗМА ЮНЫХ

На Украине существует единственный в своем роде клуб под названием «Следопыт великого подвига». Находится он в небольшом городе Бровары Киевской области. Клуб объединяет в своих секциях и звеньях красных следопытов большинства школ города.

Главное направление деятельности красных следопытов — поиск тех, кто в юном возрасте сражался с царизмом на барри-

кадах революции, защищал завоевания Великого Октября во время гражданской войны, боролся с фашизмом в годы Великой Отечественной. Кроме того, каждое звено имеет еще и специальное задание. Так, члены секции «Красная гвоздика» (ученики средней школы № 8) изучают боевой путь 112-й стрелковой дивизии, которая принимала участие в освобождении Броваров от немецко-фашистских захватчиков, звенья «Юность боевая» (средняя школа № 5) и «Пионеры-орлята» (средняя школа № 7) собирают материалы о тех, кто в годы Великой Отечественной войны повторил подвиг Александра Матрсова.

Собранные документы экспонируются в школьных музеях. А недавно в нашем городе открыт первый в республике Музей героизма юных.

Опыт работы клуба одобрен и обобщен коллегией Министерства просвещения СССР. Деятельность следопытов отмечена грамотами ЦК ВЛКСМ, Центрального штаба Всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР», Совета ветеранов Воздушной армии, принимавшей участие в освобождении города от немецко-фашистских захватчиков. О юных исследователях героической истории советской пионерии создан документальный фильм.

Мы расскажем о некоторых наиболее интересных находках клуба «Следопыт великого подвига».

На свое очередное заседание члены клуба пригласили интересного собеседника — работника Украинской студии документальных фильмов, журналиста Анатолия Кисля. Он рассказал о своей работе над кинолентой «За колючей проволокой». Это фильм о трагедии Бабьего яра, о зверствах фашистов в Сырецком концентрационном лагере в Киеве.

Ребята слышали о высоком мужестве советских людей, на каждом шагу оказывавших сопротивление врагу. Этой борьбой руководила подпольная организация. Заинтересовавшись рассказом, юные следопыты начали поиски и узнали о необыкновенном узнике — двенадцатилетнем пареньке Лене Николаеве.

Гестаповцы бросили мальчика за колючую проволоку только за то, что он был сыном партийного работника. Леня видел, как лагерная охрана издевается над узниками, принуждает их тяжело работать, морит голодом, изнемогших пристреливает. Мальчик помогал старшим товарищам. Ночью он пробирался в эсесовский продовольственный склад и приносил пищу для больных и ослабевших узников. Военнопленных красноармейцев фашисты содержали в отдельном здании в нечеловеческих условиях. Леня проделал под проволочным заграждением ход и доставлял туда продукты.

Но охрана выследила юного патриота и подвергла его жестоким пыткам. Фашистские палачи разрезали мальчику

руку, глубокую рану посыпали солью и завязали грязной тряпкой. Пригрозили: кто окажет помощь, будет казнен.

Маленький узник фактически был приговорен к мученической смерти. Но Федор Степанович Завертанный, колхозник из Черкасской области, которого Леня спас от голодной смерти, промыл рану, заменил повязку. Фашисты не узнали об этой помощи. Мальчик стал поправляться. Вскоре Леню перевели в другой лагерь, и след его затерялся.

Поиском сведений о судьбе пионера Лени Николаева занялась группа ребят. С помощью кинодокументалиста Анатолия Кисляя ребята разыскали оставшихся в живых узников Сырецкого концлагеря. От них узнали, что в июне 1941 года Леня приехал на каникулы к бабушке в Киев. Здесь и застала его война. Поначалу решили найти Ленину бабушку. Но от этой мысли пришлось отказаться, так как не были известны ни ее фамилия, ни место жительства.

И все же следопытам удалось нащупать ниточку связи. Они узнали о довоенном месте работы отца Лени. На Брянщину послали письмо. И неожиданно ребятам сообщили адрес самого Лени Николаева, который, оказывается, живет в Киеве и поддерживает связь со своими земляками.

И вот в ноябре 1981 года, спустя 38 лет, на слете красных следопытов нашего города состоялась волнующая встреча двух людей, протянувших друг другу руку помощи в час лихолетья — колхозного пенсионера Ф. С. Завертанного и передового экскаваторщика Л. М. Николаева.

Крепкая дружба связывает теперь броварских школьников с Леонидом Михайловичем — человеком удивительной судьбы...

В 1975 году ребята узнали о четырнадцатилетнем защитнике Малой земли Саше Дегтяреве. Его бывшие командиры рассказали об отважном украинском орленке, воспитаннике, 176-й гвардейской стрелковой дивизии. Среди десантников это был не единственный воин пионерского возраста.

Узнать имя юнги Володи Старченко, юного десантника, нашим следопытам помогли члены клуба «Малоземелец» Мысхацкой средней школы № 2. Стало известно, что после войны он трудился в угольной промышленности Сибири.

Секция клуба отправила письма в Министерство угольной промышленности РСФСР, в отделы кадров угольных комбинатов Западной и Восточной Сибири. Пришло письмо от самого Владимира Николаевича Старченко, горнорабочего шахты «Полысаевская» Кузнецкого бассейна.

Юнга Старченко пробыл на Малой земле недолго, но и за это время проявил выносливость и храбрость. Маленький солдат получил контузию и тяжелое ранение. Примечательно, что вывозил Володю и его боевых товарищей на Большую землю под ураганным огнем фашистской артиллерии сторо-

жевой катер, в команде которого нес вахту пятнадцатилетний юнга из города Жданова Витя Галло.

Почти четыре десятилетия спустя бывшие черноморские орлята, украинские пионеры, встретились на одном из наших слетов и припомнили этот случай. Тогда же Владимир Николаевич передал Музею героизма юных свою бескозырку и еще один необыкновенный экспонат — крупный осколок, который в войну застрял в его груди и был извлечен врачами. В. Д. Галло подарил музею фронтовую морскую форму.

Броварские следопыты назвали имена двадцати юных защитников Малой земли. Многие из них сегодня успешно трудятся на благо нашей Родины.

Порой новые направления поиска возникают неожиданно. Однажды член секции «Юность боевая» принес на занятие клуба книгу «Молодая гвардия. Сборник документов».

— Кто знает, сколько пионеров было в «Молодой гвардии»? — спросил он у товарищей. Все в один голос назвали только Радика Юркина.

Вопрос был не случайным. Знакомясь с опубликованными документами книги, мальчик открыл для себя имена ряда молодогвардейцев пионерского возраста. И у него возникло желание больше узнать о самых юных бойцах краснодонского подполья.

Ребята начали изучать материалы о «Молодой гвардии», читали художественные и документальные произведения о молодогвардейцах. В составе туристской группы они побывали в местах, связанных с героической борьбой молодогвардейцев против немецко-фашистских оккупантов.

Встретились с теми, кто знал юных подпольщиков по совместной учебе в школе, а затем — по борьбе с ненавистным врагом. Записали их воспоминания.

Так они узнали о борьбе пионеров — членов «Молодой гвардии». Один из них — Семен Остапенко. По поручению старших товарищей он переписывал и распространял листовки, принимал участие в уничтожении автотранспорта врага. По заданию штаба переправлял оружие из тайника, расположенного в центре Краснодона. Собирал на полях боев патроны и гранаты. Пионер составил подробную карту города, которой пользовались члены штаба «Молодой гвардии» при разработке боевых операций, помог изготовить шрифт из резины для подпольной типографии. Молодогвардейцы приняли Семёна в комсомол. Гестаповцы схватили самого юного молодогвардейца в январе 1943 года и после жестоких пыток расстреляли.

Большую помощь в исследовании подвига пионеров Краснодона оказала следопытам бывшая четырнадцатилетняя подпольщица, ныне подполковник запаса Валерия Давыдовна Борц. Однажды она была гостьей юных броварчан, рассказала

о своих товарищах по оружию — пионерах Тоне Мащенко, Володе Куликове, Вите Лукьянченко. Все они, как и Валерия Давыдовна, вступили в комсомол в «Молодой гвардии».

Красные следопыты узнали о пионере Леониде Виценовском — брате казненного фашистами члена «Молодой гвардии» Юрия Виценовского. Несмотря на юный возраст, Леня стал воином Красной Армии и жестоко мстил гитлеровцам за смерть своих земляков. Юный воин погиб смертью храбрых, освобождая родную землю от оккупантов.

Изучают члены нашего клуба также историю пионерской организации Броваров, открывая интересные страницы героического прошлого. Так, ребята узнали, что в нашем городе проживают те, кто во время войны, в свои детские годы, воевал с фашизмом. Многие броварские мальчишки учились играть в футбол в спортивном обществе «Спартак». Их тренер Михаил Дмитриевич Дубровский из скромности никогда не рассказывал, что он участвовал в Великой Отечественной войне. Узнали об этом наши следопыты. Рассказал им о своем юном однопольчанине бывший военный летчик, работающий на одном из предприятий города.

Члены клуба узнали также о юной защитнице Родины — одиннадцатилетней связной партизанского отряда под командованием Е. Х. Соколовского Галине Шевченко, которая вместе со своим слепым отцом собирала сведения о дислокации фашистских войск, поддерживала связь с другими партизанскими отрядами. Ныне Галина Петровна — работница Броварского завода пластмасс.

С человеком интересной судьбы — Валентином Ивановичем Рыженко — познакомились следопыты в селе Зазимье. Бывший юный подпольщик передал для Музея героизма юных детекторный приемник, который смастерил со своими друзьями в оккупированном селе. Смелчаки принимали сведения Совинформбюро и распространяли среди населения листовки...

Поисковую работу члены клуба сочетают с туризмом. Маршруты их путешествий пролегают по территории многих республик нашей страны. Надолго запомнится броварчанам встреча со следопытами села Малки Кабардино-Балкарской АССР. Наши ребята помогли своим новым друзьям установить связь с участником боев за Северный Кавказ, бывшим сыном полка, ныне аппаратчиком Рубежанского химкомбината в Донбассе Героем Социалистического Труда А. С. Дорогиным.

Особенно укрепились связи нашего клуба с красными следопытами братских республик в дни подготовки к празднованию 60-летия образования СССР.

Каждый туристский поход обогащает юных исследователей героического прошлого советского народа. Пройдя по местам боевых действий партизанского отряда имени Щорса, ребята собрали материалы о юном народном мстителе, пионере

села Русанова Броварского района Пете Жуке, побывали в школе, где учился юный герой, а также на месте его казни в селе Перемога Барышевского района.

Всегда много посетителей в Музее героизма юных. Обычно экскурсии в нем начинаются со стенда «Орлята Великого Октября и гражданской войны». С интересом воспринимают посетители рассказ экскурсовода о двенадцатилетнем участнике Великой Октябрьской социалистической революции, петроградском Гавроше, который потом учительствовал на Волыни — К. А. Гладкове (он передал музею ценные материалы о своих встречах с В. И. Лениным и Н. К. Крупской); о юной разведчице Таманской армии Маше Бакиевой, шедшей в «железном потоке», описанном А. С. Серафимовичем. (В годы Великой Отечественной войны Мария Дмитриевна воевала в составе 18-й армии).

На этом же стенде помещены материалы об украинских ребятах Грише Плахотникове и Мите Курилове, которые героически сражались с войсками Антанты в составе бригады Котовского. Их сыновья Николай и Виктор повторили подвиг отцов — в четырнадцатилетнем возрасте боролись с фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны.

Интересные материалы на стендах «Мстители в красных галстуках» и «Юные бойцы подполья». В серии стендов «Сыновья полков» есть документы, рассказывающие о боевом пути участника Ленинградского фронта, ныне генерал-лейтенанта авиации, летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза В. А. Шаталова. Он командир Всесоюзного полка сыновей полков, который формируется при газете «Пионерская правда». Активисты музея постоянно поддерживают связь с Владимиром Александровичем, рассказывают о своих успехах в поиске, обращаются за советом. Бывший сын полка поручает следопытам важные задания по розыску сыновей полков, и ребята стараются их выполнять.

На базе Музея героизма юных проводится большая работа по военно-патриотическому воспитанию школьников города. В день рождения Владимира Ильича Ленина здесь принимают в пионеры. Красные галстуки повязывают бывшие юные участники Великой Отечественной войны. Материалы музея используются на уроках истории во всех школах города.

Многие октябрятские отряды школ борются за право носить имена пионеров-героев Броварщины, которые отдали свою жизнь в борьбе за свободу и независимость своей Родины. Чтобы добиться этого, ученики изучают боевой путь своих земляков, пионеров 40-х годов, встречаются с теми, кто знал их по совместной учебе в школе и борьбе с оккупантами.

Участие ребят в исследовании героического прошлого советского народа положительно влияет на их отношение к учебе, к тем, кто отстаивал завоевания Великого Октября

в борьбе с врагами. Именно красные следопыты становятся инициаторами добрых дел. По их предложению все пионерские дружины города провели воскресники по сбору металлолома и макулатуры. Заработанные деньги перечислены на сооружение памятника пионерам-героям в Киеве.

Ребята дорожат тем, что являются членами клуба. Прием в ряды следопытов, а также проводы тех, кто выбывает из клуба в связи с окончанием школы, проводится всегда торжественно.

При нашем клубе создана агитбригада. В ее составе — старшекласники, а также бывшие сыновья полков — кандидат исторических наук С. В. Остапенко, заслуженный артист УССР В. Д. Ефанов, артист кино П. А. Филоненко, композитор В. Д. Синчук. Агитбригада выступает на «уроках мужества» в школах, пионерских лагерях, на промышленных предприятиях, шефствующих над школами.

Члены клуба с большим интересом принимают участие в создании «Летописи Великой Отечественной». На первом этапе своей деятельности они встретились с членом Центрального штаба Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы КПСС и советского народа адмиралом флота Н. Д. Сергеевым. Бывший броварской пионер ознакомился с работой клуба «Следопыт великого подвига» и Музея героизма юных, высказал свои предложения по улучшению деятельности следопытов, поделился воспоминаниями о возникновении пионерского движения в нашем городе.

Деятельностью клуба и музея интересуются зарубежные гости нашего города. Посетив музей, делегация африканских студентов, обучающихся в Советском Союзе, записала в книге отзывов: *«Мы считали, что многое знаем о Советском Союзе. Но о таком массовом героизме детей в борьбе за свободу и независимость своей Родины не могли подумать...»*

В картотеке клуба насчитывается более 1200 неизвестных или малоизвестных имен юных борцов за торжество социалистического строя.

Поиск продолжается. Пополнится новыми материалами Музей героизма юных. Новые экспозиции расскажут о воспитанниках советской пионерии, участвовавших в борьбе против фашистов в составе интернациональных бригад, об участии сыновей воинских подразделений Войска Польского и чехословацких частей в освобождении Украины, а также о пионерах, отличившихся в наши дни при задержании нарушителей границы, опасных преступников, при тушении пожаров, спасении жизни людей.

В. ДЕМЬЯНЕНКО,
*руководитель клуба «Следопыт великого подвига»
Броварского городского дома пионеров и школьников*

УРГАЛЬСКИЙ СТАРОЖИЛ

В Ургал Саша приехал весной 1975 года. Сперва полтора часа он летел от Донецка до Киева, потом — девять часов от Киева до Хабаровска, оттуда еще почти два часа летел до Чегдомына. Там их встретил папа и повез машиной в Ургал.

Байкало-Амурская магистраль — это своего рода уменьшенная модель всей страны. Каждый поселок строит одна из республик или областей. К примеру, Тынду — «столицу» БАМа — возводят москвичи, Алонку — посланцы солнечной Молдавии, Сулук — бойцы ударного отряда «Хабаровский комсомолец», а Ургал — специализированный строительно-монтажный поезд (ССМП) с Украины «Укрстрой».

Масштабы БАМа поражают. Длина магистрали — почти три с половиной тысячи километров стального пути. Это превышает расстояние от Киева до Лондона. БАМ — это тайга и дикие степи Забайкалья, Нижнеамурская равнина и Среднесибирское плоскогорье, обрывистые речные долины Станового плоскогорья и громадные Северо-Муйский и Дуссе-Алинский хребты; БАМ — это тысячи рек, среди которых Лена, Ангара, Витим, Зея, Селемджа, Бурея, Амгунь, Амур; это 32 километра мостов и 25 километров туннелей, наибольший из которых — Северо-Муйский, длиной 15 километров; это самое глубокое в мире озеро — Байкал; это берег самого большого в мире океана — Тихого. БАМ — это огромная страна, детище Союза Советских Социалистических Республик.

Саша выходил на улицу, на строительные площадки и старался представить себе, как все тут было в ту первую, самую тяжелую и самую длинную ургальскую зиму. О ней вечерами, после работы рассказывали папа и его друзья — члены отряда «Донбасс», первые посланцы Советской Украины.

Вот в эти деревянные щиты, из которых построено общежитие, не хотели влезать гвозди — крошились на 50-градусном морозе («рассыпались, как стекло», — говорил дядя Володя). Вот тут он раскладывал костер и кипятил их в ведре. А потом, выхватив горячий гвоздь, загонял его в доску одним ударом, чтобы не успел остыть.

А вон там, наверное, стоял экскаватор дяди Василия. Саша зажмурился и увидел, как дядя Вася берет в руки молоток, кладет на острый край экскаваторного ковша толстую проволоку и, чтобы отрубить небольшой кусок, не очень сильно бьет по ней молотком. Мальчик даже рассмеялся, представив лицо дяди Васи, когда от этого удара треснул пополам огромный экскаваторный ковш... Металл таких морозов не выдерживал.

— Чему смеешься, Саша? — крикнула ему тетя Валя.

Он смутился и убежал, спрятался за вагончиком. Странная она какая-то. Вчера Саша спросил ее:

— А вы бывали в Донецке?

— Бывала, — отвечает.

— А сколько в Донецке телевышек?

— Одна, наверное, — говорит, — как везде.

— А вот и нет! — выкрикнул он. — Две! И одну из них мой папа строил.

— Ух ты! — удивилась тетя Валя. — А почему же только одну?

Как-будто ей этого мало. И все вокруг тоже рассмеялись.

Не знал Саша Коломиец, что смеялись люди от радости, что их радовало каждое его слово, каждая улыбка, потому что был он первым ребенком, приехавшим в Ургал, поселившимся здесь.

«Далекая земля, — сказал тогда Дмитрий Григорьевич Поляков, заместитель начальника ССМП «Укрстрой», — остается для нас далекой до тех пор, пока ее не обживут наши дети. А Саша у нас настоящий бамовец».

Проектировали магистраль научно-исследовательские институты Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска, многих других городов страны. Ведь нужно было позаботиться обо всем — от геодезии до биологии. Учитывались даже традиционные маршруты миграции таежных животных.

Саморазгружающиеся вагоны Великолукского завода имени 50-летия СССР, экскаваторы с Воронежского завода имени Коминтерна, железобетонные конструкции с Толмачевского завода, универсальные телефонные станции с рижского электротехнического завода «ВЭФ» имени Ленина — разве можно перечислить всех, кто принимал участие в сооружении магистрали столетия! Но всех, кто так или иначе прилагает усилия к этому общему делу, объединяет одно понятие: советский народ.

В Ургале выросли современные многоэтажные дома, школа, бассейн, стадион, больница, детский сад, гостиница. Сейчас в Ургале много детей.

Когда Саша стал пионером, не одну субботу и не одно воскресенье провел вместе со своим классом на промышленной базе, на строительных площадках. Да и в будние дни нередко приходилось помогать старшим — разгружать вагоны, переносить кирпичи, другие стройматериалы. Ребята собирали металлолом, макулатуру, сажали деревья, привезенные за много тысяч километров, — с Украины. Строительный мусор возле возводимых зданий — большая редкость в Ургале. И это тоже заслуга пионеров и школьников.

Ургал рос вместе с ними. Назвать себя настоящим бамовцем Саша мог без преувеличений. Это был его родной поселок — здесь он жил, ходил в школу, на стадионе гонял с друзьями мяч

и болел за укрстроевскую «взрослую» футбольную команду — чемпиона Байкало-Амурской магистрали.

И когда в Ургал приехали кинодокументалисты снимать фильм, Саша Коломиец стал первым ургальцем, дававшим им интервью. В день передачи весь «Укрстрой» собрался у телевизоров. Затаив дыхание, смотрели строители на родной Ургал, на белые сопки, на неширокие стремительные речушки, слушали спокойный и солидный голос Саши Коломийца — хозяина этой земли... А тетя Валя почему-то плакала. Странная она.

Ургал — поселок украинских строителей. Однако нет такой точки на Байкало-Амурской магистрали, где бы не работали железнодорожники, автомобилисты, летчики, речники, проходчики, мостостроители, монтажники, ученые, врачи, библиотекари, парикмахеры, продавцы, учителя с Советской Украины. И, наверное, нет бамовца, которому хотя бы раз не пришлось прокатиться на могучем и выносливом КраЗе. Труженики Кременчугского автозавода гордятся тем, что именно их машины — самые распространенные на БАМе. На Западном участке магистрали есть даже опорный пункт завода, где постоянно работают посланцы предприятия — обеспечивают запчастями, помогают в эксплуатации и ремонте.

Десятки многоэтажных зданий в таежных поселках собраны из конструкций, присланных рабочими Криворожского домостроительного комбината. Землесос-великан отправил речникам Амура черноморцы. Это судно совершило долгое путешествие через Атлантический, Индийский и Тихий океаны на борту плавучего дока. Такого гиганта еще не было в Амурском бассейне. С его помощью углублялись реки, по которым доставлялись грузы для строителей БАМа.

Киевские ученые разработали технологию изготовления специальной одежды с подогревом, столь необходимой в условиях сибирской зимы. Тепло солнечной Украины согревает людей в Чаре и Усть-Куте, Уояне и Витиме.

Когда Иван Коломиец, отец Саши, отправлялся на другую новостройку, его провожал весь поселок.

— Сашку хоть нам оставьте, старожила нашего, — не село шутили строители...

— *Как я хочу снова на БАМ!* — пишет мальчик сейчас Д. Г. Полякову.

— *Своя магистраль есть в жизни каждого человека,* — отвечает ему Дмитрий Григорьевич. — *Посмотри на своего отца. Я даже не мог бы сразу назвать такой уголок страны, где бы не остались добрая память о нем, результаты его труда. Я не преувеличиваю. Нужно быть очень хорошим человеком, чтобы о тебе могли так сказать. Твое время придет. Будет свой БАМ и у тебя. И чем лучше ты будешь учиться сегодня, тем больше сможешь сделать для людей завтра. Сейчас на БАМе работают*

строители, а вскоре там понадобятся инженеры, ученые, энергетики, металлурги, горняки — представители самых разнообразных профессий. Я очень хочу, чтобы среди этих, таких необходимых людей был и ты — Александр Коломиец, баумовский старожил...

Много радости принесло Саше известие о том, что «золотое звено», связавшее последние метры БАМа, уложено на год раньше срока.

С. ИВАНЮК

ПИОНЕРСКИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ

В совхозе «Ишимский» родилась инициатива: пионерским отрядом — на животноводческие фермы. Инициатором замечательного дела, организатором пионерского отряда выступила казахская школьница, делегат VIII Всесоюзного слета пионеров, проходившего в Москве, Клара Виргебаева. Она обратилась ко всем пионерам Тургайской области Казахстана с призывом поддержать этот почин.

Инициатива пионерки ишимской школы Клары Виргебаевой была одобрена на бюро Кийминского райкома Компартии Казахстана и секретариатом Тургайского обкома комсомола.

Отряд назвали «Карлыгаш» («Ласточка»). За отрядом закрепили более трех тысяч ягнят. Все члены отряда прошли зооветеринарную учебную подготовку. У ребят — опытные наставники. Зимой пионеры участвуют в окотной кампании, в уборке помещений; весной оказывают помощь в проведении стрижки овец; летом ухаживают за молодняком, заготавливают корма, а осенью занимаются очисткой кошар, подготовкой к зимовке скота.

Появился на ферме специальный пионерский вагончик. Здесь — штаб пионерской агитбригады. Он заботится о ветеранах труда, проводит встречи школьников с передовиками производства, организует чествование победителей социалистического соревнования и концерты для тружеников.

Начало учебного года принесло пионерам восьмилетней школы села Монастырки большую радость, а руководителям отделения совхоза — дополнительные заботы: кем заменить юных помощников?

Почти все лето отряд «Карлыгаш» жил на берегу Ишима. Было и веселое купание, и ночи у костра. Но главная забота у ребят была «взрослая»: откармливали ярок — молодых овец.

Удивительным оказалось это необычное подразделение совхоза. Когда создавалось первое пионерское производственное звено, многие сомневались: участок берет очень трудный, не так-то просто ухаживать за ягнятами, да и поголовье на площадке немалое — 3,8 тысячи. Но пионеры всем доказали, что могут быть надежными помощниками взрослых.

В полное распоряжение ребят передали хорошо оборудованную откормплощадку, а также вагончики для пионерской комнаты. Начинали день и проводили смену под звуки горна. В столовой вкусные обеды для юных чабанов готовила сердечная и заботливая колхозная повариха, ветеран хозяйства. Ей помогали, конечно, и члены звена. С раннего утра с ребятами находился совхозный бригадир.

— Удивляло, с каким энтузиазмом дети работали, — говорили колхозники. — А ведь мы боялись, что они не выдержат. Сначала и руководители совхоза сомневались, справятся ли ребята с таким ответственным заданием.

Командиром «Карлыгаша» пионеры дружно выбрали Клара. За ударный труд она награждена первой в своей жизни правительственной наградой — медалью «За трудовое отличие».

Можно понять радость ее отца: ведь первой его наградой была такая же медаль. А в 1981 году Абдрахману Биргебаеву за высокие показатели и профессиональную самоотверженность было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Абдрахман и его жена Мария Яковлевна всю свою жизнь работают в овцеводстве, имеют восемь детей. Подрастая, дети всегда помогают родителям.

На линейке, посвященной окончанию первого трудового лета, подарки ребятам вручал знатный чабан области А. Биргебаев. Так в совхозе передают эстафету трудовой доблести.

В пионерском производственном звене «Карлыгаш» работали 13 мальчиков и девочек. За два месяца они получили от ягнят 326 центнеров привеса. Но ценность труда ребят измеряется не только экономическими категориями, она гораздо глубже...

«Карлыгаш» продолжает свою жизнь, а патриотический почин создания пионерских животноводческих звеньев при ученических производственных бригадах сельских школ широко распространяется по всей республике.

А. ВАСИЛЕНКО

ПАРТИЗАНСКАЯ ДУБРАВА

Две недели пробыл Ленья в Киеве в гостях у дяди. Каждый день видел что-то новое, интересное. То ездил по Днепру до Канева, то ходил в музеи, кино; часами бродил по дорожкам прекрасных парков или по улицам, рассматривал старые и новые дома, любовался витринами и на каждом углу пил из автомата газировку с малиновым сиропом.

И вот Ленья прощается с Киевом. Дядя Мартын зашел с ним в вагон, положил чемодан на полку и присел напротив.

— Ну, Ленья, теперь ты дорогу знаешь. Не забывай. Как только каникулы — так прямо сюда.

— Дядь, а вы к нам приезжайте. Обязательно. Мама будет обижаться, если не приедете. Ведь вы так давно не были в нашем селе!

— Да. Да. Давно был. Еще до войны.

Дядя задумался, прищурил глаза, улыбнулся племяннику:

— Приеду, друг! Обязательно! Тянет в родное село. Я ведь там каждый овраг, каждый перелесок знаю... А больше всего нравится мне наша дубрава. Сколько там птиц, цветов весной и летом! И все вокруг поет, стрекочет, успокаивает. Да что тебе говорить: сам знаешь...

И дядя рассказал.

В той дубраве в 1918 году партизаны укрывались от врагов. Мальчишкой (был я тогда таким, как ты теперь) партизанам еду приносил, патроны доставал... Эту дубраву долго в селе Партизанской звали...

Леня завороченно слушал воспоминания дяди о прекрасной дубраве, напрягал память, пытаясь вспомнить, где она в их селе, но не мог.

— Дядя, о какой вы дубраве говорите?

— Которая за речушкой Бернандинкой, против вашего огорода начинается. Разве есть где-то лучше? — Вдруг по лицу дяди пробежала тень, голос зазвучал взволнованно. — Может, ее уже нет? На дрова вырубili?

— Нет, нет, вы только приезжайте, дубрава будет! — и мальчик осекся, ему стало очень стыдно, он не мог смотреть дяде в глаза, не мог сказать ни слова. Но тут объявили:

— До отправления поезда остается пять минут. Граждане пассажиры, займите свои места. Провожających просим выйти из вагонов.

Дядя пожал на прощанье Лене руку и заверил:

— Ну, так ты меня жди. Следующим летом обязательно приеду. Очень скучаю по вас, по вашей дубраве. Я покажу тебе, где было спрятано оружие. До свидания. — И вышел.

Лысый человек, сидевший с Леной в купе, спросил:

— Твой дядя кто, художник?

— Нет, он писатель, — нехотя ответил мальчик.

— Так он вашу дубраву опишет, как Нечуй-Левицкий описывал.

— Ничего он не опишет! — сердито ответил Леня.

— Почему? — удивился незнакомец.

— Нет никакой дубравы в нашем селе! — выпалил Леня.

— Как же нет? Куда же она делась?

— Да разве я знаю, куда она девалась? Нет и все! — потом подумал немного и уже тихо, будто сам виноват, сказал: — Одни пеньки торчат по холмам и в долине. Мама говорит, что ее фашисты вырубili, потому что боялись притаившихся там партизан.

— Да, уничтожать гитлеровцы были большие мастера. Поезд остановился на Лениной станции Крыжополь. Взял Ленья в багажном отделении велосипед — подарок дяди, поставил на багажник чемодан и поехал. Вскоре показалось родное село. Мальчик посмотрел налево. За огородами раскинулась широкая долина, за ней — лысые горбы. Кое-где на них зеленели кусты и виднелась чудом уцелевшая груша. Это все, что осталось от Партизанской дубравы...

Мама очень обрадовалась сыну, не знала, где и посадить, чем накормить. Только сели за стол, а Ленья к маме с вопросом:

— Мама, это правда, что за речкой очень красивая дубрава до войны росла?

— Правда, сынок. Ее Партизанской дубравой звали. Там еще в дни гражданской войны партизаны прятались. В долине росли ольхи, тополя, а на холмах — клены, акации, дубы. Колодец там был под горой, вода в нем — целебная! Идем, бывало, с поля, завернем в дубраву, а там прохлада! Напьемся из кринички — сил прибавится. А теперь все это запустело, речку занесло илом, трава на холмах выгорела, а в долине образовалась тряси́на. Одни жабы там плодятся. И все это война наделала, уничтожила такую красоту!

— Но война давно закончилась! — заметил Ленья. — А возобновить дядину дубраву вы и не подумали!

— За работой некогда о красоте было думать. Теперь уже тебе об этом следует подумать.

— И подумаю! — оскорбился сын. Потом смягчился и к матери: — Мам, дядя Мартын к нам летом приедет... Хочет дубраву свою посмотреть. А где она? Все козы обглодали. Мама, а мне можно там деревья посадить? Пусть бы снова росла дубрава.

Мать подняла на сына черные, как уголь, глаза, в голосе задрожала нотка доброй тревоги:

— Сажать-то можно: воткнул лозинку, она и растет себе, ветви распускает. Только толку не будет — все поломают. Очень уж безразлично стали люди относиться к природе. Вот посадили мы всем колхозом на бывшей базарной площади рощу. За семь лет деревья ветвями сплелись, красота, не нагладишься. А потом пришел новый председатель, задумал стадион для футболистов соорудить... Вырубили нашу рощу, сыграли несколько раз, а теперь пустырь хуже того, что на месте Партизанской дубравы... А стадион ведь можно было и на околице строить.

Ленья слушал маму, соглашался, правда, говорила она с болью в сердце, но думал о своем.

— А я не дам ломать дубраву, которую сам сажать буду!

— Эх сынок, кто тебя послушается. Каждый знает свои права, которые всем нам Советская власть дала, а вот про обязанности свои еще не каждый помнит.

Задумал ты хорошее и трудное дело. Одолеешь ли своими силами?

— Одолею! — твердо сказал, и его худенькое, стройное тело будто налилось новой, неодолимой силой.

...Проснулся Леня еще до зари.

— Ты куда в такую рань? — удивилась мама.

— Дубраву садить! — твердо ответил сын. Мать пожала плечами:

— Да ты что? Кто же летом деревья сажает? Это делают осенью, когда листва опадет, или весной.

...Дни тянулись медленно. Уже прошел сентябрь и приближались Октябрьские праздники, а листья все еще держались на деревьях, еле-еле багрянели, и им не было никакого дела до чужих переживаний. Мальчик каждый день ходил в долину, трогал пальцами листья, дергал изо всех сил ветки, но листья не осыпались.

Наконец, после первого заморозка, в один погожий день, он прибежал из долины и закричал радостно:

— Мама, уже падают!

— Кто? — испугалась мать.

— Листья с тополей осыпались! Уже всю землю устлали. Завтра начну дубраву садить.

Утром следующего дня он нарезал целую охапку лозин из ивы, ольхи, тополя, обстригал с толстого конца, чтобы было легко в землю втыкать, снял ботинки и побрел по тине. Вода обожгла его холодом, он охнул, но на берег не вышел.

«Нет, не испугаюсь, все равно посажу!» — И, стиснув зубы, он стал втыкать в мягкую тину лозину за лозиной, одну от другой за четыре шага, стараясь тянуть ровный ряд.

Так он прошел на противоположную сторону долины и вышел из воды. Он весь дрожал, но снова вступил в ледяную тину. Увлечшись работой, Леня уже не чувствовал холода, хотя ноги задубели и стали как чужие.

Работа была окончена. Он вышел на берег. Часток лозин потянулся через долину несколькими рядами. И хотя ряды были неровными, все равно сердце переполнилось радостью: ведь это он посадил, он! А весной все распухнет, зацветет, появятся ветки, и никто не узнает, что здесь был пустырь. Только бы дядя не поспешил приехать, пусть все успеет подрасти. Как ни был он счастлив, но холод давал о себе знать. Зубы стучали, а одежда совсем не грела. Быстрее домой!

В хате было тепло. Мама готовилась к праздникам. Пахло чем-то очень вкусным. Чтобы согреться, Леня разделся и полез на печь. Теплом обжигало ноги, спину, но он все дрожал и не мог согреться. Потом все поплыло, затихло...

Леня проснулся, когда на холмах искрился нетронутой белизной снег... Много тревожных часов провела у его постели мама...

Пришел день, когда он снова стал ходить в школу. Однажды, пообедав, мальчик уже хотел садиться за уроки, как вдруг через окно увидел в долине группу мальчишек. Сашко катался по Лениной посадке на лыжах, а за ним все остальные на досечках, привязанных к ботинкам. Леня быстро набросил на плечи пальто и без шапки побежал через огород в долину, проваливаясь в глубоком снегу.

После болезни было еще трудно, и он задыхался, пыхтел.
— Ты... Ты чего посадку ломаешь?

— Какую посадку? — улыбался Сашко. — Смотри, как я выкручивать умею! — и он пошел, изгибаясь между рядами. Зацепил одну, другую, третью лозинку. А они так и ломаются на морозе.

Леня не стерпел, побежал за ним. Сашко юркнул, хотел убежать, но споткнулся и упал на лозинку, сломал еще одну. Вне себя Леня бросился на него, схватился за лыжу. Сашко дернулся, чтобы вырваться... и лыжа треснула.

— А, доигрался? Кто будет отвечать? Лыжи-то школьные! Все видели, что ты сломал, — кричал Сашко, сидя на снегу.

— Тебе лыжи жалко? — потрясал над ним руками Леня. — А посадку нет? Это я для того сажил, чтобы ты ломал? Да?

— Дай ему, Леня, чтобы не задавался! — подзадоривали вокруг мальчишки.

На следующий день после уроков на совете отряда разбирали драку между Сашей и Леней. Принесли и сломанную лыжу. Говорили много, азартно. Председатель совета отряда Галя Ясень не оставляла в покое Леню.

— Ты, Леня, не крути, а честно расскажи. Ты ведь пионер. Почему полез в драку? Зачем сломал школьное имущество?

— Это все Сашко виноват! — кричали отовсюду. — Он Леню посапку портит.

Галя поняла: драка случилась неспроста. Она решительно стала требовать объяснения:

— О какой посадке вы говорите? Где она?

Все смотрели на Леню, ожидая ответа, но он молчал. Разве можно было рассказывать, что его дядя Мартын Корнеевич придет из Киева посмотреть на какую-то там дубраву? Мальчик боялся, что его не поймут.

С последней парты кто-то выкрикнул:

— Там Леня деревья посадил, а Сашко их сломал.

И снова поднялся шум. Галя успокаивала всех:

— А я так думаю, если Леня посадил дерево, то зачем же ломать? Мы садим деревья вокруг школы, на дороге, и нам обидно, когда их обгладывают козы. Но и драться не надо. А за поломанную лыжу нужно платить.

Леня сорвался с места.

— Думаешь, за лыжу не заплачу? Заплачу... Но зачем он ломает деревья? Там когда-то дубрава росла, партизаны в ней

собирались, а если фашисты вырубili, так, по-вашему, уже конец ей?

Из-за стола поднялся старший вожатый Вася.

— Интересно... Значит, ты сам хотел посадить дубраву?

— Хотел и посажу! — с жаром ответил Ленья.

— Молодец! Только один ты с этим не справишься.

А мысль ты хорошую подал. Я так думаю: дубраву, о которой говорил Ленья, мы посадим всей пионерской дружиной. Это дело серьезное и нужное. У меня есть такое предложение: старшим назначить Ленью.

— Правильно! Ленью! — закричали пионеры.

— А командиром группы по охране посадки назначаем Сашу, — продолжал Вася. — Умел портить, пусть поучится охранять. Он парень умный и проворный, и никто у него не ломает. Ты не против, Сашко?

— Нет, — тихо ответил тот, радуясь, что все так хорошо окончилось.

...Уже из окна дома Ленья увидел, как по засыпанной снегом долине ходит Саша и приводит все в порядок.

Через неделю пионеры смастерили трехметровую линейку, измерили пустырь и начертили на большом листе план.

— А сверху что написать? — спросила Галя.

— Напиши: «Партизанская дубрава», — предложил Ленья. — Ее когда-то так называли.

— Пиши! Согласны! — зашумели все.

Так и написали.

На улице было тепло и солнечно. Мальчики ехали на груженной доверху телеге, и их лица так и светились от радости.

— Везут! Везут! — зашумели малыши, когда телега с саженцами приблизилась к месту посадки. Деревца мигом расхватили, все работали дружно, суетились, как пчелы в потревоженном улье.

А первого мая на радость всем деревца распустили почки. Вишни, черешни и абрикосы то здесь, то там зацвели белым и розовым цветом.

Охранная команда Сашка, вся вооруженная самодельными деревянными саблями и винтовками, по несколько раз в день обегала посадку, прогоняя надоедливых коз.

Деревья росли, как из воды... Пришло лето, вначале влажное, ласковое, а потом — сухие ветры и ни одного дождя. Тополи, ольхи, которые росли в долине, поднялись высоко, больше метра, а все, что росло на возвышенности, начинало сохнуть. Жалко было смотреть, как чахнут и умирают молодые деревца.

Ленья начал поливать растущие ближе к колодцу деревья. Но воды было мало, да и сможет ли он все сам полить?

Огорченный, сел он над колодцем.

— Что, поливать надо? — над ним стоял председатель.

Леня поднял голову.

— А чем? Вон полил немного — и воды нет.

Председатель посмотрел в колодец.

— Да, действительно, воды маловато. Даже реки пересохли в такую жару. Но наша еще течет помаленьку, — и он показал рукой на заросшую осокой речушку. — Надо бы оттуда носить.

— Далеко, не смогу много, — безнадежно протянул мальчик.

— А ты собери детвору.

— А ведь правда — как я раньше об этом не подумал!

Он бросил ведро и во весь дух побежал в село за пионерами, чтобы они спасали дубраву.

На следующее утро, будто муравьи, забегали между деревьями дети. Не прошло и полдня, как все деревья были политы. Напилась сухая земля, повеселели деревца...

На славу росла дубрава, хотя несколько раз приходилось поливать ее, пока не пошли июльские дожди. Дети и взрослые радовались своему труду. А больше всех радовался Леня. Он уже не боялся, что должен приехать дядя Мартын. Саша ревниво охранял каждое дерево. Даже козы узнавали его издали и убегали, помня про наказание.

Кочилось лето. Как-то пришел Леня домой и сел писать письмо:

Дорогой дядя!

Первого сентября в этом году мы встречаем праздник юности в Партизанской дубраве, которую вы так любите и хотите увидеть. У нас все молодое, и не удивляйтесь, что наша дубрава тоже молодая, будто весной посажена. Но она цветет, как наша пионерия!

Праздник у нас будет очень интересный. Девушки сплетут венки, и мы украсим ими вишню, которая растет над вашей криничкой. Приезжайте, Вы будете довольны.

Ваш Леня.

Он заклеил письмо, написал адрес и задумался. Закрыв глаза и представил, как уже ветви подпирают синее небо. Сплетаются. Это дубрава растет.

К. ГРИБ

ШАГ К ГРАНИЦЕ

Шестиклассник Чарва Аннаяров и его друг Алламурад Овезов возвращались домой от друзей из соседнего поселка. Летом в пустыне темнеет поздно, но сразу — сумерек почти не бывает. Темнота внезапно рухнула на ребят.

— Смотри, Чарва! — показал Алламурад на темный силуэт у дороги. На кромке шоссе, ведущего в Ашхабад, сидел человек.

— Дядя, вы устали? Может быть, вам помочь?

— Воды не найдется? — спросил человек.

Алламурад отвинтил пробку солдатской фляжки — ее выдали ему в отряде юных друзей пограничников вместе с формой. Он еще в пятом классе записался в этот отряд.

— Спасибо, — сказал человек. — Давно не пил такого вкусного чаля.

Этот напиток из верблюжьего молока приготовила мама Алламурада. «Без чаля в пустыню не отпускает, — говорил Алламурад. — Чал утоляет жажду лучше воды».

Человек встал. Вернул флягу и, кивнув ребятам, двинулся в Ашхабад.

— Чал как чал, — пожал плечами Алламурад. — У нас в Каахке в каждой семье такой делают. И у станции он продается... А, Чарва?

Чарва смотрел вслед незнакомцу. Он прихрамывал на левую ногу. Видно, стер в пути.

— Он не туркмен, — вслух размышлял Алламурад. — И живет явно не в нашем районе...

— Почему ты так думаешь? — перебил друга Чарва.

— Шапка не по-нашему сшита!.. Беги на заставу! А его, — Алламурад кивнул вслед уходящему, — я попробую задержать.

— Вдруг у него оружие? — испугался за приятеля Чарва. — Или он знает каратэ?

— Беги. Нас в отряде самбо учили...

Сигнал тревоги поднял солдат на заставе. «Садись!» — командир группы захвата распахнул перед Чарвой дверцу машины. «Я буду участвовать в задержании?» — обрадовался мальчик. Командир улыбнулся в ответ и провел ладонью по его жестким волосам. Машина уже мчалась по дороге Каахка — Ашхабад.

В это время Алламурад тихо, как кошка, крался по кромке шоссе. Позже он рассказал, что тогда его волновали две проблемы: не потерять из виду белую шапку незнакомца (белый цвет даже в темноте чувствуешь с расстояния 10—15 метров) и не наступить на гюрзу (эти змеи любят лежать даже ночью на нагретом асфальте). «И все?» — спросил я. «Нет, — ответил Алламурад. — Я думал, добрался ли Чарва. И скоро ли приведет пограничников...»

Время тянулось. «Надо что-то предпринимать, — подумал Алламурад. — Вдруг незнакомец свернет с дороги?» Созрело решение: догнать, остановить. Но не насторожить бы его при этом... Алламурад отстал еще метров на двадцать, а потом пошел по шоссе открыто, что-то насвистывая, легко, беззаботно...

Человек остановился. Оглянулся. Каким-то шестым чувством Алламурад ощутил: сейчас бросится в сторону, побежит.

— Эй, дядя! — крикнул Алламурад. — Не в Карахан ли идете? Если так, то нам по пути... Кстати, может, еще чалу выпьете? Мама готовила...

Напряжение спало. Незнакомец узнал мальчика и, видимо, решил, что бояться ребенка не стоит.

— А где твой приятель? Тот, что поменьше?

— Он дома уже. Я его провожать ходил. Сейчас к себе возвращаюсь...

— Никогда в жизни не болтал так много, как в тот раз, — рассказывал потом Алламурад. — Рта незнакомцу не давал раскрыть. Хоть он и хорошо — без акцента, чисто — говорил по-туркменски.

— Я тороплюсь! — раздраженно оборвал мальчика незнакомец.

— Что вы, дядя! — простодушно развел руками Алламурад. — Спешить вам нельзя, ведь нога стерта, хромаете. Может, присядем? Отдохнем? Я вам и пластырь дам, ранку на ноге заклеите...

Незнакомец сел, развязал шнурки. Вдали на шоссе слышался шум мотора.

— Что это? — встрепнулся мужчина.

— А! — беззаботно махнул рукой мальчик. — Почтовая машина. За газетами! В Ашхабадский аэропорт...

Через минуту машина затормозила в пяти метрах от них. Из нее выпрыгнули солдаты группы захвата.

— Документы!

Незнакомец поднял руки, сидя на асфальте...

Несколько месяцев спустя в штабе погранотряда Алламураду Овезову вручили медаль «За отличие в охране государственной границы». Он хранит ее вместе с Почетной грамотой Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации. Такой же грамотой — за смелость, решительность, находчивость при задержании нарушителя границы — награжден и Чарва Аннаяров. Он тоже вступил в отряд юных друзей пограничников. И так же, как Алламурад, мечтает стать офицером и служить на границе.

К трудной, но очень почетной службе делают ребята свой первый шаг.

С. ГОНЧАРЕНКО

МАЛЕНЬКИЙ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Он вошел в кабинет хирурга — маленький человек в синей больничной пижаме. Напряженно приподняв худенькие плечи, слегка расставил согнутые в локтях обгоревшие руки, чтобы защититься от боли.

— Тебе трудно сидеть, Юра? — спрашивает доктор.

— Нет, не очень.

— Завтра будем делать пересадку, это очень нужная для тебя операция.

Мальчик с доверием смотрит на хирурга и откликается эхом:

— Нужная...

Потом мы вышли в больничный парк, и он серьезно убеждал меня, что действительно все не очень больно и не очень страшно, даже операция — «под наркозом ведь». За месяц, проведенный в больнице, среди обычных больничных разговоров он научился думать о своем здоровье как бы со стороны, сопереживая врачам с недетской серьезностью.

...Где-то в стороне показалась собака.

— Бездомная, — сказал он. — Поэтому злая. У меня дома две собаки и три кошки. Последнего котенка у соседей взял: они топить хотели...

Мы сидим рядышком, он щурится от яркого солнца, локти по-прежнему разведены в стороны, и тело напряжено, как струна. Когда я осторожно провожу рукой по ежику его обожженных волос, то чувствую: он на мгновение расслабляется, нет напряженной струны, просто маленький мальчик, которому досталось трудное испытание.

Юрка уверен, что ни разу не терял сознания и помнит все, что случилось в тот день и после. Помнит, как плакала по дороге в больницу мать и спрашивала: «Ну зачем, зачем ты туда пошел?» Он не знал, как объяснить, чтобы она не плакала, а слов не было, и непослушный язык повторял одно и то же: «Мамка, тракторист сгорел бы и трактор». Подумал: наверное, она все поняла, раз больше не спрашивает. Он не знал, что тогда наступил шок, а в больнице врачи день и ночь воевали за его жизнь. И только потом сын смог рассказать матери, как это произошло...

Они возвращались с озера домой. Юра Старовойтов и пять ребят: Юра — самый младший из них, пятиклассник. На краю убранного поля стоял новенький трактор Т-150. «Эй, хлопцы, — позвал тракторист, молодой парень. — Ну-ка, помогите, западите копны». Дал спички, факел. (Это грубое нарушение правил, но о том разговор был особый). Хлопцы быстро справились с делом, потом всей компанией залезли в кабину: тракторист обещал покатать. Они проехали совсем немного, как вдруг трактор зацепил одну из горящих копен. Растревоженный огонь потянулся к машине. Шестнадцатилетний Гриша схватился за ручку кабины, замок с трудом подолся. Ребята выпрыгнули на землю. Вместе с ними — тракторист. Схватил пук соломы, судорожными движениями стал колотить им по пламени. «Дяденька, что ты делаешь, зачем соломой тушишь?!» — бросились к нему мальчики. Они хватали куски земли и бросали в огонь. «Тушите, тушите, чтоб с машиной ничего не случилось!» — кричал тракторист.

Снова и снова мальчишки бросали землю в огонь, видели, как он постепенно сжеживается, отступает от машины. Никто из них не убежал, не спрятался. Они поступали так, как необходимо было поступать людям в трудной ситуации. Тракторист влез в кабину, чтобы отвести трактор. Крикнул детям: «А вы тушите!» Все последующее укладывается в несколько минут. Огонь был позади трактора. Вдруг кто-то крикнул: «Там же бак, что будет!»... Юра услышал эти слова, поднимая новый ком земли. Он мог бросить его тут же, до трактора надо было бежать еще несколько метров. Огонь... бак... человек в тракторе...

Он бежал со своей ношей так, словно у него в руках было сейчас единственное спасение от огня. Он бежал вперед, а не назад. Бежал навстречу реальной опасности — деревенский парень знает, что такое горящий трактор. «Там человек, — думал он, — нужно быть около него».

Огонь был уже совсем рядом. Юра размахнулся, бросил ком и... он не успел отпрянуть, когда в машине вдруг лопнула от огня трубка гидросистемы, из нее вырвалось масло, пламя полыхнуло с удесатерившейся силой, жадно набросилось на мальчика в расстегнутой до пояса рубашке. И, точно насытившись, прискмирело.

В первое мгновение дети не поняли, что произошло. Потом услышали крик Юры: «Хлопцы, быстро меня в больницу». Содрали рубашку, подхватили его под руки. Два с половиной километра дети тащили Юру на руках. Потом их догнала машина главного агронома. Юру успели доставить в больницу...

Маленькие мужчины уходили с поля, как бойцы, унося на руках раненого товарища. И если кто-то спрашивает, откуда берутся мужественные взрослые, я знаю, что отвечать: ими становятся мужественные дети.

За мужество и героизм, проявленные при тушении пожара на колхозном поле, Старовойтов Юрий — пионер дружины имени Олега Кошевого Полянской восьмилетней школы Мелитопольского района Запорожской области — занесен в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации.

Т. ЧЕСНЯК

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Событие это произошло в 1970 году, в год празднования 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Из Ленинграда, где в честь юбилея вождя революции проходил Всесоюзный пионерский слет, в маленькое горное село Луг Раховского района на Закарпатье прилетела телеграмма. Штаб слета горячо приветствовал учащихся и учителей Лужанской восьмилетней школы в связи с награждением ученика Нико-

лая Бернара, в числе других тридцати трех участников слета, юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

За что же пионер-семиклассник был удостоен такой высокой чести? Об этом наш рассказ.

Село со всех сторон окружают Карпатские горы, сочно-зеленые летом, в золотой россыпи листвы осенней порою. Село горное, а называется Луг, потому что раскинулось оно в разлогой долине речки Тиссы, живописно усеянной валунами. Река неширокая, в жар-

Коля Бернар

кую пору она, случается, высыхает и становится узкой, как ручеек. Но какой же бурной, многоводной бывает Тисса в половодье! Не только весной, когда тают снега, но и летом, когда идут дожди, с гор в долину мчатся тысячи водопадов и ручьев. Тогда всего за одну ночь разольется река во всю долину, размывая все, что попадет на ее пути.

Так было и в эту майскую ночь. Накануне, не переставая, два дня лил дождь, и Тисса вышла из берегов. Рев реки разбудил Колю среди ночи. Бросился к окну: там разъяренным зверем ревела черная вода. Мальчик встревожился: «А как же наша школа, она же стоит на самом берегу!» Быстро оделся и выбежал в темноту ночи. Вокруг ревела вода. Коля бежал, не чувствуя, что ноги его уже давно по щиколотки в воде.

Вот и школа. Здесь воды было больше, она уже подступила к окнам, проникла в помещение. «Там знамя, — мелькнула мысль, — документы, книги». Ни минуты не колеблясь, пионер бросился к двери. Резко потянул к себе — навстречу ему хлынул черный холод ревущей воды. Это не остановило мальчика. Он смело пошел вперед. Вначале вброд, потом поплыл, как был, в одежде.

Дверь в пионерскую комнату, где стояло знамя, была закрыта. Из всех сил Коля рванул ее на себя — и вновь повторилось то, что уже было: бурный поток, вырвавшись из плена, подхватил мальчика и отшвырнул его в сторону. Но Коля не сдался. Преодолев течение, он вновь поплыл к двери, потом, почувствовав дно, пошел вброд.

Знамя стояло на своем месте — в углу, в стойке. Вода поднялась здесь высоко, и чтобы выдернуть знамя, Коле пришлось подтянуться на руках. Ему это удалось: не зря ведь он был хорошим спортсменом.

И вот знамя в руках у пионера. Коля лег на воду. В одной

руке он крепко держал древко, другой — греб, и течение мгновенно вынесло его к выходу. Уже у дверей пошел вброд, с трудом удерживаясь на ногах среди бурного потока.

Когда мокрый, весь в иле, Коля выбрался из помещения со знаменем в руках, его со всех сторон окружили люди. Это были учителя, ученики, односельчане, которые, почувствовав беду, тоже прибежали к школе.

Мужественный поступок юного ленинца зажег сердца людей. Четыре дня пионеры вместе с учителями, родителями боролись с разъяренной стихией, спасали документы, книги, экспонаты школьного музея. На помощь пришли жители соседних сел. И все эти дни над восьмилеткой горного села Луг гордо развевалось красное знамя, спасенное юным ленинцем — семиклассником Колей Бернаром.

После окончания школы Коля служил в Советской Армии, а в дни, когда в Киеве проходил XXII съезд комсомола Украины, он участвовал в приветствии делегатов съезда, держа в руках спасенное им знамя пионерской дружины.

Героический поступок Коли Бернара служит живым примером тем, кто приходит учиться в Лужанскую школу. Юные ленинцы, равняясь на героев, понимают: героями не рождаются. Героями становятся. Но стают не случайно. Готовность к героизму воспитывается в человеческом характере с детства школой, пионерской и комсомольской организациями, хорошими примерами, литературой.

М. ЛЕМБЕРСКАЯ

«ГЕРОЙ УМИРАЕТ, НО ИМЯ ЕГО ЖИВЕТ»

В кабинет директора 134-й школы города Баку Аполлинарии Павловны Седовой осторожно постучались. Не успела она ответить, как дверь немного приоткрылась, и в комнату боком протиснулся пожилой мужчина. В руках он мям газету.

— Я не по личному делу... Я прочел вот это,— он ткнул пальцем в газету,— и не мог не прийти... Какой мальчик!.. Весь наш завод только о нем и говорит...

Голос его прерывался от сильного волнения. Прижав руки к сердцу, он продолжал:

— Я пришел сказать вам спасибо за Тофика. Спасибо школе, которая воспитала такого героического юношу!..

С трудом выговорив это, посетитель внезапно повернулся и, скрывая блеснувшие на глазах слезы, вышел.

Рассказывая об этом неожиданном госте, Аполлинария Павловна сама начинает волноваться:

— Вот уже сорок с лишним лет, как я работаю в школе, а такого не припомню. Если бы вы знали, как трогательно было слушать скупую похвалу старого рабочего!.. Это высшая

оценка нашему труду. Конечно, подвиг, который совершил Тофик, достоин всеобщего восхищения. Посмотрите, что пишут со всех концов страны...

И Седова протянула мне довольно объемистую связку писем. Беру наугад письмо, адресованное товарищам Тофика Гусейнова по классу. Пишет учительница школы № 372 Сокольнического района Москвы Л. А. Кузьмичева: «Первого сентября свой урок в 3 классе я начну не обычно. Хотя мои малыши раньше и не слышали о Тофике, теперь они узнают о нем из моего сегодняшнего рассказа.

Мы постараемся, приложим все силы, чтобы наш класс был лучшим в школе, и тогда нам, наверно, разрешат носить имя вашего товарища. Октябрюта моего класса в этом году будут пионерами, и я надеюсь, что нашему пионерскому отряду будет присвоено имя Тофика Гусейнова».

Письма приходят не только в адрес школы. Их получают газеты Азербайджана, родители Тофика. Многочисленные адресаты восхищаются подвигом самопожертвования, совершенным Тофиком Гусейновым, выражают соболезнования его родителям, товарищам.

«Такие поступки совершают только сильные и смелые люди, — пишет из Москвы А. Карамзина. — Об этом героическом поступке в мирное время должны знать все школьники нашей страны».

В некоторых конвертах приходят стихи, не всегда умелые, но продиктованные искренним чувством, с посвящением «Памяти Тофика Гусейнова». Но почти во всех письмах читаешь слова: «Будем такими же, как Тофик». А вот что написали в газету товарищи Тофика по школе: «Его светлый образ будет вечно жить в наших сердцах».

Что же совершил этот юноша? Почему это имя вдруг стало известно во всех концах нашей необъятной Родины? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к событиям одного августовского дня.

Бакинское жаркое лето было в самом разгаре. Тофик вместе с сестрами Рафигой и Миной отправился на Шувелянский пляж. Вволю накупавшись, Тофик уже собирался выходить на берег. Внезапно он услышал крики о помощи.

Раздумывать было некогда, и Тофик в один миг повернул назад. Он плыл туда, откуда слышал голоса. Мальчика и четырех девушек течением относило к скалам, в опасное место...

Тофик Гусейнов

Шире и сильнее становятся взмахи рук, тело буравит воду. И вот перед Тофиком искаженное ужасом лицо Джавида Искендерова. Тофик успевает его схватить и с тяжелой ношей в руках, не щадя своих сил, плывет обратно. Спешит: ведь там, позади, еще четверо беспомощных девушек.

Мальчик на берегу, он спасен.

Не передохнув, Тофик вновь бросается в море. Надо плыть. Но куда? Криков уже не слышно. До боли в глазах всматривается он в воду. Вот что-то мелькнуло... Юноша ныряет. Проходит секунда, две... У стоящих на берегу малышей замирает сердце от страха. Но вот Тофик опять появляется на поверхности. Разгребая воду одной рукой, он другой тащит за собой бесчувственную, но живую Шахлу Искендерову.

Как быстро летит время! Успеешь ли ты, Тофик? Он в третий раз уходит в море. Плыть трудно, волны несут, тянут на дно. Голова налилась свинцом, руки отяжелели. Но в мыслях одно: только бы успеть, ведь их еще трое. Еле живую Римму Джанибекову он с трудом вытаскивает из воды, торопливо кладет на скалу... И снова, в четвертый раз, бросается в море. Сестры с берега видят, как отчаянно борется отважный юноша, спасая жизнь Гюляры Искендеровой и Солмаз Садыковой...

Мина и Рафига стоят на берегу и видят: Тофик, тяжело загребая одной рукой, плывет, приближается. Как бы ему помочь? Но ни одна спасительная мысль не приходит в голову, они растерялись, словно оцепенели. Перед глазами бледное, как бумага, лицо брата, смертельная мука написана на нем. Оно мелькает среди черных волн, все ближе и ближе... И вдруг скрывается. Казалось, сейчас появится вновь брат, выплывет. Но лишь круги расходились на том месте, где он был мгновение назад...

*

Когда мысленно рисуешь себе образ Тофика Гусейнова, прежде всего обращаешь внимание на то, что он ничем особенным не выделяется среди многих советских юношей и девушек. В начальных классах школы его дразнили «Читой» — это был вихрастый, подвижной, как ртуть, мальчик с торчащими ушами. Но к пятнадцати годам он вдруг как-то сразу вытянулся, раздался в плечах, его стали называть Боцманом. Тофик любил море и после окончания школы мечтал поступить в морское училище.

Как и многие наши школьники, он страстно любил книги. На отдельной полке у него стояли «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия», «Сильные духом». Но самой любимой была повесть «На дальних берегах», которую написали азербайджанские писатели Гасан Сейидбейли и Имран Касумов. В этой книге они рассказали о подвиге Мехти Гусейн-

заде — художника и храброго партизана, который в годы войны на берегах Адриатики проявил чудеса героизма. Сей-идбейли был соседом Тофика. Приходя к писателю, мальчик мог часами слушать рассказы о любимом герое. А сколько было восторга, когда пришла весть, что Мехти посмертно присвоено звание Героя Советского Союза!

Пожалуй, этим обостренным интересом к подвигам, сильным людям Тофик немного отличался от других. Он мог долго спорить с товарищами о том, что значит любовь к Родине, в чем смысл подвига. Любил он и беседы на эти темы с отцом-подполковником.

Тофик появился на свет в тяжелый год войны. Когда он произнес слово «папа», его отца не было рядом с ним, он сражался за Родину. На флоте были и братья отца: старший, Махмуд, и младший, Мухтар.

Когда окончилась война и Тофик подрос, он часто просил отца и дядю — а они жили вместе, одной семьей, — рассказать о пережитом. Мухтар вернулся домой майором запаса, имея девять правительственных наград. Было о чем рассказать и дяде Махмуду, bravому старшине-танкисту. С особым вниманием слушал Тофик его рассказ о том, как в 1942 году он спас тонувшего во время переправы через Дон комиссара полка, как он вынес с поля боя раненого командира взвода.

Может быть, в эти минуты рождались у мальчика мысли: «А как я поступлю в подобном случае?.. Конечно, так же, как дядя Махмуд».

С раннего детства воспитывал Тофик в себе бесстрашие, вырабатывал силу. У него было много друзей: и в Хичмесе, и в Нахичевани, и в Баку — всюду, куда заносила Тофика кочевая жизнь отца военнослужащего. Если надо кому-нибудь помочь, он тут как тут. Особенно не мог он терпеть, когда при нем обижали слабых и младших, и всегда вступался за них.

Добрый, отзывчивый, жизнерадостный, хороший товарищ и помощник — таков Тофик и таким он останется навсегда в памяти людей, будет служить примером всем ребятам.

Школе, где он учился, присвоено имя Тофика Гусейнова, посмертно награжденного медалью «За спасение утопающих».

Э. ТЕОСЯН

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Дом Вали Терещук — недалеко от леса. С этим лесом связано многое из истории родного города. Январской порой двадцать первого года в этих лесах, в сорока километрах от Фастова, прокладывал узкоколейку Николай Островский. В октябре 1943 года здесь, на окраине, в одной из хижин фашисты сожгли профессора Киевского медицинского института Петра Михай-

Валя Терещук

ловича Буйко — активного участника партизанского движения на Украине. Петр Михайлович возглавлял медицинскую службу партизанского отряда.

Валя ходит в школу во вторую смену. Скоро на обед придет с работы отец (Владимир Афанасьевич — электрик хлебоприемного предприятия), вбежит в комнату заснеженный шестилетний брат Сережка, который сейчас где-то катается на санках, и вся семья, кроме мамы (Надежда Андреевна на работе), сядет за стол. А потом Валя пойдет в школу.

Не дождавшись брата, девочка выбежала посмотреть: где же задержался Сережка?

Вдруг увидела — пожар!

Бросилась к соседнему дому. Пламя уже ползало по подоконнику. За стеклом виднелась фигурка пятилетнего Андрюши. «Алена задыхается!» — плакал он.

Валя подбежала к двери, рванула ее к себе, но дверь была закрыта изнутри. Окликнула мальчика, приказала ему снять крючок. Когда дверь открылась, выхватила Андрюшку из пламени — и на улицу.

Теперь — за Аленой!

В комнате стало трудно дышать от едкого дыма. Лицо обдало жаром, стены, пол и потолок были в огне. Валя испугалась, но все же стала искать Алену. Девочка лежала на диване, задыхаясь от угара. Валя схватила ее на руки и, шатаясь, вынесла из комнаты.

— Опоздай Валя на несколько минут, — рассказывал позже председатель районного совета добровольного противопожарного общества, — дети могли погибнуть. Андрюша играл спичками и зажег кучу бумаг.

В школе Валу уважают как взрослых, так и друзья. Она энергична, смела, инициативна, сердечна, охотно помогает товарищам. Всегда активно участвует в пионерской жизни школы, хорошо учится.

— Девочка очень скромна, — говорит классный руководитель. — Не сказала никому ни слова о своем поступке. Об этом мы узнали от других.

Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР пионерка Валентина Терещук за мужество и отвагу, проявленные при спасении детей во время пожара, награждена медалью «За отвагу на пожаре».

А. АСТАФЬЕВ

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ ССР
О НАГРАЖДЕНИИ ТЕРЕЩУК В. В. МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ НА
ПОЖАРЕ»**

ЗА МУЖЕСТВО И ОТВАГУ, ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ СПАСЕНИИ ДЕТЕЙ ВО ВРЕМЯ
ПОЖАРА, НАГРАДИТЬ ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССР
УЧЕНИЦУ 5-ГО КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 1 ГОРОДА ФАСТОВА КИЕВСКОЙ
ОБЛАСТИ

ТЕРЕЩУК ВАЛЕНТИНУ ВЛАДИМИРОВНУ

медалью «За отвагу на пожаре».

Председатель Президиума Верховного Совета
Украинской ССР *А. Ватченко*

Секретарь Президиума Верховного Совета
Украинской ССР *Я. Колотуха*

г. Киев, 19 мая 1982 г.

ДОБРОТА ДЕТСТВА

Юннаты Винницкой области организовали конкурс «Родник». Юные друзья природы нашли, расчистили и озеленили 18 тысяч родников.

За один только 1981 год голубые патрули отыскиали три тысячи родников. Больших и маленьких. Из них 258 нашли и расчистили члены экспедиционного отряда «К тайнам природы» Вахновской средней школы Липовецкого района.

О ЧЕМ ПОЕТ РОДНИК

Учительница биологии Вахновской школы Лидия Иосифовна Герасименко за свою жизнь воспитала не одно поколение юннатов. Каждого научила понимать язык птиц и зверей, слушать голос родника...

— Вы только наклонитесь, послушайте, как он поет! — говорила мне Лидия Иосифовна, остановившись возле «Сердца» — любимого родника выпускницы школы Вали Мамковской.

— Сердце... А почему так назвали? — поинтересовалась я.

— А посмотрите: он действительно имеет форму сердца, — Лидия Иосифовна очертила на земле контуры родника.

— Действительно, как сердце, — согласилась я. — И не подумала б, что такие родники бывают!

Света Кривак, член экспедиционного отряда, присутствовавшая при этом разговоре, добавила:

— Он каждую минуту вливает в нашу речку Вильшанку около двадцати литров воды. Мощный, правда? А какая в нем вода! Чистая, словно хрустальная! Вот попробуйте! — и протянула мне деревянную кружку.

Я с удовольствием выпила. И признаться, подумала: «А может быть, такая на вкус эта вода потому, что добрые руки подарили ее людям...»

Вот уже больше часа продолжалась эта необычная экскурсия по Вахновским лескам и заливным лугам, где журчали юннатские родники. Я увидела десять прудов, находящихся на территории местного колхоза «Россия», живописное озеро в карьере, на берегах которого так любят отдыхать взрослые и дети.

Много усилий стоило ребятам, чтобы вода в озере была чистой. И вдруг беда: как-то дозорные отряда голубых патрулей заметили, что колхозный шофер подъехал своим бензовозом к озеру и стал там мыть машину. Пока дозорные собрали весь отряд, жирная пленка покрыла почти все озеро. Могла погибнуть рыба. И тогда кто-то предложил вымакивать старыми газетами пятна мазута, чтобы они дальше не растекались. А потом грязную бумагу сложили на берегу и сожгли. О поступке шофера голубые патрули сообщили председателю колхоза «Россия». Виновный был строго наказан.

Случалось раньше, некоторые механизаторы из райсельхозтехники доставляли много неприятностей голубым патрулям. Так, кое-кто из них ловил рыбу во время нереста, срывал листовки и плакаты о двухмесячнике охраны рыбных запасов, развешанные в селе. Сейчас такого нет.

Незаметно пролетел день в рассказах и путешествии по селу Вахновка. Каких только родников я не увидела: «Мечта», «Черемшина», «Пчелиное» и один из самых больших родников «Водопад»! Много лет тому их разыскали дети, уже закончившие Вахновскую среднюю школу, а за их родниками и деревнями, посаженными вдоль берегов, ухаживают нынешние голубые патрули экспедиционного отряда. Каждый из найденных родников они расчистили, углубили, заботливо обложили дерном, обгородили деревянными досками. Поставили колышки, повесили кружки и прибили дощечки с надписью: «Пейте, люди, на здоровье нашу родниковую воду!»

...И снова выходит в дозор нынешний отряд «К тайнам природы». Спешат на работу, шагая улицами села. В руках у ребят лопаты, сапки, ведра. Стало известно юннатам, что извивается вдоль заливных лугов узенькая речечка — один из рукавов Вильшанки. Летом она пересыхала во многих местах. Голубые патрули возвратили ей жизнь. А вдоль нее откопали и отгородили более пятидесяти родников. Они, вместе сливаясь, питают речку Вильшанку.

Поют, оживая, родники в селе Вахновка. И каждый, кто подарил им жизнь, хорошо знает, какое большое значение имеет в жизни людей чистая вода. Ведь там, где вода, поднимаются зеленой стеной леса, колосится золотистая пшеница, выводит нежные трели полевой жаворонок.

ЛЕСНАЯ АПТЕКА

Когда вы покупаете в аптеке бабушке или маме валерьяновые капли, то, наверное, и не задумываетесь над тем, какой долгий путь проделали они, прежде чем попали на полку «Готовые лекарства». А между тем, это такие полезные, необходимые лекарства. И, наверное, не каждый знает, что готовят их из лекарственных растений, которых, к сожалению, все меньше и меньше остается в окружающей природе.

Валериана, ромашка, адонис, первоцвет — этот перечень можно было бы продолжить. Только в Винницкой области 120 видов редких растений взяты под охрану закона. Из них большинство — лекарственные. Тогда и задумались кружковцы Винницкой областной станции юннатов над тем, как добиться, чтобы не уменьшались запасы ценных растений в окружающих лесах и дубравах.

И решили собирать семена этих растений и высевать на учебно-опытных участках, чтобы получить рассаду. А уже потом эту рассаду высаживать в лесу.

Так родилась еще одна чудесная операция — «Лесная ягода», которую подхватили пионеры Полтавщины, Киевщины, Сумщины и других областей республики.

Уже в первый год юннаты посадили на массивах Михайловского лесничества 8 гектаров лекарственных растений. На следующий год — еще 12 гектаров... Девочки из кружка физиологов-фармакологов, работающего при Винницкой областной станции юных натуралистов, заворачивают в пакетики семена и на каждом делают надписи: «Валериана», «Адонис»...

— Это мы будем посылать семена в школы области, где тоже высаживают в лесу лекарственные растения, — объяснила руководитель кружка.

Инициативу юннатов Винницкой областной станции подхватили пионеры многих школ области. На больших просторах винницких лесничеств появились новые плантации целебных растений, таких необходимых, нужных людям. Начали путешествовать «зеленые аптеки».

Уже не первый год работает при Вороновицкой средней школе школьное лесничество. За лесничеством закреплено 342 гектара леса. Дел у юных друзей леса не сосчитать. Прежде всего нужно как следует выполнить все поручения шефов из Вороновицкого лесничества — ухаживать за новыми посадками, смастерить и повесить в лесу синичники и скворечники. И, конечно же, исследовать и изучить растительный и животный мир леса. Тут много растений, занесенных в Красную книгу УССР, среди них есть и лекарственные. Все собранные лекарственные растения под конец сезона ребята сдали в областное аптекоуправление.

Опытным сборщикам лекарственных растений Вороновиц-

кой средней школы № 1 помогают младшие юннаты из пионерского «Спутника». Они охотно работают и в школьном дендропарке, где растут деревья и кусты из разных уголков страны. Посадили его выпускники Вороновицкой школы № 1 и, словно эстафету, передали нынешним ученикам. И юннаты не только ухаживают за ним, но и собирают в лесу семена липы, клена, каштана для новых дубрав и дендропарков. А их шефы из Вороновицкого лесничества рассылают пакеты семян в разные уголки страны. И если вырастет где-нибудь на юге липовая или каштановая аллея, знайте: причастны к этому ребята поселка Вороновица, что в Винницкой области.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, БЕЛЫЕ АИСТЫ!

...Каждый год весной над многими винницкими селами взмахивают большими, словно паруса, крыльями белые аисты.

Вот уже много лет изучают юннаты жизнь этих редких птиц, занесенных на страницы Красной книги УССР. Ребятам удалось окольцевать более трех тысяч птенцов белого аиста. В таких масштабах кольцевание этой птицы еще не проводилось.

А начали это дело в Барском районе школьники села Ялтушков, воспитанники страстного природолюбца, учителя биологии местной школы Анатолия Леонтьевича Костокрыза.

Сейчас село Ялтушков даже невозможно представить без белых аистов. Об увлекательных походах юннатов в поисках гнезд этих прекрасных птиц рассказывает созданная ими «Карта-схема размещения гнезд белого аиста». На ней со скрупулезной точностью показаны улицы и уголки села, где обычно гнездятся белые аисты. Каждое из этих гнезд сейчас взято школьниками на учет.

Оживают весной старые гнезда аистов, показанные на юннатской карте-схеме. Все эти птицы сейчас окольцованы. А первого аиста школьникам села Ялтушков удалось окольцевать еще в 1974 году. Как раз тогда проводилась общеевропейская перепись гнезд белых аистов. И юннаты Ялтушковской средней школы по поручению Винницкого областного общества охраны природы тоже приняли в ней участие. В те дни они выехали в необычную экспедицию по окрестным селам. Ребятам нужно было обнаружить и зарегистрировать гнезда белых аистов. В экспедиционный отряд попасть было нелегко: принимали туда ребят старательных и закаленных. И прежде всего тех, кто хорошо учился. Ведь на поиски гнезд аиста часто нужно потратить очень много времени, а это не должно было мешать главному — школьным занятиям. Иногда приходилось добираться до гнезд с большими трудностями. Ведь птицы устраивали их на высоких деревьях, старых сараях, часто в местах совсем неожиданных.

Виктор Кобялко — выпускник Ялтушковской школы 1982 года, окольцевавший десятки аистов, долго готовил себя к тому, чтобы впервые подняться к гнезду. Сначала смотрел, как кольцоют аистов старшие товарищи: наблюдал, как они добираются до гнезда, как осторожно ловят птенца, чтобы его не напугать. И только через год решился самостоятельно окольцевать аиста. А потом и младших ребят научил этому нелегкому делу: когда взрослые птицы улетают в поисках пищи, только тогда можно подойти к гнезду и, поймав маленького птенца, надеть ему на лапку кольцо.

Много интересного увидели ялтушковские школьники во время этих экспедиций. Каждому, кто приезжает к ним в гости, они с гордостью показывают большой альбом с фотографиями, на которых зафиксированы картины таинственной жизни белых аистов. Открывается альбом прекрасными словами известного натуралиста нашего времени, страстного борца за охрану природы Бернгарда Гржимека: «Диких животных нужно беречь точно так же, как мы бережем картины Рафаэля, Кельнский собор, индийские храмы». И эти слова для юных природолюбцов Ялтушкова — не просто красивая цитата, выписанная из книги, а руководство к действию.

И если веселее стало еще в нескольких дворах их родного села, если взмахнули над хатами белыми крыльями новые аисты, прилетевшие весной из далеких теплых стран,— это заслуга ялтушковских юннатов.

Сейчас опыт юных орнитологов Ялтушкова изучают во многих школах области и республики. Данными наблюдений ялтушковских юннатов пользуются ученые Всесоюзного центра кольцевания, потому что школьникам удалось собрать ценные сведения об этих птицах, потому что треть всех окольцованных аистов по Советскому Союзу приходится именно на Винницкую область.

С. КОРСУН

ПОДВИГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1980 год. Солнечный ласковый день. Лазурная волна бережно гладит песок. Над республиканским пионерским лагерем ЦК ЛКСМУ «Молодая гвардия» трепещут флаги расцветивания. Звучит барабанная дробь, звонко поют горны, слышатся «речевки», дружины готовятся к торжественному открытию республиканского сбора.

Сюда, в Одессу, город революционной, боевой и трудовой славы, собрались лучшие представители военно-патристических объединений школьников: юные пограничники и летчики, танкисты и связисты, члены комсомольско-пионерских постов у Вечного огня. Интересной, кипучей пионерской

жизнью наполнился лагерь. Но каждый пионер в ожидании главного события: в открытии примут участие дорогие гости, мальчишки и девчонки военных лет, те, кто в грозные годы борьбы с фашизмом встал на защиту социалистической Родины, воевал на фронте, в партизанских отрядах, помогал подпольщикам. И вот они прибыли в «Молодую гвардию», близкие сердцу каждого юного ленинца, люди, знакомые по книгам, кинофильмам, фотографиям.

Конечно же, человек подвластен времени. Вот почему не всегда можно узнать в пожилом мужчине, седой женщине юных героев. И пионеры с большим интересом расспрашивают гостей о подвигах во время Великой Отечественной войны, послевоенной жизни. Много, очень много вопросов.

Тесным кольцом окружили мальчишки и девчонки в прошлом юных партизан, а в настоящее время — инженера Михаила Максимовича Глазку, литейщика Анатолия Александровича Гороховского, Валентину Яковлевну Проценко. Здесь же один из бывших командиров штаба Тимура прифронтового Киева ныне — инженер Новомир Маркович Гарцуненко. В полном составе пионерское звено «Товарищ», действовавшее в оккупированном Харькове. Экономистами теперь работают Валентина Максимовна Лихно и Светлана Федоровна Романенко, стала кандидатом наук Галина Ивановна Шереметьева.

Разговор ведется у костра, на пионерской эстраде, в библиотеке, клубе. Надо больше узнать, записать, чтобы потом рассказать об этой замечательной встрече своим товарищам по школе, классу. И каждому пионеру глубоко в сердце запало то, что мирная жизнь этих мужественных людей была такой же героической и напряженной, как и жизнь трудовая. Их подвиг боевой продолжается в ежедневном труде на благо Отчизны.

Удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда бывшая юная разведчица Адель Николаевна Литвиненко. Рядом с орденом Ленина, которым награжден бывший юный подрывник Владимир Петрович Казначеев, сияют ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Орденом Трудового Красного Знамени отмечены мирные заслуги бывшего юного партизана Вадима Александровича Гороховского. Медалями «За трудовое отличие» и «За отличную службу по охране общественного порядка» награжден юный партизанский связной Виктор Борисович Коновальчук.

Подвиг продолжается. Жизнь детей-героев была и будет достойным примером для пионерии. В одном строю с юными героями военного времени стоят юные героини сегодняшних дней.

Не всегда имеется возможность встретиться со сверстниками, такими же школьниками, но уже проявившими отвагу, смелость, мужество. И пионеры, сидящие у костра, не сводят глаз с мальчишек и девчонок, на груди у которых наряду с пионерским галстуком, комсомольским значком приколоты

медали. Скромно ведет свой рассказ Володя Хлопецкий, учащийся 9 класса Краковецкой средней школы Львовской области. За проявленную бдительность и помощь пограничникам в охране государственной границы он был удостоен медали «За отличие в охране государственной границы СССР» и знака «Отличник погранвойск» I степени. Такой же медалью был награжден школьник из Полтавской области Ваня Качан. Он во время летних каникул отдыхал в Евпатории. И здесь, при поимке вражеского лазутчика, проявил мужество и находчивость.

А вот Игорь Кугай, школьник из Стрия Львовской области. Пионер не задумываясь вошел в горящий дом, чтобы спасти жизнь человека. Его героический поступок был отмечен медалью «За отвагу на пожаре».

Среди участников разговора был и маленький мальчик с черными блестящими глазами, октябрятской звездочкой на

Участники встречи пионеров-героев времен Отечественной войны и наших дней

груди. Это третьеклассник Здолбуновской школы № 5 Ровенской области Витя Савченко. Конечно же, у многих возникал вопрос, как октябренок оказался в пионерском лагере, в числе юных героев? В беседе выяснилось, что он также совершил героический поступок.

Как-то возвращался Виктор со своими друзьями Русланом и Лесей из школы. Витя шел на лыжах. Их путь пересекала речка, и Руслан предложил перейти ее по льду. Во время перехода лед под Лесей провалился, и девочка оказалась в воде. Не раздумывая, Витя подъехал к тонущей девочке и подал ей лыжные палки. Он потом признался: было страшно, одежда Леси намочила и не хватало сил, чтобы вытащить подружку. Но Витя не мог оставить девочку в беде — и победил. Наградой ему стала медаль «За спасение утопающих».

Мальчика очень любят в школе. Эту любовь он заслужил хорошей учебой, активным участием в общественной жизни. Он помогает одноклассникам в учебе. Заболеет кто-либо из ребят — первым навестит товарища. Первым Витя и в спорте, особенно равнодушен к футболу, легкой атлетике. Сам придумал операцию «Заяц» и в морозные дни со школьниками на лыжах доставлял в лес корм для зверюшек.

Внимательно слушают дети и взрослые ученика 7 класса Фастовской средней школы № 1 Киевской области Вадима Дорожинского. Теплым июньским днем 1978 года Вадик с друзьями ловил на реке рыбу. Неожиданно раздался треск. Это обломились перила моста. «Неужели несчастье? Может, кто-нибудь из малышей упал в воду? — подумал школьник. — Ведь они всегда наблюдают за своими старшими товарищами».

Вадик бросился к мосту и увидел в воде тонущего мальчика. Не раздумывая, он прыгнул в реку. Пятилетний Слава был спасен.

Когда начался новый учебный год, на общешкольной линейке Вадиму Дорожинскому была вручена медаль «За спасение утопающих».

Они из одного класса, одной школы — Хворостянской Старобельского района Ворошиловградской области. Они не только одноклассники, но и друзья. Именно крепкая дружба, чувство локтя и помогли отвести беду.

А было это весной 1976 года, когда Володя Петренко и Володя Никитенко учились только в третьем классе. Ребята ехали по тропинке, вьющейся вдоль берега реки. Лед сошел. Было тепло и сухо. Настроение отличное и, казалось, ничто не могло прервать быструю езду. Но что это? Громкий крик у реки! Бросив велосипеды, два друга поспешили на зов. На берегу плакал Ленья Волошин. Показывая на темную весеннюю воду, он сказал, что в реке оказался его семилетний брат Виталий. Ребята сумели вытащить Виталия на берег, отнесли его во двор Володи Никитенко, оказали первую помощь.

Через некоторое время на груди у маленьких героев засверкали медали «За спасение утопающих».

Среди пионеров, отдохавших на этой смене в «Молодой гвардии», был и ученик 6 класса Днепропетровской средней школы № 34 Костя Сырников. Никто из его новых друзей по отряду не знал, что этот скромный отзывчивый мальчик также награжден медалью «За спасение утопающих». Свою медаль он надел только во время торжественного открытия.

— Костя, это твоя медаль? — спрашивали ребята.

— Расскажи о подвиге, который ты совершил, — настаивала вожатая.

Но мальчик скромно отмалчивался. Он считал, что это не подвиг, так бы поступил на его месте каждый советский школьник. И все же, когда Костю начали расспрашивать Владимир Петрович Казначеев, Михаил Максимович Глазок, Адель Николаевна Литвиненко, он рассказал:

— Это было в августе 1978 года. Я гулял у реки. Вдруг заметил плывущий детский ботиночек. Успел сообразить, что кто-то попал в воду и тонет. И даже не помню, как сам оказался в реке. Под мостом увидел маленькую девочку. Она то скрывалась под водой, то вновь появлялась на поверхности. Девочка была без сознания. В общем, сумел ее вытащить на берег.

Таким же смелым и решительным оказался школьник Игорь Нужденко из поселка Зуевки Донецкой области. Услышал крики малышей. Выяснив, что тонет их товарищ, Игорь прыгнул в реку. Жизнь восьмилетнего Артура была спасена.

Через несколько дней Игорю Нужденко была вручена медаль «За спасение утопающих».

Их много, ребят, награжденных и не отмеченных наградами — спасших кому-то жизнь, вставших на защиту народного добра, предотвративших крушение поезда, оказавших помощь пограничникам, вырастивших высокий урожай. Их миллионы советских школьников, комсомольцев и пионеров, верных делу великого Ленина, коммунистов-ленинцев, героическим революционным, боевым и трудовым традициям советского народа.

...В торжественном строю застыли пионерские колонны. Звучит песня. Ее подхватывают красногалстучные:

Мы посланцы грядущей весны,
Нам шагать по дорогам лучистым.
Нам сквозь годы нести знамя нашей страны,
Славу наших отцов-коммунистов.

Плечом к плечу идут на торжественную линейку открытия республиканского сбора пионеры двух поколений, гордость Украинской республиканской пионерской организации, гордость нашей страны.

И. ДРИГУС

БЕССМЕРТИЕ

(Послесловие)

Юный друг! Эта книжка давно уже стала учебником мужества, стойкости, героизма, любви к Родине, верности делу коммунизма. Она стала святыней для юного поколения. Нескольким раз эта книга выходила в свет, пополняясь и обогащаясь все новыми и новыми фактами и именами. И я, как писатель, которому близко содержание этого сборника, каждый раз перечитываю его рассказы и очерки с большим волнением. Свои мысли об этой замечательной книге мне хочется начать с воспоминания о прекрасном и светлом человеке — Человеке с большой буквы, о Сидоре Артемьевиче Ковпаке, прославленном партизанском генерале, дважды Герое Советского Союза, государственном деятеле, славном сыне своей неповторимой эпохи и своего великого советского народа. Это он написал предисловие к сборнику «Дети-герои», вышедшему в 1958 году на украинском языке.

Слово Сидора Артемьевича было нежным и мудрым, проникнутым отцовской любовью и добротой, горячей заботой о молодом поколении.

«Я люблю вас за искренность и пытливый ум, одаренность и неисчерпаемую тягу к знаниям, смелость и отвагу,— писал Сидор Артемьевич, обращаясь к юным читателям.— Много радости приносит мне каждая встреча с детьми в школе, у пионерского костра, в дни походов юных исследователей по историческим местам, на заводах и колхозных нивах».

Сегодня нет уже среди нас этого дорогого нам человека, но слава о Ковпаке, звонкая и крылатая, живет в народе, а его высокий жизненный подвиг стал прекрасным образцом для юношества, для тех, кто задумывается, с кого ему брать пример.

Сидор Артемьевич рассказал ребятам о своем нелегком жизненном пути — пути мальчика из бедняцкой семьи, которого Великий Октябрь поставил во главе красных партизан, привел в строй красноармейцев, в Чапаевскую дивизию, в ряды славных строителей социалистического государства, а потом в ряды защитников Родины от фашистского нашествия.

«Войну я провел в большой и дружной семье партизан, — вспоминает С. А. Ковпак. — Уже с первых дней, когда мы только начали собирать свои силы в Спадщанском лесу под Путивлем, к нам стали приходить пионеры и школьники с одной просьбой: позволить вместе с нами уничтожать фашистов».

Из документальных произведений Сидора Артемьевича Ковпака, Алексея Федоровича Федорова, Александра Николаевича Сабурова, Михаила Ивановича Наумова, Петра Петровича Вершигоры и ряда других авторов миллионam читателей стали известны подвиги многих мальчиков и девочек, юношей и девушек, которые в грозный для Отчизны час стали верными и незаменимыми помощниками взрослых в подполье, в партизанских отрядах. Своим мужеством и высоким патриотизмом они прославили себя на весь мир, на все грядущие времена.

А о скольких сыновьях и дочерях полков, воспитанниках воинских частей повествуется в книгах известных полководцев, участников Великой Отечественной войны, писателей и журналистов!

В грозные дни наша бесстрашная пионерия, наша героическая молодежь была рядом с дедами, отцами и старшими братьями, взяла на свои слабые плечи безмерную тяжесть — благородный и трудный долг воина-бойца и пронесла это почетное звание с достоинством и честью. Сотни юных патриотов, отличившихся в борьбе с врагом, награждены орденами и медалями.

Дорогой читатель! Перед тобой, как живые, предстали десятки маленьких героев и героинь. И те, кто в неравном поединке с жестокими и коварными врагами погиб смертью храбрых, и те, кто, оставшись в живых, вырос на радость Отчизне и своим самоотверженным, упорным трудом умножает славу родной страны.

Прочитав эту книжку, ты смог убедиться, что в суровые дни войны пионеры и комсомольцы сороковых годов оказались достойными сыновьями и дочерьми своих отцов, плечом к плечу с которыми они сражались за честь, свободу и независимость своей Родины.

За сорок лет, прошедших с великого дня нашей Победы над фашистскими захватчиками, уже не одно молодое поколение выросло, не зная войны, живет и трудится под мирным небом, спокойно и уверенно строит светлое будущее человечества — коммунизм.

Но никогда, пока светит солнце, не забудут люди всенародного подвига в Великой Отечественной войне. Не забудут и не позволят его умалить, хотя кое-кому очень бы хотелось, чтобы прошлое было забыто.

Заокееанские военные стратеги, разжигающие новую войну, пропагандирующие атомное безумие, буржуазные историки,

недобитые гитлеровские генералы, искажая исторические факты, пытаются оправдать фашистское мракобесие, обойти молчанием всемирно-историческую роль Победы советского народа в Великой Отечественной войне, величественный подвиг советского солдата, освободившего Европу от коричневой чумы. Они стремятся скрыть ту великую правду, которую должны знать все люди, все грядущие поколения.

Заправила военно-промышленного комплекса США и их ставленники в государственном аппарате делают все возможное, чтобы разъединить людей доброй воли, приучить народы к мысли, что вся планета является зоной «жизненных интересов» Соединенных Штатов.

Американские толстосумы считают себя единственными вершителями судеб и отдельных людей, и государств. Для достижения своих целей они не останавливаются ни перед чем, пускают в ход шантаж и клевету, организуют политические убийства, готовы даже развязать ядерную войну, в которой может погибнуть все человечество.

И как же им хочется, чтобы люди забыли прошлое, чтобы дети оказались недостойными своих отцов, забыли отцовские заветы, отреклись от родной земли и обычаев своего народа, чтобы восприняли они тот образ жизни, который по душе заокеанским бизнесменам.

Напрасные потуги, пустые надежды, бесплодные старания! Настоящий, честный человек, патриот своей Родины готов лучше погибнуть, чем предать свой народ и свою землю.

Так было всегда, так есть, так будет!

Киевский летописец Нестор, автор древнейшей истории земли Русской, рассказал в своей летописи о бессмертном подвиге безымянного юного киевлянина:

В давние времена, когда на землю Русскую, на Киев славный нередко нападали то половцы, то печенеги, то другие кочевые племена, случилось однажды так, что враги со всех сторон обложили город. Киевский князь со своей дружиной был в отъезде и не знал об этой беде. Храбро и самоотверженно защищались киевляне. Но силы были неравными, без княжеской дружины трудно было выстоять защитникам города.

И вот один мальчик, имени которого мы так никогда и не узнаем, переодевшись в одежду вражеского воина, смело проник в стан противника, пробрался через все заставы, завладел конем и стрелой помчался туда, где находился князь со своим войском. Князь, извещенный юным смельчаком о вражеском набеge, тотчас повел дружину к Киеву и разгромил врага. Киев был спасен.

История знает немало примеров беспредельной отваги и умелых действий юных патриотов. Немало об этом сложено легенд.

А сколько юных героев прославлено в мировой литературе!

Вспомним хотя бы Гавроша, храброго маленького парижанина, который вместе с восставшими сражался на баррикаде и отдал жизнь за революцию. Имя его стало нарицательным! О таких маленьких смельчаках, героях нашей действительности, страница к странице складывалась эта книга.

Сидор Артемьевич Ковпак, стоя у Кремлевской стены, там, где вечным сном спят герои Октября, обратил внимание на мемориальную доску, где золотом было написано имя Павла Андреева. Сборник этот, как вы знаете, открывается рассказом о московском мальчике Павлике Андрееве, который, подобно Гаврошу, тоже стоял на баррикаде и погиб смертью героя во время октябрьских боев 1917 года в Москве.

Сколько их было, юных борцов за счастье и свободу, детей революции, детей-воинов! Идеи Ленина, идеи партии коммунистов стали для них понятными и дорогими, и они мужали не по годам, вырастали людьми, достойными Революции.

Двадцать лет после гражданской войны над нашей Родиной солнце светило на мирном небе. Строилась новая жизнь. Новые социалистические отношения рождались и прочно входили в быт, в сознание людей. Стала реальностью вековая мечта человечества — невиданный до этого социалистический образ жизни.

Главным героем советской литературы стал человек эпохи социализма. Высокие его стремления, яркие черты его характера нашли свое воплощение в произведениях Горького и Шолохова, Фурманова и Серафимовича, в поэзии Маяковского и Тычины. И наравне с Павлом Власовым и Павкой Корчагиным, Чапаевым и Давыдовым героями нашей литературы стали юные граждане Страны Советов. Образы детей, созданные Гайдаром, Головко, Копыленко, Пантелеевым, Кассилем и многими другими советскими писателями, способствовали становлению и воспитанию новых послереволюционных поколений молодежи.

Благодаря новому, социалистическому строю, советской школе, литературе, мы, дети рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции, вырастали и выросли горячими патриотами, убежденными коммунистами.

Двадцать лет — срок небольшой, но он оказался достаточным, чтобы сформировалось поколение, которое до конца постигло величие Октября, могущество идей Ленина, которое горячо полюбило свою социалистическую Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

В дружной семье народы-братья обрели свое счастье — свободу, равенство, уверенность в завтрашнем дне. Для детей открылись двери школ и высших учебных заведений, возможность развивать любые таланты, выбирать любую жизненную дорогу, для них ясной зарей засияло прекрасное и светлое будущее.

И нет ничего удивительного в том, что в грозный час, когда на священную битву за честь и свободу родной земли, за светлые ленинские идеи поднялся против фашистского нашествия весь советский народ, самое молодое поколение — мальчишки и девочки, рожденные в советское время, воспитанные советской школой, вместе с отцами и старшими братьями, не колеблясь, стали в ряды защитников Родины.

В этом сборнике рассказывается о подлинных фактах, названы подлинные имена юных героев — мальчиков и девочек, пионеров и комсомольцев. Тех, кто и сейчас живет и работает в городах и селах нашей страны, и тех, кто отдал жизнь за Родину и кому благодарные соотечественники соорудили памятники, чьими именами названы школы и улицы, о ком сложили песни, чья бессмертная слава навсегда останется в людских сердцах.

Слова: «Никто не забыт, ничто не забыто» — близки и понятны каждому. Прошло много лет, а интерес к подвигам отважных не угасает. В нашей стране тысячи красных следопытов объединены в кружки и клубы. Они проводят большую патриотическую и воспитательную работу, разыскивают новые материалы о боевых подвигах защитников Родины. А главное — они закаляют свою волю, обогащаются духовно, растут настоящими ленинцами, верными патриотами своей Советской Отчизны, верными продолжателями дела своих отцов, своего народа.

Незабываемый Сидор Артемьевич Ковпак в слове, обращенном к пионерам, сказал:

«Вы, безусловно, помните законы юных пионеров: любить свою Родину и Коммунистическую партию, чтить память тех, кто отдал свою жизнь за свободу и процветание Советской Отчизны, дружить с детьми всех стран мира, быть хорошим товарищем, заботиться о младших, помогать старшим.

Пионер во всем должен быть примером».

Именно эти слова народного Героя мне и хочется подчеркнуть, заканчивая свои раздумья над этой книжкой. И пожелать ее читателям вырасти настоящими советскими людьми, честными и трудолюбивыми, храбрыми и красивыми душой, достойными тех героев, которые были, есть и навсегда останутся гордостью нашего народа и нашей великой Родины.

*Ю. О. ЗБАНАЦКИЙ,
Герой Советского Союза*

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ф. Федоров. Эстафета пионерского подвига . . .	5
---	---

ОРЛЕНОК, ОРЛЕНОК, ВЗЛЕТИ ВЫШЕ СОЛНЦА

* Н. Подвойский. Юные герои Октября	12
* К. Ильинский, Л. Павлов. Дети революции	13
* А. Литвейко. Первое задание	15
* Е. Ломатидзе. Разведчик у Ленина (О Ване Соколове)	16
* М. Яхонтова. Котя Мгебров	18
* С. Кузинин. Первый подвиг молодого чапаевца	23
* М. Попова. Благодарность Чапаева (О Павлуше Сахарове)	27
А. Михайлов. Чапаенок (О Лиде Ягуновой)	28
* Ш. Вядро. Возмужание Николая Островского	30
В. Жуков. Юный разведчик (О Мише Гаврилове) . . .	35
* С. Зорина. Сын бригады Котовского (О Коле Ткачуке)	39
* А. Гундорин. Орленок (О Коле Пермякове)	44
В. Крюченкин. Ваня и Михась	51
А. Неволин. Подвиг юнги Сашка	57
С. Омбыш-Кузнецов. Шестичасовой бой (О Кире Баеве)	60
И. Мельников. «Мы сыны батрацкие» (О Косте Стаценко)	66
В. Матвеев. Боец революции (О Володе Карасеве) . .	72
* С. Носов. Азинцы	73
* Н. Хорошкевич. Хитрость Пети Трубачева	73
А. Ульянов. Тревожная юность (О Ване Воронине) . .	74
* А. Тодорский. «Да, я коммунист!» (О Ване Карасеве)	75

ЗВУЧАТ ПИОНЕРСКИЕ ГОРНЫ

И слава и память (О книге Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина)	78
Один из ударных батальонов Днепрогэса	80
Е. Смирнов. Юный большевик Павлик Морозов	82
С. Тугельбаев. Болатбек был смелым пионером (О Болатбеке Омарове)	94
А. Герус. Пионер Жора Сосновский	103
Ш. Бейшеналиев. Кычан Джакыпов	106
С. Сухачевский. Мальчик из села Колесниково (О Коле Мяготине)	113

- * Звездочкой обозначены произведения, переведенные для этой книги Л. В. Харламовой

* А. Гусев. «Красный цветок» (О Мусе Джалиле)	116
Г. Яковлев. Мамлакат (О Мамлакат Наханговой)	118
* Г. Мандзюк. Зачислен навечно (О Вите Гурине)	119
* С. Залеская. Всегда в пионерском строю (О Ване Васильченко)	121
А. Шарифов. Серебряные монеты (О Грише Акопяне)	126
* С. Подола. Он был первым (О Павлике Тесле)	131
* Е. Карпухина. За правду надо бороться (О Сене Чаке)	136
* С. Залеская. Орден Васи Визнюка	138
* А. Безуглый, А. Стародуб. Легенды красного Покутья	139

РОДИНА-МАТЬ НЕ ЗАБУДЕТ ГЕРОЕВ

Ю. Корольков. Как Леня Голиков стал Героем Советского Союза	146
С. Чумаков. Храбрый партизан (О Вале Котике)	153
* Г. Набатов. Это было на станции Оболь (О Зине Портновой)	168
В. Морозов. Марат Казей (О Марате Казее)	171
* Б. Адамович. Знаменосец пионерской дружины (О Васе Коробко)	179
* Г. Литвинова. Самое сильное оружие (О Мише Глазке)	190
* В. Павлов. «Не подведу тебя, комиссар!» (О Володе Казначееве)	194
* Г. Литвинова. Свидание через годы (Об Адели Литвиненко)	198
* Д. Гунин. Водрузил красное знамя (О Боре Царикове)	205
* И. Муратов. Он дошел до Берлина (О Володе Черинове)	209
А. Пилипенко. Пионер повторил подвиг Александра Матросова (О Толе Комаре)	214
В. Морозов. Боец подпольного фронта (О Володе Щербачевиче)	218
А. Кеплер. Гвардии мальчик	221
* С. Бобренок. Валя-пионерка (О Вале Зенкиной)	224
* Е. Курто, П. Ткачев. Горнист сорок четвертого полка (О Володе Казьмине)	226
Л. Кассиль, М. Поляновский. Наш Володя (О Володе Дубинине)	233
Ф. Вигдорова, Т. Печерникова. Пионеры села Покровского	240
* Д. Бакрадзе. В Брянских лесах (О Васе Мирошкине)	255
* З. Сыромятникова. Саша Козак — связной ЦК (литературная запись С. Черняк)	257
В. Великанов. «Интернационал» (О Мусе Пинкензоне)	263
* К. Вахлис, А. Пищанский. Герои рядом (О братьях Анатолии и Вадиме Гороховских)	266
* Е. Червина. Двенадцать отважных	270
* В. Губарев. Пионерское знамя (О Андриане Гуцу)	277
М. Владимов, Э. Январев. Задание «Центра» выполнено (О Шуре Кобере и Вите Хоменко)	280
* С. Черняк. Тамара из киевского подполья (О Тамаре Билян)	288
* А. Мойжес. Юта Бондаровская	293
* А. Еленина. Партизанскими тропами (О Коле Ковалеве)	295
* Е. Кротова. Маркс Кротов (Рассказ матери)	300
Н. Надеждина. Кареглазая Лара (О Ларисе Михеенко)	302
А. Марчук. Отважная медсестра (О Вале Ивановой)	310
* Б. Нудлин. Две медали Гали Данилко	312
Т. Кот. Школа в партизанском крае	319
* Г. Деняченко. Полесье помнит	320

С. Дыхнэ. Вася Курка — снайпер	325
И. Михайлов. Самый главный старшина (О Вале Таран)	331
* Д. Котовский. Адамок — народный мститель (Об Адаме Кучеруке)	334
* С. Деменкова. Старший в семье (О Викторе Коновальчуке)	335
* Л. Вахнина. Федя-партизан (О Феде Ключеве)	339
К. Гриб. Победившая смерть (О Тэне Морозовой)	347
* Б. Чумак, В. Малахов. Баллада о сыне полка (О Саше Дегтяреве)	355
И. Мельников. Пока сердце бьется (О братьях Стояновых)	361
Л. Харченко. Маленький танкист (О Васе Жигайлове)	369
И. Карпов. Лера-артиллерист (О Лере Соколовой)	372
И. Караяев. И было солдату десять лет (Об Артуре Капустине)	381
* Л. Шитова. Маленький разведчик (О Лене Стратиевском)	384
Е. Сидоренко. Юные герои из села Подлесного (О Феде Шепеле и Яше Матвиенко)	387
Д. Ключенко. Верность клятве (О братьях Анатолии и Юрии Маркитанах)	391
* М. Журавель, В. Близнец. В подполье (О Ване Кравченко)	394
* Г. Гончар. Песня в огне не горит (О Коле Негоде)	399
Л. Даен. Мальчик из легенды (О Казике Гапоненко)	403
* Т. Синько. Это было в Днепродзержинске (О Толе Куце и Володе Дундуке)	407
* Л. Биденко. Сын партизана (О Жене Ефимовиче)	411
Е. Долматовский. Мгновение из жизни Раи Балаговой	413
Я. Ершов. Пионер-партизан Витя Коробков	420
* Д. Федоренко. Володя Алексеев	427
* А. Константинов. Вера Иванова и ее друзья	428
В. Ляковский. Живая легенда (О Мише Романюке)	432
* Ф. Милевский. Запечатленные в памяти народа	441
* Г. Гулько. Павлык Поддубный	447
* В. Марьянин. Мальчик с Буковины (Об Ильеше Головачуке)	449
* Е. Даскалова. Костя Кравчук	454
* О. Хмелик. Во имя Родины (О Коле Сороке)	456
С. Глушнев. Случай на Маглуше. (О Пете Кузнецове)	459
К. Саранчин. Дочь Панфиловской дивизии (О Маше Макаровой)	460
* Б. Вовк. «Жил в Ростове Витя Черевичкин...»	462
* Б. Адамович. Имя на броне (О Нине Сагайдак)	465
* Е. Карпущина. Володя Выговский	471
Б. Краевский. Пионерский салют (О Борисе Гайдае, Толе Буценко и Ване Сацком)	474
В. Тихомиров. Морской орленок (О Саше Ковалеве)	484
* Д. Бурченко. Партизанский Гаврош (О Володе Рымаре)	492
* Л. Вахнина. Дорога в бессмертие (О Яше Гордиенко)	496
* Б. Нудлин. Отряд к бою готов	498
И. Подгорный. Для фронта, для победы (О Валентине Полякове)	501
Л. Зиньковская. Тимуровцы	503

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

С. Чумаков. Не отрекся от звания пионера (О Васе Шишковском)	512
--	-----

* С. Ковпак. Флажок над полем (О Марийке Курчиной)	517
С. Иванюк. Автограф Леси Брус	520
А. Агладзе. Натела (О Нателе Челебадзе)	524
* Е. Куксова. Свет в горах	529
Ю. Крутоголов. Поле его детства. (О Турсунали Матка- зимове)	533
* М. Самсонова. Подвиг Олеся Иванюка	536
Г. Стоянова. Пионерские «Спутники» и их дела	539
В. Родионова. Человек не сдается (О Леониде Птицыне)	544
В. Чистяков. Корабли твоей мечты	549
С. Синицкая. Быть полю урожайным!	553
М. Лемберская. Горинские кулибины	555
С. Черняк. В жизни всегда есть место подвигам	559
В. Демьяненко. Дорогами героизма юных	563
С. Иванюк. Ургальский старожил (О Саше Коломийце)	570
А. Василенко. Пионерские производственные	573
К. Гриб. Партизанская дубрава	574
С. Гончаренко. Шаг к границе	580
Т. Чесняк. Маленький большой человек (О Юре Старо- войтове)	582
М. Лемберская. Героями не рождаются (О Коле Бер- наре)	584
Э. Теосян. Герой умирает, но имя его живет (О Тофике Гусейнове)	586
А. Астафьев. Заслуженная награда (О Вале Терещук)	589
С. Корсун. Доброта детства	591
И. Дригус. Подвиг продолжается	595
* Ю. О. Збанацкий. Бессмертие (Послесловие)	600

ДЕТИ — ГЕРОИ

Издание третье

Составители: *Игнатий Кириллович Гончаренко,*
Натан Борисович Махлин

Художники: *А. О. Горобиевская, А. Б. Жуковский, В. И. Зарецкий, Е. Е. Когляр,*
И. Д. Прокопенко.

Зав. редакцией украинской литературы *Ф. С. Кислый.* Редактор *Л. А. Шпор-
тенко.* Литредактор *Г. В. Брезницкая.* Художеств. редактор *М. И. Мару-
щинец.* Технич. редактор *М. С. Губарь.* Корректоры *А. Б. Кириос, Л. В. Лип-
ницкая.*

Информ. бланк № 5960

Подписано к печати с диапозитивов 28.01.86. Формат 60×90/16. Бумага № 2 офсет.
Гарнитура школьная. Способ печати офсетный. Услови. лист. 38+0,25 форз.+
+1 вкл. Услови. кр.-отт. 43,55. Уч.-изд. лист. 38,03+0,42 форз.+1,14 вкл. Тираж
400 000 экз. (4-й завод 250 001—400 000 экз.) Изл. № 30875. Зак. 6-49. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Радянська школа», 252053, Киев, Ю. Коцюбинского, 5.

Книжная фабрика «Коммунист», 310012, Харьков, Энгельса, 11.

БУДЬ ГОТОВ!

